

ISSN 2223–2982

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 11 2025 (НОЯБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

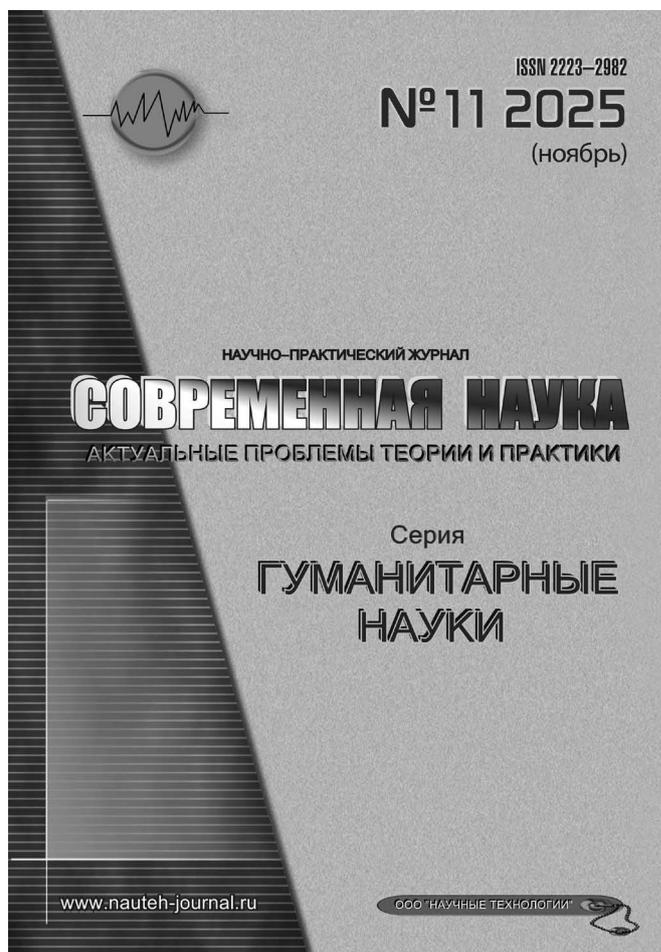
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: *Гуманитарные науки №11 (ноябрь) 2025 г.*

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.6.x, 5.8.x, 5.9.x)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 11.11.2025 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н., доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (ИИДСВ РАО)

Какваева Сабрина Бастаминовна — д.филол.н., доцент, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава РФ

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт экономики РАН, г.н.с.

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

История

Валеева А.Ф. – Формирование посмертного образа Александра II в православной периодической печати конца XIX — начала XX в. (на примере уфимской губернии)
Valeeva A. – Formation of the posthumous image of alexander ii in the orthodox periodical press in the late 19th and early 20th centuries (on the example of Ufa province) 8

Валиуллин И.Р. – Служилые татары Поволжья накануне Уложенной комиссии (1767–1769 гг.): реалии и ожидания
Valiullin I. – Service Tatars of the Volga region on the eve of the Legislative commission (1767–1769): realities and expectations 12

Варвариков Д.С. – Системный кризис ОСОАВИАХИМа в послевоенный период (1945–1948 гг.) и его реорганизация: региональный аспект (на примере Якутии)
Varvarikov D. – The Systemic Crisis of OSOAVIAKHIM in the Post-War Period (1945–1948) and its Reorganization: A Regional Aspect (Case Study of Yakutia) 16

Ефименко А.Д. – Роль земского управления и общественных организаций в организации мобилизации на территории Казанского военного округа в период Первой мировой войны
Efimenko A. – The role of zemstvo administrations and public organizations in organizing mobilization in the Kazan military district during World War I 19

Козлов В.А., Мацакова В.М. – Формирование внутренней (конвойной) стражи Российской Империи как проблема подбора и комплектования личным составом
Kozlov V., Matsakova V. – Formation of the internal (convoy) guard of the Russian Empire as a problem of selection and staffing 24

Кравцова Е.С., Левченко Е.В. – Психические эпидемии и концепция вырождения в России конца XIX – начала XX века: к истории медицинских представлений о массовых психозах
Kravtsova E., Levchenko E. – Psychic epidemics and the concept of degeneration in Russia at the turn of the 19th–20th centuries: on the history of medical ideas about mass psychoses. 28

Куренкова Е.А. – Цивилизационный подход в работах отечественного исследователя В.В. Согрина
Kurenkova E. – The civilizational approach in the works of the Russian researcher V.V. Sogrin 34

Лоов А.А. – Репрессии 20–30 годов на Северном Кавказе и состояние культуры социума
Loov A. – The repressions of the 20-30s in the North Caucasus and the state of the culture of society . . . 38

Плеханов А.Е. – Стратегический характер сотрудничества России со странами Антанты в годы Первой мировой войны 1914–1917 годы
Plekhanov A. – The strategic nature of Russia's cooperation with the Entente countries during the First World War of 1914–1917 42

Тимербулатов Т.А., Юсупов Р.Г. – Исторический опыт становления системы информационной безопасности в России в 1917–1922 годах. Часть 2. Информация, подлежащая защите, и способы защиты информации
Timerbulatov T., Yusupov R. – Historical experience of the formation of the information security system in Russia in 1917–1922. Part 2. Information to be protected and methods of protecting information. 46

Толочко А.В. – Опыт организации работ с отделяющимися частями межконтинентальных баллистических ракет и ракет космического назначения (на примере 53-го Научно-исследовательского испытательного полигона МО СССР)

- Tolochko A.* – Experience in organizing work with separable parts of intercontinental ballistic missiles and space rockets (using the example of the 53rd Scientific Research Test Site of the USSR Ministry of Defense)..... 52
- Тюрин А.О., Лебедев С.В.** – Деятельность органов государственной безопасности в отношении казачества и бывших офицеров белой армии в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в астраханском регионе
Tyurin A., Lebedev S. – Activities of state security bodies in relation to Cossacks and former white army officers in the late 1920s – early 1930s in the astrakhan region 57
- Файзуллин С.А.** – Административно-территориальное устройство Буденновского/Цильнинского района Татарской АССР
Fayzullin S. – Administrative-territorial structure of the Budennovsky/Tsilninsky district of the Tatar ASSR..... 63
- Хильченко М.В., Тетеркина О.А.** – История новой внешней политики РФ в рамках укрепления роли российских университетов в международном пространстве
Khilchenko M., Teterkina O. – History of the new foreign policy of the Russian federation in the framework of strengthening the role of Russian universities in the international space. 68
- Педагогика
- Абдуллина Л.Н., Неволлина В.В.** – Условия формирования познавательной самостоятельности подростков в техническом творчестве
Abdullina L., Nevolina V. – Conditions of forming cognitive independence of teenagers in technical creativity 73
- Барангов А.О.** – Сущность и структура становления социально зрелой личности курсанта младших курсов в образовательном процессе Военной академии (института) Росгвардии как педагогическая цель
Barangov A. – The essence and structure of the formation of a socially mature personality of a junior cadet in the educational process of the Military Academy (Institute) of the National Guard as a pedagogical goal 78
- Беленькая Е.В.** – Диагностика уровней готовности будущих воспитателей к развитию чувства восхищения у детей дошкольного возраста
Belenkaya E. – Diagnosis of the levels of readiness of future educators to develop a sense of admiration in preschool children 83
- Габдуллин Р.И., Найн А.А., Кузьмин А.М.** – Воспитание базовых ценностей во внеучебной деятельности студентов вуза физической культуры
Gabdullin R., Nain A., Kuzmin A. – Education of basic values in extracurricular activities of university students in physical culture 90
- Кармова М.Р., Логина М.В.** – Зачем современному образованию проектное обучение? Анализ эффективности использования проектного метода в высшей школе
Karmova M., Logina M. – Why does modern education need project-based learning? Analysing the effectiveness of using the project method in higher education 94
- Кармова М.Р., Федосеева Т.В.** – Субъектность студента в освоении иностранного языка для профессиональных целей
Karmova M., Fedoseeva T. – Subjectivity of a student in professionally oriented foreign language learning 98
- Кудина Я.В., Демченко Н.Ю., Лиманова А.С.** – Применение педагогической супервизии в образовательном процессе
Kudina Ya., Demchenko N., Limanova A. – Application of pedagogical supervision in the educational process 103
- Куликова М.В., Штукин Н.Н., Нюрксне Л.А.** – Взаимокорреляция преподавания физической культуры студентам высших учебных заведений с цифровыми реалиями
Kulikova M., Shtukin N., Nyurksne L. – Correlation of physical education teaching to university students with digital realities 108

- Миклошевич К.С.** – Позиция личности как субъекта индивидуальной образовательной траектории
Mikloshevich K. – Personal position as a subject of an individual educational trajectory.....114
- Нюрксне Л.А., Першин Ю.Л., Гежа Р.В.** – Важность физической культуры для обучающихся высших учебных заведений в век цифровых технологий
Nyurksne L., Pershin Yu., Gezha R. – Importance of physical education for university students in the digital age.....119
- Парнюк Н.В.** – Методико-технологические аспекты проблемы формирования самостоятельности старших дошкольников в процессе досуговой деятельности
Parniuk N. – Methodological and technological aspects of the problem of forming autonomy in older preschoolers during leisure activities124
- Рубан Е.Ю.** – Философский аспект формирования экологической культуры будущих воспитателей детей дошкольного возраста
Ruban E. – The philosophical aspect of the formation of the ecological culture of future preschool educators.....128
- Сафонов К.Б.** – Анализ педагогических условий эффективной организации культурно-досуговой деятельности молодежи
Safonov K. – Analysis of pedagogical conditions for effective organization of cultural and leisure activities of the youth133
- Скопа В.А.** – Семья как основа духовно-нравственного воспитания: стратегия развития личности ребенка
Skopa V. – Family as a basis of spiritual and moral education: a strategy for the development of a child's personality136
- Степанов В.И., Степанова Н.В.** – Национальная образовательная политика 2020 и ее роль в развитии формального профессионального образования в Индии
Stepanov V., Stepanova N. – National education policy 2020 and its role in the development of formal vocational education in India.....141
- Сурков А.М., Антипов О.В., Луцюк В.Е.** – Спортивно-ориентированное воспитание обучающихся вузов как неотъемлемая часть формирования здоровой нации
Surkov A., Antipov O., Lutsyuk V. – Sports-oriented education of university students as an integral part of the formation of a healthy nation146
- Суханова Е.Ю., Антипов О.В., Луцюк В.Е.** – Преподавание физической культуры в вузе как важный фактор стратегии развития здоровой нации в России
Sukhanova E., Antipov O., Lutsyuk V. – Teaching physical education in higher education institutions as an important factor in the development strategy of a healthy nation in Russia.....151
- Шмаков Е.С.** – Формирование гражданской идентичности старшеклассников в условиях дополнительного образования
Shmakov E. – Formation of civil identity of high school students in the context of additional education...156
- Филология
- Айвазян О.О., Гуляева Т.Ю.** – Эвфемизмы и процесс эвфемизации в современной информационно-коммуникативной медиасреде как детерминанта функционирования позитивной коммуникативной культуры молодежи
Ayvazyan O., Gulyaeva T. – Euphemisms and the process of euphemisation in the modern information and communication media environment as a determinant of the functioning of youth's positive communication culture.....162
- Буторова О.М.** – Английские заимствования во французском политическом дискурсе
Butorova O. – English borrowings in French political discourse168
- Гальцова Д.Н.** – Особенности функционирования наименований жилых построек для постоянного проживания в воронежских говорах
Galtsova D. – Features of the functioning of names of residential buildings for permanent residence in Voronezh dialects.....172

- Ермолова К.А.** – Лексическая сочетаемость слов с корнем -театр- в профессионально-бытовом дискурсе актёра (на материале мемуаров Ю.В. Яковлева «Между прошлым и будущим») *Ermolova K.* – Lexical Compatibility of Words with the Root -theatre- in the Professional and Everyday Discourse of Actor (Based on Yu. V. Yakovlev's Memoirs "Between the Past and the Future") 178
- Жэнь Цзичжао** – Проявление экзистенциализма в повести «Иуда Искариот» Л.Н. Андреева в контексте поэтики и проблематики произведения *Ren Jizhao* – Manifestation of existentialism in the story "Judas Iscariot" by L.N. Andreev in the context of the poetics and problems of the work 184
- Ионова А.А.** – Грамматика конструкций и проблема осмысленности при обучении иностранному (английскому) языку *Ionova A.* – Construction grammar and the problem of meaningfulness in teaching a foreign (English) language 190
- Копытко В.Н.** – Типы полей в лингвистических исследованиях *Kopytko V.* – Types of fields in linguistic research... 194
- Крапивник Л.Ф.** – Лингвокультурологический подход в лингводидактике: методологические аспекты и методический инструментарий *Krapivnik L.* – Linguocultural approach in the linguodidactics: methodological aspects and methodical tools 200
- Попенков О.Н.** – Явление когезии (когерентности) в рассказе Нагиба Махфуза «Сумерки» (شفق – Щафак, Араб. Яз.) *Popenkov O.* – The phenomenon of cohesion (coherence) in Naguib Mahfouz's short story "Twilight" (Schafak, Arabic) 205
- Поспелова О.С.** – Сюжет о Золушке как повествование о демифологизированном и ремифологизированном героине *Pospelova O.* – The story of Cinderella as a story about a demythologized and remythologized hero 208
- Пупырева С.О.** – Семантические параметры фразеологических единиц в романе Лус Габас "Palmeras en la nieve" *Pupyreva S.* – Semantic parameters of phraseological units in Luz Gabás's novel "Palm trees in the snow" 211
- Субачев Ю.П.** – Медиаобраз вооруженных сил США в военной рекламе (на материале вербовочных роликов СВ и ВМС) *Subachev Yu.* – The us armed forces media image through military commercials (as exemplified in Army and Navy recruitment advertising) 213
- Толкунова М.С.** – Профессиональный дискурс в ИТ индустрии *Tolkunova M.* – Professional discourse in IT industry 217
- Шакалов И.И., Айвазян О.О.** – Современные возможности мультипликации как средства медиакоммуникации в российском избирательном процессе и механизма формирования позитивной коммуникативной и правовой культуры общества (на примере Краснодарского края) *Shakalov I., Ayvazyan O.* – Modern possibilities of animation as a means of media communication in the Russian electoral process and the mechanism of formation of a positive communicative and legal culture of society (on the example of the Krasnodar territory) 222
- Шакирьянов Л.М.** – Уровни языка (на примере антонимии) *Shakiryaynov L.* – Language levels (based on antonymy) 228
- Шашкова В.Ю.** – Семантические и синтаксические свойства существительного «удивление» в роли субъекта (на материале НКРЯ) *Shashkova V.* – Semantic and Syntactic Properties of the Noun "удивление" as a Subject (Based on the RNC) 233
- Шогенова М.Ч.** – Особенности поздравительных текстов к современному религиозному празднику (на материале мусульманских праздников кабардинцев и балкарцев)

Shogenova M. – Features of congratulation texts for a modern religious holiday (based on Kabardian and Balkar Muslim holidays)237

Юдина Н.В., Камашев И.И. – Экономика языка как инструмент оценки гуманитарного инновационного потенциала регионов России
Yudina N., Kamashev I. – The economics of language as a tool for assessing the humanitarian innovation potential of Russian regions244

Информация

Наши авторы. Our Authors.....250

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале.....252

ФОРМИРОВАНИЕ ПОСМЕРТНОГО ОБРАЗА АЛЕКСАНДРА II В ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В. (НА ПРИМЕРЕ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Валеева Альбина Фанузовна

Аспирант, Уфимский университет науки и технологий
alb213@mail.ru

FORMATION OF THE POSTHUMOUS IMAGE OF ALEXANDER II IN THE ORTHODOX PERIODICAL PRESS IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF UFA PROVINCE)

A. Valeeva

Summary: The reign of Alexander II was a reform period and had a key influence on the development of the Russian Empire in the future. After the tragic death of the emperor, the formation of historical memory of him began through various practices: memorial, commemorative, etc. This article examines the process of forming and broadcasting to the masses (mainly peasant) the posthumous image of Alexander II in the official periodical press of the Ufa and Menzelin diocese in the late 19th and early 20th centuries. The mass media of that period helped with great success to construct the image of imperial power both at the national and regional levels.

Keywords: Alexander II, the Imperial image, Ufa province, Ufa and Menzelsk diocese, periodical press, historical memory.

Аннотация: Период правления Александра II было реформаторским и оказало ключевое влияние на развитие Российской империи в дальнейшем. После трагической смерти императора началось формирование исторической памяти о нем благодаря различным практикам: мемориальным, коммеморативным и т.п. В представленной статье рассматривается процесс формирования и трансляции в народные массы (преимущественно крестьянские) посмертного образа Александра II в официальной периодической печати Уфимской и Мензелинской епархии в конце XIX — начале XX в. Средства массовой информации того периода с большим успехом помогли сконструировать образ императорской власти как на национальном, так и на региональном уровне.

Ключевые слова: Александр II, образ имперского, Уфимская губерния, Уфимская и Мензелинская епархия, периодическая печать, историческая память.

Царствование императора Александра II, оценивалось неоднозначно как современникам, так и в последующее время. Одни называли его великим реформатором, преобразователем Российского государства, другие обращали внимание на несостоятельность его реформ. Тем не менее, в исторической памяти россиян его образ устойчиво сохранялся как положительный, ярким тому свидетельством выступают многочисленные памятники, поставленные императору в России.

Историческая память о «Царе-Освободителе», особенно в разных регионах обширной империи достаточно противоречива. М.А. Витухновская-Кауппала рассмотрела её на материалах исторической памяти финнов [2]. Так сложилось, что открытие царём сейма в Финляндии в 1863 г. привело к тому, что «император, который ставил своей целью никак не отделение, а наоборот, более тесную интеграцию окраины и метрополии, добился прямо противоположных результатов [2, с. 267]. И поэтому он в исторической памяти финнов остался как правитель,

поддерживающий их конституционные права и охранявший их особую государственность. В Финляндии сложился «культ Александра II», существовавший и при его жизни, и после его смерти. Апофеозом его стало открытие в 1894 г. памятника императору в Гельсингфорсе [2, с. 274–275].

До сих пор остается слабо изученным процесс формирования культа Александра II прижизненного и посмертного, мифологизации его образа православной церковью, особенно на многонациональной периферии империи.

В качестве примера мы рассмотрим Уфимскую губернию, поскольку её создание непосредственно связано с именем царя. В годы его правления обширная Оренбургская губерния была разделена на Оренбургскую и Уфимскую. Составной частью крестьянской реформы явилась отмена кантонной системы управления в Башкирии, упразднение Башкирского войска и перевод башкир,

мишарей (в то время — мещеряков) и тептярей (многонациональное сословие) из военно-служилого состояния в разряд сельских обывателей. Не случайно в Уфе, которую посетил в свое время Александр I, в качестве исторической памяти о венценосном визите, храм Святого Благоверного князя Александра Невского им заложенный назывался Александровской церковью, а одна из улиц получила наименование Александровской. В 1886–1890 гг. в память об Александре II и в честь 300-летия Уфы была построена Александро-Невская часовня. Она сохраняла память об императоре не посещавшего Уфу, но сохранявшуюся в общественном сознании.

Численность православного населения губернии в 1865 г. — времени ее образования составляла 38,2% населения. В 1914 г. его насчитывалось 45,5% [4, с. 26].

Формирование образа Александра II и отношения к нему происходило через многие каналы связи между властью и обществом, между сословиями, властью и конфессиями. Одним из таких была периодическая печать — одно из основных средств массовой информации в конце XIX в. - начале XX в.

Насколько грамотно было население Уфимской губернии на рубеже веков? Генерал А.И. Деникин, служивший в российской императорской армии на строевых должностях в начале XX в., в том числе и в Казанском военном округе, куда входила Уфимская губерния, отмечал: «Почти поголовно грамотных призывных давал прибалтийский край, за ним шли Ярославская и столичные губернии, в хвосте плелись польские и малороссийские, и совершенно ничтожный % грамотных поступал из Уфимской» [3, с. 360]. С его мнением солидарны историки, отмечавшие, что, в начале XX в. подавляющее большинство населения Уфимской губернии было неграмотным [4, с. 292].

Цель настоящей работы — проследить процесс создания посмертного образа Александра II на страницах православной газеты «Уфимские епархиальные ведомости» в 1881–1914 гг. Выбор религиозного органа печати связан с тем, что он достаточно полно представлен в фондах Национального архива Республики Башкортостан (г. Уфа). Кроме того, необходимо учитывать, что он являл собой издание обязательное для чтения священниками, следовательно, те материалы, тезисы, что были опубликованы в нём, священники рассматривали как идеологическую основу в своих проповедях, осуществлении религиозных обрядов. Таким образом, идейная направленность материалов данного периодического издания, так или иначе, несомненно, оказывала влияние на паству, через общение со священнослужителями.

Газета «Уфимские епархиальные ведомости» являлась официальным изданием Уфимской и Мензелинской

епархии, выходила с 1879 по 1917 г. дважды в месяц. По содержанию она делилась на официальную часть, где печатались правительственные и епархиальные постановления и распоряжения, и неофициальную, где публиковались выписки из трудов, лекции и речи, объявления, новости края. Объявляемые в официальном отделе распоряжения епархиального начальства были обязательны к исполнению духовенства и должностных лиц епархии, которых они касались.

«Уфимские епархиальные ведомости» печатались в губернской типографии, с 1913 г. в электро-типографии «Сеятель». В 1881 г. редактором газеты являлся преподаватель Уфимской духовной семинарии Иван Любимов, с 1888 г. - инспектор духовной семинарии Евгений Зефилов, с 1903 г. - священник Николай Васильков, с 1908 г. - редактором официального отдела был секретарь Консистории Н. Сигорский, с 1914 г. секретарь Консистории В. Брянцев, редактором неофициального отдела являлся ректор духовной семинарии архимандрит Мефодий, с 1913 г. инспектор семинарии И. Ардашев и священник И. Хохлов, с 1914 г. - В. Брянцев; цензором - кафедральный протоиерей Павел Желателев, с 1897 г. - священник, а затем и кафедральный протоиерей Евграф Еварестов.

На основе анализа публикаций из «Уфимских епархиальных ведомостей» удалось выявить три основных образа Александра II, которые способствовали формированию исторической памяти о нем в конце XIX – начале XX вв.

1. «Божий помазанник». В Русском государстве позицию самодержавной монархии значительно усиливала поддержка со стороны православной церкви. Церковь представляла монарха живым божеством, избранником и посланником Бога на земле, приписывая ему особые качества и возможности. Важным шагом в обожествлении правителя стало именование его царем, поскольку этим титулом в священных текстах именовался Бог [5, с. 73]. Монарх смертен, но бессмертна идея монархии.

Эта мысль не раз была подчеркнута в поучениях священнослужителей Уфимской губернии, сказанных в память об императоре Александре II, которые в текстовом виде публиковались на страницах газеты Уфимской и Мензелинской епархии. В поучении, сказанном епископом Уфимским и Мензелинским Преосвященным Никанором в Уфимском кафедральном соборе 9 марта 1881 г., в девятый день после кончины государя, он отмечает: «...Православная церковь в духе и смысле Евангельского учения в самодержавном царе указывала помазанника Божьего, образ на земле царя царей, первенца сына Христовой церкви, ее защитника и покровителя, единого на земле Божьей милостью и властодержца, и судью, и мздовоздаятеля, а в царском роде указывала богоизбранный род, из которого вырастает богонасажденный

стержень, сердцевина, опора, твердыня всего богохранимого царства, всего христоролюбимого народа» [8, с. 190-191].

2. *«Царь-Освободитель»*. Наибольшую известность период правления Александра II приобрело благодаря событиям 19 февраля 1861 г., когда император подписал Манифест об отмене крепостного права и «Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости», содержавшие условия отмены крепостного права. Манифест был с большим воодушевлением воспринят большей частью российского общества. За это в народе императора стали называть «Царем-Освободителем». Причем он заслужил такой высокий титул не только у простого народа, но и от своих политических противников. Это прозвище звучало и на страницах периодической печати. Крестьянская реформа была первой в ряду других государственных преобразований, которые сделали из Александра II великого реформатора.

Уфимский и Мензелинский епископ Никанор рассуждал на страницах газеты о том, что запросы на отмену крепостного права, крупномасштабные государственные реформы были и в предыдущие царствования, но по стечению обстоятельств и «промыслу Божьему» [8, с. 192] именно Александру II было суждено освободить «от грозных врагов внешних свое истощенное царство», крестьян, усовершенствовать суды, свободу слова и печати, военную сферу и т.д. [8, с. 192-193].

В разделе «Епархиальные распоряжения и известия» газеты также указывалось об объявлении сбора пожертвований 1) на сооружение храма в Санкт-Петербурге в память мученической кончины Царя-Освободителя и 2) на памятник в Москве Царю-Освободителю [10, с. 420-421].

1881 – год трагической гибели Александра II был самым продуктивным годом по количеству публикаций, посвященных ему, в периодической печати Уфимской губернии. Затем новостные ресурсы империи волновали другие проблемы и рутинные вопросы. Интерес к личности императора как реформатора и «Царя-Освободителя» возродился в газетных публикациях 1911 г., когда Россия отмечала 50-летний юбилей отмены крепостного права.

Священник Уфимской губернии Виктор Нарциссов посвятил Александру II статью под названием «Вечный памятник Монарху-Освободителю», в которой он призывал при нравственном воспитании в школах в качестве образцового примера доброго и благочестивого человека приводить «Монарха-Освободителя». Подобный жест, по мнению священника, будет одним из наилучших изъявлений признательной памяти государю [11; 12, с. 236-238;].

Помимо этого, в день празднования в Уфе 50-летнего юбилея отмены крепостного права в женском епархиальном училище преподавателем Н. Сухотиным и инспектором классов священником А. Гуляевым были зачитаны лекции о личности «Царя-Освободителя и Мученика», его реформах и главной из них – освобождению крестьян от крепостной зависимости. В мужском училище также состоялись чтения, посвященные памяти, как отмечается, «Царя-Освободителя», с пением юбилейного гимна и чтением стихотворений [12, с. 244-246; 1].

3. *«Царь-Мученик»*. После трагической кончины Александра II всю империю охватила волна скорби и ужаса. Оценка личности и деятельности императора уже не имела большого значения, поскольку потрясение от обстоятельств его гибели, а именно террористического акта, организованного 1 марта 1881 г. членами «Народной воли», не оставили равнодушными ни либералов, ни консерваторов, ни его сторонников, ни его принципиальных противников. В связи с этим, в официальной пропаганде, в газетных публикациях, среди народа, за ним закрепился ореол «Царя-Мученика» или «Венценосного Страдальца».

В первом выпуске «Уфимских епархиальных ведомостей» после трагических событий 1 марта 1881 г. был описан случай, произошедший во время совершения верноподданнической присяги в Уфимском кафедральном соборе. Народ подходил в собор до позднего вечера, чтобы подписать присяжный лист. Одним из посетителей был пожилой, почтенный с виду крестьянин с сыном, который после подписания присяжного листа поинтересовался у Соборного ключаря, священника Василия Покровского: «А как, батюшка, думать надобно, ведь Он, наш батюшка Царь, почивший-то, ведь Он будет мученик у Бога. Вот спросить бы об этом Вашего архиерея». На что ключарь прочел крестьянину телеграмму архиерея на имя новоизбранного императора Александра III, где тот пишет: «...подвижнику и мученику добра, Великому Императору Александру второму...», и объясняет ему далее: «видишь, и архиерей наш и все мы, как и ты дедушка, называем усопшего Царя, пострадавшего от злых убийц, мучеником за добро». «Это так, это именно так, мученик, мученик Божий», подытожил пожилой крестьянин [8, с. 174-175].

Необходимо отметить определенное совпадение этих образов с образами, формировавшимися в российском обществе. Ю.А. Сафонова справедливо отмечает, что сразу после трагической гибели формирование образа государя зависело «от того, кого именно видел в Александре II подданный – монарха, политика или человека» [6, с. 219].

Таким образом, «Уфимские епархиальные ведомости»

с момента кончины Александра II проводили единый курс на канонизацию его образа в сознании читателей. Причем, речь шла не только о почитании личных качеств безвременно почившего государя, его преобразованиях во внутренней политике («Царь-Освободитель») и достижениях в международных отношениях, но и канонизации в прямом смысле через сравнение перипетий его

судьбы с жизнью Иисуса Христа, именования его «Божьим Помазанником» и «Царем-Мучеником». Наибольшую роль в конструировании апологетического посмертного образа Александра II сыграли епископ Уфимский и Мензелинский Никанор, священники Уфимского кафедрального собора и преподаватели епархиальных училищ Уфимской губернии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валеева А.Ф. Празднование 50-летнего юбилея отмены крепостного права в Уфимской губернии // В сборнике: Мир Евразии: от древности к современности. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2023. С. 273–275.
2. Витухновская-Кауппала М.А. «Он снова с нами!»: Александр II в исторической памяти финнов в начале XX в. // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сборник статей. СПб., 2012. С. 262–281.
3. Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. 512 с.
4. История Башкортостана во второй половине XIX — начале XX века / ред. Х.Ф. Усманов. Т. II. Уфа, 2007. 368 с.
5. Ляшенко Л.М. Александр II. История трех одиночеств. М., 2023. 672 с.
6. Сафронова Ю.А. «Вчера убит на улице государь Александр Николаевич» (восприятие монарха как «мишени» для террористов) // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сборник статей. СПб., 2012. С. 214–239.
7. Скорь русского народа: [По поводу кончины Александра II]: С посмертным изображением в бозе почившего государя императора Александра Николаевича до положения в гроб его величества и видом места скорбного события 1 марта 1881 г.: для народного чтения. СПб., 1881. 23 с.
8. Уфимские епархиальные ведомости. 1881. №6. С. 171–206.
9. Уфимские епархиальные ведомости. 1881. №7. С. 207–264.
10. Уфимские епархиальные ведомости. 1881. №13. С. 419–450.
11. Уфимские епархиальные ведомости. 1911. №3. С. 87–89.
12. Уфимские епархиальные ведомости. 1911. №6. С. 200–248.

© Валеева Альбина Фанузовна (alb213@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЛУЖИЛЫЕ ТАТАРЫ ПОВОЛЖЬЯ НАКАНУНЕ УЛОЖЕННОЙ КОМИССИИ (1767–1769 ГГ.): РЕАЛИИ И ОЖИДАНИЯ

Валиуллин Ильдар Рауфович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт татарской энциклопедии и регионоведения им М.Хасанова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань
ildval2013@yandex.ru

SERVICE TATARS OF THE VOLGA REGION ON THE EVE OF THE LEGISLATIVE COMMISSION (1767–1769): REALITIES AND EXPECTATIONS

I. Valiullin

Summary: The article is devoted to the situation of the service tatars of the Volga region on the eve of the convocation of the Legislative commission (1767–1769). In the context of the main vectors of government policy, the features of the socio-economic and religious situation that predetermined the orders of the service tatars to the Legislative commission are considered. Based on the analysis of the orders, the main expectations of the tatar servicemen from the authorities were identified, which played an important role in the process of their integration into russian society.

Keywords: russian power, peasantry, tatars, service tatars, orders, Legislative commission, Catherine II.

Аннотация: Статья посвящена положению служилых татар Поволжья в предверии созыва Уложенной комиссии (1767–1769 гг.). В контексте основных векторов правительственной политики рассматриваются особенности социально-экономической, конфессиональной ситуации, предопределившие наказания служилых татар в Уложенную комиссию. На основании анализа наказов были выявлены основные ожидания служилых татар от власти, игравшие важную роль в процессе их интеграции в российское общество.

Ключевые слова: российская власть, крестьянство, татары, служилые татары, наказания, Уложенная комиссия, Екатерина II.

Со 2-й половины XVI в. царское правительство проводило политику, направленную на интеграцию народов Среднего Поволжья и Приуралья в состав Российского государства. В XVIII в. эта политика, включавшая элементы социально-экономического и конфессионального характера, имела продолжение и оказывала влияние на положение татарского населения, частью которого были служилые татары.

В эпоху Екатерины II в связи созывом в 1767 г. Уложенной комиссии, предназначенной для реформирования законодательства, государственных учреждений, города, отдельные сословия (дворянство, однодворцы, пахотные солдаты, служилые люди «разных служб» и др.), оседлые народы должны были направить в неё своих депутатов с наказами о своих «нуждах». Таким образом, у служилых татар появилась возможность донести свои чаяния до верховной власти.

В распоряжении исследователей имеются наказы служилых татар и мурз Симбирского, Пензенского, Саранского, Слободского, Свияжского уездов и татарских слобод Казани [1, с. 304–344]. Эти документы являются важным источником для изучения их социально-экономического, конфессионального положения в указанный период.

В начале 1760-х гг. насчитывалось около 397 тыс. вол-

го-уральских татар [2, с. 153], основная масса которых проживала в Поволжье. В большинстве своём татарское население было сельским, хотя в некоторых городах, например в Казани, существовали отдельные татарские слободы.

В прошлом служилые татары, находясь на службе государства, получая жалованье, занимали высокий социальный статус в татарском обществе. Однако в начале XVIII в. судьба татарского служилого сословия изменилась: при Петре I в 1713 г. и 1715 г. было принято несколько указов, которыми предусматривалось изъятие поместий, вотчин и крестьян у некрещеных татар, что подорвало экономическое положение татарской верхушки. Кроме того, они были переведены в податное состояние. В конечном итоге, по выражению историка В.И. Семевского, служилые мурзы и татары «...утратили свой прежний служилый характер...» [3, с. 592]. Служилые татары, наряду с ясачными татарами, считались государственными крестьянами.

Своеобразное положение бывшего татарского служилого сословия нашло отражение в их наказах. Служилые татары и мурзы апеллировали к прежнему статусу, указывая, что «издревле... служили предки... великим государям... были во многих походах и на баталиях...» [1, с. 306]. Включённые в наказы пункты (установить для их дворовых людей и крестьян такие же налоги, как и для

помещичьих крестьян; как предков, числить служилых татар в «нерегулярном войске» и др.) свидетельствовали о желании служилых татар и мурз вернуть некоторые атрибуты прошлого знатного статуса. Позднее на одном из заседаний Уложенной комиссии было озвучено мнение депутата от служилых мурз и татар Пензенской провинции Аюпа Еникеева, который, по сути, выразил общую позицию своей социальной группы – восстановить их прежнее привилегированное положение. «...Учинить раздел... чтоб как князя, так и мурзы и служилые татары, всякий по своему званию, имел о себе преимущество, а чтоб мы от простых и не служебных ясашных татар были отличены...», – заявил Еникеев [4, с. 543].

И служилые и ясачные татары были обязаны вносить в казну подушный налог. Ко 2-й половине XVIII в. часть татар (ясачные) платила в казну 1 рубль 10 копеек с души мужского пола. Эта сумма, согласно указам 1724 г. и 1725 г., была составлена из «подушных денег» (70 копеек) и четырёх гривенного сбора (40 копеек) [5, с. 318; 6, с. 413]. В царствование императрицы Елизаветы Петровны в 1760 г. сбор увеличили до 1 рубля. Это повышение обосновывалось ростом доходов в связи с развитием торговли и промыслов, увеличением размера подобных платежей у других категорий крестьян. Очередное увеличение сбора произошло при Екатерине II в 1768 г.: казённый оброк увеличили до 2 рублей.

Служилые татары находились в несколько особенном положении. В 1718 г. их приписали к Адмиралтейству для выполнения работ по рубке, обработке и вывозке корабельных лесов. Наряд на выполнение повинности выпадал раз в несколько лет, был сезонным, однако работа была тяжелой и отрывала от повседневного ведения хозяйства. Работа служилых татар засчитывалась в счёт уплаты налога, который направлялся на адмиралтейские и другие государственные нужды. Повышение сбора для государственных крестьян в 1760 г. не затронуло служилых татар: для «приписных к Адмиралтейству иноверцев» в указе было сделано исключение. Это положение дел сохранялось до 1768 г., когда на служилых татар также возложили уплату увеличенного до 2 рублей подушного сбора.

Кроме того, существовали многочисленные сборы с крестьян, тяжким бременем была рекрутская повинность. Сбор налогов зачастую сопровождался злоупотреблениями представителей администрации: известно, например, что с татар «подвенечный» сбор собирали от 70 копеек до одного рубля [7, с. 23].

С одной стороны, налоговое положение татарского населения нужно рассматривать в общем русле изменений, происходивших в стране, которые требовали колоссальных средств. Не случайно исследователь финансовой системы екатерининского периода Н.Д. Чечулин

заметил, что увеличение сбора, который рассматривался как казённый помещичий оброк, происходило, когда правительство «...чувствовало нужду в деньгах...» [8, с. 119]. К примеру, официальными причинами увеличения сбора в 1768 г. были объявлены не только «умножившиеся... способы к получению от трудов и промыслов прибытков» и «возрастаемый народный избыток», но и ущерб казне при сохранении прежней суммы платежа [9, с. 767].

С другой стороны, одной из особенностей положения татарских крестьян были дополнительные налоговые тяготы из-за их принадлежности к исламу. В соответствии с указами 1740-х гг. на «иноверцев» возлагалась обязанность по уплате «подушных денег», «чрезвычайных поборов» и поставке необходимого «провианта» за новокрещеных сородичей, которым, предоставив «разные преимущества», освободили от их выполнения на три года.

Для большинства татар уплата налогов за себя и новообращённых соплеменников становилась неподъёмной ношей. Власти были осведомлены о сложившейся ситуации. Обеспокоенный недоимками, Сенат отправил ревизоров в Казанскую губернию, которые насчитали лишь около 45 тыс. платёжеспособных татар (1750 г.) [10, с. 25]. О бедственном положении крестьян сообщал подполковник А.И. Свечин, направленный в 1763 г. в Казанскую, Нижегородскую и Оренбургскую губернии для ревизии корабельных лесов и выяснения причин бедности в Казанской губернии. Местные «иноверцы», вынужденные платить налоги за новокрещеных, по его словам, находились в «крайнем изнеможении и бедности» [7, с. 4]. Лишь в 1764 г. произошла отмена взимания налогов и выполнения повинностей за новокрещеных.

Анализ наказов показывает обеспокоенность служилых татар социально-экономическими реалиями. Служилые татары и мурзы обращали внимание на повинность, связанную с корабельными работами. Основным лейтмотивом в пожеланиях по этому вопросу – просьба облегчить их положение, освободив от уплаты подушного оклада, поставки рекрутов, лошадей. Апеллируя к указу Екатерины II, в наказах звучала надежда и на освобождение от корабельных работ. Среди пожеланий, которые касались налогов и повинностей, были упорядочение взимания «повенечных денег», постоянной повинности (к примеру, вместо «полковых служителей» просили «ставить на квартиры» иноверцев, направляемых на корабельные работы или в военные походы), сбора провианта и фуража (зачастую военные команды собирали их «безденежно»).

Основным источником материального благосостояния татар, как сельских жителей, был сельскохозяйственный труд, который во многом зависел от географических

и климатических условий. Татарские крестьяне старались реализовать свой земледельческий потенциал, что отмечалось современниками. Комплиментарный отзыв сделал российский учёный И.Г. Георги, отозвавшись о татарах, как «изрядных земледельцах», при этом жители татарских деревень, по его наблюдению, также занимались пчеловодством, кожевенным, сапожным, портным, красильным, кузнечным и др. ремёслами [11, с. 11].

Важным условием земледельческой деятельности татар была обеспеченность землёй. Зачастую на земельные владения татар претендовало местное население. Указ 1761 г. «О дозволении купли и продажи земель только крещеным инородцам с русскими владельцами и о недозволении такового оборота некрещеным инородцам» формально ограничивал перемещение земельных наделов в определённых случаях. Но помещики, например, как указывается в документах, причиняя татарам «обиды и разорения», или используя в своих целях новокрещеных, осуществляли сделки купли-продажи земель [7, с. 16]. Поэтому служилые мурзы и татары просили в наказах защитить их от подобных посягательств, обязать новокрещеных продавать земли своим сородичам, вернуть земли в «иноверческое владение» и др. Причём делался акцент на статусе этих земель, как пожалованные «предками всеавгустейших монархов» прадедам и дедам служилых мурз и татар.

Одним из неземледельческих занятий служилых татар была торговля. Российское законодательство ограничивало крестьянство, в состав которого входили служилые татары, в праве заниматься этой деятельностью. В частности, согласно указам 1700 г., 1722 г., 1745 г., Таможенному уставу 1755 г. крестьянам, чтобы иметь возможность заниматься торговлей, необходимо было записаться в «посад», либо перепродать свой товар жителям «посада»; им запрещалось торговать в слободах и сёлах, расположенных рядом с городами и т.д. Из общего ряда выбивались служилые татары – жители татарских слобод Казани, обладавшие торговой привилегией (в 1763 г. она была подтверждена правительством).

Несмотря на существовавшие ограничения торговой деятельности для крестьян, служилые и ясачные татары занимались торговлей. Это вызывало нарекания со стороны купечества. Отражением сложившейся коллизии была просьба слободских татар Казани, которые хотя и обладали торговой привилегией, но просили дозволить им и впредь беспрепятственно торговать, особенно в Казани. В наказах других служилых татар содержались пожелания «торговать беспрепятственно» в уездах. По мнению просителей, от их торговли «никакого помешательства» купечеству не было. В дискуссиях, которые развернулись на заседаниях Уложенной комиссии, Аюп Еникеев вместе с другими татарскими депутатами отстаивали свободную торговую деятельность татар в проти-

вовес городским депутатам, в т.ч. и из Казани, которые воспринимали её как вредную для всего общества.

Очень важным для татар был конфессиональный вопрос. В первую очередь, речь шла о положении ислама. «...Нет противнее человеку... претерпеть от посторонних поношение и ругания его закона...», – писали в своём наказе служилые татары и мурзы, требуя законодательно запретить подобные случаи [1, с. 311]. Они просили прекратить практику насильственного крещения; разрешить строить мечети в «каждом жителстве» (т.е. в каждой татарской деревне), совершать паломничество в Мекку; освободить представителей мусульманского духовенства (муллы, азанчи) от «корабельной работы» и государственных «поборов»; оставить разбирательство дел у мусульман, касающихся религиозной сферы, за муллами; урегулировать взаимоотношения с сородичами, принявшими христианство (переселение их в русские или новокрещенские деревни, платеж налогов и выполнение рекрутской повинности, вопросы владения земельной собственностью и др.).

Дальнейшее развитие событий показало, что некоторые запросы служилых татар нашли выражение в политике императрицы Екатерины II. Существенные перемены произошли в религиозном положении татар с принятием в 1773 г. указа «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в разные дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам», что означало для татар – мусульман официальное признание ислама. Мусульманское духовенство также получило официальное признание и было интегрировано в государственную систему – на это были направлены указ «О дозволении подданным магометанского закона избирать самим у себя ахунов» (1783 г.) и создание «Духовного собрания магометанского закона» (1788 г.). Осуществилось и другое пожелание представителей бывшей феодальной верхушки татарского общества: в 1784 г. при предъявлении доказательств благородного происхождения они получили право пользоваться «преимуществами» российского дворянства (освобождение от подушной подати, рекрутской повинности, телесных наказаний и др.). В конце XVIII в. в Казанской губернии своё благородное происхождение подтвердили и получили утверждение во дворянстве 96 родов – 2493 человека [10, с. 115].

Таким образом, к созыву Уложенной комиссии в 1767 г. служилые татары Поволжья, обременённые налогами и повинностями, находились в положении одной из категорий крестьянства, сохраняя при этом память о прежнем привилегированном статусе. В наказах, представленных в Уложенную комиссию, нашли отражение не только основные стороны жизнедеятельности служилых татар, но и были сформулированы ожидания,

касающиеся защиты их социальных, экономических и религиозных прав. Хотя Уложенная комиссия так и не приняла новый свод законов, идеи, изложенные в наказах, способствовали привлечению внимания прави-

тельства к потребностям служилых татар. Некоторые из этих предложений были учтены в законодательстве, что стало важным шагом на пути к интеграции татар в российское общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сборник Русского исторического общества. – СПб.: Типография М. Меркушева, 1903. – Т. 115. – 546 с.
2. Татары. – М.: Наука, 2001. – 583 с.
3. Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. – Т. 2. – 865 с.
4. Сборник Русского исторического общества. – СПб.: Типография Н.А. Лебедева, 1881. – Т. 32. – 638 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т.7. – №4533. – С. 310–318.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т.7. – №4650. – С. 413–414.
7. Пугачевщина: Из следственных материалов и официальной переписки. – М.-Л.: Государственное издательство, 1929. – Т.2. – 494 с.
8. Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. – СПб.: Сенатская типография, 1906. – 380 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т.18. – №13194. – С. 767–768.
10. Алишев С.Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. – Казань: Татарское книжное издательство, 1973. – 215 с.
11. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1799. – Ч.2. – 178 с.

© Валиуллин Ильдар Рауфович (ildval2013@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС ОСОАВИАХИМА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1948 ГГ.) И ЕГО РЕОРГАНИЗАЦИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ЯКУТИИ)

Варвариков Дмитрий Спиридонович

Ассистент, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск
depo139@mail.ru

THE SYSTEMIC CRISIS OF OSOAVIAKHIM IN THE POST-WAR PERIOD (1945–1948) AND ITS REORGANIZATION: A REGIONAL ASPECT (CASE STUDY OF YAKUTIA)

D. Varvarikov

Summary: This article, based on archival materials from the National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) introduced into scholarly discourse for the first time, investigates the systemic crisis of the Yakut Republican Organization of OSOAVIAKHIM in the early post-war period, which culminated in its reorganization in 1948. The author provides a comprehensive analysis of the interconnected factors that precipitated the crisis: the demographic consequences of the war, manifested in the altered gender and age composition of the organization and the loss of its most qualified personnel; the catastrophic state of its material and technical base; an acute personnel shortage; and financial insolvency. Particular attention is paid to the specific manifestations of the crisis at the regional level: the chronic failure to meet planned targets, the institutionalization of formalism in its operations, systemic financial abuses, and the de facto disintegration of a significant portion of its primary organizations. Archival documents provide concrete examples illustrating the scale of this organizational degradation. The study argues that the reorganization of OSOAVIAKHIM was prompted not so much by the need for specialized training, but by a profound systemic crisis that rendered the previous organizational model unviable under new historical conditions. Using the Yakut ASSR as a case study, the article demonstrates how nationwide trends were exacerbated by regional specificities—vast distances, transport isolation, and limited local resources—which collectively led to the organization's complete loss of mobilization potential and necessitated its fundamental structural overhaul.

Keywords: OSOAVIAKHIM, post-war period, systemic crisis, reorganization, Yakut ASSR, DOSARM, DOSAV, DOSFLOT, personnel shortage, material, and technical base.

Аннотация: Статья на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов Национального архива Республики Саха (Якутия) исследует системный кризис Якутской республиканской организации ОСОАВИАХИМа в первый послевоенный период, завершившийся её реорганизацией в 1948 году. Автор проводит комплексный анализ взаимосвязанных факторов, обусловивших кризис: демографические последствия войны, выразившиеся в изменении половозрастного состава организации и утрате наиболее квалифицированных кадров; катастрофическое состояние материально-технической базы; острейший кадровый дефицит и финансовую несостоятельность. Особое внимание уделяется специфическим проявлениям кризиса на региональном уровне: хроническому невыполнению плановых показателей, институционализации формализма в работе, системным финансовым злоупотреблениям и фактическому распаду значительной части первичных организаций. На конкретных примерах из архивных документов демонстрируются масштабы организационной деградации. Доказывается, что реорганизация ОСОАВИАХИМа была вызвана не столько необходимостью профильной специализации, сколько глубинным системным кризисом, сделавшим невозможным функционирование прежней организационной модели в новых исторических условиях. На примере Якутской АССР показано, как общесоюзные тенденции усугублялись региональной спецификой – огромными расстояниями, транспортной изоляцией и ограниченностью местных ресурсов, что в совокупности привело к полной утрате организацией мобилизационного потенциала и обусловило необходимость её коренной структурной перестройки.

Ключевые слова: ОСОАВИАХИМ, послевоенный период, системный кризис, реорганизация, Якутская АССР, ДОСАРМ, ДОСАВ, ДОСФЛОТ, кадровый голод, материально-техническая база.

Введение

Послевоенная история оборонных обществ СССР до сих пор остается малоизученной страницей отечественной историографии. Особенно это касается заключительного этапа деятельности ОСОАВИАХИМа (1945–1948 гг.), завершившегося его разделением на три самостоятельных общества – ДОСАРМ, ДОСАВ и ДОСФЛОТ. Традиционная трактовка этой реформы как след-

ствия необходимости специализированной военной подготовки требует пересмотра через призму анализа внутреннего системного кризиса организации. Якутская АССР, с её огромной территорией, сложной логистикой и ограниченными ресурсами, представляет собой репрезентативную модель для изучения глубинных причин кризиса, ярко демонстрируя, как общесоюзные проблемы проявлялись и усугублялись на региональном уровне.

Целью данного исследования является выявление и комплексный анализ причин и проявлений системного кризиса ОСОАВИАХИМа ЯАССР в 1945–1948 гг., приведшего к его реорганизации. Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

- Проанализировать демографические и кадровые последствия войны для организации.
- Исследовать состояние материально-технической и финансовой базы.
- Выявить формы организационной деградации на местном уровне (формализм, распад первичных ячеек, злоупотребления).
- Обосновать неизбежность реорганизации как следствия системного кризиса.

Источниковую базу составили документы из Национального архива РС(Я) (фонд Р-624), в частности, отчёты, докладные записки, протоколы проверок и переписка Центрального Совета ОСОАВИАХИМа ЯАССР за 1945–1948 годы.

Основные результаты

1. Демографические и кадровые последствия войны

Война нанесла сокрушительный удар по кадровому потенциалу ОСОАВИАХИМа ЯАССР. Мобилизация и гибель на фронтах наиболее активной и подготовленной части членов организации привели к кардинальному изменению её половозрастного состава. Если формальная численность к середине 1947 года была восстановлена до 36 440 человек, то её качество резко ухудшилось. Косяк организации теперь составляли женщины (около 43%, или 15 612 чел.), молодежь непризывного возраста и лица старших поколений [1, л. 45].

Партийная прослойка была крайне мала – лишь 10,38% (3781 чел.) являлись членами или кандидатами ВКП(б) [1, л. 46]. Но главной проблемой стал катастрофический дефицит квалифицированных инструкторских и руководящих кадров. В аппарате ЦС ОСОАВИАХИМа ЯАССР из 110 штатных единиц фактически работало 87 человек, причём их профессиональный уровень был крайне низким. Согласно отчёту, только 8 человек имели полноценное военное образование, 21 – прошёл краткосрочные курсы, а 48 сотрудников (55%) «совершенно не имеет военного образования» [2, л. 12]. Образовательный уровень также оставлял желать лучшего: 29 человек имели среднее образование, а 35 – только начальное [2, л. 13].

Текущность кадров приобрела угрожающие масштабы. За 1946 год по районам ЯАССР было заменено 82 штатных работника из 110 [2, л. 14]. Основными причинами назывались «низкая заработная плата» и «трудность создания бытовых условий» в условиях Якутии. Руко-

водство констатировало, что председатели районных советов в отдалённых районах «совершенно не имеют четкого представления о жизни и быте частей Советской Армии», не говоря уже о передаче опыта войны [2, л. 15].

2. Материально-технический и финансовый коллапс

Материальная база организации, истощённая в годы войны, в послевоенный период пришла в полный упадок. Основная часть вооружения и техники была передана армии, а оставшееся оборудование было изношено и морально устарело. В отчётах неоднократно отмечалось отсутствие необходимого для учебного процесса вооружения. «Стрелково-спортивная работа из-за отсутствия прежде всего в текущем году малокалиберных патронов лишила нашу организацию возможности участвовать в Всесоюзных заочных стрелковых соревнованиях», – констатировалось в докладе [3, л. 21]. Боеприпасы и снаряжение поступали с огромными задержками, а система снабжения через Главпромснабсавиахима была признана неэффективной для региона, что приводило к «большим накладным расходам, к потере и пропаже грузов» [3, л. 22].

Финансирование организации было резко сокращено. Хронические задолженности районных советов, невозможность оплачивать командировочные расходы для инспекций в отдалённые улусы и мизерные оклады сотрудников парализовали управленческую вертикаль. Руководство ЦС открыто признавало, что «при таком бывшем обозначении уже ликвидирует объём нашей работы в поле военной перестройке» [2, л. 16].

3. Организационная деградация и формализм на местах

Системный кризис наиболее ярко проявился в разложении низового звена организации. Проверки 1947 года вскрыли массовый формализм и приписки. В Горном районе из 195 числившихся в отчётах первичных организаций реально функционировали лишь три. В Якутском Горсовете вместо «существующих» 8869 членов насчиталось только 3137 [4, л. 5]. За подобные «достижения» председатель Горсовета Черемных был снят с работы и привлечён к ответственности. Аналогичная картина была выявлена в Олекминском и Аллах-Юньском районах.

Учебный процесс был во многом фиктивным. В Нюрбинском районе был зафиксирован показательный случай подготовки 17 снайперов всего за 10 дней, что означало полную профанацию программы [4, л. 7]. Некоторые председатели не выполняли директивные указания, а просто складывали их в стол, отсылая в центр формальные отчёты.

Оборонное общество расшатывали и финансовые злоупотребления. Тот же Черемных «путем подложных документов лично присвоил выше двух тысяч рублей денег» [4, л. 6]. В Нюрбинском районе председатель Скульский незаконно взимал с членов ОСОАВИАХИМа по 5 рублей вместо установленных 2 рублей в год, а в Кобяйском районе председатель Масаев полгода не перечислял собранные членские взносы [4, л. 7].

4. Попытки реформ и неизбежность реорганизации

Руководство ЦС ОСОАВИАХИМа ЯАССР предпринимало попытки преодоления кризиса. В 1947 году была предпринята попытка перехода к гибкому планированию «снизу вверх», когда контрольные цифры формировались исходя из реальных возможностей первичных организаций. Широко использовались социалистические соревнования, приуроченные к юбилейным датам. В 1947 году были проведены отчетно-выборные кампании в 800 первичных организациях, 54 человека были награждены почетными грамотами, 13 – получили денежные премии [5, л. 8–9].

Однако эти меры носили поверхностный характер и не могли устранить глубинные причины кризиса. Административные реформы не подкреплялись кадровыми и финансовыми инвестициями. В условиях, когда государство было сконцентрировано на восстановлении народного хозяйства, дотационная массовая организация, утратившая мобилизационную функцию, стала непозволительной роскошью [6, 455 с.].

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 января 1947 года о награждении ОСОАВИАХИМа орденом Красного Знамени стал своего рода лебединой песней общества. Уже в январе 1948 года вышло постановление Совета Министров СССР о его ликвидации и разделении на три независимых общества: ДОСАРМ, ДОСАВ и ДОСФЛОТ [7, 400 с.]. Это решение было не столько следствием «профильной специализации», сколько актом признания того, что прежняя гигантская, но рыхлая и обескровленная структура исчерпала себя и не отвеча-

ла требованиям нового этапа военного строительства в условиях начинающейся «холодной войны».

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что реорганизация ОСОАВИАХИМа в 1948 году была обусловлена не необходимостью оптимизации, а глубинным системным кризисом, поразившим организацию в послевоенные годы. На примере Якутской АССР чётко прослеживается комплекс взаимосвязанных причин этого кризиса.

Демографические и кадровые последствия войны привели к утрате костяка организации – опытных, идеологически подкованных и мотивированных активистов. Катастрофическое состояние материально-технической базы и хроническое недофинансирование сделали невозможным выполнение уставных задач по качественной военной подготовке. Организационная деградация, выразившаяся в формализме, приписках, финансовых злоупотреблениях и фактическом распаде первичных ячеек, продемонстрировала потерю управляемости и социальной базы.

Региональная специфика Якутии – огромные расстояния, слабая транспортная инфраструктура и ограниченность ресурсов – выступила катализатором, многократно усилившим общесоюзные негативные тенденции. Предпринятые меры по оживлению работы не смогли остановить процесс распада.

Таким образом, реорганизация ОСОАВИАХИМа стала не причиной, а следствием. Она была вынужденной мерой, попыткой государства заменить нежизнеспособную в новых условиях гибридную структуру на более узкоспециализированные и, возможно, более управляемые организации. История послевоенного кризиса ОСОАВИАХИМа в Якутии является наглядным примером того, как глобальные исторические потрясения и смена общественно-политического контекста приводят к трансформации или ликвидации даже самых массовых и, казалось бы, укоренённых институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). Ф. Р-624. Оп. 2. Д. 78. Л. 45–47. (Отчёт о численном составе на 1 июня 1947 г.).
2. НА РС(Я). Ф. Р-624. Оп. 2. Д. 80. Л. 12–16. (Докладная записка о кадровом составе аппарата ЦС ОСОАВИАХИМа ЯАССР).
3. НА РС(Я). Ф. Р-624. Оп. 2. Д. 82. Л. 21–23. (Отчёт о материально-техническом обеспечении).
4. НА РС(Я). Ф. Р-624. Оп. 1. Д. 201. Л. 5–8. (Акт проверки работы районных советов за 1947 г.).
5. НА РС(Я). Ф. Р-624. Оп. 2. Д. 85. Л. 8–10. (Отчёт о проведении массовых мероприятий и соцсоревнований в 1947 г.).
6. Анохин А.И. ДОСААФ России: история и современность. – М.: ДОСААФ России, 2009. – 455 с.
7. Токарев П.Н. История военного комиссариата Республики Саха (Якутия). – Якутск: Бичик, 2018. – Ч. 1. – 400 с.

© Варвариков Дмитрий Спиридонович (depo139@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ ЗЕМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ МОБИЛИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ефименко Антон Дмитриевич

Аспирант, Уфимский университет науки и технологий
rajkat97@mail.ru

THE ROLE OF ZEMSTVO ADMINISTRATIONS AND PUBLIC ORGANIZATIONS IN ORGANIZING MOBILIZATION IN THE KAZAN MILITARY DISTRICT DURING WORLD WAR I

A. Efimenko

Summary: This study presents an analysis of archival data and personal sources on the organization of mobilization during World War I in the Kazan Military District. The subject of the study is mobilization activities in the Kazan Military District. The purpose of the study is to identify the distinct roles of zemstvos and public organizations in mobilizing during the early part of World War I in the Kazan Military District.

The research methodology was determined by the purpose and objectives of the study and included: an inductive method, a dialectical method of cognition, a historiographic method, and an analysis of archival sources, personal sources, and official documents. To assess the role of zemstvos and public associations in organizing mobilization activities, an analysis of statistical data, accounting data, and financial statements presented in official documents was used.

The study identified the main causes of difficulties encountered by zemstvo authorities in organizing mobilization. Archival data on the resources available to zemstvos for organizing mobilization efforts was analyzed. The positive effects and threats arising from public organizations' support for mobilization are examined. A classification of public organizations that supported mobilization activities is presented. The novelty of this study stems from the insufficient exploration of the problems involved in organizing mobilization activities. The identified risks and organizational features that arose with public organizations' support for mobilization underscore the practical significance of the study, as they can be considered today. The study identified the main challenges faced by zemstvo authorities in organizing mobilization activities and analyzed the role of coordination between authorities and public organizations and associations. The key features of the functioning of civil society institutions involved in mobilization activities are analyzed, as are the risks they pose to authorities and the public administration system. Particular attention is paid to the study of zemstvo activities from a regional perspective.

Keywords: World War I, Kazan Military District, mobilization, zemstvo administration, public organizations.

Аннотация: В исследовании представлен анализ архивных данных, данных, содержащихся в источниках личного происхождения об организации мобилизации в период Первой мировой войны на территории Казанского военного округа. Предметом исследования являются мобилизационные мероприятия на территории Казанского военного округа. Цель исследования – выявить разграничение роли земств и общественных организаций в проведении мобилизации в период начала Первой мировой войны на территории Казанского военного округа.

Методология исследования определена целью и задачами исследования и включала: индуктивный метод, диалектический метод познания, историографический метод, анализ архивных источников, источников личного происхождения, официальных документов. При оценке роли земств и общественных объединений в организации мобилизационных мероприятий применен анализ статистических данных, данных бухгалтерской и финансовой отчетности, представленной в официальных документах.

В ходе исследования выявлены основные причины сложностей организации земскими органами власти мобилизации. Проанализированы архивные данные об объемах ресурсов, располагаемых земствами при организации мобилизованных. Рассмотрены положительные эффекты и угрозы, возникшие при поддержке мобилизации со стороны общественных организаций. Представлена классификация общественных организаций, которые оказывали поддержку в организации мобилизационных мероприятий.

Новизна исследования обусловлена недостаточной разработкой проблем организации мобилизационных мероприятий. Выявленные риски, особенности организации деятельности возникшие при поддержке мобилизации со стороны общественных организаций обуславливают практическую значимость исследования ввиду того, что могут быть учтены на современном этапе. В ходе исследования выявлены основные проблемы при организации мобилизационных мероприятий, с которыми столкнулись земские органы власти, проанализирована роль координации деятельности органов власти и общественных организаций и объединений. Проанализированы основные особенности функционирования институтов гражданского общества, структуры которых принимали участие в мобилизационных мероприятиях, и возникшие в ходе их деятельности риски для органов власти, системы государственного управления. Особое внимание уделено исследованию деятельности земств именно в региональном аспекте.

Ключевые слова: Первая мировая война, Казанский военный округ, мобилизация, земское управление, общественные организации.

Организация мобилизации в России в период Первой мировой войны сегодня одна из наиболее актуальных тем исторических исследований, что обусловлено наличием большого числа внешнеполитических вызовов. Анализ особенностей, порядка и проблем проведения мобилизационных мероприятий в историческом прошлом позволяет учесть соответствующий опыт в настоящем, при возникновении такой необходимости. Территория Казанского военного округа в этом отношении представляет особый интерес, ввиду, во-первых, значительных размеров территории и численности населения (один из наиболее крупных военных округов из 15, сформированных в рамках военной реформы 1864 года), во-вторых, в связи с расположением крупного транспортного и логистического центра – г. Казань, высокой нагрузки на транспортную инфраструктуру округа, в-третьих, в связи с наличием религиозного и национального многообразия на территории округа, что затрудняло организацию мобилизационных мероприятий.

Несмотря на достаточно большое число исследований, посвященных мобилизации в период Первой мировой войны, историография рассматриваемого вопроса не отличается полнотой и единообразием. В целом, в историографии, иллюстрирующей вопросы деятельности земских органов власти при организации мобилизации выделяются три периода:

1. Советский период, в рамках которого основные проблемы организации органами власти мобилизационных мероприятий объясняются, по преимуществу, капиталистическим укладом в экономике и общественном сознании, бунтами мобилизованных против представителей власти и помещиков (купцов, богатых мещан), по идеологическим причинам. Такой подход в историографии на современном этапе признан недостаточно корректным.

2. Период 1990-х – 2010-х годов отличается, во-первых, накоплением историографического материала, ввиду открытия ряда ранее засекреченных архивов и источников, во-вторых, критикой, опровержением выводов предыдущего периода историографии. В этот период впервые появляются работы, посвященные именно деятельности органов власти, существующим в их работе проблемам.

3. Современный период, который характеризуется попытками поиска объективного взгляда на деятельность органов власти, населения, мобилизованных в период Первой мировой войны. Именно на современном этапе последовательно формируется комплексный подход к оценке эффективности мобилизационных мероприятий, и в том числе, к оценке деятельности органов земской и губернской власти.

Вместе с тем, несмотря на наличие вышеперечисленных негативных факторов, мобилизация на территории Казанского военного округа в первые месяцы была развернута достаточно оперативно и эффективно, о чем свидетельствует, к примеру, явка на сборные пункты 96 % военнообязанных. Следует отметить, что в Московском военном округе явка составила 94%, в Одесском и Варшавском — только 73% и 68% соответственно. Таким образом, Казанский военный округ продемонстрировал высокую эффективность организации мобилизационных мероприятий. Однако одним из ключевых вопросов в условиях мобилизации в период Первой мировой войны, а равно, и в условиях современных военных конфликтов, является вопрос организации снабжения мобилизованных необходимым продовольствием, товарами первой необходимости, обмундированием и вооружением. Параллельно на территории Казанского военного округа осуществлялось формирование дружин ратников тылового ополчения, что, по своей сути, также являлось мобилизацией.

Р.Н. Рахимов приводит данные о том, что начало мобилизации во всех крупных городах сопровождалось массовыми погромами, разграблением винных лавок, пьянством, локальными бунтами против местных властей, что было обусловлено недостатком продовольствия, мест для размещения мобилизованных, невозможностью местных властей справиться с организацией жизни мобилизованных на сборных пунктах, поддержкой их семей. Для подавления беспорядков приходилось задействовать воинские подразделения. Вместе с тем мобилизация прошла достаточно оперативно [11]. Необходимо отметить, что действия местной власти вызывали недовольство мобилизованных не столько по причине халатности служащих земских управ, сколько по причине непосильной нагрузки на земства, а также недостатка ресурсов.

Именно на земские управы с началом мобилизации легли такие обязанности, как:

1. Организация сборных пунктов, сбор мобилизованных, их отправка в волостные и далее – в губернские сборные пункты. Обеспечение временного содержания мобилизованных до момента отправки, материальная поддержка их семей.
2. Развертывание госпиталей для раненых и больных (раненные прибывали с фронта уже в первый месяц военных действий, заболевания в условиях мобилизации распространялись достаточно быстро, ввиду повышения плотности населения, сложных санитарно-эпидемиологических условий).
3. Обеспечение обмундирования, вооружения ратников и мобилизованных [7].

Реализация вышеперечисленных функций земскими

управами оказалась невозможной без дополнительной поддержки со стороны общественных организаций, чему в архивах сохранились многочисленные свидетельства. Например, Пермская Губернская Земская Управа, где средств для поддержки семей мобилизованных выделялось до трех тысяч рублей на весь уезд (чуть более 2 рублей на семью мобилизованного), постановила поднять сумму средств, выделяемых на уезд до 20 тысяч рублей, однако и этих средств было недостаточно [4]. Б.В. Веверн, командующий батареей, в мемуарах сообщает, что часть мобилизованных не могла выехать на фронт из-за отсутствия упряжи для коней, а два прапорщика ни разу не держали в руках огнестрельное оружие, ввиду чего земства и местное население снабжало их и других мобилизованных собственным оружием – любительским охотничьим, холодным и даже тесаками [3]. Деятельность по организации помощи мобилизованным была затруднена и в связи с тем, что мобилизованные из одного города могли быть распределены в совершенно разные дивизии, вдали от родного дома, что не позволяло «своим» земствам оказывать им помощь [14].

Одним из факторов, дополнительно осложняющим проведение мобилизационных мероприятий со стороны земств, стало недостаточно корректное разграничение власти между земствами и военными органами управления, что приводило к непониманию границ полномочий, и следовательно, невозможности эффективно действовать. В архивах сохранились жалобы населения на «произвол властей, не сдерживающих солдат» [13]. При этом, такие жалобы направлялись и в военно-административные единицы управления (воинские присутствия), и в земские и губернские управления. Из этого можно сделать вывод, что сама организация мобилизационных мероприятий не вполне была распределена в части управления мобилизацией. Так не разграничены в полной мере полномочия военного и административного управления мобилизацией. Это приводило к тому, что любые проблемы, возникающие между мобилизованными и местным населением представители «военной» и «гражданской» ветвей власти стремились переложить друг на друга [12].

В связи с этим, поддержка мобилизации со стороны общественных организаций была неочень оценочной.

Общественные организации рассматриваемого периода можно условно разделить на две категории. К первой относились общественные организации, которые тесно взаимодействовали в своей деятельности с земскими и губернскими органами власти. Это в первую очередь, такие, как: созданный в 1914 году Всероссийский земский союз (объединившийся впоследствии с Союзом городов в единую организацию – Земгор), который занимался обеспечением лечения раненных, их эвакуацией в тыл; основанный в том же году Всероссийский

союз городов (Союз городов), также, по преимуществу, осуществляющий оказание помощи раненым и заболевшим мобилизованным; Красный крест, осуществляющий организацию лечения, снабжения медикаментами; Центральный военно-промышленный комитет, который обеспечивал снабжение мобилизованных обмундированием, вооружением, продовольствием [1].

Многие общественные организации, взаимодействующие с земскими властями, имели территориальные подразделения – комитеты, общества, при земствах. К.Е. Баженова отмечает высокую значимость деятельности Пермского губернского комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам в организации помощи мобилизованным, начиная с 12 августа 1914 года [2]. В дальнейшем этот комитет организовывал развертывание лазаретов, помощи раненым. Общественность активно с ним взаимодействовала. Согласно Докладу Оренбургской ГЗУ IV за 1917 год, земства Оренбургской губернии активно занимались общественным призрением – в первую очередь, вдов и сирот мобилизованных, и в этой деятельности принимали участие добровольно профессор, учителя, врачи [6]. Вместе с тем, имеющихся резервов было недостаточно для обеспечения семей мобилизованных, что постепенно снижало патриотические настроения в народе.

Вторую группу общественных организаций составили организации, которые создавались равнодушными представителями общества. Например, Дамский комитет в Пермской губернии также организовывал волонтерскую деятельность в отношении мобилизованных. По Уфимской губернии формирование запасных капиталов составило 3,3% от бюджета, по Оренбургской – 19,5% [15]. В Отчете Уфимской губернской земской управы за 1914 год указано на привлечение дополнительных средств в бюджет, в том числе от частных лиц, что также свидетельствует о стремлении купцов, обеспеченных лиц содействовать мобилизации [9]. Формирование независимых общественных организаций отмечено и со стороны интеллигенции. Так, в Докладе Челябинской уездной земской управы III чрезвычайной сессии Челябинского уездного земского собрания «О мерах помощи уездного земства раненым и больным воинам» указано, что интеллигенция выразила готовность помогать земствам в решении специальных задач, поставленных мобилизацией [5]. Это свидетельствует об отношении интеллигенции к мобилизационным мероприятиям, стремлении участвовать в их организации.

Упоминания о помощи мобилизованным популярно в печати. Например, издание «Оренбургская жизнь» нередко печатает соответствующие статьи, например, о том, что директор гимназии совместно со своими учениками оказывает помощь в сельскохозяйственных и иных работах семьям мобилизованных [10].

Интересно, что в период мобилизации отдельной проблемой для уездных и губернских органов власти стал рост революционных настроений. В архивах содержатся упоминания о том, что помощь мобилизованным, их семьям, оказывают революционно-настроенные организации, что беспокоит действующие органы власти [16]. Это обусловлено тем, что по мере продолжения мобилизации местное население губерний постепенно истощало ресурсы для помощи мобилизованным, при этом, уже к 1915 году эта помощь нередко приобретала черты реквизиции, осуществляемой принудительно (в особенности в рамках формирования тылового ополчения ратников, когда реквизиции подлежали не только вещи, скот, но и люди) [17]. Это, безусловно, снижало мотивацию поддерживать мобилизацию, при этом, не столько мобилизованных, сколько военные действия в целом.

Органами власти земств оказались не сформированы эффективные стратегии взаимодействия со структурами гражданского общества, которые активно формировались в условиях мобилизации именно в целях оказания помощи мобилизованным. Это повлекло возникновение в дальнейшем ряда экономических и политических рисков для земского управления, государственного управления в целом. Усугубило ситуацию и существующее противостояние земств и военно-административных органов управления на территории Казанского военного округа, ввиду недостаточно разграниченных между ними полномочий, систематических попыток перекладывания ответственности за организацию мобилизации.

В исследовании выявлены основные проблемы, возникшие в деятельности земских органов власти в ходе организации мобилизационных мероприятий, а именно:

1. Недостаточная координация деятельности земств при организации мобилизационных мероприятий, в том числе, координации их деятельности с органами военно-административного управления, органами волостного и губернского управления. Это привело к необоснованным задержкам мобилизованных на промежуточных мобилизационных пунктах, что увеличило затраты на снабже-

ние мобилизованных при недостатке ресурсов. В дальнейшем это привело к возникновению бунтов, направленных против органов власти.

2. Недостаточный контроль деятельности владельцев торговых лавок, магазинов, складов. Это привело к недостаточно оперативному ограничению торговли алкогольной продукцией, нелегальной торговле алкоголем, ростом цен на необходимые мобилизованным товары. Данный фактор привел к росту дефицита необходимых товаров, недостатку снабжения мобилизованных, так называемым, «пьяным погромом».
3. Недостаточная координация деятельности земских органов власти и общественных объединений, комитетов и др. Фактически, эффективное взаимодействие было организовано только с теми общественными организациями, которые учреждены при органах власти. С независимыми объединениями, волонтерскими и иными организациями взаимодействие со стороны земств не осуществлялось.

По итогам исследования выявлено, что, с одной стороны, деятельность земств по организации мобилизации нуждалась в поддержке со стороны общественных организаций, но с другой – нередко, деятельность общественных организаций могла носить независимый характер, что подрывало доверие к власти, а равно и формировало оппозиционные настроения в обществе. Отмечаются обоснованные мнения, согласно которым, развитие революционных настроений в значительной степени связано с невозможностью со стороны земств справиться с организацией мобилизации и в дальнейшем – с организацией помощи сиротам и вдовам мобилизованных. Таким образом, можно сделать практический вывод о наличии такого фактора, как недостаточный контроль деятельности общественных организаций со стороны земств, а также о факторе недостаточно детального разграничения полномочий гражданского и военно-административного управления мобилизацией в период Первой мировой войны на территории Казанского военного округа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадрутдинов А.М. Мобилизационный вопрос в России в первой мировой войне // Казанский вестник молодых учёных. 2024. №1. С. 68–75.
2. Баженова К.Е. Деятельность Пермского губернского комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой войны // Вестник ЧелГУ. 2009. №23. С. 77–84.
3. Веверн Б.В. 6-я батарея. 1914–1917 гг. Париж, 1938. С. 17–19.
4. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 65. Оп. 2. Д. 212. Л. 3.
5. Доклад Челябинской уездной земской управы (ЧУЗУ) III чрезвычайной сессии Челябинского уездного земского собрания (ЧУЗС) «О мерах помощи уездного земства раненым и больным воинам» // Журналы ЧУЗС. – 1914. – Челябинск, 1914. – С.76.
6. Доклады Оренбургской ГЗУ 1V очередному Оренбургскому ГЗС. Январь 1917. По медико-санитарному отделу. Оренбург.: 1917. С. 76.
7. Ефименко А.Д. Особенности проведения мобилизации в казанском военном округе в 1914 году // Современная научная мысль. 2025. №1. С. 32–37.

8. Нелипович С.Г. Было разрешено призывать частично парализованных»: мобилизация периода Первой мировой войны в России // Социодиггер. 2023. №1–2. С. 21–25.
9. Отчет Уфимской губернской земской управы за 1914 г. – Уфа, б/г. – С. 7, 10.
10. Оренбургская жизнь. 23 июня 1915 г. № 440. С. 3.
11. Рахимов Р.Н. Башкортостан в годы Первой мировой войны // Modern history: Партийно-политическая, духовная история и общественные движения в странах Запада и Востока. Вып. IX. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. С. 59–67.
12. Рахимов Р.Н. К оценке действий полков 83-й пехотной дивизии в первые месяцы Великой войны по мемуарам и архивным источникам // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции. В 4 частях / научн. ред. С.В. Ефимов. СПб.: ВИМАИВиВС, 2014. Ч. 4. С. 87–98.
13. РГВИА. Ф. 2940. Оп. 1. Д. 1. Л. 239–240.
14. Справка о проведении мобилизации в г. Самаре в 1914 году. ЦГАСО. ф.153, оп.36
15. Уфимское земское губернское собрание. Сметы и раскладки на 1915 год и денежный отчет за 1914 год. Уфа.: 1915. С. 80.
16. ЦИА РБ. Ф. И-187. Оп. I. Д. 554. Л. 6–8 об. Подлинник. Машинопись
17. Шевырин В.М. Сотрудничество и борьба: власть и общественные организации в годы Первой мировой войны // Россия и современный мир. 2015. №. 1 (86). С. 95–123.

© Ефименко Антон Дмитриевич (rajkat97@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ ВНУТРЕННЕЙ (КОНВОЙНОЙ) СТРАЖИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ПРОБЛЕМА ПОДБОРА И КОМПЛЕКТОВАНИЯ ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ

FORMATION OF THE INTERNAL (CONVOY) GUARD OF THE RUSSIAN EMPIRE AS A PROBLEM OF SELECTION AND STAFFING

V. Kozlov
V. Matsakova

Summary: This article examines the pre-revolutionary period (1811-1917) of the Internal (Convoy) Guard at the stage of its origin, development, and transformation into the Separate Corps of the Internal Guard, as well as issues related to the recruitment and training of soldiers and officers for specific service activities such as guarding and escorting prisoners, accompanying recruitment teams to their service locations, and assisting the police and gendarmerie in maintaining public order. At the same time, while remaining an integral part of the military department, the internal (convoy) guard absorbed all the transformations that took place in the army, remained part of the law enforcement system of the Russian Empire, but at the same time faced problems in recruiting high-quality officers and soldiers.

Keywords: internal (convoy) guards, Separate Corps of Internal Guards, military department, law enforcement system, personnel, Russian Empire, military discipline, military reform.

Козлов Вячеслав Александрович

Кандидат педагогических наук,
Федеральное государственное казённое военное
образовательное учреждение высшего образования
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени
генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии
Российской Федерации
slavaslavik741@rambler.ru

Мацакова Виктория Михайловна

Кандидат исторических наук, Военный университет
имени князя Александра Невского, г. Москва
bvm84@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается дореволюционный период (1811-1917 гг.) внутренней (конвойной) стражи на этапе её зарождения, развития и преобразования в Отдельный Корпус Внутренней Стражи, вопросы, связанные с комплектованием и подготовкой солдат, офицеров к специфической служебной деятельности по охране и конвоированию заключённых, сопровождение рекрутских команд к местам службы, оказанию помощи полиции и жандармерии в охране общественного порядка. Вместе с тем оставаясь неотъемлемой частью военного ведомства, внутренняя (конвойная стража) впитывала в себя все преобразования, производимые в армии, оставалась частью правоохранительной системы Российской империи, но при этом испытывала проблемы в качественном комплектовании офицерами и солдатами.

Ключевые слова: внутренняя (конвойная стража), Отдельный Корпус Внутренней Стражи, военное ведомство, правоохранительная система, кадровый состав, Российская империя, воинская дисциплина, военная реформа.

На протяжении многих веков существования российского государства функции охраны правопорядка и поддержания общественной безопасности граждан, конвоирование и охрана лиц, находящихся под стражей, были присущи, несмотря на специфику выполняемых задач, именно военной организации. На заре русского государства их могли выполнять княжеские (великокняжеские) дружины, городское ополчение, затем опричное или поместное войско, городская стража и т.д. Специальных подразделений, предназначенных именно для этого не было. И вот в начале XIX в., когда отгремели русско-турецкие войны, военное искусство познакомилось с гением А.В. Суворова, а впереди возникла угроза столкновения с наполеоновской армией, в российских губерниях и уездах тогда существовали инвалидные роты и команды, многие солдаты которых ещё участвовали в суворовских походах. Эти подразделения составляли местную стражу, которая выполняла некоторые полицейские функции, подчиненную местной граж-

данской администрации. Первый, кто обратил внимание на состояние инвалидных команд и доложивший свои впечатления и выводы императору Александру I был генерал-адъютант от инфантерии граф Е.Ф. Комаровский, который сам был участником суворовских походов. Е.Ф. Комаровский предложил их преобразовать во внутреннюю стражу, которая впоследствии стала неотъемлемой частью охранительной системы Российского государства в период с 1811–1917 гг.

Проблематикой зарождения и развития внутренней (конвойной) стражи и Отдельного корпуса, как прообразом будущих войск НКВД – внутренних войск – войск национальной гвардии занимались учёные, специализирующиеся в области исторических, юридических и педагогических наук:

– Колпаков П.А. – Организация и служебная деятельность Внутренней стражи Российской империи;

- Тарасов М.М. – Служебно-боевой опыт войск право-порядка;
- Фомин О.Е. – Корпус внутренней стражи в правоохранительной системе Российской империи;
- Штутман С.М. – «Дабы сохранить тишину и спокойствие. Отдельный корпус внутренней стражи – предшественник внутренних войск» и прочее.

Во время Отечественной войны 1812 г. и последующих кампаний батальоны и команды внутренней стражи выполняли большой объем служебных задач. Это выразилось в резком увеличении числа сопровождаемых рекрутских партий для армии, появления службы конвоирования военнопленных (такая функция была предусмотрена еще положением для внутренней стражи). Отношение к военнопленным было весьма гуманным. Интересно, что некоторые из них даже попали во внутреннюю стражу. Батальоны, находящиеся в западных губерниях, вливались при отступлении в ряды действующей армии.

В основе структурного становления внутренней стражи лежал предложенный военным министром М.Б. Барклаем-де-Толли территориально-окружной принцип [5, с.83].

Достойным был состав командующих округами, командиров батальонов и бригад. Почти все командиры, возглавлявшие Отдельный корпус внутренней стражи (далее – ОКВС) после него, были участниками войны 1812 года и заграничных походов русской армии (1812–1814 гг.).

Процесс создания внутренней стражи потребовал немало усилий по реформированию гарнизонных батальонов, реорганизации местных губернских и уездных формирований, комплектованию вновь созданных внутренних (губернских) батальонов, подбору офицерского состава, разработке документации, регламентирующей и регулирующей их деятельность. *«Людей не видных по фрунтовой службе, но отнюдь не вовсе изувеченных, или почему-либо неспособных носить ружье».* Специально было оговорено, что комплектование *«этапных команд из людей ненадежных не может быть допущено»*, молодых солдат разрешалось только после двухлетней службы [2]. То есть, для такого рода службы нужны были люди надёжные, безупречные и неподкупные, на которых в весьма специфических условиях и на удалении от пункта постоянной дислокации можно было положиться. Вместе с тем установка пополнять корпус такими людьми фактически не выполнялась. Это приводило к отсеиванию в корпус из армии ненадёжных и порочных солдат и офицеров, которые становились виновниками роста преступности в ОКВС. Корпус превратился местом ссылки негодных (неудобных) к полевой службе офицеров. Под видом болезненного состояния переводились

часто порочные люди. Из выпускников военно-учебных заведений попадали в основном те, кто с трудом (*«по тупости в науке»*) их заканчивал. Жалованье офицеров корпуса было ниже, чем в полевых войсках, что создавала предпосылки для возникновения коррупционных элементов в офицерской среде. А с этим велась решительная борьба. Строго взыскивалось с офицеров, злоупотреблявших своим служебным положением, использовавших подчиненных в личных целях, стремившихся незаконно обогатиться. 25 апреля 1916 года последовало повеление Александра I о запрете офицерам вступать в разного рода подряды.

Из вышесказанного можно выделить следующие характерные для описываемого периода тенденции:

- необходимость выработки у личного состава качеств, необходимых для выполнения задач, несвойственных регулярным воинским формированиям. Это обуславливалось и их разнообразием, большой служебной нагрузкой, опасностью для личного состава.
- стремление Военного ведомства оградить армию от неспособных и физически слабых рекрутов;
- несмотря на установку по подбору офицерского состава, тем не менее, кадровая проблема так и была не решена. Подчас армия отсеивала в ОКВС запятнавших свою честь офицеров, то есть провалявшихся, проигравшихся в карты, замеченных в дуэлях и порочащих сомнительными связями и т.д.
- отсутствие отбора солдат для Корпуса, обусловленного спецификой выполняемых задач и офицеров, способных руководить такими подразделениями и воспитывать подчинённых, в том числе личным примером.

В период правления императора Николая I произошли существенные изменения в армии, что не могло не оказать особого влияние на развитие военно-охранительной системы. После подавления восстания декабристов (1825 г.) император Николай I принял меры по укреплению самодержавной власти, усилению своего личного участия и влияния в деле управления государством. Одним из первоочередных направлений его деятельности явилось создание органов политического надзора и сыска в центре и на местах.

Данный противоречивый для становления российской правоохранительной системы период характеризуется следующими тенденциями, влияющими на поддержание воинской дисциплины воинов и офицеров в Отдельном корпусе внутренней стражи.

1. Попытка поднять престиж службы в ОКВС, путем прямого стимулирования. Этому способствовало:
 - увеличение денежного довольствия военнослужащим внутренней стражи, то есть ветера-

нам, зарекомендовавших себя безупречной службой до уровня общевойсковой;

- учреждение государственных наград, предназначенных для стимулирования отличившихся военнослужащих внутренней стражи;
- перспектива служебного роста и производство унтер-офицеров, зарекомендовавших себя безупречной службой – в офицеры.

2. Оптимизация управления внутри Корпуса, что способствовало укреплению воинской дисциплины и улучшению качества руководства подчиненными подразделениями.
3. Решение кадровой проблемы путем принятия решения направлять воспитанников военных учебных заведений сначала на три года во внутренние гарнизонные батальоны, которые становились местом стажировки будущих офицеров.

С восшествием на престол Александра II (1855–1858 гг.), и его реформаторской деятельностью в России произошли серьезные перемены. Отмена крепостного права (1861 г.) оказало решающее воздействие на все дальнейшее развитие государства. Существенные изменения произошли и в жизни Корпуса.

Внимание к нуждам ОКВС выразилось и в том, что улучшилось снабжение теплой одеждой, выделены средства на боевую подготовку. Внесены новшества в конвойную службу, что было связано со строительством железных дорог и развитием водного транспорта [1].

Во внутренней страже жалование офицеры получали меньшее, чем в армии, хотя служба была нелегкой, и размещение, питание, обмундирование солдат оставляло желать лучшего. Правда, кое-какие меры в этом отношении принимались: имелся запасной капитал в ОКВС, подсобные огороды, не возбранялось отпускать солдат на работы с целью пополнения артельных денег на улучшение питания и т.п.

Тем не менее, процесс «оздоровления» кадрового состава ОКВС уже прослеживался. Повышались требования к офицерскому составу, шла борьба с формальной аттестацией офицеров, с желанием многих военных начальников избавиться от недисциплинированных и неугодных офицеров.

Весьма прогрессивным фактором, оказавшим большое влияние на военное строительство и постановку всего военного дела в стране, стал долгожданный переход от пресловутых рекрутских наборов к всесословной воинской повинности. Согласно введенному с 1 января 1874 года Уставу о воинской повинности, на военную службу призывались с 21 года, срок ее составлял 15 лет, из которых 6 лет – в армии и 9 лет – в запасе.

Период правления Николая I (1825–1855 гг.) характеризовался зарождением революционного движения, что как следствие являлось увеличением числа крестьянских волнений. Крымская война сказалась на настроении граждан Российской империи, армии. Давно назревавшее перевооружение войск, наконец-то нашло свое отражение в военной реформе. Увеличение функций внутренней стражи привело к повышению качества обучения и воспитания личного состава. К примеру, служба конвоирования арестантов и служба охраны тюрем имели свою специфику.

Здесь требовались особая подготовка, опыт, сноровка, определенные физические и нравственные качества, умение владеть оружием и правильно, строго в предписанных случаях, сообразуясь с обстоятельствами, возникающими, как правило, внезапно и неожиданно, применять его. Использование для такой службы неподготовленных людей, специально не обученных, неопытных, приводило к всевозможным нарушениям службы и нежелательным эксцессам. Ликвидация массовых беспорядков среди крестьян, требовало также неординарных качеств от личного состава ОКВС. Появляется правовое регулирование применения оружия, что приводит к изменению в системе обучения и воспитания воинов внутренней и конвойной стражи.

Военная реформа, проводимая правительством в данное время, не могла не отразиться на конвойной страже. Несмотря на попытки укрепить воинскую дисциплину, повысить требования к офицерскому составу, в отношении солдат, то есть прекратить факты рукоприкладства и другого рода неуставных взаимоотношений М.И. Драгомиров в приказе № 319 от 27 октября 1889 г. отмечал: *«В некоторых частях дерутся. Прошу помнить, что в Дисциплинарном уставе ясно указано, какие на нижние чины можно налагать взыскания и кроме коих никто иных налагать не имеет. Рекомендую охотникам до ручной расправы ознакомиться с XXII т. Свода В.П. 1869 г., ст. 185, из которой они откроют, чего могут ожидать в будущем, если позволят себе впредь, рядом с дисциплинарным уставом... сочинять свой собственный».*

Требования «Дисциплинарного устава» явились одним из основных средств воздействия на военнослужащих в деле укрепления дисциплины. В нем перечислялись виды дисциплинарных взысканий, налагаемых на нижние чины и офицеров, определялись строгие рамки, в пределах которых представлялся для начальников выбор взысканий. В соответствии с уставом дисциплинарным взысканиям подлежали все маловажные проступки, не влекущие за собой предания суду. К ним были отнесены:

- а) со стороны начальствующих лиц: противозаконное с подчиненными обращение и произвольное

на них наложение взысканий;

- б) со стороны подчиненных: не отдавание воинской почести, уклонение от исполнения обязанностей воинской службы, неумышленная порча казенных вещей, нетрезвое поведение и др.
- в) незначительные проступки по службе, не имевшие важных вредных последствий и происшедшие от недостатка внимания, нерадения или легкомыслия, а также маловажные проступки по нарушению общественного порядка и благочиния, влекущие за собой наказание, которое может быть определено военным начальством в пределах предоставленной ему власти.

20 октября 1894 года на престол вступил Николай II, последний российский император. Россия вступает в период, характеризующийся монархическим кризисом и подъемом революционного движения. Первые семнадцать лет XX века в России переполнены бурными и драматическими событиями. Две войны, три революции, внутренняя нестабильность. Как образно выразился современный историк, знаток той эпохи А.Н. Боханов, на рубеже веков *«Россия походила на корабль, плывущий не по воле, стоявшей у штурвала команды, а в соответствии с непредсказуемыми течениями, определявшими и менявшими курс».*

Основными тенденциями в подборе личного состава, и попытках повысить воинскую дисциплину во внутренней страже в период с 1811 по 1917 годы можно считать:

- целенаправленная военная подготовка солдат и офицеров, по приобретению ими навыков и умений, необходимых на войне, а также для решения

других задач, обусловленных спецификой службы;

- попытка отдать должное нижним чинам, выслуживших установленный срок в армии, зарекомендовавших себя на полях сражений и при выполнении иных воинских обязанностей;
- попытка повысить уровень воспитания солдат, путем прямого стимулирования их заслуг перед Отчиной, перспектива служебного роста;
- процесс качественного формирования кадрового состава, направленного на укрепление воинской дисциплины и повышению престижа службы во внутренней страже;
- повышение образованности офицеров, обучение грамотности и приобщение к религии солдат, путем улучшения деятельности духовных наставников; учреждение квалификационных экзаменов на каждый чин и др.

Таким образом, конвойная (внутренняя) стража, внесла свой вклад в стабильность и правопорядок Российской Империи, несмотря на сложности с кадровым комплектованием, являлась прообразом будущих войск НКВД, внутренних войск, участвовавших в довоенные годы в борьбе с бандитизмом, установлению законного порядка, стабильности и развитию социалистического общества, героически проявивших себя в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), а затем в борьбе с бандеровцами и «лесными братьями» на западе нашей Родины в послевоенные годы, в ликвидации терроризма на Северном Кавказе в период Новой России, ныне преобразованы в войска национальной гвардии Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов Е.П., Штутман С.М., Елагин В.М., Борисова О.С., Зотова И.С., Петраков С.П., Кубышкин Е.Н., Колесников С.С. Внутренние войска: время, события, люди / под редакцией генерала армии Н.Е. Рогожкина. М., 2008. – 280 с.
2. Внутренняя и конвойная стража России, 1811–1917. Документы и материалы / под общ. ред. В. Ф. Некрасова. – М.: Экзамен, 2002. – 573 с.
3. Колпаков П.А. Внутренняя стража и Отдельный корпус Внутренней стражи в 1811–1863 гг.: эволюция организационной структуры военно-полицейских формирований Российской империи // Научный диалог. 2016. – № 10 (58). – С. 208–220. – 290 с.
4. Колпаков П.А. Организация и служебная деятельность Внутренней стражи Российской империи (1811–1864 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2020. С. 133–146.
5. Пономарёв П.А. О создании военно-полицейских формирований Российской империи в начале XIX в. и особенности их функционирования в Восточной Сибири (на примере института внутренней стражи). Труды Академии управления МВД России, 2019 г. – № 3 (51). – С 79–86.
6. Фомин О.Е. Корпус внутренней стражи в правоохранительной системе Российской империи, 1811–1864 гг.: диссертация ... канд. юр. наук: 12.00.01., 1999. – 209 с.
7. Штутман М.С. На страже тишины и спокойствия: из истории внутренних войск России / под общей редакцией Кавуна С.Ф. Москва: Газойл Пресс, 2000. – 360 с.
8. Тарасов М.М. Служебно-боевой опыт войск правопорядка // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2006. № 11. – С. 68–72.
9. Штутман С.М. «Дабы сохранить тишину и спокойствие. Отдельный корпус внутренней стражи – предшественник внутренних войск». Журнал «Независимое военное обозрение», 2002.

© Козлов Вячеслав Александрович (slavaslavik741@rambler.ru), Мацакова Виктория Михайловна (bvm84@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХИЧЕСКИЕ ЭПИДЕМИИ И КОНЦЕПЦИЯ ВЫРОЖДЕНИЯ В РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА: К ИСТОРИИ МЕДИЦИНСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МАССОВЫХ ПСИХОЗАХ

Кравцова Елена Сергеевна

Доктор исторических наук; профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Курский государственный медицинский университет

Левченко Елена Владимовна

Кандидат медицинских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Курский государственный медицинский университет

levchenkoev@kursksmu.net

PSYCHIC EPIDEMICS AND THE CONCEPT OF DEGENERATION IN RUSSIA AT THE TURN OF THE 19TH–20TH CENTURIES: ON THE HISTORY OF MEDICAL IDEAS ABOUT MASS PSYCHOSES

E. Kravtsova

E. Levchenko

Summary: The aim of the study is to identify the role of the concept of “degeneration” in the interpretation of the phenomenon of “psychic epidemics” in the Russian Empire at the turn of the 19th–20th centuries and to compare it with modern digital analogues of mass psycho-emotional behavior.

The methodological basis of the research includes the comparative-historical method, discourse analysis, and a cultural approach, which together make it possible to comprehensively examine both medical and sociocultural aspects of mass psychic reactions. The article analyzes the development of ideas about “psychic epidemics” in Russian psychiatry of the late 19th – early 20th centuries (I.P. Merzheevsky, P.I. Kovalevsky, S.S. Korsakov, V.M. Bekhterev), traces the influence of the degeneration narrative on the formation of social and medical interpretations of mass phenomena, and reveals structural parallels with modern digital forms of collective behavior (virtual panics, flash mobs, online trauma).

The scientific novelty lies in the interdisciplinary comparison of historical and contemporary forms of “psychic epidemics”, which makes it possible to demonstrate the persistence of basic mechanisms of psycho-emotional contagion and the transformation of explanatory models — from the biological concept of degeneration to the theories of “collective trauma” and “information-psychological influence”.

The practical significance of the study lies in the possibility of applying its results in the study of the history of Russian psychiatry, as well as in the development of media literacy and psychoprevention strategies aimed at reducing mass anxiety and increasing social resilience to destructive reactions.

Keywords: psychic epidemics, theory of degeneration, mass psychology, digital culture, collective trauma.

Аннотация: Цель исследования — выявить роль концепции «вырождения» в интерпретации феномена «психических эпидемий» в Российской империи конца XIX – начала XX вв. и сопоставить её с современными цифровыми аналогами массового психоэмоционального поведения.

Методологическую основу работы составили сравнительно-исторический метод, дискурсивный анализ и культурологический подход, что позволило комплексно рассмотреть медицинские и социокультурные аспекты массовых психических реакций. В статье анализируется развитие представлений о «психических эпидемиях» в отечественной психиатрии конца XIX – начала XX вв. (И.П. Мержеевский, П.И. Ковалевский, С.С. Корсаков, В.М. Бехтерев), прослеживается влияние нарратива вырождения на формирование социальных и медицинских трактовок массовых явлений и выявляются структурные параллели с современными цифровыми формами коллективного поведения (виртуальные паники, флешмобы, сетевые травмы).

Научная новизна заключается в междисциплинарном сопоставлении исторических и современных форм «психических эпидемий», что позволило показать устойчивость базовых механизмов психоэмоционального заражения и трансформацию объяснительных моделей — от биологической концепции вырождения к теориям «коллективной травмы» и «информационно-психологического воздействия».

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов при изучении истории отечественной психиатрии, а также при разработке стратегий медиаграмотности и психопрофилактики, направленных на снижение массовой тревожности и устойчивость общества к деструктивным реакциям.

Ключевые слова: психические эпидемии, теория вырождения, массовая психология, цифровая культура, коллективная травма.

Введение

Феномен «психических эпидемий», под которыми понимаются массовые формы изменённых психических состояний, фиксировался в различные

исторические периоды как в Европе, так и в России. Конец XIX – начало XX вв. ознаменовались активным обсуждением данной проблематики в медицинском и философском дискурсе. Отечественные психиатры — И.П. Мержеевский, П.И. Ковалевский, С.С. Корсаков,

В.М. Бехтерев — интерпретировали массовые психические реакции через призму концепции «вырождения», связывая их как с наследственными предрасположенностями, так и с факторами социальной дестабилизации.

В XXI веке цифровая коммуникационная среда формирует новые типы коллективных психоэмоциональных явлений — от «виртуальных паник» до флешмобов и «цифрового траура» — которые демонстрируют структурное сходство с историческими моделями «психических эпидемий». Это обстоятельство актуализирует необходимость сравнительного анализа, направленного на выявление преемственности механизмов психоэмоционального заражения и эволюции объяснительных моделей.

Цель исследования — выявить роль концепции вырождения в интерпретации феномена «психических эпидемий» в Российской империи конца XIX – начала XX вв. и сопоставить её с современными цифровыми аналогами массового поведения.

В соответствии с поставленной целью определены следующие **задачи исследования**:

1. Провести историографический обзор проблемы психических эпидемий и концепции вырождения.
2. Рассмотреть исторические примеры массовых психических реакций в России конца XIX – начала XX вв.
3. Проанализировать роль нарратива вырождения в отечественной психиатрической традиции.
4. Сопоставить исторические модели психических эпидемий с современными цифровыми аналогами.
5. На основании исторического опыта обозначить пути снижения разрушительных последствий современных массовых психоэмоциональных явлений.

Методологическую основу исследования составили сравнительно-исторический метод (для выявления преемственности объяснительных моделей), дискурсивный анализ (для реконструкции трактовок психических эпидемий в научных и философских текстах) и культурологический подход (для анализа социокультурных последствий коллективных психоэмоциональных реакций).

Теоретическую базу исследования формируют труды Ф. Пинеля, Ж. Эскироля, Б. Мореля, Г. Лебона, М. Нордау, М. Фуко, И. Хаккинга и А. Ассман, рассматривающих массовые психические явления как социально-культурный конструкт, связанный с историческими формами коллективного сознания.

Методы исследования

Методологическую основу работы составили **срав-**

нительно-исторический метод, дискурсивный анализ и культурологический подход, применение которых обеспечило комплексное рассмотрение феномена «психических эпидемий» как на медицинском, так и на социально-философском уровнях.

Сравнительно-исторический метод позволил выявить преемственность объяснительных моделей массовых психических явлений от конца XIX – начала XX вв. до цифровой эпохи. На его основе сопоставлялись медицинские трактовки «психических эпидемий» в трудах И.П. Мержеевского, П.И. Ковалевского, С.С. Корсакова и В.М. Бехтерева с современными концепциями «информационно-психологического воздействия» и «коллективной травмы».

Дискурсивный анализ применялся для реконструкции способов описания массовых психических явлений в научных, философских и публицистических текстах. Исследование опиралось на подходы М. Фуко, Ж. Эскироля, И. Хаккинга и А. Ассман, рассматривающих психические эпидемии как элементы культурного нарратива, отражающие представления общества о норме, патологии и коллективной идентичности.

Культурологический подход позволил рассматривать психические эпидемии не только как медицинский феномен, но и как проявление массовой культуры. Он обеспечил анализ социокультурных последствий коллективных психоэмоциональных реакций, а также их современных цифровых аналогов — интернет-флешмобов, «виртуальных паник» и меметических вспышек.

Теоретическую базу исследования составили классические труды Ф. Пинеля, Ж. Эскироля, Б. Мореля, Г. Лебона, М. Нордау, а также современные концепции М. Фуко, И. Хаккинга, А. Ассман и З. Туфекчи. Эти работы позволили объединить медицинский, философский и культурологический аспекты изучаемого феномена и выстроить междисциплинарную модель анализа «психических эпидемий».

Таким образом, выбранная методологическая стратегия обеспечила возможность комплексного анализа исторических и современных проявлений массовых психоэмоциональных явлений, выявив как их общие структурные механизмы, так и трансформацию объяснительных моделей от биологического к социокультурному и цифровому уровням интерпретации.

Обсуждение и результаты

Вопрос о феномене массовых психических реакций на протяжении столетий находился в поле внимания врачей, философов и культурологов. Уже в XVIII–XIX вв. в европейской науке складываются разные подходы к пониманию того, что впоследствии получило название

«психические эпидемии».

Одним из первых к их описанию обратился французский врач Филипп Пинель, который в трактате «О душевных расстройствах» подчеркнул влияние социальных факторов на развитие психопатологических состояний, отмечая способность психических явлений «распространяться» в определённых сообществах [1]. Его ученик Жан Эскироль развил эту мысль, вводя представление о «психическом заражении» (*contagion mentale*), объяснявшем случаи массового безумия [2].

Во второй половине XIX века ключевым объяснительным инструментом массовых психических явлений стала теория вырождения, предложенная французским психиатром Бенедиктом Морелем в фундаментальном труде «Трактат о вырождении». Согласно его концепции, неблагоприятные наследственные факторы постепенно усиливаются от поколения к поколению, приводя в конечном итоге к слабоумию, эпилепсии и другим формам психических расстройств [3].

Эти идеи были подхвачены и популяризированы в более широком культурном контексте. Так, М. Нордау в книге «Вырождение» интерпретировал современные ему художественные и социальные явления *fin de siècle* (конец века) как симптомы культурной дегенерации, что расширило применение теории вырождения далеко за пределы медицины [4].

Особое место в развитии представлений о психических эпидемиях занимали труды социальных психологов. Гюстав Лебон в «Психологии народов и масс» отмечал подверженность больших групп внушению и аффективным состояниям, что, по сути, предвосхитило более поздние исследования массовой психологии [5].

В российской традиции конца XIX – начала XX вв. теория вырождения также получила широкое распространение. И.П. Мержеевский, выступая на Первом съезде отечественных психиатров в Москве в 1887 г., связывал рост нервных и психических болезней с ненормальными социальными условиями, включая злоупотребление алкоголем и ускорение темпа жизни [6]. П.И. Ковалевский и его харьковская школа трактовали неврастению как «русскую болезнь», встраивая её в концепцию вырождения [7]. С.С. Корсаков и В.М. Бехтерев документировали массовые психические явления в периоды войн и революций, рассматривая их в контексте социальной патологии [8; 9].

В XX веке интерес к проблеме массовых психических явлений получил новое развитие в философии и культурологии. М. Фуко в работе «История безумия в классическую эпоху» показал, как менялись формы интерпретации психических расстройств и их социального восприятия. В исследованиях ученых XX и XXI веков

феномен психических эпидемий рассматривается как культурно-исторический конструкт, тесно связанный с проблемами коллективной памяти и биополитики [10].

Следовательно, историография демонстрирует сложное взаимодействие медицинских, философских и культурологических объяснительных моделей общественного сознания. Если в XIX веке ведущую роль играла биологическая концепция вырождения, то современные исследователи склонны трактовать психические эпидемии как социокультурный феномен, зависящий от исторического контекста и коллективных форм восприятия.

Феномен массовых психических явлений имеет глубокие исторические корни и неоднократно фиксировался в разные эпохи.

В Средние века наибольшую известность получила «пляска святого Вита» (XIV–XVI вв.), охватывавшая целые города Центральной Европы. Участники танцевальной мании впадали в изменённые состояния сознания, теряли контроль над движениями и часами находились в состоянии транса. Современники объясняли это либо одержимостью, либо действием ядовитых веществ (например, спорыньи) [11]. Церковь трактовала такие явления как знамения или наказание свыше, а врачи – как проявления соматических и психических расстройств.

В Новое время массовые психические явления приобретают иные формы. В XVIII веке широкое распространение получил месмеризм – магнетические сеансы Франца Месмера, сопровождавшиеся массовыми состояниями экстаза и катарсиса. Подобные практики сочетали в себе элементы науки, мистики и религиозных переживаний, формируя новые типы коллективных психических реакций [12].

XIX век отмечен ростом интереса к массовым истериям и религиозным пробуждениям, сопровождавшимся коллективными изменениями сознания. Революции и войны усиливали распространение подобных явлений: психиатры фиксировали вспышки психозов среди солдат, а также массовую паническую реакцию населения в периоды социальных катаклизмов [13].

Особое значение феномен психических эпидемий приобрёл в России. С одной стороны, они проявлялись в рамках религиозных сект и мистических движений. Так, старообрядческие и сектантские общины фиксировали случаи коллективных экстатических состояний, которые врачи объясняли психопатологией на основе «дегенеративной наследственности» [14].

С другой стороны, массовые психические реакции сопровождали революционные и военные события. Психиатры П.Б. Ганнушкин, В.П. Осипов описывали явле-

ния психического заражения в армейской среде и среди населения, находившегося в условиях постоянного стресса и неопределённости [15; 16].

Следовательно, ретроспективный анализ показывает, что психические эпидемии рассматривались как зеркало социальных процессов. В Средневековье они объяснялись демоническими влияниями, в XVIII–XIX вв. – воздействием магнетизма и истерии, а в России рубежа XIX–XX вв. – через призму теории вырождения, связывающей наследственные дефекты с социальными катаклизмами.

Вторая половина XIX века стала временем утверждения теории вырождения как универсального инструмента интерпретации социальных и психических патологий. В медицинском дискурсе теория вырождения позволяла связать индивидуальные болезни с социальными кризисами ссылки, а в философском и публицистическом – превращала массовые психические эпидемии в индикатор национального упадка.

Нарратив вырождения имел серьёзные последствия для общественного восприятия психических эпидемий. Во-первых, он усиливал стигматизацию отдельных социальных групп – бедных, сектантов, мигрантов, которые рассматривались как «переносчики дегенерации». Во-вторых, он способствовал развитию евгенических проектов, ориентированных на профилактику «социальных болезней» и предотвращение вырождения нации [17]. В-третьих, он закрепил за психиатрией статус науки, способной не только лечить индивидов, но и диагностировать «здоровье общества».

Следовательно, в российском контексте нарратив вырождения превратил психические эпидемии в маркер национального кризиса и инструмент социальной критики. Он позволял объяснять коллективные психические явления как результат рокового взаимодействия наследственных патологий и социальных катастроф, одновременно формируя идеологическую основу для консервативных политических и медицинских проектов.

В XXI веке термин «психическая эпидемия» всё чаще используется в метафорическом значении для обозначения массовых психоэмоциональных реакций, распространяющихся в цифровой среде. Такие явления обладают структурными сходствами с историческими психическими эпидемиями – они также основаны на механизмах внушения, заражения и эмоционального резонанса, но реализуются в принципиально новой медийной оболочке [18].

Пандемия COVID-19 (2020–2022 гг.) сопровождалась глобальными всплесками массовой тревожности и паники. Распространение дезинформации в социальных сетях усиливало ощущение угрозы и приводило к фор-

мированию «виртуальных паник» [11].

Вирусные флешмобы и челленджи («Ice Bucket Challenge», «Blue Whale» («Ведерко со льдом бросает вызов», «голубой кит» и др.) демонстрируют способность идей и практик (флешмоб и челлендж – практики воздействия на сознание масс людей) стремительно захватывать большие аудитории, создавая эффект «заражения» через подражание.

Коллективные психоэмоциональные реакции в социальных сетях проявлялись, например, во время глобальных катастроф (теракт 11 сентября 2001 г.), когда миллионы пользователей транслировали схожие эмоциональные состояния, создавая феномен «цифрового траура» или «цифровой тревоги».

Современные массовые психоэмоциональные явления базируются на нескольких ключевых механизмах:

Психоэмоциональное заражение – быстрое распространение аффективных состояний через сеть (например, массовая паника или эйфория).

Внушаемость и подражание – готовность пользователей воспроизводить наблюдаемые действия (участие во флешмобах, массовые акции).

Эмоциональный резонанс – взаимное усиление переживаний внутри цифровых сообществ.

Групповая динамика – сплочение пользователей вокруг символов, хэштегов и мемов, что заменяет традиционные формы собраний и митингов [19].

В отличие от локальных вспышек прошлого, современные психические эпидемии обладают глобальным характером. Цифровые технологии обеспечивают мгновенное распространение информации и эмоций, стирая географические и культурные границы. Алгоритмы социальных сетей усиливают эффект, формируя «эхо-камеры», где пользователи подвергаются постоянному воздействию схожих эмоций и идей.

Современные междисциплинарные исследования (психиатрия, история, философия, культурология) заменяют биологически детерминистскую концепцию вырождения на более гибкие категории. К ним относятся понятия «коллективная травма», «психосоциальный стресс», «информационно-психологическое воздействие» и «биополитические практики управления вниманием». Это позволяет лучше понять массовые психоэмоциональные явления в цифровую эпоху.

«Коллективная травма» – общее психологическое переживание трагических событий, закрепляемое в культурной памяти (пример: COVID-19).

«Психосоциальный стресс» – напряжение, возникающее под воздействием социальных и информационных факторов (пример: инфодемия и паника во время кризисов).

«Информационно-психологическое воздействие» – целенаправленная манипуляция сознанием через цифровые технологии, используемая в политических и медийных практиках.

«Биополитические практики управления вниманием» – контроль и распределение общественного внимания через алгоритмы социальных сетей, что формирует новые формы зависимости и массового поведения.

Следовательно, современные цифровые «психические эпидемии» демонстрируют преемственность базовых механизмов коллективного поведения, известных с XIX века, но отличаются масштабом и медиальной природой. Их анализ показывает, что феномен, ранее связывавшийся с наследственностью и социальной средой, сегодня объясняется особенностями цифровой коммуникации и управления вниманием.

Заключение

Проведённое исследование показало преемственность интерпретаций феномена «психических эпидемий» — от биологически детерминированной концепции вырождения конца XIX – начала XX вв. до современных теорий коллективного поведения в цифровой среде.

Исторический анализ выявил, что российские психиатры (И.П. Мерзеевский, П.И. Ковалевский, С.С. Корсаков, В.М. Бехтерев) рассматривали массовые психические явления как отражение общественных кризисов, объясняя их взаимодействием наследственных и социальных факторов. Нарратив вырождения стал универсальной моделью осмысления коллективных расстройств и показателем культурного упадка.

Сопоставление исторических и современных циф-

ровых форм психоэмоционального заражения выявило устойчивость базовых механизмов — внушаемости, подражания, эмоционального резонанса и групповой динамики. Однако в цифровую эпоху они приобретают новую медиальную природу, усиливаемую алгоритмами и сетевыми структурами, что превращает эмоции в вирусный ресурс общественной динамики.

Современные «цифровые психические эпидемии» — виртуальные паники, флешмобы, волны тревожности — демонстрируют переход от биологического детерминизма к категориям «коллективной травмы», «информационно-психологического воздействия» и «психосоциального стресса». Это позволяет рассматривать массовые психоэмоциональные явления как результат взаимодействия социальных, культурных и технологических факторов.

На основе исторического опыта предложены пути снижения разрушительных последствий современных психоэмоциональных явлений:

- развитие программ медиаграмотности и критического восприятия информации;
- формирование навыков эмоциональной саморегуляции и психопрофилактики в цифровой среде;
- повышение ответственности медиа-платформ за управление контентом;
- внедрение междисциплинарных подходов к анализу и регулированию социальных реакций.

Таким образом, поставленные во введении задачи выполнены, а цель исследования достигнута. Результаты могут быть использованы в историко-медицинских и культурологических исследованиях, а также в практике кризисных коммуникаций и профилактике массовых тревожных реакций.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением региональной специфики «психических эпидемий», механизмов цифровых паник в различных культурных контекстах и возможностями применения исторического опыта в современных программах психопрофилактики и медиаграмотности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пинель Ф. О душевных расстройствах. Париж, 1801.
2. Эскироль Ж.-Э.-Д. О душевных болезнях, рассматриваемых в медицинском, гигиеническом и судебно-медицинском отношениях. Париж: J.-B. Baillière, 1838. Т. 1. 752 с.; Т. 2. 743 с.
3. Морель Б. Трактат о вырождении. Париж, 1857.
4. Нордау М. Вырождение. Берлин, 1894. 2 т.
5. Лебон Г. Психология народов и масс. Париж: Феликс Алькан, 1895. 447 с.
6. Мерзеевский И.П. Речь на Первом съезде отечественных психиатров. Москва, 1887. 16 с.
7. Ковалевский П.И. Неврастения как «русская болезнь». Харьков: Тип. М. Зильберберга, 1894. 47 с.
8. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. 312 с.

9. Корсаков С.С. Курс психиатрии. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1913. 832 с.
10. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. Париж: Plon, 1961; рус. пер. М.: АСТ, 1988. 573 с.
11. Beer M. The Dancing Mania. London: Routledge, 2008. 256 p.
12. Nye R.A. Crime, Madness, and Politics in Modern France: The Medical Concept of National Decline. Princeton: Princeton University Press, 1984. 312 p.
13. Hacking I. Mad Travelers: Reflections on the Reality of Transient Mental Illnesses. Charlottesville: University Press of Virginia, 1998. 239 p.
14. Михельсон В.И. Массовые психические состояния и религиозные движения в России XIX – начала XX вв. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 456 с.
15. Осипов В.П. Основные течения современной психиатрии. М.: Тип. Тов. И.Д. Сытина, 1910. 240 с.
16. Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий. М.: Госиздат, 1933. 364 с.
17. Mogilner M. Homo Imperii: A History of Physical Anthropology in Russia. Lincoln: University of Nebraska Press, 2013. 440 p.
18. Assmann A. Cultural Memory and Western Civilization. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 423 p.
19. Tufekci Z. Twitter and Tear Gas: The Power and Fragility of Networked Protest. New Haven: Yale University Press, 2017. 360 p.

© Кравцова Елена Сергеевна, Левченко Елена Вадимовна (levchenkov@kursksmu.net).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ В.В. СОГРИНА

Куренкова Евгения Алексеевна

кандидат исторических наук, доцент,
ФГАОУ ВО Государственный университет просвещения
ea.kurenkova@guppros.ru

THE CIVILIZATIONAL APPROACH IN THE WORKS OF THE RUSSIAN RESEARCHER V.V. SOGRIN

E. Kurenkova

Summary: This article analyzes Russian historian V.V. Sogrin's perspective on the civilizational approach to studying both Russia and the United States. He identifies unique and common aspects and factors of civilizations and develops objective research methods for historical science. The article also notes that, by applying a wide and diverse range of interdisciplinary historical methods in his research, V.V. Sogrin developed a compelling inventory of civilizational archetypes, revealing and explaining their role at all stages of history. It is concluded that the use of global historical categories allowed V.V. Sogrin to substantiate an original scientific concept of the transformation of historical types of civilizations.

Keywords: V.V. Sogrin, Russian history, US history, civilizational approach, historiography.

Аннотация: В статье анализируется система взглядов российского историка В.В. Согрина на особенности цивилизационного подхода в изучении как России, так и Соединенных Штатов Америки, выявляются оригинальные и общие аспекты, факторы цивилизаций, вырабатываются объективные методики исследований исторической науки. Также в статье отмечается, что, применяя в исследованиях широкий и разнообразный спектр междисциплинарных методов изучения истории, В.В. Согрин разработал убедительно обоснованный реестр архетипов цивилизации, раскрыв и объяснив их роль на всех этапах истории. Делается вывод, что использование категорий мировой исторической науки позволило В.В. Согрину обосновать оригинальную научную концепцию трансформацию исторических типов цивилизаций.

Ключевые слова: В.В. Согрин, история России, история США, цивилизационный подход, историография.

Владимир Викторович Согрин (1945–2024) больше известен как знаток истории США, и в меньшей степени – как разработчик цивилизационного подхода в научных исследованиях, что несправедливо, учитывая его вклад в развитие этого методологического направления.

И хотя свои исследования он выстраивал на основе анализа североамериканской истории, его гипотезы, обобщения и выводы, безусловно, будут полезны и для отечественных историков. Поскольку и сегодня (как и в 1990-е, и 2000-е гг.) центральной проблемой остается вопрос о соотношении цивилизационного и формационного подходов к изучению истории.

Конечно, и до появления работ В.В. Согрина исследователи пытались провести (в основном косвенные) параллели между американской и российской цивилизациями [2; 3]. Но именно В.В. Согрин поставил во главу угла исследований цивилизационный подход.

В своих исследованиях [4; 5; 6; 7] В.В. Согрин выделил и проанализировал следующие составляющие цивилизационного подхода: индивидуализм, равенство возможностей, мессианство, демократия, и проч., выделяя универсальные и локальные типы цивилизаций и считая, что последний демонстрирует преемственность ос-

новополагающих характеристик в целом.

По мнению В.В. Согрина, в социальной истории сосуществуют различные социально-цивилизационные группы с собственной идентичностью: расово-этнические; классовые; экономические; религиозные; гендерные; поколенческие. Конфликты внутри этих групп – процесс закономерный и порождающий не столько недопонимание или откровенную вражду, сколько импульсы, способствующие поиску точек соприкосновения, взаимоотношений, компромисса, эволюции.

Исследователи советского этапа историографии в подавляющем своем большинстве были поглощены исключительно классовым конфликтом между трудом и капиталом, игнорируя иные конфликты [8, С.5], тогда как рациональное зерно крылось в иных подходах к прошлому.

Анализируя особенности цивилизации (американской) В.В. Согрин, в первую очередь, акцентировал внимание на религиозной конфронтации, поскольку считал ее «доминантой» цивилизационного подхода к истории страны, которой занимался – США. (Стоит, однако, отметить, что и для истории России религиозный фактор играл и играет далеко не последнюю роль.)

И, по мнению В.В. Согрина, «на современном этапе вновь на одно из ведущих мест в социальных конфликтах вышла религия. Теперь это был уже не раскол между протестантами и католиками, как это было в XIX в., а разделение внутри главных религиозных деноминаций на защитников незыблемых принципов христианства и сторонников принятия постмодернистских ценностей. “Культурные войны” породили новое «религиозное пробуждение» [7]. Ареалом его распространения были все Соединенные Штаты, но наибольшие успехи сопутствовали в южных и западных штатах. Во второй половине 1970-х гг., на пике успехов евангелистского движения, возглавившего традиционалистов, его приверженцами объявили себя 50 млн американцев. Опять же, стоит обратиться к истории России, и мы сможем провести удивительные параллели между прошлым двух стран.

Еще один структурный элемент, на котором фиксировал свое внимание В.В. Согрин - гендерный конфликт. В колониальный период (XVII – последняя треть XVIII вв.) истории США последний уступал иным противоречиям. Но в последующее время там, где преобладало «англиканство, семейные отношения в наибольшей мере приближались к английским образцам. Семьи соответствовали традиционно патриархальному типу, узаконившему господствующее положение старших в семье по отношению к младшим, родителей по отношению к детям, мужа по отношению к жене» [4]. И вновь – исторические параллели (с некоторыми поправками) с Российской империей (метрополией и окраинами), очень много схожего.

Смягчение семейных нравов коснулось, главным образом, северо-восточных колоний США: отмена смертной казни за супружескую измену, запрет мужьям применять физическую силу против жен, которые получили право оставить семью в случае жестокого обращения со стороны мужей. А квакеры фактически ввели гражданский брак, — вот еще ряд факторов, характеризующих важность цивилизационного подхода к истории США.

Но даже после достижения США независимости (с 1770-х – начала 1780-х гг.) сохранялось господство патриархальной концепции. Догма «республиканского материнства», согласно которой общественная роль женщин заключалась в заботе о семье, в воспитании детей, оставалась преобладающей. Пробуждению женского самосознания способствовало вовлечение части американок в промышленное производство. В России эти процессы также имели место, но – гораздо позже; исключительно в силу религиозного фактора и особенностей российской ментальности, находящейся под сильнейшим влиянием традиций в повседневном быте.

Также, говоря о цивилизационном подходе к истории

США, В.В. Согрин отмечал, что начиная с середины 1860-х гг. (то есть, со времен Гражданской войны) происходило обострение гендерного конфликта, росло влияние на общество феминизма, - все это приводило к появлению в США на рубеже XIX-XX вв. «нового типа женщины», обладавшей серьезными отличиями от женщин прежней «викторианской» (так называемой «англиканской эпохи») эпохи. Главной целью женского движения стала борьба за предоставление женщинам избирательного права, окончившаяся тем, что в 1918 г. Конгресс США высказался за внесение в Основной закон (Конституцию) страны поправки о наделении женщин избирательным правом, которая в 1920 г. была ратифицирована большинством штатов [8, С.5].

Расовый – еще один конфликт, отмечаемый и изучаемый В.В. Согриным в связи с возможностью цивилизационного подхода к истории США. Он считает, что расовый конфликт активно изучался отечественными исследователями в советский период, но его содержание полностью не раскрыто [8, С.4]. Были ли расовые конфликты одной из составных частей истории России? Были. Но не в таком развитии как в США. Вспомним, например, седлу оседлости для евреев, и необходимость принятия христианства желающим иудеям для поступления в университет. Не стоит сбрасывать со счетов и конфликты, имевшие место быть на окраинах Российской империи – Кавказ, Закавказье, Средняя Азия, Польша.

Особенность американской цивилизации, подмечаемая В.В. Согриным - связь с английской цивилизацией. Основы американской ментальности под влиянием Англии были заложены в колониальный период 1607–1775 гг. В ментальности белых американцев-англосаксов с самого начала проявлялось британское наследие. Американские колонисты считали своими права и свободы, состоявшие из парламентских и королевских актов, главных судебных решений, основополагающими для существования. Среди неотъемлемых черт ментальности колонистов была английская экспансионистская идея. Американские колонисты усвоили чувство превосходства над иными этносами и расами. В XVII -XVIII вв. и англичане, и североамериканские колонисты рассматривали индейцев и африканцев как «дикарей» и «варваров», которых англосаксы имели право подчинять и порабощать. Согласно суждениям англосаксонских белых поселенцев, «варвары» – индейцы, не имевшие понятия о собственности, могли занимать только те земли, которые непосредственно населяли и обрабатывали. Все иные территории, в том числе те, на которых местные племена добывали себе пропитание, были «ничьи» [4]. И здесь есть косвенные параллели с историей России – что-то похожее происходило в процессе освоения Сибири и Дальнего Востоке (а также и Аляски в XVIII–XIX вв.), но только схожее, а не идентичное.

По мнению В.В. Согрина, конституционный ревизионизм правящего класса и аристократии был постреволюционной фазой, означавшей приведение завоеваний революции в соответствие с интересами тех элитных групп, которые участвовали в революции и, благодаря ей, закрепили ведущие позиции в экономике и социальной структуре. Конституция США сохраняла принципы республиканизма, разделения властей, правового государства, а также гражданские и политические свободы. Был закреплен механизм «сдержек и противовесов», который означал, что три ветви государственной власти не просто разделены, но сдерживали и контролировали друг друга. Конституция - общественный договор с электоратом. Авторы федеральной Конституции критиковали демократию и противопоставляли ей республиканизм, но их модель оказалась совместимой с демократией и в последующем стала именоваться *представительной демократией*. Классическая же демократическая модель, которую отвергали авторы Конституции, стала именоваться *прямой демократией* [8, С. 3, 5, 6].

На протяжении XIX в. между Великобританией и США велась идеологическая война, в центре которой был вопрос: культура и цивилизация какой страны стоят выше? Американцев обличали как лицемеров, ложная привязанность которых к демократии и правам человека уживалась с истреблением индейцев, рабовладением, имперским расширением территории за счет слабости республиканского соседа — Мексики. Американцы изобличали снобизм, сословные различия, колониальный экспансионизм англичан. Англичане характеризовали американский экспансионизм как агрессивный, лицемерный, антигуманный, а собственный — как прогрессивный и культурный. Американцы отвечали аналогичными обвинениями в адрес бывшей метрополии [9].

На рубеже XIX-XX вв. США внесли серьезную поправку в британскую имперскую доктрину. Британская империя обычно разделяется на два главных этапа: «Первая британская империя» (1583–1783 гг.) и «Вторая британская империя» — от потери тринадцати английских колоний и образования США до Второй мировой войны. В обоих случаях это была *классическая колониальная империя*.

США противопоставили классическому колониальному имперскому иной вариант, который, по твердому убеждению, В.В. Согрина, может быть назван неоимперским.

Однако исследователь не раскрывал основных характеристик «новоимперского варианта» (в рамках цивилизационного подхода). Что, в принципе, объяснимо: для данного определения В.В. Согриным не было найдено убедительных характеристик.

Мы не можем согласиться с В.В. Согриным только в последнем определении, по нашему мнению, США не являлась империей, и уж тем более империей колониальной, она правила на основе «открытых дверей», провозглашенной на рубеже XIX-XX вв. и это тоже одна из важнейших характеристик цивилизационного подхода применительно к истории страны.

Чем могут быть интересны отечественным исследователям и востребованы подходы В.В. Согрина в анализе особенностей цивилизационного подхода наработки в отношении истории США? Критериями, которые предлагал автор при характеристике цивилизационных подходов. По сути дела, они, с определенными погрешностями и поправками и оговорками применимы и к истории России.

Успешно применив в исследованиях широкий и разнообразный спектр междисциплинарных методов изучения истории, В.В. Согрин разработал убедительно обоснованный реестр архетипов и факторов цивилизации, раскрыв и объяснив их роль на всех этапах истории.

Использование категорий мировой исторической науки позволило В.В. Согрину обосновать оригинальную научную концепцию трансформации исторических типов цивилизаций, дополнив разработки Ф. Броделя [1].

В частности, выведенная им «локальная цивилизация» демонстрировала преемственность экономических, политических, социокультурных характеристик прошлого и настоящего времени. Цивилизационные характеристики не являются вескими монолитами, они видоизменяются в различные эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008.
2. Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мысли в США сегодня. М., 1992.
3. Рашковский Е. Цивилизационные парадоксы США: взгляд из России // Международная экономика и международные отношения. 2007. № 9.
4. Согрин В.В. Американская цивилизация. М., 2020. [Электронная версия: URL.: <http://djuv.online/file/Pwio57KdBIPOn?ysclid=mfonwft5ic99820583> (Дата обращения: 30.04.2025)]
5. Согрин В.В. Архетипы и факторы цивилизации США // США Канада. Экономика. Политика. Культура. 2009. № 5. С. 3–23.
6. Согрин В.В. Идеология и историография в России: нерасторжимый брак? // Вопросы философии. 1996. № 8.

7. Соргин В.В. Цивилизационное и междисциплинарное изучение истории США // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 25–43.
 8. Соргин В.В. Что такое цивилизация и цивилизационный подход // Американский ежегодник. М., 2024. С. 5.
 9. Троицкая Л.М. «Смешной брат Джонатан» (по материалам английского юмористического еженедельника «Punch», 1840-1850-е гг.) // Американский ежегодник 2010. М., 2010. С. 193–214.
-

© Куренкова Евгения Алексеевна (ea.kurenkova@guppros.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕПРЕССИИ 20–30 ГОДОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И СОСТОЯНИЕ КУЛЬТУРЫ СОЦИУМА

Лоов Анзор Ахмедович

кандидат исторических наук, доцент,
Кабардино-Балкарский государственный аграрный
университет имени В.М. Кокова, г. Нальчик
anzor-44@yandex.ru

THE REPRESSIONS OF THE 20-30S IN THE NORTH CAUCASUS AND THE STATE OF THE CULTURE OF SOCIETY

A. Loov

Summary: The subject of analysis and interpretation in the presented article is the regional peculiarities of cultural policy pursued in the context of the formation of a system of repression in the country in the 20–30s. As a result, various characteristics of culture are presented, considered through the prism of the ongoing repressive policy in one of the autonomous republics of the North Caucasus (Kabardino-Balkaria). The article highlights the stages of the existence of a repressed culture associated with epochal transformations of economic life, politics, and spiritual life. The paper defines the forms used, the methods and methods of repression used by state bodies. At the same time, different spheres of public life were highlighted where the consequences of repressive policies manifested themselves. This is an atheistic policy in theory and practice, expressed by the desire to destroy religiosity and religious spirituality. This includes repression against employees of administrative bodies established in settlements where politics and the struggle for power have come. The period under review was the time of the destruction of the victors in the civil war, which had the idea of building a new society. On this basis various forms of repressive state policy were created aimed at creating an obedient and eventually ideological spiritual culture.

Keywords: North Caucasus, repression, collectivization, culture, dispossession.

Аннотация: Предметом анализа и интерпретации в представленной статье являются региональные особенности культурной политики, проводимой в условиях формирования в стране системы репрессий в 20–30 годы. В результате представлены различные характеристики культуры, рассмотренные через призму проводимой репрессивной политики в одной из автономных республик Северного Кавказа (Кабардино-Балкарии). В статье выделены этапы существования репрессированной культуры, связанной с эпохальными преобразованиями хозяйственной жизни, политики, духовной жизни. В работе определены используемые формы, применяемые государственными органами способы и методы проведения репрессий. При этом выделены разные сферы общественной жизни, где проявлялись последствия репрессивной политики. Это и атеистическая политика в теории и практике выразившаяся стремлением разрушить религиозность и религиозную духовность. Это и репрессии по отношению к работникам административных органов, созданных в населенных пунктах, где пришла и политика, и борьба за власть. Рассматриваемый период стал временем уничтожения победителей в гражданской войне, имевших идеи построения нового общества. На такой основе были созданы различные формы репрессивной государственной политики, направленной на создание послушной и в итоге безыдейной духовной культуры.

Ключевые слова: Северный Кавказ, репрессии, коллективизация, культура, раскулачивание.

Трансформационные, социально-политические процессы рубежа последних веков выявили проблему формирования адекватной, структурированной модели исторического существования народов. В России декларируется и последовательно реализуется целый ряд социально значимых проектов, определяющих возможные цивилизационные контуры страны в будущем. Россия сегодняшнего дня — это процессы формирования модернизированного типа социальности, где учреждаются новые механизмы взаимоотношений общества и государства, народа и власти. В основе происходящих перемен лежат становление институтов гражданского общества, идет процесс создания идеологии отвечающей интересам страны. В этих условиях, значимой, имеющей решающее значение для успешности проводимых трансформаций, является формирование культурной политики в стране, определению места и роли интеллигенции в процессах формирования новой социумной жизни. Практический интерес представляют

вопросы развитие культуры в национально-территориальных образованиях, где формы европейской культуры, образования и литературы находились в процессе становления. Необходимо определиться с особенностями культуры у разных народов, государственно-территориальных образований, исторически сложившихся центров духовности. Предпосылкой для такого анализа духовной жизни общества является исследование особенностей истории народов Северного Кавказа, проводимой государством внутренней политики, практики репрессий, в том числе и в отношении интеллигенции. Трагической страницей в истории евразийских народов было преследование работников образования, искусства, литературы. Здесь необходимо иметь в виду, что существование подобных, болезненных, возникших на базе массовых репрессий периодов истории были практически во всех государственных образованиях. Несмотря на своеобразие отдельных социумных образований сложились однотипные массовые методы и способы

проведения репрессивной политики. Сложившийся репрессивный аппарат исходил и из существующих уголовных законов, и решающее значение при этом имели организованные политические процессы. По всей стране были созданы исправительно-трудовые лагеря, куда ссылали неугодных по разным мотивам и в то же они получали характеристику врагов народа, контрреволюционеров. Было создано общество, которое периодически зачищалось от групп населения способных к самостоятельному существованию. Наиболее образованных, способных к участию в политической жизни, имеющих навыки идеологической деятельности приговаривали к высшей мере наказания.

Необходимо при этом иметь в виду формирование и существование у народов Северного Кавказа немногочисленного слоя образованных людей, работающих в различных формах духовной деятельности. По существу, деятели культуры, представители интеллектуальной части населения были выведены из процессов социальной, духовной жизни общества. Показательным началом такой политики в России было известное выселение интеллектуалов мирового уровня, философов, писателей и ученых на пароходах названных впоследствии «философскими». В 1922 г. из страны насильственно были выдворены более 160 видных деятелей культуры, определявших духовную атмосферу в стране, возможные ориентиры будущего страны. В остальном евразийском социальном пространстве репрессивная машина государства размалывало интеллектуальную часть общества, не обращаясь к «пароходам». Образованная часть населения была выведена за пределы политической, социальной, образовательной, культурной сферы общественной жизни.

В статье рассмотрены проблема исторического развития, функционирования духовной сферы общественной жизни и отношение к интеллигенции в эпоху становления и развития тоталитарного государства в России. Тезис статьи заключается в том, что для сложившегося политического режима необходимостью является подавление инакомыслия и выступлений против власти. Основным способом достижения таких целей и был запуск репрессивного механизма в стране. При этом реализация таких целей происходила на разных территориях, у разных народов. Объективное понимание проблемы политических репрессий в СССР невозможно без глубокого переосмысления их влияния на развитие образования и культуры страны, поскольку именно в образовательных и культурных учреждениях реализуется преемственность поколений, формируется гражданская и политическая позиция личности. Вследствие этого актуализируется задача изучения репрессивной политики советского государства в 30-е годы XX века в сфере образования и культуры не только в масштабах страны, но и на региональном уровне. Рассматриваемый период по-

зволяет выявить наиболее характерные черты проводимых репрессий и их последствия для развития культуры, духовной жизни в России. Началом массовых репрессий в стране стал 1927г. На территории всей страны стали проводить внесудебные незаконные преследования и уничтожение активных, самостоятельных категорий населения, определяя их как саботажников и вредителей. Репрессии стали элементом внутренней политики.

Репрессивная машина заработала в полную силу, начиная с ноября 1929 года.

Основным средством коллективизации стало раскулачивание. Такие разрушения сложившегося образа жизни происходили в период с января 1930 г. и до 1936 г. На Северном Кавказе шло выселение людей, объявленных «кулаками», в отдаленные районы страны.

Высылали, подчиняясь определенной идеологии и логике. Начальный этап репрессивного преобразования общественной жизни - период с января 1930 г. до октября 1931 г. Основной целью власти было ликвидация возможной оппозиции проводимой внутренней политике. При этом эти репрессии проводились на основе идеи необходимости создания более справедливого образа жизни путём раскулачивания зажиточных крестьян (владевших частной собственностью) и создании коллективных хозяйств. Но эти репрессии имели своей целью не только решение политических проблем, но они разрушили существующую традиционную духовную культуру и одновременно репрессиям подверглись формирующиеся элементы социалистической, светской культуры. Второй этап коллективизации, а вернее переустановки общественной жизни возникает с осени 1931г. и длится до мая 1933 г., основной идеей репрессий была высылка в качестве наказания за невыполнение государственных планов. И с середины 1933 г. до середины 1936 г. высылки проводились с целью перераспределения в стране трудовых ресурсов. В процессе выселения и арестами, и конфискацией имущества занимались все общественно-политические структуры, а не только органы ОГПУ и НКВД [1, с.12].

Культурно-просветительные учреждения обслуживали эти процессы. Часть работников этих учреждений, которых можно отнести к числу советской интеллигенции, фактически сменили свою социальную функцию, из выразителей потребностей общества они превратились в исполнителей социального заказа сложившейся тоталитарной власти.

В школьной работе на учителей навешивались разные ярлыки. Так, в сел. Баксаненок и Кишпек школы получили деньги на приобретение инструментов для политехнического образования и заказали эти инструменты. Но приехавшая комиссия инструментов не обнаружила

(их еще не прислали) и обвинила учителей в том, что они не собрали такие инструменты у местных жителей. «Налицо явный правый оппортунизм, нежелание выполнять решения ЦК ВКП(б)» [2, с. 110]. Учителей объявили «мажорными оппортунистами и саботажниками». «Учителя признали свою вину, и дали слово упорной дальнейшей работой искупить таковую» [2, с. 110–111].

На 4-м Пленуме Исполнительного Комитета КБАССР из состава Пленума исключили 11 чел. – Амшокова, Афаунова И., Карашаеву Л., Каминскую, Хашхожева, Энеева как разоблаченных врагов народа, Накова за контрреволюционную вылазку, Коложокова как находящегося под судом и Кузнецова, Курбатова, Налоеву как выбывших из пределов республики [4, с. 23].

При поиске врагов акцент сместился на разоблачение буржуазных националистов, что поставило под удар итоги коренизации. На XV областной партконференции было заявлено: «враги народа буржуазные националисты в системе народного образования Кабардино-Балкарии, национальном издательстве и других культурных организациях тормозили строительство школ, засоряли учительские кадры классово чуждыми элементами, срывали планы всеобуча. Они разлагали советскую школу, прививали детям антипролетарскую идеологию, дискредитировали лучшую часть учительства, подбирали из числа враждебных элементов авторские кадры по составлению и переводу учебников, в которых протаскивали антисоветские троцкистско-бухаринские трактовки и т.д.» [9, л. 93].

На вредительскую деятельность Афаунова и Энеева, которые якобы разваливали учебную работу, «используя в этих целях сектантов, попов, мулл, остатки разгромленного кулачества», свалили то, что за 1936–1937 г. из школ республики отсеклось свыше 3000 детей, а 4137 детей остались на второй год. А на обучение второгодников надо израсходовать свыше миллиона рублей из бюджета народного образования [4, с. 4–5].

Интересно, что в 1936 г. обком партии отметил в отчете: «Значительный процент второгодничества является результатом низкой квалификации учительства вообще, и национального учительства в особенности» [8, л.82]. Тем не менее, вскоре «Бандит Энеев» обвинялся в том, что ни одна школа в республике не была построена вовремя [4, с. 5–6].

Из школ были вычищены 287 учителей «из числа разоблаченных враждебных элементов». Этими элементами были арабисты, бывшие муллы, белогвардейцы, буржуазные националисты и «троцкистско-бухаринские бандиты» [4, с. 7].

Чтобы покрыть возникшие потребности в педагогиче-

ских кадрах, ОНО обязали открыть годовые курсы по подготовке учителей на 160 чел. [4, с. 10].

Крупнейшим вредительским актом был объявлен срыв плана развертывания 7–10 классов, в этом усмотрели создание полного разрыва между начальной и высшей школой, «чтобы затормозить подготовку для республики квалифицированных кадров из коренных национальностей (педагогов, врачей, инженеров и т.п.)» [4, с. 11].

Среди врагов народа, разлагавших советскую школу и протаскивавших антипролетарскую идеологию, были названы 4 русских, 3 еврея и 4 «национала» (Белов, Водахов, Иванцов, Карпов, Базилевич, Тлегуров, Хорольский, Левицкий, Гацунаев, Шабатуков, Гуськов «и многие другие») [4, с. 5].

Любые недоработки и халатность объявлялись вредительством. Так, в портфелях национального издательства лежали, но не были изданы 44 наименования различных учебников и учебных пособий на родных языках [10, с. 96]. Причина была ясна. Авторские кадры по составлению и переводу учебников якобы были почти сплошь подобраны из врагов народа (Борукаев, Пшеноков, Сруков, Налоев, Кожаев, Хочиев и др.), «которые протаскивали в учебники антисоветские троцкистские трактовки» [4, с. 5].

Возможно, причиной этого заявления стал балкарский учебник, описанный еще в 1931 г.: «На Северном Кавказе школы работают с таким учебником (балкарский учебник), в котором на целой странице убедительно трактуется о том, что балкарцы не любят колхозов и очень хорошо обходятся со своим единоличным хозяйством. В этом учебнике совершенно вытравлены понятия слов: «коммуна», «колхоз», «бедняк», «кулак» и т.д.» [с.].

Вредительством было объявлено лимитирование набора в пединституты из представителей коренного населения, из-за чего якобы в школах учителя из числа кабардинцев и балкарцев составляли всего 37 % [10, с. 96].

На врагов свалили неудачи в борьбе с неграмотностью, якобы оказавшиеся в руководстве областных организаций «фашистские псы, наймиты – враги народа» сорвали обучение взрослого населения, давая ложные сведения о, якобы, полном завершении дела ликвидации неграмотности и малограмотности [6, с. 54].

Репрессиям подверглись и работники СМИ. На партконференции в 1938 г. было сказано: «в последние годы мы не раз снимали враждебные группы, пробравшиеся к наиболее острейшему оружию нашей партии – печати». Конкретно назывались «враги народа» Петров, Якимен-

ко и Сабанин. Из редакций было «изъято» и уволено 17 чел., в том числе редакторы всех трех республиканских газет. «Из русской редакции уволено около 50 % всех работников» [11, с. 136]. Это показывает, что под репрессии попадали и русские сотрудники.

Из 14 руководителей Кабардино-Балкарского областного отдела народного образования в 1918–1941 гг. 10 были расстреляны или погибли в застенках ОГПУ: П.И. Тамбиев (1918–1919 гг.); И.А.-Г. Катханов (1920 г.); М.А. Энеев (1920–1922 гг.); Х.Б. Хуранов (1923–1925 гг.); Х.М. Камбиев (1925–1929 гг.); А.П. Булычѳев (1929–1930 гг.); К.У. Максидов (1930–1935 гг.); И.Т. Афаунов (1935–05.1937 гг.); Ж.Б. Сибеков (1937–1939 гг.); Х.Б. Хагуров (1938) [12, с.28-163].

По данным Кабардино-Балкарского республиканского отделения «Мемориал» и правозащитного центра «Политические репрессии в Кабардино-Балкарии» в 1920–1930-х гг. было репрессировано свыше 5 тыс. человек. В их числе более 100 представителей национальной культуры и образования [3, с. 552]. Среди репрессированных были руководители и рядовые работники культурно-просветительных учреждений, директора школ, учителя, преподаватели вузов, студенты. Интеллигенция – носитель духовного потенциала, высококвалифицированные специалисты, понесла большие потери.

В целом отношения между дореволюционными работниками умственного труда и советской властью характеризовались неприязнью и недоверием, поэтому возникла необходимость формирования новой социалистической интеллигенции. На место репрессированных пришли люди без необходимого опыта и квалификации. В 1930-е гг. в регионе произошло значительное увеличение технической и педагогической интеллиген-

ции, наряду со снижением квалификационного уровня и изменением социального состава специалистов.

Таким образом, в соответствии с имевшимися директивами ЦК ВКП(б), прямыми указаниями И.В. Сталина органы НКВД активизировали свою деятельность по вскрытию и ликвидации «контрреволюционных» организаций и борьбе с «врагами» и «вредителями». Массовые политические репрессии в 1930-е гг. были важнейшим механизмом регулирования жизни государства. Они стали завершающим этапом сталинской революции «сверху». Индустриализация стала возможна только при наличии и введении в действие репрессий. Репрессивный механизм оставался необходимым в СССР и после его перехода к социалистической экономике. В частности, он перераспределял рабочую силу в нужных государству направлениях и отраслях. Человеческие жертвы, экономические и культурные последствия «большого террора» невосполнимы. Политические репрессии причинили колоссальный вред, уничтожив ученых, педагогов, инженерно-технических специалистов, руководителей разного уровня. Чистка 1930-х гг. в среде интеллигенции имела длительные последствия и нанесла неизмеримый урон историческому развитию региона и страны в целом, который продолжает ощущаться и поныне. Но эта логика проводимой политики в основном характерна для областей, где утвердился индустриальный образ жизни. Для автономных образований Северного Кавказа с крестьянским образом жизни характерны для репрессии в отношении тех, кто получил образование в период и после гражданской войны, а особенно самодеятельных крестьян и духовенства. Особой категорией были остатки представителей знати, не знавших ни русского языка, ни социализма, лишь по факту благородного происхождения, и стар, и млад этих родов были уничтожены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейбулатов А.Ш. Кулацкий вопрос на Северном Кавказе: эволюция и особенности решения: 1928–1935 гг.: автореф дис. канд. ист. наук. – Пятигорск, 2006. – 180 с.
2. Волконский Ив. Об одном опыте ликвидации прорыва на культурном фронте // Революция и горец. – 1932. – № 4. – 137 с.
3. Книга Памяти жертв политических репрессий Кабардино-Балкария. 1920–1941. – Нальчик: М. и В. Котляровых, 2009. – 552 с.
4. Постановления IV Пленума Исполкома КБАССР. – 23 с.
5. Уралов М. Вопросы культурного строительства в нацреспубликах и областях // Просвещение национальностей. – 1931. – № 3. – 92 с.
6. УЦДНИ АС КБР. – Ф. П. – 19. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 54.
7. УЦДНИ АС КБР. – Ф. П. – 1. – Оп. 1. – Д. 164а. – Л. 25–26.
8. УЦДНИ АС КБР. – Ф. П. – 1. – Оп. 1. – Д. 170. – Л. 82.
9. УЦДНИ АС КБР. – Ф. П. – 1. – Оп. 1. – Д. 192. – Л. 93.
10. УЦДНИ АС КБР. – Ф. П. – 1. – Оп. 1. – Д. 192. – Л. 96.
11. УЦДНИ АС КБР. – Ф. П. – 1. – Оп. 1. – Д. 192. – Л. 136.
12. Шагапсоев С.Х., Тохова С.М. Из истории просвещения Кабардино-Балкарской Республики (1918–2012) – Нальчик, 2012.

© Лоов Анзор Ахмедович (anzor-44@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ СО СТРАНАМИ АНТАНТЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914–1917 ГОДЫ

Плеханов Андрей Евгеньевич

Кандидат исторических наук, доцент,
Рязанский государственный агротехнологический
университет имени П.А. Костычева
vkmagcur78ml@yandex.ru

THE STRATEGIC NATURE OF RUSSIA'S COOPERATION WITH THE ENTENTE COUNTRIES DURING THE FIRST WORLD WAR OF 1914-1917

A. Plekhanov

Summary: The article analyzes the relations between Russia and the Entente countries, England, and France, during the First World War. Russia played a crucial role in the Entente. The article emphasizes that Russia's relations with England and France were complex. The allies often relied on Russia's human resources. However, the Entente countries also recognized Russia's military capabilities. Even after the revolution and Russia's withdrawal from the war, Russia remained an important factor in the global conflict. Keywords: Russia, France, England, Germany, Entente, conference, cooperation, offensive, front.

Keywords: Russia, France, England, Germany, Entente, conference, cooperation, offensive, front.

Аннотация: В статье анализируются отношения России и стран Антанты: Англии и Франции, в годы Первой мировой войны. Россия играла важнейшую роль в Антанте. В статье подчеркивается, что отношения России с Англией и Францией были непростыми. Нередко союзники использовали людские ресурсы России. Однако, страны Антанты все-таки учитывали военные возможности России. Даже после революции и выхода из войны Россия оставалась важным фактором в мировом конфликте.

Ключевые слова: Россия, Франция, Англия, Германия, Антанта, конференция, сотрудничество, наступление, фронт.

Первая мировая война 1914–1915 годов явилась последней войной Российской империи. Основными противниками России в ходе войны являлись Германия и Австро-Венгрия, а основными союзниками Великобритании и Франция. Первая мировая война была по своему характеру коалиционной. При возросших возможностях промышленности ведущих европейских стран, росте военно-технических изобретений и технологий, победу могла одержать только такая коалиция стран, которая смогла бы мобилизовать все свои военно-экономические и военно-политические для достижения полной победы. Важную роль играло и то, как будет формироваться сотрудничество держав в военно-политическом блоке. Каким будет характер их взаимодействия и военно-экономической помощи. Для России, которая обладала большой армией и вынуждена была затратить немалые военные усилия, для войны с Германией и Австро-Венгрией, важными являлись и военные поставки от союзников и характер взаимодействия стран членов Антанты.

Организация взаимодействия союзников явилась важнейшей задачей для стран участников Антанты. Важными вопросами являлись и проблема объединения военных усилий и взаимодействия различных фронтов, как

Восточного или Русского, так и Западного. Необходимо было разработать и общие стратегические планы войны, учесть необходимость военных поставок, в которых Россия так нуждалась. Антанта как военно-политический союз была еще к началу войны не совсем сформирована в плане дипломатических договоренностей. И если между Францией и Россией договор существовал, то между Россией и Англией его долгое время не было. Лишь в 1907 году был заключен договор о разграничении влияния в Персии, Афганистане и Тибете. Однако союзные отношения с Англией не были оформлены. Правда русские правящие круги не сомневались, что Великобритания выступит на стороне Антанты. Ведь отношения между Англией и Францией были оформлены договором от 8 апреля 1904 года. Незадолго до войны русская дипломатия поставила вопрос об оформлении военно-политического сотрудничества Англии и России, в том числе и возможности заключения военно-морской конвенции, однако до начала войны необходимые документы так и не были подписаны [1, с.36].

Наиболее тесным до начала войны, было сотрудничество России и Франции. Если Великобритания не имела большой сухопутной армии и с началом войны в Европе могла быть представлена лишь небольшим экспедици-

онным корпусом, то у Франции и России были достаточно большие сухопутные армии. Эти обстоятельства предопределяли важность военного планирования и согласование совместных действий двух стран. Еще до войны обе страны договорились об оказании помощи друг другу, в случае нападения Германии хотя бы на одну из участниц союза. Довоенными планами предусматривалось, что и Россия, и Франция должны будут мобилизоваться и начать войну против Германии как можно скорее. До начала войны развивались достаточно оживленные контакты между Генеральными штабами двух стран. Россия при этом в большей степени зависела от Франции. По большей части шло обсуждение действий русских войск, французы сообщали о своих планах, но совместного диалога по поводу их выполнения не было. Для России лучшим вариантом было бы направить свои силы против Австро-Венгрии. Ее армия была слабее, чем армия Германии. Но такие планы вызывали беспокойство у французского командования, которое настаивало на том, что основные усилия русского союзника должны быть направлены против Восточной Пруссии, на Берлин.

В 1912 году было, по сути, решено, что основные усилия русских войск будут направлены против Австро-Венгрии, если Германия направит свои силы против Франции. Если же немцы направили бы основные силы против России, то против немцев направлялось гораздо больше сил. Еще до войны, между союзниками возникли противоречия по поводу направления главных ударов русской армии. Русское командование соглашалось рассмотреть удар русских армий на Берлин, но всерьез не готовилось к такому развитию событий [6, с.18].

С началом войны в 1914 году французы очень часто обращались к России, с просьбами о скорейшем начале наступления против Германии. Германия бросила основные силы против Франции. Россия вынуждена была ускорить подготовку к наступлению и нанести удар в Восточной Пруссии. Осенью 1914 года, после поражения русских войск в Восточной Пруссии между русским и французским командованием возникли споры о том, кто должен вести решающее наступление на Германию. Надежды на решающий удар еще пока не исчезли. На этом этапе отношения между Россией и ее французским союзником были весьма проблемными. Обе стороны были еще недостаточно информированы о действиях друг друга. Обмен различными данными пришлось налаживать в ходе войны. В конце октября 1914 года во войну вступила Турция. Это был давний противник России, однако союзники продолжали настаивать на концентрации усилий против Германии. В конце 1914 года стало понятно, что война будет долгой. В этой связи, странам Антанты необходимо было налаживать еще более тесное военное сотрудничество. Для русской же стороны проявилась в полной мере проблема нехватки вооружений [3, с.42].

1915 год был весьма тяжелым для России. Германия и Австро-Венгрия сосредоточили основной удар на Восточном фронте, рассчитывая если не нанести России тяжелое поражение, то хотя бы ослабить ее. Русские войска оставили большое количество территорий и вынуждены были отступить вглубь страны. Продолжилось и налаживание взаимодействия между союзниками. Французы смогли создать специальное Отделение внешних операций, которое должно было заниматься сбором и обработкой информации о событиях на других фронтах. В русской армии особо чувствовался дефицит вооружений. Поэтому вопрос о военных поставках начал приобретать все большее значение.

В период отступления русской армии российская сторона всячески старалась повлиять на союзников для того, чтобы облегчить положение русской армии. Речь шла об увеличении военных поставок и активности союзников на Западном фронте. В июле 1915 года состоялось первая конференция союзников в Шантильи, для координации своих планов. Это было первое совещание союзников по вопросам координации их усилий. Единый орган по координации своих усилий союзникам создан не был, поэтому приходилось прибегать к подобным совещаниям. В конференции приняли участие представители Франции, Великобритании, России, Сербии, Бельгии и Италии. Союзники не смогли оказать России эффективной помощи. Не был выработан единый план войны. Однако это был лишь первый опыт в процессе принятия союзниками совместных решений [4, с.72]. Союзники осознавали тяжелое положение России, но оказать значительной помощи пока не могли.

В конце сентября было предпринято наступление союзников, однако значительных успехов достигнуть не удалось. Вторая конференция состоялась в декабре 1915 года. Необходимо было договориться о планировании совместных действий и распределении ресурсов. Представитель России генерал Я.Г. Жилинский предложил согласовать вопросы помощи и взаимодействия стран Антанты между собой, если на одну из сторон будет направлено наступление неприятеля. Другие страны Антанты должны были оказать помощь этой стране немедленно. Это предложение не было принято. Однако союзники согласились организовать в 1916 году общее наступление на всех фронтах. Главной проблемой для союзников оставалось отсутствие общих планов в ведении войны. В целом странам германского блока удавалось вести военные действия успешнее.

Необходимо отметить, что выработка общесоюзных планов была непростым делом для стран Антанты. И Англия, и Франция с началом войны стали активно использовать потенциал России для собственной выгоды. Обе страны будучи союзниками России старались максимально подчинить Россию интересам западного фрон-

та. Роль же самой России с началом войны, постепенно снижалась. Командования и Англии, и Франции не хотели брать на себя каких-либо обязательств. В отношении создания общесоюзного координационного органа союзники России не проявляли никакого интереса. Поэтому России, при недостаточном техническом уровне своей армии приходилось добиваться каких-либо достижений, используя живую силу, что приводило к большим потерям [2, с.147].

В 1916 году союзникам стала ясно, что для решающей победы необходимо согласовать свои планы. 12 марта состоялась третья конференция стран Антанты в Шантильи. Страны Антанты договорились о согласовании своих действий и начале общего наступления в 1916 году. Результаты этой конференции были весьма позитивными, особенно если учесть прошлые весьма скромные результаты. В начале марта русские армии начали наступление в районе озера Нарочь. Однако добиться больших успехов не смогли, понеся при этом большие потери. Все же удалось помочь союзникам на западном фронте. Немцы вынуждены были приостановить наступление на Верден. Что было критически важно для французов. Намечался так же удар войск Юго-Западного фронта, которому суждено было войти в историю как Брусиловский прорыв. Наступление предполагалось начать в начале июня, против союзника Германии, Австро-Венгрии. Однако представители Италии очень просили начать наступление раньше. Пришлось учесть просьбу союзника. Само наступление способствовало тому, что положение Австро-Венгрии ухудшилось, немцы вынуждены были тратить на помощь своему союзнику больше сил и средств. Это помогло и Италии, и Антанте в целом. Однако для России итогами являлись большие потери и приближение революции [3, с.407].

Следующая конференция союзников состоялась в Шантильи 14–15 ноября 1916 года вместе с проведением политической конференции в Париже. Французское командование считало, что Западный фронт считается по-прежнему главным. Поэтому основные усилия предполагается сосредоточить на нем. Инициатива проведения конференции исходила от Британии. На обеих конференциях и военной и политической обсуждалось продолжение наступательных действий в 1917 году. Британцы предполагали, что России можно будет предоставить право нанести один из главных ударов. Однако французы такое мнение не разделяли. Дискуссии развернулись по проблеме Салоникского фронта. Россия, Сербия, Румыния настаивали на усилении этого фронта. Однако это не отвечало интересам Англии и Франции. Союзники России, с одной стороны, старались в первую очередь учесть свои интересы, но все-таки признавали и значение Восточного фронта. Для России главным являлись поставки вооружений. Особенно нуждалась русская армия в поставке артиллерии. Союзники гото-

вы были на словах предоставить России все необходимое. Однако в 1916 году союзникам не удалось добиться окончательной победы [5, с.145].

В январе 1917 года союзники опять планировали координацию своих усилий на конференциях в Риме и в Петрограде. В Риме обсуждались вопросы, которые касались прежде всего потребностей и нужд итальянской армии. Представители стран Антанты запланировали окончательно решить все вопросы на Конференции в Петрограде. Делегации прибыли в российскую столицу 29 января 1917 года. Присутствовали представители Англии, Франции, Италии. Делегации обсуждали широкий круг вопросов. Важным вопросом было и участие России в войне. Будущую кампанию 1917 года планировалось опять провести как решающую. Все союзники готовились к проведению наступления еще до проведения конференции.

Операциям русской армии придавалось важное значение. Однако русские представители заявляли о том, что русская армия пока не готова к масштабному наступлению. Требовалось повысить технический уровень войск и сформировать резервы. Россия не могла избежать наступления и отказаться от поддержки своих союзников по Антанте. Однако еще на конференции стало понятно, что больших объемов материальной помощи России ждать не стоит. Россия не смогла поддержать наступление союзников в апреле 1917 года. В феврале 1917 года в России произошла революция. В армии началось падение дисциплины. Российская промышленность уже могла в достаточных количествах выпускать необходимые материалы, однако в обществе и в армии сказалось усталость от войны. В июле 1917 года состоялось последнее наступление русской армии. Первоначально были достигнуты некоторые успехи, однако затем из-за падения дисциплины и переброски немцами частей из Франции, темп наступления приостановился. Союзники не смогли оказать действенной помощи. После провала наступления разложение в армии продолжилось еще более высокими темпами [7, с.107].

Осенью 1917 года союзники почти не рассматривали Россию как боеспособного союзника. Союзники практически не рассчитывали и на поставки своих вооружений в Россию. В ноябре, в связи с приходом к власти в России к большевикам, Россия практически прекратила военные действия с Германией и Австро-Венгрией. Но и после заключения Брестского мира 3 марта 1918 года, немцы вынуждены были держать на территории России значительное количество людских континентов, что несомненно помогло союзникам.

Следует отметить, что военно-техническое сотрудничество союзников, наоборот имело тенденцию к улучшению. Если в 1914 и в 1915 году, союзники сами нуждались

в повышении своего технического уровня, то в 1916 и 1917 годах уровень поставок повысился. В России были востребованы в качестве поставок и артиллерийские орудия, которые позволяли нести меньшие потери в людях и способствовали организации наступления, для прорыва немецкой обороны [8, л.22]. Кроме того, интересен был и военный опыт, полученный союзниками на западном фронте, например, при прорыве проволочных заграждений [9, л.233]. Поскольку Россия до войны значительно отставала от других стран в промышленном развитии, то была необходимой и потребность в различном промышленном и техническом оборудовании [10, л.7].

Таким образом, сотрудничество России и других стран Антанты, в первую очередь Англии и Франции позволили Антанте, как военному блоку одержать победу над державами Тройственного союза. Само сотрудничество могло и усиливаться, и ослабевать. Роль России в военных событиях Первой мировой войны неоспорима. С точки зрения дипломатии и военно-стратегического взаимодействия, союзники часто старались понизить значение России. Однако именно военные усилия России позволили странам Антанты продержаться и в 1914 году, накопить ресурсы в 1915 году, а затем не без помощи русского союзника победить в Первой мировой войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Емец В.А. Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны. М., 1977. 367 с.
2. Лютов И.С., Носков А.М. Коалиционное взаимодействие союзников. По опыту первой и второй мировых войн. М., 1988. 244 с.
3. Оськин М. В. Брусиловский прорыв. М., 2010. 411 с.
4. Павлов А.Ю. Скованные одной целью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914-1917гг.). СПб., 2008. 187 с.
5. Павлов А.Ю. Скованные одной целью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914-1917гг.). СПб., 2008. 187 с.
6. Россия в стратегии первой мировой войны. Книга первая. Россия в стратегии стран Антанты. Под. ред. Павлова А.Ю. СПб., 2014. 314с.
7. Россия в стратегии первой мировой войны. Книга первая. Россия в стратегии стран Антанты. Под. ред. Павлова А.Ю. СПб., 2014. 314 с.
8. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). РГВИА. Ф. 510, оп. 1, д. 25, л.22.
9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). РГВИА. Ф. 510, оп. 1, д. 25, л.233.
10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). РГВИА. Ф. 511, оп. 1, д. 31, л.7.

© Плеханов Андрей Евгеньевич (vkmagcur78ml@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ В 1917–1922 ГОДАХ. ЧАСТЬ 2. ИНФОРМАЦИЯ, ПОДЛЕЖАЩАЯ ЗАЩИТЕ, И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ

HISTORICAL EXPERIENCE OF THE FORMATION OF THE INFORMATION SECURITY SYSTEM IN RUSSIA IN 1917–1922. PART 2. INFORMATION TO BE PROTECTED AND METHODS OF PROTECTING INFORMATION

*T. Timerbulatov
R. Yusupov*

Summary: Ensuring information security is a complex process that combines legal, organizational, scientific, technical, and other areas of state activity. Of scientific interest is the question of whether the activities of the Soviet state in the information sphere were systemic in nature in the first years after the October Revolution. Part 2 of this article examines issues related to the organization and methods of information protection. It was established that initially, the procedure for information protection was set at the level of responsible departments. In the early 1920s, it became understood that when solving key tasks related to the protection of secret information, including the development of protection methods, adherence to the principle of centralization was more effective. The choice of this path allowed information protection to be integrated into the emerging information security system.

Keywords: information, system, information protection, protection from information, ensuring information security.

Тимербулатов Тагир Алифович

кандидат исторических наук, доцент, Башкирский институт социальных технологий (филиал),
Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования Академия труда и социальных отношений
timerbulatov.t.a@yandex.ru

Юсупов Рахимьян Галтиьянович

доктор исторических наук, профессор,
Уфимский университет науки и технологий
yusupovr.g@yandex.ru

Аннотация: Обеспечение информационной безопасности – процесс сложный, объединяющий правовое, организационное, научно-техническое и иные направления деятельности государства. Научный интерес представляет вопрос, носила ли деятельность советского государства в информационной сфере системный характер в первые годы после Октябрьской революции. В части 2 настоящей статьи изучены вопросы, связанные с организацией и способами защиты информации. Установлено, что изначально порядок осуществления защиты информации устанавливался на уровне ответственных ведомств. В начале 1920-х годов пришло понимание, что при решении ключевых задач, связанных с защитой секретных сведений, в том числе с развитием способов защиты, эффективнее соблюдение принципа централизации. Выбор этого пути позволил интегрировать защиту информации в формирующуюся систему обеспечения информационной безопасности.

Ключевые слова: информация, система, защита информации, защита от информации, обеспечение информационной безопасности.

Введение

В настоящей статье исследуется вопрос, носила ли деятельность советского государства в информационной сфере системный характер в первые годы после Октябрьской революции на этапе становления новой государственности. В части 1 изучались такие элементы этого процесса, как формирование системы субъектов обеспечения информационной безопасности и правовых норм, регулирующих отношения в информационной сфере. В части 2 рассмотрим вопросы организации защиты информации.

Защита информации на текущем этапе формирования информационной политики

В Советской республике на начальном этапе, судя по приведенным в части 1 документам и публикациям, ключевые вопросы защиты информации прорабатывались и меры принимались. Но системная работа по организации защиты информации потребовала времени. Собственно, работа шла, но на ее характере отражалась военная обстановка. Советская власть урегулировала руководство военной сферой (в марте 1918 г. учреждался Высший военный совет, в сентябре 1918 г. во главу

всех фронтов и военных учреждений вместо Высшего военного совета ставился Революционный военный совет Республики (РВСР)). В плане защиты информации в годы гражданской войны действовал механизм времен Первой мировой: утверждалось Положение о военной цензуре и в соответствии с ним составлялся перечень сведений, подлежащих защите. И первое советское Положение о военной цензуре (приказ Революционного военного совета от 23 декабря 1918 г.), и перечни защищаемых сведений утверждались приказами военного руководства. В Положении о военной цензуре к числу контролируемых источников распространения информации были отнесены печать, телеграфная, почтовая и телефонная связь, а также «пассажиры, проезжающие через границы Республики» [1, с. 1390–1392]. Информацию о перечнях, которые опубликованы не были, собрал в архивах П.В. Батулин. По его данным, первый перечень был принят до утверждения Положения, 21 июня 1918 г., и назван он был, на наш взгляд, обтекаемо – «Перечень сведений, подлежащих предварительному просмотру военной цензурой». Одновременно с декабрьским Положением о военной цензуре РВСР принял два перечня: «Перечень деяний и сведений, наносящих вред Российской Федеративной Советской Республике, а также не подлежащих распространению путем почтово-телеграфных международных и иных сношений» и «Перечень сведений, не подлежащих оглашению в повременной печати». Очередное Положение о военной цензуре РВСР утвердил 12 июня 1919 года. Документ указал, что военная цензура необходима для сохранения военной тайны и укрепления обороны страны. К нему прилагался один новый перечень, представлявший собой комбинированный вариант, – «Перечень сведений, составляющих военную тайну и не подлежащих распространению» [2, с. 158]. Из изложенного следует, что на данном этапе под защиту бралась военная тайна.

По мере расширения территорий, где были завершены военные действия и установлена советская власть, обозначились изменения подходов к организации военной цензуры. Изменения происходили постепенно. Так, в августе 1920 г. часть функций военной цензуры (контроль над почтово-телеграфной корреспонденцией) была передана из военного ведомства в особый отдел ВЧК, т.е. военной контрразведке.

К 1921 г. гражданская война почти на всей территории страны закончилась, политика военного коммунизма теряла смысл и к тому же вызывала недовольство населения. В марте 1921 г. X съезд РКП(б) принял решение о переходе к новой экономической политике. В новых условиях 13 октября 1921 г. СНК утвердил «Положение о военной цензуре ВЧК». Из названия понятно, что военная цензура передавалась в ведение ВЧК полностью (в информационном отделе ВЧК появился подотдел военной цензуры). Как пишет Н.Л. Волковский, решение было

вызвано тем, что «в органах ВЧК сохранились все функции охраны государства и борьбы с контрреволюцией». Вместе с новым Положением появился и новый перечень – «Перечень сведений, составляющих тайну и не подлежащих распространению». Заметим, не военную тайну, а тайну. И действительно, он включил сведения военного характера, отдельно для военного и мирного времени, и экономического характера, к которым причислялись не только сведения о деньгах или, например, импорте/экспорте, но также о милиции, преступности, режиме в местах заключения и др. По сути, перечислялись сведения, составляющие военную и в целом государственную тайну, и именно так они поняты в исследованиях, например, в книге Н.Л. Волковского [3, с. 158].

Теперь разберемся, означает ли изложенное, что до принятия перечня 1921 г. государственная тайна приравнивалась к военной. Приведем интересное наблюдение П.В. Батулина. В беспокойный дореволюционный период перечни тайных сведений утверждало МВД на основании ряда актов, включая Устав о цензуре и печати. Ранняя редакция Устава позволяла МВД запрещать публикацию в печати «сведений государственной важности разнообразного характера». Перед Первой мировой войной закон ограничил это право, позволив запрещать публикацию «только военных сведений». Развитие нормативной базы обеспечения государственной тайны «в рамках исключительно военной тайны и применительно к печати прежде всего», по мнению автора, в первые годы после Октября продолжалось «по инерции» [2, с. 152–153]. Фактически на нормативном уровне так и было, о чем написано выше. При этом в литературе можно встретить материалы, которые отчасти корректируют видение проблемы. Как установила Ю.В. Пономарева, до революции «МИД, Военное ведомство и Департамент полиции самостоятельно прилагали усилия по обеспечению сохранности государственной тайны». Другое дело, что их несогласованность не способствовала обеспечению «эффективной защиты государственных секретов». Задачу создания системы защиты государственной тайны пришлось решать Советской республике и, по мнению автора, процесс начался в 1921 году [4, с. 16–17]. Учтем мнение, что Советская республика в данном вопросе сначала действовала по инерции, и рассмотрим, какие действия по организации цензуры и запрету распространения информации (помимо военной) власти совершали до 1921 года.

Одним из первых Советская власть приняла Декрет о печати (27 октября 1917 г.). Декрет шел вразрез Программе РСДРП (1903), которая обещала «неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов» [5, с. 419]. Но в сложившейся ситуации свобода откладывалась. Как подчеркивалось в Декрете, временно. Разъяснения давались: «буржуазная пресса есть одно из могущественнейших орудий буржуазии», способных

«потопить молодую победу народа», поэтому нельзя целиком оставлять «это оружие в руках врага». Подлежала закрытию пресса, призывающая к неповиновению правительству, преступным деяниям, сеющая смуту и клеветнически извращающая факты [6, с. 24] (несомненно, речь о проблемах государственного значения). Обратим внимание на то, что слово «цензура» в декрете не использовано, но впоследствии принятие именно этого документа было оценено как первый шаг в становлении института советской цензуры. В Петрограде решение об исполнителях положений Декрета было принято в тот же день. Как пишет Н.Л. Волковский, для этого назначался комиссар по делам печати при Военно-революционном комитете (ВРК) Совета рабочих и солдатских депутатов. Затем при ВРК был создан отдел печати и информации, объединивший контрольную комиссию над печатью и группу комиссаров типографий. Комиссариаты / отделы по делам печати появились в других городах и контролировали печать до 1919 года. Затем «права контроля и цензуры над всем издательским процессом» были переданы Государственному издательству (ГИЗу) [3, с. 151]. В соответствии с Положением ВЦИК от 20 мая 1919 г. Государственное издательство было создано при Наркомате просвещения (Наркомпросе) посредством объединения целого ряда советских издательств – как «единый государственный аппарат печатного слова». Положение регулировало в основном издательские вопросы. Но имелся в нем также пункт, согласно которому издательская деятельность «прочих издательств» переводилась под контроль ГИЗа [7, с. 207–209]. Заметим, что и в этом документе понятие «цензура» использовано не было. Некоторые изменения произошли в 1922 г., когда Государственное издательство утратило контрольные функции ввиду создания при Наркомпросе нового органа – Главного управления по делам литературы и издательства (Главлита). В Положении о Главлите прямо указывалось, что орган создается «в целях объединения всех видов цензуры печатных произведений». Через этот орган отныне должны были проходить все материалы для периодических и непериодических изданий, в т.ч. карты, рисунки и пр. на предмет выявления сведений, содержащих военную тайну, антисоветских, националистических, порнографических, лживых и иных сведений, запрещенных к распространению [8]. Как мы видим, понятие «цензура» появилось в официальной документации и не только в связи с военной тайной, но государственная тайна все еще не упоминалась. И еще один момент. Органы цензуры действовала в обоих направлениях обеспечения информационной безопасности, т.е. как органы защиты информации и защиты от информации.

Теперь ответим на промежуточный вопрос, действительно ли до 1921 г. государственная тайна приравнивалась к военной, как утверждается в некоторых публикациях. Этот тезис можно подтвердить только отчасти и только по формальным признакам. Перечни сведений,

составляющих не военную, а именно государственную тайну, действительно не составлялись. Целый ряд мер по запрету распространения информации в печати имели отношение к информационной безопасности государства в рамках событий, ныне именуемых информационной войной (хотя могли подразумевать и защиту государственных секретов). С другой стороны, даже когда сведения государственного значения были включены в секретный перечень (1921), их как государственную тайну не обозначили. Не использовано это понятие и в Положении о Главлите (1922), объединившем все виды цензуры (а именно с военной цензурой связывалась военная тайна, ввиду чего в исследованиях возникла параллель). Но тот факт, что понятие не использовалось в официальных документах, еще не говорит о том, что у государства не было иных тайн кроме военных и их защита не была организована. Все-таки молодое государство переживало этап становления в военном, идеологическом и экономическом сопротивлении множеству внутренних и внешних врагов. Теперь к фактам.

В части 1 настоящей статьи отмечено, что большая разноплановая работа в информационной сфере проводилась различными ведомствами и организациями (по инерции и некоторое время несогласованно, как и до революции). Под охрану были взяты средства связи, под контроль – государственные и частные издательства, под паспортный контроль – лица, пересекающие границу Советской республики, и в целом источники распространения информации.

В декабре 1917 г. была создана ВЧК, в состав которой изначально вошел информационный отдел. Возглавил ВЧК профессиональный революционер Ф.Э. Дзержинский, которого в свое время преследовал политический сыск самодержавного режима и который неплохо изучил его опыт. Опыт был использован при создании агентурной сети и инструктирования агентов, при детализации задач ВЧК и формировании новых подразделений и пр. Организация контрразведки, например, началась в январе 1918 г. с добровольным участием бывшего сотрудника дореволюционного Департамента полиции К.А. Шевара [9, с. 10–11]. В хронологическом порядке приведем некоторые опубликованные данные о последующих структурных изменениях в ВЧК в первые годы работы. Транспортный отдел (в т.ч. борьба с диверсиями на транспорте) был создан в августе 1918 г., оперативный отдел (в т.ч. наружное наблюдение) – в декабре 1918 г., секретный отдел (борьба с контрреволюцией) – в феврале 1919 г., экономический отдел (в т.ч. борьба с диверсиями и шпионажем в промышленности) – в сентябре 1919 г., иностранный отдел (внешняя разведка) – в декабре 1920 г. и т.д. [10, с. 9]. Исследователи вопроса прямо утверждают, что советское правительство, задумавшее чрезвычайную (т.е. временную) комиссию, быстро осознало, что «без политического сыска, разведки и контрразведки» и

в дальнейшем невозможно эффективно «защищать государственные интересы». В феврале 1922 г. ВЧК была реформирована. Из ее названия исчезло указание на чрезвычайный характер. Отныне и до образования СССР служба обеспечения государственной безопасности называлась Главным политическим управлением (ГПУ) при НКВД РСФСР [9, с. 13]. А мы приходим к выводу, что на протяжении всего исследуемого периода государственная тайна не приравнивалась к военной, хотя сведения военного содержания имели особое значение, а регулирование их защиты носило более упорядоченный характер.

Итак, по третьему вопросу на основании изложенного можем заключить следующее. Если говорить о политике молодого государства в сфере информационной безопасности в целом, то она проводилась по всем обозначенным нами направлениям: защита информации (собственной) и защита от информации (чужой, враждебной). В вопросах организации защиты информации в сложной внутри- и внешнеполитической обстановке государство столкнулось с проблемой многозадачности и распределило разные задачи между разными ведомствами. Какую информацию военного содержания необходимо защищать, в условиях военного времени определяло военное ведомство. Оно же в соответствии с развитием событий на фронтах корректировало и регулировало содержание военной тайны по единому принципу, составляя положения о военной цензуре и перечни сведений, не подлежащих распространению. Такой же единой системы регулирования защиты информации в других ареалах государственных интересов до окончания гражданской войны не было, но это не означает, что она не формировалась вообще. Напротив, государство определило источники угроз своему существованию и принимало меры защиты информации и преодоления этих угроз.

Способы защиты информации

Небольшая справка. Со времен появления письменности главным способом защиты информации являлась криптография (от др.-греч. «тайный» + «писать»), и, соответственно, дешифрование, которые совершенствовались по мере развития средств информационных коммуникаций. К исследуемому периоду в плане развития информационных коммуникаций человечество прошло путь от речи и письменности до книгопечатания, проводной связи (телеграфа, телефона), беспроводной связи (радио). И на каждом этапе возникала проблема защиты информации [11].

Теперь к фактам. В 1920 г. председатель СНК В.И. Ленин получил от разных ответственных лиц сообщения, свидетельствующие о том, что в вопросах защиты военной, дипломатической и иной секретной информации

дела обстоят крайне неблагополучно (в публикациях по теме мы ознакомились с тремя такими сообщениями – от наркома иностранных дел Г.В. Чичерина, полномочного представителя Советской России в Англии Л.Б. Красина и командующего вооруженными силами Украины М.В. Фрунзе). Указывалось на несовершенство шифров (массово дешифровываются белыми и иностранными врагами) и радиосвязи (служит противнику средством ориентирования, информация перехватывается в том числе посредством организованной англичанами сети более совершенных радиостанций особого назначения), агентурную утечку информации (в РККА и Наркомате иностранных дел) [12; 13].

Нельзя сказать, что советское правительство до 1920 г. бездействовало. Как установил Д.А. Ларин, с 1918 г. велась большая работа, причем велась гибко. В Кремле сразу после переезда правительства в Москву организовали специальную телефонную сеть и постоянно ее совершенствовали. Большое внимание уделяли военной связи и взаимодействию ее руководства с Наркоматом почт и телеграфов. Помимо почты и телеграфа использовалась телефонная связь (на небольших расстояниях в оперативном порядке), радиосвязь. Правда, последняя, обладая преимуществом перед проводными средствами, была уязвима перед вражескими службами радиоперехвата и дешифрования, о чем красной стороне становилось известно, поэтому ее применение было ограничено (в высшем руководящем звене предпочитали прибегать к проводной связи). В некоторых местностях, например, в Туркестане, невозможно было использовать ни проводную, ни радиосвязь, поскольку телеграфные линии почти отсутствовали, а радиосвязь в горах налаживалась плохо. В таких случаях использовалась авиация. Самостоятельная служба обеспечивала фельдъегерскую связь. И т.д. Успехи в т.ч. крупные у советской стороны были.

Вместе с тем заявила о себе проблема кадров. Большинство криптографов, служивших царскому режиму, после революции предпочло содействовать либо белым, либо иностранным интересам. Красные криптографы применяли в основном дореволюционные шифры, созданные либо царскими спецслужбами, либо революционерами-подпольщиками. И те, и другие были известны представителям обоих лагерей. В 1919–1920 гг. разрабатывались новые шифры, но они улучшили ситуацию несущественно. Еще хуже обстояли дела с дешифрованием. Советская сторона испытывала нехватку и дешифровальщиков, и средств радиоперехвата [12]. Проблема требовала тщательной проработки. Она обсуждалась в межведомственном формате с участием представителей ЦК РКП (б), ряда наркоматов и ВЧК. В итоге постановлением Малого Совнаркома от 5 мая 1921 г. с формулировкой «имея в виду: 1) отсутствие в Республике центра, объединяющего и направляющего деятельность

шифровальных органов различных ведомств, и связанные с этим бессистемность и случайность в постановке шифровального дела, 2) возможность благодаря этому при существующем положении широкого осведомления врагов Рабоче-Крестьянского государства о тайнах Республики», при ВЧК был создан специальный отдел (возглавил Г.И. Бокий). С момента создания и до февраля 1922 г. отдел был подчинен не руководству ВЧК, а Политбюро ЦК партии. Его распоряжения по защите информации были обязательны к исполнению для всех ведомств РСФСР. В состав отдела вошло 7 отделений. Из них собственно шифровальной и дешифровальной работой занимались три: 2-е отделение (разработка шифров и кодов, выявление шпионских радиостановок, перехват шифровок, подготовка радиоразведчиков), 3-е отделение (шифр-работа в системе ВЧК), 4-е отделение («открытие» шифров и кодов и дешифровка документов). Остальным отделениям вверялись не менее актуальные полномочия, нацеленные на обеспечение информационной безопасности: создание нормативной базы, контроль над деятельностью партийных и государственных организаций по защите секретной информации, проверка соблюдения в организациях режима секретности и соблюдения правил секретного делопроизводства, изготовление конспиративных документов, научные разработки, экспертиза и пр. [13]

Далее последовало принятие мер по организации хранения и движения секретных документов. Так, в 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) специальным постановлением разделило партийное и советское делопроизводство, а следом постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) был установлен особый порядок хранения секретных документов ЦК РКП(б). Собственный порядок хранения секретных документов в том же году на основании приказа РВСР был установлен для Красной Армии [14, с. 12]. И в том же году Секретариат ЦК РКП (б) утвердил инструкцию «О порядке хранения и движения секретных документов» – первую общегосударственную инструкцию по вопросам секретного делопроизводства, предписывающую, в частности, создавать в организациях секретные части [13].

По четвертому вопросу заключаем, что Советская республика с начального этапа существования прибегала к современным ей методам защиты информации и техническим средствам связи, но в первые годы объективно не могла преодолеть ряд трудностей, тормозивших проводимую работу, прежде всего, дефицит кадров и технических средств. Не способствовали эффективности этой работы меры по ее организации. Специалисты, в т.ч. шифровальщики и дешифровальщики, были разбросаны по фронтам и ведомствам, не имея единого центра, координирующего различные направления деятельности по защите информации, от расчетов и технических

наработок до контроля за привлеченными работниками (человеческий фактор тоже отражался на рисках, угрозах и даже провалах). Такой центр – специальный отдел ВЧК – был создан только в 1921 г., после его создания началась систематизация работы с секретной информацией в масштабах страны.

Заключение

Обеспечение информационной безопасности – системный процесс, и мы ставили перед собой задачу ответить на вопрос, носила ли деятельность государства в информационной сфере системный характер в первые годы после Октябрьской революции.

В части 2 рассмотрены вопросы организации защиты информации. По этим вопросам установлено следующее.

На повестку ставился вопрос, какую информацию засекречивать и защищать. В этом вопросе последовательность проявляло военное ведомство, документируя, какие сведения составляют военную тайну и подлежат военной цензуре. На государственном уровне такая четкость не наблюдалась. До начала 1920-х годов не использовались такие понятия, как «цензура» и «государственная тайна», хотя оба явления существовали. Контроль (цензура) в основном служил для отслеживания враждебной информации. А организацией защиты государственной тайны занимались государственные органы и службы в рамках своих полномочий. Единый центр, который бы координировал и развивал эту работу, отсутствовал. Ситуация изменилась в 1921–1922 гг., когда были созданы единые центры «всех видов цензуры» (Главлит) и защиты информации государственного значения (специальный отдел при ВЧК).

Что касается методов защиты информации, то ответственные государственные управленцы хорошо ориентировались в современных тенденциях, но организация дела осложнялась нехваткой кадров и технических средств. Нужно отдать должное Г.И. Бокию, возглавившему специальный отдел при ВЧК, который сумел собрать опытных криптографов, дешифровальщиков, ученых, других специалистов, что впоследствии позволило поставить защиту информации на высокий практический, научный и организационный уровень в масштабах страны.

Обобщая изложенное в частях 1 и 2 настоящей статьи, заключаем, что на протяжении всего исследуемого периода молодое государство занималось различными направлениями обеспечения информационной безопасности, но с разной степенью эффективности. Системный подход сложился к 1922 году.

ЛИТЕРАТУРА

1. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М.: Б. и., 1942. 1483 с.
2. Батулин П.В. Перечни военной цензуры 1912–1923 гг. // Ленинград. юрид. журнал. 2012. № 4(30). С. 152–165.
3. Волковский Н.Л. История информационных войн: в 2 ч. Ч. 2. СПб.: Полигон. 2003. 736 с.
4. Пономарева Ю.В. История ограничения доступа к информации о деятельности органов государственной власти (государственная и служебная тайна) // Вестник УрФО. 2015. № 2(16). С. 11–20.
5. Второй съезд РСДРП. Съезд. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. 850 с.,
6. Декреты Советской власти: в 18 т. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Политиздат, 1957. 640 с.
7. Декреты Советской власти: в 18 т. Т. V. 1 апреля – 31 июля 1919 г. М.: Политиздат, 1971. 701 с,
8. Декрет СНК от 6 июня 1922 г. «Положение о Главном Управлении по делам литературы и издательства (Главлит)» // Известия ВЦИК. 1922. 23 июня.
9. Вячистый Д.Д., Шевцов В.В. От гражданского ополчения до ОГПУ: эволюция органов государственной безопасности в большевистской России // Вестник Томск. гос. ун-та. История. 2018. № 52. С. 9–14.
10. Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1960. Справочник. М.: Международный фонд Демократия, 1997. 352 с.
11. Тимербулатов Т.А. Об информационной безопасности и периодизации развития средств информационных коммуникаций: историографический обзор // Россия в XXI веке: модернизационный проект. Образование. Экономика. Общество. М.: ИНФРА-М, 2021. С. 326–353.
12. Ларин Д.А. Русская криптография. В огне Гражданской войны [Электронный ресурс] // ФСБ: сайт. URL: http://www.fsb.ru/fsb/smi/interview/single.htm%21id%3D10438159%40fsbSmi%26_print%3Dtrue.html (дата обращения: 29.07.2025);
13. Столпаков Б. В начале столетнего пути [Электронный ресурс] // Национальный технологический центр шифровой криптографии: сайт. URL: <https://digitalcryptography.ru/publications/istoriya-kriptografii/v-nachale-stoletnego-puti/> (дата обращения: 29.07.2025).
14. Жигулин Г.П. Организационное и правовое обеспечение информационной безопасности. СПб: СПб НИУ ИТМО, 2014. 173 с.

© Тимербулатов Тагир Алифович (timerbulatov.t.a@yandex.ru), Юсупов Рахимьян Галтиянович (yusupovr.g@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТ С ОТДЕЛЯЮЩИМИСЯ ЧАСТЯМИ МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНЫХ БАЛЛИСТИЧЕСКИХ РАКЕТ И РАКЕТ КОСМИЧЕСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ 53-ГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИСПЫТАТЕЛЬНОГО ПОЛИГОНА МО СССР)

Толочко Александр Валентинович

Кандидат исторических наук, Преподаватель,
Военно-космической академии им. АФ. Можайского
zvezdny68@mail.ru

**EXPERIENCE IN ORGANIZING WORK
WITH SEPARABLE PARTS
OF INTERCONTINENTAL BALLISTIC
MISSILES AND SPACE ROCKETS (USING
THE EXAMPLE OF THE 53RD SCIENTIFIC
RESEARCH TEST SITE OF THE USSR
MINISTRY OF DEFENSE)**

A. Tolochko

Summary: The fall of separable rocket parts (spent stages and head fairing) in specified areas is an integral part of their testing. At the same time, it requires ensuring the safety of the population, navigation, and aviation flights along the missile flight path, as well as reducing the negative impact on the environmental situation. To address these issues, in the 1960s, a base for working with separable rocket parts was created in the Arctic - fall areas and military formations to work with them. This article analyzes the work of the 53rd Scientific Research Test Site of the USSR Ministry of Defense with separable parts of intercontinental ballistic missiles.

Keywords: intercontinental ballistic missile, impact fields, separable missile parts, tests, test site.

Аннотация: Падение отделяющихся частей ракет (отработавших ступеней и головного обтекателя) в заданных районах является составной частью проведения их испытаний. При этом оно требует обеспечения безопасности населения, мореплавания и полетов авиации вдоль трассы полета ракет, а также снижения негативного влияния на экологическую обстановку. Для решения этих вопросов в 1960-х годах в Заполярье были созданы база для работы с отделяющимися частями ракет – районы падений и воинские формирования для работы с ними. В настоящей статье анализируется работа 53-го Научно-исследовательского испытательного полигона МО СССР с отделяющимися частями межконтинентальных баллистических ракет.

Ключевые слова: межконтинентальная баллистическая ракета, поля падений, отделяющиеся части ракет, испытания, полигон.

Принятию на вооружение межконтинентальных баллистических ракет (далее по тексту – МБР или ракета) предшествуют полигонные летные испытания (далее по тексту – испытания). Целью их проведения является «проверка ракет на соответствие тактико-техническим требованиям Министерства обороны» [1, с. 178] (основными из которых являются дальность и точность стрельбы), а главным содержанием – пуски и полеты ракет.

Пусками и полетами ракет являются процессы, протекающие от начала работы аппаратуры подготовки пуска до старта ракеты; и от ее старта до прибытия головной части (далее по тексту – ГЧ) к цели. Полет содержит в себе стадии управляемого полета ракеты и неуправляемого полета ГЧ [2, с. 422, 382]. Пуск и полет ракеты – короткие, но самые важные и дорогостоящие этапы испытаний; к

ним необходимо готовиться особо тщательно [3, с. 110].

В ходе управляемого полета от ракеты отделяются отработавшие ступени. Их падение в расчетных районах свидетельствует о правильности работы всех узлов ракеты в полете, а фиксация точек падения является составной частью выполнения программы испытаний. «Сейчас просто невозможно представить оценку результатов пуска без материалов из районов падения ступеней», – такую оценку дал работе с отделяющимися частями ракет (далее по тексту – ОЧР) заместитель начальника полигона «Байконур» по опытно-испытательной работе генерал-майор В.А. Боков [4, с. 50].

Работа полигонов в районах падения ОЧР (далее по тексту – районы падения) всегда находилась в тени более значимых этапов испытаний – пусков и полетов

ракет. Поэтому цель настоящей работы будет: рассмотреть работу должностных лиц и воинских частей 53-го Научно-исследовательского испытательного полигона МО СССР (г. Мирный Архангельской области) (далее по тексту – 53 НИИП или Полигон) при подготовке районов падений к приему ОЧР, и последующую работу с ними.

Отдельных работ, посвященных работе полигонов с ОЧР нет. Вопросы, связанные с выбором районов падений, отражены в документах правительства СССР [5, с. 388–390]. Отдельные аспекты работы полигона «Байконур» с ОЧР рассмотрена в специализированной литературе [6]. О выборе районов падения для 53-го НИИП упоминается в воспоминаниях его должностных лиц [7]. Общие сведения о деятельности Полигона с ОЧР раскрываются в его ведомственных изданиях, однако большинство из них малодоступны [8–10]. Для заполнения образовавшихся в ходе исследования лакун использовались отдельные документы воинских частей Полигона и ранее не публиковавшиеся свидетельства участников этих событий.

Со середины 1960-х годов одним из основных мест проведения испытаний МБР стал 53-й НИИП, при этом полет ракет должен был проходить вдоль так называемой «северной» испытательной трассы «Плесецк – Камчатка» [11, с. 566].

На этапе заблаговременной подготовки к испытаниям производился выбор районов падения, а окончательное решение об их выборе утверждалось постановлениями Совета министров СССР. Необходимость обеспечения минимального негативного воздействия на безопасность местного населения с учетом расчетного времени отделения ОЧР определяли расположение точек пуска ракет в позиционном районе Полигона [7, с. 3].

В середине 1960-х - 1990-х годах Полигоном использовалось 16 районов падения для МБР: пять в Архангельской области, по одному в Камчатской области и Ямало-Ненецком и Ненецком автономных округах, а также восемь морских районов [12, с. 55]. Сухопутные районы падений имели собственные имена, а морские – только порядковый номер.

Изначально организация работ по выбору районов падения, подготовки их к приему ОЧР, а также после пусковых работ, была возложена на 3-е Управление измерительных средств и вычислительной техники (далее по тексту – 3 ИУ). В 1969 году в штабе Полигона было создано отдельное подразделение – отдел испытательных полей (далее по тексту – Отдел). Его создание было вызвано необходимостью рекогносцировки новых трасс полета и выбора районов падения для МБР и ракет космического назначения (далее по тексту – РКН). В последующем его главной задачей станет обеспечение безопасности на-

селения, мореплавания и полетов авиации при проведении пусков МБР и РКН [9, с. 81]. С конца 1980-х годов на Отдел была возложена работа по содействию решения экологических проблем, вызванных падением ОЧР.

Первым начальником Отдела был назначен подполковник А.С. Епифанов [12, с. 55]. В Отделе проходило службу несколько офицеров, он продолжает функционировать и в настоящее время, по сути, в своей изначальной организационно-штатной структуре.

Для работы с аварийными МБР и РКН и ОЧР после их пусков, в 1964 году в составе 3-го ИУ были сформированы 34-я, 174-я и 268-я отдельные испытательные станции (далее по тексту – станции) [13, с. 366].

Станции были воинскими частями батальонного уровня (штатная категория начальника – «подполковник»). Задачи по предназначению обусловили разный состав основных подразделений станций; а одинаковый состав подразделений обеспечения: автотракторная ремонтная мастерская, электростанция, хозяйственный взвод, котельная, медицинский пункт и клуб делали их автономными в своей деятельности.

Местом дислокации 174-й станции стал район стартовых позиций Полигона (в 34-х километрах от города Мирный). Ее предназначением было проведение работ с аварийными МБР и РКН.

В 174-й станции проходило службу 15 офицеров, 30 сержантов, 81 солдат и 1 гражданский служащий. Основными подразделениями станции были: узел связи; взвод поиска и сопряженного наблюдения; радиолокационная станция обнаружения и целеуказания. Основным вооружением станции была подвижная радиолокационная станция обнаружения и целеуказаний П-12-НП «Иртыш». В середине 1960-х годов она считалась современной и обеспечивала обнаружение летящих объектов на дальности до 200 км, при максимальной высоте – 25 км.

В июне 1965 и июле 1966 года 34-я и 286-я станции (базы падения первых ступеней) были передислоцированы в поселок Нижняя Пеша и село Шойна соответственно. Первыми начальниками станций были подполковник Х.Б. Насибуллин и майор П.А. Чихонадских [13, с. 366].

Поселок Нижняя Пёша находится в Заполярном районе Ненецкого автономного округа, на левом берегу реки Пёша, в 50 км от ее впадения в Чешскую губу Баренцева моря.

Село Шойна располагалось на полуострове Канин, на берегу Белого моря рядом с устьем одноименной реки, в 380 км от города Нарьян-Мар. Еще в 1950-е годы в нем

проживало 1,5 тыс. человек, там базировался флот рыболовецких колхозов Архангельской области и работал консервный завод. Однако, в конце 1950-х годов из-за запрета на промысел рыбы, производство в Шойне было свернуто, и оно оказалось в категории «неперспективных». Помимо этого, село находилось в зоне формирования прибрежных морских дюн, и его постоянно заносило песком; а потому перевод с ненецкого языка названия села – «могила» – соответствовало действительности.

Необходимо отметить, что несмотря на отдаленность и суровый климат служба в Шойне и Нижней Пеше считалась престижной, ввиду «двойной» льготной выслуги лет.

В местах дислокации ни жилья для личного состава, ни сооружений для станций не было. Необходимо отметить, что местные органы власти оказали прибывшим военным максимально-возможную помощь. Так, изначально, 34-я станция была размещена в местной школе.

При передислокации 34-й и 268-й станций, в сжатые сроки, были перевезены сотни тонн грузов (продовольствие, техника, топливо, материалы для строительства и т.п.) [13, с. 366].

В первую очередь для станций были построены сборно-щитовые казармы для солдат и сержантов. Впоследствии для каждой станции были построены дизельная электростанция, котельная, клуб, штаб, спортзал, автомобильный парк и по два жилых двухэтажных здания для семей военнослужащих [14, с. 52]. Все необходимое для жизнедеятельности станций доставлялось во время северного завоза водным транспортом.

Основными подразделениями станций были взвод поиска и узел связи, а штатная численность составляла 170 военнослужащих: 17 офицеров, 30 сержантов и 123 солдата.

После обустройства на новых местах станции приступили к выполнению задач по предназначению.

Испытания МБР на Полигоне начались со середины 1960-х годов. Первый пуск МБР РТ-2 был проведен 4 ноября 1966 года. С этого дня к обеспечению проведения пусков приступили станции, а затем – Отдел Полигона. До конца 1990-х годов Полигоном было проведено 373 пуска 10 типов ракет по различным программам [10, с. 36], по их результатам были приняты на вооружение МБР 8К98, 8К98П, 15Ж60, 15Ж61, 15Ж42 и 15Ж65М. Наибольшая интенсивность пусков пришлась на конец 1960-х - 1970-е годы, далее она к концу 1990-х годов постепенно снижалась. Объектами, с которыми «работали» станции и Отдел были ОЧР: ступени МБР, размер которых не превышал 10 метров, а также ступени и головные обтекате-

ли РКН.

При непосредственной подготовке к испытаниям МБР Полигон должен был оповестить местные органы власти и организации вдоль трассы полета и организовать эвакуацию населения из районов падения. Ситуация изменилась в конце 1980-х годов. Ослабление центральной власти привело к тому, что начальник штаба Полигона вынужден был лично обращаться к главам администраций на местах с просьбой разрешить использовать районы падения. Решать вопросы обеспечения безопасности страны, связанные с проведением пусков МБР и РКН, приходилось с начальниками самого нижнего уровня власти: председателями колхозов и главами администраций сельских советов [13, с. 53].

За несколько дней до планового пуска ракеты офицеры Отдела прибывали в район падения и непосредственно на месте организовывали эвакуацию местного населения из зон вероятного падения ОЧР. За несколько часов до пуска они проводили контрольный облет (облет на вертолете) районов падения для проверки отсутствия оленеводов, охотников и пр. После этого на Полигон представлялся доклад о готовности районов падения к приему ОЧР.

Основная часть работы с ОЧР производилась после проведения пусков МБР, аварийных или успешных.

В случае аварийного пуска 3-е ИУ оперативно определяло предполагаемые координаты падения ракеты (или ее фрагментов) [13, с. 362]. Если это происходило в непосредственной близости от точек пуска, то к работе приступала 174-я станция. Ее поисковые группы должны были обнаружить упавшую ракету, изъять из нее блоки, содержащие драгоценные металлы, грифованные узлы и элементы конструкции, со взрывчатыми веществами, после чего уничтожить ее методом подрыва [13, с. 368].

Наибольшее количество аварийных пусков происходило на начальных этапах проведения испытаний новых типов ракет. Так, из 12 проведенных пусков ракет 8К99 в 1967-69-х годах 6 стали аварийными [15, с. 169]. Такими же неудачными были и испытания ракет 15Ж44 в начале 1980-х годов.

В случае невозможности добраться до аварийной ракеты (если она, например, утонула в болоте) необходимо было зафиксировать ее местоположение и убедиться в невозможности доступа к ней посторонних лиц.

При падении ОЧР в ходе успешных полетов ракет основными приоритетами были:

- для представителей военно-промышленного комплекса: их отделение от ракет в установленное время и падение в заданных районах;

— для Полигона: соблюдение режима секретности и обеспечение безопасности населения в районах падения. При падении ОЧР на «сухопутные» поля падения для этого необходимо было исключить доступ к ним местного населения. Сложнее было при падении ОЧР в морские районы. Так при проведении первых пусков МБР 15Ж52 изучалась проблема: утонет ли в Северном Ледовитом океане выгоревший корпус ее второй ступени или его украдут американцы [16, с. 92].

В случае успешного пуска к работе приступали 34-я и 268-я станции. В Нижнюю Пешу (или Шойну) временно прибывали самолет АН-2 и вертолет МИ-8 (или МИ-6) авиационного полка Полигона [17, с. 70]. Взлетно-посадочную полосу и вертолетную площадку предоставляли для них местные аэродромы малой авиации. После пуска АН-2 галсами облетал район падения, и по обнаружению ОЧР сообщал их координаты в Отдел и близлежащей станции. Группа поиска из состава 34-й (или 268-й) станции в составе 8–10 военнослужащих вылетала на вертолете или убывала на гусеничном транспортере (ГТСМ) к месту падения ОЧР. По обнаружении упавшей ступени группа поиска снимала с нее шильдики с номерами, блоки, содержащие драгоценные металлы и грифованные узлы. Затем ступень фотографировалась и уничтожалась методом подрыва. При ликвидации ОЧР таким способом образовывалось огромное количество мелких осколков неправильной формы, которые засоряли большие площади, и представляли опасность для оленей. Необходимо отметить, что к середине 1970-х годов большинство элементов конструкций ракет были рассекречены [6, с. 30], и необходимость в немедленном уничтожении ОЧР отпала. Поэтому Полигон мог проводить такие работы после нескольких последовательных пусков; а с 1980-х годов уничтожение упавших в зимний период ОЧР производилось летом, когда погодные условия позволяли это делать. Необходимо отметить, что большие участки заболоченной и непроходимой местности усложняли проведение работ и в летние периоды [13, с. 368].

Итогом после пусковых работ Отдела и станций в районах падения было подписание акта об отсутствии претензий к Полигону от местных органов власти [12, с. 55].

В отдельных случаях работа с ОЧР не ограничивалась указанными выше действиями и непосредственно влияла на проведение испытаний МБР.

Так, в сентябре 1999 года Полигоном был проведен успешный пуск МБР 15Ж65М: ГЧ прибыла в мишенное поле, а отработавшие ступени были обнаружены в районах падения. Но на стартовой позиции была обнаружена панель хвостового отсека первой ступени ракеты.

Государственная комиссия приняла решение установить причину ее отрыва, не только путём анализа телеметрической информации и изучения конструкторской документации, но и осмотром отработавшей первой ступени ракеты.

Для этого 6 января 2000 года в район падения «Сия» прибыли офицеры Отдела. Для извлечения ступени из болотистого грунта был задействован вертолёт-гигант МИ-26 Архангельского авиаотряда. После извлечения ступень была изучена. Полученные сведения подтвердили предположение о том, что причиной отрыва панели стала заводская недоработка, что позволило принять соответствующие меры [18, с. 54–57].

Снижение интенсивности пусков МБР и РКН, а также аварий при их проведении к середине 1970-х годов сделали существование 174-й станции излишней, что и обусловило ее расформирование в 1974 году. Основные подразделения 34-й и 286-й станций – взвода поиска – были сокращены до отделений численностью 7 военнослужащих. В 1988 году была сокращена 268-я станция; для поддержания оставшейся инфраструктуры был создан отдельный выносной пункт, подчинённый 34-й станции. В этот период 34-я станция по своему прямому назначению не работала: количество пусков МБР и РКН стало минимальным и личный состав станции фактически выживал в условиях недофинансирования. Работы с аварийными ракетами, а также с ОЧР продолжили поисковые группы Полигона во главе с офицерами Отдела.

В конце 1980-х годов в районах падения впервые была проведена оценка воздействия падений ОЧР на окружающую среду. Ликвидация негативных последствий испытаний ракетной техники была возложена на Полигон.

Для этого в 1990 году на Полигоне было сформировано нештатное подразделение, задачей которого была уборка фрагментов взорванных первых ступеней ракет в районе падения «Нарьян Мар» в Малоземельской тундре Заполярья [14, с. 51]. Его постоянным местом дислокации стала площадка №31 Полигона.

В 1992 году на Полигоне были проведены организационно-штатные мероприятия «в интересах» решения экологических проблем, вызванных падением ОЧР. 34-я станция была реорганизована в «Базу нейтрализации и утилизации ОЧР» (далее по тексту – База утилизации) и на нее была возложена задача по нейтрализации и утилизации ОЧР. Ее основными подразделениями стали две команды утилизации ОЧР ракет-носителей. Одна из них дислоцировалась в Нижней Пеше, вторая – в Шойне. Основной задачей этих подразделений стал поиск и сбор ОЧР РКН и РКН [14, с. 51–53].

В том же 1992 году на базе нештатного подразделения была сформирована «База поиска, сбора, вывоза отделяющихся частей и рекультивации земель» (далее по тексту – База вывоза). Начальником Базы вывоза был назначен подполковник С.В. Левченко, в ней проходили службу 28 офицеров, 29 прапорщиков, 41 сержант и 256 солдат, а ее основными подразделениями были две команды утилизации и поиска. В 1993–97 годах, в периоды короткого северного лета личный состав Базы вывоза перебрасывался в районы падения и проводил их очистку.

Многолетнее уничтожение ОЧР методом подрыва привело к засорению больших площадей полей падения. Поэтому с начала 1990-х годов был изменен порядок их ликвидации: специальными ленточными зарядами ОЧР «разрезались» на фрагменты, которые доставлялись на места хранения, а затем – эвакуировались водным транспортом [6, с. 32].

Трудности по содержанию воинских подразделений в отдаленных северных районах привели к ликвидации в 1995 году Базы утилизации. База вывоза также была расформирована в мае 1998 года. В последующем работа по утилизации ОЧР была продолжена гражданскими

организациями.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы.

В отдаленных таежных районах Архангельской области и Заполярья в сложнейших климатических условиях и в кратчайшие сроки была создана база для работы с ОЧР – районы падений и формирования для работы с ними: отдел испытательных полей и три отдельные испытательные станции.

Структура и состав формирований, проводивших работы с ОЧР, находились в динамике в зависимости от интенсивности проводимых испытаний и вновь возникающих задач.

Использование документов воинских частей, свидетельств непосредственных участников испытаний позволило систематизировать и дополнить имеющиеся сведения о проведении работ с ОЧР организационными и техническими подробностями. В этом аспекте исследование показало необходимость сохранения и систематизации документов, связанных с проведением испытаний, проводимых Полигоном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Справка ГУРВО от 29 декабря 1964 года // Становление ракетной мощи страны: из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1960–1964 гг.). Сборник документов. М.: Ист. лит., 2019. – кн. 3 (1964 г.). С. 176–180.
2. Военный энциклопедический словарь Ракетных Войск стратегического назначения. М.: Военная академия РВСН имени Петра Великого, 1999. – 634 с.
3. Баль А.В. Размышления о непростом труде испытателя-ракетчика // Северный космодром России. Космодром Плесецк, 2007. – т. 2. С. 108–110.
4. Боков В.А. Предтечи ракетного щита Родины // Создатели ракетно-ядерного оружия и ветераны-ракетчики рассказывают. ЦИПК, 1996. – С. 49–72.
5. Постановление Совета Министров СССР №292–181 «О новом полигоне для Министерства обороны СССР» // Задача особой государственной важности. Из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения. М.: РОССПЭН, 2010. – С. 388–390.
6. Авдошкин В.В., Аверкиев Н.Ф., Ардашов А.А. и др. Проблемные вопросы использования трасс запусков космических аппаратов и районов падения отделяющихся частей ракет космического назначения. СПб.: ВКА имени А.Ф. Можайского, 2016. – 372 с.
7. Долинов Л. Испытатели. На пути к созданию твердотопливных стратегических // Ветеран-Ракетчик. Власиха, 2009. – сентябрь-октябрь. С. 3.
8. Полигон особой важности. М.: «Согласие», 1997. – 112 с.
9. Космодром «Плесецк». М., 2002. – 110 с.
10. Космодром «Плесецк» и РВСН. 60 лет вместе. – Космодром «Плесецк», 2019. – 36 с.
11. Ряжских А.А. Оглянись назад и посмотри вперед. Записки военного инженера: в 2 кн. М.: Герои Отечества, 2006. – кн. 1. 596 с.
12. Отдел испытательных полей // Северный Космодром России. – Космодром Плесецк, 2007. – т. 2. С. 51–55.
13. Испытательный центр измерений, сбора и обработки информации // Северный Космодром России. – Космодром Плесецк, 2007. – т. 1. С. 362–393.
14. Волнейко Н.И. Из воспоминаний // Северный Космодром России. – Космодром Плесецк, 2007. – т. 2. С. 51–53.
15. Пашнев М., Ярцев С., Черепеня М. Ракетная система РТ-20П. – М.: Альтернатива, 2014. – 232 с.
16. Михайлов В.С. Стратегический «Молодец». История железнодорожных ракетных комплексов. Пушкино, 2015. – 216 с.
17. Щелкунов А.И. Из воспоминаний // Северный Космодром России. – Космодром Плесецк, 2007. – т. 2. С. 70–74.
18. Захарчук В.М. Воспоминания // Северный Космодром России. – Космодром Плесецк, 2007. – т. 2. С. 54–57.

© Толочко Александр Валентинович (zvezdny68@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОТНОШЕНИИ КАЗАЧЕСТВА И БЫВШИХ ОФИЦЕРОВ БЕЛОЙ АРМИИ В КОНЦЕ 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ. В АСТРАХАНСКОМ РЕГИОНЕ

ACTIVITIES OF STATE SECURITY BODIES IN RELATION TO COSSACKS AND FORMER WHITE ARMY OFFICERS IN THE LATE 1920S – EARLY 1930S IN THE ASTRAKHAN REGION

**A. Tyurin
S. Lebedev**

Summary: The article is devoted to the analysis of the activities of the Soviet state security agencies in relation to the Astrakhan Cossacks and former officers of the White Army in the late 1920s – early 1930s. The authors examine the forms and methods of work of the divisions of the Plenipotentiary Representative Office of the OGPU, aimed at suppressing the anti-state activities of those social and socio-professional groups that the authorities considered a potential threat to their security. The relevance of the topic is determined by the importance of studying global social and political processes at the regional level, which allows us to identify not only local specifics, but also general trends in the development of the domestic political situation in the country. The article uses materials from the Archive of the Information Center of the Russian Ministry of Internal Affairs for the Astrakhan Region (AIC UMVD AO), which are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: White army, Cossacks, officers, operational activities, counter-revolutionary actions, Astrakhan province, state security agencies.

Тюрин Алексей Олегович

кандидат исторических наук, доцент, Астраханский
государственный университет им. В.Н. Татищева
tualol1977@yahoo.com

Лебедев Сергей Владиславович

кандидат исторических наук, доцент, Астраханский
государственный университет им. В.Н. Татищева
dnsv@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу деятельности советских органов государственной безопасности в отношении астраханского казачества и бывших офицеров Белой армии в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Авторы исследуют формы и методы работы подразделений отдела Полномочного Представительства ОГПУ, направленные на пресечения антигосударственной деятельности тех социальных и социально-профессиональных групп, которые власть рассматривала в качестве потенциальной угрозы своей безопасности. Актуальность темы определяется значимостью изучения глобальных социальных и политических процессов на региональном уровне, позволяющим выявить не только местную специфику, но и общие тенденции развития внутривластной ситуации в стране. В статье используются материалы Архива Информационного центра Управления МВД России по Астраханской области (АИЦ УМВД АО), впервые вводимые в научный оборот.

Ключевые слова: Белая армия, казаки, офицеры, оперативные мероприятия, контрреволюционные выступления, Астраханская губерния, органы государственной безопасности.

Результатом революции и гражданской войны в России стало создание советского государства, общественно-политическая жизнь которого была основана на классовом принципе, на разделении общества на своих и чужих. Чужие являлись отдельными социальными группами (выходцы из имущих в прошлом страт, бывшие белогвардейцы, казаки, священнослужители, чиновники различных учреждений и пр.). Они находились под постоянным контролем государства и как потенциальные внутренние враги в первую очередь подвергались репрессиям. В связи с этим наша исследовательская задача заключается в анализе деятельности органов ОГПУ в Астраханском регионе в отношении казачества и бывших офицеров.

В ходе реформы по преобразованию Всероссийской

Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР в Государственное политическое управление (ГПУ) 1 марта 1922 г. в Астрахани создали губернский отдел (губотдел) Полномочного Представительства (ПП) ГПУ НКВД, а с 1923 г. – Астраханский губернский отдел ПП Объединенное государственное политическое управление (Астраханский губотдел ОГПУ) [2. л. 135]. Одной из основных задач ОГПУ являлась предотвращение контрреволюционных выступлений, поэтому на сотрудников региональных подразделений возлагалась обязанность по проведению работы, направленной на обнаружение «социально-опасных элементов» и осуществление контроля за их жизнедеятельностью.

В сельской местности основная нагрузка по прове-

дению оперативно-розыскных мероприятий возлагалась на уездных уполномоченных губотделов ОГПУ. Они должны были «выявлять лиц, служивших в рядах белых и в отрядах зеленых, лиц, настроенных против Советской власти, все сельские группировки (объединение казачества, духовенства, кулаков), имеющих целью нанести какой-либо вред Советской власти: срыв посевных кампаний, срыв сбора урожая, поджоги полей, агитация против своевременного взноса продналога и т.д.» [1. л. 210-211]. Уездные уполномоченные осуществляли свою деятельность через секретную систему осведомителей - в волостях из числа «надежных граждан» вербовался резидент, который в свою очередь вербовал осведомителей «в каждом селе, деревне, хуторе» [15. с. 254].

Участие в гражданской войне на стороне Белого движения казачества и офицерства предопределило отношение к ним советского государства. «Казачье сословие, жившее при царизме безбедно и в гражданскую войну... доказавшее свою активную контрреволюционную роль своими выступлениями против власти Советов» [1. л. 210], в первую очередь рассматривалось ОГПУ как враждебная социальная группа. Руководство Астраханского губотдела ОГПУ ставило перед уездными уполномоченными задачу выявлять враждебные элементы среди казачества. В 1925 г. уездному уполномоченному по Енотаевскому уезду Астраханской губернии Синектуту указывалось на то, что в его отчетах «...совершенно не освещается казачество. Памятуя о привилегиях, каковыми пользовалось казачество перед остальным населением говорить о политической благонадежности и отсутствия группировок среди казачества не приходится... Поэтому «казачий вопрос» не может так скоро изжиться, как думают многие..., «Казачий вопрос» нужно освятить широко» [3. л. 62].

С началом коллективизации спецслужбы усилили мониторинг социально-политических настроений населения для предотвращения антигосударственных действий. В качестве причин роста протестных выступлений крестьянства рассматривалась активизация деятельности антисоветских организаций. В связи с этим ряд структурных подразделений Астраханского окружного отдела ОГПУ (в 1928 г. из-за территориально-административных изменений в СССР, сменили название и региональные органы ОГПУ): контрразведывательный отдел (КРО), особый отдел (ОО), экономический отдел (ЭКО), информационный отдел (ИНФАГО), обязывались активизировать работу по борьбе с «белогвардейскими организациями», противодействовать антигосударственным заговорам и бандитизму [11. с. 85].

В 1929 г. в докладе КРО Астраханского окружного отдела (окротдела) ОГПУ указывалось на то, что местное казачество в большинстве не разделяло «положительного отношения к существующей системе государственного

строения, так настроена и беднота-белогвардейцы и зажиточно-кулацкая его часть». Казаки не смогли смириться с лишением их привилегий – «раньше мы были вольными казаками, всем пользовались, были богатыми, а теперь при этой власти стали нищими». У многих казаков сложилось негативное отношение к коммунистам, поэтому в станицах не происходит рост числа членов партийных и комсомольских организаций, работают в основном приезжие члены ВКП(б).

В документе говорилось, что казаки достаточно скрытные – антисоветский дух скрывают под аполитичностью или лояльностью, «советская общественность, по сравнению с крестьянскими селами, прививается с трудом, встречает противодействие, враждебное отношение и неприязнь». В качестве положительной тенденции отмечалось потеря влияния старшего поколения казаков на молодежь, особенно на тех, кто прошел службу в РККА или работал на «отхожих промыслах». В заключении делался вывод о том, что «компактной массы казачество не представляет, внутри идут политические процессы, брожения» [5. л. 175об., 176].

30 декабря 1929 г. полномочные представители и начальники региональных подразделений ОГПУ получили циркулярное письмо за подписью заместителя председателя ОГПУ Ягоды, в котором уточнялась деятельность КРО в ходе проведения коллективизации. Работа этого спецотдела «должна охватывать все контрреволюционные проявления кулацко-офицерско-белогвардейского типа в деревне, а также со всеми контрреволюционными организациями и группами, связанными с белогвардейскими монархическими центрами... Особое внимание КРО сосредотачивает на районах, засоренных белогвардейским элементом и казачьими районами (бывшие участники белых армии, офицерство, атаманы и пр.)» [4. л. 29].

По мере роста крестьянского протеста в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в деятельности ОГПУ обозначилась тенденция на усиление репрессий против казачества, потенциально способного организовать и возглавить вооруженное сопротивление проводимой властями политики коллективизации.

Перед региональными подразделениями ОГПУ ставилась задача «разоблачать массовые антисоветские организации». Так, выступая в июне 1930 г. на оперативном совещании в Астраханском окротделе ОГПУ, начальник КРО ПП ОГПУ Нижневолжского края (НВК) Маслов раскритиковал работу отдела, указав на то, что «в крае большие повстанческие организации в районах, которые граничат с вашим округом, классовая борьба прогрессирует, а у вас нет за этим наблюдений». Отметив, что численность «повстанческих выступлений идет вверх», он охарактеризовал ситуацию в Нижне-Волжском крае

как «чрезвычайно напряженную», при этом, по его мнению, многие сотрудники Астраханского окротдела ОГПУ не выполняли своих служебных обязанностей – «просто сидят и ничего не делают». В качестве доказательства он привел пример работы группы сотрудников госбезопасности, сформированной ПП ОГПУ по НВК, которая «вскрыла 7 организаций в количестве 240 человек», в то время как «отделы сидели и ничего об этом не знали». Маслов потребовал усилить наблюдение за казачьими районами, в которых, по его сведениям, активизировалась работа повстанческих организаций, о чем свидетельствуют «факты при арестах в селах Арчада и Фролово» [6. л. 73, 80].

2 июля 1930 г. Астраханский окротдел ОГПУ получил от ПП ОГПУ по НВК предписание: «Создать осведомления во всех казачьих станицах и установить все имеющиеся группировки и связи между ними... Сообщить надлежащим отделам ОГПУ сведения на белогвардейцев и бандитов, которые выехали из своих станиц в другие города Союза... Немедленно произвести ликвидацию активного контрреволюционного элемента, проживающего в с. Владимировка Енотаевского района, каковой снова подготавливает контрреволюционное выступление...». Перед Астраханским окротделом ставилась задача «тщательно выявить местопребывания и факты контрреволюционной деятельности всех идеологов, авторитетов, военных вождей Астраханского казачества, представив данные в Особый отдел ПП ОГПУ по Нижневолжскому краю» [7. л. 10–11].

Выполняя, поставленные задачи сотрудники госбезопасности в 1931 г. в с. Копановка Енотаевского района раскрыли антисоветскую группировку, состоящую из 6 казаков, которая «ориентировалась на создание контрреволюционной повстанческой организации». В казачьей станице Ветлянка Енотаевского района выявили группировку в составе 4 человек, которую возглавлял «бывший белый офицер». Согласно материалам дела «группировка вела контрреволюционную повстанческую пропаганду и агитацию, направленную на срыв проведения хозяйственной кампании». Тройкой ПП ОГПУ участники приговорены к различным срокам заключения. В с. Красный Яр арестовали бывшего станичного атамана Куранова. В ходе расследования «прямая повстанческая бандитская деятельность его доказана не была, но подтвердилась его антисоветская деятельность». В 1932 г. в результате агентурной разработки «Кулак» сотрудникам ОГПУ удалось разоблачить 8 жители поселка Казачий бугор (казаков), некоторые, из которых служили в Белой армии. По версии следствия они организовали контрреволюционную группировку и высказывались за необходимость вооруженной борьбы с Советской властью [5. л. 7–8].

Согласно аналитической записке Астраханского

окротдела НКГБ, составленной в феврале-марте 1941 г., за период с 1922 по 1934 г. среди астраханского казачества сотрудники ОГПУ раскрыли и ликвидировали несколько контрреволюционных повстанческих казачьих организаций, готовивших вооруженные восстания против Советской власти. Из станиц в Астрахань, опасаясь репрессий, бежало большое количество «казаков-кулаков и казачьих авторитетов». На момент составления записки на оперативном учете числилось 82 человека отнесенных к категории «белогвардейского казачества» [10. л. 256].

По данным ОГПУ в 1923 г. в СССР проживало около 35-50 тыс. «бывших белых офицеров» [13. с. 82], которые по мнению органов госбезопасности «самим фактом своего существования в обществе продолжали сохранять потенциальную опасность для коммунистического режима» [12. с. 30].

Региональные структуры ОГПУ занимались выявлением и учетом бывших офицеров на местах. В 1931 г. на оперативном учете в Астрахани состояло 153 «бывших белых офицеров» [5. л. 9]. Большинство из них оказались на территории Астраханской губернии после окончания гражданской войны в результате ликвидации концлагерей в соседних регионах («из концлагерей выдворялись в Астрахань») и ввиду отсутствия в районах [Астраханского] округа промышленных предприятий, вынуждены ютиться в городе» [5. л. 172]. Ряд бывших офицеров Белой армии являлись выходцами из казаков: «уральцы, терцы, донцы», которые ранее в порядке расселения приехали в Астрахань. Все они находились в оперативной разработке сотрудников ОГПУ – «осведомлением их жизнедеятельности занималось 64 секретных информатора», завербованные из самих бывших офицеров и казаков. [5. л. 9].

Кроме получения информации через осведомителей, еще одной формой политического контроля являлась перлюстрация сотрудниками госбезопасности переписки бывших участников белого движения, с родственниками или знакомыми, проживающими за границей. Согласно данным КРО Астраханского оперсектора ОГПУ «бывших белогвардейцев Астраханского округа, находящихся за границей, насчитывалось: офицерского состава – до 50 человек, солдат и казаков – до 300 человек». Они проживали в Югославии, Болгарии, Франции, Польше, Греции, Китае и обменивались письмами с родственниками, живущими на территории Астраханского округа. При этом сотрудники КРО отмечали, что «эта связь достаточно частая, так как им ежедневно приходится пропускать 10 белогвардейских адресов» [5. л. 177-177об.].

В донесениях осведомителей отмечалось, что основным «злободневным вопросом для бывшего белого офицерства является лишение их избирательных прав», так

как следствием этого, как правило, становилось увольнение с работы и ухудшение уровня жизни. Бывший чиновник казачьего войскового управления Маслов, состоявший в переписке с находящимся в Сербии атаманом Донским, жаловался на свою жизнь лишенца: «Пока я с желтым билетом, положение мое ужасное, семья голодает, а дети без образования. В нашей Астрахани лишенцев 11 тысяч человек... Нужно здесь быть, чтобы понять их горе... Да жизнь отчаянная, ужасная для нашего брата» [5. л. 173-173об., 176].

В отчетах сотрудников госбезопасности отмечалось, что бывшие офицеры проявляли «слабый интерес к политическим вопросам», в основном были поглощены заботами о «домашности» и выражали «боязнь за свое благополучие». В переписке с родственниками, находящимися за границей, поднимались в основном темы личного характера и с осторожностью затрагивали общественные вопросы, некоторые «тактично рекомендовали воздержаться от возвращения на Родину». Только около 20% идентифицировались сотрудниками госбезопасности как «действительно антисоветский элемент, способный в удобный момент на активное контрреволюционное выступление». При этом отмечалось, что «открытой антисоветской агитации за белыми не отмечено, а свою неприязнь к Советской власти они высказывают в тесном кругу» [5. л. 172-172об., 173, 176-177об.].

Согласно оперативной информации Аракелов (бывший прапорщик, служивший в армии Деникина) говорил: «Большевики ограбили весь народ, бил я их в 1919 г., также буду бить и в будущем». Басов (бывший штабс-капитан, служивший в армии Колчака) негативно отзывался о ситуации со снабжением продовольствия: «При существующих порядках приходится голодать, ибо в кооперативах ничего нет». Захаров (бывший адъютант «в Белой армии») выражал не доверие официальной информации в прессе: «Не нужно верить газетам, которые пишут, что во всех отраслях промышленности все идет хорошо. Арестованные органами ОГПУ люди посылаются на лесозаготовки, а там их заставляют принудительно работать, и они мрут, как мухи, а говорят, что все работают добровольно и чуть ли не ударники». Иванов (бывший военный чиновник, служивший в армии Колчака) критиковал политику коллективизации: «Благодаря коллективизации нам никогда не выбраться из продовольственных затруднений..., ибо крестьянин знает, что у него все отберут и работать не хочет» [5. л. 13].

При получении информации об антисоветских высказываниях и фиксации подозрительных действий органы госбезопасности усиливали наблюдение за действиями подозреваемых. Так, сотрудники КРО Астраханского оперативного сектора (оперсектора) ОГПУ в 1931 г. зафиксировали «сближение и связь полковников из казаков Сухоняева, Полежакина, Есаулова, Николаева и

поручика Рачевского, которые посещали квартиру Сухоняева. Согласно оперативной информации, «их сближала неприязнь к мероприятиям Советской власти и общность идеологических установок». Проживающий в Польше брат Сухоняева состоял с ним в переписке и оказывал ему материальную помощь. Согласно оперативной информации Сухоняев сомневался в успехе проводимой политики: «Все ведет к обеднению и финансовому краху, коммунизм не больше, как утопия, и из-за будущих каких-то призрачных благ жизнь большинства отравляется лишениями и притеснениями». Полежакин соглашался с ним: «В общем я не верю ни в социализм, ни в коммунизм». Данную группу взяли в оперативную разработку [5. л. 173].

Сотрудники госбезопасности не только выполняли мониторинг, но и выявляли и уничтожали антисоветские группы, возглавляемые бывшими офицерами. В результате проведенной в 1931 г. спецоперации «была вскрыта и ликвидирована контрреволюционная группировка из бывших белых и бывших офицеров в количестве 11 человек». В общей сложности арестовали около 60 человек, но «за недоказанностью материалов» большую часть арестованных освободили, 23 человека были осуждены. [5. л. 12].

В 1932 г. Астраханским оперсектором ОГПУ в Володарском районе была разоблачена группа из 3 человек, возглавляемая бывшим командиром сотни «белоказак» Яцковым. Они проводили «агитацию повстанческого характера»: подстрекали колхозников не выходить на лов рыбы, распространяли антисоветские слухи. Так, Яцков рассказывал об якобы находящихся в Гурьевской области «белых войсках», насчитывающих около 30 тысяч человек, и о перешедшем на их сторону полке Красной армии [8. л. 58].

В Наримановском районе сотрудники Астраханского оперсектора ОГПУ раскрыли группу из 6 человек, которой руководил Маклецов – бывший «казак-белогвардеец». Им вменялось в вину распространение среди жителей с. Казачий бугор провокационных слухов о приближающейся войне и восстаниях против Советской власти, идущих в других регионах. Члены группы планировали вовлечь в свою организацию как можно больше единомышленников и сформировать боевую группу, которую должен был возглавить бывший «белый прапорщик» Второв [8. л. 59].

В с. Казачий бугор сотрудники госбезопасности раскрыли «казачью-белогвардейско-повстанческую» организацию. По делу этой организации арестовали 27 человек, среди них 2 «бывших белых офицера», 2 бывших казачьих атаманов и 5 «активных белогвардейцев» [8. л. 28].

Во втором полугодии 1932 г. на учете в КРО Астраханского оперсектора ОГПУ состояло 133 человека «бывших белых офицеров». При этом по сравнению с первым полугодием 1932 г. их количество увеличилось на 23 человека, за счет прибывших из других регионов страны [5. л. 11].

В первой половине 1930-х гг. сотрудники ОГПУ провели успешную операцию под кодовым названием «Украинец», по которой проходили антисоветски настроенные бывшие офицеры Белой армии Вернигора и Зинченко. Как следует из материалов дела весной 1932 г. они планировали ехать в Туркестан, так как «жить в Астрахани – по словам Зинченко, – нет никакой возможности, бывшие белые офицеры говорить о политике боятся, так как ГПУ насадило своих агентов даже в их семейную жизнь». Вернигора и Зинченко надеясь встретить там единомышленников – людей с «характером и сильной волей» [5. л. 12].

Дальнейшее проведение оперативно-розыскных мероприятий позволило раскрыть и ликвидировать «белогвардейско-повстанческую контрреволюционную организацию», формирование которой началось еще в начале 1920-х гг. В конце 1922 г. в Астрахань прибыл бывший член Донского казачьего войскового круга Пунцуков – эмиссар от находившегося в эмиграции члена Общеказачьего земледельческого союза генерала Коваленко, уроженца станицы Грачевской Астраханской губернии. Как полагало следствие целью его приезда являлось проведение «контрреволюционной работы» в соответствии с инструкциями, полученными от Коваленко. Задачей Пунцукова являлось установление контактов и привлечение для активной «контрреволюционной работы» в Астрахани бывшего полковника Белой армии, казака Павла Петровича Свешникова. Впоследствии, 25 мая 1933 г., Свешникова обвинили Тройкой ОГПУ НКВ в принадлежности к контрреволюционной организации и приговорили к 10 годам лишения свободы. Из заключения он не вернулся. В 1956 г. его реабилитировали [14].

Пунцуков привлек в организацию бывших казаков Николаева и Стороженко, поставив им задачу максимального вовлечения в ряды представителей Астраханского казачества. Предполагалось формировать ячейки численностью от трех до восьми человек, проводить сбор сведений об экономическом положении, о настроениях населения и об боеспособности частей Красной армии. [9. л. 10].

Члены организации встречались на квартирах Свешникова и Писарева (бывший офицер Белой армии, прибывший в Астрахань в 1921 г. из «Тульского концлагеря»). Согласно оперативным материалам, для снабжения оружием Свешников намеревался подобрать людей, которых устроили бы охранниками на предприятия

«Областьрыбы». Финансирование деятельности предполагалось осуществлять из-за границы. Согласно материалам дела организация вербовала своих членов преимущественно из среды бывших офицеров Белой армии. После того как в 1923 г. Пунцуков и Писарев покинули Астрахань организация фактически бездействовала. Согласно предположениям следователей, расцвет НЭПа породил надежду среди ее членов на «капитуляции Советской власти перед капиталистическими элементами». В 1929 г. из Астрахани уехали Николаев и Стороженко, и во главе организации остался один Свешников. К моменту ликвидации организация состояла из 74 человек: 39 бывших офицеров Белой армии, 9 бывших офицеров «старой армии», 6 бывших «активных белогвардейцев», 5 бывших торговцев, 9 служащих, 4 кустарей, 1 кулака и 1 священника. 25 мая 1933 г. дело рассмотрело Тройка ПП ОГПУ. 56 человек осудили на срок лишения свободы от 3 до 10 лет с отбыванием наказания в концлагере, четверых с отбыванием наказания в трудовом поселке ОГПУ (срок не уточняется – *прим. авт.*), и условное наказание получили 7 человек [9. л. 11–12].

Ускоренная индустриализация сопровождалась невыполнением плановых показателей, техногенными авариями на предприятиях. Экономические просчеты часто объяснялись «вредительством», организованным противниками советского государства. Полученные, часто оперативным путем, сотрудниками Астраханского оперсектора ОГПУ сведения о наличии в трудовых коллективах учреждений, предприятий, колхозов и совхозов «социально чуждых элементов» являлись весомым доказательством деятельности антисоветских организаций. Так, на предприятии Сетеснаста раскрыли «контрреволюционную группировку» в составе 11 человек, занимавшуюся хищениями и спекуляцией рыболовными сетями. Среди ее участников был обнаружен бывший белый офицер Терпугов. Первоначально оперативная разработка велась сотрудниками ОО Астраханского оперсектора ОГПУ, но так как были выявлены экономические преступления, то материалы расследования передали в ЭКО. Терпугова и еще 6 человек расстреляли, остальные получили различные сроки заключения. В организации Промстроя ликвидировали вредительскую группировку, насчитывающую 20 человек. В ее составе разоблачили бывшего офицера Космачева, которого осудили на 10 лет лишения свободы. По делу о хищениях в структуре Сельгорта арестовали 14 человек, среди которых выявили бывшего белого офицера Котлярова, впоследствии расстрелянного. [5. л. 12].

В январе 1933 г. сотрудники Астраханского оперсектора ОГПУ осуществили агентурную разработку «Лесники», по которой проходило 12 человек – специалистов и лесников лесного хозяйства Енотаевского и Харабалинского районов. В результате операции среди работников лесного хозяйства были выявлены «вредители»: управ-

ляющий лесами местного значения Войтов (бывший офицер), десятник Бирюков (бывший подхорунжий), а также бывшие военнослужащие Белой армии десятник Бондарев, лесник Лебедев, лесник Кривошапов». [9. л. 4–5].

Кризисную ситуацию в сельском хозяйстве, сложившуюся в начале 1930-х гг., власти связывали с «засоренностью» колхозов «классово-чуждым элементом». В 1932 г. органами госбезопасности проводилась «чистка» колхозов, в результате которой из колхозов исключили 897 «социально-чуждых и враждебных лиц», из них 787 человек по предварительной разработке Астраханского оперсектора ОГПУ. Из общего количества исключенных «бывшие белые» составили 114 человек [9. л. 20–21].

Конец 1920-х– начало 1930-х гг. стали одним из самых сложных периодов в жизни советского общества. Ускоренная индустриализация и коллективизация изменили традиционный образ жизни и ценностные ориентиры миллионов людей, привели к росту социального напряжения. В сложившейся ситуации возросла роль органов ОГПУ, осуществлявших политический контроль

и проводивших репрессии в отношении «классово чуждых элементов».

В Астраханском регионе сотрудники ОГПУ проводили мониторинг уровня адаптированности к существовавшему политическому режиму казаков и бывших офицеров, участвовавших в Белом движении, через внедренных в их среду агентов и осведомителей, осуществляли перлюстрация их частной переписки с родственниками и знакомыми находящимися в эмиграции, с целью выявления политически неблагонадежных лиц.

Раскрытие и ликвидация антисоветских организаций с участием казаков и бывших офицеров подкрепляла официальный тезис об «оживлении контрреволюционных элементов», оказывающих сопротивление проводимым преобразованиям, что позволяло пропаганде объяснить производственные срывы и ухудшение уровня жизни их происками. В то же время органы ОГПУ являясь важным элементом политической системы, выполняли задачи по обеспечению безопасности советского государства, предотвращению преступлений, направленных против существующего политического строя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архива Информационного центра Управления МВД России по Астраханской области (АИЦ УМВД АО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 14.
2. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1.
3. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 23.
4. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 58.
5. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 86.
6. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 95.
7. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 102.
8. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 149.
9. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 177.
10. АИЦ УМВД АО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 121.
11. Боева Л.А. «Особая каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы. М.: АИРО-XXI, 2009. – 208 с.
12. Василевский В.П. Деятельность органов ГПУ-ОГПУ Омска в отношении бывших военнослужащих белой армии // Омский научный вестник. 2013. № 4 (121). С. 27–30.
13. Ганин А.В. Розыск органами ОГПУ бывших офицеров в 1922-1925 гг. // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 31 марта 2020 г.). М., 2020. С. 82–88.
14. Пугачев Б.Г. Забытый герой. Вестник Астраханского казачьего войска. [Электронный ресурс] URL: https://vestnikkv.ru/article.php?mode=view&own_menu_id=212336 (дата обращения 24.05.2025).
15. Тимофеева Е.Г., Лебедев С.В., Тюрин А.О. Борьба с бандитизмом в Астраханской губернии в 1920-е гг. // Астраханские Петровские чтения: материалы IV Международной научной конференции (г. Астрахань, 19 декабря 2019 г.). Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2020. С. 254–257.

© ().

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО БУДЕННОВСКОГО/ЦИЛЬНИНСКОГО РАЙОНА ТАТАРСКОЙ АССР

ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL STRUCTURE OF THE BUDENNOVSKY/ TSILNINSKY DISTRICT OF THE TATAR ASSR

S. Fayzullin

Summary: The article is devoted to the history of the administrative-territorial structure of the Tatar ASSR. It examines in chronological order the main changes in the Budennyovskiy/Tsilninskiy district, established in 1935 and abolished in 1959. The work is based on published and archival sources. The study identifies the key transformations of the external borders and the reasons for the renaming of the district. The article provides statistical data reflecting: the territorial structure, the population, its national composition, as well as other quantitative indicators of the district at various stages of its existence.

Keywords: Tatar ASSR, Budennyovskiy district, Tsilninskiy district, administrative and territorial transformations, regional history.

Файзуллин Станислав Анатольевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова АН РТ, г. Казань
stas1472580@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена истории административно-территориального устройства Татарской АССР. В ней в хронологическом порядке рассматриваются основные изменения Буденновского/Цильнинского района, образованного в 1935 г. и упраздненного в 1959 г. Работа подготовлена на основе опубликованных и архивных источников. В исследовании выявлены ключевые преобразования внешних границ и причины переименования района. В статье приводятся статистические данные, отражающие: территориальную структуру, численность населения, его национальный состав, а также иные количественные показатели района на различных этапах его существования.

Ключевые слова: Татарская АССР, Буденновский район, Цильнинский район, административно-территориальные преобразования, региональная история.

В августе 1930 г. Татарская АССР полностью перешла на районную систему административно-территориального деления. Но уже на начальном этапе реализации проекта стали возникать различные сложности, приведшие к его изменению. В последующие годы неоднократно проводившиеся корректировки административно-территориального устройства республики обуславливали множественные изменения границ районов.

25 января 1935 г. в Татарской АССР были массово образованы новые районы, одним из которых был Буденновский [1, ст. 42]. Он располагался на юго-западе республики. На севере граничил с Горьковским краем и Буинским районом ТАССР, на юге – со Средневолжским краем, на западе – с Дрожжановским районом ТАССР, на востоке – с Тетюшским районом ТАССР.

В его состав включался 31 сельский совет, в том числе 29 из Буинского и 2 – из Дрожжановского районов. Но не прошло и месяца с момента подписания указа, а в проект уже потребовалось вносить изменения из-за имевших место взаимных вклиниваний территорий между районами. Для устранения этих моментов 20 февраля в Буденновский район из Дрожжановского дополнительно включался Вольно-Станский сельсовет, а деревня Недремаевка наоборот передавалась в Буинский район [2, л. 7] После этого границы района приняли более устойчивый характер (таблица 1).

В 16 сельсоветах преобладало татарское население, в 10 – чувашское, в 5 – русское, в 1 – мордовское (таблица 2).

Площадь района составила 829 км², средняя плотность населения – 55 чел. на км², в его составе насчитывалось 32 сельских совета, 56 населенных пунктов, 45589 чел. населения, в том числе татар – 62,2%, чуваш – 24,5%, русских – 11,1%, мордвы – 2,2%; центр района – татарское село Старое Шаймурзино.

В районе действовали: 108 мельниц и крупорушек, на которых трудилось 142 чел.; 52 школы (общее количество обучающихся 6,7 тыс. чел., педагогических работников – 194 чел.), в том числе 44 начальных (4,4 тыс. учащихся) и 8 неполных средних (2,3 тыс. учащихся); 2 врачебные амбулатории и 2 фельдшерских пункта, центральная районная библиотека, в фондах которой насчитывалось 2800 экземпляров книг и журналов, дом социалистической культуры при котором находилась 1 немая кинопередвижка, 9 клубов, в том числе 1 детский и 4 колхозных, 14 изб-читален и 8 колхозных красных уголков [4, с. 154; 5, л. 13; 6, л. 35-35 об.; 7, л. 33].

Прошло немногим более трех с половиной лет и в августе 1938 г. при очередном разукрупнении районов 6 (Бакрчинский, Бурцевский, Вожжинский, Сюндюковский, Татарско-Беденьгинский и Чувашско-Чикилдымский) сельсоветов Буденновского района были переданы во

Характеристика Буденновского района в разрезе сельских советов [З, л. 1–57].

№ п/п	Сельсовет	Количество		
		дворов	населенных пунктов	населения (чел.)
Сельсоветы, вошедшие из Буинского района				
1	Альшеевский	338	1	1552
2	Бакрчинский	431	2	2015
3	Беденьгинский	279	1	1354
4	Бурундуковский	363	2	1442
5	Бурцевский	127	1	483
6	Бюргановский	394	1	1771
7	Вожжинский	260	1	1110
8	Ембулатовский	321	1	1048
9	Кошки-Теняковский	348	3	1440
10	Кошки-Шемякинский	226	3	1104
11	Новоселковский	135	1	513
12	Ново-Тинчалинский	557	1	2362
13	Ново-Цильнинский	143	1	706
14	Ново-Шаймурзинский	316	1	1319
15	Раковский	269	1	1241
16	Сарсазский	135	1	680
17	Сорок-Сайдакский	415	3	1981
18	Старо-Мертлинский	260	3	1319
19	Старо-Студенецко-Выселковский	144	1	711
20	Старо-Тинчалинский	467	1	1839
21	Старо-Шаймурзинский	771	4	3850
22	Сюндюковский	358	3	1691
23	Таковаровский	185	1	733
24	Тимбаевский	220	1	1010
25	Чувашско-Кищаковский	248	3	1177
26	Чувашско-Сорокамышский	148	1	572
27	Чувашско-Чикилдымский	138	3	660
28	Чувашско-Шаймурзинский	143	1	631
29	Энтугановский	452	3	1807
	Всего	8591	50	38121
Сельсоветы, вошедшие из Дрожжановского района				
30	Больше-Цильнинский	562	1	2246
31	Вольно-Станский	382	2	1579
32	Мало-Цильнинский	877	3	3643
	Всего	1821	6	7468
	Итого	10412	56	45589

Таблица 2.

Национальный состав населения Буденновского района в разрезе сельских советов [3, л. 1–57].

№ п/п	Сельсовет	Количество			
		татар	чуваш	русских	мордвы
Сельсоветы, вошедшие из Буинского района					
1	Альшеевский	–	1552	–	–
2	Бакрчинский	2015	–	–	–
3	Беденьгинский	1354	–	–	–
4	Бурундуковский	–	–	1442	–
5	Бурцевский	–	–	483	–
6	Бюргановский	597	1174	–	–
7	Вожжинский	109	–	2	999
8	Ембулатовский	–	–	1048	–
9	Кошки-Теняковский	–	1440	–	–
10	Кошки-Шемакинский	237	867	–	–
11	Новоселковский	–	–	513	–
12	Ново-Тинчалинский	2362	–	–	–
13	Ново-Цильнинский	706	–	–	–
14	Ново-Шаймурзинский	1319	–	–	–
15	Раковский	–	1241	–	–
16	Сарсазский	680	–	–	–
17	Сорок-Сайдакский	1454	–	527	–
18	Старо-Мертлинский	–	1312	6	1
19	Старо-Студенецко-Выселковский	711	–	–	–
20	Старо-Тинчалинский	1839	–	–	–
21	Старо-Шаймурзинский	3850	–	–	–
22	Сюндюковский	1678	–	13	–
23	Таковаровский	–	733	–	–
24	Тимбаевский	–	–	1010	–
25	Чувашско-Кицаковский	–	1177	–	–
26	Чувашско-Сорокамышский	–	572	–	–
27	Чувашско-Чикилдымский	349	311	–	–
28	Чувашско-Шаймурзинский	–	626	5	–
29	Энтугановский	1625	182	–	–
	Всего	20885	11187	5049	1000
Сельсоветы, вошедшие из Дрожжановского района					
30	Больше-Цильнинский	2246	–	–	–
31	Вольно-Станский	1579	–	–	–
32	Мало-Цильнинский	3643	–	–	–
	Всего	7468	–	–	–
	Итого	28353	11187	5049	1000

Характеристика Бурундуковского и Чувашско-Сорокамышского сельских советов.

Сельсовет	Площадь, га	Количество		Преобладающая национальность
		селений	жителей, чел.	
Бурундуковский	2296	2	1347	русские
Чувашско-Сорокамышский	794	1	583	чуваши
Всего	3090	3	1930	

вновь образованный Больше-Тарханский район [8, л.7].

После этого Буденновский район имел следующие показатели: территория – 731 км², средняя плотность населения – 53 чел. на км², количество сельсоветов – 26, населенных пунктов – 43, жителей – 38,8 тыс. чел. [9, с. 42–43]

В 1940 г. с ходатайством о передаче их в Буинский или в Больше-Тарханский районы обратились жители Бурундуковского и Чувашско-Сорокамышского сельсоветов (таблица 3).

Основной причиной такого решения стала их значительная удаленность от центра Буденновского района, составлявшая 28 км. В то же время расстояние до потенциальных центров – Буинска и Больших Тархан – было существенно меньше: 18 и 14 км соответственно.

Однако предложенные варианты изменения столкнулись с серьезными препятствиями. При рассмотрении варианта присоединения к Буинскому району выявилось существенное неудобство: машинно-тракторная станция (МТС) Буденновского района располагалась всего в 3 км от сельсоветов, тогда как Буинская МТС находилась на расстоянии 18 км, и такая удаленность серьезно затрудняла бы обслуживание местных колхозов.

Второй вариант присоединения к Больше-Тарханскому району также имел существенные недостатки. Главным препятствием была естественная преграда – река Свияга, которая отделяла сельсоветы от райцентра. Особенно остро эта проблема проявлялась бы в период половодья, когда сообщение между ними, а также обслуживание колхозов со стороны МТС существенно бы осложнялось. Поэтому несмотря на обоснованное желание населения, быть ближе к районному центру, предложенные изменения были отклонены [10, л. 83].

В сентябре 1957 г. Президиум ВС СССР постановил, что впредь присваивать имена государственных и общественно-политических лидеров, а также деятелей науки и культуры можно было исключительно после их смерти [11, с. 406].

Опираясь на него уже в начале октября Буденнов-

ский райисполком, принимая во внимание пожелания и просьбы трудящихся, решал вопрос о переименовании района. В этой ситуации было бы логично присвоить ему название по наименованию районного центра – Шаймурзинский, но такой вариант не нашел поддержки из-за незнания истории названия села. Поэтому, учитывая, что до образования ТАССР территория района относилась к Симбирскому уезду, а ныне граничит с Ульяновской областью, постановили переименовать район в Ульяновский. 12 октября Президиум ВС ТАССР утвердил это решение [12, л. 392, 393]. После этого необходимые бумаги были направлены в Москву, но там санкционировать данное решение не стали, а рекомендовали подобрать для района другое название. Вероятно, это было связано с начавшейся по всей стране волне переименований, в результате которой поступавшие в Москву ходатайства содержали немалое количество аналогичных предложений. В связи с этим руководству Буденновского района вновь пришлось вернуться к этому вопросу. Поскольку, как отмечалось выше, вариант с названием по райцентру уже был ранее отвергнут, то посчитали, что надежным выбором может стать гидроним. Выбор пал на одну из рек, протекающих по району – Цильну и район соответственно получил название – Цильнинский. 12 ноября, ровно через месяц с момента утверждения первого переименования, Президиум ВС ТАССР одобрил это решение, а уже 29 ноября это же было сделано и Президиумом ВС РСФСР [12, л. 426; 13, л. 7].

Но с новым названием район просуществовал чуть менее двух лет, поскольку в 1950-х гг. в республике велась работа по сокращению маломощных районов, к которым относился и Цильнинский район. Накануне своей ликвидации он имел следующие показатели: территория – 724,7 км², количество сельских советов – 12, селений – 49, жителей – 38817 чел. [14, л. 140].

8 октября 1959 г. Президиум ВС ТАССР постановил Цильнинский район упразднить и передать 8 сельсоветов (Альшеевский, Бюрганский, Кошки-Теняковский, Новоселкинский, Сорок-Сайдакский, Старо-Тинчалинский, Тимбаевский и Энтугановский) в состав Буинского и 4 сельсовета (Больше-Цильнинский, Мало-Цильнинский, Ново-Тинчалинский, и Старо-Шаймурзинский) – в состав Дрожжановского районов [15, л. 133]. 12 октября данное

решение было оперативно поддержано Президиумом ВС РСФСР [16, л. 24].

Таким образом, за период существования Буденовского/Цильнинского района в его административно-территориальном устройстве наиболее значимыми

событиями стали: разукрупнение района в 1938 г. при образовании Больше-Тарханского района и присвоение району нового названия в 1957 г. За то же время территория района уменьшилась на 12,6%, при этом количество населенных пунктов и численность жителей сократились соответственно на 12,5% и 14,8%.

ЛИТЕРАТУРА

1. СУ РСФСР. 1935. № 4.
2. ГАРТ (Государственный архив Республики Татарстан). Ф. Р-4580. Оп. 1. Д. 2053.
3. ГАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 2907.
4. Социалистическое строительство Татарской АССР Республики за 15 лет: экономико-статистический сборник, посвященный пятнадцатилетию ТАССР. Казань, 1935. 199 с.
5. ГАРТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 262.
6. ГАРТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 304а.
7. ГАРТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 268.
8. ГАРТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 22.
9. Татарская АССР: административно-территориальное деление на 1 июня 1940 года / сост. Б. Абдуллин. Казань, 1940. 204 с.
10. ГАРТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 233.
11. Свод законов СССР. Т. 1. М., 1990. 654 с.
12. ГАРТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 910.
13. ГАРТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 905.
14. ГАРТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 731.
15. ГАРТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 963.
16. ГАРТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 948.

© Файзуллин Станислав Анатольевич (stas1472580@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСТОРИЯ НОВОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РФ В РАМКАХ УКРЕПЛЕНИЯ РОЛИ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

HISTORY OF THE NEW FOREIGN POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FRAMEWORK OF STRENGTHENING THE ROLE OF RUSSIAN UNIVERSITIES IN THE INTERNATIONAL SPACE

*M. Khilchenko
O. Teterkina*

Summary: Since the active establishment of the internationalization of education around the world, the policy of higher education institutions in the Russian Federation has also begun to undergo drastic changes, including the massive export of domestic educational services abroad and the provision of opportunities for people from abroad to study at Russian universities. Even though the phenomenon of internationalization in Russia was first encountered in 1602, the reality of the last 50 years has been the most fruitful and dynamic, considering recent historical, political and economic conflicts. The process of modern integration of educational systems into the global community dates to the 1980s and was institutionalized in the mid-1990s. In 2003, the Bologna system significantly influenced domestic higher education institutions, which will be abolished in Russia in 2022 due to its inefficiency. As a result, the Government of the Russian Federation decided to integrate a new educational trajectory that is more relevant to the domestic realities, including basic, specialized, and professional higher education. These trends have a significant impact on the development of the export potential of the Russian education system, including its internationalization.

Keywords: history, scientific and educational cooperation, cooperation with foreign countries, higher education, Russia, internationalization, soft power policy, periodization of the modern history of education.

Хильченко Мария Викторовна

*соискатель, преподаватель, Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва
kristina.myfoto@yandex.ru*

Тетеркина Ольга Александровна

*старший преподаватель, Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва*

Аннотация: С момента активного становления интернационализации образования по всему миру политика высших школ Российской Федерации также стала претерпевать кардинальные изменения, включившие в себя объемный экспорт отечественных образовательных услуг за рубеж и обеспечение возможности обучаться в российских вузах лицам из-за границы. Несмотря на то, что феномен интернационализации в России впервые встречается в 1602 году, реальность последних 50 лет наиболее плодотворна и динамична с учетом последних исторических, политических и экономических коллизий. Процесс современной интеграции образовательных систем в мировое сообщество берет свое начало в 1980-е годы и закрепляется институционально в середине 1990-х гг. В 2003-х гг. на отечественные высшие школы оказывает существенное влияние Болонская система, которая в 2022 г. на территории России аннулируется ввиду своей неэффективности. В итоге Правительством Российской Федерации принято решение об интеграции более релевантной для отечественных реалий новой образовательной траектории, включающей в себя базовое, специализированное и профессиональное высшее образование. Данные тенденции оказывают существенное влияние и на развитие экспортного потенциала российской системы обучения, в том числе, его интернационализацию.

Ключевые слова: история, научно-образовательное взаимодействие, сотрудничество с зарубежными странами, высшая школа, Россия, интернационализация, политика «мягкой силы», периодизация современной истории образования.

Введение

Болонская система теряет свою актуальность, предоставляя новые возможности для становления российской образовательной парадигмы на территориях России и ее институциональных партнеров. Данные преобразования берут свое начало с интернационализации и в настоящий момент набирают все большие обороты в связи с масштабной реорганизацией политики государств, являющихся стратегическими партнерами России. В результате, с 1980-х гг. модернизация

классического университета в контексте интеграции в мировое образовательное пространство РФ, стала характеризоваться определенной периодизацией.

Предмет исследования – периодизация интернационализации высшего образования Российской Федерации.

Цель – представить периодизацию современной истории интернационализации российского высшего образования в международном пространстве.

Задачи:

1. Описать историю современной образовательной политики России, реализуемую для укрепления позиций страны в мировой политике.
2. Определить основные вехи современной истории интернационализации российских университетов в международном пространстве.

Методология исследования включает в себя методы общенаучной группы: анализ, синтез, систематизацию и обобщение полученных результатов, а также индуктивный и ретроспективный методы.

Вопросы новой внешней политики РФ в рамках укрепления роли российских вузов в международном пространстве рассмотрены в работах А.Л. Арефьева, Ф.Э. Шереги (2014) [1], И.Г. Дежиной (2022) [5], О.В. Зиневич, Н.В. Селезневой (2022) [7], М.В. Утевской (2022) [17], Л.В. Константиновой, Е.С. Титовой, А.М. Петрова, З.А. Троски, О.Д. Никоновой (2023) [8], Е.В. Никитенко (2023) [11], О.А. Горбуновой (2024) [4], С. Дешпанде (2025) [6] и др.

Материалы работы – в качестве основных источников информации для исследования были использованы данные официальных сайтов Минобрнауки и Росстатистического агентства.

Рамки настоящего исследования – с 1980-х гг. по 2025 г. включительно.

Феномен «интернационализации образования» впервые упоминается в Средневековье (в России он датируется 1602 г.), однако, активно входит в международную практику только в 1980-е гг., институционально же закрепляется в середине 1990-х [18, с. 46].

Активное становление интернационализации российского высшего образования в международном пространстве начинается с 80-х гг. XX в., которая функционировала в соответствии с законом СССР «Об утверждении основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» от 19 июля 1973 года № 4536-УШ [18, с. 284].

С 1989 г. благодаря инициативе МГУ им. В.М. Ломоносова действует Ассоциация университетов СССР, преобразованная в 1992 г. в Евразийскую ассоциацию университетов (ЕАУ) – она помогает привлекать студентов из-за рубежа, обеспечивает академическую мобильность обучающихся и профессорско-преподавательского состава между странами. Уже более 35 лет ЕАУ выступает в роли одной из влиятельных организаций среди высших школ мира [9].

В 2008 г. российской стороной было проиницировано создание «Сетевого университета СНГ», предпола-

гающее равноправное сотрудничество вузов Содружества в сфере высшего образования, осуществляемое в формате Консорциума образовательных организаций. 11 июня 2009 г. в Москве также подписали «Соглашение о Консорциуме по созданию Сетевого университета Содружества Независимых Государств», а 29 мая 2020 г. на заседании Совета глав правительств указанных государств приняли решение о подписании Соглашения об учреждении и функционировании данной инициативы, головной организацией которой с 09 июня 2021 г. является РУДН. Данная инициатива принадлежит Президенту Российской Федерации В.В. Путину и реализуется с целью экономического и социального развития государств-членов, становления интеграционных процессов в области образования, науки и технологий [15].

В МГИМО в 2008 г. создали комплекс международных связей, который координирует Управление международных образовательных программ, преобразованное с 2015 г. в Международное управление. По данным на июль 2025 г. вуз насчитывает свыше 175 соглашений о различных видах и формах учебно-образовательного и научно-аналитического сотрудничества с иностранными партнерами из 60 государств. По инициативе МГИМО созданы «Ассоциация профессиональных школ международных отношений стран СНГ» и «Ассоциация международных исследований стран СНГ и Балтии» [13].

С помощью таких инструментов «мягкой силы», используемых в отношении престижных международных объединений, как участие в межстрановых исследованиях, мировой политике, дипломатии, политической науке и других мероприятиях, МГИМО активно развивает научно-образовательные и культурные связи и проекты с иностранными вузами и учебными организациями.

Таким образом, укреплению позиций вуза в международном образовательном пространстве путем его интернационализации способствуют такие ведущие вузы страны РФ, как: Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы (РУДН), Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ), Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО). РУДН, например, готовит специалистов для африканских государств.

По данным на июль 2025 г., вуз заключил несколько сотен соглашений со всеми ведущими высшими школами Африки. Ректор российского Университета Олег Ястребов уточняет: «под каждое из указанных соглашений разработана дорожная карта. Центры русского языка и довузовской подготовки действуют в Марокко, На-

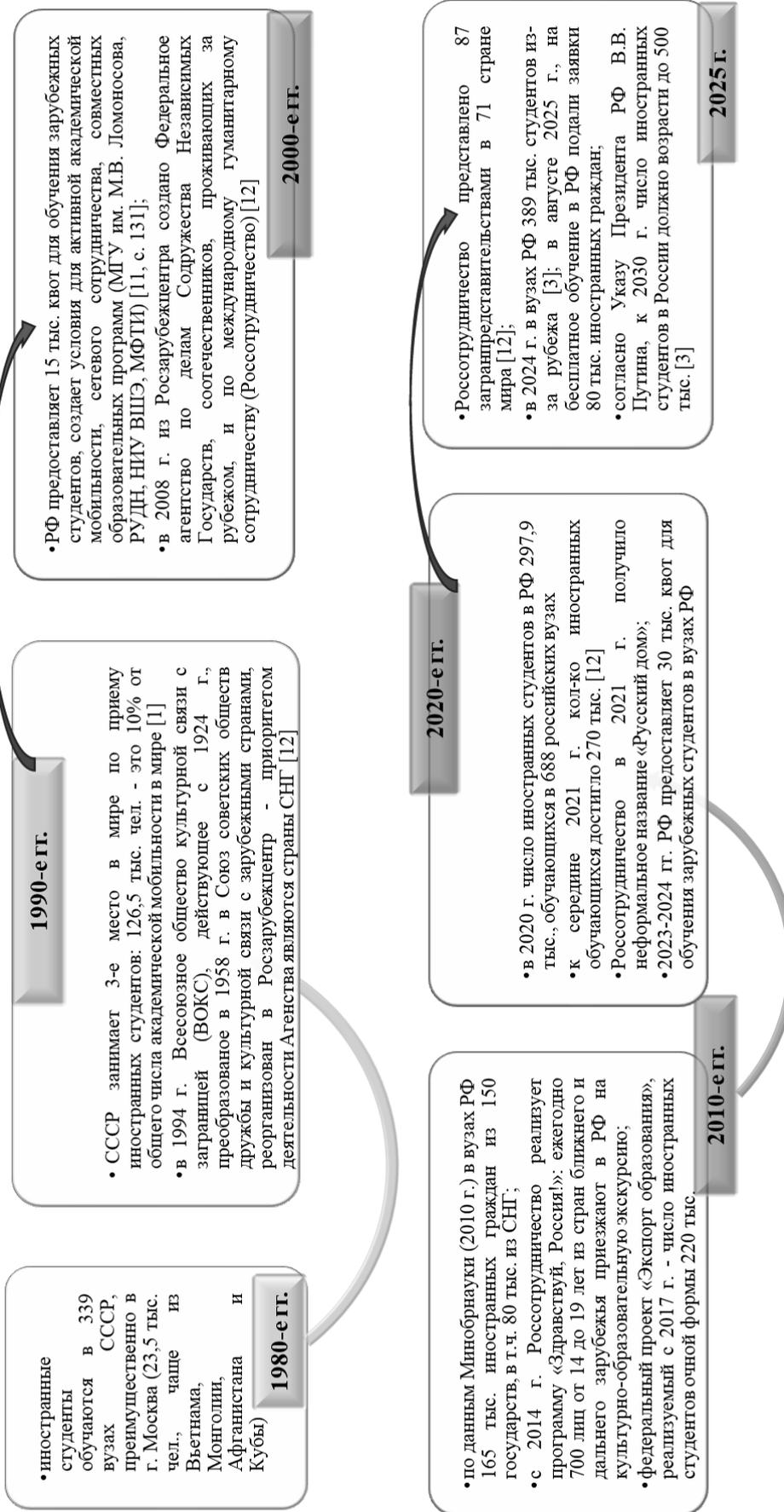

Рис. 1. Основные вехи современной истории интернационализации российских университетов в международном пространстве (рисунок наш)

мибии, Замбии, Нигерии» [14]. Такие тенденции в России способствуют интеграции лучших международных практик и стандартов в систему отечественного образования [17, с. 170], а также открытию Центров русского языка и довузовской подготовки в высших школах зарубежных государств [14].

Начиная с 2012 г. Правительство РФ предпринимает ряд мер по продвижению национальной системы высшего образования на международной арене [18, с. 46]. Одной из наиболее масштабных является Указ Президента от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» / Собрание законодательства РФ. 2020. Выпуск № 30. Ст. 4884 [16], согласно которому к 2030-му году РФ должна войти в топ-10 ведущих стран по объемам научных исследований и разработок, что реализуется преимущественно посредством работы отечественных вузов за рубежом [4, с. 473].

Вплоть до 2022 г. Россия занимала достаточно крепкие позиции на международном рынке высших школ, пока в марте того же года платформы в сфере массового дистанционного образования Coursera и edX, обеспечивающие курсы, сертификаты и программы степеней от ведущих университетов и организаций мира, не прекратили сотрудничество с российскими институтами [2; 17, с. 170]. В результате России пришлось укреплять свои отношения со странами Африки и Азиатско-Тихоокеанского региона [6, с. 89].

Помимо этого, отечественные платформы вузов выбрали курс развития собственной инициативы: к сентябрю 2023 г. команда Skillbox запустила новую EdTech-платформу «Академика», направленную на развитие и оптимизацию онлайн-сектора образования от ведущих университетов страны (в т.ч. НИУ ВШЭ, МГИМО, МФТИ, РУДН, НИТУ МИСИС и др.) и их промышленных партнеров [2].

По данным на март 2023 г. по всему миру функционирует уже 44 филиала российских вузов и планировалось в ближайшей перспективе «придать новый импульс дальнейшему развитию сетевых университетов по линии СНГ, БРИКС, ШОС, РАФУ» [10], а также открыть филиалы высших школ на территории Узбекистана, Ка-

захстана, Египта, Саудовской Аравии, Мьянмы и Кубы. Помимо вышеперечисленных инструментов, укреплению способствует «создание зеркальных и симметричных лабораторий, взаимодействие с представителями диаспоры, привлечение иностранных ученых к участию в разном качестве» [5, с. 125], что в настоящий момент набирает новые импульсы в области международной научной кооперации.

Ниже на рисунке 1 представлены основные вехи современной истории интернационализации российских университетов на международном научно-образовательном пространстве с 1980-х по 2025-й гг. Начало периодизации условно определено датой наиболее активного становления интернационализации российского образования (см. рисунок 1).

Помимо вышеперечисленных этапов интернационализации образования, с 2025 г. в России интегрируют более эффективную образовательную парадигму, включающую в себя базовое (4-6 лет образования), специализированное (магистратура, ординатура и программы ассистентуры-стажировки, рассчитанные, в зависимости от специальности, 1-3 года) и профессиональное высшее образование (аспирантура со сроком обучения не менее 5-ти лет), что окажет безусловное влияние на «Развитие экспортного потенциала российской системы образования».

Заключение

в новых реалиях экспортный потенциал российской системы образования РФ служит фундаментом международного сотрудничества и поиска новых партнеров в научной деятельности. Наиболее результативными являются интернационализация и запуск в 2023 г. образовательной EdTech-платформы «Академика», которая позволяет оптимизировать сектор дистанционного образования от ведущих университетов страны и налаживать научно-образовательное взаимодействие с зарубежными государствами. Ведущие вузы РФ, сохраняя максимальную политику открытости, выступают в роли важных инструментов налаживания международных связей, в т.ч. способствуют продвижению российской науки и формированию позитивного облика Российской Федерации на внешнем контуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арефьев А.Л. Иностранные студенты в российских вузах. /А.Л. Арефьев, Ф.Э. Шереги/ Министерство образования и науки Российской Федерации. – М.: Центр социологических исследований 2014. 228 с.
2. В России запустили новую EdTech-платформу. Редакция Forbes Education. Статья от 01.09.2023. URL: <https://www.forbes.ru/education/517648-v-rossii-zapustili-novuu-edtech-platformu> (дата обращения: 30.09.2025).
3. В России учатся 389 тысяч иностранных студентов // Русский мир. Статья от 10.01.2025. URL: <https://russkiymir.ru/news/332108/> (дата обращения: 10.01.2025).

- 30.09.2025).
4. Горбунова О.А. Интернационализация как фактор повышения и конкурентоспособности российского высшего образования на мировом рынке // *Мировая экономика*. 2024. №4 (233). С. 471–475.
 5. Дежина И.Г. Международное научное сотрудничество российских вузов в новых условиях: ограничения и возможности // *ЭКО*. 2022. №11 (581). С. 125–143.
 6. Дешпанде С. Россия и новый многополярный мир: цели и возможности // *БРИКС как новое пространство диалога культур и цивилизаций: XXII Международные Лихачевские научные чтения, 12–13 апреля 2024 г.* / Российская академия наук [и др.]; научный редактор А.С. Запесоцкий. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2025. 684 с.
 7. Зиневич О.В., Селезнева Н.В. Новая стратегия «Мягкой силы» Китая // *Вестник МГИМО*. 2022. №6. С. 36–54.
 8. Константинова Л.В., Титова Е.С., Петров А.М., Троска З.А., Никонова О.Д. Смена векторов международного сотрудничества российских вузов в условиях новой геополитической ситуации // *ИТС*. 2023. №4 (113). С. 554–573. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.113.027.202304.554-573>.
 9. Международное сотрудничество в Московском университете. Официальный сайт Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. URL: <https://msu.ru/int/index.php?tmpl=clear> (дата обращения: 01.07.2025).
 10. Минобрнауки России работает над расширением сотрудничества с дружественными странами. Официальный сайт Минобрнауки России. Статья от 22.03.2023. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhhdunarodnoe-sotrudnichestvo/65635/> (дата обращения: 02.07.2025).
 11. Никитенко Е.В. Интернационализация высшего образования в России: в поисках путей развития // *Высшее образование в России*. 2023. №5. С. 125–137.
 12. О Россотрудничестве. Основные сведения. Официальный сайт: <https://rs.gov.ru/about-foiv/> (дата обращения: 30.09.2025).
 13. Политика МГИМО в области международных связей. Официальный сайт МГИМО. Статья от 24.06.2021. URL: https://mgimo.ru/about/structure/int/docs/mezhd-svyazi/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 01.07.2025).
 14. У РУДН заключены сотни соглашений со всеми ведущими вузами Африки. Редакция портала «Русский мир». Статья от 25.07.2025. URL: <https://russkiymir.ru/news/338120/> (дата обращения: 30.09.2025).
 15. Указ Президента РФ от 17 мая 2021 г. № 287 «О создании Президентского фонда культурных инициатив».
 16. Указ Президента РФ от 21.07.2020 №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».
 17. Утевская М.В. Интернационализация российского образования в современных условиях // *Известия СПбГЭУ*. 2022. №6 (138). С. 169–173. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-125-137.
 18. Ханьчен М., Хунюнь Ч. Специфика состояния и проблемы образования в России на рубеже 1980–90-х годов // *Гуманитарное пространство*. 2019. №3. С. 283–290.

© Хильченко Мария Викторовна (kristina.myfoto@yandex.ru), Тетеркина Ольга Александровна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРОСТКОВ В ТЕХНИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Абдуллина Лина Наилевна

Соискатель, Оренбургский государственный
университет
lina_abdullina@mail.ru

Неволина Виктория Васильевна

доктор педагогических наук, доцент, Оренбургский
государственный университет
nevolina-v@yandex.ru

CONDITIONS OF FORMING COGNITIVE INDEPENDENCE OF TEENAGERS IN TECHNICAL CREATIVITY

**L. Abdullina
V. Nevolina**

Summary: The aim of this study is to identify the pedagogical conditions for the successful development of adolescent cognitive independence in technical creativity. It was found that cognitive independence and technical creativity complement and define each other, shaping proactive and independent individuals. The study identified the pedagogical conditions for developing adolescent cognitive independence in technical creativity. These include the active use of such organizational and educational processes as design and research in supplementary education, as well as the special pedagogical position of the organizer of technical creativity, where they become not the bearer of ready-made knowledge, but a participant in cognitive activity. It is determined that subject-subject relationships presuppose the implementation of complex intellectual activity, with the manifestation of inner freedom, independent decision-making, and a conscious attitude towards the choice of a particular direction of creative activity.

Keywords: self-development, cognitive independence, technical creativity, design, research activity, pedagogical position, creative dialogue.

Аннотация: Целью исследования является выявление педагогических условий успешного формирования познавательной самостоятельности подростков в техническом творчестве. Выявлено, что познавательная самостоятельность и техническое творчество взаимодополняют и определяют друг друга, формируя инициативную, самостоятельную личность. В ходе исследования определены педагогические условия формирования познавательной самостоятельности подростков в техническом творчестве. Это активное применение в дополнительном образовании обучающихся таких форм организационно-воспитательного процесса как проектирование и исследовательская деятельность, а также особая педагогическая позиция организатора технического творчества, когда он становится не носителем готовых знаний, а соучастником познавательной деятельности. Определено, что субъект-субъектные отношения предполагают осуществление сложной интеллектуальной деятельности, с проявлением внутренней свободы, самостоятельности принятия решений, осознанного отношения к выбору того или иного направления творческой деятельности.

Ключевые слова: саморазвитие, познавательная самостоятельность, техническое творчество, проектирование, исследовательская деятельность, педагогическая позиция, творческий диалог.

Введение

В настоящее время отмечаются глобальные изменения в системе современного образования. Происходит ориентация педагогической науки и практики на синергетический подход в обучении. Целью образования, в рамках данного подхода, является саморазвитие личности и ее успешная интеграция в самоорганизующийся социум. При этом педагогическая деятельность оценивается с позиции способности выпускника к самоорганизации в меняющихся условиях социальной жизни [19, с.7-13].

Готовность и способность к саморазвитию является одним из личностных результатов, которые прописаны в Федеральном образовательном стандарте (ФГОС). Саморазвитие в контексте ФГОС предполагает непрерывную работу над собой в условиях постепенного усложнения образовательных задач и творческого подхода к их решению [1].

Многие авторы связывают саморазвитие с познавательной самостоятельностью. Так В.Н. Пустовойтов рассматривает познавательную самостоятельность как качество личности, направленное на самообразование [20]. Исследователь Т.В. Абрамова отмечает, что в основе познавательной самостоятельности лежит направленность обучающегося на саморазвитие [2]. Также И.В. Иванова в своей работе представляет познавательную самостоятельность в качестве одного из показателей саморазвития ребенка [5, с.1-22].

В работах исследователей А.Т. Абрамовой [2], И.В. Ивановой [4], М.С. Исаева, С.Ю. Ситниковой, М.Д. Фалеева [6], О.В. Комисовой [8] отмечается необходимость целенаправленного управления процессом познавательной деятельности подростков, так как данный возраст наиболее благоприятен для формирования навыков самостоятельного познания. И.В. Иванова указывает на то, что в подростковом периоде активно

развивается интеллектуальная инициатива, усиливается внимание к позиции и логике суждений сверстников [4, с.40-52]. В.В. Неволина отмечает, что образование может стать системой педагогического обеспечения личностного саморазвития участников образовательного процесса [14, с.167-171]. Л.Б. Малыгина акцентирует внимание на немаловажной роли учреждений дополнительного образования, указывая на необходимость реализации принципа «дополнительности к основному образованию» и ориентации данных организаций на достижение результатов, установленных ФГОС [12, с.55].

Одновременно с этим, сегодня существует необходимость поиска новых, эффективных форм развития познавательной самостоятельности. Необходимо применять виды деятельности, где дети смогут отступить от привычных проявлений окружающего мира, экспериментировать и создавать что-то новое [8]. В этих условиях техническое творчество имеет преимущества, так как оно развивает творческие способности, умение анализировать и решать задачи различной сложности, формирует самодисциплину, повышает самооценку и уверенность в своих силах, развивает любознательность [23, с.15-25].

Цель исследования: выявить педагогические условия успешного формирования познавательной самостоятельности подростков в техническом творчестве.

Методы и методология

В основе работы лежит теоретический обзор исследований, касающихся сущности феномена познавательной самостоятельности и особенностей его формирования в техническом творчестве. Также применялись общенаучные методы: анализ, синтез, метод сравнительного исследования.

Феномен познавательной самостоятельности в современных исследованиях

Феномен познавательной самостоятельности в отечественной науке рассматривается в парадигме деятельностного подхода, с опорой на психологическую теорию деятельности, основными представителями которой были Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин и др. Согласно данной теории, деятельность является потребностью личности и реализуется в игре, обучении, труде. Деятельность характеризуется активностью, продуктивностью и нацелена на преобразование окружающего мира [6, с.182-186].

Известные педагоги, такие как И.Я. Лернер, П.И. Пидкасистый, М.Н. Скаткин, А.С. Макаренко, представляли познавательную самостоятельность как средство, кото-

рое помогает вовлечь ребенка в практическую деятельность, а также дает возможность целенаправленно организовывать и управлять этой деятельностью [17].

Большинство современных исследователей А.А. Каменский [7], А.С. Коротева, Т.В. Челпаченко [10, с.47-51], Ю.А. Чумина [22, с.48-51], представляют познавательную самостоятельность как качество личности, которое имеет единство мотивационного, содержательно-операционного, волевого компонентов. Сформированность познавательной самостоятельности определяется способностью проявлять заинтересованность и самостоятельность в приобретении новых знаний, умением анализировать и обобщать полученный опыт для достижения поставленных целей. Проявление познавательной самостоятельности возможно при условии понимания сути изучаемого явления и принятия ответственности за результат своего обучения [22, с.48-51].

Познавательная самостоятельность дает возможность более успешно осваивать учебный материал, лучше развивать мыслительные способности по сравнению с теми, кто использует стандартные способы обучения. В итоге формируется чувство эмоционального удовлетворения от проявления собственной инициативы и творческого подхода [10, с.47-51].

Познавательная самостоятельность является личностным образованием подростка, которая определяется возможностью самому осуществлять познавательную деятельность на основе имеющегося опыта и при поддержке педагога [7].

Среди зарубежных исследователей проблемой развития познавательной самостоятельности подростков занимались А. Дистервег, М. Букертс, Р. Пинтрих, С. Френе и др. Ученые рассматривали проблему развития познавательной самостоятельности обучающихся как социально значимую, предлагая различные варианты ее решения [18].

Исследователь М. Майгельдиева рассматривает познавательную самостоятельность в связи с аксиологическим мотивом обучения, отмечая, что ценностное отношение к миру позволяет использовать в познавательной деятельности все многообразие возможностей человека. Автор отмечает, что развитие познавательной самостоятельности связано с определением личностного смысла, потребностей и мотивов обучающихся, что неразрывно связано с ценностными ориентациями и аксиологическим потенциалом личности [25].

Таким образом, познавательная самостоятельность является качеством личности подростка и выражается в способности самостоятельно организовывать деятельность для решения познавательной проблемы. При этом

подросток испытывает потребность в овладении новыми знаниями и умениями познавательной деятельности, готов решать поставленные задачи на основе имеющегося опыта и при поддержке взрослого, определяет цели деятельности и может их корректировать. Также познавательная самостоятельность связана с личностным смыслом, потребностями и мотивами подростка.

Возможности технического творчества в формировании познавательной самостоятельности

Исследователи А.Г. Ковалев, Д.М. Комский, Н.С. Лейтс, Я.А. Понамарева техническое творчество определяют, как высшую форму активности человека в его самостоятельной деятельности. Так, Д.М. Комский подчеркивает тесную взаимосвязь технического творчества с активностью и самостоятельностью личности. Также он выделил показатели творческой деятельности обучающихся:

- оригинальность результатов деятельности, так как творчество представляет собой высшую форму активности человека;
- личностное развитие человека, так как в результате деятельности происходит развитие навыков и умений, происходит самоутверждение и самореализация [9].

Особенностью технического творчества является опережающее отражение окружающего мира, выраженное с помощью определенных выводов, чертежей, моделей, конструкций, технических образцов. Данный вид творчества представляет собой продуктивную деятельность, в результате которой создаются новые объекты. Необходимо отметить, что для эффективного творчества нужны не только технические знания и навыки, но пространственное мышление, развитое воображение, умение читать чертежи и переводить отображения объектов в материальные характеристики и наоборот [11, с.66-67].

В связи с этим, представляет интерес исследование, проведенное И. Зуевым. Автор описывает изучение особенностей мышления и памяти подростков, занимающихся научно-техническим творчеством, в сравнении со сверстниками, не занимающимися им. В исследовании приняли участие 66 подростков в возрасте от 10 до 13 лет, из которых 30 – посещают объединения дополнительного образования («Робототехника», «Моделирование», «Юные исследователи», «Шаг в науку»), а 36 – не занимаются никакими видами творчества. Установлено, что подростки, которые вовлечены в процессы моделирования, конструирования, изобретательства, имеют более высокие способности к систематизированной, планомерной, методичной интеллектуальной деятельности по сравнению с подростками, которые не вовлечены в этот процесс.

Определено, что у подростков, которые занимаются техническим творчеством, наблюдается взаимосвязь памяти и мышления, что говорит об интеграции развития этих процессов в ходе творческой деятельности. Установлено, что у тех, кто занимается научно-технической деятельностью, развита числовая, текстовая, операционная память. У них также лучше сформированы логическое мышление, способность к систематизации и планированию, общий интеллект [24].

Педагогические условия формирования познавательной самостоятельности подростков в техническом творчестве

Рассматривая понятие «педагогические условия», мы остановимся на подходе исследователя творческого саморазвития В.И. Андреева. Ученый под данным понятием понимал комплекс мер, содержание, методы, приемы и организационные формы обучения и воспитания [3].

Педагогические условия формирования познавательной самостоятельности подростков должны быть направлены на стимулирование знаний, отношений, мотивов, умений, навыков, которые образуют структуру познавательной самостоятельности как личностного образования.

В работе О.П. Липецкого рассматривается форма организационно-воспитательного процесса – проектирование. Оно представляет собой обоснованную и технологически обеспеченную деятельность, которое направлено на создание образа желаемой системы [11, с.66-71].

Проектирование имеет большое значение при формировании познавательной самостоятельности, так как способствует применению как ранее полученных знаний, так и обучение новым. В ходе осуществления данной деятельности подросток сможет лучше понять уровень своих знаний и определить каким навыкам ему необходимо научиться. В результате происходит обогащение опыта и формируется очень важная составляющая познавательной самостоятельности – самодисциплина [15, с.179-182].

Еще одним положительным фактором использования проектирования в техническом творчестве является большой выбор методов представления проекта. Это, в том числе, словесный рассказ, доклад, графическое представление, презентация и т.д., что дает возможность подростку проявить личную инициативу к представлению содержания исследуемой проблемы. В ходе выполнения проекта обучающийся сталкивается с разными видами интеллектуальной деятельности, согласовывая ценности, смыслы, значения [21, с.326-330]. Таким образом, работая над проектом подросток развивается свои

индивидуальные качества, способствуя формированию познавательной самостоятельности.

Исследователи А.Н. Моисеева и М.И. Рындина акцентируют внимание на необходимости использования нестандартных задач, которые имеют творческий и противоречивый характер. Противоречие лежит в основе решения технической проблемы. Творческий поиск решения технической задачи способствует преодолению ряда противоречий, что способствует активации мыслительной деятельности [13].

Техническое творчество в организациях дополнительного образования во многих случаях связана с решением конструкторских задач моделирования и усложнением существующих объектов. В данных видах технического творчества большое значение имеет исследовательская деятельность. Автор Н.О. Николов отмечает важность исследовательской деятельности для развития навыков самостоятельного анализа получаемой информации и установления причинно – следственных связей. Поиск определенных закономерностей в сложных динамических системах, постепенное усложнение исследуемых задач формируют самостоятельное творческое мышление и способность правильно оценивать осуществляемую деятельность. Данные качества способствуют развитию познавательной самостоятельности [16, с.83-94].

Еще одним условием развития познавательной самостоятельности является особая педагогическая позиция организатора технического творчества. Он должен перейти из роли носителя готовых знаний в соучастника познавательной деятельности подростка. Между педагогом и обучающимися должен установиться особый вид диалога, в ходе которого происходит взаимный обмен идеями, опытом, знаниями и т.д.

Отношения на основе диалога предполагают доверие, открытость, общность видения проблемных ситуаций. В ходе такого взаимодействия происходит сложная интеллектуальная деятельность, направленная на осуществление творческой деятельности на основе субъект-субъектных отношений. Диалог между педагогом и обучающимися предполагает внутреннюю свободу, самостоятельность принятия решений, осознанное отношение к выбору того или иного направления деятельности,

коммуникация с опорой на развитие познавательной самостоятельности подростка.

Также в ходе организации технического творчества, на основе диалога, педагог должен признавать активную позицию своего ученика. Взаимодействие необходимо строить на основе эмоциональной общности, сопереживания. Одновременно с этим, педагог заинтересовать своего подопечного, вызвать желание решить проблемную ситуацию.

Организация технического творчества на основе диалога развивает личностные черты подростка, которые в последствии будут способствовать развитию познавательной самостоятельности. Это, в том числе, стремление познать новое, умение устанавливать причинно-следственные связи, желание постоянно совершенствовать свои знания и навыки, умение признавать свои ошибки, уверенность в собственных способностях, стойкость в отстаивании своих взглядов, умение проявлять инициативу [11, с.66-71].

Заключение

Таким образом, мы пришли к выводу, что техническое творчество и познавательная самостоятельность взаимодополняют и взаимопределяют друг друга, способствуя формированию инициативной, творчески самостоятельной личности. Анализ современных исследований позволил нам выделить следующие педагогические условия формирования познавательной самостоятельности в техническом творчестве: использование в дополнительном образовании обучающихся проектной деятельности для более эффективного формирования знаний, умений, навыков технического творчества; организация исследовательской деятельности подростков с целью развития умения самостоятельно анализировать информацию и устанавливать причинно – следственные связи; осуществление взаимодействия между педагогом и обучающимися на основе творческого диалога с целью активизации инициативы и самовыражения участников образовательного процесса. Данные педагогические условия будут способствовать более эффективному формированию положительных качеств личности подростка, направленных на его саморазвитие и стремление к познавательной самостоятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральные государственные образовательные стандарты начального и основного общего образования. М.: ВАКО, 2022. 160с.
2. Абрамова Т.В. Педагогическая система формирования познавательной самостоятельности школьников как средство актуализации знаний: на материале предметов естественно-математического цикла: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2003. 23 с.
3. Андреев В.И. Педагогический путь саморазвития. М.: Логос, 2020. 256с.
4. Иванова И.В. Педагогическое сопровождение саморазвития подростков в дополнительном образовании // ИНСАЙТ. 2023. №1 (13). С.40-52.

5. Иванова И.В. Моделирование педагогического сопровождения саморазвития подростков в дополнительном образовании на основе рефлексивно-ценностного подхода // Прикладная психология и педагогика. 2020. Т.5. №4. С.1-22.
6. Исаев М.С., Ситникова С.Ю., Фалеев М.Д. Развитие познавательной самостоятельности обучающихся технического вуза в системе дополнительного образования как педагогическая проблема // Современное педагогическое образование. 2022. №12. С.182-186.
7. Каменский А.А. Развитие познавательной самостоятельности подростков в современной школе: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2020. 22 с.
8. Комисова О.В. Формирование познавательной самостоятельности подростков в школе полного дня: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.01. Москва, 2009. 212 с.
9. Комский Д.М. Основы технического творчества. Екатеринбург, 1993. 77с.
10. Коротеева А.С., Челпаченко Т.В. Познавательная самостоятельность как педагогический феномен // Вестник ОГУ. 2022. №4 (236). С.47-51.
11. Липецкий О.П. Педагогические условия формирования познавательной самостоятельности подростков в кружках научно-технического творчества внешкольных учебных заведений // Научные записки Тернопольского национального педагогического университета. Серия: педагогика. 2011. №5. С.66-71.
12. Мальхина Л.Б. Развитие научно-технического творчества в системе дополнительного образования детей: учеб.-метод. пособие. СПб.: ЛОИРО, 2019. 265 с.
13. Моисеева А.Н., Рындина М.И. Инновационное развитие детского технического творчества в организации дополнительного образования // Проблемы современного педагогического образования. 2021. №72-4.
14. Неволина В.В. Психолого-педагогические условия саморазвития личности в юношеском возрасте // КПЖ. 2015. №5-1. С.167-171.
15. Нематов Л.Х., Шамсиева А.Н. Проблемы технического творчества на уроках конструкция и техническое моделирование // Форум молодых ученых. 2023. №5 (81). С.179-182.
16. Николов Н.О. Педагогические условия, повышающие эффективность деятельности научно-исследовательских коллективов в учреждении дополнительного профессионального образования // Научно-теоретический журнал. 2023. №1(54). С.83-94.
17. Пидкасистый П.И. Самостоятельная познавательная деятельность школьников в обучении. Москва: Педагогика, 1980. 240с.
18. Пиляй О.М. Воспитание познавательной самостоятельности при обучении иностранному языку на основе педагогических идей С. Френе: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.01. Екатеринбург, 2000.175 с.
19. Полетаева Н.М. Синергетический подход к проблемам образования // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2009. №2 (Педагогика). С.7-13.
20. Пустовойтов В.Н. Природа и механизмы познавательной активности и самостоятельности учащихся в образовательном процессе: учебно-методическое пособие. Новозыбков: ООО «Контур», 2009. 64 с.
21. Челнокова Т.А, Кубеков Р.Р. Развитие детского технического творчества в процессе обучения 3d-моделированию в системе дополнительного образования // СНВ. 2023. №2. С.326-330.
22. Чумина Ю.А. Познавательная самостоятельность обучающихся: содержание и функции // Теория и практика социо-гуманитарных наук. 2021. №2 (14). С.48-51.
23. Ястреб Н.А. Как возможно техническое творчество? // Философская мысль. 2023. №2. С.15-25.
24. Zuev I. (2024). Formation of cognitive independence of adolescents in scientific and technical circles of extracurricular educational institutions // Bulletin of V.N. Karazin Kharkiv National University. Series Psychology. № 76. <https://periodicals.karazin.ua/psychology/article/view/23881>.
25. Maigeldieva Sh. (2020). Development of cognitive independence of students based on information technologies // Conference website E3S 159(4):09009 https://www.researchgate.net/publication/340122447_The_development_of_cognitive_independence_of_students_based_on_information_technology.

© Абдуллина Лина Наилевна (lina_abdullina@mail.ru), Неволина Виктория Васильевна (nevolina-v@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО ЗРЕЛОЙ ЛИЧНОСТИ КУРСАНТА МЛАДШИХ КУРСОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ (ИНСТИТУТА) РОСГВАРДИИ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ

Барангов Аюка Оконович

Адъюнкт, адъюнктуры и докторантуры,
Научно-исследовательский центр, Военная ордена
Жукова Академия войск национальной гвардии
Российской Федерации, (г. Санкт-Петербург)
ayukabarangov@yandex.ru

THE ESSENCE AND STRUCTURE OF THE FORMATION OF A SOCIALLY MATURE PERSONALITY OF A JUNIOR CADET IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF THE MILITARY ACADEMY (INSTITUTE) OF THE NATIONAL GUARD AS A PEDAGOGICAL GOAL

A. Barangov

Summary: This work is justified by the need for the formation of cadets of the junior courses of the Military Educational Institution of the Russian Guard not only professional skills, but also stable social competencies in the context of increasingly complex official tasks and social challenges. The study examines the essence, structure, and pedagogical conditions for the development of the integrative quality «socio-professional maturity» of cadets of the National Guard troops, which is absent in modern military pedagogical work. As part of the research, we conducted a critical review of domestic and foreign theoretical concepts, questionnaires and interviews of cadets, teachers, and commanders, as well as an analysis of the content blocks of curricula. The experimental part included the testing of a step—by—step role model «private - junior commander - officer» using environmental and personal-social-activity approaches. The results of the study showed that socio-professional maturity is formed due to the interaction of four components — motivational-value, cognitive, emotional-volitional, and behavioral — and demonstrates different dynamics at each stage of mastering social roles. It is revealed that the combination of a realistic educational environment and the expansion of independent activity of cadets ensures the greatest effectiveness, while the lack of methodological training of teachers and commanders reduces the overall level of maturity. Based on the data obtained, recommendations are proposed for the implementation of modular leadership programs, role simulations and regular retraining of educators, which, according to preliminary estimates, contributes to improving the adaptation and readiness of future officers to solve non-standard tasks.

Keywords: maturity, socio-professional maturity, Russian Guard cadets, role modeling.

Аннотация: Настоящая работа обоснована необходимостью формирования у курсантов младших курсов ВООВО Росгвардии не только профессиональных умений, но и устойчивых социальных компетенций в условиях усложняющихся служебных задач и социальных вызовов. В исследовании рассматривается сущность, структура и педагогические условия развития интегративного качества «социально-профессиональная зрелость» курсантов войск национальной гвардии, отсутствующее в современных военных педагогических работах. В рамках исследования нами проведён критический обзор отечественных и зарубежных теоретических концепций, анкетирование и интервьюирование курсантов, преподавателей и командиров, а также анализ содержательных блоков учебных программ. Экспериментальная часть включала апробацию поэтапной ролевой модели «рядовой — младший командир — офицер» с использованием среднего и личностно-социально-деятельностного подходов. Результаты исследования показали, что социально-профессиональная зрелость формируется за счёт взаимодействия четырёх компонентов — мотивационно-ценностного, когнитивного, эмоционально-волевого и поведенческого — и демонстрирует различную динамику на каждом этапе освоения социальных ролей. Выявлено, что сочетание реалистичной образовательной среды и расширение самостоятельной активности курсантов обеспечивает наибольшую эффективность, тогда как недостаток методической подготовки педагогов и командиров снижает общий уровень зрелости. На основании полученных данных предложены рекомендации по внедрению модульных программ лидерства, ролевых симуляций и регулярной переподготовки воспитателей, что по предварительным оценкам способствует повышению адаптации и готовности будущих офицеров к решению нестандартных задач.

Ключевые слова: зрелость, социально-профессиональная зрелость, курсанты Росгвардии, ролевое моделирование.

Введение

Современные реалии профессиональной подготовки в войсках национальной гвардии Российской Федерации определяют необходимость ново-

го взгляда на формирование социально-профессиональной зрелости курсантов. Зрелость, в данном контексте, определяется как синтез ценностно-смысловых, интеллектуальных, волевых, чувственных, предметно-театральных и коммуникативных свойств, умений и навыков,

способствующих не только успешной профессиональной адаптации, но и эффективному социальному взаимодействию в военной среде. Особое значение процесс развития социально-профессиональной зрелости приобретает на начальном этапе обучения в военных образовательных учреждениях высшего образования. Изучение сущности и структуры формирования зрелости является одной из ключевых задач исследования.

Методика проведения исследования

При проектировании методики исследования в качестве отправной точки рассматривался сам процесс становления этой зрелости — от первичной адаптации поступившего в военное учебное заведение молодого человека до уровня, позволяющего ему выступать в роли лидера, наставника и профессионального офицера, способного принимать решения в самых нестандартных и экстремальных ситуациях. Объектом исследования выбрана учебно-воспитательная деятельность в ВООВО Росгвардии, а предметом — структура и содержание педагогических условий, оказывающих наиболее существенное влияние на развитие социально-профессиональных качеств личности. Гипотеза работы строилась на предположении о том, что поэтапное освоение социальных ролей внутри специализированной образовательной среды, объединяющей казарменное бытие, полевой режим, войсковую практику и теоретическую подготовку, создаёт более благоприятные предпосылки для комплексного формирования зрелости, чем разрозненные педагогические практики.

Методологическая основа исследования включала критический анализ отечественных и зарубежных исследований в области педагогической психологии, социологии профессионального становления военных специалистов и теории профессионального образования. На первом этапе проводился обзор академической литературы, где выстраивается концепция деятельностного подхода и личностно-ориентированного образования, а также исследователей военной педагогики, подчёркивающих значимость ролевого моделирования и имитационных технологий. Одновременно велось анкетирование курсантов и преподавателей, интервьюирование офицерского состава и анализ содержательных блоков учебных программ, что позволило выявить текущий уровень сформированности компонентов зрелости и оценить возможности их совершенствования.

В философии социальная зрелость личности традиционно рассматривается как целостное единство различных компонентов общественного и индивидуального сознания, а также видов общественно-полезной деятельности. Классическое понимание этого явления сформулировал В.Г. Рыбалка, описавший структуру социальной зрелости как систему взаимосвязанных элемен-

тов [13]. Психологические критерии становления зрелой личности подробно разработал П.М. Якобсон, акцентируя внимание на внутренних мотивационно-ценностных механизмах [21]. О.Н. Гундарь дополнила эти идеи, подчёркнув, что социальной зрелостью обладает личность, способная быть субъектом деятельности, нести за неё ответственность и активно участвовать в общественных процессах [6].

В социологической традиции ключевыми являются исследования И.С. Кона, изучавшего социальную зрелость молодёжи в контексте её успешной интеграции и адаптации в социальную среду [8]. Т.В. Синюгина обосновала значимость жизненного самоопределения и самопознания как фундаментальных условий формирования зрелой личности [10]. Современные социологические взгляды дополняют Л.П. Бучева, связывающая зрелость с умением эффективно взаимодействовать с другими людьми, и А.Г. Харчев, отмечающий решающую роль семейных отношений и воспитания в процессе социализации [5; 17].

Психологические концепции социальной зрелости развивались в русле гуманистической и экзистенциальной психологии. К. Роджерс, Э. Фромм и В. Франкл рассматривали зрелость как проявление полноценного функционирования, продуктивности и самотрансценденции [12; 15; 16]. Э. Эриксон выдвинул теорию психосоциальных стадий, где каждая стадия взросления связана с преодолением кризиса и развитием зрелых социальных стратегий [19]. А. Маслоу и К. Юнг соотнесли зрелость с процессами самоактуализации и индивидуации [11; 20]. Современный взгляд на взаимодействие социальной зрелости с ценностными ориентациями и смыслообразованием предложил А.Г. Асмолов, показав, как личностные смыслы влияют на готовность к полноценному социальному участию [1].

Педагогические модели формирования социальной зрелости акцентируют внимание на системном подходе к образовательной и воспитательной среде. А.Р. Лопатин разработал концепцию педагогического обеспечения зрелости, обосновав методы и принципы работы с подростками [9]. Я.А. Безродная выделила эффективность ученического самоуправления и практико-ориентированных ситуаций как ключевых средств развития социальной зрелости [3]. Современные исследования, в частности работы Л.А. Калашниковой, подчёркивают важность воспитательной среды школы и её влияние на становление зрелой личности [7].

Таким образом, классические и современные исследования философии, социологии, психологии и педагогики формируют многогранное представление о социальной зрелости личности как о сложном интегративном явлении, включающем в себя сознательные

установки, личностные мотивации, социальные навыки и адаптационные стратегии.

Важность разработки теоретических основ проблемы формирования социально-профессиональной зрелости курсантов находит отражение в Программе фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы), где указано на необходимость изучения факторов «социального становления зрелой личности» как стратегически важного направления научных разработок [14].

Примечательно, что, несмотря на активное обсуждение вопросов формирования зрелости в широком аспекте, изучение социально-профессиональной зрелости курсантов военных образовательных учреждений войск национальной гвардии Российской Федерации не проводилось. Это создает серьезный пробел в научном знании, поскольку отсутствие эмпирических данных по данной специфике затрудняет выработку комплексной технологии формирования социальных и профессиональных качеств будущих офицеров.

Результаты исследования

Проведенный анализ научных источников и полученные данные показали, что социально-профессиональная зрелость курсантов младших курсов складывается из четырех взаимосвязанных компонентов: мотивационно-ценностного, когнитивного, эмоционально-волевого и поведенческого. Мотивационно-ценностный пласт отражает глубину и силу патриотических убеждений, личностных и профессиональных ценностных установок, степень осознанности долга и готовности к самопожертвованию во имя коллектива и Отечества. Когнитивный компонент представлен не только совокупностью теоретических знаний и аналитических умений, но и гибкостью мышления, способностью оперативно адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам, прогнозировать развитие событий и вырабатывать оптимальные решения в условиях высокой неопределённости. Эмоционально-волевая сфера проявляется в умении преодолевать стресс, контролировать внутренние состояния, дисциплинированно выдерживать сложные физические нагрузки и сохранять целеустремлённость в длительных напряжённых ситуациях. Наконец, поведенческий блок – это конкретные действия, отражающие командный дух, соблюдение норм воинской этики, инициативность в решении служебных задач и способность устанавливать доверительные отношения в коллективе [2].

На следующем этапе исследования была апробирована концепция поэтапного освоения ролей. Начальная фаза — роль рядового — предусматривала в первую очередь жёсткое погружение в воинскую дисциплину: чёткое выполнение приказы, отработка навыков коллективного

взаимодействия, освоение базового арсенала профессиональных умений. В рамках этой фазы курсанты испытывали трудности, связанные с переходом от гражданской свободы к армейскому регламенту, однако именно такой стрессовый «шок» способствовал выработке первичных волевых проявлений и коллективистского мышления. Вторая фаза — роль младшего командира — сопровождалась возложением ответственности за небольшие группы товарищей, что требовало от курсантов лидерских, организаторских качеств и умения мотивировать подчинённых. Здесь активно использовались имитационные упражнения, полевые выходы, моделирование служебных ситуаций и разбор «боевых» кейсов, что углубляло когнитивные и мотивационные компоненты зрелости. Наконец, роль офицера заключалась в интеграции всех предшествующих наработок и отработке навыков наставничества, принятия оперативных решений в условиях реального или условно-реального конфликта, а также в развитии стратегического видения служебных задач [3].

Анализ педагогических условий, сопутствующих поэтапному освоению ролей, выявил два ключевых подхода. Первый — так называемый средовой подход — опирается на создание максимально близкой к боевым реалиям атмосферы: строгий дисциплинарный режим, многодневные полевые сборы, использование тренажёрных баз, чёткие ритуалы, символика и ценностная семантика образовательного пространства [14]. Вторая составляющая — личностно-социально-деятельностный подход — ориентирована на активизацию инициативности курсантов, их самостоятельность в выполнении научно-исследовательских и проектных заданий, использование общественных дискуссий, дебатов, симуляций и ролевых игр [18]. Сочетание этих подходов оправдало себя в экспериментальном блоке исследования: курсанты демонстрировали более высокую мотивацию и лучшие результаты по показателям адаптации, в сравнении с группами, где применялся лишь один из подходов.

Наряду с этим было важно понять, насколько педагоги и командиры на практике готовы поддерживать развитие социально-профессиональной зрелости. Анкетирование и интервью показали, что только 45–50 % преподавателей и командиров курсантских подразделений, проявляют высокий уровень активности и целеустремлённости в воспитательных вопросах. Оставшиеся 40 % отмечают нехватку времени, методической подготовки и мотивации для системной работы над формированием зрелости. В ряде случаев практики носили единичный эпизодический характер, связанные скорее с выполнением отчётных норм, чем с реальным интересом к развитию курсантов как целостных личностей.

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволили сделать вывод о

необходимости комплексных мер по повышению методической и профессиональной готовности педагогов. В частности, рекомендовано внедрить регулярные семинары и тренинги по развитию компетенций формирования социально-профессиональной зрелости, создать систему обмена опытом и методических разработок внутри ВООВО, а также включить критерии воспитательной работы в официальную оценку деятельности преподавателей и командиров. Не менее важным является совершенствование учебных программ: добавить модули по развитию лидерства, коммуникативных стратегий, этики военного общения, углубить имитационные тренировки и кейс-методы, а также усилить взаимодействие с действующими подразделениями Росгвардии для проведения полевых практик в реальных условиях.

В дискуссионной части исследования было подчеркнуто, что формирование социально-профессиональной зрелости — это динамический процесс, который не ограничивается рамками одного цикла обучения. Он порождает новые педагогические задачи на каждом этапе — от первичной адаптации до выпуска офицеров — и требует постоянного обновления технологий, учёта социокультурных изменений и интеграции лучших практик международного военного образования. Сопоставление средового и деятельностного подходов показало, что лишь их гармоничное сочетание создаёт наиболее прочную основу для формирования готовности к служебным и социальным функциям, гражданской ответственности и патриотической самоидентификации.

Выводы

Итоговые выводы исследования заключаются в следующем. Во-первых, социально-профессиональная зрелость курсантов младших курсов ВООВО Росгвардии представляет собой целостное интегративное качество,

состоящее из мотивационно-ценностных, когнитивных, эмоционально-волевых и поведенческих компонентов, каждое звено которых взаимодополняет и усиливает остальные. Во-вторых, наиболее эффективными средствами её формирования являются поэтапное освоение социальных ролей «рядового — младшего командира — офицера» и сбалансированное применение средового и личностно-социально-деятельностного подходов. В-третьих, достижения в развитии зрелости существенно зависят от профессиональной готовности и методической активности педагогов и командиров, что требует системных мер по их мотивации и повышению квалификации. В-четвёртых, постоянное обновление содержания учебных планов и внедрение современных педагогических технологий — симуляций, кейс-методов, проектных работ — позволяют усилить мотивационный и когнитивный компоненты зрелости, обеспечивают более глубокую проработку эмоционально-волевых резервов и надёжное закрепление поведенческих навыков.

Заключение

Таким образом, организация целостного педагогического процесса, основанная на сочетании структурированной военной среды и активных личностно-ориентированных технологий, создаёт оптимальные условия для формирования у курсантов стабильного профиля личности, готовой к выполнению служебных и социальных функций в интересах государства и общества. Внедрение рекомендованных мероприятий, включая расширение модулей развития лидерских и коммуникативных компетенций, регулярные повышения квалификации педагогических кадров и усиление межведомственного взаимодействия, позволит выстроить устойчивую и адаптивную систему подготовки офицерских кадров, способных эффективно действовать в условиях современных вызовов и угроз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека / А.Г. Асмолов. — 5-е издание, стереотипное. — Москва: Смысл, 2019. — 448 с.
2. Барангов А.О. Педагогическая технология формирования военно-социальной зрелости курсантов военных институтов войск национальной гвардии Российской Федерации в образовательном процессе на младших курсах и условия её успешной реализации / А.О. Барангов // Проблемы современного педагогического образования. — 2025. — № 87–1. — С. 18–21.
3. Безродная Я.А. Организация ученического самоуправления как средство формирования социальной зрелости старшеклассников: дис. ... канд. пед. наук / Я.А. Безродная; Ленинград. гос. ун-т. — Санкт-Петербург, 2006. — 251 с.
4. Беляев Г.Ю. Гражданско-патриотическое воспитание в современном мире / Г.Ю. Беляев // Нижегородское образование. — 2022. — № 1. — С. 4–15.
5. Буева Л.П. Социальная среда и сознание личности / Л.П. Буева. — Минск: НТЦ АПИ, 2001. — 180 с.
6. Гундарь О.Н. Патриотическое воспитание современной молодежи и современные политические риски / О.Н. Гундарь, Е.С. Гундарь // Великая Отечественная война и современные геополитические проблемы, Ставрополь, 20 апреля 2017 года / Редколлегия: Анисеев А.А., Бокачев И.А., Егорова Л.П. — Ставрополь: ИП «Светличная С.Г.», 2017. — С. 94–106.
7. Калашникова Л.А. Психолого-педагогические подходы к понятию «социальная зрелость личности» в зарубежной и отечественной науках / Л.А. Калашникова, Е.А. Костина // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2016. — № 4(32). — С. 18–28.
8. Кон И.С. НТР и проблемы социализации молодежи / И.С. Кон. — Москва: Знание, 1988. — 63 с.

9. Лопатин А.Р. Теория и практика педагогического обеспечения процесса формирования социальной зрелости школьников / А.Р. Лопатин // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2014. – Т. 20, № 1. – С. 158–160.
10. Любченко В.С. Студенты технического вуза: основные типы жизненного самоопределения / В.С. Любченко, Т.В. Синюгина // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2013. – № 2. – С. 197–202.
11. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики / А. Маслоу. – [пер. с англ. О. Чекчурина]. – Санкт-Петербург: Питер, 2019. – 444 с.
12. Роджерс К. Гуманистическая психология: теория и практика: избранные труды по психологии / К.Р. Роджерс; под ред., [авт. вступ. ст. и сост.] А.Н. Сухова. – Москва: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2013. – 450 с.
13. Рыбалка В.Г. Социальная зрелость личности в воинском коллективе: дис. . . . канд. филос. наук / В.Г. Рыбалка; Харьк. гос. пед. ин-т им. Г.С. Сковороды. – Харьков, 1992. – 181 с.
14. Солдатченко А.Л. Средовой подход как практико-ориентированная тактика исследования становления социальной зрелости будущих бакалавров / А.Л. Солдатченко, Е.Н. Ращичулина, С.В. Рудакова // Проблемы современного педагогического образования. – 2024. – № 84–4. – С. 234–237.
15. Франкл В. Логотерапия и экзистенциальный анализ: статьи и лекции / В. Франкл; пер. с нем. О. Сивченко. – [2-е изд.]. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2018. – 342 с.
16. Фромм Э. Человек для себя / Э. Фромм; [пер. с англ. А. Александровой]. – Москва: АСТ, 2016. – 314 с.
17. Харчев А.Г. Предмет и структура социологической науки / А.Г. Харчев // Спутник ежегодника «Россия реформирующаяся»: 1 CD ROM. Том Выпуск 2014. – Москва: Институт социологии РАН, 2014. – С. 25.
18. Шарухин А.П. Военная педагогика / А.П. Шарухин. – Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2017. – 575 с.
19. Эриксон Э. Трагедия личности / Э. Эриксон; [пер. Е. Длугач и др.]. – [Переизд.]. – Москва: Родина, 2019. – 253 с.
20. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени / К.Г. Юнг. – Санкт-Петербург: Питер, 2017. – 336 с.
21. Якобсон П.М. Психологические компоненты и критерии становления зрелой личности / П.М. Якобсон // Психологический журнал. – 1981. – № 4. – С. 142–147.

© Барангов Аюка Оконович (ayukabarangov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИАГНОСТИКА УРОВНЕЙ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ ВОСПИТАТЕЛЕЙ К РАЗВИТИЮ ЧУВСТВА ВОСХИЩЕНИЯ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Беленькая Елена Викторовна

старший преподаватель, ФГБОУ ВО Мелитопольский
государственный университет
belenkaya.elenochka@yandex.ru

DIAGNOSIS OF THE LEVELS OF READINESS OF FUTURE EDUCATORS TO DEVELOP A SENSE OF ADMIRATION IN PRESCHOOL CHILDREN

E. Belenkaya

Summary: Introduction. The article analyzes the problem of the readiness of future preschool educators to develop a sense of admiration in preschool children. The relevance of the topic is due to the increasing role of emotional development in early childhood, which requires teachers not only to have professional knowledge, but also to have developed personal and communicative competencies. As part of the study, an ascertaining experiment was conducted, the purpose of which was to diagnose the levels of readiness of students – future teachers – for the formation and development of a sense of admiration among preschoolers.

Materials and Methods. During the experiment, various methods of pedagogical diagnostics were used, including self-analysis, observation, and expert assessment, which made it possible to objectively determine the level of formation of the cognitive, emotional-value and communicative-activity components of students' readiness.

Results of the study. Three groups of students were identified: with high, medium and low levels of readiness. Students with a high level demonstrated a conscious attitude to the importance of feelings of admiration in the development of the child, the ability to apply methods of emotional stimulation and developed communication skills. The average level was characterized by partial understanding and unstable practical skills, while the low level was characterized by insufficient motivation and a limited arsenal of pedagogical tools. Based on the analysis of the experimental results, recommendations for professional educational organizations aimed at improving the training of future educators are proposed. In particular, the need for integration into educational programs of special courses on the development of emotional intelligence, communication skills and practical skills of organizing an emotionally saturated environment for preschool children is emphasized.

Conclusion. Thus, the results of the diagnosis indicate the need for targeted improvement of the professional training of future educators to develop a sense of admiration in preschool children. The introduction of special courses and practice-oriented tasks into the educational process contributes to the formation of stable cognitive, value-semantic, and communicative-activity competencies among students. This, in turn, ensures the creation of a favorable educational environment conducive to the harmonious development of the child's personality and the unfolding of his emotional potential.

Keywords: future teachers, preschool age, feeling of admiration, levels and criteria of readiness, diagnostics.

Аннотация: Введение. В статье анализируется проблема готовности будущих воспитателей дошкольных образовательных учреждений к развитию чувства восхищения у детей дошкольного возраста. Актуальность темы обусловлена возрастающей ролью эмоционального развития в раннем детстве, что требует от педагогов не только профессиональных знаний, но и развитых личностных и коммуникативных компетенций. В рамках исследования проведён констатирующий эксперимент, целью которого стала диагностика уровней готовности студентов – будущих педагогов – к формированию и развитию чувства восхищения у дошкольников.

Материалы и методы. В ходе эксперимента использовались разнообразные методы педагогической диагностики, включая самоанализ, наблюдение и экспертную оценку, что позволило объективно определить уровень сформированности когнитивной, эмоционально-ценностной и коммуникативно-деятельностной составляющих готовности студентов.

Результаты исследования. Были выделены три группы студентов: с высоким, средним и низким уровнем готовности. Студенты с высоким уровнем демонстрировали осознанное отношение к значимости чувства восхищения в развитии ребёнка, умение применять методы эмоционального стимулирования и развитые коммуникативные навыки. Средний уровень характеризовался частичным пониманием и неустойчивыми практическими навыками, а низкий – недостаточной мотивацией и ограниченным арсеналом педагогических средств.

На основе анализа результатов эксперимента предложены рекомендации для профессиональных образовательных организаций, направленные на совершенствование подготовки будущих воспитателей. В частности, акцентируется необходимость интеграции в образовательные программы специальных курсов по развитию эмоционального интеллекта, коммуникативных умений и практических навыков организации эмоционально насыщенной среды для детей дошкольного возраста.

Заключение. Таким образом, результаты проведённой диагностики свидетельствуют о необходимости целенаправленного совершенствования профессиональной подготовки будущих воспитателей к развитию чувства восхищения у детей дошкольного возраста. Внедрение в образовательный процесс специальных курсов и практико-ориентированных заданий способствует формированию у студентов устойчивых когнитивных, ценностно-смысловых и коммуникативно-деятельностных компетенций. Это, в свою очередь, обеспечивает создание благоприятной образовательной среды, способствующей гармоничному развитию личности ребёнка и раскрытию его эмоционального потенциала.

Ключевые слова: будущие педагоги, дошкольный возраст, чувство восхищения, уровни и критерии готовности, диагностика.

Введение

В последнее время в гуманитарных исследованиях наблюдается активный поиск подходов, направленных на усиление роли инновационной, ценностно-смысловой и духовно-практической составляющих в научно-образовательной деятельности будущих специалистов. Это связано с недостаточной проработкой философских и методологических аспектов в процессе подготовки будущих специалистов и проявляется в их неспособности эффективно переходить к новым способам генерализации, усвоения и применения знаний (Мо-скалёва и др. 2023).

Актуальность эмпирического исследования уровней готовности будущих воспитателей к развитию чувства восхищения у детей дошкольного возраста обусловлена рядом факторов, касающихся качества образования и профессиональной подготовки будущих педагогических работников.

Одним из ключевых является непосредственное отношение к проблеме обеспечения качества дошкольного образования как первого уровня общего образования (Соломенникова 2017). Чувство восхищения, эстетическое восприятие окружающей действительности побуждает ребенка спрашивать, думать, фантазировать, а это, в свою очередь, является основой для формирования познавательного интереса и положительного отношения ребенка к процессам познания и обучения. На основе такого интереса в дальнейшем формируется мотивация к обучению.

Чувство восхищения в дошкольном возрасте непосредственно и искренне. Дети способны восхищаться даже самыми элементарными процессами, свойствами и предметами, что делает их восприятие мира особенно ярким и эмоционально насыщенным. Восхищаясь определенными качествами и поступками, дети начинают формировать собственные ценности и идеалы, которые будут направлять их в будущем.

Чувство восхищения в детском возрасте является ключевым фактором развития психических функций и личностных характеристик ребенка, таких как восприятие, внимание, память, мышление, ценностные ориентации, художественный вкус, эмоциональная отзывчивость и другие, влияет на развитие коммуникативных особенностей и выбор моделей поведения. Чувство восхищения способствует формированию эмоциональной зрелости ребенка и его успешной социальной адаптации (Галич, Макаримова 2020). Все это является важными процессами развития и требует специально организованных психолого-педагогических условий для формирования и развития, в том числе высокого профессионализма педагогов дошкольного образования (Абашина 2017).

Вместе с этим, стоит отметить, что и содержание дошкольного образования, и современная система профессиональной подготовки будущих воспитателей во многом ориентированы на другие сферы развития ребенка – когнитивное, физическое, социально-коммуникативное развитие (Челышева 2020). Комплексная система создания педагогических условий для развития эмоциональной сферы, целостного эмоционального восприятия мира, обогащения эмоционального опыта ребенка практически отсутствует, и часто представлена эпизодически в виде отдельных элементов (Глузман, Горбунова 2019). Такая ситуация требует целенаправленной работы по формированию у воспитателей готовности к развитию чувства восхищения у дошкольников (Шумилова 2021).

Диагностика готовности студентов – будущих воспитателей дошкольных образовательных учреждений к развитию чувства восхищения у детей дошкольного возраста имеет также практическую и научно-исследовательскую значимость в части улучшения и совершенствования программ профессиональной подготовки будущих педагогов, развития индивидуальных маршрутов сопровождения молодых специалистов-воспитателей, возможности внедрения новых подходов при проведении психолого-педагогических научных исследований.

Цель, задачи и методы

Целью практического исследования в ходе констатирующего эксперимента является выявление уровней готовности будущих воспитателей к развитию чувства восхищения у детей дошкольного возраста.

В качестве задач практического исследования выступили следующие:

1. Определить диагностический инструментарий для оценки уровня готовности будущих педагогов к развитию чувства восхищений у детей дошкольного возраста на основе критериев, показателей и уровней такой готовности;
2. выявить уровни готовности студентов педагогических вузов – будущих педагогов к развитию чувства восхищений у детей дошкольного возраста;
3. описать уровни готовности студентов педагогических вузов – будущих педагогов к развитию чувства восхищений у детей дошкольного возраста;
4. на основе полученных результатов сформулировать задачи для профессиональных образовательных организаций по совершенствованию программ профессиональной подготовки будущих педагогов.

Теоретико-методологической базой исследования является комплексный подход. В исследовании использовались аналитический и описательный методы,

педагогическая диагностика, методы математической обработки, количественная и качественная интерпретация результатов. В качестве методики педагогической диагностики выступили анкетирование, опрос, диагностические беседы.

Экспериментальной базой для проведения исследования стали высшие профессиональные образовательные организации, осуществляющие подготовку по направлению «Педагогика. Дошкольное образование»: Азовский государственный педагогический университет, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Таганрогский институт им. А.П. Чехова.

Общая выборка составила 257 человек, это студен-

ты 2–4 курсов обучения.

Результаты исследования.

Для достижения цели исследования были использованы критерии, уровни и показатели, характеризующие готовность будущих воспитателей к формированию у детей дошкольного возраста чувства восхищения, а также их количественное выражение, представлены в таблице 1.

В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что студенты – будущие педагоги дошкольного образования имеют различные уровни готовности к формированию у детей дошкольного возраста чувства восхищения, при этом показатели когнитивного и коммуникативно-деятельностного критериев будут сформированы в большей степени, чем показатели эмоционально-ценностного критерия.

Таблица 1.

Характеристика критериев, уровней и показателей характеризующих готовность будущих воспитателей к формированию у детей дошкольного возраста чувства восхищения.

Показатели готовности будущих воспитателей к формированию у детей дошкольного возраста чувства восхищения	Характеристика уровней готовности будущих воспитателей к формированию у детей дошкольного возраста чувства восхищения, их количественное выражение		
	Высокий уровень (8–10 баллов)	Средний уровень (4–7 баллов)	Низкий уровень (1–3 балла)
когнитивный критерий			
Комплекс знаний о видах и формах эмоций, динамике их развития, специфике развития и проявления в дошкольном возрасте	Обладают глубокими знаниями об эмоциональном развитии, возрастных особенностях, видах, формах проявлениях эмоций, нарушениях в эмоциональной сфере, понимают взаимосвязь эмоций между собой и с другими личностными характеристиками, умеют распознавать эмоциональное состояние собеседника, в том числе распознавать сложные виды эмоций; знают каким образом эмоции могут влиять на поведение и действия, в том числе в дошкольном возрасте	Имеют комплекс представлений об эмоциях, их видах и формах; обладают базовым уровнем знаний об эмоциональном развитии в возрастных периодах от младенчества до старшего дошкольного возраста; способны распознавать изменения в эмоциональных состояниях ребенка; не всегда могут учитывать текущее эмоциональное состояние ребенка при взаимодействии и образовательной деятельности	Имеют недостаточную осведомленность о видах эмоций; неспособны самостоятельно распознавать детские эмоции; могут допускать грубые ошибки в интерпретации эмоциональных состояний; имеют слабую эмоциональную восприимчивость; характеризуются отсутствием интереса, отсутствие осознания важности и необходимости включения собственных эмоций в образовательный процесс; недостаточно понимают особенности эмоционального развития в дошкольном возрасте и не учитывают их в своей работе
профессиональные знания психического развития детей дошкольного возраста	обладают глубокими знаниями в области психологии и педагогики; понимают ключевые теории и концепции психического развития детей дошкольного возраста; могут использовать теоретические знания в практической работе	имеют отдельные знания в области возрастной психологии; имеют представления о возрастных кризисах в дошкольном возрасте и их новообразованиях; не всегда способны применять теоретические знания в практической работе; не всегда имеют автономную мотивацию к педагогической деятельности; знают методы и формы работы с детьми, могут допускать ошибки при их подборе и использовании.	недостаточная осведомленность в вопросах возрастной психологии; пробелы в знаниях особенностей когнитивного и личностного развития детей в дошкольном возрасте; внешняя мотивация к профессиональной деятельности; недостаточность или отсутствие знаний о педагогических приемах развития эмоциональной сферы детей.

Показатели готовности будущих воспитателей к формированию у детей дошкольного возраста чувства восхищения	Характеристика уровней готовности будущих воспитателей к формированию у детей дошкольного возраста чувства восхищения, их количественное выражение		
	Высокий уровень (8–10 баллов)	Средний уровень (4–7 баллов)	Низкий уровень (1–3 балла)
изучение видов эмоций и их проявлений (положительные, отрицательные; простые, сложные)	имеют хорошие теоретические представления о видах эмоций и специфике их проявления в различных возрастных периодах детства	имеют хорошие теоретические представления о видах эмоций; имеют недостаточные представления о проявлениях сложных эмоций в детском возрасте	не имеют достаточного уровня теоретических представлений о специфике проявлений эмоциональной сферы детей дошкольного возраста
навыки установления причинно-следственных связей эмоций	имеют хорошие навыки распознавания эмоциональных состояний; способны идентифицировать эмоции; обладают навыками прогнозирования детских эмоций	имеют сформированные навыки работы с эмоциональной сферой детей, при этом затрудняются в работе со сложными эмоциями	имеют только базовые навыки по считыванию эмоциональных состояний; могут допускать существенные ошибки; не способны к прогнозированию детских эмоций
эмоционально-ценностный критерий			
способность эмоционально реагировать на концерты, художественные выставки, музыкальные произведения, произведения изобразительного искусства	характеризуются развитым эмоциональным интеллектом, эмпатией; восприимчивыми к художественно-эстетическим и морально-нравственным стимулам; эмоционально положительно относятся к произведениям искусства различных жанров	имеют средний уровень развития эмоционального интеллекта, эмоциональной восприимчивости, эмпатии; способны получать положительные эмоции, связанные с объектами искусства	имеют недостаточно развитый эмоциональный интеллект, отзывчивость, эмпатию; на произведения искусства реагируют не эмоционально
желание взаимодействовать с детьми и родителями воспитанников	общительны; мотивированы к личному и профессиональному взаимодействию	коммуникабельны; проявляют некоторую избирательность в общении	недостаточно развиты коммуникативные навыки
стремление применять в образовательном процессе инновационные, современные технологии изобразительного искусства, чтобы помогать детям преодолевать эмоциональные трудности	знают и понимают, каким образом возможно эмоционально обогатить образовательный процесс посредством современных технологий	способны использовать традиционные технологии для эмоционального обогащения образовательного процесса	испытывают затруднения при подборе и использовании средств эмоционального обогащения образовательного процесса
коммуникативно-деятельностный критерий			
использование слов, выражений, определённых фраз, которые вызывают чувство восхищения	имеют и используют широкий словарный запас в сфере эмоционального общения с ребенком	могут иногда испытывать трудности при описании эмоциональных впечатлений	характеризуются эмоциональной «черствостью»
владение навыками и умениями в музыкальной, изобразительной деятельности	имеют развитые художественные способности, применяют их в профессиональной деятельности	имеют средний уровень развития художественных способностей, применяют их в профессиональной деятельности	не имеют художественных способностей
способность анализировать достижения ребёнка	обладают развитыми навыками анализа, синтеза, обобщения	умеют анализировать достижения ребенка, иногда могут допускать ошибки	допускают грубые ошибки при анализе поведения и достижений ребенка
воспитание эстетического вкуса	имеют собственный эстетический вкус, используют различные средства формирования его у детей	используют средства воспитания эстетического вкуса детей не систематически	только эпизодически используют средства воспитания эстетического вкуса детей

Собранные в ходе педагогической диагностики эмпирические данные были обработаны с помощью математических методов, а также проведен их дальнейший детальный анализ, систематизация и описание.

Рассмотрим результаты количественного и каче-

ственного анализа эмпирических данных подробнее.

Количественные результаты педагогической диагностики уровней готовности к формированию у детей дошкольного возраста чувства восхищения представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Количественные результаты педагогической диагностики уровней готовности к формированию у детей дошкольного возраста чувства восхищения.

Критерий уровня готовности к формированию у детей дошкольного возраста чувства восхищения	Уровень готовности к формированию у детей дошкольного возраста чувства восхищения					
	высокий		средний		низкий	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
когнитивный	40	15,6	119	46,3	98	38,1
эмоционально-ценностный	8	3,1	176	68,5	73	28,4
коммуникативно-деятельностный	75	29,2	111	43,2	71	27,6

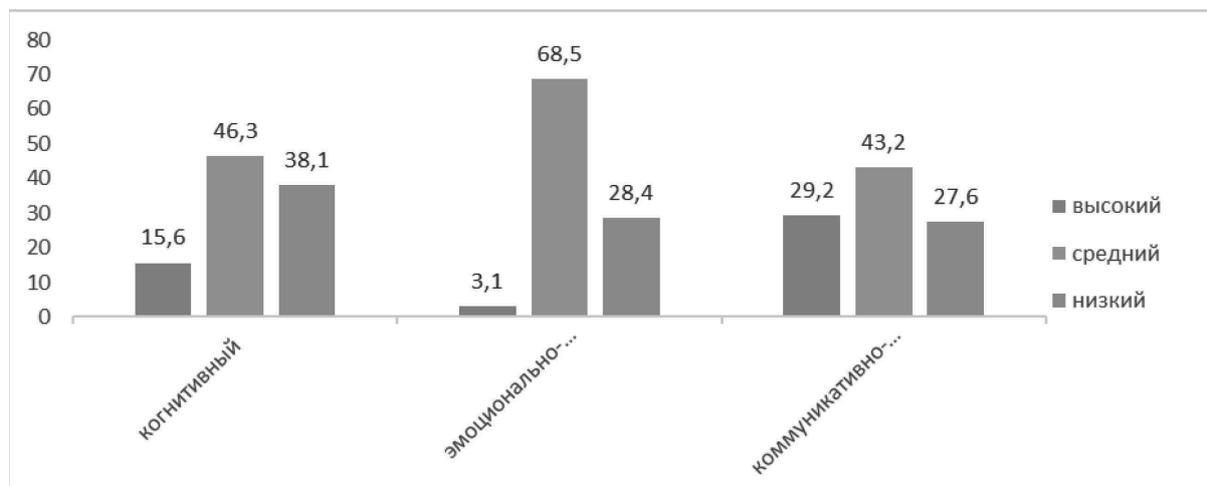

Рис. 1. Количественные результаты педагогической диагностики уровней готовности к формированию у детей дошкольного возраста чувства восхищения

Из таблицы 2 видно, что уровень готовности будущих педагогов к формированию у детей дошкольного возраста чувства восхищения сформирован не равномерно по различным критериям. Наглядно полученные результаты представлены на рисунке 1.

Из рисунка 1. можно сделать следующие выводы об уровнях готовности будущих педагогов к формированию у детей дошкольного возраста чувства восхищения.

Когнитивный, эмоционально-ценностный и коммуникативно-деятельностный компоненты готовности будущих педагогов к формированию у детей дошкольного возраста чувства восхищения представлены по-разному.

При этом значительная часть участников исследования – около или немного больше половины участников демонстрируют средний уровень развития каждого из указанных компонентов.

Это говорит о том, что такие студенты имеют средний уровень осведомлённости в рамках возрастной психологии и психологии эмоций, базовые знания о специфике педагогической деятельности по развитию когнитивной и эмоциональной сфер дошкольников, соответствующих методах, технологиях, приемах и техниках воспитания и обучения.

Они обладают отдельными навыками взаимодействия с детьми дошкольного возраста и их родителями, способны выстраивать с ними общение и взаимоотношения, могут эффективно распознавать и учитывать различные простые и сложные эмоциональные состояния детей и взрослых.

В целом, такие студенты мотивированы к получению профессии и дальнейшей педагогической деятельности, также обладают профессионально важными личностными качествами – такими как эмпатия, художественный вкус, эмоциональная отзывчивость (Хабарова 2020).

Именно эта группа будущих педагогов имеет большой потенциал для развития способности по формированию у детей дошкольного возраста чувства восхищения. В качестве ресурсов развития такого потенциала можно рассматривать сам процесс профессиональной подготовки в университете, практическую деятельность студентов в качестве практикантов, помощников воспитателей или самостоятельном трудоустройстве и совмещении учебной и профессиональной деятельности, которое возможно начиная с периода обучения на третьем курсе.

Доля студентов – участников исследования, которые демонстрируют высокий уровень развития компонен-

тов готовности к формированию, чувства восхищения у детей составляет 29,2% в коммуникативно-деятельностном компоненте, 15,6% в когнитивном компоненте, и совсем незначительна - 3,1% в эмоционально-ценностном компоненте. В целом, таких студентов – будущих педагогов более, чем в два раза меньше, чем тех, кто демонстрирует средние значения показателей.

Отметим, что для будущих педагогов с высоким уровнем коммуникативно-деятельностной и когнитивной готовности характерны высокая степень эмпатии, чуткости (Трофаила 2016).

Они умеют строить доверительное общение, понимают взаимосвязи процессов когнитивного и эмоционального развития в детском возрасте, имеют навыки эффективной организации детской деятельности, стараются сделать ее увлекательной, эмоционально насыщенной, интересной и продуктивной для детей, используют нестандартные педагогические приемы и творческих подход при организации занятий и непосредственно-образовательной деятельности детей дошкольного возраста.

Высокий уровень эмоционально-ценностной готовности, в свою очередь, выявлен лишь в единичных случаях, и это говорит об отсутствии у студентов – будущих воспитателей серьезного понимания и осознания того, насколько общечеловеческие и их персональные ценности должны быть интегрированы в образовательную деятельность, насколько значимая роль принадлежит навыкам эмоциональной саморегуляции в педагогической практике, и особенно в работе с детьми дошкольного возраста.

Можно предположить, что такие результаты свидетельствуют о том, что процесс профессиональной подготовки будущих педагогов в вузе не обеспечивает высокую готовность большинства студентов к формированию чувства восхищения у детей.

В то же время, участниками настоящего исследования стали студенты 2–4 курсов обучения, что может являться фактором, обуславливающим невысокую долю будущих педагогов, полностью готовых к формированию чувства восхищения у детей дошкольного возраста.

Такие результаты актуализируют необходимость усиления подготовки будущих воспитателей в области эмоционально-ценностного развития.

Доля участников исследования, у которых выявлен низкий уровень готовности к формированию чувства восхищения у детей дошкольного возраста составляет чуть более четверти – от 26,7% до 38,1% по разным критериям.

Это может означать, что такие студенты имеют недостаточный уровень своего когнитивного, эмоциональ-

ного и коммуникативного развития для осуществления педагогической деятельности по решению профессиональной задачи формирования чувства восхищения у детей дошкольного возраста, возможно они недостаточно ориентированы на получение педагогической профессии или же дальнейшей профессиональной деятельности в соответствии с получаемым образованием.

Заключение

Таким образом, по результатам исследования сформулированы следующие выводы:

1. Полученные данные подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что существуют уровни готовности будущих педагогов к формированию у детей дошкольного возраста чувства восхищения.
2. Также получены данные о том, что показатели когнитивного и коммуникативно-деятельностного критериев сформированы у студентов в большей степени, чем показатели эмоционально-ценностного критерия, в частности, высокий уровень этих показателей продемонстрировали только единицы участников исследования.

На основе полученных результатов, их анализа и описания были сформулированы следующие практические рекомендации для профессиональных образовательных организаций, осуществляющих подготовку по направлению «Педагогика. Дошкольное образование»:

1. Использование в образовательном процессе различных практико-ориентированных методов.
2. Увеличение количества часов для практической подготовки студентов.
3. Развитие системы наставничества и поддержки для студентов, в том числе с привлечением педагогов-практиков. Это может помочь студентам – будущим воспитателям развить необходимые навыки и уверенность для успешной работы с детьми.
4. Внедрение в образовательный процесс курсов, модулей и занятий по развитию эмоциональной компетентности и эмоционального интеллекта студентов. Это обусловлено тем, что недостаток компетенций студентов в управлении собственными эмоциями снижает эффективность моделирования ими эмоционально-ценностного поведения.
5. Использование технологии персонализации и индивидуализации обучения с целью развития необходимых навыков для каждого студента.
6. Включение в теоретические занятия отдельных методов и приёмов развития коммуникативных навыков студентов.
7. Включение студентов в максимальное число различных форм внеучебной занятости с целью повышения их мотивации к профессиональному обучению и дальнейшей работе в соответствии с полученной специальностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашина В.В. (2017). К вопросу о профессиональной компетентности педагога дошкольного образования в современных условиях. Мир науки. Педагогика и психология. Т. 5, № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/49PDMN117.pdf>
2. Галич Т.Н. (2020) Роль произведений искусства в формировании у детей младшего дошкольного возраста эмоциональной отзывчивости. Т.Н. Галич, А.С. Макаримова. Молодой ученый, № 18 (308), с. 486–487. URL: <https://moluch.ru/archive/308/69402/>
3. Глузман Н.А. (2019) Профессионализм педагога: успешность и карьера: монография. Н.А. Глузман, Н.В. Горбунова. – Москва: ИНФРА-М, 314 с.
4. Москалева Л.Ю. (2023) Культурно-образовательное пространство будущих специалистов: праксеологические ориентиры. Л.Ю. Москалева, Т.С. Троицкая, Е.М. Троицкая. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки, № 12–2, с. 85–91. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=62788737>
5. Соломенникова О.А. (2017) Профессиональная компетентность воспитателя дошкольного образовательного учреждения. Педагогическое образование и наука, №3, с.4–5. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9513090>
6. Трофаила Н.Д. (2016) Характеристика критериев и показателей готовности будущих воспитателей к эмоциональному развитию детей дошкольного возраста. Научно-методический электронный журнал «Концепт», № 12 – с. 1–6 URL: <https://e-koncept.ru/2016/16270.htm>
7. Хабарова О.Г. (2020) Диагностика в дошкольном образовательном учреждении. О.Г. Хабарова. Вопросы дошкольной педагогики, № 8 (35), с. 8–13. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44042592>
8. Чельшева Ю.В. (2020) «Компетенции воспитателя – условие развития навыков будущего у дошкольника»: Сборник научных статей по итогам Первой Московской Международной научно-практической конференции, посвященной Дню дошкольного работника (25 сентября 2020 года): [Сборник]. ГАОУ ВО МГПУ, – Москва: Издательство «Перо», с.364 URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_010478902/
9. Шумилова Е.А. (2021) Диагностика уровня профессионального развития педагогического работника дошкольной образовательной организации: методические рекомендации. Е.А. Шумилова, С.С. Коробицина, И.А. Каткова, Н.С. Чернышенко – Новороссийск: МАДОУ д/с №8 «Гармония» м.о. г. Новороссийск, 112 с.

© Беленькая Елена Викторовна (belenkaya.elenochka@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОСПИТАНИЕ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ ВО ВНЕУЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

EDUCATION OF BASIC VALUES IN EXTRACURRICULAR ACTIVITIES OF UNIVERSITY STUDENTS IN PHYSICAL CULTURE

R. Gabdullin
A. Nain
A. Kuzmin

Summary: The main elements of educational activities at a physical education university include various forms of students' involvement in extracurricular activities, the organization of full-fledged communication between participants in these activities, and the selection of means and methods of educational orientation. In the organization of students' extracurricular activities, the development of a basic system of values plays a crucial role, serving as a foundation for creating conditions for students' involvement in various events and mass actions of a patriotic nature. These events, which are closely linked to social life and important historical moments, contribute to the deepening of students' civic consciousness and their active participation in society.

Keywords: educational work, extracurricular activities, Mission of the Champion project, students at a physical education university.

Габдуллин Радмир Илдарович

Соискатель, ФГБОУ ВО Уральский государственный университет физической культуры, (г. Челябинск)
radmir.gabdullin@uralchem.com

Найн Александр Альбертович

доктор педагогических наук, профессор, ФГБОУ ВО Уральский государственный университет физической культуры, (г. Челябинск)
anain@yandex.ru

Кузьмин Андрей Михайлович

доктор педагогических наук, ФГБОУ ВО Уральский государственный университет физической культуры, (г. Челябинск)
kuzmina74@mail.ru

Аннотация: Основными элементами воспитательной деятельности в вузе физической культуры выступают разнообразные формы включения обучающихся во внеурочные мероприятия, организация полноценной коммуникации участников мероприятий, подбор средств и методов воспитательной направленности. В организации внеучебной деятельности студентов ключевую роль играет воспитание базовой системы ценностей, которая служит фундаментом для создания условий вовлечения их в различного рода мероприятия и массовые акции патриотического характера. Эти события, связанные с жизнью социума и важными историческими моментами, способствуют углублению гражданского сознания и активному участию студентов в жизни общества.

Ключевые слова: воспитательная работа, внеучебная деятельность, проект «Миссия чемпиона», студенты вуза физической культуры.

Актуальность

В настоящее время к организации воспитательного процесса в вузе предъявляются все новые требования, если изначально это был дополнительный вид деятельности для организации досуга обучающихся, то теперь воспитание выступает важнейшим компонентом в формировании компетенций студентов. В структуре внеучебной деятельности студентов вуза физкультурно-спортивного профиля можно выделить ряд направлений, которые необходимо учитывать при формировании личности учащихся. Одним из направлений является формирование условий для саморазвития студента-спортсмена, как субъекта образовательного процесса, где особое внимание уделяется его интересам и потребностям.

Воспитательная работа со студентами – это обязательная часть процесса подготовки будущих специалистов в сфере физической культуры. Она осуществляется с целью конструирования системы действий и средств, которые отвечают за решение актуальных проблем воспи-

тания и образования, а также создания подходящих условий для профессионального и личностного развития выпускников вуза. Актуальным также является формирование умений сочетать глубокое профессиональное знание, патриотические и моральные качества, применять коммуникативную и правовую культуру со способностями к творческому самовыражению и большим желанием занимать активную гражданскую позицию [5].

Цель исследования

Нами был проведен анализ воспитательного процесса Уральского государственного университета физической культуры, который включает в себя как организацию учебного процесса, так и внеучебную деятельность со студентами. Основными элементами воспитательной деятельности в университете выступают разнообразные формы включения обучающихся во внеурочные мероприятия, организация полноценной коммуникации участников мероприятий, подбор средств и методов воспитательной направленности. Были выявлены и кон-

кретизированы наиболее важные направления образовательной деятельности, реализуемые в вузе, которые имеют определенную взаимосвязь [4].

На сегодняшний день образовательный процесс в вузе осуществляется с учетом нескольких основных направлений.

Первое направление и основное – это учебная деятельность, в рамках которого происходит формирование профессиональных компетенций, характеризующих развитие профессионального мировоззрения, способствующих познанию фактов и явлений в системе социального взаимодействия. Необходимо отметить, что в рамках учебной деятельности при реализации образовательных программ формируется познавательный интерес, который входит в структуру воспитательного процесса.

Вторым направлением в деятельности университета выступает структурированная профессиональная деятельность, которая характеризует воспитательный процесс, как систему социальной коммуникации, включающей в себя психологические, морально-нравственные аспекты, и создает предпосылки для самосовершенствования студента как профессионала.

Третьим направлением выступает научно-исследовательская работа, которая тесным образом включена в процесс воспитания и характеризует поисковую, творческую работу студентов в рамках различного рода научных конференций, где студенты учатся взаимодействовать с различными направлениями исследований в области педагогики, психологии, физической культуры и многих других наук. При организации научно-исследовательской деятельности происходит расширение профессионального мировоззрения студентов, конкретизация их интересов.

Четвертым направлением в деятельности вуза является социальная адаптация студентов в систему общественных отношений. Данное направление является достаточно обширным и включает в себя ряд важных аспектов, которые раскрывают сущность студенчества, как социальной общности, в которой есть свои правила, взгляды, ценности и интересы, а также ритуалы.

Непосредственно в вузе, при прохождении школы общественных организаций, творческих коллективов, объединений, опыта волонтерского движения, студент обретает непоколебимые жизненные ориентиры, навыки лидеров и организаторов, качества для личностного роста, которые необходимы спортсмену, общественному деятелю и руководителю.

Высокоэффективный воспитательный процесс – это решение задач, по формированию творческого и ин-

теллектуального потенциала личности, он позволяет создать необходимые условия в саморазвитии и самоутверждении личности, совершенствовании способностей студентов.

Актуальность формулирования проблем в воспитательной работе в вузе, обуславливается непосредственно спецификой молодежной студенческой среды, интеллектуальной элиты, молодежи, выделяющейся и «продвинутой», и целеустремленностью во всех начинаниях. Призвание вуза – это решение задач, по предоставлению каждому студенту, возможностей для раскрытия культурного, интеллектуального, и нравственного потенциала, поскольку именно он дает молодым людям толчок для прохождения важнейших этапов в социализации, принимая, осознавая, или отрицая, значимые для общества ценности [1].

Первостепенный субъект по воспитанию в вузе, это: общество – через его заказ, культурную, духовную, гражданскую и социальную среду, именно оно окружает личность. Студент, это – личность, которая может выступать, как объект, так и субъект воспитания, одновременно. Кроме этого, преподаватель вуза, это обязательный субъект воспитания, организующий воспитательную деятельность в целом [3].

На основании вышесказанного появляется понимание о системе воспитательной деятельности в вузе, которая непосредственно нацелена на личностно-гуманистический подход, при котором обучающийся сам становится организатором воспитательного процесса и обязательным активным соучастником. При использовании вышеуказанного подхода студент получает неограниченные возможности, а, в свою очередь вуз, берет на себя обязательства, для создания условий по саморазвитию личности, принятию непосредственного участия в самосовершенствовании в социально-профессиональной сфере жизнедеятельности.

Система воспитания студентов в вузе – это развитие потребностей для достижения успеха, реализация намеченных целей в самоутверждении, формировании качеств личности, которые окажут помощь во включении в разнообразные сферы общественной жизнедеятельности. Помогут сформировать установку на социальную активность, на непосредственное участие в общественной, политической, и культурной жизни.

Вслед за Г.Л. Будинайте, мы обозначаем целенаправленную воспитательную деятельность, как одну из частей социализации личности, призывая к упорядочиванию влияния на людей современной социальной среды, формированию у них собственного позитивного опыта межличностного общения, манипулирования возможностью отрицательного воздействия со стороны неформальных экстремистских субкультур [2].

Главные принципы и приоритеты воспитания: вариативность, индивидуализация, толерантность, конкурентоспособность, патриотизм, духовность, гуманизм, демократизм, всесторонность. Воспитание патриотизма и гражданственности – это сформированность активной жизненной позиции студентов, гражданского самоопределения, осознания внутренней свободы и полной ответственности за выбор, который сделан, это и есть платформа для формирования порядочности, честности, гражданского мужества. Способность доказывать личную точку зрения, уметь регулировать свое поведение в учебном заведении. Научиться соответствовать нормам социально-значимой деятельности человека, а также нормативно-правовыми актам и положениям.

Гнездилов М.А., рассматривая систему внеучебной деятельности в высших учебных заведениях, говорит о компонентной структуре организации данного вида деятельности [6]. Так было отмечено, что в структуру входят три взаимосвязанных компонента. Первым компонентом выступает организация мероприятий преподавателями вуза во внеучебное время, где происходит учет интересов и потребностей студенческой молодежи. Вторым компонентом выступает собственно деятельность студентов по организации внеучебных мероприятий, в рамках этой деятельности происходит расширение кругозора занимающихся расширением коммуникативных навыков. Третий компонент включает в себя управление внеучебной деятельностью, представленной в виде системы, в которой определены контрольные точки, отвечающие за эффективность представленной деятельности. Данная компонентная система свидетельствует о том, что внеучебная деятельность выступает важнейшим атрибутом образа жизни студентов, и содействует профессиональному самоопределению учащейся молодежи. Внеучебная деятельность по большей части носит самостоятельный характер и регламентируется личным временем студента.

Результаты и их обсуждение

В организации внеучебной деятельности студентов ключевую роль играет воспитание базовой системы ценностей, которая служит фундаментом для создания условий вовлечения их в различного рода мероприятия и массовые акции патриотического характера. Эти события, связанные с жизнью социума и важными историческими моментами, способствуют углублению гражданского сознания и активному участию студентов в жизни общества. Ключевыми аспектами внеучебной деятельности студентов являются следующие компоненты.

1. Укрепление патриотизма. Участие в торжественных мероприятиях вселяет в молодежь чувство гордости за свою страну, способствует их осознанию важности

исторических достижений и служит для них источником вдохновения.

2. Развитие организационных навыков. Проведение массовых мероприятий требует от студентов не только инициативы, но и лидерских качеств, ответственности и умения работать в команде, что формирует их практические навыки и компетенции.

3. Формирование личности. Целенаправленная деятельность вне учебной программы создает базу для личностного роста студентов. Они учатся достигать цели, развивают способности к рефлексии, самореализации и самоактуализации, что важно для их дальнейшего успеха.

4. Сохранение лучшего опыта. Через практическое участие студенты укрепляют знания о культурных традициях и исторических событиях, осознают значимость сохранения и передачи истории следующим поколениям.

5. Создание условий для активности. Акции и мероприятия способствуют созданию яркой и динамичной студенческой жизни, что привлекает молодежь к активному гражданскому участию и служит катализатором для развития нового уровня общественного сознания.

Одним из ярких примеров воспитания системы базовых ценностей студентов во внеучебной деятельности является проект «Миссия чемпиона», который был реализован на базе ФГБОУ ВО «УралГУФК» в июне 2025 года.

Данный проект предлагает решение комплекса проблем, связанных с заполнением свободного времени студентов, профилактикой вредных привычек и различного рода зависимостями, что способствуют воспитанию гражданского сознания и активному участию в жизни общества. Проект включает в себя организацию визитов олимпийских чемпионов, профессиональных спортсменов по разным видам спорта и лидеров общественного мнения. Подобные встречи не только отвлекают от пагубных последствий, но и мотивируют их вести здоровый образ жизни и регулярно заниматься спортом. Уникальность проекта «Миссия чемпиона» заключается в том, что он даёт возможность студенческой молодежи не только пообщаться со спортсменами, но и увидеть, как работают профессионалы, и перенять их опыт в рамках проведения мастер-классов.

Каждое мероприятие в рамках проекта дает возможность участникам провести целый день со звездой, получить новые знания и навыки, а также почувствовать себя ближе к своим кумирам и великим спортсменам.

Программа разработана таким образом, чтобы у каждого участника была возможность прямого взаимодействия со звездой. Интерактивные элементы, такие как мастер-классы, дискуссии и практические занятия, позволяют участникам полностью погрузиться в процесс и стать его частью.

В рамках проекта участники получают не только новые знания и навыки, но и уникальные сувениры от звёзд. Это автографы, фотографии, атрибутика с символикой проекта. Такой подход позволяет сохранить воспоминания о проекте и поделиться ими с друзьями и близкими. Для повышения мотивации создаются видеоматериалы с участниками мастер-классов. Данные видео демонстрируют процесс и разнообразие активностей, что вдохновляет других принять участие в проекте. Проект также направлен на улучшение условий для занятий спортом и развитие спортивной инфраструктуры, что включает в себя строительство новых спортивных объектов, обновление существующих площадок, а также организацию мероприятий и соревнований.

Организация и проведение различных мероприятий в рамках проекта позволило нам сформулировать несколько важных аспектов, показывающих необходимость реализации во внеучебной деятельности программ воспитательной направленности:

- а) у молодых людей есть возможность быть ближе к своим кумирам, общаться с ними, учиться у них;
- б) спортивные звёзды мирового уровня могут стать вдохновением для молодежи и помочь им достичь своих, в том числе спортивных, целей.
- в) мастер-классы и общение с известными спортсменами – стимул для молодых людей заниматься спортом, вести здоровый образ жизни;
- г) проект является механизмом социальной адаптации профессиональных спортсменов, которые завершили карьеру и в последующем планируют работать в сфере физической культуры что, помогает

- получить навыки взаимодействия в данной сфере;
- д) формирование мотивационно-ценностной установки у студентов спортивного вуза на выработку устойчивой социально-ориентированной позиции личности.

Краткие выводы

Во внеучебной деятельности студентов, сформированность системы базовых ценностей, должна служить инструментом для организации в проведении торжественных и массово-политических мероприятий, которые посвящены государственным праздникам, важнейшим историческим событиям, памятным датам в истории России. Проведение и подготовка торжественных шествий, манифестаций, митингов, посвященных героико-патриотическим событиям.

Есть уверенность, что только такая целенаправленная работа, должна привести к формированию конкурентоспособной, интеллектуальной, активной и духовно развитой личности, с высоким гражданско-патриотическим сознанием. Только тогда будут созданы условия для самосовершенствования, самореализации, саморазвития и самоактуализации.

Таким образом, внеучебная деятельность, сосредоточенная на формировании ценностей, становится мощным инструментом для воспитания активных, высокообразованных и социально ответственных граждан, готовых внести свой вклад в развитие общества и страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аманбаева Л.И. Теоретические основы гражданского воспитания учащихся молодежи в новых социальных условиях: монография /Л.И. Аманбаева – М.: Академия, 2001. – 190 с
2. Будинайте Г.Л. Личностные ценности и личностные предпочтения субъекта / Г.Л. Будинайте, Т.В. Корнилова // Вопросы психологии – 1993. – № 3. – С. 99–105.
3. Букин В.П. Здоровый образ жизни студенческой молодежи в контексте физкультурно-оздоровительной деятельности / В.П. Букин, А.Н. Егоров // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – № 2. – С. 11–17.
4. Габдуллин Р.И. Роль воспитательной работы во внеучебной деятельности студентов вуза физической культуры / Р.И. Габдуллин, А.А. Найн // Современные тенденции развития образования в физической культуре, адаптивной физической культуре и безопасности жизнедеятельности: сборник статей к Международной научно-практической конференции (25-26 октября 2024 г.). – Оренбург: ФГБОУ ВО «ОГПУ», 2024 – С. 90–92.
5. Габдуллин Р.И. Ориентация студентов-спортсменов на освоение социально-значимых ценностей / Р.И. Габдуллин, А.М. Кузьмин, И.В. Тарасевич // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2019. – № 12. – С. 102–111.
6. Гнездилов М.А. Роль элективных курсов по физической культуре в формировании социальной компетентности и адаптивности студентов вуза / М.А. Гнездилов // Концепт. – 2017. – № 6. – С. 686–690.

© Габдуллин Радмир Илдарович (radmir.gabdullin@uralchem.com), Найн Александр Альбертович (anain@yandex.ru), Кузьмин Андрей Михайлович (kuzminaa74@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗАЧЕМ СОВРЕМЕННОМУ ОБРАЗОВАНИЮ ПРОЕКТНОЕ ОБУЧЕНИЕ? АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОЕКТНОГО МЕТОДА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

WHY DOES MODERN EDUCATION NEED PROJECT-BASED LEARNING? ANALYSING THE EFFECTIVENESS OF USING THE PROJECT METHOD IN HIGHER EDUCATION

*M. Karmova
M. Logina*

Summary: In the presented scientific report, project-based learning is considered as an approach that promotes the development of language skills in teaching a foreign language (English) language in higher school. Special attention is paid to the role of a higher schoolteacher in the application of the project method, as well as the ability of teachers to involve all students in project activities. An increase in the motivation of students using projects during their studies has been revealed. The scientific paper presents an analysis of the advantages of project-based learning as an integral part of higher education, increasing students' motivation to learn English. Examples of the use of English by students in real situations that increase the level of English proficiency and overcome the language barrier are given. Also in the scientific paper, the authors express the opinion that working on students' projects in a team has a positive effect on the development of cooperation and communication skills, logical, critical, and creative thinking.

Keywords: project method, motivation, higher education, foreign language, critical thinking, logical thinking, creative thinking.

Кармова Марьяна Ризоновна

кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
(г. Москва)
mkarmova@fa.ru

Логина Мария Владимировна

старший преподаватель, Финансовый университет при
Правительстве РФ, (г. Москва)
mvlogina@fa.ru

Аннотация: В представленном научном сообщении проектное обучение рассматривается как подход, который способствует развитию языковых навыков при обучении иностранному (английскому) языку в высшей школе. Особое внимание уделяется роли преподавателя высшей школы в ходе применения проектного метода, а также умение педагогов вовлекать всех обучающихся в проектную деятельность. Выявлено повышение мотивации студентов, использующих проекты в ходе обучения. Представлен анализ преимуществ проектного обучения как неотъемлемая часть высшего образования, повышающая мотивацию студентов изучать английский язык. Приведены примеры применения английского языка студентами в реальных ситуациях, повышающих уровень владения английским языком и преодоление языкового барьера. Также в статье авторы высказывают мнение о том, что работа над проектами студентов в команде благоприятно влияет на развитии навыков сотрудничества и коммуникации, логического, критического и творческого мышления.

Ключевые слова: проектный метод, мотивация, высшая школа, иностранный язык, критическое мышление, творческое мышление.

Быстро меняющиеся требования в современном мире не является новшеством для педагогов, студентов и выпускников высшей школы. При всех преимуществах традиционных методов образования они являются недостаточной базой для формирования компетенций, требуемых от современных выпускников. Проектное обучение является одним из современных методов обучения английскому языку, повышая мотивацию студентов, что является особенно актуальным в эпоху глобализации и цифровизации.

Цель статьи заключается в анализе эффективности проектного обучения иностранному (английскому) языку как части современного образования высшей школы.

Цель статьи обозначила следующие задачи:

— изучение основной идеи проектного обучения;

— выявление эффективных проектов при обучении студентов неязыковых вузов иностранному (английскому) языку.

Научная новизна работы заключается в представлении эффективных проектов при обучении студентов неязыковых вузов иностранному (английскому) языку на факультете социальных наук по специальностям «политология», «социология», «связи с общественностью в политике и бизнесе», «управление персоналом».

Теоретическая значимость статьи связана с вкладом в педагогическую деятельность через призму современных проектных методов при обучении иностранному (английскому) языку в высшей школе.

Практическая значимость представленного научного сообщения базируется на примере использования

проектного метода, а именно применении английского языка студентами в реальных ситуациях, повышающих уровень владения английским языком и преодоление языкового барьера.

Проектно-ориентированное обучение все чаще используется в различных дисциплинах благодаря своей способности вовлекать студентов в развитие навыков самостоятельного обучения [1].

В своем научном труде, И.Д. Чечель отмечает, что метод проектов представляет педагогическую технологию, ориентированную не на интеграции фактических знаний, а на их применении и приобретении новых, иногда путем самообразования [2, с.179]

Профессор Е.С. Полат под методом проектов в образовании подразумевает способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы, завершающаяся реальным, осязаемым практическим результатом, оформленным тем или иным образом [3].

Основной идеей проектного обучения выступает методика реальных проектов, которая основана на выполнении студентами проектной работы, основанной на современных реалиях. Стоит отметить, что данный подход положительно влияет на развитие логического и креативного мышления, что является неотъемлемой частью требований к современным специалистам. Методика реальных проектов способствует повышению уровня владением иностранным (английского) языка ввиду активного вовлечения студентов в образовательный процесс.

Стоит подчеркнуть, что проектная деятельность играет ключевую роль в обучении студентов иностранному (английскому) языку, что способствует развитию логического, творческого и критического мышления. Активное обучение студентов иностранному языку при помощи проектного метода минимизирует пассивное восприятие информации, влияет на лучшее усвоение материала и развивает навыки анализа и синтеза. Предлагаемые проекты как правило связаны с решением реальных проблем или задач, что требует от студентов применения навыков логического мышления для проведения анализа представленной ситуации, поиска решения в команде и принятия коллективного решения. Оценка эффективности принятого решения помогает развивать критическое мышление, поскольку студенты должны обосновать принятое решение и сделать выводы, которые основаны на фактах. Более того, использование проектного метода при обучении иностранному языку предоставляет студентам возможность развивать и проявлять творческие навыки. Разработка уникальных идей, подходов и решений на иностранном языке способствует развитию не только языковых навыков, но и

креативному мышлению, что является неотъемлемой частью конкурентоспособного специалиста. К примеру, создание видео-блога требует не только навыка владения иностранным языком, но и креативную подачу проанализированной информации.

Учебная программа, базирующаяся на разнообразных проектах, предназначена для вовлечения студентов в решение реальных задач [4, с.67].

Работа над проектами студентов в команде благоприятно влияет на развитие навыков сотрудничества и коммуникации. Студенты получают опыт слышать и прислушиваться к мнению других членов команды, развивают навыки аргументации своих идей и, немаловажно, находят компромиссы, что важно для развития критического мышления, поскольку обсуждение разных мнений способствует формированию обоснованных суждений.

Отметим, что зачастую проекты требуют знания из различных сфер, к примеру политология, социология, управление персоналом, связи с общественностью, культура, история и др. Этот факт помогает студентам высшей школы учиться находить связь между различными концепциями и развивает системное мышление.

При обучении иностранному языку в высшей школе перед преподавателем стоит задача обучить студентов не только языковым навыкам, но и научить самостоятельности при выполнении поставленных задач: ставить цели, развивать коллективные стратегии, нести коллективную и индивидуальную ответственность за проработанные проекты. Формирует в студентах уверенность и способность принимать обоснованные решения.

Важно подчеркнуть, что в процессе использования проектного метода, преподавателю стоит использовать обратную связь, оценивать проекты с точки зрения положительных сторон и разъяснении моментов, которым необходимо уделить внимание и, возможно, исправить. Несомненно, это играет важную роль в развитии критического мышления студентов, поскольку они обучаются анализу совместной и индивидуальной работы.

Исходя из вышесказанного, подчеркнем, что использование проектного метода в системе современного образования улучшает как языковые навыки, решая проблему языкового барьера, так и развивает логическое, творческое и критическое мышление студентов высшей школы. Данные навыки важны для дальнейшей успешной профессиональной деятельности, где быстрая адаптация к изменениям требований являются неизбежным. Многими авторами отмечено, что важная задача высшего образования – воспроизводство человеческого капитала, соответствующего актуальному запросу государства, общества и экономики [5, с.1].

Одним из основных требований к современным выпускникам является умение применять на практике полученные теоретические знания. Говоря об успешной профессиональной деятельности, знание и использование иностранного языка является преимуществом, представляющим перспективный подход интеграции знания иностранного языка и его практическим применением.

Авторы считают эффективными следующие проекты при обучении студентов неязыковых вузов иностранному (английскому) языку на факультете социальных наук по специальностям «политология», «социология», «связи с общественностью в политике и бизнесе», «управление персоналом» и др. (Таб. 1.)

Также необходимо отметить, что создание геймифицированных проектов положительно влияет на развитие творческого мышления студентов [6, с.49].

По мнению авторов, студенты, активно участвующие

в проектной деятельности, демонстрируют повышение мотивации и уровня владением иностранного (английского) языка, улучшении развития логического, творческого и критического мышления. У студентов повышается уверенность в своих способностях говорить на иностранном (английском) языке, что решает проблему преодоления языкового барьера при обучении студентов высшей школы и подготовки будущих специалистов. Еще одним преимуществом использования проектной деятельности при обучении иностранному (английскому) языку является то, что студенты демонстрируют готовность использовать английский язык за пределами стен образовательного учреждения, что говорит об их конкурентно способности на рынке труда в современных реалиях. Необходимо подчеркнуть, что использование проектного метода при обучении иностранному (английскому) языку в высшей школе позволяет создавать для студентов условия активного использования языка в контексте реальных задач.

В заключении необходимо подчеркнуть, что, несо-

Таблица 1.

Проекты при обучении студентов неязыковых вузов иностранному (английскому) языку.

Название проекта	Описание проекта
Анализ культурных различий	Необходимо выбрать два государства с различными культурами и проанализировать их материальное и нематериальное культурное наследие. Проект представляется в виде презентации и видеоролика, в которых студенты демонстрируют сходства, различия и особенности культурного кода выбранных государств и выявляют их влияние на межкультурную коммуникацию. Формат командной работы. Рабочий язык: английский.
Анализ социальных проблем	Необходимо провести исследование одной социальной проблемы (уровень бедности, образования, здравоохранения и др.) разных государств. Проект представляется в виде инфографики, демонстрирующей разные подходы к решению социальных проблем разных государств. В ходе представления проекта студенты проводят интервью с экспертами выбранных социальных проблем (политологами, социологами, экономистами и др.). Формат командной работы. Рабочий язык: английский.
Волонтерство	Необходима организация волонтерского проекта, направленного на помощь местному сообществу (работа с детьми, старшим поколением, экологические инициативы и др.). Проект представляется в виде дневника на иностранном языке, где студенты демонстрируют описание своих действий, взаимодействия с участниками проекта. Формат командной работы. Рабочий язык: английский.
Интервью с носителями языка	Необходимо организовать и провести интервью с носителями языка (видеозвонок, телемост, видеоконференция и др.) на темы, связанных с профессиональной деятельностью. Проект представляется в виде демонстрации записи интервью и создания видеоролика или подкаста с возможностью последующего анализа полученной информации. Формат командной работы. Рабочий язык: английский.
Блог о социальных вопросах	Необходимо создать блог на английском языке, посвященный разным социально важным вопросам (экология, права человека и др.). Проект представляется в виде демонстрации опубликованных статей и материалов (посты, опросы, видеоролики и др.) в заранее подготовленном блоге. Формат командной работы. Рабочий язык: английский.
Кейсы по социальным темам	Необходимо разработать сценарии кейс-стади на основе реальных социальных ситуаций. Студенты делятся на две команды, обмениваются заранее подготовленными сценариями и анализируют указанные ситуации, основанные на социальных темах. В ходе обсуждения студенты предлагают решение указанных проблем. Проект представляется в виде устной коммуникации, обсуждении социальных проблем, дебат и демонстрации результатов и выводов. Формат командной работы. Рабочий язык: английский.
Изучение СМИ	Необходимо проанализировать различные источники информации (газеты, журналы, интернет-ресурсы и др.) на английском языке и сравнить их подходы к освещению одной и той же темы (экология, образование, здравоохранение, культурное наследие и др.) Проект представляется в виде отчета, где демонстрируется представление одной и той же темы разными СМИ. Формат командной работы. Рабочий язык: английский.

менно, метод использования проектного обучения в неязыковых вузах влияет на развитие логического, креативного и критического мышления студентов. Повышение мотивации студентов к изучению иностранного языка также положительно сказывается на подготовке квалифицированных специалистов. Использование разных проектов, таких как кейсы, интервью, волонтерство, блоги, изучение СМИ и др., являются эффективными методами в ходе обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов, поскольку направлены не

только на повышение мотивации, но и на преодоление языкового барьера.

Статья имеет потенциал для дальнейших исследований на основе данной тематики в условиях глобализации и цифровой экономики.

Целевая аудитория статьи может включать преподавателей иностранных языков в высшей школе, сконцентрированных на повышении мотивации студентов, изучающих английский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Project-based learning // Institute for Teaching and Learning Innovation // <https://itali.uq.edu.au/teaching-guidance/teaching-practices/active-learning/project-based-learning> (дата обращения: 15.07.2025).
2. Чечель И.Д. Метод проектов или попытка избавить учителя от обязанностей всезнающего оракула [Текст] / И.Д. Чечель // Директор школы. — 1998. — № 3.
3. Полат Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка/ Иностранные языки в школе – № 2, 2000 г.
4. Кармова М.Р. Аудиторная и внеаудиторная деятельность как основа проектного и проблемного методов обучения иностранному языку в неязыковом вузе // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 51. С. 66–69.
5. Певная М.В. Проектное обучение в формировании профессионализма и гражданственности студентов вуза // VIII Международная научно-практическая конференция «Традиции и инновации в педагогическом образовании». Екатеринбург//file:///C:/Users/Toshiba/Downloads/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%B8%20%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%9F%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F.pdf// (дата обращения: 15.07.2025).
6. Кармова М.Р. «Геймифицируй», или почему современному образованию нужны игры (на примере студентов, обучающихся по направлениям «Социология» и «Политология») // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10. № 1. С. 46-50.

© Кармова Марьяна Ризоновна (mkarmova@fa.ru), Логина Мария Владимировна (mvlogina@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СУБЪЕКТНОСТЬ СТУДЕНТА В ОСВОЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

SUBJECTIVITY OF A STUDENT IN PROFESSIONALLY ORIENTED FOREIGN LANGUAGE LEARNING

*M. Karmova
T. Fedoseeva*

Summary: The scientific paper raises the problem of students' conscious attitude to achieving the results of professionally oriented foreign language learning. The authors set the research task of discovering the conditions that encourage students to purposefully master knowledge and skills that constitute the content of communicative competence in professional activities. It is suggested that the modelling of learning tasks considering the characteristics of activity and its subject creates prerequisites for conscious learning in the process of mastering a foreign language. The category of the subject of activity and the structure of subject activity in their understanding by domestic science are considered. The hypothesis about modelling the directions of professional activity for the implementation of students' conscious approach is illustrated by examples from the practice of teaching English for professional purposes to students of the direction «Personnel Management».

Keywords: subject activity approach, subject activity structure, study activity, action patterns, learners' awareness.

Кармова Марьяна Ризоновна

*кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
(г. Москва)
mkarmova@fa.ru*

Федосеева Татьяна Владимировна

*старший преподаватель, Финансовый университет
при Правительстве РФ, (г. Москва)
TVFedoseeva@fa.ru*

Аннотация: В статье поднимается проблема осознанного отношения учащихся к достижению результатов профессионально ориентированного усвоения иностранного языка. Авторами поставлена исследовательская задача обнаружения условий, побуждающих учащегося к целенаправленному освоению знаний и умений, составляющих содержание коммуникативной компетенции в профессиональной деятельности. Высказано предположение, что моделирование учебных заданий с учетом характеристик деятельности и ее субъекта создает предпосылки для осознанного учения в процессе освоения иностранного языка. Рассмотрена категория субъекта деятельности и структура предметной деятельности в их понимании отечественной наукой. Гипотеза о моделировании направлений профессиональной деятельности для реализации сознательного подхода студентов иллюстрируется примерами из практики обучения студентов направления «Управление персоналом» английскому языку для профессиональных целей.

Ключевые слова: деятельностный подход, субъект деятельности, структура деятельности, учебная деятельность, ориентиры деятельности.

Изучение иностранного языка составляет необходимый компонент в формировании универсальных компетенций, необходимых для осуществления профессиональной деятельности выпускниками вуза.

Актуальность представленной работы обоснована требованием современного образовательного стандарта сформировать у выпускников вуза системную способность осуществлять эффективную деловую коммуникацию как результат освоения программы дисциплины «Иностранный язык». Формирование и развитие системной иноязычной коммуникативной способности требует такого подхода, в котором комплексно учитываются свойства профессиональной деятельности, характеристики профессиональной коммуникации в иноязычной среде и особенности иноязычного образования. Таким интегрирующим подходом представляется организация освоения дисциплины «Иностранный язык» на основе теории деятельности, одним из основных понятий которой является субъект, реализующий целенаправленную активность в целостности своих ролей и функций.

Научная новизна статьи заключается в использовании моделирования как научного подхода к развитию умений иноязычной коммуникации в профессиональ-

но ориентированном обучении учащихся английскому языку. **Цель** статьи заключается в изучении проблемы осознанного отношения обучающихся к достижению результатов профессионально ориентированного усвоения иностранного языка. **Задача** статьи связана с обнаружением условий, побуждающих учащегося к целенаправленному освоению знаний и умений, составляющих содержание коммуникативной компетенции в профессиональной деятельности. **Теоретическая значимость** статьи связана с вкладом в педагогическую научную область через призму исследования подходов, направленных на развитие коммуникативных умений и навыков обучающихся, необходимых для освоения иностранного языка. **Практическая значимость** статьи представлена на примере создания учебных условий для осмысленного совершения студентами интеллектуальных действий, ведущих к формированию коммуникативных навыков в процессе изучения иностранного языка. **Обоснованием научных методов** проведения представленного исследования является изучение научной литературы по проблемам сознания, деятельности и личности, а также практический опыт работы со студентами высшей школы, изучающими дисциплину «Иностранный язык».

Обучение студентов иностранному языку для решения ими задач профессиональной коммуникации является неотъемлемой частью современного образовательного процесса. Необходимость обращения к категориям деятельности и ее субъекта обусловлена задачами теоретического осмысления способов освоения иностранного языка в вузе, а также практическим опытом работы со студентами в ходе реализации программы дисциплины «Иностранный язык». Практика обучения показывает, что многие студенты, приступающий к изучению иностранного языка в неязыковом вузе, в качестве предмета изучения называют либо лексические единицы и грамматические правила иностранного языка, либо, в лучшем случае, общение на иностранном языке (без уточнения особенностей профессионального общения). Представления о результатах обучения иностранному языку ограничиваются для многих студентов языковыми навыками и умениями бытового общения. Такая интерпретация, по нашему мнению, отражает ограниченное понимание студентами роли иностранного языка как в профессиональной, так и в познавательной деятельности. Одновременно, недостаточная сформированность некоторых языковых навыков (произносительных, аудитивных, грамматических) играет демотивирующую роль, так как представляется непреодолимым препятствием для успешного освоения профессионального иностранного языка. Перед преподавателем стоит задача создать условия, в которых учащийся в процессе освоения дисциплины «Иностранный язык» сможет осуществить переход от «клипового» мышления и накопления умений и знаний опытным путем посредством проб и ошибок к осознанному освоению иностранного языка. Основу такого перехода составляет формирование у студентов готовности к активной роли в профессиональной общественно значимой деятельности в послевузовский период, а также развитие способности к осознанному выбору коммуникативных действий.

Деятельностный подход к сознанию, разрабатываемый в отечественной науке, обосновывает объективную природу сознания человека и рассматривает индивидуальное сознание как продукт деятельности человека, включенного в систему отношений, имеющих общественный характер. А.Н. Леонтьев характеризует сознание как движение, «порождаемое движением человеческой деятельности» [1, с.7]. Сознательное отношение к деятельности, осуществляемой субъектом, формируется в условиях конкретной деятельности, в специфике ее форм и структуры. Задача преподавателя состоит в том, чтобы смоделировать в учебном процессе ту конкретную профессиональную деятельность с ее ситуациями и направлениями иноязычного взаимодействия, к которой готовит студента образование. В частности, для специалиста в области управления персоналом среди таких направлений выделяются освоение понятий предметного знания соответствующей профес-

сиональной сферы, а также способов общения с учетом особенностей профессионального обмена информацией (ее приема, хранения и передачи).

Например, при усвоении иноязычных лексических единиц ориентиром следует считать содержание профессиональных понятий и образуемых ими системных комплексов знаний. Для освоения понятия *employment* (найм, занятость) требуется владение такими лексическими единицами как *to employ, an employer, an employee, an employment contract, an agreement, a job, work, part-time work, full-time work, payment, rights and responsibilities, to assign tasks* и так далее. Реализация работы специалиста по кадрам требует умений, связанных с изучением текстовой информации и такими видами текстовой деятельности как просмотровое, поисковое и углубленное чтение. С другой стороны, требуются умения создания текстов, начиная с письма-заявления на работу (*an application letter*) и сопроводительного письма (*a cover letter*), заканчивая письмом-жалобой (*a letter of complaint, a grievance*), отчетом (*a report*), планом стратегического развития департамента (*an HR strategy map*) и таблицей показателей эффективности (*an HR scorecard*).

В плане развития умений иноязычной устной коммуникации необходима нацеленность на полное, разностороннее и логическое раскрытие темы, что требует специальных способов оформления мыслей, например использования вводных слов (*The purpose of my speech is...; I'd like to cover the following points...; Moving on to the next point...; Summing up...; If you have any question, you'd like to ask, I'll do my best to answer them*). Для профессионального общения также крайне важным является готовность к диалогическому взаимодействию, к повторному изложению своих мыслей с использованием иных языковых средств, к уточнению чужих мыслей через их формулирование своими словами, что, например, реализуется как прием активного слушания (*active listening*). Для активного слушания характерно не только использование реплик-клише, таких как *"I see"; "What do you mean?"; "Could you say more about it?"*, но и приемов перефразирования, обобщения, критического осмысления, что отражается в применении соответствующих вводных слов, например, *"Do you mean that ...?"; "You mean that ..."; "Do I understand you correctly, that...?"* и так далее.

Моделирование учебных ситуаций, побуждающих учащихся к осознанному формированию профессиональных компетенций требует рассмотрения категории субъекта деятельности, а также структурных характеристик деятельности. Субъект как понятие занимает важное место в педагогической психологии, методологическим основанием которой являются культурно-исторический [2, с.14] и деятельностный подходы к обучению и воспитанию личности [3, с.128]. Понятие субъекта выделяет такую психологическую характеристику человека как ак-

тивность. Психологический подход к деятельности, развиваемый в отечественной науке, выводит активность субъекта за пределы стимулов и реакций, а также из пассивного воспроизводства отношений, составляющих социальный мир и общественное бытие [4, с.297]. Различные виды специфически человеческой активности, например деятельность, поведение, общение, проявляют человека как субъекта, для которого действительность выступает как объект. Человек как субъект направляет свои действия на объекты в своем взаимодействии с действительностью, то есть, осуществляет поведение на уровне действий, что отличается от взаимодействия как реакции на раздражители (или их систему) [2, с.59]. Проявлением субъектности отечественные исследователи считают осознание человеком себя как действующего и изменяющего мир существа [3, с.125].

Как отмечал А.Н. Леонтьев, субъект открывает для себя предметные условия пространства, в котором реализуется его поведение, как ориентиры деятельности. Успешной деятельность делает правильный учет предметных условий, включая те, что недоступны чувственному наблюдению и постигаются посредством понятийных образов и теоретических представлений о предметной среде [5, с.127]. Рассуждая о происхождении сознания, А.Н. Леонтьев отмечает такое условие его происхождения как разделение совместной деятельности, одинаковое понимание такого разделения, а также обсуждение смысла действий и предметов [1, с.41].

В процессе обучения иностранному языку для профессиональных целей создание условий, в которых студент осознает себя участником совместной деятельности и действующим лицом, достигается, например, проектным подходом. При таком подходе каждый из этапов обучения различным видам речевой деятельности или структурным элементам иностранного языка должен быть представлен как компонент проекта. В число компонентов проекта, среди прочих, включается обсуждение его цели и изучение вводной информации (с использованием аудио, видео и печатных источников), а также представление проекта. Если цель проекта обозначена как выбор стиль руководства, а именно лидерства и управления для организации с заданными параметрами, то происходит погружение в тематику "Leadership and management". Соответственно, осознанно необходимым для студента становится освоение понятийных знаний, а также текстовых, лексических и грамматических умений и навыков, связанных с данной темой. Мотивирующей основой для освоения иноязычного материала становится необходимость сравнения характеристик различных стилей управления, аргументированный выбор и обоснование своей точки зрения, необходимость представления своих взглядов профессиональной аудитории и участия в дискуссии.

Активности субъекта, осуществляемой как деятельность, присущи внутренние системные связи, ее единицами являются действия и операции. Для понимания свойств субъекта необходимо понимание свойств осуществляемой им деятельности и составляющих ее единиц. К характеристикам деятельности А.Н. Леонтьев относит потребность, предмет, мотивы, цель, действия, операции, результат [1, с.48]. Потребность, опосредованная социальной средой, «находит» свой предмет (отличительный признак различных деятельностей), и принимает форму мотива, который отвечает потребности. Мотив выполняет функцию побуждения, при этом осознанный мотив может выполнять роль общей цели, в процессе деятельности может быть утрачен. Цель как промежуточный результат совместной деятельности, субъективно выделен в форме представления, психического образа и выполняет функцию направления (как интенциональный аспект действия).

Согласно методологическому подходу, разрабатываемому в отечественной психологической науке, субъектное отношение к действительности проявляется и формируется у человека в деятельности и в общении, сущностным свойством которых является совместность – совместное их осуществление с другими людьми [2, с.4]. Отечественные психологи специально отмечают отсутствие противоречия между самостоятельностью и совместностью, более того, самоизменение и саморазвитие человека рассматривается как результат взаимодействия (от его практических до духовных форм), направленного на познание мира и его изменение. Не всякая работа, осуществляемая человеком, есть деятельность (например, принудительная и монотонная работа по заданным образцам не может считаться деятельностью), но именно осознанная целенаправленная деятельность позволяет любому человеку реализовать себя, например, через мышление (в котором репродуктивные и творческие компоненты нераздельны, по мнению А.В. Брушлинского) [2, с.18].

Очевидно, участие преподавателя в обучении профессионально ориентированному иностранному языку не сводится к предоставлению и объяснению материалов по изучаемой тематике. Преподаватель выступает как помощник учебной деятельности, осмысленно осуществляемой учащимся. Психологические исследования теории и практики обучения [3, с.131] показали, что учащийся тем эффективнее использует стороннюю помощь, чем больше он самостоятельно продвинулся в осмыслении проблемной ситуации, анализе и синтезе проистекающей из нее задачи, условий и требований этой задачи и искомого результата, то есть, чем больше он активен как субъект деятельности (в частности, учебной). Соответственно, задача преподавателя состоит в создании условий для сознательной деятельности студента по достижению желаемого им или требуемого программой результата. Даже в процессе

усвоения уже известного в культуре (например, в профессиональном знании), учащийся должен сделать для себя открытие, самостоятельно понять общую идею, что позволит ему избежать поверхностного и формального знания. Преподаватель иностранного языка вводит студента в мир иноязычных профессиональных понятий, помогает познать их системность и научиться оперировать ими. Подобно тому, как обучение ребенка, как следует из исследований Л.С. Выготского, создает зону ближайшего развития, позволяя ребенку сформировать научные понятия, обучение взрослого направляет его мыслительные процессы на постижение действительности в новых для него понятиях.

Примером создания условий для осмысленного совершения действий, ведущих к формированию требуемых программой знаний или умений, является метод формирования умственных действий, разработанный в отечественной психолого-педагогической науке. Правильное действие, отмечает В.В. Давыдов, не должно возникать случайно, учащийся должен иметь ориентиры и указания, должны быть созданы все условия для правильного выполнения действия, а также рефлексии относительно содержания и оснований собственных действий [6, с.157]. Целенаправленное развитие мышления и способностей, а не накопление «узких предметных знаний и умений», происходит в ситуации неполноты ориентиров для отдельного действия. В противном случае (избыточной полноты ориентиров) учащийся либо не переносит способы действия и знания на новые объекты, либо осуществляет перенос только на внешне схожие объекты. Иными словами, у студента должен появиться мотив для открытия неизвестного, у него должен быть содержательный интерес к знанию.

Метод формирования умственных действий базируется на положении об осознанном характере учебно-познавательной деятельности. Изучая соотношение понятий учения и учебной деятельности, С.Г. Воровщиков отмечает, что учение может осуществляться в любой деятельности [7, с.18]. Но именно в учебной деятельности проявляется сознательная направленность на цели обучения и воспитания, принятие этих целей в качестве личных, при этом продуктом учебной деятельности являются изменения, происходящие в самом субъекте деятельности. Учение становится учебной деятельностью при условии, что учебные задачи поставлены учащимся самостоятельно, то есть осознанно, а также при самостоятельном осуществлении самоконтроля и самооценки.

Еще одной особенностью учебно-познавательной

деятельности, наряду с усвоением результатов научного познания, является, по словам С.Г. Воровщикова, «проживание» процесса познания, включение в творческую поисковую деятельность и реализация различных ее способов с целью решения реальной (лично-значимой) познавательной проблемы [7, с.20]. Поиск объективных противоречий знания и способов их разрешения, применение знаний на практике не может претендовать на научное творчество в прямом его значении, но для учащихся становится той средой, в которой происходят личные открытия нового, в том числе способов действия, позволяющих достичь желаемый результат. При этом усвоение предусмотренной учебной программой знаний выступает условием для решения познавательной проблемы.

Перед преподавателем иностранного языка стоит задача пробуждения сознательного отношения к выполняемым действиям, имеющим учебную нагрузку, что возможно при условии проблемного характера заданий. В правильно сформулированных проблемных ситуациях появляется желание решить проблему, то есть появляется мотив, раскрывающий учащегося как субъекта деятельности. Постановка проблем и поиск личного интереса, побуждающего студента к осознанной деятельности, определяется характером контекста, в котором протекает развиваемый вид речевой деятельности. Так, изучение темы форм и видов компенсации труда может предваряться ситуацией, в которой перед студентом ставится вопрос о том, каким образом они как специалисты в области управления персоналом, могут компенсировать трудовые затраты работников разных категорий, решающих разные трудовые задачи. Так как постановка проблемы позволяет управлять внутренним процессом решения, то в условиях иноязычного образования проблема должна быть поставлена таким образом, чтобы языковой материал, который требуется отработать, стал способом решения проблемы. Если информация, как новое для студента знание, приобретает для него личностный смысл, то любые речевые действия для него являются обучением деятельности на языке.

В заключении необходимо отметить, что создание условий для осознания студентами себя как субъектов общения и учебно-познавательной деятельности, является необходимым моментом в формировании сознательного и мотивированного отношения к учению и развитию иноязычной компетенции. Моделирование в учебном процессе профессионально ориентированных ситуаций, отражающих характеристики деятельности и ее субъекта, позволяет студенту осознанно подходить к совершению действий коммуникативного или учебно-познавательного характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учебное пособие / А.Н. Леонтьев. – 2-е издание, стереотипное. – Москва: Смысл: Академия, 2005. С. 352.
2. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. — М.: Институт психологии РАН, 1994. С.109.

3. Зимняя И.А. Педагогическая психология: Учебник для вузов. Изд. второе, доп., испр. И перераб. – М.: Логос, 2005. С. 384.
4. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР, 2009. С. 448.
5. Иванников В.А. Проблема сознания в ранних работах А.Н. Леонтьева // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. №2. – с. 124–132 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-soznaniya-v-rannih-rabotah-a-n-leontieva> (дата обращения: 27.07.2025).
6. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального психологического исследования. – М.: Педагогика, 1986. С.240.
7. Воровщиков С.Г. Специфика учебно-познавательной деятельности как разновидности учения школьников (к 85-летию члена-корреспондента РАО, доктора педагогических наук, профессора Т.И. Шамовой) // Преподаватель XXI век. 2009. №4–1. С.16–27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-uchebno-poznavatelnoy-deyatelnosti-kak-raznovidnosti-ucheniya-shkolnikov-k-85-letiyu-chlena-korrespondenta-rao-doktora> (дата обращения: 27.07.2025).

© Кармова Марьяна Ризоновна (mkarmova@fa.ru), Федосеева Татьяна Владимировна (TVFedoseeva@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИМЕНЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СУПЕРВИЗИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

APPLICATION OF PEDAGOGICAL SUPERVISION IN THE EDUCATIONAL PROCESS

**Ya. Kudina
N. Demchenko
A. Limanova**

Summary: This article explores the application of pedagogical supervision in the educational process. Pedagogical supervision is an effective tool for supporting educators and improving the quality of the educational experience. The primary goal of supervision is to create a safe and supportive environment where educators can openly discuss their challenges, receive constructive feedback, and develop strategies to improve their practice. The article delves into the types and forms of pedagogical supervision. It provides a comparative analysis of the three main forms of supervision: administrative, educational, and supportive. The advantages and disadvantages of group, individual, and crisis supervision are discussed.

Keywords: pedagogical supervision, administrative supervision, educational supervision, supportive supervision, educational organization, forms of supervision.

Кудина Яна Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент, ГАОУ ВО
Невинномысский государственный гуманитарно-
технический институт
yanakud230208@yandex.ru

Демченко Наталья Юрьевна

кандидат психологических наук, доцент, ГАОУ ВО
Невинномысский государственный гуманитарно-
технический институт
natalidem71@yandex.ru

Лиманова Алина Сергеевна

ГАОУ ВО «Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению применения педагогической супервизии в образовательном процессе. Педагогическая супервизия выступает эффективным инструментом поддержки педагогов, способствующим повышению качества образовательного процесса. Основная цель супервизии заключается в создании безопасной и поддерживающей среды, где педагоги могут открыто обсуждать свои трудности, получать конструктивную обратную связь и разрабатывать стратегии для улучшения своей практики. В статье раскрываются типы и формы педагогической супервизии. Представлен сравнительный анализ трех основным формам супервизии: административной, образовательной и поддерживающей. Рассмотрены преимущества и недостатки групповой, индивидуальной и кризисной форм супервизии.

Ключевые слова: педагогическая супервизия, административная супервизия, образовательная супервизия, поддерживающая супервизия, образовательная организация, формы супервизии.

Актуальность исследования проблемы применения педагогической супервизии обусловлена рядом факторов, влияющих на развитие современного образовательного пространства. Один из факторов – это повышение качества профессиональной подготовки педагогов. Современная образовательная среда предъявляет высокие требования к квалификации педагогов образовательных организаций. Педагогическая супервизия позволяет своевременно выявлять профессиональные затруднения, находить оптимальные пути решения проблем и поддерживать профессиональный рост педагогов. Второй фактор – это обеспечение личностно-профессионального развития педагогов. Педагогическая супервизия способствует развитию рефлексивных способностей педагогов образовательных организаций, осознанию своей роли и ответственности в процессе воспитания и образования детей [1]. Это помогает избежать профессионального выгорания и сохранить интерес к профессии. Следующий фактор – улучшение взаимодействия между участниками педа-

гогического процесса. Супервизорская поддержка создает условия для конструктивного сотрудничества педагогов, родителей, обучающихся и администрации. Также выделим такой фактор как, обмен опытом и передовыми практиками [4]. В ходе супервизионных встреч педагоги имеют возможность обмениваться опытом и учиться друг у друга, перенимая лучшие практики и инновационные подходы к обучению, воспитанию и развитию.

Таким образом, применение педагогической супервизии актуально в условиях современной системы образования, ориентированной на постоянное развитие и совершенствование педагогических кадров, а так же на повышение эффективности образовательного процесса.

В рамках решения одной из задач исследования применения педагогической супервизии в образовательном процессе. Нами были проанализированы типы и формы педагогической супервизии [3]. Анализ форм и типов деятельности супервизоров проведён на основа-

нии изучения опыта работы конкретных образовательных организаций: МБДОУ № 10, МБДОУ № 22, МБДОУ № 23, МБДОУ № 27, МБДОУ № 30, МБДОУ № 40, МБДОУ № 46, МБДОУ № 51 г. Невинномысска.

Результаты были собраны, систематизированы, обобщены и исследованы при помощи следующих методов:

- эмпирических: наблюдение, анкетирование, интервью, анализ документов, педагогический эксперимент;
- теоретических: анализ и синтез, моделирование, сопоставление, интерпретация, обобщение и другие.

В основу оценки были принято выявление наиболее эффективных для данных коллективов типов педагогической супервизии и форм супервизии.

Вышеназванные методы сбора информации, проведенные в педагогических коллективах дошкольных образовательных организаций МБДОУ № 10, МБДОУ № 22, МБДОУ № 23, МБДОУ № 27, МБДОУ № 30, МБДОУ № 40, МБДОУ № 46, МБДОУ № 51 г. Невинномысска в первом полугодии 2025 года позволили выявить отношение коллективов к базовым типам супервизии (таблица 1).

Исходя из данных таблицы 1, наиболее высокую положительную оценку заведующие и старшие воспитатели дошкольных образовательных организаций отдали административной супервизии, тогда как педагоги предпочли поддерживающую супервизию.

Представим сравнительный анализ трем основным формам супервизии: административной, образовательной и поддерживающей. Каждая из них имеет свою направленность и цели, применяется в разных ситуациях и решает различные задачи в профессиональном развитии педагогов.

Административная супервизия

Цель административной супервизии заключается в обеспечении соблюдения установленных правил и процедур. Она направлена на оценку соответствия действий сотрудника установленным стандартам и нормативам, выявление отклонений и разработку рекомендаций по

улучшению рабочего процесса.

Можно выделить следующие особенности административной супервизии:

- контроль исполнения должностных обязанностей;
- оценка эффективности труда;
- корректировка нарушений и недостатков;
- формирование отчетов и документации;

У административной супервизии есть и преимущества, это:

- четкое соблюдение норм и регламентов;
- своевременное выявление ошибок и рисков;
- поддержание дисциплины и порядка;

Так же выделим ограничения административной супервизии:

- может восприниматься педагогами негативно, как контроль и надзор;
- не учитывает индивидуальные особенности педагогов.
- фокусируется преимущественно на соблюдении внешних требований, а не внутреннем росте.

Образовательная супервизия

Основная цель образовательной супервизии – повышение уровня профессионализма и компетенций педагогов путем передачи знаний, обучения новым методам и техникам, разработки индивидуальных планов профессионального роста.

Особенности образовательной супервизии заключаются в:

- передаче практических навыков и теоретических знаний;
- развитии креативного мышления и способности решать нестандартные задачи;
- стимулировании саморазвития и инициативы;

Выделяем преимущества образовательной супервизии:

- способствует профессиональному росту и самореализации;
- формирует команду квалифицированных специалистов;

Таблица 1.

Оценка результатов деятельности супервизоров коллективом МБДОУ № 10, МБДОУ № 22, МБДОУ № 23, МБДОУ № 27, МБДОУ № 30, МБДОУ № 40, МБДОУ № 46, МБДОУ № 51 г. Невинномысска.

Тип супервизии	Заведующие, старшие воспитатели («Положительная оценка»)		Педагоги дошкольных организаций («Положительная оценка»)	
	Количество (всего 16)	%	Количество (всего 96)	%
Административная супервизия	14	87,5	72	81,2
Образовательная супервизия	13	81,2	81	84,3
Поддерживающая супервизия	11	68,7	89	92,7

— увеличивает конкурентоспособность организации;

Ограничения образовательной супервизии:

- требует значительных временных затрат и материальных вложений.
- необходимость подбора квалифицированного тренера или наставника.
- возможны трудности с адаптацией новых методик в реальных условиях.

Поддерживающая супервизия

Поддерживающая супервизия ориентирована на создание условий для эмоциональной поддержки педагогов, снижение стресса и предотвращение профессионального выгорания. Эта форма супервизии особенно важна в сферах, связанных с высокими нагрузками и стрессовыми ситуациями.

Остановимся на особенностях поддерживающей супервизии, это:

- психологическая помощь и поддержка;
- создание атмосферы доверия и безопасности;
- выявление симптомов профессионального выгорания и разработка мер профилактики.

Раскроем преимущества поддерживающей супервизии:

- укрепление морального духа коллектива;
- предотвращение негативных последствий стресса;
- повышение удовлетворенности работой и лояльности педагогов.

Ограничения поддерживающей супервизии, следующие:

- риски зависимости сотрудников от постоянной поддержки;
- проблемы с оценкой эффективности мероприятий;
- необходимо наличие специально подготовленных кадров.

Следовательно, комплексное применение различных типов супервизии позволяет достичь наилучших результатов как в управлении, так и в повышении общей производительности труда. Каждый формат супервизии обладает своими сильными сторонами, и, сочетая их,

можно охватить все аспекты профессионального роста: от личного развития до стратегического управления.

Следующим этапом исследования было выявление эффективных форм педагогической супервизии. Наиболее эффективные формы супервизии в МБДОУ № 10, МБДОУ № 22, МБДОУ № 23, МБДОУ № 27, МБДОУ № 30, МБДОУ № 40, МБДОУ № 46, МБДОУ № 51 г. Невинномыска в первом полугодии 2025 года представлены в таблице 2.

Таким образом, у администрации дошкольных образовательных организаций именно групповая супервизия в итоге стала наиболее популярной формой супервизии. Мы связываем эти показатели с последовательной и успешной работой супервизоров с группами педагогов в указанных дошкольных образовательных образованиях. В то же время педагоги, положительную оценку отдали индивидуальной форме, это связано с возможностью фокусировки на индивидуальных потребностях педагогов.

Далее приведем преимущества и недостатки групповой, и индивидуальной, а также кризисной форм супервизии.

Групповая форма супервизии

Раскроем преимущества групповой формы супервизии, это:

- обмен опытом – возможность обсудить разные точки зрения и подходы, обогатить собственные знания опытом коллег;
- поддержка команды – коллективное обсуждение сложных ситуаций снижает чувство одиночества и тревоги перед трудностями;
- экономичность – один специалист одновременно работает сразу с несколькими людьми, снижая затраты на обучение;
- разнообразие подходов – группы часто представляют собой многоуровневую среду, что стимулирует творческий обмен идеями и методами.

Недостатки групповой формы состоят в следующем:

- ограниченность индивидуального внимания – труднее сосредоточиться на конкретных проблемах каждого участника группы;
- проблемы конфиденциальности – некоторые темы

Таблица 2.

Оценка форм педагогической супервизии коллективом МБДОУ № 10, МБДОУ № 22, МБДОУ № 23, МБДОУ № 27, МБДОУ № 30, МБДОУ № 40, МБДОУ № 46, МБДОУ № 51 г. Невинномыска.

Тип супервизии	Заведующие, старшие воспитатели («Положительная оценка»)		Педагоги дошкольных организаций («Положительная оценка»)	
	Количество (всего 16)	%	Количество (всего 96)	%
Групповая супервизия	13	81,2	74	77
Индивидуальная супервизия	10	62,5	86	89,5
Кризисная супервизия	11	68,7	68	70,8

участники предпочитают обсуждать индивидуально, опасаясь разглашения личной информации;

- зависимость от групповых процессов – эффективность зависит от динамики внутри группы – отсутствие взаимопонимания может снизить качество супервизии;
- отсутствие индивидуального подхода – сложно адаптироваться под индивидуальные потребности всех участников.

Индивидуальная форма супервизии

Приведем преимущества супервизии в индивидуальной форме:

- конфиденциальность – личное пространство и возможность открыто говорить о своих профессиональных трудностях;
- фокусировка на индивидуальных потребностях – больше внимания уделяется уникальным проблемам конкретного педагога;
- более глубокое погружение – возможность глубоко проанализировать личные убеждения, мотивы и стиль поведения;
- эффективность решений – индивидуальное внимание позволяет быстрее выявить корень проблемы и подобрать подходящие стратегии её преодоления.

Недостатки индивидуальной формы супервизии, это:

- меньшая динамика идей: отсутствие разнообразия мнений, присущего группе, ограничивает разнообразие подходов;
- риск изоляции: недостаточное участие в коллективных обсуждениях может привести к сужению взгляда на проблему;
- долгосрочность результатов: изменения происходят медленнее, так как отсутствует внешняя мотивация и стимулирование, которое возможно в группах.

Кризисная супервизия

Кризисная супервизия представляет собой специализированную форму сопровождения педагогов, оказавшихся в кризисных ситуациях, будь то профессиональное выгорание, конфликты с детьми, родителями или коллегами, сложности адаптации к изменениям или тяжелые жизненные обстоятельства [2].

Основные характеристики кризисной педагогической супервизии:

- оперативная реакция на возникшие проблемы.
- подбор специализированных техник помощи и анализа ситуации.
- направлена на стабилизацию состояния педагога и восстановление работоспособности.
- акцент на краткосрочных целях и немедленном улучшении самочувствия.

Преимущества кризисной педагогической супервизии:

- быстрая поддержка в критические моменты – супервизоры помогают педагогам справиться с острыми проблемами, снижают уровень тревожности и восстанавливают способность эффективно действовать в образовательной среде.
- повышение устойчивости – после прохождения кризисной супервизии педагоги становятся лучше подготовленными к возможным будущим сложностям благодаря приобретенному опыту выхода из кризиса.
- психологическое здоровье – такая форма супервизии уменьшает риск профессионального выгорания, депрессии и других психоэмоциональных расстройств среди педагогов.
- предотвращение эскалации конфликтов – кризисная супервизия предотвращает переход острых проблем в хроническое состояние, помогая разрешать конфликты и снимать напряжение вовремя.
- формирование чувства защищенности – педагоги чувствуют себя увереннее, зная, что в сложной ситуации они получают своевременную поддержку и совет опытного коллеги.

Приведем недостатки кризисной супервизии, это:

- ориентация на экстренные меры – часто такая супервизия ограничивается быстрым решением острой проблемы, игнорируя долгосрочные аспекты профессионального развития.
- стресс-фактор самой процедуры – иногда сама процедура обращения за поддержкой вызывает дополнительный стресс у педагогов, ведь многие боятся признать собственную уязвимость.
- непрерывность вмешательства – если проблема носит глубокий характер, одного сеанса супервизии недостаточно, и необходим регулярный мониторинг и поддержка.
- высокие требования к специалистам – для эффективного оказания кризисной помощи необходимы высококвалифицированные специалисты, способные быстро диагностировать ситуацию и предложить адекватные меры реагирования.
- недостаточная профилактика – поскольку акцент делается на решение текущих проблем, упускается возможность предотвращения будущих кризисов посредством превентивной работы.

Следовательно, кризисная педагогическая супервизия является важным инструментом поддержания психологической стабильности и здоровья педагогов, однако она эффективна лишь в сочетании с профилактическими мерами и постоянным профессиональным развитием.

Таким образом, анализ положительных и отрицательных сторон различных форм супервизии свидетельствует

ют о необходимости применения всех форм супервизии на практике. Выбор формы супервизии должен зависеть от целей, потребностей и возможностей конкретной ситуации. Групповые сессии эффективны для обмена знаниями и опытом, тогда как индивидуальные подходят для глубокой проработки специфичных трудностей.

Педагогическая супервизия является важным компонентом системы профессионального развития педагогических кадров. Её внедрение позволяет создать условия для непрерывного совершенствования профессионального мастерства педагогов и повышения качества образовательного процесса в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Житвай С.А. Супервизия как метод сопровождения деятельности педагогов // *Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии*. 2016. №6 (63). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/superviziya-kak-metod-soprovozhdeniya-deyatelnosti-pedagogov> (дата обращения: 09.08.2025).
2. Кокорева Ю.В. Технологии супервизии в социальных учреждениях: функции и направления // *Молодой ученый*. 2020. № 2 (292). С. 196–198. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/292/66265/>. (дата обращения: 10.08.2025).
3. Тринитатская О.Г. Супервизия как фактор повышения эффективности деятельности образовательной организации / О.Г. Тринитатская, С.В. Бочаров, О.А. Назарчук [и др.] // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2022. Т 10. №3. [Электронный ресурс]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/38PDMN322.pdf> (дата обращения: 12.08.2025)
4. Яковлев Е.В., Яковлева Н.О. Супервизия как педагогический феномен // *Вестник ЮУрГГПУ*. 2015. №10. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/superviziya-kak-pedagogicheskiy-fenomen> (дата обращения: 04.09.2025).

© Кудина Яна Владимировна (yanakud230208@yandex.ru), Демченко Наталья Юрьевна (natalidem71@yandex.ru),
Лиманова Алина Сергеевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЗАИМОКОРРЕЛЯЦИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТАМ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ С ЦИФРОВЫМИ РЕАЛИЯМИ

CORRELATION OF PHYSICAL EDUCATION TEACHING TO UNIVERSITY STUDENTS WITH DIGITAL REALITIES

**M. Kulikova
N. Shtukin
L. Nyurksne**

Summary: Over the past two decades, one of the main conditions for the implementation of national projects on healthcare, education, and demography has been to improve the quality of life of Russians, including through aerobic, strength, and neuromotor exercise, which is facilitated by high-quality physical education teaching to university students, motivating them to engage in regular sports activities, forming healthy lifestyle habits, and increasing the number of students in higher schools who are systematically engaged, thereby contributing to the healthy longevity of citizens in the long run. Digital technologies help to calculate the load on the body, build an individual trajectory of the training process, calculate the risks, and minimize pathological changes in the body that hypothetically may occur during unbalanced physical exercises, as well as set well-planned and achievable goals. Currently, teaching of this type in higher schools is at the initial stage of digitalization development, as it requires the integration of new technologies into the curriculum and certain technical equipment. Nevertheless, the available resources of more than half of Russians make it possible to include in the educational process certain tools that improve the organization of sports and physical education.

Keywords: physical education teaching, sports, higher education, digitalization, EMIAS, artificial intelligence (AI), Alice-assistant, smart watch.

Куликова Мария Викторовна

Преподаватель, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
marikulikova93@gmail.com

Штукин Николай Николаевич

Старший преподаватель, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
domosed.avia@mail.ru

Нюрксне Лариса Алексеевна

Старший преподаватель, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
nurksne@mail.ru

Аннотация: Последние два десятилетия одним из основных условий реализации национальных проектов по здравоохранению, образованию и демографии является повышение качества жизни россиян, в том числе, через аэробные, силовые и нейромоторные нагрузки, чему содействует качественное преподавание физической культуры студентам высших учебных заведений, мотивирующее к регулярным занятиям спортивной деятельностью, формирующее привычки ведения здорового образа жизни и увеличению количества систематически занимающихся обучающихся высших школ, тем самым, в перспективе способствуя здоровому долголетию граждан. Рассчитать нагрузку на организм, выстроить индивидуальную траекторию тренировочного процесса, предсказать риски и минимизировать патологические изменения тела, которые гипотетически могут возникнуть при несбалансированных физических упражнениях, а также поставить грамотно спланированные и реализуемые цели помогают цифровые технологии. В настоящее время преподавательская деятельность указанной направленности в высших школах находится на начальной стадии развития цифровизации, так как требует интеграции новых технологий в учебную программу и определенного технического оснащения. Тем не менее, имеющиеся ресурсы более чем у половины россиян позволяют включать в учебный процесс определенные инструменты, совершенствующие организацию занятий спортом и физической культурой.

Ключевые слова: преподавание физической культуры, спорт, высшее учебное заведение, цифровизация, ЕМИАС, искусственный интеллект (ИИ), ассистент «Алиса», смарт-часы.

Введение

Цифровые реалии сместили вектор физической активности современного человека на более пассивный, уменьшив значение большинства профессий и бытовых задач, которые ранее требовали больших энергозатрат организма, а в настоящий момент выполняются с помо-

щью цифровых технологий и гаджетов. Между тем перед человечеством открылись широкие возможности для того, чтобы компенсировать статичность своей трудовой деятельности досуговыми занятиями, включающими в себя подвижный образ жизни, физическую культуру и спорт.

Материалы и методы основаны на системном под-

ходе и включают анализ, синтез, а также описание потенциала использования цифровых технологий и приложений в высшем образовании на занятиях по физической культуре и спорту.

Результаты и обсуждение

Одними эффективных инструментов, способствующих росту мотивации заниматься физической культурой, контролировать физическое состояние, в т.ч. формировать карту здоровья на протяжении длительных отрезков времени (от нескольких секунд, до года и больше), на основе которых можно создавать индивидуальные образовательные траектории, являются цифровые устройства и приложения. «Современные технологии позволяют не только фиксировать физические параметры, но и формировать индивидуальные программы занятий, анализировать и фиксировать динамику физической подготовленности студентов» [11, с. 252].

Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ): «Каждый третий (36%) россиянин отслеживает состояние своего здоровья с помощью гаджетов, 59% используют его для мотивации к физической активности, изменения привычек» [8] (см. рисунок 1):

Статистические данные об использовании цифровых устройств в спорте и образовании свидетельствуют о популяризации включения гаджетов и приложений не только в повседневную физическую активность человека, но и в учебный процесс. Согласно исследованиям Г.Л.Л. Чжан (2024), интеграция интеллектуальных технологий значительно повышает интерактивность и персонализацию обучения физической культуре и спорту, способствует повышению мотивации и вовлеченности студентов, а также улучшению результатов обучения [13, р. 1385]. Рас-

смотрим процент обучающихся, использующих умные гаджеты и приложения в России (см. рисунок 2):

Процесс цифровой модернизации системы образования требует комплексного подхода – при организации обучения в рамках дисциплины «Физическая культура и спорт» необходима междисциплинарность: учет медицинских и физических показателей, а также образовательных целей и требований программы (см. рисунок 3):

В ниже представленном аналитическом обзоре рассматриваются инструменты, требующие минимальных затрат на их приобретение, либо они уже находятся в пользовании преподавателей и студентов, в том числе, речь идет о мобильных приложениях и голосовых помощниках, информационные ресурсы которых находятся в открытом (бесплатном) доступе для пользователей сети интернет.

В профессиональном спорте важны регулярные медицинские обследования, что позволяет поддерживать здоровье и минимизировать риски его дестабилизации. При преподавании физической культуры в высших учебных заведениях также принимаются во внимание данные о физическом и психологическом состоянии обучающихся. Этому способствует цифровизация медицинских карт: с 2015 гг. в Москве, Подмосковье, Санкт-Петербурге, Якутии, Ставрополье и Хабаровском крае медучреждения начали переходить на электронный документооборот. Например, москвичам доступна электронная медицинская карта (ЭМК), позволяющая пользователям просматривать свои данные о здоровье с их мобильных устройств и компьютеров в приложении «ЕМИАС.Инфо» [4]. Система не только избавляет от бюрократизации и помогает врачам (в т.ч. скорой помощи), сразу получать всю информацию о пациенте, но и самому пациенту выполнять мониторинг собственного здоро-

Рис. 1. «Интернет тел» (в оригинале – “internet of bodies”, IoB) среди россиян

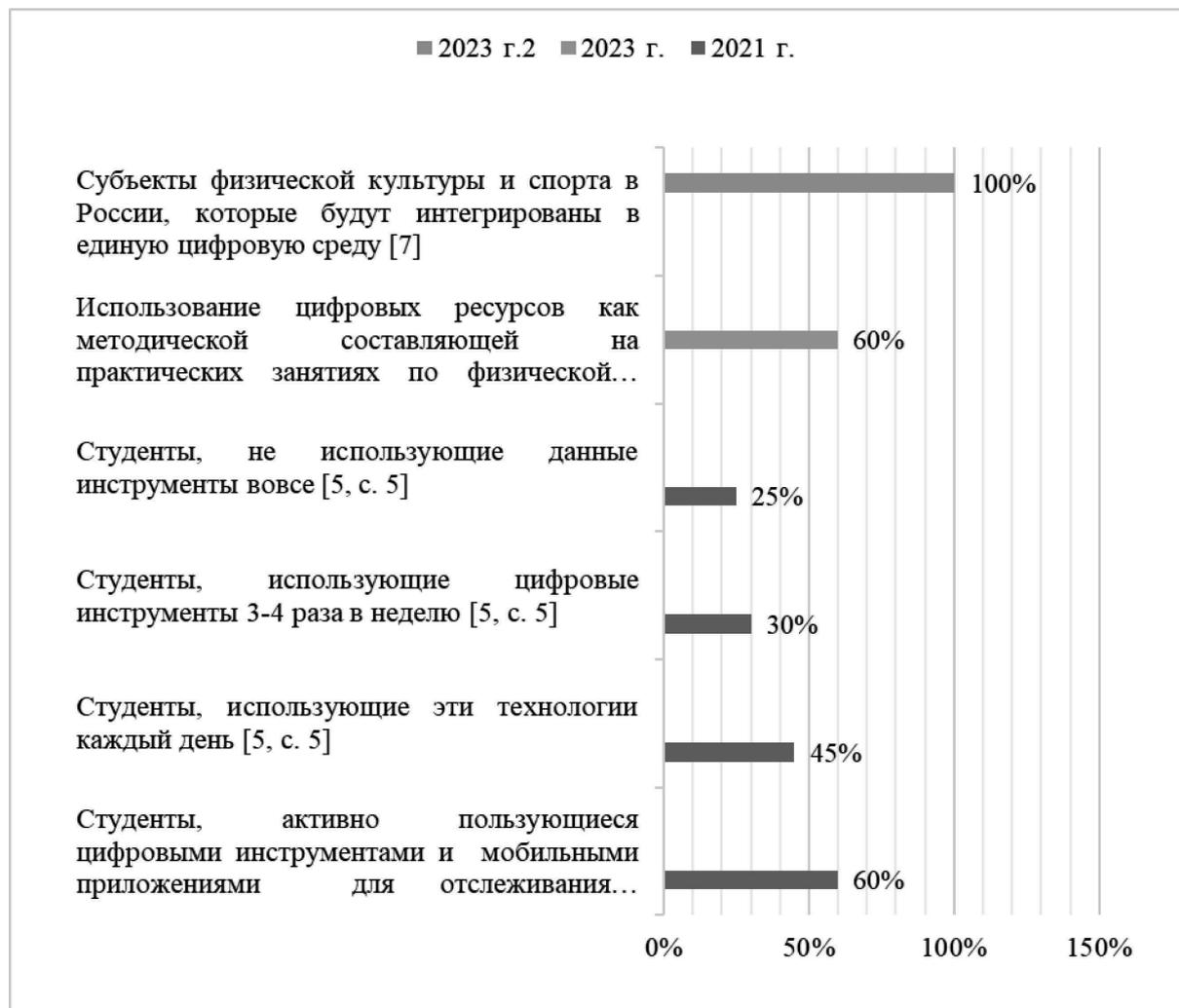

Рис. 2. «Интернет тел» (в оригинале – “internet of bodies”; IoB) среди россиян

вья, делиться своими данными с доверенными лицами и сотрудниками, чья профессиональная деятельность связана со здоровьем человека, в т.ч. с преподавателями физической культуры в вузах, что помогает последним оценивать функциональное состояние обучающегося, выявлять факторы риска развития патологий организма и оптимизировать тренировочный процесс. Схожей по своему функционалу системой является компания «СберЗдоровье», оказывающая помощь в записи к врачу, выполняющая дистанционный мониторинг состояния пациентов, выполняющая медицинское обслуживание, сеансы телемедицины и пр. [8].

Внести свои показатели здоровья в медицинскую карту пользователи ЕМИАС могут с помощью ИИ-ассистента «Алиса». Кроме того, у виртуального голосового помощника есть специальные навыки, стимулирующие и помогающие заниматься физической культурой и спортом, а также выполнять взаимосвязанный с данной деятельностью мониторинг здоровья человека: (а) «Соникум сон» дает советы по улучшению качества сна; (б) «Мой

сахар» помогает лицам с диабетом; (в) навык «Так здорово» рассказывает о принципах здорового образа жизни, подсказывает как правильно питаться и тренироваться (разработан совместно с Минздравом России); (г) «Физрук, посчитай» ориентирован на разработку комплекса упражнений и подсчет количества их выполнения; (д) «Здоровая разминка» предлагает много полезных упражнений и может составить программу на каждый день; имеет систему поощрений; (д) «Фехтовальная тренировка» учит фехтовальному перемещению; (е) «Табата тренер» отвечает за интервальную тренировку высокой интенсивности; (ж) «Спортивный дневник» помогает организовывать матчи, тренировки или викторины по футболу, баскетболу и волейболу; (з) «Храм йоги» выступает в роли инструктора указанного вида спорта; (и) «Зарядка для энергии» представляет собой уникальный набор упражнений для гимнастики; (й) «Вредная еда» в форме игры рассказывает о нездоровых ингредиентах; (к) навык «Идеальный вес и масса тела» способен рассчитать индекс массы тела; (л) «Минута Дыхания» помогает делать соответствующие упражнения и снимать стресс; (м)

Рис. 3. Взаимокорреляция преподавания физической культуры студентам высших учебных заведений с цифровыми реалиями (рисунок наш)

«Дыхательные упражнения» включают в себя гимнастику Вима Хофа; (н) «Легкое дыхание» ориентировано на выполнение медитаций с инструктором; (о) «Медитация просто» – практика, сконцентрированная на тренировке внимания и осознанности и т.д.

Для преподавателя физической культуры и спорта данные, скомпилированные ИИ-ассистентом «Алиса» и библиотека ее «навыков», помогают организовывать учебный процесс с учетом индивидуальных особенностей организма каждого студента – гипотетически, можно действовать по принципу работы медицинского пер-

сонала, а именно: в момент записи через ЕМИАС пациент онлайн проходит короткий опрос умного сервиса, с какими жалобами он идет к конкретному специалисту (выбирает предлагаемые из списка симптомы и может дописать в комментариях дополнительную информацию). На основе полученных ответов ИИ анализирует электронную медицинскую карту, результаты и заключения прошлых лет, назначаемые ранее препараты, «включая все предыдущие обращения, диагностику, даже вызовы скорой помощи и госпитализации, связанные с жалобами, с которыми пациент обращается в данный момент» [5] – сводка собранной информации передается врачу.

Таким же образом можно адаптировать приложение под работу преподавателей физической культуры и тренеров. Пока технологии не достигли данного уровня, с согласия студента преподаватель может получить данные о здоровье студента, требующиеся при допуске к конкретным физическим нагрузкам, что поможет облегчить, оптимизировать и ускорить процесс формирования карты здоровья обучающихся в контексте организации учебного процесса.

Данные, получаемые через ассистента «Алиса», могут поступать также на умные часы, аккумулирующие, в т.ч. информацию об активности пользователя (количестве сделанных шагов, времени, затраченном на тренировочный процесс или сон и т.д.), продолжительности и видах выполненных спортивных упражнений, потребляемых калориях, объеме выпитой воды, пульсе, кислороде в крови, уровне стресса и т.д. Контроль параметров активности человека, выполняемый с помощью смарт-часов – это «осознанный подход к планированию физической деятельности» [3, с. 27], повышающий мотивацию к ведению подвижного здорового образа жизни. За счет того, что на умных часах можно увидеть детально расписанные день/неделя/месяц пользователя: сколько он сделал шагов, потратил калорий, двигался и пр., у человека формируется навык проактивности – визуализированный результат, включающий в себя ежесекундный отчет о состоянии организма, помогает расставлять приоритеты, заставляет принимать ответственность за свою физическую активность и показатели здорового образа жизни, ориентирует на конкретный результат, демонстрирует, как человек способен влиять на исход и подсказывает, каким образом можно добиваться желаемого. «Накопление» потраченных килокалорий или шагов до «круглой цифры» создает чувство контроля и перспективы «выигрыша». Более того, проактивное поведение отвечает за мотивационно-потребностную сферу – «в сознании проактивной личности доминируют потребности высшего порядка – в красоте, познании, саморазвитии и самореализации» [2, с. 82]. Таким образом, преподаватели с помощью данных со смарт-часов обучающихся могут контролировать выполнение упражнений и информацию о количестве

затраченных студентом ресурсов на спорт, состоянии его организма, а также ставить конкретные цели, повышать моторную плотность учебных занятий, уровень функциональной подготовленности аудитории; получают возможность «способствовать развитию соревновательного духа, организовывать спортивные игры и проводить состязания» [3, с. 27], делать мониторинг как только что выполненных заданий, так и в течение длительного периода.

Однако в процессе внедрения технологий возникают такие проблемы, как ограниченность ресурсов, необходимость подготовки преподавателей и адаптации обучающихся [13, р. 1385]. Т.о., помимо вышеперечисленных возможностей, которые открываются перед преподавателями в эпоху цифровых технологий, существуют определенные проблемы интеграции умных гаджетов и приложений в образовательный процесс: требуется разрешение к получению личных данных (не все обучающиеся или их родители готовы делиться такой информацией с работниками высшего образования), техническое оснащение – покупка и установка любого оборудования, в т.ч. ИИ-ассистента «Алисы» со специальными навыками, необходимыми в рамках образовательной программы, выполняются после подписания ряда документации и его приобретения у организации, выигравшей соответствующий тендер; необходимо обучение самих преподавателей работе с такими цифровыми помощниками.

Выводы

Выводы: к 2030 г., согласно Распоряжению Правительства России № 264-р, все субъекты физической культуры и спорта должны быть интегрированы в единую цифровую среду, поэтому преподавание исследуемой дисциплины студентам высших учебных заведений в цифровых реалиях – это уже настоящее, в котором важно успевать за технологиями и использовать их ресурсы для качественного преподавания. Среди перспективных мобильных приложений и гаджетов важно обратить внимание на потенциал электронной медицинской карты (как в примере с ЕМИАС), ИИ-ассистента «Алиса» и других нейросетей, а также умных гаджетов (смарт-часов, фитнес-браслетов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Геревенко Е.С., Гвоздиков А.А. Цифровые технологии в физической культуре и спорте: современные тренды и перспективы // Вестник науки. 2025. №7 (88). С. 488–496.
2. Ерзин А.И., Епанчинцева Г.А. Понятие проактивности в современной психологии // Теоретическая и экспериментальная психология. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-proaktivnosti-v-sovremennoy-psihologii> (дата обращения: 17.10.2025).
3. Каратаева Т.Ю., Перепелюкова Е.В., Стерлигова Е.А., Фомина Л.Б. Использование смарт-часов в обучении физическому воспитанию студентов // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. 2024. №11. С. 25–31. <https://doi.org/10.24412/2305-8404-2024-11-25-31>.
4. Костарнова Н. Здоровье перетекает в цифру // Газета «Коммерсантъ» №150 от 20.08.2025. С. 5.
5. Петров Н.Г., Угодин С.Д. Анализ влияния технологий на уровень физической активности студентов медицинских вузов // Дневник науки. 2024. №10. 9 с.
6. Проценко Л.В. В Москве цифровые сервисы помогают врачам точнее ставить диагнозы // RG.RU. Статья от 25.07.2025. URL: <https://rg.ru/2025/07/25/reg-cfo/>

- podkliuchi-alisu.html (дата обращения: 18.10.2025).
7. Распоряжение Правительства РФ от 07.02.2024 № 264-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации физической культуры и спорта на период до 2030 года».
 8. Сбездоровье. Официальный сайт: <https://sberhealth.ru/> (дата обращения: 18.10.2025).
 9. Смирнова А. «Интернет тел»: между кожей и облаком // ВЦИОМ. Статья от 26 мая 2025 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/internet-tel-mezhdu-kozhei-i-oblakom> (дата обращения: 17.10.2025).
 10. Халтурина О.А., Терешкина Н.Е. Реализация федерального проекта «Спорт – норма жизни» в Российской Федерации // *Индустриальная экономика*. 2023. №6. С. 115–121. https://doi.org/10.47576/2949-1886_2023_6_115.
 11. Чернышев С.В., Саблин А.Б., Разинков Д.В. Эффективность внедрения цифровых технологий на занятиях по физической культуре в образовательных организациях высшего образования // *Физическое воспитание и студенческий спорт*. 2025. №3. С. 251–256. doi:10.18500/2782–4594-2025-4-3-251-256.
 12. Эльтемеров А.А. Цифровые компетенции специалистов в области физической культуры и спорта // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2023. №7 (133). 5 с. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.133.66>.
 13. Zhang G.L.L. (2024) Digital Transformation in Physical Education: The Application of Intelligent Technology in Enhancing the Effectiveness of Sports Teaching // *Journal of Electrical Systems* 20(2):1385–1391. <https://doi.org/10.52783/jes.1365>.
 14. Антипов О.В. Цифровые технологии в студенческом футболе / О.В. Антипов, Е.Ю. Суханова, В.Е. Луцюк // *Право, история, педагогика и современность: Сборник статей V Международной научно-практической конференции, Пенза, 30–31 января 2024 года.* – Пенза: Пензенский государственный университет, 2024. – С. 18–21.
 15. Антипов О.В. Влияние цифровых технологий на мотивацию обучающихся к занятиям физической культурой / О.В. Антипов, М.В. Куликова, Р.В. Гежа // *Актуальные проблемы ветеринарной медицины, зоотехнии, биотехнологии и экспертизы сырья и продуктов животного происхождения: Сборник трудов 3-й Научно-практической конференции, Москва, 28 июня 2024 года.* – Москва: ООО «Издательство «Сельскохозяйственные Технологии», 2024. – С. 523–524.
 16. Антипов О.В. Применение комплексного подхода при оценивании подготовленности студентов в фиджитал спорте / О.В. Антипов, Е.Ю. Суханова, Р.В. Гежа // *Современные технологии в российской и зарубежных системах образования: Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции, Пенза, 14–15 апреля 2025 года.* – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. – С. 6–9.
 17. Антипов О.В. Студенческий фиджитал спорт как современная составляющая спортивного движения в молодежной среде / О.В. Антипов, А.М. Сурков, М.В. Куликова // *Флагман науки.* – 2025. – № 3(26). – С. 712–714.
 18. Суханова Е.Ю. Цифровые технологии в преподавании физической культуры / Е.Ю. Суханова, Ю.Л. Першин, Н.Н. Штукин // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки.* – 2023. – № 3–2. – С. 104–107.
 19. Антипов О.В. Развитие киберспорта как актуального направления студенческого спорта в аграрных вузах / О.В. Антипов, А.М. Сурков, Р.В. Гежа // *Физическая культура и спорт в высших учебных заведениях: актуальные вопросы теории и практики : сборник статей по материалам национальной научно-практической конференции, посвященной 70-летию образования кафедры физического воспитания Кубанского ГАУ, Краснодар, 28–29 октября 2020 года.* – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2020. – С. 194–197.

© Куликова Мария Викторовна (marikulikova93@gmail.com), Штукин Николай Николаевич (domosed.avia@mail.ru),
Нюрксне Лариса Алексеевна (nurksne@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОЗИЦИЯ ЛИЧНОСТИ КАК СУБЪЕКТА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ

Миклошевич Ксения Станиславовна

Начальник адъюнктуры, Федеральное государственное
казенное образовательное учреждение высшего
образования Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Mikloshevichks@mail.ru

PERSONAL POSITION AS A SUBJECT OF AN INDIVIDUAL EDUCATIONAL TRAJECTORY

K. Mikloshevich

Summary: This article examines the individual's position as the primary influence on a student's individual educational trajectory. Particular attention is paid to the importance of personal motivation, identity, and self-determination in the educational process. A pedagogical model aimed at supporting the individual educational needs and goals of each student is presented. The expected results of testing the pedagogical model are discussed. Criteria for the effectiveness of the developed pedagogical model are identified.

Keywords: individual position, individual educational trajectory, student-centered learning, pedagogical model, motivation, self-determination.

Аннотация: В данной статье рассматривается позиция личности как главного субъекта, влияющего на индивидуальную образовательную траекторию обучающегося. Особое внимание уделяется значениям личной мотивации, идентичности и самоопределения в образовательном процессе. Представлена педагогическая модель, направленная на поддержку индивидуальных образовательных потребностей и целей каждого обучающегося. Рассмотрены ожидаемые результаты апробации педагогической модели. Выявлены критерии эффективности разработанной педагогической модели.

Ключевые слова: позиция личности, индивидуальная образовательная траектория, личностно-ориентированное обучение, педагогическая модель, мотивация, самоопределение.

Введение

Современное образование сталкивается с вызовами, связанными с изменениями в социально-экономической и технологической сферах. В условиях глобализации обучение требует активации личностной позиции обучающегося, что определяет важность формирования индивидуальных образовательных траекторий (ИОТ).

Индивидуализация образовательного процесса возможна лишь при активном взаимодействии обучающегося и учебной среды, что требует осознания своей роли в образовательном процессе. В данном контексте исследование позиции личности как субъекта ИОТ становится актуальным, поскольку она является движущей силой для достижения успеха в обучении и развитии.

Основной целью данного исследования является детальное изучение структуры и функций позиции личности в рамках формирования индивидуальной образовательной траектории, а также разработка педагогической модели, направленной на внедрение позитивных изменений в подходах к обучению.

В соответствии с целью исследовательской работы запланированы следующие задачи: 1. Выявление основных компонентов и анализ определения понятия «индивидуальная образовательная траектория». 2. Проведение обзора существующей литературы по выбранной тематике. 3. Создание и описание педагогической модели, поддержи-

вающей ИОТ с акцентом на активизацию позиции личности. 4. Выявить ожидаемые результаты реализации педагогической модели. 5. Оценка эффективности предложенной модели и выработка рекомендаций для ее внедрения.

Методы исследования. В исследовательской деятельности использовались различные методы, что обеспечило комплексный подход: анализ и синтез литературных источников позволил выявить ключевые аспекты существующей теории и практики в области индивидуализации образования. Социологические методы (опросы, интервью) позволили собрать качественные данные об опыте обучающихся и педагогов, их мнениях и предпочтениях.

Результаты исследования. Исследование подтвердило, что позиция личности формируется на основе осознанных мотивов и целей, определяющих образовательные предпочтения. Индивидуальная образовательная траектория, в свою очередь, является многоступенчатым процессом, который включает в себя выбор предметов, форматов обучения и темпов освоения материалов. Основными факторами, влияющими на успешность этой траектории, являются поддержка со стороны педагогов, а также доступ к разнообразным образовательным ресурсам и самооценка обучающегося. ИОТ требует от обучающегося активного участия в собственном обучении, что делает его не просто пассивным слушателем, а активным создателем своего образовательного пути. Четкое понимание данного понятия позволяет разработать стратегии, способствующие успешному образовательному процессу.

Определение понятия «индивидуальная образовательная траектория» в научных исследованиях формулируется по-разному. Например, в работах И.С. Якиманской данное понятие определяется как «персональный путь реализации личностного потенциала каждого обучающегося» [10]. А.В. Хуторской утверждает, что «построение каждым обучающимся индивидуальной траектории своего образования является задачей эвристического обучения» [8]. Н.Н. Суртаева трактует индивидуальную образовательную траекторию как «определённую последовательность элементов учебной деятельности каждого учащегося по реализации собственных образовательных целей, соответствующую его способностям, возможностям, мотивации, интересам» [5]. И.Н. Бухтиярова рассматривает индивидуальную образовательную траекторию как «проявление стиля учебной деятельности каждого обучающегося, соответствующего его мотивации, обученности и осуществляемое в сотрудничестве с преподавателем» [7].

В соответствии с вышесказанными определениями понятия «индивидуальная образовательная траектория» сформулируем авторское определение понятия как персонализированный путь обучения, учитывающий уникальные интересы, способности, запросы и цели обучающегося, а также специфические условия и ресурсы креативной учебной среды.

Позиция личности в образовательном процессе подразумевает активную роль обучающегося, который осознает свои потребности и цели, готов принимать решения о своем обучении. Эта позиция включает в себя элементы самоопределения, ответственности и мотивации. Личность не только усваивает информацию, но и критически ее оценивает, адаптирует под свои нужды и применяет в различных жизненных контекстах. Такой подход формирует у обучающегося чувство принадлежности к образовательному процессу и стремление к самосовершенствованию.

Анализ литературы показал, что тема индивидуализации образования активно исследуется как в отечественной, так и в зарубежной практике. Научные работы подчеркивают важность создания условий для активного участия обучающегося в образовательном процессе, описывают методологические подходы и стратегии, которые способствуют формированию ИОТ. Важные выводы заключаются в необходимости использования различных форматов обучения, включая проектное, проблемное и исследовательское обучение, которые помогают развивать личностную позицию и мотивируют учащихся к активному обучению. В исследованиях Н.В. Мельниковой акцентируется внимание на том, что личностно ориентированное обучение способствует формированию у обучающегося активной позиции в образовательном процессе [9]. Автор описывает, как именно формируется позиция личности, и какие аспекты являются ключевыми для самосознания и самоопределения

обучающихся. Исследование подчеркивает, что такая позиция помогает им не только осознавать свои образовательные потребности, но и активно участвовать в процессе их удовлетворения [4].

И.С. Лукьянова в своем исследовании рассматривает процессы индивидуализации образования в контексте развития личности [10]. А.Н. Соловьев в своей работе анализирует позитивное влияние активных методов обучения на формирование позиции личности [2]. Л.И. Кузнецова в работе рассматриваются факторы, влияющие на мотивацию учебной деятельности, и как эти факторы формируют образовательные установки обучающегося. Автор предлагает рекомендации для педагогов, направленные на создание мотивационных условий, что способствует более осознанному выбору индивидуального образовательного пути [1]. В соответствии с вышеописанным анализом литературы выявлена необходимость разработки педагогической модели, ориентированной на позицию личности как субъекта индивидуальной образовательной траектории. Основной целью разработанной педагогической модели является создание условий для реализации индивидуальных образовательных траекторий через активное участие обучающегося и поддержку его позиции (рис.1).

Разработанная педагогическая модель включает в себя несколько ключевых компонентов, которые организуют и структурируют образовательный процесс таким образом, чтобы поддерживать индивидуальные образовательные траектории обучающихся.

Все компоненты находятся в тесной взаимосвязи между собой в креативной учебной среде обучения. Рассмотрим каждый компонент в отдельности. Проведение индивидуальных консультаций предусматривает личностно-ориентированную поддержку от педагогов, в ходе которых развивается система доверительных взаимоотношений, посредством организации онлайн-встреч, виртуальных консультаций и т.д. Следующий важный компонент педагогической модели – проектная деятельность.

Посредством, которой можно развивать креативные компетенции у обучающихся, такие как умение, работать в команде, креативное решение поставленных задач, творческий подход, формирование лидерских качеств личности и навыки публичного представления проектной идеи. Проекты могут охватывать различные области знаний и давать возможность применять полученные знания на практике. Методы реализации: создание мультидисциплинарных команд для выполнения междисциплинарных проектов; поддержка и менторство со стороны педагогов с целью улучшения проектной заявки; разработка критериев оценки проектов учитывающий современные реалии науки, техники и системы образования. Следующий компонент педагогической модели предполагает применение элементов дистанционного самообучения и взаимодействия, посред-

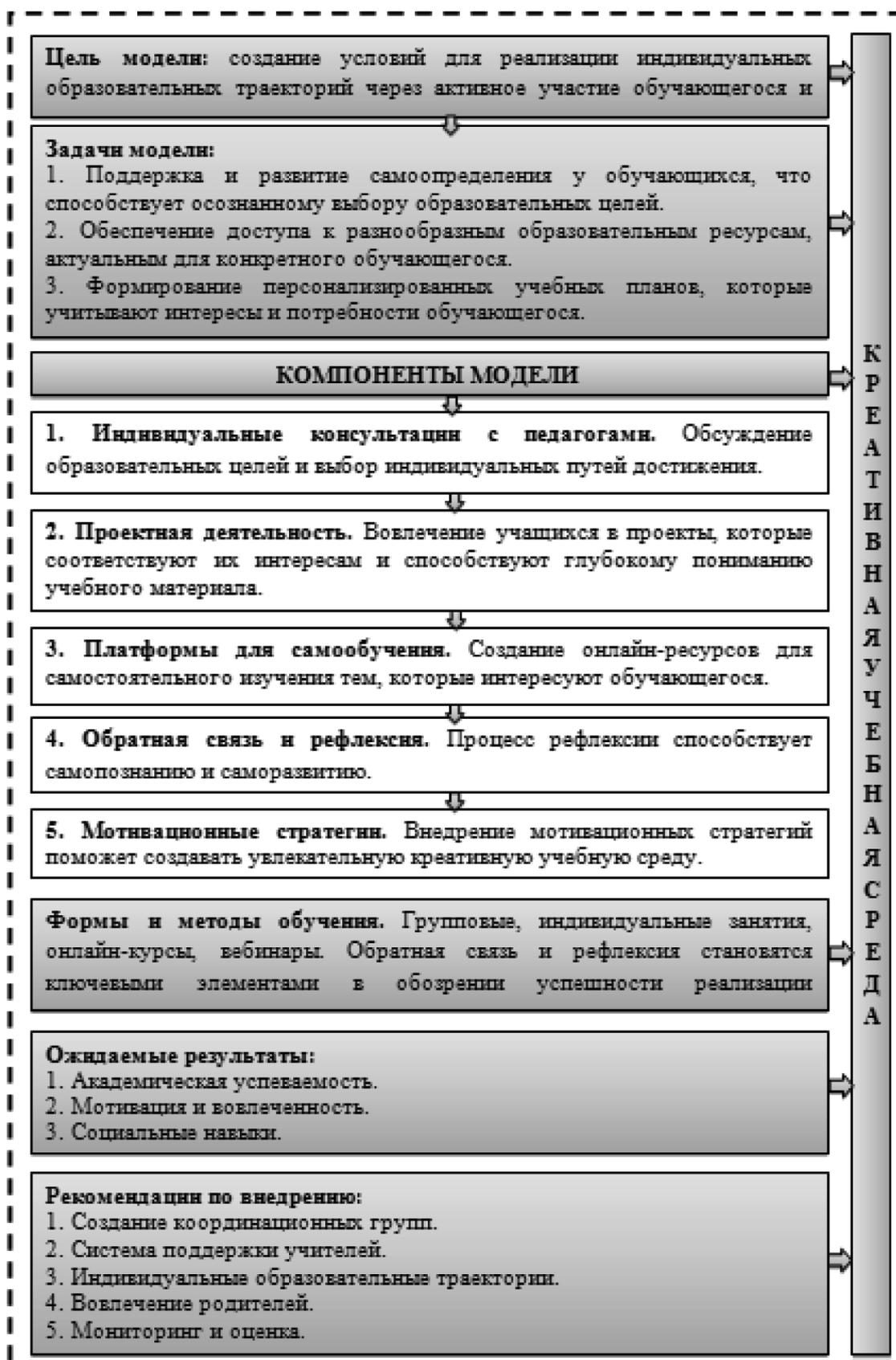

Рис. 1. Педагогическая модель реализации индивидуальных образовательных траекторий через активное участие обучающегося и поддержку его позиции

ством внедрения в обучение онлайн-платформ, вебинаров, онлайн-курсов, обучающих видеороликов, онлайн-библиотек и т.д. Важным компонентом педагогической модели является получение обратной связи от обучающихся и проведение качественной рефлексии образовательной детальности. Методы реализации: регулярные обратные связи по выполненным заданиям и проектам, включая как индивидуальные, так и групповые обсуждения результатов; использование рефлексивных журналов, где обучающиеся могут записывать свои мысли о процессе обучения; проведение сессий по само рефлексии, на которых обучающиеся могут делиться своими взглядами на учебный процесс. 5. Мотивация играет ключевую роль в образовательном процессе, и её поддержание является обязательным аспектом педагогической модели. Внедрение мотивационных стратегий поможет создавать увлекательную креативную учебную среду. Методы реализации: применение геймификации в обучении (использование игровых элементов в учебном процессе); внедрение системы и признаний за достижения в учёбе; организация конкурсов и мероприятий для повышения увлеченности обучающихся.

Использование различных форматов обучения в рамках педагогической модели, таких как групповые и индивидуальные занятия, онлайн-курсы и вебинары, способствует разнообразию методов обучения и активизации интереса обучающихся. Обратная связь и рефлексия становятся ключевыми элементами в обозрении успешности реализации индивидуальных образовательных траекторий.

Для успешного внедрения предложенной модели рекомендуется создать координационные группы на уровне учебных заведений, обеспечивая взаимодействие между педагогами, учащимися и родителями. Важно внедрить систему поддержки для учителей, чтобы они могли эффективно направлять и поддерживать учащихся в их индивидуальных образовательных траекториях.

Ожидаемые результаты внедрения педагогической модели: 1. Академическая успеваемость: повышение среднего балла обучающихся на 15% по основным предметам в конце учебного года; снижение числа обучающихся с низкой успеваемостью на 20%. 2. Мотивация и вовлеченность: 80% обучающихся проявили более высокий интерес к учебному процессу, что подтверждается результатами анкетирования; увеличение участия обучающихся в дополнительных занятиях и кружках на 40%. 3. Социальные навыки: значительное улучшение коммуникативных навыков у 70% обучающихся, что оказалось видно в групповом взаимодействии и проектах; развитие навыков самоорганизации и управления временем, подтвержденное опросами и самооценкой обучающихся. 4. Инклюзивное образование: успешная интеграция 90% обучающихся с особыми образовательными потребностями в классный коллектив; положительные отзывы от родителей и педагогов о созданной поддерживающей образовательной среде.

Для успешного внедрения предложенной модели рекомендуется создать координационные группы на уровне

Таблица 1.

Критерии оценки эффективности педагогической модели реализации индивидуальных образовательных траекторий, через активное участие обучающегося и поддержку его позиции.

Критерий	Описание	Методы измерения
Уровень самоопределения	Измеряет степень, в которой учащиеся могут осознанно формулировать свои образовательные цели и планы.	Опросы, интервью, анализ самоотчетов.
Доступ к ресурсам	Оценивает, насколько эффективно учащиеся могут использовать доступные образовательные ресурсы.	Анкеты, мониторинг использования ресурсов.
Индивидуализация учебного плана	Анализирует, насколько учебные планы соответствуют интересам, потребностям и способностям обучающихся.	Сравнительный анализ учебных планов.
Активность и вовлеченность учащихся	Измеряет активное участие обучающихся в проектной деятельности и образовательном процессе.	Наблюдения, фокус-группы, опросы.
Уровень мотивации	Оценивает мотивацию обучающихся к учебной деятельности и ее изменения в процессе обучения.	Опросы, тесты на мотивацию.
Обратная связь и рефлексия	Анализирует качество обратной связи от обучающихся и их способность к рефлексии по поводу учебного процесса.	Анкеты, самоотчеты, обсуждения в группах.
Удовлетворенность образовательным процессом	Измеряет общий уровень удовлетворенности учащихся образовательным процессом и условиями обучения.	Опросы, анкеты о качестве обучения.
Учебные результаты	Оценивает успехи обучающихся, фиксируемые в учебных планах и тестовых заданиях.	Анализ успеваемости, тестирование.
Влияние на личностное развитие	Оценивает, в какой степени образовательный процесс помогает обучающимся развивать личностные качества и навыки.	Опросы, самооценка, наблюдения.

не учебных заведений, обеспечивая взаимодействие между педагогами, учащимися и родителями.

Для эффективной оценки разработанной педагогической модели, целью которой является создание условий для реализации индивидуальных образовательных траекторий, рекомендуется использовать четкие и измеримые критерии. Таблица ниже содержит основные критерии оценки, описание каждого из них и соответствующие методы измерения (табл. 1).

Внедрение таких моделей в образовательный процесс не только актуально, но и необходимо для создания эффективной, ориентированной на личность образовательной системы. Создание условий для индивидуализации образования и активного участия обучающегося станет важным шагом к обеспечению качества и доступности образования в современном мире.

Выводы

1. Сформулировано авторское определение понятия

«индивидуальная образовательная траектория» сформулируем как персонализированный путь обучения, учитывающий уникальные интересы, способности, запросы и цели обучающегося, а также специфические условия и ресурсы креативной учебной среды.

2. Проведен обзор существующей литературы по выбранной тематике.
3. Разработана педагогическая модель в основу, которой заложены, пять основных компонентов, такие как индивидуальные консультации с педагогами; проектная деятельность; платформы для самообучения; обратная связь и рефлексия; мотивационные стратегии.
4. Выявлены ожидаемые результаты реализации педагогической модели: академическая успеваемость; мотивация и вовлеченность; социальные навыки.
5. Разработаны критерии оценки эффективности педагогической модели реализации индивидуальных образовательных траекторий, через активное участие обучающегося и поддержку его позиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев С.В. Индивидуальная траектория развития ребенка: педагогический миф или образовательная реальность? (из опыта работы МБУДО БДДТ) / С.В. Андреев, А.И. Маматова // Педагогика и современное образование: сборник статей XIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 декабря 2020 года. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. – С. 153–155.
2. К вопросу о профессионально-личностном выгорании преподавателей физкультурных вузов / Н.Г. Дмитриева, Н.Ф. Лукиянец, Г.А. Ильин, А.Н. Соловьев // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. – 2024. – № 2(20). – С. 90–97.
3. Лебединцев В.Б. Как проводить коллективное обучение по индивидуальным маршрутам / В.Б. Лебединцев // Школьные технологии. – 2021. – № 5. – С. 106–115.
4. Новичков С.С. Индивидуальная образовательная траектория в цифровой образовательной среде. Равные возможности каждому ребенку / С.С. Новичков // Реализация ФГОС среднего общего образования в цифровой образовательной среде: Сборник материалов II Межрегиональной научно-практической конференции, Москва, 17 февраля 2021 года. Том Выпуск 6. – Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2021. – С. 23–25.
5. Суртаева Н.Н. Воспитание и социализация человека в пространстве индивидуальной и социальной жизни в тьюторской деятельности / Н.Н. Суртаева // Воспитание и социализация в современной социокультурной среде: Сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23–27 ноября 2020 года / Отв. редакторы С.В. Кривых, А.Д. Абашина. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2020. – С. 14–17.
6. Тимошина Т.А. Подходы к определению понятия «индивидуальная образовательная траектория» в педагогической науке / Т.А. Тимошина // Российский научный журнал. – 2011. – № 3(22). – С. 236–241.
7. Филипова А.Г. Социальная активность детей и общественные организации: ресурсы, ограничения и возможности участия / А.Г. Филипова, И.Н. Бухтиярова, Е.М. Скрыпникова // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2023. – Т. 29, № 1. – С. 147–155. – DOI 10.34216/2073–1426-2023-29-1-147-155.
8. Хуторской А.В. Социокультурная роль славянского этноса в развитии личности / А.В. Хуторской // Социокультурные, психологические и педагогические координаты развития личности: Материалы Международной научно-практической конференции, Владимир, 05–06 октября 2023 года. – Владимир: Издательско-полиграфическая компания «Транзит-ИКС», 2023. – С. 211–214.
9. Шестакова А.Д. Функции и функциональность идей педагогической поддержки обучающегося / А.Д. Шестакова, Н.В. Мельникова // Наука. Технологии. Инновации: Сборник научных трудов. В 9 частях, Новосибирск, 30 ноября – 04 2020 года / Под редакцией А.В. Гадюкиной. Том Часть 8. – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2020. – С. 371–375.
10. Якиманская И.С. Психологические особенности саморегуляции школьников в различных образовательных средах / И.С. Якиманская // Мир науки. Педагогика и психология. – 2024. – Т. 12, № 1.

© Миклошевич Ксения Станиславовна (Mikloshevichks@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВАЖНОСТЬ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДЛЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В ВЕК ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

IMPORTANCE OF PHYSICAL EDUCATION FOR UNIVERSITY STUDENTS IN THE DIGITAL AGE

**L. Nyurksne
Yu. Pershin
R. Gezha**

Summary: Almost 100% of students use electronic digital devices for learning and leisure activities in their daily practice. Most students do not follow the recommended mode of using gadgets, because due to their age they are no longer subject to parental control and, at the same time, they do not have enough life experience to take full care of their health on their own – as a result, the musculoskeletal system, neck, and visual analyzer suffer. Physical inactivity aggravates acquired or existing health pathologies, which determines the expediency of physical activity and sports. Physical education is an optimal and affordable option for the prevention and correction of emerging diseases of students: thanks to a well-structured learning process, appropriately selected exercises, as well as the opportunity to stay outdoors without interrupting the overall learning process, students can avoid most problems with posture and vision. The positive experience of changing from a low-dynamic lifestyle to physical activity forms the habit of leading a healthy, active lifestyle. Gym sports and outdoor activities help restore the circadian rhythm, strengthen the musculoskeletal system, work out the musculoskeletal system, perform exercises to stretch muscles, develop flexibility and mobility in joints, and do natural gymnastics for the eyes.

Keywords: physical education, sports, higher education institution, digital technologies, mobile electronic devices, computer neck syndrome, musculoskeletal system, visual impairment.

Нюрксне Лариса Алексеевна

старший преподаватель, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
nurksne@mail.ru

Першин Юрий Лаврентьевич

старший преподаватель, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
pershin1957@mail.ru

Гежа Роман Валерьевич

старший преподаватель, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
gezha.r@yandex.ru

Аннотация: Практически 100% обучающихся используют в своей повседневной практике электронные цифровые устройства для обучения и досугового времяпрепровождения. Большинство студентов не соблюдают рекомендованный режим пользования гаджетами, так как в силу возраста уже не подчиняются родительскому контролю и, в то же время, имеют недостаточно жизненного опыта, чтобы самостоятельно в полной мере заботиться о своем здоровье – в результате страдают опорно-двигательный аппарат, шея и зрительный анализатор. Гиподинамия усугубляет приобретаемые или наличествующие патологии здоровья, что детерминирует целесообразность физических нагрузок и спорта. Оптимальным и доступным вариантом профилактики и коррекции возникающих заболеваний студенческой молодежи являются занятия физической культурой: благодаря грамотно выстроенному учебному процессу, релевантно подобранным упражнениям, а также возможности пребывать на свежем воздухе, не прерывая общий учебный процесс, у обучающихся появляется возможность избежать большинства проблем с осанкой и зрением. Позитивный опыт смены гиподинамичного образа жизни на физическую активность формирует привычку ведения здорового подвижного образа жизни. Спорт в зале и занятия на свежем воздухе помогают восстанавливать циркадный ритм, укреплять мышечно-связанный аппарат, прорабатывать опорно-двигательную систему, выполнять упражнения для растяжки мышц, развития гибкости и подвижности в суставах, делать естественную гимнастику для глаз.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, высшее учебное заведение, цифровые технологии, мобильные электронные устройства, синдром компьютерной шеи, опорно-двигательный аппарат, нарушение зрения.

Введение

Век современных технологий существенно модернизировал и видоизменил множество процессов и быт человека, однако, привнес свои коррективы, имеющие определенные негативные оттенки: длитель-

ное использование экрана снижает частоту моргания примерно на 66%, что приводит к неполному морганию и недостаточному обновлению слезной пленки – это усугубляет сухость и дискомфорт в глазах [11]; неправильное положение тела более 4-х часов в день влечет за собой проблемы с осанкой и болевые синдромы в спине и шее.

Тенденции цифровизации и приобретения мобильных устройств, персональных компьютеров (ПК) и ноутбуков коснулись молодежь образовательных организаций с 2020 г., когда все стали массово переходить на онлайн-обучение [12, р. 1322]. С тех пор в большинстве сфер образовательной деятельности интегрированы различные технологии и связанные с ними сервисы и мобильные приложения. По данным Минцифры, с 01 сентября 2025 г. в России введены:

- (а) электронные студенческие билеты и зачетные книжки, которые «доступны для обучающихся 76 вузов... и более 90 высших учебных заведений планируют подключить эту функцию до конца года» [8];
- (б) QR-коды для подтверждения статуса обучения;
- (в) синхронизация данных по образовательной деятельности и успеваемости с порталом «Госуслуг» (государственной информационной системой «Единый портал государственных и муниципальных услуг») [8].

В т.ч. обучение уже несколько лет включает в себя цифровые задания, онлайн-лекции и тренировки, а также гаджеты для их выполнения, мобильные телефоны, аккумулирующие в себе все вышеперечисленные приложения. Большое количество времени, проводимое в интернете за мобильными устройствами, заставляет человека принимать статичное, часто неправильное положение тела, снижает физические нагрузки и активность.

Исследование, проведенное среди студентов университетов, показало, что примерно каждый третий обучающийся страдает номофобией (боязнь остаться без мобильного телефона наблюдается у 77% респондентов традиционного студенческого возраста – от 18-ти до 24-х лет) [9, р. 295]. По этим причинам занятия по физической культуре и спорту в высших учебных заведениях приобретают иной облик и релевантность, чем в доцифровую эпоху: очевидна важность включения в жизнь обучающихся физических нагрузок и формирования привычки подвижного образа жизни, чтобы времяпрепровождение за гаджетами не снижало качество здоровья, а свободные часы, получаемые за счет цифровизации большинства сфер деятельности человека, были потрачены на активный досуг: спорт, туризм, прогулки на свежем воздухе и т.д.

На гистограмме представлены заболевания, наиболее распространенные среди обучающихся высших учебных заведений, спровоцированные несоблюдением гигиенических требований пользования цифровыми устройствами (см. рисунок 1):

Сочетание повторяющихся движений (*RSI* – от англ. *“Repetitive Strain Injury”*), неправильной осанки и чрезмерного использования телефона для отправки текстовых сообщений и игр, а также учебы без перерывов может приве-

сти к повреждению нервов, мышц и сухожилий в пальцах, кистях, запястьях, предплечьях, локтях, плечах и шее – если не обращать на это внимания, в дальнейшем могут возникнуть более серьезные проблемы со здоровьем [12, р. 1322].

Материалы и методы

Материалы и методы основаны на системном подходе и включают анализ, синтез и систематизацию материала, аналитику и обработку статистических данных.

Результаты и обсуждение

Согласно статистическим данным Е.А. Рязановой, Д.Н. Лир, Д.Ш. Загидуллиной (2023), «обучающиеся в своей ежедневной деятельности используют смартфон (99,6% респондентов) и / или ноутбук (83%)» [5, с. 85]. У большинства студенческой молодежи одной из проблем, возникающих вследствие злоупотребления гаджетами, является синдром компьютерной шеи («текст-шейный синдром», англ. *“text neck syndrome”*), в т.ч., на ежегодных медицинских осмотрах выявляется ряд патологий, среди которых лидируют: сбой циркадного ритма, «заболевания опорно-двигательного аппарата, зрительного анализатора, желудочно-кишечного тракта и др.; ... наблюдается существенное снижение уровня физической подготовленности» [3, с. 139]. Недостаточная двигательная активность, вызванная преимущественно вследствие злоупотребления электронными устройствами, влечет за собой «нарушение рациона и режима питания» [3, с. 139]. Наиболее частые патологии, связанные с гиподинамичным образом жизни и чрезмерным использованием цифровыми устройствами представлены на рисунке 2:

«Текст-шейный синдром» – часто встречающееся заболевание у студентов, поскольку они долгое время держат голову опущенной вниз при использовании мобильных телефонов. Это приводит к инвалидизации [12, р. 1322]. Данная патология также дефинируется, как «синдром компьютерной шеи» – состояние, вызванное чрезмерной нагрузкой или повторяющимися стрессовыми травмами, при которых шейный отдел позвоночника наклоняется вперед или вниз для максимального растяжения при просмотре смартфона или другого электронного устройства. Патология сопровождается болями в шее, ограничением подвижности шейного отдела позвоночника, снижением мышечной силы и выносливости, изменением положения шейных суставов, а также такими нарушениями осанки, как: наклон головы вперед и округление плеч [13, р. 245]. Корректируется и профилактируется с помощью регулярных тренировок, включающих «упражнения на укрепление мышц кора (пресс, поясница) и верхней части спины, для чего подходят пилатес, йога, фитнес» [7]. Дж. Шах и К. Сони (*Shah, Soni 2021*) в результате своих клинических исследований также пришли к выводу, что именно пилатес в сочетании

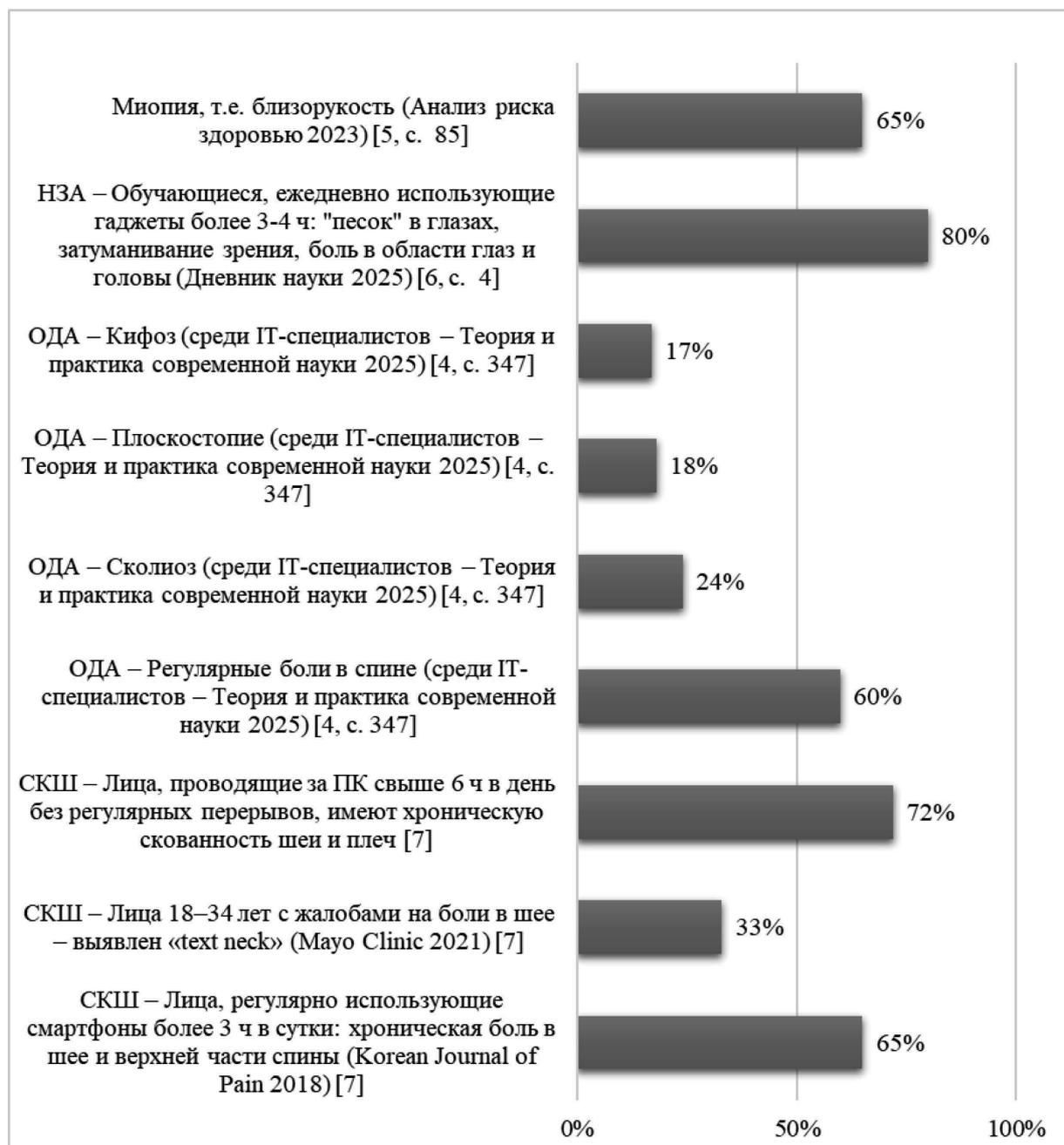

Рис. 1. Статистика заболеваемости в результате игнорирования установленного гигиенического норматива пользования электронными цифровыми устройствами (рисунок наш)

с обычной программой упражнений более эффективен при лечении пациентов с синдромом «текстовой шеи», чем традиционные тренировки [12, р. 1322]. Физические упражнения – самый эффективный способ лечения пациентов с болью в шее, – подчеркивают Дж. Шах и К. Сони: ослабленные мышцы спины следует укреплять, а укороченные мышцы – удлинять, чтобы улучшить осанку и облегчить «текст-шейный синдром» [12, р. 1322].

Помимо шеи, неконтролируемое пользование мобильными устройствами и персональными компьютерами (ПК) может вызвать патологии опорно-двигательного

аппарата. Исследования С.И. Янга, Н.К. Ли, К.У. Канга, К. Ким (*Jung, Lee, Kang, Kim 2016*) демонстрируют, что длительное использование смартфонов может негативно повлиять как на осанку, так и вызвать дыхательную недостаточность (дыхательная функция в сидячем положении значительно ниже, чем в других позах) [11, р. 186], а именно, спровоцировать: головную боль, боли в шее, височно-нижнечелюстные расстройства, заболевания тела позвонка, изменения длины и прочности мягких тканей, а также дискинезию лопаток и плеч [11, р. 187]. «Вышеперечисленным нарушениям опорно-двигательного аппарата присущи слабость и дистрофия мышечного корсета

Рис. 2. Наиболее часто встречаемые патологии здоровья, спровоцированные у обучающихся высших школ бесконтрольным использованием электронными цифровыми устройствами (рисунок наш)

спины» [2, с. 71], укрепление которого помогает поддерживать правильное положение тела, кроме этого, с помощью специальных упражнений развивается подвижность в позвоночнике, тренируется мышечно-связанный аппарат. В основе тренировки должны быть наклоны и повороты в различных направлениях; плавные движения без резких переходов; корригирующие, деторсионные, асимметричные и симметричные упражнения [7].

Вследствие того, что обучающиеся не придерживаются установленного гигиенического норматива пользования гаджетами и ПК (как правило, время работы с электронными цифровыми устройствами превышает 4-х часов), возникают нарушения зрительного анализатора, миопия и другие патологии зрения. Как показывают исследования Е.А. Рязановой, Д.Н. Лир и Д.Ш. Загидуллиной (2023), «использование ноутбука (компьютера) в течение дня более 4 ч повышает вероятность развития миопии в 8,6 раза» [5]. Согласно данным российских и зарубежных исследований (Park, Choi, Ma, Moon, Moon 2014; Белова, Ленивецова, Низамова, Поляков, Шипигузова 2022; Рязанова, Лир, Загидуллина 2023), синдром «сухого глаза» различной степени выраженности отмечают 43,6 % студентов-медиков [10; 1; 5, с. 86]. Л.М. Сахапов, Д.А. Бадрисламов, Д.А. Толмачев (2025) в процессе исследования вы-

явили негативное влияние гаджетов на функциональное состояние зрительного анализатора и снижение аккомодационных возможностей у 50% испытуемых [6, с. 6]. В качестве профилактики и лечебной физической культуры важно делать гимнастику для глаз, а также чаще находиться на свежем воздухе. С учетом того, что количество занятий физической культурой и спортом в высшей непрофильной школе должно быть не менее 3-х, каждое из которых длится 1,5 часа, важно, как можно чаще проводить их на открытом воздухе, когда это позволяет погода.

Выводы

Выводы: цифровые устройства существенно облегчили процесс получения высшего образования, однако, несоблюдение установленного гигиенического норматива пользования гаджетами и персональным компьютером (ноутбуком) влечет за собой ряд патологий: «синдром компьютерной шеи», проблемы со зрением и опорно-двигательным аппаратом, а также нарушение дыхательной функции и психоэмоционального состояния. Оптимальным инструментом формирования привычки ведения здорового образа жизни и повышения физической активности являются регулярные занятия по физической культуре и спорту, обеспечиваемые вузом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова Е.В., Ленивцева А.А., Низамова Г.Р., Поляков А.В., Шипигузова С.А. Влияние электронных устройств на орган зрения во время пандемии COVID-19 // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2022. Т. 1, № 1 (36). С. 4–9.
2. Волкова А.Ю., Соломатина Н.Б., Журавская Н.С. Описание комплекса упражнения для укрепления мышц корсета спины при нарушении осанки и остеохондрозе // Научный журнал. 2015. №1 (1). С. 69–71.
3. Доронцев А.В., Порубайко Л.Н., Зинчук Н.А., Морозова О.В., Резун А.А. Распространенность синдрома «Text Neck» у студентов медицинского вуза и его влияние на здоровье // Ученые записки университета Лесгафта. 2022. №7 (209). С. 137–142.
4. Красиков В.В., Шейко Г.А. Проблемы опорно-двигательного аппарата у программистов: сколиоз, плоскостопие, кифоз. Пути профилактики // Теория и практика современной науки. 2025. №6 (120). С. 346–350.
5. Рязанова Е.А., Лир Д.Н., Загидуллина Д.Ш. Электронные цифровые устройства и риск нарушения функций зрительного анализатора обучающихся разных уровней образования // Анализ риска здоровью. 2023. №3. С. 85–92. <https://doi.org/10.21668/health.risk/2023.3.08>.
6. Сахапов Л.М., Бадрисламов Д.А., Толмачев Д.А. Влияние длительного использования гаджетов на функциональное состояние зрительного анализатора у подростков // Дневник науки. 2025. №9. 8 с.
7. Синдром компьютерной шеи: как гаджеты портят осанку и что с этим делать // Клиника экспертной медицины «Медгородок». URL: <https://medgorod-clinic.ru/stati/sindrom-kompyuternoy-shei-kak-gadzhety-portyat-osanku-i-cto-s-etim-delat/> (дата обращения: 19.10.2025).
8. Электронные студенческие билеты и зачетки появились на «Госуслугах» // РИА Новости. Статья от 20.09.2025. URL: <https://ria.ru/20240902/mintsify-1970011831.html> (дата обращения: 18.10.2025).
9. Emanuel R. (2015) The truth about smartphone addiction // College Student Journal 49(2):291-299.
10. Influence of Cellular Phone Videos and Games on Dry Eye Syndrome in University Students / J.S. Park, M.J. Choi, J.E. Ma, J.H. Moon, H.J. Moon // J. Korean Acad. Community Health Nurs. 2014. Vol. 25, № 1. Pp. 12–23. <https://doi.org/10.12799/jkachn.2014.25.1.12>.
11. Jung S.I., Lee N.K., Kang N.K., Kim K. (2016) The effect of smartphone usage time on posture and respiratory function // Journal of Physical Therapy Science 28(1):186-189. <https://doi.org/10.1589/jpts.28.186>.
12. Shah J., Soni K. (2021) Effectiveness of Pilates along with Conventional Exercise Program and Conventional Exercise Program Alone in Subjects with Text Neck Syndrome // International Journal of Science and Research (IJSR) 10(3):1322-1326. <https://doi.org/10.21275/SR21322101821>.
13. Shinde S., Bhende R. (2023) Evidence-Based Treatment Strategies For «Text Neck Syndrome»: A Review // International Journal of Occupational Safety and Health 13(2). Pp. 245-257. <https://doi.org/10.3126/ijosh.v13i2.48679>.
14. Антипов О.В. Цифровые технологии в студенческом футболе / О.В. Антипов, Е.Ю. Суханова, В.Е. Луцук // Право, история, педагогика и современность: Сборник статей V Международной научно-практической конференции, Пенза, 30–31 января 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2024. – С. 18–21.
15. Антипов О.В. Влияние цифровых технологий на мотивацию обучающихся к занятиям физической культурой / О.В. Антипов, М.В. Куликова, Р.В. Гежа // Актуальные проблемы ветеринарной медицины, зоотехнии, биотехнологии и экспертизы сырья и продуктов животного происхождения: Сборник трудов 3-й Научно-практической конференции, Москва, 28 июня 2024 года. – Москва: ООО «Издательство «Сельскохозяйственные Технологии», 2024. – С. 523–524.
16. Антипов О.В. Применение комплексного подхода при оценивании подготовленности студентов в фиджитал спорте / О.В. Антипов, Е.Ю. Суханова, Р.В. Гежа // Современные технологии в российской и зарубежных системах образования: Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции, Пенза, 14–15 апреля 2025 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. – С. 6–9.
17. Антипов О.В. Студенческий фиджитал спорт как современная составляющая спортивного движения в молодежной среде / О.В. Антипов, А.М. Сурков, М.В. Куликова // Флагман науки. – 2025. – № 3(26). – С. 712–714.
18. Суханова Е.Ю. Цифровые технологии в преподавании физической культуры / Е.Ю. Суханова, Ю.Л. Першин, Н.Н. Штукин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 3–2. – С. 104–107.
19. Антипов О.В. Развитие киберспорта как актуального направления студенческого спорта в аграрных вузах / О.В. Антипов, А.М. Сурков, Р.В. Гежа // Физическая культура и спорт в высших учебных заведениях: актуальные вопросы теории и практики : сборник статей по материалам национальной научно-практической конференции, посвященной 70-летию образования кафедры физического воспитания Кубанского ГАУ, Краснодар, 28–29 октября 2020 года. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2020. – С. 194–197. – EDN NSEYUV.

© Нюрксне Лариса Алексеевна (nurskne@mail.ru), Першин Юрий Лаврентьевич (pershin1957@mail.ru),
Гежа Роман Валерьевич (gezha.r@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Парнюк Наталья Владимировна

Преподаватель, ФГБОУ ВО Мелитопольский
государственный университет
natalyparnyuk@gmail.com

METHODOLOGICAL AND TECHNOLOGICAL ASPECTS OF THE PROBLEM OF FORMING AUTONOMY IN OLDER PRESCHOOLERS DURING LEISURE ACTIVITIES

N. Parniuk

Summary: The modern preschool education system is developing in accordance with the focus on developing socially mature individuals capable of conscious choice and responsible action and implies the need to develop pedagogical conditions for the development of children's independence as a fundamental prerequisite for successful learning at subsequent levels. In this context, methodological design of the process of developing independence in leisure activities, which possess significant potential for the free expression of initiative and the development of a child's will, acquires particular significance, as it allows us to define the essential foundations of this phenomenon and overcome its reduction to utilitarian self-care skills. Independence in older preschoolers is considered in this article as an integrative personality trait, expressed in the child's ability and persistent need for proactive, independent, and responsible action in various activities, based on developing self-awareness and mastery of regulatory skills. This article examines the methodological foundations for developing independence in older preschoolers and describes the methodological and technological aspects of implementing this process in the sphere of children's leisure activities.

Keywords: independence, independence of older preschoolers, development of independence of older preschoolers, leisure activities, organization of leisure.

Аннотация: Современная система дошкольного образования развивается в соответствии с установкой на формирование социально-зрелой личности, способной к осознанному выбору и ответственному действию, и имплицитно требует разработки педагогических условий для становления детской самостоятельности как фундаментальной предпосылки успешного обучения на последующих ступенях. В данном контексте методическое проектирование процесса формирования самостоятельности в досуговой деятельности, обладающей значительным потенциалом для свободного проявления инициативы и становления воли ребенка, приобретает особую значимость, поскольку позволяет дефинировать сущностные основания этого феномена и преодолеть его редукцию к утилитарным навыкам самообслуживания. Самостоятельность старших дошкольников рассматривается в рамках настоящей статьи как интегративное качество личности, выражающееся в способности и устойчивой потребности ребенка к инициативному, независимому и ответственному действию в различных видах деятельности, основанном на развивающемся самосознании и владении регуляторными умениями. В статье рассматриваются методические основы формирования самостоятельности старших дошкольников и описываются методико-технологические аспекты реализации данного процесса в сфере досуговой деятельности детей.

Ключевые слова: самостоятельность, самостоятельность старших дошкольников, формирование самостоятельности старших дошкольников, досуговая деятельность, организация досуга.

Введение

Актуальные тенденции развития системы дошкольного образования детерминированы новыми государственными образовательными стандартами, которые задают вектор на формирование у воспитанников ключевых личностных качеств, обеспечивающих их готовность к последующему школьному обучению. Немаловажный акцент делается на формировании самостоятельности дошкольников как интегративного свойства личности, позволяющего ребенку выступать активным субъектом деятельности, что обуславливает необходимость поиска эффективных педагогических средств для ее целенаправленного развития. Поэтому проблема формирования самостоятельности старших дошкольников в процессе досуговой деятельности,

обладающей в силу своей добровольности и эмоциональной насыщенности значительным потенциалом для стимулирования детской инициативы и становления элементов саморегуляции, требует комплексного теоретического осмысления и разработки адекватных практических решений.

Важным аспектом рассматриваемой проблемы является обращение к фундаментальным категориям свободы и необходимости, что позволяет раскрыть сущность самостоятельности как осознанной деятельности ребенка в условиях относительной свободы выбора, предоставляемой досуговой деятельностью, где формируется его способность к самоопределению и принятию ответственных решений. В этом контексте досуговая деятельность позиционируется не как времяпровождение, а

как особая ценностно-смысловая реальность, в которой происходит становление ребенка как активного субъекта этой деятельности.

Методы

В ходе исследования использовался комплекс теоретических и эмпирических методов, направленных на всестороннее изучение феномена самостоятельности в контексте досуговой деятельности: теоретический анализ философской, психолого-педагогической и методической литературы для раскрытия сущности ключевых понятий и выявления существующих подходов к проблеме; сравнительно-сопоставительный анализ для систематизации различных научных взглядов на процесс формирования самостоятельности дошкольников. Метод моделирования использовался для определения методико-технологических аспектов формирования самостоятельности старших дошкольников в процессе досуговой деятельности, включающих педагогические условия реализации данного процесса.

Результаты

Решение основной научной задачи исследования – описание методико-технологических аспектов проблемы формирования самостоятельности старших дошкольников в процессе досуговой деятельности – предполагало проведение всестороннего анализа современных исследований данного направления. Научный дискурс исследуемой проблемы охватывает разные ее аспекты.

В Большом психологическом словаре под общ. ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко [4] **самостоятельность** рассматривается как способность личности к деятельности, совершаемой без вмешательства со стороны других; способность собственными силами, умением, знаниями совершать какие-либо действия, принимать решения.

В работе Л.В. Абдульмановой и С.А. Губиной [1] **самостоятельность дошкольников** рассматривается через категорию самоорганизации, которая формируется в процессе подвижной игры и трактуется как результат создания организационно-методических условий, при которых ребенок получает возможность действовать не по образцу взрослого, а исходя из собственных намерений и внутренних побуждений. О.В. Алекинова связывает становление самостоятельности дошкольников с процессом создания учебно-дидактического материала и понимает под самостоятельностью умение самостоятельно находить способы решения задачи и организовывать последовательность действий, что способствует развитию познавательной активности и творческого мышления [2]. В свою очередь, Л.У. Алимова подходит к проблеме воспитания самостоятельности с теоретиче-

ских позиций, рассматривая ее как важнейшее качество личности дошкольника, обеспечивающее готовность к школьному обучению. По ее мнению, формирование этого качества возможно только в условиях системной педагогической работы, где сочетаются организация деятельности, использование игровых методов и целенаправленное воспитательное воздействие [3].

В.В. Борисенко раскрывает проблему через анализ изобразительной деятельности, в частности коллективного рисования. Он отмечает, что работа в совместном творческом процессе позволяет детям проявлять инициативу, договариваться друг с другом, выбирать материалы и способы изображения. Самостоятельность трактуется автором как умение принимать решения в ситуации творческого выбора, опираясь на личный замысел, и при этом сохранять согласованность действий в группе [5].

Анализ исследований позволяет сделать вывод о том, что **самостоятельность дошкольника** рассматривается современными авторами как интегральное качество, включающее инициативность, способность к самоорганизации, умение принимать решения и доводить их до результата, а также как важнейшее условие личностного развития ребенка и подготовки его к школьному обучению.

Методико-технологические аспекты проблемы формирования самостоятельности старших дошкольников в процессе досуговой деятельности охватывают важные сегменты, включая проектирование педагогических условий, стимулирующих инициативность и познавательную активность. Ключевым элементом данной системы является разработка алгоритмизированных технологий, направленных на постепенное формирование у детей навыков целеполагания, планирования и рефлексии результатов своей деятельности. Перспективным направлением, синтезирующим выявленные сегменты, представляется целенаправленная организация досуговой деятельности, где в условиях свободной, но педагогически инструментальной среды, создаются уникальные возможности для естественного проявления и развития самостоятельности как интегративного качества личности старшего дошкольника, поскольку именно в этой деятельности, находящейся на стыке свободы выбора и личной ответственности, наиболее полно актуализируются онтологические, аксиологические и праксеологические аспекты становления детской субъектности [10; 11].

Обсуждение

Возможности досуговой деятельности в формировании самостоятельности старших дошкольников являлись предметом многих исследований [6; 7; 8 и др.], в которых указывается, что специфический характер данной деятельности, сочетающий добровольность участия,

свободу выбора и творческую самореализацию, создает уникальную развивающую среду, где ребенок естественным образом побуждается к самостоятельной постановке целей, поиску ресурсов для их достижения, принятию решений и несению ответственности за полученный продукт или результат, что в совокупности обеспечивает целостное становление его субъектной позиции.

Методика формирования самостоятельности старших дошкольников в процессе досуговой деятельности представляет собой целостную систему педагогических действий, структурно объединяющую целевой, содержательный и результативный компоненты. Данная система реализуется через последовательное применение комплекса взаимосвязанных методов и приемов, направленных на развитие у детей способности к самостоятельной постановке целей, выбору средств и осуществлению осмысленной активности в условиях игрового пространства. Данная методика включает следующие взаимосвязанные этапы: первоначально осуществляется мотивационно-ориентировочный этап, направленный на формирование у детей представлений о целях и вариантах досуговой деятельности. Последующая реализация операционно-деятельностного и оценочно-рефлексивного этапов обеспечивает практическое освоение навыков самостоятельного планирования, выполнения и анализа полученных результатов.

Методико-технологические аспекты реализации данного процесса в сфере досуговой деятельности детей включают среди прочего моделирование специальных педагогических условий, опирающихся на методический аспект формирования самостоятельности старших дошкольников. В ходе исследования нами были выделены и содержательно наполнены следующие педагогические условия, способствующие эффективности данного процесса. К ним мы отнесли:

- создание предметно-пространственной среды, инициирующей самостоятельный выбор и деятельность;
- внедрение системы постепенно усложняющихся творческих задач и проектов;
- организация рефлексивной деятельности, направленной на осознание ребенком собственной самостоятельности.

Поскольку предметом нашего исследования является досуговая деятельность, педагогические условия реализовывались в данной сфере.

Под **досуговой деятельностью** старших дошкольников мы понимаем добровольную, внутренне мотивированную деятельность, осуществляемую в свободное время, которая характеризуется творческим характером, свободой выбора ее содержания и форм, и направлена на удовлетворение познавательных, комму-

никативных и эстетических потребностей ребенка, что создает уникальные предпосылки для естественного формирования самостоятельности как интегративного качества личности [9]. К основным видам досуговой деятельности старших дошкольников относятся: отдых, развлечения, праздники, самообразование и творчество.

Первое педагогическое условие – создание предметно-пространственной среды, инициирующей самостоятельный выбор и деятельность – в сфере досуговой деятельности может реализовываться через организацию содержательно-насыщенной и полифункциональной среды, которая предоставляет ребенку возможность свободного выбора рода занятий и средств для реализации собственных замыслов. Данная среда должна быть трансформируемой и вариативной, позволяя детям самостоятельно изменять пространство в зависимости от их игровых и творческих потребностей, используя для этого мягкие модули, ширмы, предметы-заместители и разные материалы, стимулирующие познавательную и творческую активность. Например, реализация данного условия может быть продемонстрирована на примере организации центра творчества «Мастерская фантазий», где размещаются разнообразные полифункциональные материалы природные объекты, ткани различной фактуры, упаковки, краски, глина, конструкторы, что позволяет ребенку самостоятельно выбирать средства для реализации собственного замысла и трансформировать пространство в соответствии с возникающими игровыми или творческими задачами, например, создавая декорации для спектакля или конструируя объемный макет.

Второе педагогическое условие – внедрение системы постепенно усложняющихся творческих задач и проектов – в сфере досуговой деятельности может реализовываться через построение последовательности проблемно-игровых ситуаций, в которых первоначальные задания репродуктивного характера закономерно сменяются заданиями с элементами творческого преобразования, а в дальнейшем – комплексными проектными замыслами, требующими от ребенка самостоятельного планирования этапов деятельности, прогнозирования результата и выбора адекватных средств для его достижения, что обеспечивает непрерывное развитие операционного и мотивационного компонентов самостоятельности. Например, в рамках досугового проекта «Театр своими руками» дети последовательно выполняют задания от создания простого персонажа из готовой бумажной формы до разработки собственного кукольного спектакля, включающего самостоятельное написание краткого сценария по знакомой сказке, изготовление сложных декораций из разных материалов и организацию репетиционного процесса, что требует от старших дошкольников проявления инициативы, планирования и решения постоянно усложняющихся творческих задач.

Третье педагогическое условие – организация рефлексивной деятельности, направленной на осознание ребенком собственной самостоятельности – реализуется через систематическое обсуждение с детьми достигнутых результатов и способов их получения, в процессе которого педагог актуализирует анализ дошкольниками собственных действий, переживаний и затруднений, что способствует формированию у них адекватной самооценки и осмыслению собственного пути от замысла к результату, закрепляя тем самым позитивный опыт проявления инициативы и ответственности за выполненные действия. Например, по завершении работы над коллективной поделкой «Наш аквариум» педагог организует рефлексивную беседу, используя открытки с вопросами: «Какую рыбку я создал?», «Что у меня получилось лучше всего?», «Кто мне помог и кому помог я?», «Что бы я сделал иначе в следующий раз?», что позволяет детям не только осознать свой личный вклад в общий проект, но и проанализировать собственные успехи и трудности, зафиксировав таким образом в сознании конкретные проявления своей самостоятельности.

Выводы

В современной дошкольной педагогике формирование самостоятельности как личностного качества рассматривается как комплексный и многогранный процесс,

становление которого происходит в деятельности и направлено на развитие у ребенка способности ставить цели, самостоятельно планировать и достигать их, проявляя инициативу и неся ответственность за результат. Одним из перспективных направлений в решении проблемы формирования самостоятельности старших дошкольников является вовлечение их в досуговую деятельность, которая представляет собой добровольную, внутренне мотивированную деятельность в свободное время, характеризующуюся творческим характером, свободой выбора содержания и форм, и направленную на удовлетворение познавательных, коммуникативных и эстетических потребностей ребенка. Данный вид деятельности создает уникальные предпосылки для естественного формирования самостоятельности как интегративного качества личности, поскольку позволяет ребенку без помощи других людей ставить цели деятельности, осуществлять элементарное планирование, реализовывать задуманное и получать результат, адекватный поставленной цели. Для раскрытия потенциала досуговой деятельности важными являются педагогические условия, к которым относятся создание предметно-пространственной среды, иницирующей самостоятельный выбор и деятельность; внедрение системы постепенно усложняющихся творческих задач и проектов; организация рефлексивной деятельности, направленной на осознание ребенком собственной самостоятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдульманова Л.В., Губина С.А. Проектирование организационно-методических условий развития самоорганизации детей в подвижной игре // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 55–7. С. 5–8.
2. Алекинова О.В. Развитие самостоятельности у дошкольников в процессе создания учебно-дидактического материала // Теория и практика образования в современном мире: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2014 г.). СПб.: Сатист, 2014. С. 47–48.
3. Алимova Л.У. Теоретическое исследование воспитания самостоятельности детей дошкольного возраста // Вопросы науки и образования. 2019. №1(44). С.24–28.
4. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. С. 672.
5. Борисенко В.В. Развитие самостоятельности в изобразительной деятельности посредством коллективного рисования у детей 5–6 лет // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2021. № 12 (65). URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/razvitie-samostoyatelnosti-v-izobrazitelnoj-deyatelnosti-posredstvom-kollektivnogo-risovaniya-u-detej-5-6-let.html> (дата обращения: 02.10.2025).
6. Волошина Л.Н., Галимская О.Г., Никулина О.В. Проблемы формирования самостоятельности и активности старших дошкольников в двигательной деятельности // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2020. Том 6, вып. 4. С. 16–27. DOI:10.18413/2313–8971-2020-6-4-0–2.
7. Жукова Г.Е. Возможности культурно-досуговой деятельности в развитии творческих способностей дошкольников в условиях взаимодействия // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2019. № 1(101). С.105–114.
8. Зайцева О.Ю. Воспитание самостоятельности через сюжетосложение у детей старшего дошкольного возраста // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т.10 № 4(37). С. 87–91.
9. Пустовойтенко Т.В. Формирование самостоятельности у детей старшего дошкольного возраста в соответствии с ФОП // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2023. № 12–2. С. 203–206.
10. Татаринцева Н.Е. Развитие инициативности у детей старшего дошкольного возраста на основе волонтерской деятельности // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2021. Том 6. Выпуск 6. С. 938–943.
11. Tatarintseva N., Berdnikova N., Zelenskaya M. The Use of Digital Technologies in the Process of Organizing Volunteer Activities of Preschoolers // E3S Web of Conferences. 2021. Vol. 273. pp.1–8. Iss. 2. DOI: 10.1051/e3sconf/202127312010.

© Парнюк Наталья Владимировна (natalyparnyuk@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Рубан Екатерина Юрьевна

Старший преподаватель, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мелитопольский государственный университет»
ruban.katya543@gmail.com

THE PHILOSOPHICAL ASPECT OF THE FORMATION OF THE ECOLOGICAL CULTURE OF FUTURE PRESCHOOL EDUCATORS

E. Ruban

Summary: The relevance of this study stems from the deepening global environmental crisis, which necessitates a revision of the foundations of teacher training and a shift in emphasis toward developing environmental awareness as a holistic ideological foundation for future professional activity. In today's context, preschool teachers are key figures in the initial socialization of individuals, laying the foundations for a value-based attitude toward nature. This necessitates the targeted development of systemic environmental thinking and moral and ethical principles for interacting with the environment. The philosophical aspect of developing environmental awareness in future preschool teachers involves identifying and substantiating the ideological and value foundations and methodological principles that determine the development of a holistic approach to nature as the basis for their professional activity and moral position. This article examines the philosophical foundations for developing environmental awareness in future preschool teachers and proposes methodological principles for this process.

Keywords: culture, environmental culture, environmental culture of future educators, formation of environmental culture of future educators, philosophy, and methodology of the process of formation of environmental culture of future educators.

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена углублением глобального экологического кризиса, что требует пересмотра основ подготовки педагогических кадров и смещения акцента на формирование экологической культуры как целостного мировоззренческого фундамента будущей профессиональной деятельности. В современных условиях именно воспитатель детей дошкольного возраста выступает ключевой фигурой в процессе первичной социализации личности, закладывающей основы ценностного отношения к природе, что обуславливает необходимость целенаправленного развития у него системного экологического мышления и нравственно-этических принципов взаимодействия с окружающим миром. Философский аспект формирования экологической культуры будущих воспитателей детей дошкольного возраста предполагает выявление и обоснование мировоззренческо-ценностных оснований и методологических принципов, определяющих становление целостного отношения к природе как к основе их профессиональной деятельности и нравственной позиции. В статье рассматриваются философские основы формирования экологической культуры будущих воспитателей детей дошкольного возраста и предлагаются методологические принципы данного процесса.

Ключевые слова: культура, экологическая культура, экологическая культура будущих воспитателей, формирование экологической культуры будущих воспитателей, философия и методология процесса формирования экологической культуры будущих воспитателей.

Введение

Современная система подготовки будущих воспитателей детей дошкольного возраста детерминирована государственными образовательными стандартами и растущими потребностями общества в формировании у подрастающего поколения основ бережного отношения к природе. Одним из компонентов такой подготовки является формирование у будущих воспитателей экологической культуры, рассматриваемой как целостное личностное образование, включающее систему экологических знаний, нравственно-ценностных ориентаций и практической готовности к природоохранной деятельности. Философский аспект формирования экологической культуры будущих воспитателей рассматривается как мировоззренческо-ценностное ядро данного процесса, определяющее смысловые основы и стратегические

цели взаимодействия человека и природы. Поэтому именно философское осмысление экологических проблем закладывает фундамент для выработки у студентов осознанной профессиональной позиции, направленной на воспитание у детей экологически целесообразного поведения.

Философские аспекты данной проблемы охватывают также онтологические основания взаимоотношений человека и природы, аксиологическое осмысление ценности окружающего мира в системе культурных норм и этические принципы, определяющие меру ответственности человечества за сохранение жизни на планете. В философском контексте взаимосвязь человека и природы рассмотрена в работах, среди которых выделяется диалектический подход Гегеля в «Феноменологии духа», а также концепция, развитая Хансом-Георгом Гадамером в его труде «Истина и метод». В то

время как диалектический подход Гегеля раскрывает опосредованную связь человека и природы через поступательное самопознание и самоотчуждение абсолютного духа, герменевтическая концепция Гадамера рассматривает эту взаимосвязь как изначально данную в донаучном жизненном опыте и языке, подлежащую не объяснению, а пониманию через исторически обусловленное «слияние горизонтов». Философские подходы к воспитанию экологического сознания рассмотрены Иммануилом Кантом в «Критике практического разума» и подразумевают формирование нравственного императива, основанного на долге человека перед природой как самоценностью, что требует поступать так, чтобы максимально способствовать сохранению гармонии в природном мире. Идеи экологической этики заложены в трудах таких мыслителей, как Альберт Швейцер и Генрих Риккерт в концепции «Благоговения перед жизнью», которая утверждает безусловную ценность всякого живого существа и призывает к нравственной ответственности человека за сохранение и защиту всех форм жизни. Принципы интеграции экологического воспитания в образовательный процесс основаны на идеях системного подхода, предложенного В.А. Сухомлинским в своей работе «Сердце отдаю детям», и предполагают формирование у ребенка целостного восприятия окружающего мира через непосредственное эмоциональное общение с природой, развитие нравственных качеств и осознание личной ответственности за сохранение природного богатства. основополагающие идеи данных исследований были учтены в работе.

Подготовка будущих воспитателей детей дошкольного возраста в аспекте формирования у них экологической культуры предполагает определение философских основ данного процесса и его методологических принципов, что легло в основу проводимого исследования.

Методы

В рамках исследования был применен комплекс взаимодополняющих методов, включающий теоретический анализ философских и педагогических источников, обобщение и систематизацию существующего педагогического опыта, а также прямое и включенное наблюдение за учебным процессом подготовки будущих воспитателей в вузе. Методологической основой работы выступил системный подход, благодаря которому процесс формирования экологической культуры будущих воспитателей был рассмотрен в качестве целостного образования, что позволило установить структурно-функциональные связи между его элементами, определить его философские основания и определить методологические принципы, обеспечивающие эффективное становление и развитие данной системы в практике дошкольного образовательного учреждения.

Результаты

Формирование экологической культуры будущих воспитателей является важным компонентом целостной системы профессиональной подготовки в вузе и характеризуется целенаправленным становлением интегративного личностного образования, включающего систему научных знаний о закономерностях природных процессов, устойчивую потребность в практической природоохранной деятельности и развитую эмоционально-ценностную сферу, проявляющуюся в ответном отношении к окружающему миру. Данный процесс выступает системообразующим фактором профессиональной компетентности, поскольку закладывает методологические и нравственные основы для дальнейшего проектирования педагогической работы по экологическому воспитанию детей дошкольного возраста, что обуславливает необходимость его рассмотрения в качестве приоритетного направления модернизации содержания высшего педагогического образования.

В ходе исследования был проведен всесторонний анализ современных научных трудов и публикаций и определены основные приоритеты научного дискурса данного направления.

Коллектив авторов М.Н. Гринько, Е.В. Михеева, Л.С. Самсоненко и Л.Ю. Шавшаева рассматривает экологическую культуру воспитателя через призму сформированности профессиональной готовности, выделяя в ее структуре мотивационный, когнитивный и операциональный компоненты, что подчеркивает комплексный характер данного качества и его непосредственную связь с практической деятельностью по формированию основ экологического сознания у дошкольников [3]. А.И. Бондарчук и Л.В. Шинкарёва акцентируют ценностно-смысловую сторону экологической культуры, обосновывая целесообразность использования средств народной педагогики для наполнения процесса ее формирования у будущих воспитателей глубоким нравственно-эстетическим содержанием и исторически сложившимися идеями гармоничного сосуществования человека и природы [2]. В свою очередь, В.С. Багай определяет экологическую культуру педагога как интегративное личностное образование, выражающееся в единстве экологического сознания, ответственного отношения к природной среде и реальной готовности к проектированию экологически ориентированной образовательной деятельности в условиях дошкольной организации [1].

В работе В.А. Зибзеевой [5] рассмотрены философские аспекты подготовки будущих воспитателей в контексте формирования экологической культуры, в частности, обоснован системно-деятельностный подход как методологическая основа, определяющая целостность

и преемственность данного процесса. Автором раскрываются онтологические основания построения образовательной системы через выявление взаимосвязей в природе и обществе, а также аксиологический аспект, проявляющийся в определении ценности природы и формировании ценностных ориентаций будущих педагогов, что в совокупности закладывает философско-мировоззренческий фундамент их профессиональной подготовки.

Основываясь на исследованиях современных ученых, мы определили философские основы формирования экологической культуры будущих воспитателей детей дошкольного возраста и методологические принципы данного процесса. Философские основы включают мировоззренческий фундамент процесса формирования экологической культуры, определяющий смысловые ориентиры и ценностные доминанты взаимодействия человека с природной средой. Данный фундамент интегрирует ключевые философские категории и подходы, задающие методологическое направление всей системе подготовки будущих специалистов. Методологические принципы процесса формирования экологической культуры будущих воспитателей представляют собой систему фундаментальных положений, вытекающих из его философских основ и определяющих стратегию, содержание и организацию данного педагогического процесса, обеспечивая его целостность, преемственность и эффективность в контексте высшего профессионального образования.

Обсуждение

Анализ научных трудов, выполненных в русле нашего исследования [онтологическое понимание неразрывной связи человека и природы как единой целостной системы, что определяет необходимость формирования у будущего воспитателя осознания себя частью природного мира;

- аксиологическое признание ценности природы, выводящее природоохранную деятельность за рамки утилитарной целесообразности и формирующее этическое отношение к окружающей среде как самоценному феномену;
- гносеологический аспект основ, который опирается на диалектическое познание экологических проблем;
- праксеологический компонент, который находит свое выражение в методологических принципах, среди которых ведущую роль играет принцип системности, обеспечивающий рассмотрение всех компонентов экологической культуры в их взаимосвязи, и принцип преемственности, направленный на поэтапное формирование экологического сознания от теоретического осмысления к практическому воплощению в будущей профессиональной деятельности.

Философский аспект формирования экологической культуры будущих воспитателей задает вектор целостного осмысления взаимодействия человека и природы, определяя мировоззренческие ориентиры и ценностно-смысловые основания будущей профессиональной деятельности. Данный аспект формирует методологический фундамент для разработки содержания педагогического процесса, направляя его на становление у студентов личной ответственности за сохранение природной среды и воспитание экологического сознания у детей.

В качестве такого методологического фундамента выступают **методологические принципы** процесса формирования экологической культуры будущих воспитателей. Ориентируясь на исследования Н.А. Прониной и Е.В. Романовой [9] и Э.А. Рамазановой [10], мы выделили следующие методологические принципы и описали варианты их реализации в процессе формирования экологической культуры будущих воспитателей:

1. Принцип эоцентрической направленности.

Данный принцип предполагает переход от антропоцентрической парадигмы, ставящей во главу угла потребности человека, к ценностно-смысловой установке, признающей самоценность природы и равноправие всех живых существ, что формирует у будущих воспитателей основу для подлинно экологического мировоззрения. Реализация данного принципа может осуществляться через *изменение содержания учебных дисциплин* (в рамках профессиональной подготовки необходимо уделять внимание не только социально-экономическим аспектам, но и природным факторам, рассматривая их как первооснову), *организацию учебной деятельности в природной среде*, основанной на реальных экологических проблемах региона; *интеграцию идей экопедагогике* (в учебный процесс необходимо включать элементы критической экопедагогике, которая способствует осознанию прав всех живых организмов).

2. Принцип проектно-исследовательской деятельности,

реализация которого обеспечивает интеграцию теоретических знаний и практического опыта через организацию самостоятельной поисковой работы студентов, направленной на решение конкретных экологических проблем и разработку педагогических проектов, что формирует их профессиональную готовность к экологическому воспитанию дошкольников. Варианты реализации принципа могут быть: *разработка и апробация экологического проекта для дошкольников* (студенты разрабатывают и проводят с детьми краткосрочный проект (например, «Вторая жизнь мусора» или «Кто живет в парке?»), что формирует практический опыт организации познавательно-исследовательской деятельности; *проведение и анализ опытов с природными материалами* (будущие воспитатели планируют и выполняют цикл простых экспериментов (например, по изучению свойств воды, почвы или условий прорастивания семян), чтобы освоить методику элементарной

исследовательской деятельности с детьми; *создание цифрового ресурса (экологического дневника или квеста)* (студенты создают интерактивный продукт, например, дневник наблюдений за сезонными изменениями в природе или экологический квест по территории детского сада, интегрируя тем самым исследовательский подход и современные цифровые технологии).

3. Принцип интеграции цифровых образовательных ресурсов. Этот принцип предусматривает целенаправленное использование цифровых инструментов и открытых образовательных платформ для моделирования экологических ситуаций, визуализации природных процессов и организации совместной деятельности, что расширяет дидактические возможности формирования экологической культуры в современной цифровой среде. Принцип интеграции цифровых образовательных ресурсов может реализовываться через создание интерактивных проектов и использование специализированных образовательных платформ для организации учебного процесса.

Например: *создание и защита мультимедийных экологических проектов* (студенты разрабатывают проекты (например, «Виртуальный экологический паспорт территории детского сада»), используя видео, инфографику и интерактивные презентации. Это позволяет комплексно осваивать тему, развивая навыки работы с информацией и цифровыми инструментами; *организация обучения на образовательной онлайн-платформе* (использование платформ (таких как Moodle или аналогичных) для размещения учебных материалов, интерактивных заданий, тестов и организации дискуссий на форумах. Такой подход структурирует самостоятельную работу будущих воспитателей и обеспечивает гибкость учебного процесса.

Выводы

Современный философский аспект экологической подготовки будущих воспитателей детей дошкольного возраста характеризуется переходом от антропоцентрической парадигмы к экоцентрическому мировоззрению, что предполагает переосмысление ценностных оснований профессиональной педагогической деятельности и формирование целостного представления о взаимозависимости человека и природных систем, где природа воспринимается не как объект потребления, а как равноправный субъект взаимодействия, что в свою очередь требует разработки новых методологических подходов, ориентированных на становление у будущих специалистов личной ответственности за сохранение естественной среды и способности транслировать данную позицию в процессе экологического воспитания подрастающего поколения. Важными при этом являются методологические принципы, на которых основывается процесс формирования экологической культуры будущих воспитателей детей дошкольного возраста, которые мы выделили в исследовании: принцип экоцентрической направленности, проектно-исследовательской деятельности и интеграции цифровых образовательных ресурсов, которые в совокупности способствуют созданию целостной образовательной системы, где мировоззренческая переориентация на ценность природных объектов органично соединяется с практикой их непосредственного изучения через исследовательскую деятельность и современными способами визуализации и анализа экологических процессов, что обеспечивает не только усвоение теоретических знаний, но и формирование устойчивых профессиональных компетенций в области экологического воспитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багай В.С. Развитие экологической культуры педагогов дошкольной образовательной организации. // Научный Лидер. 2022. №39 (84). URL: <https://scilead.ru/article/2928-razvitie-ekologicheskoy-kulturi-pedagogov-dos> (дата обращения: 01.10.2025).
2. Бондарчук А.И., Шинкарева Л.В. Использование средств народной педагогики при подготовке будущих воспитателей к осуществлению экологического образования детей // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. Т. 4. С. 6–10. URL: <http://e-koncept.ru/2013/64002.htm>. (дата обращения: 01.10.2025).
3. Гринько М.Н., Михеева Е.В., Самсоненко Л.С., Шавшаева Л.Ю. Готовность педагогов дошкольного образования к формированию экологической культуры дошкольников // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19964> (дата обращения: 01.10.2025).
4. Дамба Н.Ч. Духовно-нравственное развитие в процессе экологического воспитания дошкольников старшего возраста // Мир науки, культуры и образования. 2019. №1 (74). С. 227–228.
5. Зибзеева В.А. Построение системы экологического образования детей дошкольного возраста на системно-деятельностной основе: принципы, этапы, технология // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 13. С. 133–141. URL: <http://e-koncept.ru/2017/770298.htm>. (дата обращения: 01.10.2025).
6. Макашина Т.Ю. Формирование экологической культуры воспитателя в рамках повышения квалификации // Перспективы науки и образования. 2018. № 2(32). С. 241–245.
7. Николаева С.Н. Эколого-педагогическая компетентность специалистов дошкольного воспитания // Дошкольное воспитание. 2020. № 9. С. 41–49.
8. Пискунова Е.Н. Воспитание экологической культуры в ДОУ // Молодой ученый. 2017. № 12 (146). С. 536–539. URL: <https://moluch.ru/archive/146/40924/> (дата обращения: 01.10.2025).

9. Пронина Н.А., Романова Е.В. Подготовка будущего педагога дошкольного образования к формированию экологической культуры у детей дошкольного возраста с помощью художественной литературы // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т.10 № 3(36). С. 215–218. DOI: 10.26140/anip-2021-1003-0054
 10. Рамазанова Э.А. Подготовка будущих воспитателей к экологическому воспитанию дошкольников // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66–1. С.177-180.
-

© Рубан Екатерина Юрьевна (ruban.katya543@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ЭФФЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Сафонов Кирилл Борисович

доктор социологических наук, профессор, ФГБОУ ВО
«Тульский государственный университет»
k_b_s_k_b@list.ru

ANALYSIS OF PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR EFFECTIVE ORGANIZATION OF CULTURAL AND LEISURE ACTIVITIES OF THE YOUTH

K. Safonov

Summary: The article examines the features of organizing cultural and leisure activities of young people. It is noted that the implementation of these practices plays an important role in the personal development of each young person. At the same time, it is necessary to strive to ensure that possible leisure is not only interesting, but also within its framework, conditions are created for the development of creativity of representatives of the younger generation, their comprehensive integration into the system of social relations. This can be ensured by considering several pedagogical conditions for the effective organization of cultural and leisure activities in modern conditions.

Keywords: cultural and leisure activities, youth, personal development, socialization, society, leisure practices.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности организации культурно-досуговой деятельности молодежи. Отмечается, что реализация данных практик играет важную роль в личностном становлении каждого молодого человека. При этом необходимо стремиться, чтобы возможный досуг был не только интересным, но и в его рамках создавались условия для развития креативности представителей молодого поколения, их всесторонней интеграции в систему социальных отношений. Обеспечить это можно посредством учета ряда педагогических условий эффективной организации культурно-досуговой деятельности в современных условиях.

Ключевые слова: культурно-досуговая деятельность, молодежь, личностное развитие, социализация, общество, досуговые практики.

Создание условий, необходимых для всестороннего развития представителей молодого поколения, на современном этапе можно рассматривать в качестве одного из ключевых запросов социума. Именно на достижение данной цели и должна быть ориентирована деятельность учреждений образования и культуры, которым предстоит содействовать интеграции детей и подростков в систему общественных отношений, их личностному развитию и становлению в качестве индивидов, способных успешно жить и работать, принося максимум пользы себе и окружающим. При этом очевидно, что решение обозначенных задач не может ограничиваться лишь организацией обучения представителей молодого поколения. Не менее важным является создание условий для их досуга. Важно помнить, что «досуг есть одна из составляющих жизнотворчества человека, организация которой осуществляется в зависимости от его стратегических жизненных ориентиров и индивидуального запроса на желаемое благо, запроса социального (социально-одобряемые виды досуга), а также от культурной траектории, задаваемой государством, социальными институтами и другими заинтересованными образованиями» [1, с. 6]. Поэтому необходимо стремиться к эффективной организации культурно-досуговой деятельности представителей молодого поколения. Успеха

в данном случае можно достичь при объединении усилий различных учреждений образования и культуры. А отправной точкой в движении по пути решения обозначенных задач можно считать верное понимание сущности досуга молодежи, определение критериев его эффективности и осмысление педагогических условий его эффективной организации.

Не вызывает сомнения тот факт, что успешное взаимодействие с любым человеком должно начинаться с понимания особенностей его мировоззрения. Учитывать это необходимо и сотрудникам, которым предстоит взаимодействовать с детьми и подростками в процессе организации их досуга. Так, исследователи указывают, что «в настоящее время подростки стремятся к личному успеху, удовольствиям, отдыху и развлечениям, однако слабо представляют, каким образом достичь желаемого. При этом они в большей степени нацелены на общение в Интернете и мало имеют других увлечений и интересов» [2, с. 55]. Поэтому необходимо в первую очередь заинтересовать каждого представителя молодого поколения, продемонстрировав ему преимущества полезного времяпрепровождения, практики которого помогут ему в перспективе выбрать интересное занятие. Это занятие уместно рассматривать, прежде всего, в качестве хобби,

однако в ряде случаев именно оно определит будущую профессию. Иными словами, начав чем-нибудь заниматься в процессе внеурочной деятельности либо при посещении учреждений дополнительного образования, подросток поймет, что именно ему интересно. В данном случае следует указать на наличие взаимосвязи между досуговыми практиками и возможностями профориентации, обусловленными ими.

Необходимым условием эффективности реализации обозначенных подходов можно считать ориентацию на индивидуальные особенности молодого человека. Учесть их возможно посредством проведения постоянного мониторинга, что подразумевает прохождение анкетирований и опросов как в начале, так и в процессе посещения определенных досуговых объединений. Педагогическому работнику при этом необходимо стремиться стать наставником для своих подопечных, к которому они смогут обратиться в случае возникновения каких-либо затруднений. Также к организации культурно-досуговой деятельности представителей молодого поколения уместно привлекать психологов, которые также смогут помочь в выборе правильного вектора получения дополнительного образования, сориентировав каждого ребенка и оказав ему содействие в осмыслении собственных склонностей, потребностей и интересов. Необходимым условием при этом можно считать предоставление детям и подросткам полной свободы выбора. Нельзя навязывать им свое мнение, даже если это кажется наиболее правильным учителям или родителям. Досуг станет тем занятием, которое будет вызывать неподдельный интерес и приносить максимум пользы, если его выбор будет осуществлен свободно, в соответствии со склонностями и потребностями самого ребенка.

Важным условием организации культурно-досуговой деятельности современной молодежи является учет ключевых императивов ее эффективности. Один из основных императивов является общим для любых возможных направлений досуга, что обусловлено необходимостью создания условий для реализации креативного потенциала детей и подростков. Это должно являться следствием трансформации деятельности учреждений дополнительного образования и культуры, ориентированных на организацию досуга. Коллективу каждого из них при этом следует учитывать тот факт, что «ключевым фактором успешного развития молодежного потенциала является создание креативной среды, которая способствует активному и саморазвитию молодых людей» [3, с. 626]. Достижение обозначенных целей в контексте рассматриваемых нами проблем может являться следствием особенностей организации процесса деятельности конкретных досуговых объединений. В ее рамках перед представителями молодого поколения должны ставиться задачи, решая которые они не просто будут получать определенные результаты, но, прежде всего, осущест-

влять поиск нестандартных подходов и их осмысление. В перспективе это поможет им в различных ситуациях, например, при осуществлении профессиональной деятельности. Не менее важно и то, что развитие навыков поиска инновационных решений уместно рассматривать как важный фактор реализации креативного потенциала молодого человека, что также представляется весьма значимым в современных условиях.

Хорошим подспорьем в эффективной организации культурно-досуговой деятельности детей и подростков может стать сотрудничество работающих с ними организации с учреждениями профессионального и высшего образования, а также с представителями реального сектора экономики. Результатом данной кооперации усилий может стать предоставление молодым людям возможности участвовать в различных культурных и образовательных мероприятиях, посещать мастер-классы и деловые игры, отправляться на экскурсии. В итоге это может привести к формированию у них более широкого кругозора, что представляется чрезвычайно важным для каждого современного человека. Одним из аспектов данного сотрудничества также уместно считать профориентацию детей и подростков, которые своими глазами увидят действующие производства и познакомятся с деятельностью предприятий и организаций, представляющих различные отрасли экономики, а также посетят различные образовательные учреждения, поступление которых гарантирует им в перспективе получение интересной и востребованной профессии. Именно так может быть реализован образовательный потенциал культурно-досуговой деятельности, ориентированной на всестороннее личностное развитие представителей молодого поколения и создание условий для реализации заложенной в каждом из них креативности.

Различные аспекты деятельности учреждений образования и культуры, направленной на организацию досуга детей и подростков, являются взаимосвязанными. При этом предлагаемые досуговые практики должны быть одновременно интересными и развивающими, способствовать наиболее полной интеграции молодого человека в систему общественных отношений и создавать условия для развития у него нестандартного мышления, что можно рассматривать в качестве обязательного атрибута креативности. Главным при этом остается понимание необходимости успешности осуществляемой деятельности, а это, в свою очередь, возможно при условии понимания того, что «задача учреждений по организации досуга заключается в создании благоприятной среды для всестороннего развития личности, включая духовное, умственное и творческое, особенно среди современных семей и молодежи» [4, с. 40]. Ориентироваться при этом следует на индивидуализацию досуговых практик и важность реализации их образовательного

потенциала, учет актуальных тенденций общественного развития и личностных особенностей каждого ребенка. Успеха можно достичь лишь при условии учета всей совокупности обозначенных факторов. Реализацию выделенных подходов при этом уместно рассматривать в качестве ключевых педагогических условий эффективной организации культурно-досуговой деятельности представителей молодого поколения.

В настоящий момент досуг должен рассматривать не только в качестве интересного времяпрепровождения, но и, прежде всего, как занятие, которое позволит сформировать новые компетенции, необходимые для жизни в условиях современного социума. Именно по-

этому обществом предъявляются высокие требования к деятельности учреждений культуры и дополнительного образования, работающих с представителями молодого поколения. Коллектив каждого такого учреждения должен ориентироваться на ряд педагогических условий, позволяющих сделать досуг детей и подростков интересным и полезным. В результате можно будет рассчитывать на всестороннее личностное развитие представителей молодого поколения, реализацию заложенного в каждом из них креативного потенциала, а также успешную ориентацию в мире современных профессий. Все это должно способствовать социализации и социальной адаптации детей и подростков, их интеграции в систему общественных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Ч. Культура повседневного досуга и отдыха в современной России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2023. № 7. – С. 5–7. – DOI 10.37882/2500–3682.2023.07.01
2. Налимова Н.С., Петрова Л.Е. Организация культурно-досуговой деятельности подростков в сельском клубе // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2022. № 4. – С. 54–61.
3. Кравченко Т.Е., Харалампиду И.Д. Особенности организации культурно-досуговой среды молодежи с использованием технологий социально-культурной деятельности // Вестник Академии знаний. 2023. № 6. – С. 626–629.
4. Гончарова А.С. Специфика применения технологического подхода в деятельности учреждений культуры по организации семейного досуга // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2024. № 7. – С. 39–43. – DOI 10.37882/2223–2974.2024.07.10

© Сафонов Кирилл Борисович (k_b_s_k_b@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЕМЬЯ КАК ОСНОВА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ: СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет, (г. Барнаул)
sverhitan@rambler.ru

FAMILY AS A BASIS OF SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION: A STRATEGY FOR THE DEVELOPMENT OF A CHILD'S PERSONALITY

V. Skopa

Summary: The paper analyzes the family as a fundamental social unit, which is the first and defining space for the personal development of an individual. The family is considered as a unique educational system with a powerful potential for transmitting basic life guidelines and value systems. The research focus is on revealing the mechanisms of family influence on the spiritual and moral development of a child, identifying pedagogical tools for shaping his inner world and moral and ethical principles. Key aspects include studying the ways of transmitting cultural heritage through intra-family communications, analyzing strategies for emotional and psychological support of an individual in the process of growing up and developing individuality. The study confirms the system-forming role of the family in creating a favorable developmental environment that ensures the continuity of spiritual traditions and moral education of the younger generation.

Keywords: upbringing, family values, spiritual and moral foundation, personality, education.

Аннотация: В работе анализируется семья как фундаментальная социальная ячейка, которая является первым и определяющим пространством личностного становления индивида. Семья рассматривается как уникальная воспитательная система с мощным потенциалом трансляции базовых жизненных ориентиров и ценностных установок. Исследовательский фокус направлен на раскрытие механизмов семейного влияния на духовно-нравственное развитие ребенка, выявление педагогических инструментов формирования его внутреннего мира и морально-этических принципов. Ключевые аспекты включают изучение способов передачи культурного наследия через внутрисемейные коммуникации, анализ стратегий эмоционально-психологической поддержки личности в процессе взросления и становления индивидуальности. В результате исследования подтверждается системообразующая роль семьи в создании благоприятной развивающей среды, обеспечивающей преемственность духовных традиций и нравственное воспитание подрастающего поколения.

Ключевые слова: воспитание, семейные ценности, духовно-нравственная основа, личность, образование.

В современном динамичном мире роль семьи в формировании духовно-нравственных ценностей подрастающего поколения становится ключевой. Именно семья является первичным институтом социализации, где закладываются базовые принципы мировоззрения и морали. Культивирование семейных традиций и морально-этических принципов в подрастающем поколении – фундаментальная задача современного образовательного процесса. Целостное формирование личности школьника напрямую связано с глубоким пониманием и интериоризацией базовых человеческих добродетелей.

Актуальность темы обусловлена сложностью структуры духовно-нравственного воспитания и многофакторностью процесса формирования личности. В контексте формирования духовно-нравственных основ личности ребенка интериоризация, предполагает трансформацию внешних социальных норм и превращение моральных требований во внутренние установки личности.

Семья является первичным и наиболее влиятельным социальным институтом в процессе социализации лич-

ности. Именно в семье ребенок получает первый опыт социального взаимодействия, усваивает базовые культурные нормы, модели поведения и эмоционального реагирования. Через семейное воспитание происходит формирование базовых ценностей; освоение социальных ролей; развитие эмоционального интеллекта; усвоение языка и способов коммуникации; первичная социальная адаптация [1, 2].

К ключевым аспектам влияния семьи на формирование личности ребенка можно отнести:

Модель поведения и отношений. Именно в семье дети перенимают модели взаимодействия, наблюдая за родителями. Уважение, любовь, забота, умение решать конфликты – все это транслируется через непосредственный семейный опыт.

Передача культурных традиций. Семья выступает хранителем культурного наследия, национальных традиций и духовных ценностей. Через совместные праздники, обряды, рассказы старших формируется культурная идентичность.

Эмоциональная поддержка. Атмосфера принятия, безусловной любви создает психологически устойчивую

личность, способную противостоять негативным внешним влияниям.

Воспитание нравственных качеств, куда стоит отнести честность, ответственность, трудолюбие, сострадание, патриотизм.

В контексте современной социальной парадигмы концепция духовно-нравственного воспитания приобретает многогранный и вариативный характер, отражающий диверсифицированность методологических подходов к интерпретации духовности. Сущностная характеристика духовности формируется через призму дихотомии потребностей: идеальная плоскость – экзистенциальный поиск смысложизненных ориентиров; социальная плоскость – альтруистическая установка на служение общественным интересам [9].

Принципиальная особенность современного дискурса заключается в размежевании материального и нематериального векторов человеческих устремлений. Духовность трансформируется из узко утилитарной категории в комплексную систему ценностных координат, где преобладают не потребительские, а трансцендентные мотивации [5].

Морально-нравственные координаты личности не детерминированы генетически, а являются результатом длительного социокультурного впечатывания. Становление ценностной матрицы индивида инициируется в ранний период онтогенеза через перманентную интеракцию с социальным контекстом [3]. Ключевыми агентами трансляции нравственных паттернов выступают: семейная микросреда; институциональные образовательные системы и широкий социальный ландшафт. Процесс формирования нравственного универсума представляет собой многоуровневую стратегию, которая включает в себя когнитивное усвоение этических норм; интериоризацию поведенческих алгоритмов; эмоционально-чувственное насыщение морального опыта и накопление практик социально одобряемого взаимодействия [6]. В данном контексте важным является принципиальная системность и последовательность воспитательных воздействий, где каждый элемент выступает необходимым, но и недостаточным условием полноценного нравственного развития личности.

Ячейка социума – семья, и она представляет собой сложную систему взаимосвязей, где переплетаются эмоциональные, культурные и нравственные нити человеческого бытия. Этот микрокосм выступает не просто биологической общностью, но и главным институтом трансляции жизненных ценностей, формирования личностного потенциала и духовного становления новых поколений. Именно в семейном пространстве закладываются фундаментальные основы мировоззрения, происходит первичная социализация индивида, формируют-

ся модели взаимодействия с окружающим миром. Через призму семейных отношений человек постигает азы морали, учится выстраивать коммуникативные стратегии и обретает первый опыт эмоционального интеллекта. Таким образом, семья выступает не только приватной территорией личностного развития, но и стратегическим ресурсом общественного прогресса [4, 7].

В семейной среде происходит многогранное становление личности, охватывающее физическое, трудовое, духовное, нравственное и эстетическое развитие. Этот уникальный социальный институт выступает колыбелью формирования человеческого потенциала, где зарождаются глубинные основы мировоззрения и аксиологические ориентиры. Семейное пространство – это первичный плацдарм соприкосновения индивида с общественными реалиями, где через неформальные коммуникации и личный пример происходит неспешная трансляция культурных кодов, моделей поведения и способов мышления. Здесь же формируется эмоциональный интеллект, закладываются механизмы межличностного взаимодействия. Выдающийся социолог М.М. Ковалевский справедливо подчеркивал: семья – непревзойденный образовательный микрокосм, способный через личностное влияние развивать интеллектуальный и нравственный потенциал подрастающего поколения [7]. Таким образом, семья выступает живым механизмом преемственности поколений, школой жизненной мудрости и социокультурной адаптации.

Согласно воззрениям В.А. Сухомлинского, воспитание представляет собой многослойный, динамичный процесс интеллектуального и нравственного становления личности. Это не просто механическая передача знаний, но и тонкое искусство формирования внутреннего мира ребенка, где знания трансформируются в глубокие личностные убеждения [12]. Педагог рассматривает воспитание как целостную стратегию развития человека, направленную на становление его морально-этического каркаса. Ключевая идея – превращение усвоенных моральных принципов в органичную составляющую индивидуальной картины мира, когда этические нормы перестают быть внешними директивами и становятся внутренними императивами. Сухомлинский акцентирует внимание на формировании комплекса фундаментальных личностных характеристик: гражданской позиции, социальной ответственности, интеллектуальной честности, эмоциональной зрелости и способности к самоорганизации. Воспитательный процесс, по его мнению, – это не директивное навязывание норм, а создание условий для осмысленного нравственного выбора, где каждый человек становится архитектором собственного морального пространства [12].

Семейный микрокосм выступает первичным и наиболее влиятельным пространством нравственного ста-

новления личности. В этой естественной социальной лаборатории дети получают базовые аксиологические матрицы, впитывают неформальные модели поведения и эмоционального реагирования. Родительский пример – мощнейший трансляционный механизм морального научения. Ребенок не просто усваивает вербальные конструкции этических норм, но и считывает тонкие невербальные паттерны взаимодействия, интериоризирует неявные культурные коды сосуществования [10]. Семья выступает первичным институтом социализации, где формируются фундаментальные основы человеческих отношений: эмпатия, уважение, ответственность, способность к диалогу и пониманию. Здесь закладываются матрицы доверия к миру и базовые стратегии взаимодействия с социальным окружением. Через призму семейных интеракций ребенок постигает сложную диалектику межличностных связей, учится расшифровывать эмоциональные контексты и выстраивать конструктивные коммуникативные траектории.

Согласно философско-педагогическому воззрению С.Л. Соловейчика, воспитание предстает собой тонкое искусство нравственного научения, где ключевой императив – умение достигать личных целей исключительно этически приемлемыми способами [11]. Нравственность в этой концепции выступает не абстрактной категорией, а практической границей допустимого, определяемой внутренним камертоном совести. Она очерчивает лимитное пространство человеческих действий, за пределы которого личность не может переступить без ущерба для собственной целостности. Принципиальная новация Соловейчика – представление о нравственности как динамической системе координат, где нижняя граница жестко фиксирована этическими ограничениями, а верхняя – устремлена в бесконечность духовного восхождения [11]. Семья в этом контексте трансформируется из простой социальной группы в экзистенциальную матрицу первичной аксиологической навигации, где ребенок интериоризирует не столько декларативные установки, сколько имплицитные модели нравственного существования.

Духовная аура семейного пространства выступает сензитивной почвой для прорастания глубинных экзистенциальных потребностей ребенка – безусловной привязанности и аутентичной коммуникации. Доброта в этом контексте трансформируется из абстрактной добродетели в сложную аксиологическую матрицу, где каждый конструкт представляет собой многомерный атрибут человеческой сущности. Портрет доброй личности складывается не как статичный набор качеств, а как динамическая система взаимосвязанных ценностных диспозиций, куда можно отнести универсальную любовь как модус восприятия мира; перманентную готовность к самопожертвованию; онтологическую честность; имманентное стремление к справедливости; созидательную энергию трудолюбия; экзистенциальную

осмысленность [5]. В данном контексте семейная среда выступает первичным трансформатором этих глубинных архетипических паттернов, де-факто программируя матрицу морально-этического развития личности.

По мнению ученых нравственный мир личности, состоит из трёх уровней: мотивационно-побудительного, эмоционально-чувственного и рационального. Каждый из них имеет свои элементы, которые составляют суть нравственного мира человека. Архитектоника нравственного универсума личности требует целенаправленной и тонкой настройки, где каждый аксиологический элемент выступает как резонансная структура внутреннего мира человека. Системообразующим вектором выступают не изолированные моральные установки, а целостная система нравственных потребностей, которые формируют аутентичный код личностной идентичности. Моральная семейная среда трансформируется из абстрактной концепции в живой, пульсирующий организм взаимоотношений, где каждое межличностное взаимодействие – акт соприкосновения ценностных матриц [8]. Семейные коммуникации выступают первичным генератором нравственного опыта, а эмоциональная атмосфера становится невербальным медиатором духовных посланий. Внутренняя гармония формируется не через директивы, а через перманентный диалог смыслов и экзистенциальных интенций.

Фундаментальным стержнем воспитательного процесса в домашнем пространстве выступает целенаправленное становление эмоционально-ценностной связи между поколениями, где приоритетными ориентирами служат глубокая привязанность, душевная близость, взаимопонимание и почтительное отношение к старшим членам родового сообщества. Ключевая задача заключается в последовательном развитии у молодого поколения устойчивого понимания семьи как важнейшей социальной микросреды, где формируются базовые жизненные принципы, эмоциональная культура и духовная преемственность [3]. Через систему внутрисемейных коммуникаций, личный пример и традиционные семейные практики происходит трансляция нравственных установок, способствующих укреплению родственных уз и созданию гармоничной атмосферы взаимной заботы и поддержки. Данные глубинные ценностные доминанты выступают своеобразным внутренним каркасом личностного становления, где закладываются фундаментальные мировоззренческие координаты и формируется уникальная матрица индивидуального восприятия мира.

Эмоционально наполненное семейное пространство, пронизанное атмосферой безусловного принятия, создаёт психологический контекст для раскрытия индивидуальных талантов и потенциальных возможностей каждого члена родового сообщества. Такая среда генерирует внутреннюю свободу, психологическую устойчивость и

способность к самореализации. Родительская любовь и поддержка трансформируются в невидимый, но мощный энергетический канал, который наполняет личность ресурсом доверия, уверенности в собственных силах и готовностью преодолевать жизненные барьеры [1]. Именно в этом контексте семья становится первичным пространством становления человеческого потенциала. Межпоколенческая коммуникация выступает живым мостом передачи не только знаний и опыта, но и эмоционального интеллекта, культурных кодов и глубинных семейных нарративов. Взаимодействие родственников создает многослойную систему поддержки, где каждый участник становится источником эмоционального ресурса и мудрости. Родственные связи формируют уникальное пространство идентичности, позволяющее индивиду ощутить свою укорененность в социальной матрице, преодолеть индивидуальную изолированность и почувствовать сопричастность к роду и обществу. Это не просто психологическая потребность, это экзистенциальный якорь самоопределения личности.

Культура почитания старших представляет собой сложный механизм трансляции духовно-нравственных ценностей, где уважение выражается не только через внешние ритуалы, но и через глубокое признание жизненного опыта предков. Такой подход формирует преемственность поколений, создает пространство взаимного обогащения и предотвращает размывание культурных традиций. Межпоколенческий диалог становится не просто коммуникативным актом, но и сложной системой обмена смыслами, где каждый участник одновременно является и транслятором, и реципиентом культурного знания [2].

Погружение подрастающего поколения в семейный летописный контекст превращается в живой мост между прошлым и настоящим, где каждая семейная история становится кирпичиком в фундаменте личностной иден-

тичности. Трансляция родословных нарративов выступает тонким механизмом культурной преемственности, позволяющим молодым людям не просто услышать, но и прочувствовать генетическую память, эмоционально соприкоснуться с опытом предков. Семейные предания, реликвии, архивные документы становятся не музейными экспонатами, а живыми свидетельствами непрерывности человеческого бытия. Осознание своих корней формирует у детей глубокое понимание национального контекста, развивает патриотическое мировоззрение не через казенные лозунги, а через личностные эмоционально насыщенные истории конкретных людей. Каждый рассказ бабушки или дедушки превращается в штрих к коллективному портрету отечественной истории, где абстрактные события обретают человеческое измерение. Такой подход воспитывает не просто наследников, а активных хранителей и продолжателей культурной традиции, способных трансформировать семейную память в личную миссию.

Таким образом, духовно-нравственное развитие личности представляет собой многогранную материю, требующую деликатного, осмысленного и непрерывного взращивания. Семья является первоначальным генератором морального становления, где каждый жест, эмоциональный оттенок и невысказанное послание трансформируются в мощный инструмент воспитания. Родители в этом контексте выступают не просто трансляторами социальных норм, а живыми воплощениями человеческих взаимоотношений, чей персональный опыт и экзистенциальная модель формируют невидимый, однако глубоко укорененный каркас мировоззренческих координат ребенка. Каждое родительское действие – это тонкий педагогический акт, где за формальными границами повседневности зреет сложная архитектура внутреннего мира личности, где закладываются фундаментальные матрицы восприятия мира, этических принципов и человеческих ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажибаева Ф.А. Семья – основа духовно-нравственного воспитания личности // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. № 3. – С. 377–383.
2. Ажибаева Ф.А. Семья как условие духовного развития и нравственного воспитания детей // Вестник Омского государственного университета. 2022. № 2. – С. 157–164.
3. Акутина С.П. Формирование у старшеклассников семейных духовно-нравственных ценностей во взаимодействии семьи и школы: дис. ... д-ра лед. наук: 13.00.01. Н. Новгород, 2010. – 511 с.
4. Варюхина С.И. Истоки доброты. Минск, 1987. – 234 с.
5. Даведьянова Н.С. О понимании духовности в современном обществе. Православная педагогика: Традиции и современность // Сборник лекций и докладов ВГПУ, 2000. – С. 151–159.
6. Данилюк А.Я. Основы духовно-нравственной культуры народов России. Основы религиозных культур и светской этики. М.: Просвещение. 2011. – 211 с.
7. Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. СПб., 1895. – 95 с.
8. Марихин С.В., Голубкова А.А. Особенности формирования ценностного отношения старшеклассников к семье в условиях общеобразовательной школы // Вопросы педагогики. 2023. № 11–1. – С. 34–37.
9. Скопа В.А. Духовно-нравственное развитие в эпоху системных социокультурных трансформаций: социально-педагогический аспект // Modern Humanities Success. 2025. №5. – С. 265–270.

10. Скопа В.А. Толерантное отношение в системе взаимодействия «семья-ребенок-школа»: проблема развития и механизмы формирования // «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 11–2. – С. 96–99.
 11. Соловейчик С. Педагогика для всех. М.: АСТ, 2018. – 384 с.
 12. Сухомлинский В.А. Избранные педагогические сочинения. Педагогика. Т. 2. – М.: Педагогика, 1980. – 384 с.
-

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАЦИОНАЛЬНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА 2020 И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ФОРМАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИНДИИ

NATIONAL EDUCATION POLICY 2020 AND ITS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF FORMAL VOCATIONAL EDUCATION IN INDIA

V. Stepanov
N. Stepanova

Summary: This article analyzes the transformation of India's vocational education system in the context of the implementation of the National Education Policy 2020 (NEP). The study explores the historical background to the development of vocational training, beginning with the period of institutionalization in the 1950s and 1960s, and highlights systemic challenges such as social stigma and low youth enrollment. Particular attention is paid to the strategic guidelines of NEP 2020, which aim to integrate vocational education into the mainstream education system through early career guidance, the creation of a network infrastructure, and the implementation of the National Qualifications Framework. The conclusion emphasizes that the success of the reform depends on overcoming infrastructural and sociocultural barriers, and its implementation contributes to the development of a qualified workforce for the country's sustainable economic growth.

Keywords: vocational education, National Education Policy 2020, India, education integration, social stigma, National Qualifications Framework, education reform.

Конфигурация системы формального профессионального образования в любой стране детерминирована ее уникальными социально-экономическими особенностями и стратегическими потребностями. Ярким примером подобной адаптации служит Индия — федеративное государство с интенсивно развивающейся экономикой, объединяющее 28 штатов и 8 союзных территорий. Согласно прогнозам, к началу 2030-х годов страна достигнет статуса третьей по величине экономики мира с объемом ВВП, оцениваемым в десять триллионов долларов. Столь масштабная экономическая трансформация закономерно влечет за собой структурную перестройку всей образовательной сферы, в рамках которой модернизация формального профессионального образования выступает в качестве императива.

Период 1950-х – 1960-х годов в Индии стал эпохой фундаментального становления и институционализации

Степанов Виктор Иванович
ректор, кандидат педагогических наук, Алтайский
экономико-юридический институт
rector@aeli.altai.ru

Степанова Наталья Викторовна
кандидат технических наук, старший научный
сотрудник, АО НПФ Информационные и сетевые
технологии
natalia0410@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу трансформации системы профессионального образования Индии в контексте реализации Национальной образовательной политики 2020 года (NEP). Исследование раскрывает исторические предпосылки развития профессионального обучения, начиная с периода институционализации в 1950–1960-е годы, и выделяет системные проблемы, такие как социальная стигматизация и низкий охват молодежи. Особое внимание уделяется стратегическим ориентирам NEP 2020, направленным на интеграцию профессионального образования в основную образовательную ткань через раннюю профессиональную ориентацию, создание сетевой инфраструктуры и внедрение Национальной рамки квалификаций. В заключение подчеркивается, что успех реформы зависит от преодоления инфраструктурных и социокультурных барьеров. Реализация этой политики способствует формированию квалифицированных кадров для устойчивого экономического роста страны.

Ключевые слова: профессиональное образование, Национальная образовательная политика 2020, Индия, интеграция образования, социальная стигматизация, Национальная рамка квалификаций, реформа образования.

национальной системы профессионального образования. Именно в эти годы был заложен организационный и методологический фундамент, который определил дальнейшее развитие подготовки квалифицированных кадров в стране.

Ключевыми процессами этого времени были следующие:

- формирование целостной образовательной архитектуры, когда была создана и внедрена единая многоуровневая структура подготовки специалистов, охватывавшая различные отрасли экономики;
- разработка нормативно-методической базы, которая стала основой для создания и унификации образовательных стандартов, учебных планов и программ, призванных обеспечить единый уровень качества и содержания обучения по всей стране;

— привлечение международных ресурсов с целью ускоренного развития сектора инвестиций и технологий, что способствовало модернизации материально-технической базы и обмену передовым опытом.

Однако развитие сдерживал острый институциональный дефицит, т.к. существующая сеть специализированных учреждений профобразования была недостаточной для удовлетворения растущих потребностей национальной экономики в квалифицированных специалистах.

Для стратегического решения этой проблемы правительство Индии инициировало комплекс мер, нацеленных на диверсификацию и расширение масштабов системы подготовки кадров. Ключевыми направлениями этой политики стали интеграция профессионального обучения в учебные планы средних школ, что позволяло начинать подготовку будущих специалистов на более раннем этапе, а также масштабное увеличение количества специализированных технических школ и колледжей, ориентированных на практическое обучение.

Важной особенностью новых учебных программ была их прагматическая ориентация – они были разработаны таким образом, чтобы выпускники получали конкретные профессии и навыки, пользующиеся устойчивым спросом на региональных рынках труда.

Завершение обучения в таких школах подтверждалось официальным документом – Свидетельством о профессиональном образовании (Certificate of Vocational Education – CVE). Этот сертификат был не просто формальной бумагой; он выполнял функцию реального социально-трудового лифта, давая его обладателям легитимное право и возможность для трудоустройства на квалифицированные должности в промышленности и других секторах экономики [1, с. 100].

Однако анализ данных XII пятилетнего плана Индии (2012–2017) выявляет парадокс: при декларируемом курсе на индустриализацию доля молодежи 19–24 лет, обладающей формальным профессиональным образованием, не достигала 5%. Генезис данной диспропорции коренится в структурных дисфункциях самой образовательной системы. Сфера профессионального обучения была изолирована в сегменте старшей школы, что создавало для ее выпускников непреодолимый барьер при переходе на следующий образовательный уровень. Высшая школа, в свою очередь, воспроизводила селективные механизмы, ориентированные исключительно на академическую подготовку, тем самым легитимируя дискриминацию учащихся профессионального трека и консервируя их положение в качестве «второсортных» абитуриентов. Это структурное противоречие, исключавшее саму возможность вертикальной академической мобильности, было смягчено

лишь с имплементацией в 2013 году Национальной рамки квалификаций (NQF), призванной унифицировать образовательные стандарты и создать прозрачные «мосты» между различными уровнями и типами образования.

Сложившаяся в индийском общественном сознании иерархия образовательных траекторий, где профессиональное образование маргинализировано в качестве альтернативы для неспособных к освоению академических программ, представляет собой системный вызов. Его преодоление требует не эволюционных улучшений, но фундаментального пересмотра самой философии предоставления профессионального обучения. Новая образовательная политика Индии (NEP 2020 - National Education Policy 2020) нацелена на деконструкцию этой социальной стратификации через поэтапную, но тотальную интеграцию профессиональных программ в основную образовательную ткань на всех уровнях.

Ключевым инструментом данной трансформации является имплементация сквозной модели, при которой знакомство с профессиональными компетенциями начинается уже на этапе средней школы, а качественное профессиональное образование становится органичной частью высшего. Такой подход преследует двоякую цель: во-первых, обеспечить каждого учащегося как минимум одной профессиональной квалификацией, а во-вторых, через приобщение к многообразию профессий, в том числе связанных с традиционными индийскими искусствами и ремеслами, восстановить достоинство ручного и специализированного труда.

Для операционализации этой цели установлен количественный ориентир: к 2025 году не менее 50% учащихся в системе школьного и высшего образования должны получить доступ к профессиональным программам. Достижение этого показателя, согласованного с ЦУР 4.4, позволит в полной мере реализовать демографический дивиденд Индии. Коэффициент охвата высшим образованием будет модифицирован с учетом контингента, получающего профессиональное образование, что символизирует отказ от его периферийного статуса и признание равнозначности развития профессионального и академического потенциала. Стоит отметить, что данный целевой показатель ориентирован именно на доступ к программам и является одним из этапных. В более широком контексте, как отмечает Б. Фриман, NEP 2020 устанавливает целью достижение 50% валового коэффициента охвата высшим образованием в целом (включая профессиональные программы) к 2035 году [6, с. 5]. Таким образом, можно говорить о системе взаимосвязанных ориентиров: сначала обеспечение широкого доступа к профессиональному образованию, а затем — достижение высокого общего охвата высшим образованием, где профессиональная составляющая будет играть ключевую роль.

Институциональная реализация предполагает создание сетевой инфраструктуры. Средние школы будут трансформированы в узлы этой сети через кооперацию с Индийскими технологическими институтами (IITs), Политехникумами и Индустриальными тренировочными институтами (ITIs), местной промышленностью, а также через создание лабораторий профессиональных навыков. Высшие учебные заведения, в свою очередь, будут предлагать профессиональные курсы и степени B.Voc. как автономно, так и в партнерстве с промышленными предприятиями и НПО, включая их в учебные планы всех программ бакалавриата и развивая краткосрочное сертификационное обучение, в том числе в формате открытого дистанционного обучения.

Надзор за этой комплексной реформой возлагается на создаваемый Национальный комитет по интеграции профессионального образования (NCIVE), который будет осуществлять выбор целевых областей подготовки на основе анализа пробелов в навыках и картографирования локальных возможностей. При этом поощряется модель «ранних последователей», когда инновационные образовательные учреждения апробируют эффективные модели для их последующего масштабирования через механизмы, созданные NCIVE.

Фундаментом для академической мобильности и признания квалификаций послужит детализированная Национальная рамка квалификаций, гармонизированная с международными стандартами. Данная система учета учебных достижений обеспечит прозрачность и преемственность между общим и профессиональным образованием. Она также позволит вернуть в систему формального образования лиц, ранее прервавших обучение, за счет зачета полученных ранее знаний и умений.

Отдельным элементом стратегии является институционализация взаимодействия с промышленностью. В соответствии с рекомендациями XII плана, создается Совет по сотрудничеству промышленности и высшего образования (CIEC) — некоммерческая организация, аккумулирующая государственное финансирование и отраслевые взносы. Его задача — стимулировать масштабное вовлечение индийских компаний не только в финансирование высшей школы, но и в реализацию научно-исследовательских проектов международного уровня [8, с. 43–44; 2, с. 101].

Такой комплексный подход к интеграции профессионального образования находит поддержку в академической среде.

Например, С. Рамеш считает, что NEP 2020 содействует профессиональному образованию, начиная со средней школы, чтобы вооружить учащихся практическими навыками и повысить их шансы на трудоустройство [9, с. 46].

Б. Фриман выделяет положение о том, NEP 2020 устанавливает целевой валовой коэффициент охвата высшим образованием на уровне 50% к 2035 году (по сравнению с 26% в 2018 году), что важно, включая профессиональное образование, предоставляемое высшими учебными заведениями [6, с. 5].

Исследователи Шрирамана Айтил и Шубхраджитсна Айтил отмечают основные направления Национальной образовательной политики 2020 в высшем профессиональном образовании Индии:

- все автономные профессиональные учебные заведения в любой области должны стремиться к тому, чтобы к 2030 году стать мультидисциплинарными учреждениями, предлагающими целостное и мультидисциплинарное образование;
- ВУЗы будут поощряться к подготовке специалистов в области сельского хозяйства и ветеринарии посредством программ, интегрированных с общим образованием. Высшие учебные заведения, предлагающие сельскохозяйственное образование, должны ориентироваться на местное сообщество и участие в создании сельскохозяйственных технологических парков в регионе для продвижения технологий инкубации и распространения;
- университеты/институты, предлагающие юридическое образование, должны предпочитать предлагать двуязычное образование для будущих юристов и судей - на английском и государственном языке;
- система медицинского образования должна быть интегрирована таким образом, чтобы все студенты аллопатического медицинского образования должны иметь базовое представление об Аюрведе, Йоге и Натуропатии, Унани, Сиддхе и Гомеопатии (АЮШ), и наоборот. Во всех формах медицинского образования следует уделять больше внимания профилактической медицине и общественной медицине;
- техническое образование должно предлагаться в рамках междисциплинарных учебных заведений и должно быть сосредоточено на возможности глубокого взаимодействия с другими дисциплинами. Основное внимание должно быть уделено предложению искусственного интеллекта (AI), трехмерная обработка, анализ больших данных и машинное обучение, в дополнение к геномным исследованиям, биотехнологии, нанотехнологии, нейронауки, с применением в области здравоохранения, экологии и устойчивого развития жизни [3, с. 26–27].

А. Скаррия делает вывод о том, что Национальная образовательная политика 2020 выступает за создание гибкой, междисциплинарной системы образования, позволяющей студентам приобретать навыки в различных областях [12, с. 54].

Р. Рани считает, что одним из основных направлений NEP 2020 является развитие навыков, особенно жизненных навыков и профессиональное обучение. Обучение жизненным навыкам готовит детей к умелому поведению в обществе, делает детей социально адаптируемыми и сравнительно легко реализуется. Однако основная проблема заключается в профессиональном обучении, поскольку существует опасность приписывания определенных профессий определенным сообществам, которые традиционно зависят от определенных профессий на протяжении многих поколений. Предлагаемое профессиональное обучение должно быть основано на выявленных способностях учащихся. Люди должны изменить свое отношение к профессиональному образованию, а политики и администраторы должны проанализировать причины, по которым Индия все еще далека от достижения цели, поставленной комиссией Котари в 1964–66 годах [10, с. 7].

По мнению профессора Р. Говинды, в некоторых областях Национальная образовательная политика 2020 воскресила старые предложения с незначительными изменениями. Одним из таких предложений является введение профессиональных навыков на ранних этапах школьного обучения. Первоначально подобное предложение было выдвинуто в 1950-х годах Комиссией по среднему образованию. Стратегия заключалась в том, чтобы использовать местные условия труда и специалистов, не обременяя школы их эксклюзивным набором; но эксперимент закончился в течение нескольких лет. После этого несколько комитетов обсуждали этот вопрос и вносили предложения, но так и не смогли продвинуться в этой области. В недавнем прошлом также были предприняты некоторые попытки ввести элементы профессионального образования в средних классах. Полевые исследования неизменно объясняют неудачу программы неадекватностью инфраструктуры и человеческих ресурсов. Хотя никто не будет отрицать необходимость и ценность интеграции развития навыков с академическим обучением, включение этого предмета в школьную программу требует гораздо более тщательного изучения, основанного на опыте прошлого [7, с. 605].

Проведя сравнительный анализ двух ключевых документов — Национальной образовательной политики 2020 года (NEP) и Национальной политики в области образования 1968 года (NPE), — исследователи Д. Бора и С. Мэтью пришли к выводу, что именно исторический акт 1968 года сыграл фундаментальную роль. По их оценке, NPE 1968 г. заложила первоначальную институциональную и концептуальную основу для развития системы профессионального образования в стране, определив его в качестве стратегического инструмента для решения одной из ключевых задач: повышения уровня занятости среди выпускников учебных заведений. Наследуя

и развивая данный стратегический курс, Национальная образовательная политика 2020 года ставит своей целью деконструкцию устоявшейся социальной иерархии, в рамках которой профессиональные образовательные траектории традиционно занимают подчиненное положение. Ключевым механизмом для достижения этой цели выступает поэтапная, но тотальная интеграция профессиональных программ в основную образовательную ткань на всех уровнях системы обучения, что призвано обеспечить их равный статус с академическими дисциплинами [5, с. 77].

В.Б. Бандгар акцентирует внимание на ключевом хронологическом сдвиге в подходе к профессиональному обучению. Если в рамках политики 1986 года знакомство с профессиональными дисциплинами было предусмотрено лишь на этапе старшей школы, после завершения X класса, то NEP 2020 знаменует переход к принципиально иной модели, предполагающей раннее вовлечение учащихся в профессиональную ориентацию уже с VI класса [4, с. 18].

Как подчеркивают С. Шарма и Б. Шарма, ключевой задачей Национальной образовательной политики является адаптация образовательной системы к актуальным запросам обучающихся, что достигается за счет смещения приоритета в сторону профессионально-прикладной подготовки. Реализация этих мер в совокупности создает предпосылки для формирования более мобильного, высококвалифицированного и социально инклюзивного трудового потенциала страны, что является фундаментальным условием для обеспечения устойчивого экономического роста Индии [11, с. 198].

Проведенный анализ эволюции профессионального образования в Индии позволяет заключить, что Национальная образовательная политика 2020 года знаменует собой стратегический переход от фрагментарных мер к целостной трансформации всей системы. Унаследовав от предыдущих политик фундаментальную цель — связь образования с занятостью, — NEP 2020 принципиально иначе подходит к ее достижению, предлагая парадигму тотальной интеграции. Преодоление социальной стигмы и институциональной изоляции профессионального трека видится через его раннее внедрение в учебные планы, создание прозрачных «мостов» для академической мобильности и формирование сетевой образовательной экосистемы в партнерстве с промышленностью. Несмотря на исторически обусловленные риски, связанные с инфраструктурными дефицитами и сохраняющимися стереотипами, именно такой комплексный подход создает предпосылки для формирования качественно новой, динамичной и инклюзивной модели подготовки кадров, адекватной амбициям интенсивно развивающейся индийской экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Радченко Л.Р. Становление профессионального образования Индии во второй половине XX в. // Педагогическое образование и наука. – 2011. – № 2. – С. 100–105.
2. Степанов В.И., Степанова Н.В. Роль пятилетних планов социально-экономического развития Индии в модернизации государственного и частного секторов высшего образования // Вестник педагогических наук. – 2025. – № 5. – С. 94–105.
3. Aithal P.S., Aithal S. Analysis of the Indian National Education Policy 2020 towards Achieving its Objectives // International Journal of Management, Technology, and Social Sciences (IJMSTS). – 2020. – Vol. 5, No. 2. – P. 19–43.
4. Bandgar V. Comparative study of New Education Policy 2020 with National Education Policy, 1986 // Proceedings Journal of Interdisciplinary Research Special Issue 89 (National Education Policy 2020 and Teacher Education). – 2020. – Special Issue No. 89. – P. 16–19.
5. Bora D., Mathew S. Reshaping Higher Education: A Comparative Study of India's National Education Policies // International Journal for Multidimensional Research Perspectives. – 2024. – Vol. 2, Issue 5. – P. 72–85.
6. Freeman B. Exploring the Ramifications of India's National Education Policy 2020 for Engagement. – 2021. – 18 p.
7. Govinda R. NEP 2020: A Critical Examination // Social Change. – 2020. – Vol. 50, Issue 4. – P. 603–607.
8. National Education Policy 2020. – Ministry of Human Resource Development, Government of India, 2020. – 65 p.
9. Ramesh S. National Education Policy of India: A Comprehensive Roadmap for Transformative Education // Journal of Learning and Educational Policy. – 2023. – Vol. 03, No. 06. – P. 43–48.
10. Rani R. National Education Policy-2020: Issues and Challenges // Quest Journals. – 2022. – Vol. 10, Issue 2. – P. 6–9.
11. Sharma S., Sharma B. NEP 2020 to NEP 2025: A Review of Policy Shifts and Structural Reforms // International Journal of Innovations in Science Engineering and Management. – 2025. – Vol. 4, Issue 2. – P. 196–201.
12. Skariah A. Reimagining the Future of Higher Education Institutions in India: Quality Assurance and Sustainable Transformation // AIDASCO Reviews. – 2024. – Vol. 2, Issue 2. – P. 48–57.

© Степанов Виктор Иванович (rector@aeli.altai.ru), Степанова Наталья Викторовна (natalia0410@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПОРТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ВОСПИТАНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ ВУЗОВ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОЙ НАЦИИ

SPORTS-ORIENTED EDUCATION OF UNIVERSITY STUDENTS AS AN INTEGRAL PART OF THE FORMATION OF A HEALTHY NATION

**A. Surkov
O. Antipov
V. Lutsyuk**

Summary: Sports-oriented education in Russian education is developing not only in a professional direction but is also being proactively integrated into non-core universities to improve students' individual and public health indicators, increase their motivation to engage in sports, and form the habit of leading an active lifestyle on an ongoing basis. These trends are related to the fact that physical education classes provided in higher schools do not fully satisfy the state guidelines for improving the physical development of students. The SMART model, which is entirely focused on the competent setting of clear goals that play a key role in motivation and achieving high results, will help students to motivate themselves to play sports more intensively than was previously accepted in non-core universities. This approach is based on four principles: specificity, measurability, achievability, relevance, and time frame. The above-mentioned discipline in higher education institutions is mainly a collective activity, which, in the context of the SMART model, involves social recognition and interaction with like-minded people, which is a powerful support in achieving goals and maintaining motivation to make physical education and sports an integral part of the life of every Russian citizen.

Keywords: sports-oriented education, SMART model, university, higher education, sport - the norm of life, healthy nation, setting goals.

Сурков Александр Михайлович

кандидат педагогических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
surkov.1954@bk.ru

Антипов Олег Владимирович

кандидат биологических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
antipov_ov@bk.ru

Луцюк Владимир Евгеньевич

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
lustyk@mail.ru

Аннотация: Спортивно-ориентированное воспитание в российском образовании развивается не только в профессиональном направлении, но и инициативно интегрируется в непрофильные вузы с целью улучшить показатели индивидуального и общественного здоровья обучающихся, повысить их уровень мотивации к занятиям спортом, а также сформировать привычку ведения активного образа жизни на постоянной основе. Данные тенденции связаны с тем, что занятия по физической культуре, предусмотренные в высших школах, не удовлетворяют в полной мере государственные установки улучшать физическое развитие обучающихся. Сформировать в студентах мотивацию заниматься спортом более интенсивно, чем ранее это было принято в непрофильных вузах, поможет SMART-модель, всецело ориентированная на грамотную постановку четких целей, которые играют ключевую роль в мотивации и достижение высоких результатов. В основе данного подхода заложено четыре принципа: конкретика, измеримость, достижимость, релевантность и временные рамки. Вышеобозначенная дисциплина в высших учебных заведениях – это преимущественно коллективная деятельность, которая в контексте SMART-модели предполагает социальное признание и взаимодействие с единомышленниками, что является мощной поддержкой при достижении целей и сохранении мотивации сделать физическую культуру и спорт своей неотъемлемой частью жизни каждого гражданина России.

Ключевые слова: спортивно-ориентированное воспитание, SMART-модель, вуз, высшее образование, спорт – норма жизни, здоровая нация, установка целей.

Введение

Спорт для россиян становится неотъемлемой частью жизни, приверженность к данным традициям начинается с образовательных учреждений. Данные тенденции обусловлены Распоряжением Правительства Российской Федерации «Об утверждении межотраслевой программы развития студенческого спорта на период до 2030 года» [6] и федеральным

проектом «Спорт – норма жизни», согласно которым важно способствовать повышению мотивации и формированию у обучающихся «потребности в систематических занятиях физической культурой и спортом» [10, с. 5]. Для реализации социального заказа такой сферы, как физкультура и спорт, важно давать возможность делать свободный выбор вида двигательной деятельности и принимать во внимание цели обучающихся и педагогического состава вузов.

Материалы и методы основаны на системном подходе и включают анализ, синтез и систематизацию материала, аналитику и обработку статистических данных.

Результаты и обсуждение

Сегодня все больше высших учебных заведений заменяют традиционные формы физического воспитания студентов спортивными – 07 апреля 2025 г. Государственная Дума РФ приняла закон, предусматривающий профессиональную спортивную подготовку, а также физкультурно-оздоровительные услуги по месту проживания [9], благодаря чему у обучающихся есть возможность продолжать заниматься спортом после окончания вуза. Т.о. появилась четко обозначенная траектория становления их спортивного образа жизни, благодаря чему к октябрю 2023 г. уже более 50% россиян (от 1600 респондентов) занимается спортом не реже раза в неделю. По данным Всероссийского центра исследования общественного мнения 2023 г. (далее – ВЦИОМ), представлены данные, свидетельствующие о регулярности занятий физической культурой среди молодежи (см. рисунок 1):

Исходя из результатов исследований Т.М. Кравчук, С.А. Байбел, О.О. Сластиной, А.И. Коваленко (*Kravchuk, Bybel, Slastina, Kovalenko 2020*), многочисленные опросы студентов различных высших учебных заведений о том, каким видам спорта они хотели бы отдать предпочтение, показывают, что большинство юношей стремятся заниматься общей физической подготовкой, а девушки – аэробикой и фитнесом [12, р. 10].

Минобрнауки России в 2020 г. осветило следующий перечень студенческих видов спорта, которые больше всего мотивируют быть «быстрее, выше, сильнее»: авто-

спорт (Тверской государственный технический университет и Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова), академическая гребля (Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина), альпинизм (Дагестанский государственный университет), воздухоплавательный спорт (Донской государственный технический университет), чирлидинг (Московский авиационный институт), пауэрлифтинг Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова», каратэ и такие виды японских единоборств, как кобудо, «Синто мусо-рю дзёдо (техника боя тростью / палкой) и Мугай-рю иай хёдо (техника выхватывания меча и фехтования мечом)» [1] (Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина), а также народные игры и национальные виды спорта в Республике Саха (Якутия, Северо-Восточный федеральный университет) [1].

По данным ВЦИОМ, в 2023 г. наиболее импонируемые видами спорта в России стали (согласно ответам 1600 респондентов) [8] следующие: (а) бег, ходьба и легкая атлетика (37% – 592 чел.) [8], которые в вузах предпочитают преподавать в 15% случаев [5, с. 407]; (б) фитнес (комплексные занятия физкультурой) (31% – 496 чел.) [8], предпочтение которому отдают 7% студентов [5, с. 407]; (в) силовые тренировки, тяжелая атлетика (18% – 288 чел.) [8]; (г) лечебная физкультура (ЛФК) (17% – 272 чел.) [8]; (д) плавание (15% – 240 чел.) [8], которое предпочитают включать в программу высшего образования в 8% случаев [5, с. 407]; (е) футбол (7% – 112 чел.) [8]; (ж) зарядка (4% – 64 чел.) [8]; (з) волейбол (3% – 48 чел.) [8] – по данным 2018 г. [3, с. 48] и 2024 г. это наиболее популярный вид спорта в вузах (20%) [5, с. 407]; (и) велосипед (3% – 48 чел.); (к) боевые искусства / борьба (3% – 48 чел.) – примерно такой же процент обучающихся занимается ими в

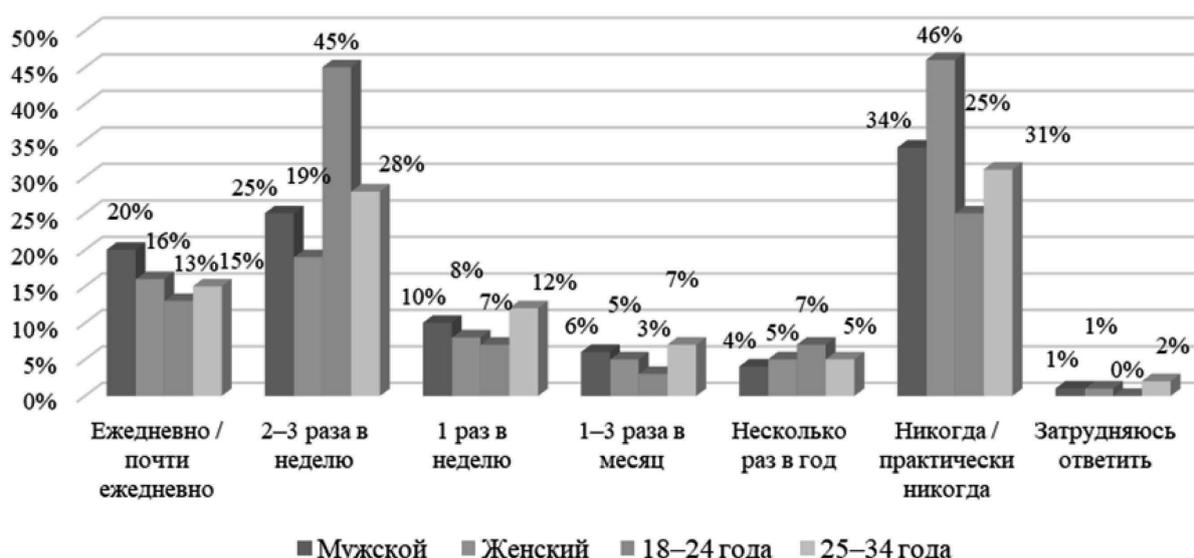

Рис. 1. Частота занятий физической культурой и спортом лицами от 18 до 34-х лет (рисунок наш, данные ВЦИОМ за октябрь 2023 г.) [8]

непрофильном вузе (4%) [5, с. 407]; (л) пешие прогулки (3% – 48 чел.); (м) теннис (2% – 32 чел.); (н) йога (2% – 32 чел.) [8].

При этом за последние 17 лет (с 2006 г.) выросла популярность бега на 15%, силовых тренировок на 12%, ЛФК на 4%, плавания на 3%, также добавились такие виды спорта, которые ранее (в 2006 и в 2016 гг.) не озвучивались респондентами в принципе, как: зарядка, велосипед, пешие прогулки, йога, бадминтон (1%) и танцы (1%). Однако существенно снизилась популярность: футбола (с 16% до 7%) [8] – хотя в вузах он занимает вторую позицию в рейтинге наиболее часто встречаемых видов спорта в образовательных программах в 2018 г. [3, с. 48] и в 2024 г. – в 14% случаев в мини-варианте [5, с. 407], волейбола (с 9% до 3%), тенниса (с 5% до 2%), хоккея (с 3% до 1%), лыж (с 5% в 2013 г. до 1% в 2023 г., соответственно) и баскетбола (с 5% до 1%) [8], который, согласно исследованиям И.В. Жуковой и В.А. Ильина (2018), является вторым по популярности видом спорта в высших школах [3, с. 48], а исходя из работы А.А. Парфенова и А.И. Ананьевой (2024), доля студентов, занимающихся им, составляет 18% [5, с. 407]. Более того, в институтах и университетах часто можно встретить настольный теннис (11%), греблю (2%) и киберспорт (1%) [5, с. 407], в то время как респонденты ВЦИОМ не упоминают их в принципе [8].

Вышеперечисленные статистические данные свидетельствуют о том, что те виды спорта, которые предлагаются в высших учебных заведениях, существенно разнятся с теми, которым отдает предпочтение молодежь, в результате чего снижается мотивация студентов заниматься физической культурой и спортом при получении профессионального образования неспортивного профиля.

Согласно исследованиям Т.С. Казаковцевой и С.Л. Михайловой (2015), спортивно-ориентированное воспитание – это «педагогический подход, который удовлетворяет физкультурные интересы и потребности молодежи в процессе освоения ценностей физической культуры» [4].

Улучшить эффективность и компетенции обучающихся в физической культуре и спорте поможет SMART-модель, которая как обучающимся, так и преподавателям способна обеспечить более высокую мотивацию и вовлеченность в процесс обучения, ориентирует на конкретные задачи, при этом требует «развития критического мышления, творческих способностей и навыков межличностного общения» [7, с. 50]. Как подчеркивают К. Браун, К. Леонард, М. Артур-Келли (*Brown, Leonard, Arthur-Kelly 2016*), постановка релевантных целей является эффективной стратегией обеспечения обучения и играет ключевую роль в мотивации [11, р. 2].

Изначально концепция SMART-целей использова-

лась в бизнесе и долгое время применялась в рамках критических рефлексивных практик (при анализе педагогического опыта) во время проведения дискуссий и семинаров. Согласно данной концепции, по мнению ученых (*Doran 1981; Locke & Latham; Chamberling 2011; MacLeod 2012, Brown, Leonard, Arthur-Kelly*), цели гораздо более практико-ориентированы, чем самоцели [11, р. 2].

В соответствии с аббревиатурой, каждая цель должна быть конкретной, измеримой, достижимой, актуальной и иметь четкий дедлайн. Цели обучения, сформулированные в соответствии с вышеперечисленными характеристиками, легче достижимы [13, р. 3], помогают развивать самодисциплину, снижают уровень стресса, улучшают организационные навыки и умение планировать, позволяют систематически давать объективную оценку прогресса каждого обучающегося. Между тем цель должна быть сформулирована четко и содержательно, связана с потребностями студентов и направлена на обучение аудитории, а также определять шаги для ее достижения в установленные сроки (см. рисунок 2):

SMART – это не только аббревиатура, но и понятие, которое переводится с английского языка как «умный». Солидарно с Э. Микель, М. Монгийо, М. Солер, Д. Дюран (*Miquel, Monguillot, Soler, Duran 2024*), спортивно-ориентированные цели, сформулированные преподавателями, должны быть контекстуализированы и соответствовать нескольким характеристикам (учитывать интересы студентов, принимать во внимание их индивидуальные потребности, быть сосредоточенными на воспитании спортивной культуры личности; реализовывать программу обучения с уклоном на формирование навыков ведения здорового образа жизни); при этом SMART-цели дефинируют как интеллектуальные [13, р. 3].

Исходя из исследований З.М. Внуковой, М.А. Бородина (2022), в основе спортивно-ориентированного воспитания должна быть психологическая подготовка, способствующая формированию и воспитанию характера, силы воли [1, с. 49/256], целеустремленности, мотивации, планирования и преодоления препятствий – данные качества лежат в основе здоровья нации и помогают выстраивать вектор становления каждой личности в контексте осознания собственных потребностей и выполнения релевантных действий для их реализации.

Под влиянием систематических занятий целевым спортом у студентов формируются такие важные качества, как гибкость, сила, скорость, выносливость, координация, внимание, реакция, мышление. Обучающиеся благодаря интенсивным и регулярным физическим нагрузкам становятся достаточно активны, соблюдают режим дня, у них появляется уверенность в себе и сво-

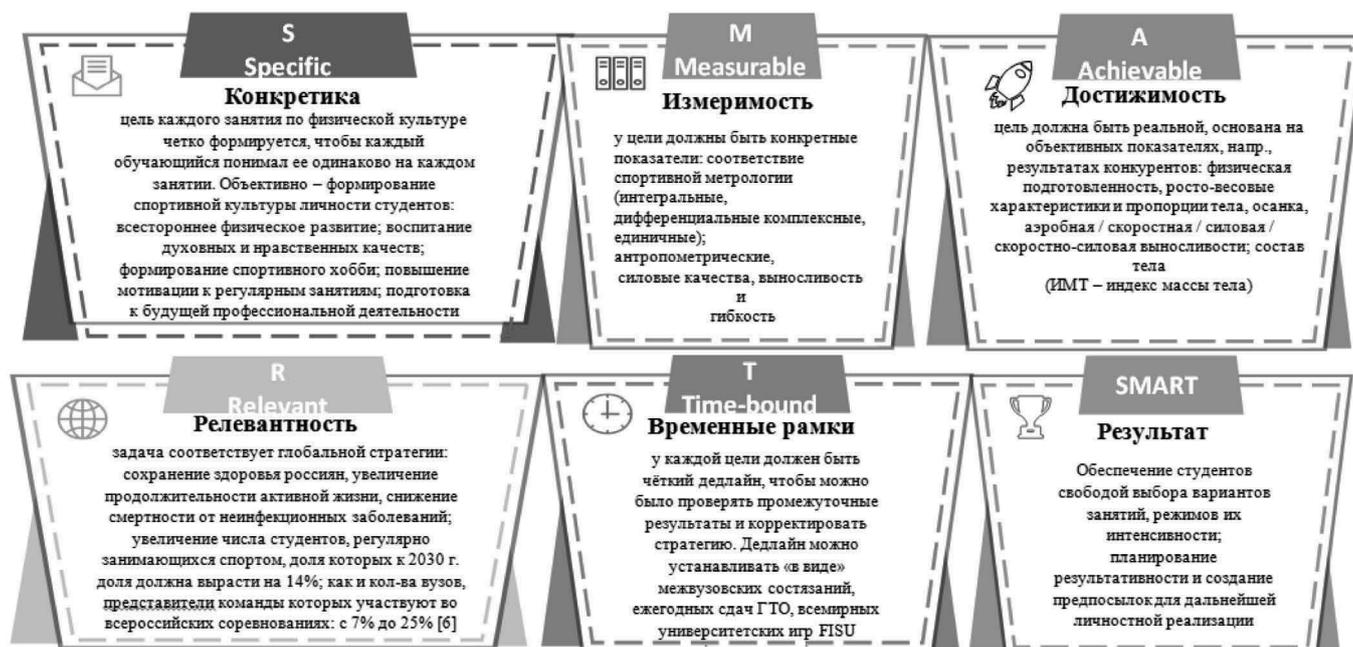

Рис. 2. Спортивно-ориентированное воспитание обучающихся вузов сквозь призму SMART-стратегии (рисунок наш)

их способностях [12, p. 17], что наиболее оптимально реализуемо благодаря спортивно-ориентированному воспитанию.

Физическая культура в данном ракурсе формирует в человеке навыки ставить цель, преодолевать препятствия, достигать более высокого уровня собственных умений обучающимся, закаляет характер. Между тем методы спортивной тренировки базируются на трех концептах: мотивация, саморегуляция и когнитивные процессы (постановка цели быть здоровым, регулярно заниматься каким-либо спортом и вести подвижный образ жизни, что требует от человека активного мышления и анализа, в результате чего он просчитывает свои возможности, риски и ресурсы).

Выводы

Выводы: основной упор законодательной системы Российской Федерации и программы физической культуры высших школ делается на формировании в обучающихся традиции регулярно заниматься спортом и вести здоровый образ жизни, не прерывая ее даже после окончания вуза. Данный аспект достижим при интеграции в процесс обучения SMART-модели, в основе которой постановка четкой цели – ее реализация должна базироваться на пяти основополагающих принципах, концентрирующих внимание участников образовательной деятельности на внесении конкретики в каждое занятие, измеримости, достижимости, организации для этого релевантных действий, а также соблюдении сроков дедлайна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быстрее, выше, сильнее: студенческий спорт в вузах // Минобрнауки России. Статья от 18.08.2025. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/21440/> (дата обращения: 23.10.2025).
2. Внукова З.М., Бородин М.А. Методы спортивной тренировки: характеристика, задачи и цели // Наука-2020. 2022. №6 (60). С. 45–50.
3. Жукова И.В., Ильин В.А. Роль командных видов спорта в физическом воспитании студентов в непрофильных вузах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. №4. С. 47–49.
4. Казаковцева Т.С., Михайлов С.Л. (2015) Физическое воспитание студентов в гуманитарном вузе на основе волейбола // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20765> (дата обращения: 21.10.2025).
5. Парфенов А.А. Ананьева И.В. Тенденции развития современных видов спорта в высших учебных заведениях России // Молодой ученый. 2024. № 46 (545). С. 406–408.
6. Распоряжение Правительства РФ от 10.04.2025 №881-р «Об утверждении межотраслевой программы развития студенческого спорта на период до 2030 года и план мероприятий по ее реализации».
7. Сергеева А.М. Метод SMART, как стратегия целеполагания в образовательном процессе // Проблемы науки. 2024. №6 (87). С. 47–50.
8. Спорт для всех // ВЦИОМ. Статья от 16.10.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sport-dlja-vsekh> (дата обращения: 22.10.2025).

9. Федеральный закон от 07.04.2025 №65-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
10. Федеральный проект «Спорт - норма жизни». Официальный сайт Министерства спорта России. URL: <https://minsport.gov.ru/activity/gosprogramma/fed-proect-sngn/> (дата обращения: 22.10.2025).
11. 1Brown C., Leonard C., Arthur-Kelly M. (2016) Writing SMARTER goals for professional learning and improving classroom practices // *Reflective Practice* 17(5):1-15. <https://doi.org/10.1080/14623943.2016.1187120>.
12. Kravchuk T.M., Bybel S.A., Slastina O.O., Kovalenko A.I. (2020) Methods of teaching gymnastic exercises to students engaged in sports aerobics // *Health sport rehabilitation* 6(3):9-18. <https://doi.org/10.34142/HSR.2020.06.03.01>.
13. Miquel E., Monguillot M., Soler M., Duran D. (2024) Reciprocal peer observation: a mechanism to identify professional learning goals // *Education Inquiry*. <https://doi.org/10.1080/20004508.2024.2370116>.
14. Антипов О.В. Физическое воспитание, ориентированное на приоритет здоровья, в условиях дистанционного обучения в аграрном вузе / О.В. Антипов, Р.В. Гежа, М.С. Лукова // *Право, история, педагогика и современность* : Сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Пенза, 30–31 января 2023 года / Под редакцией А.В. Яшина, А.А. Грачева, Н.И. Свечникова. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. – С. 11–15.
15. Гежа Р.В. Реализация физического воспитания студентов, ориентированного на приоритет здоровья / Р.В. Гежа, О.В. Антипов, Ю.Л. Першин // *Актуальные проблемы ветеринарной медицины, зоотехнии, биотехнологии и экспертизы сырья и продуктов животного происхождения* : Сборник трудов 2-й Научно-практической конференции, Москва, 23 июня 2023 года / Под общей редакцией С.В. Позябина, Л.А. Гнездиловой. – Москва: Сельскохозяйственные технологии, 2023. – С. 613–614.
16. Антипов О.В. Формирование личности студента при помощи игровых видов спорта (на примере футбола) / О.В. Антипов, Е.Ю. Суханова, Р.В. Гежа // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. – 2021. – № 3. – С. 32–37.
17. Першин Ю.Л. Воспитание личности посредством занятий в секции спортивных единоборств в зооветеринарном вузе / Ю.Л. Першин, Л.А. Нюкрсне, Р.В. Гежа // *Актуальные проблемы ветеринарной медицины, зоотехнии, биотехнологии и экспертизы сырья и продуктов животного происхождения*: Сборник трудов 3-й Научно-практической конференции, Москва, 28 июня 2024 года. – Москва: ООО «Издательство «Сельскохозяйственные Технологии», 2024. – С. 572–573.
18. Антипов О.В. Студенческий спортивный клуб как современная форма организации спортивно-массовой работы в вузе / О.В. Антипов, Р.В. Гежа, Л.А. Нюкрсне // *Образование России и актуальные вопросы современной науки* : Сборник статей VI Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 22–23 мая 2023 года / Под научной редакцией П.А. Гагаева, Е.П. Белозерцева. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. – С. 42–46.
19. Гежа Р.В. Мотивационно-ценностное отношение студентов к своему здоровью и физической культуре / Р.В. Гежа, С.В. Комин, М.В. Куликова // *Актуальные проблемы ветеринарной медицины, зоотехнии, биотехнологии и экспертизы сырья и продуктов животного происхождения*: Сборник трудов 3-й Научно-практической конференции, Москва, 28 июня 2024 года. – Москва: ООО «Издательство «Сельскохозяйственные Технологии», 2024. – С. 563–564.
20. Штукин Н.Н. Роль здоровьесберегающих технологий в непрофильном вузе / Н.Н. Штукин, Р.В. Гежа, С.В. Комин // *Актуальные проблемы ветеринарной медицины, зоотехнии, биотехнологии и экспертизы сырья и продуктов животного происхождения*: Сборник трудов 3-й Научно-практической конференции, Москва, 28 июня 2024 года. – Москва: ООО «Издательство «Сельскохозяйственные Технологии», 2024. – С. 583–584.

© Сурков Александр Михайлович (surkov.1954@bk.ru), Антипов Олег Владимирович (antipov_ov@bk.ru),

Луцюз Владимир Евгеньевич (lustyk@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРЕПОДАВАНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВУЗЕ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ЗДОРОВОЙ НАЦИИ В РОССИИ

TEACHING PHYSICAL EDUCATION IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS AS AN IMPORTANT FACTOR IN THE DEVELOPMENT STRATEGY OF A HEALTHY NATION IN RUSSIA

**E. Sukhanova
O. Antipov
V. Lutsyuk**

Summary: The modern state policy of Russia in the field of healthy lifestyle formation offers a variety of resources and tools for a high-quality pastime of society, increasing the life expectancy of the population, including through educational organizations, primarily through sports. This factor is due to the fact that physical education classes are able to correct the consequences of many non-communicable diseases, but, most importantly, to prevent their occurrence and prevent bad habits, which are the source of most pathologies. According to data for 2025, 80% of deaths in Russia from diseases that are not transmitted from person to person are the result of alcohol abuse, smoking, chronic respiratory diseases, poor ecology, malignant neoplasms, disorders of the cardiovascular system and arterial hypertension. Informing students about the risks of an improper lifestyle and its consequences, as well as demonstrating in practice the benefits and advantages of physical education and sports, is most relevant at the student age, when a person is already sufficiently aware and able to competently analyze information, plan and anticipate the potential results of their behavior. The teaching staff of the higher school lays the foundation for physical education on important aspects of the relevance of physical activity, sleep patterns and healthy eating, as well as the rejection of bad habits.

Keywords: physical education, sports, teaching, university, strategy for the development of a healthy nation, formation of a healthy lifestyle, prevention of noncommunicable diseases, promotion of sports.

Суханова Елена Юрьевна

кандидат биологических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
lena.suxanova@yandex.ru

Антипов Олег Владимирович

кандидат биологических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
antipov_ov@bk.ru

Луцюк Владимир Евгеньевич

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
lustyk@mail.ru

Аннотация: Современная государственная политика России в области формирования здорового образа жизни предлагает множество ресурсов и инструментов для качественного времяпрепровождения общества, увеличения продолжительности жизни населения, в том числе, через образовательные организации, прежде всего, через спорт. Данный фактор обусловлен тем, что занятия физической культурой способны корректировать последствия многих неинфекционных заболеваний, но, главное, профилактировать их возникновение и предупреждать вредные привычки, являющиеся источником большинства патологий. По данным на 2025 год 80% смертей в России от болезней, не передающихся от человека к человеку, является следствием злоупотребления алкоголем, курением, хронических респираторных заболеваний, плохой экологии, злокачественных новообразований, нарушений работы сердечно-сосудистой системы и артериальной гипертензии. Информирование обучающихся о рисках неправильного образа жизни и его последствиях, а также демонстрацию на практике пользы и преимуществ физической культуры и спорта наиболее релевантно проводить в студенческом возрасте, когда человек уже достаточно осознанный и способен грамотно анализировать информацию, планировать и предвидеть потенциальные результаты своего поведения. В основу физического воспитания преподавательским составом высшей школы закладываются важные аспекты актуальности физической активности, режима сна и здорового питания, а также отказа от вредных привычек.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, преподавание, вуз, стратегия развития здоровой нации, формирование здорового образа жизни, профилактика неинфекционных заболеваний, пропаганда спорта.

Введение

«Одной из самых главных межотраслевых проблем развития Российской Федерации является формирование здорового образа жизни населения, профилактика и контроль неинфекционных

заболеваний» [15, с. 1], что изначально было обозначено в одноименной Стратегии на период до 2025 г., в итоге утвержденной приказом №8 от 15.01.2025 [11]. Нормативно-правовое регулирование призвано бороться со смертностью россиян от неинфекционных болезней, которая в 2020 г. составляла 68%. Преподавание физи-

ческой культуры в вузе является частью профилактических мероприятий, сконцентрированных на снижении факторов риска заболеваний и формировании единой профилактической среды – согласно Стратегии, такие мероприятия детерминируют «50% успеха значимого снижения смертности населения» [15, с. 1].

Материалы и методы основаны на системном подходе и включают анализ, синтез и систематизацию материала, аналитику и обработку статистических данных.

Результаты и обсуждение

Согласно ВОЗ (Всемирной организации здравоохранения), 80% смертей россиян вызвано сердечно-сосудистыми патологиями, онкологией, «хроническими респираторными заболеваниями и сахарным диабетом» [8]. Б. Бердыклычев (глава офиса ВОЗ в Москве) заявил, что основными факторами, провоцирующими вышеперечисленные болезни, являются: «злоупотребление алкоголем, курение, потребление большого количества соли, нездоровое питание, загрязнение воздуха и повышенное артериальное давление» [8]. Р. Гуленков специалист Минздрава Московской области по общей врачебной практике, добавил к данному перечню «туберкулез, ВИЧ и психические расстройства» [8]. Как подчеркивают в своих исследованиях М.Д. Кырнац, Е.Е. Демчук (2024), основной причиной развития целого спектра хронических неинфекционных заболеваний и их осложнений является малоподвижный образ жизни (40% россиян: среди мужчин – 37%, среди женщин – 42% [15, с. 3]), в т.ч. таких серьезных патологий, как атеросклероз, ишемическая болезнь сердца (ИБС; из-за недостаточной физической активности риск увеличивается на 30%), артериальная гипертензия (АГ – на 35-53%), мозговой инсульт, ожирение, сахарный диабет 2-го типа (на 27%), рак (рак молочной железы и толстой кишки – на 21–25%), артрит и остеопороз» [6; 5, с. 75].

Важен также тот факт, что в 2000 г. средняя продолжительность жизни составляла 65 лет, в 2019-ом – 73

года, с учетом новой политики РФ по формированию здорового образа жизни населения, к 2031 г. ожидаемая продолжительность жизни должна составлять 78 лет, а к 2036-му – 81 год. «Рекорд по естественной убыли за новейшую историю страны был установлен в пандемийном 2021 г. – 1 млн человек» [8]. Увеличение продолжительности жизни за последние 20 лет свидетельствует об эффективности Стратегий правительства по исследуемой проблематике. Ниже представлены основные факторы, снижающие качество и продолжительность жизни россиян, и положительные корреляты физической культуры и спорта, способные профилировать и корректировать обозначенную проблематику (см. рисунок 1):

Злоупотребление алкоголем чаще всего является попыткой снизить стресс [14], однако, последствия данной зависимости провоцируют возникновение еще больших проблем с близкими, на работе и в других делах, что становится новыми триггерами обострения алкогольной зависимости. Следствием потребления алкоголя являются: заболевания печени, почек, желудочно-кишечного тракта (ЖКТ), сердечно-сосудистой системы (ССС); нарушения физического и психологического состояний (агрессия, депрессия), интеллектуальных способностей (невнимательность, рассеянность, снижение памяти и работоспособности) [4] и т.д.

Физическая культура и спорт при этом выступают в роли профилактических мер, которые в особенности эффективны, когда заложены со студенческих лет, т.к. именно в этом возрасте, по данным на 2024 г., «10% студентов вообще не употребляют спиртные напитки, 53,33% употребляют их “иногда”, 26,67% потребляют “время от времени”, 6,67% – регулярно» [9, с. 11]. Благодаря тренировкам идет повышение сопротивляемости организма, снижение зависимости. Более того, согласно исследованиям Института сохранения здоровья штата Айова (США), гормон, выделяющийся при регулярных занятиях физическими упражнениями, вызывает стойкое чувство удовлетворения и привыкания, по силе равное чувству зависимости от алкогольной продукции [14].

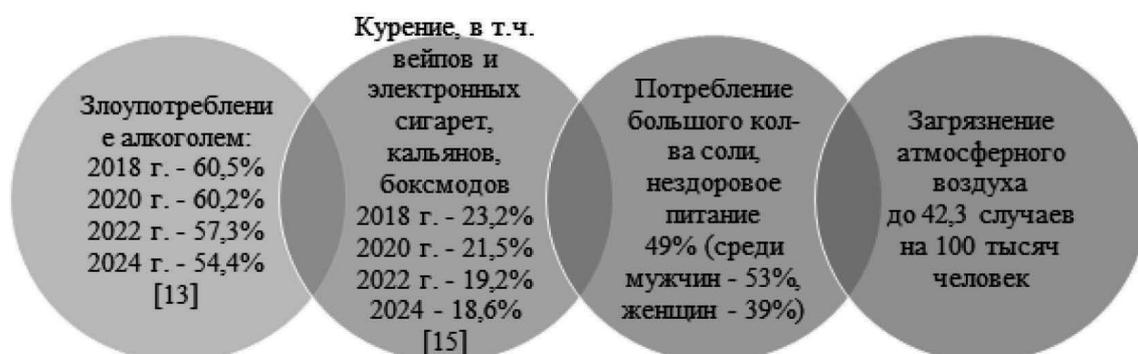

Рис. 1. Вредные привычки и экологические факторы в 2025 г., снижающие качество и продолжительность жизни россиян [8]. Показатели (%) по данным Росстата (2014) за период с 2000 г. по 2012 г. [15] (рисунок наш)

Второй причиной повышения смертности россиян является курение, в т.ч. вейпов, электронных сигарет, кальянов, боксмодов и мехмодов. Данная зависимость спровоцирована чаще всего попыткой снять эмоциональное напряжение и дискомфорт в стрессовых ситуациях, что является результатом нарушения способности проявлять практический интеллект [5, с. 47–48]. В результате возникают заболевания ССС, патологии дыхательной системы (гипоксия; хроническая обструктивная болезнь легких – ХОБЛ), нарушения пищеварительной и нервной системы (снижение концентрации внимания, координации движения, головокружение, бессонница), заболевания опорно-двигательного аппарата (из-за недостаточного кровообращения происходит слабое питание мышц и других тканей организма – возрастает риск растяжений и переломов); рак легких, рта и дыхательных путей; снижение фертильности, риски внематочной беременности, преждевременных родов и отслойки плаценты, повышение перинатальной заболеваемости и смертности и т.д.

Занятия физической культурой и спортом помогают укреплять мышцы, улучшать работу сердечно-сосудистой системы и поддерживать активный образ жизни, вследствие чего вырабатываются «способности к саморегуляции эмоциональной сферы и оптимизации уровня тревожности» [5, с. 48], что происходит за счет экспликации эмоций в процессе вербализации своих переживаний во время тренировки и соревнований; выполнение тактических и технических действий помогает снизить уровень тревожности и повысить уверенность в себе благодаря результативности физических упражнений; улучшение когнитивных навыков [5, с. 48] формирует аналитические способности (анализ ситуации и предвидение действий соперника), в т.ч. в отношении курения и его последствий; занятия спортом стимулируют иммунную систему, что помогает компенсировать часть вреда, нанесенного никотином (снизить воспалительные процессы, улучшить работу ССС, стабилизировать психоэмоциональное состояние; стимулировать метаболизм легких).

Потребление большого количества соли, нездоровое питание

Потребление большого количества соли, нездоровое питание также являются вредной привычкой, вызванной либо обычаем есть определенную национальную кухню, где соль служит источником сохранения продуктов питания от порчи и паразитов, либо злоупотреблением фастфуда, а также недостаточным информированием студентов о рисках неправильного питания. Чаще всего на этом фоне наблюдается задержка жидкости в организме и метеоризм; повышение кровяного давления из-за того, что соль притягивает воду, увеличивая объем кровотоков и сдавливая тем самым стенки сосудов; как следствие, начинаются головные боли, гипертония; следствием переизбытка вредной

пищи, чаще всего жирной и соленой, в т.ч. потребления сладких газированных напитков, становится повышенной усталость – из-за нарушения баланса электролитов в организме происходит нарушение сердечного ритма, встречаются образования камней в почках и проблемы с мочевыводящими путями; онкология ЖКТ и т.д. [16].

Между тем во время тренировок с потом теряются электролиты (соль), принимающие участие в регуляции работы мышц, передаче нервных импульсов и поддержании водно-солевого баланса; занятия спортом увеличивают жажду, вследствие чего человек пьет больше воды, что способствует снижению веса и выведению вредных веществ из организма, при этом нет замещения жажды потреблением пищи благодаря информированности о здоровом питании, в противном случае люди часто путают чувство жажды с голодом (вместо воды потребляют больше калорий) – это происходит потому, что за оба сигнала отвечает один и тот же участок мозга – гипоталамус [1].

Следующей причиной снижения качества и продолжительности жизни является загрязнение атмосферного воздуха по естественным (природным) и антропогенным причинам. При этом наиболее загрязняющие вещества – это «угарный газ, диоксид азота, диоксид серы, озон, дисперсные частицы» [8]. Физическая культура и спорт отвечают за формирование практического интеллекта, благодаря которому человек учится четко планировать свои действия и выполнять их (понимать уровень опасности загрязнения воздуха и принимать действия, зависящие от самого обучающегося) [5, с. 48], которые предотвращают негативные факторы, например: предпочтение отдается экологическому общественному транспорту (метро, трамваю, электробусу, самокату, троллейбусу, велосипеду, моноколесу, гироскутеру вместо автомобилей с бензиновым или дизельным двигателем); дома выполняется установка бризера (притяжной и приточной вентиляции для защиты от пыли и шума с улицы); в будущем при трудоустройстве пропагандируется, организовывается и внедряется экологизация того производства, на котором будет работать студент; занятия спортом и физической культурой часто коррелируют с привычкой проводить досуг и тренировки на свежем воздухе, включая пешие прогулки по паркам, скверам и выезды на природу, что мотивирует регулярно посещать данные локации.

Ниже представлены патологические факторы, снижающие качество и продолжительность жизни россиян (см. рисунок 2):

Оптимальной профилактикой артериальной гипертонии являются физические нагрузки на свежем воздухе [5, с. 75]., составляющие не менее 3-х раз в неделю по 40 минут (ходьба, лыжи, плавание, езда на велосипеде, игра в теннис и т.д.), что позволяет достоверно снижать давление даже у лиц с повышенным весом

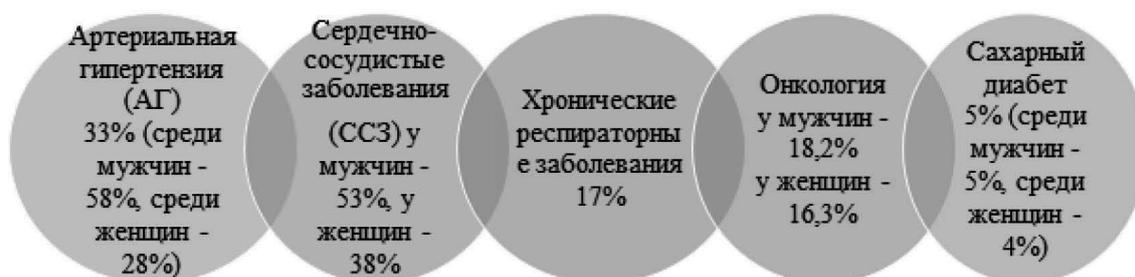

Рис. 2. Патологические факторы в 2025 г., снижающие качество и продолжительность жизни россиян [8]. Показатели (%) по данным Росстата (2014) за период с 2000 г. по 2012 г. [15] (рисунок наш)

Помимо этого, регулярная физическая активность – это научно доказанный метод профилактики ССЗ, т.к. она способствует укреплению ССС, повышает уровень кислорода в крови и, тем самым, улучшает кровообращение, а также стабилизирует уровень холестерина и кровяного давления. Не менее важно положительное воздействие физической культуры и спорта на психоэмоциональное состояние, благодаря чему снижается уровень стресса и тревожности, что оказывает положительное влияние на ССС [5, с. 75].

К хроническим респираторным заболеваниям относят такие, как бронхиальная астма, хроническая обструктивная болезнь легких (ХОБЛ), в т.ч. бронхит, эмфизема легких и т.д. – основными причинами данных патологий являются курение, загрязнение воздуха, повышенное содержание аллергенов и вредные производственные факторы. Профилактировать возникновение данных заболеваний наиболее эффективно могут такие виды спорта, как плавание, бег, футбол, баскетбол, волейбол и ходьба, т.к. они стимулируют кровоснабжение легких, повышают дыхательную нагрузку, предупреждая, тем самым, слипания и спайки в легочной ткани, помогают восстанавливать частоту дыхательных движений, а также улучшают кровоснабжение организма в целом.

«Для профилактики онкопатологий врачи рекомендуют 140-150 минут умеренных физических нагрузок или же 75 минут интенсивных нагрузок в неделю» [4], что способствует очищению дыхательных путей, активизации физиологических процессов, связанных с иммунной системой, препятствует выделению стресс-гормона.

Сахарный диабет 1 типа имеет наследственную предрасположенность, однако, эффективно профилактируется не только при условии, что ребенок с рождения до

1.5 лет на грудном вскармливании и предупреждаются вирусные недуги (в т.ч. с помощью прививок), но и обязательно физически активен, а также систематически закаляется. Сахарный диабет 2-го типа развивается как следствие нездорового, малоподвижного образа жизни и ожирения, что свидетельствует о важности физической культуры и спорта в жизни каждого человека [12].

Чтобы более детально рассмотреть и проанализировать каждый из вышеперечисленных факторов, в занятия по физической культуре и спорту в вузах важно включать занятия-семинары «перевернутый класс» – данная методика предполагает, что обучающиеся самостоятельно готовят доклад (предварительно каждому студенту определяет тему преподаватель).

Выводы:

Выводы: последние годы 80% смертей россиян случаются из-за неинфекционных заболеваний, возникающих преимущественно вследствие включения в их образ жизни вредных привычек (алкогольной зависимости, курения, малоподвижного образа жизни и нездорового питания). Чтобы изучить данные темы досконально, обучающиеся вузов должны сначала самостоятельно найти новый материал о Стратегиях развития здоровой нации в России, патологических и внешних факторах, снижающих качество и продолжительность жизни россиян, а также о способах предупреждения и профилактики с помощью тренировок патологий и привычек, наносящих ущерб здоровью. Затем заранее подготовленные доклады студенты должны рассказать на семинаре, разбирая сложные ситуации с преподавателем, что актуально на теоретических практикумах по физической культуре и спорту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Браун А. Не путать жажду с голодом. Врач объяснила способ не переесть // RBC. Статья от 17.02.2023. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/63ea02119a79470d8a699e53> (дата обращения: 24.10.2025).
2. Дюсембаев Б.К. Профилактика развития артериальной гипертензии у лиц, с гипертензивной реакцией на физическую нагрузку // КВТИП. 2008. №5. С. 46–57.

3. Загрязнение атмосферного воздуха // ВОЗ. Статья от 23.10.2025. URL: [https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ambient-\(outdoor\)-air-quality-and-health](https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ambient-(outdoor)-air-quality-and-health) (дата обращения: 23.10.2025).
4. Здоровый образ жизни – основа профилактики онкологических заболеваний // Ставропольский краевой клинический // ГБУ ДНР «РЦОЗМП». Статья от 05.02.2025. URL: <https://rcz-dnr.gosuslugi.ru/novosti/zdorovyy-obraz-zhizni-osnova-profilaktiki-onkologicheskikh-zabolevaniy.html> (дата обращения: 25.10.2025).
5. Кырнац М.Д., Демчук Е.Е. Роль спорта и физической активности в профилактике сердечно-сосудистых заболеваний // Наука-2020. 2024. №5 (72). С. 74–79.
6. Мишина И.Е., Астафьева А.Н., Малкова М.С., Веретенникова А.В., Устинова А.А. Ключевые аспекты физической активности и ее роль в первичной профилактике сердечно-сосудистых заболеваний с позиций доказательной медицины // Вестник ИвГМА. 2019. №3. С. 5–9.
7. Ольховская Е.Б. Предупреждение никотиновой зависимости у студентов средствами физической культуры и спорта // Педагогический вестник. 2021. №18. С. 46–48.
8. Пашкова Л. ВОЗ назвала основные причины смертности россиян // RBK. Статья от 20.09.2025. URL: <https://www.rbc.ru/society/20/09/2025/68ce6d3d9a7947c30375c9e0> (дата обращения: 23.10.2025).
9. Пилипенко Е.В. Распространенность потребления спиртных напитков среди студенческой молодежи // In The World Of Science and Education. 2025. №15 февраль КН. С. 10–14.
10. Потешкина Н.Г. Избыточное потребление соли: распространенность и последствия для здоровья человека (обзор литературы) // Вестник РГМУ. 2013. №2. С. 29–33.
11. Приказ Минздрава России от 15.01.2020 № 8 «Об утверждении Стратегии формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года».
12. Профилактика сахарного диабета // Научно-практический центр психологического здоровья детей и подростков им. Г.Е. Сухарево. 2022. URL: <https://suhareva-center.mos.ru/mediatsentr/novosti/profilaktika-sakhamogo-diabeta> (дата обращения: 25.10.2025).
13. Рожкова Е. Данные Росстата показали сокращение доли пьющих россиян // RBK. Статья от 31.03.2025. URL: <https://www.rbc.ru/wine/news/67ea7e809a79471ba3c9b8c8> (дата обращения: 25.10.2025).
14. Спорт как способ борьбы с алкогольной зависимостью // Центр общественного здоровья и медицинской профилактики КОГБУЗ «МИАЦ, ЦОЗМП», Кировская область. Статья от 16.08.2023. URL: <https://prof.medkirov.ru/news/docid/3CCE18-2023.html> (дата обращения: 23.10.2025).
15. Стратегия формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года. 24 с. URL: <https://gnicpm.ru/wp-content/uploads/2020/01/strategyzoch-2025.pdf> (дата обращения: 23.10.2025).
16. Barnes E. Are You Eating Too Much Salt? 5 Risks to Know // Health. September 21, 2025. URL: <https://www.health.com/physical-effects-too-much-salt-8704326> (date: 23.10.2025).
17. Антипов О.В. Физическое воспитание, ориентированное на приоритет здоровья, в условиях дистанционного обучения в аграрном вузе / О.В. Антипов, Р.В. Гежа, М.С. Лукова // Право, история, педагогика и современность : Сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Пенза, 30–31 января 2023 года / Под редакцией А.В. Яшина, А.А. Грачева, Н.И. Свечникова. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. – С. 11–15.
18. Антипов О.В. Самодиагностика здоровья студентов аграрного вуза / О.В. Антипов, А.М. Сурков, Е.Ю. Суханова // Качество жизни населения и экология: Сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 22–23 августа 2022 года / Под научной редакцией Г.В. Ильиной. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2022. – С. 3–5.
19. Антипов О.В. К вопросу формирования здорового образа жизни студентов в аграрном вузе / О.В. Антипов, А.М. Сурков, Е.Ю. Суханова // Культура физическая и здоровье. – 2019. – № 3(71). – С. 116–118.
20. Гежа Р.В. Реализация физического воспитания студентов, ориентированного на приоритет здоровья / Р.В. Гежа, О.В. Антипов, Ю.Л. Першин // Актуальные проблемы ветеринарной медицины, зоотехнии, биотехнологии и экспертизы сырья и продуктов животного происхождения : Сборник трудов 2-й Научно-практической конференции, Москва, 23 июня 2023 года / Под общей редакцией С.В. Позябина, Л.А. Гнездиловой. – Москва: Сельскохозяйственные технологии, 2023. – С. 613–614.
21. Антипов О.В. Состояние здоровья современных школьников в условиях техносферы / О.В. Антипов, Л.С. Карсека // Экология и безопасность жизнедеятельности: сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 20–21 декабря 2018 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2018. – С. 47–49.
22. Суханова Е.Ю. Скандинавская ходьба как средство оздоровления студентов на занятиях физической культурой в аграрном вузе / Е.Ю. Суханова, О.В. Антипов, А.М. Сурков // Право, история, педагогика и современность : Сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Пенза, 30–31 января 2023 года / Под редакцией А.В. Яшина, А.А. Грачева, Н.И. Свечникова. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. – С. 279–282.
23. Суханова Е.Ю. Проблема внедрения оздоровительных элементов в преподавание физической культуры в вузе: зарубежный опыт / Е.Ю. Суханова, О.В. Антипов, Р.В. Гежа // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – № 3–3. – С. 140–143.
24. Гежа Р.В. Мотивационно-ценностное отношение студентов к своему здоровью и физической культуре / Р.В. Гежа, С.В. Комин, М.В. Куликова // Актуальные проблемы ветеринарной медицины, зоотехнии, биотехнологии и экспертизы сырья и продуктов животного происхождения: Сборник трудов 3-й Научно-практической конференции, Москва, 28 июня 2024 года. – Москва: ООО «Издательство «Сельскохозяйственные Технологии», 2024. – С. 563–564.
25. Штукин Н.Н. Роль здоровьесберегающих технологий в непрофильном вузе / Н.Н. Штукин, Р.В. Гежа, С.В. Комин // Актуальные проблемы ветеринарной медицины, зоотехнии, биотехнологии и экспертизы сырья и продуктов животного происхождения: Сборник трудов 3-й Научно-практической конференции, Москва, 28 июня 2024 года. – Москва: ООО «Издательство «Сельскохозяйственные Технологии», 2024. – С. 583–584.

© Суханова Елена Юрьевна (lena.suxanova@yandex.ru), Антипов Олег Владимирович (antipov_ov@bk.ru),
Луцюз Владимир Евгеньевич (lustyk@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Шмаков Егор Сергеевич

педагог-организатор, Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования «Детская школа искусств №1 имени М.П. Мусоргского», (г. Тверь)
Werlidemon91@mail.ru

FORMATION OF CIVIL IDENTITY OF HIGH SCHOOL STUDENTS IN THE CONTEXT OF ADDITIONAL EDUCATION

E. Shmakov

Summary: This article examines the theoretical and practical aspects of developing high school students' civic identity in the context of additional education. It explores the essence and structure of civic identity as a multifaceted phenomenon, emphasizing adolescents' age-related sensitivity to civic values. The aim of the study is to analyze the theoretical and methodological foundations and modern practices of civic identity formation among high school students, to identify their strengths and weaknesses, and to outline directions for improvement. The objectives include clarifying the concept of civic identity and its components, characterizing age-specific features of adolescents, systematizing methodological approaches to the issue, reviewing supplementary education practices, evaluating their advantages and shortcomings, and providing recommendations for enhancing educational work. The methodological basis comprises analysis and synthesis of psychopedagogical literature published in 2022–2025, comparative analysis of pedagogical practices, classification. Based on the research results a conclusion is made regarding the need for a systemic approach, including the development of diagnostic tools, the interaction of basic and supplementary education and active use of engaging educational forms.

Keywords: civic identity, additional education, high school students, civic education, adolescents, teenager education, patriotic education.

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты формирования гражданской идентичности старшеклассников в условиях дополнительного образования. Раскрываются сущность и структура гражданской идентичности как многогранного феномена, акцентируется внимание на возрастной чувствительности подростков к гражданским ценностям. Цель исследования заключается в анализе теоретико-методологических оснований и современных практик формирования гражданской идентичности старшеклассников, выявлении их сильных и слабых сторон и определении направлений их совершенствования. Для достижения цели были выполнены задачи: раскрыть содержание понятия «гражданская идентичность» и её структурные компоненты; охарактеризовать возрастные особенности старшеклассников; систематизировать методологические подходы к проблеме; рассмотреть педагогические практики дополнительного образования; выявить достоинства и недостатки; предложить рекомендации по повышению их эффективности. Методологическую основу статьи составили анализ и синтез психолого-педагогической литературы 2022–2025 гг., сравнительно-сопоставительный анализ педагогических практик, метод классификации и типологизации. На основе результатов исследования сделан вывод о необходимости системного подхода, включающего разработку диагностического инструментария, взаимодействие основного и дополнительного образования и активное использование вовлекающих форм воспитания.

Ключевые слова: гражданская идентичность, дополнительное образование, старшеклассники, воспитание, подросток, патриотическое воспитание.

В современных условиях к системе образования предъявляются требования не только в ключевых передачах знаний как таковых, но и в воспитании гражданина, который бы обладал устойчивым чувством ответственности перед обществом и государством, а также ясными социальными ориентирами. В таком контексте формирование гражданской идентичности становится важной задачей, реализация которой должна начинаться еще во время школьного обучения. Однако, на текущий момент можно говорить о противоречии между целями гражданского и патриотического воспитания и недостаточностью устойчивых механизмов их реального воплощения на практике.

Дополнительное образование в этом вопросе может приобрести особое значение, так как предлагает большее разнообразие форм образовательной активности, чем общеобразовательная школа. Его гибкость, вари-

ативность, личностная направленность и ориентация на социальное действие создают подходящие условия для формирования гражданской идентичности. Тем не менее, для эффективной реализации этих возможностей на практике необходимо формирование эффективных моделей работы в данном направлении.

Цель данной статьи – проанализировать теоретико-методологические основания и современные практики формирования гражданской идентичности старшеклассников в условиях дополнительного образования, выявить сильные и слабые стороны, а также предложить направления их совершенствования.

Задачи исследования включают: раскрытие понятия «гражданская идентичность»; характеристику возрастных особенностей старшеклассников, влияющих на процесс формирования идентичности, в том числе

гражданской; систематизацию методологических подходов к проблеме гражданского воспитания; рассмотрение существующих практик формирования гражданской идентичности в системе дополнительного образования; определение достоинств и недостатков существующих программ; предложение направлений совершенствования существующей традиции формирования гражданской идентичности у старшеклассников в контексте дополнительного образования.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов при создании и внедрении программ (модулей) дополнительного образования, направленных на формирование гражданской идентичности старшеклассников. Материалы настоящей статьи могут быть полезны для педагогов и методистов учреждений дополнительного образования при выборе наиболее эффективных методов воспитательной работы. Кроме того, статья может представлять собой базу для дальнейших исследований процесса формирования гражданской идентичности старшеклассников в условиях дополнительного образования. (Таб. 1.)

Выбор теоретико-аналитического подхода обоснован следующими причинами:

1. Соответствие цели исследования – цель настоящей статьи состоит в анализе и систематизации существующих концепций и практик, в связи с чем обзорный характер наиболее оправдан.
2. Актуальность – анализ литературы последних лет (2020–2025 гг.) и практик дополнительного образования позволяет выявить современные тенденции и проблемы в образовании.
3. Универсальность – теоретико-аналитический подход даёт возможность объединить разные источники (психолого-педагогические, социокультурные, эмпирические исследования) и рассмотреть проблему комплексно.
4. Систематизация практик – именно аналитический

обзор позволяет выявить сильные и слабые стороны разных форм развития гражданской идентичности (например театрализация, школьные музеи, этнокультурный туризм, волонтерство и др.), при этом предоставляя теоретический фундамент для такого сравнения.

5. Возможность прогноза – на основе обобщения теории и практики можно предложить направления совершенствования дополнительного образования без проведения отдельного эксперимента.

Обзор литературы

Гражданская идентичность воспитывается в процессе гражданско-правового воспитания, главная цель которого – подготовка учащихся к жизни и продуктивной деятельности в условиях демократического государства и гражданского общества [13]. Гражданскую идентичность в современной педагогической науке можно обобщенно определить как новый социокультурный феномен [5]; осознание личностью своей принадлежности к обществу и государству, основанное на принятии его ценностей, норм и символов. По определению А.Г. Асмолова, это «осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на общекультурной основе» [11]. Гражданская идентичность базируется на представлении о том, как человек позиционирует себя в обществе, осознает ли связь между своей собственной судьбой и судьбой страны, а также на том, испытывает ли чувство причастности к духовным ценностям, общим для страны. Гражданская идентичность имеет многокомпонентную структуру, охватывающую когнитивный, мотивационно-ценностный, эмоционально-оценочный и практический уровни. Мотивационно-ценностный компонент включает в себя внутреннюю приязнь к Родине, а также уважение и принятие норм и традиций государства. Когнитивный компонент определяет спектр знаний о родном крае. Эмоционально-оценочный компонент включает чувства и переживания,

Таблица 1.
Подходы к изучению формирования гражданской идентичности и выбор методологии исследования
(составлено автором).

Подход	Характеристика	Преимущества	Ограничения
Эмпирический (эксперимент, анкетирование, наблюдение и др.)	Сбор первичных данных о формировании гражданской идентичности у школьников	Позволяет получить актуальные статистические данные, выявить динамику	Требует больших ресурсов, времени, ограничен выборкой; риск формальности результатов
Историко-педагогический	Анализ становления идей гражданского воспитания в истории педагогики	Выявляет традиции и преемственность	Слабо отражает современные практики дополнительного образования
Теоретико-аналитический (обзорный)	Анализ и синтез научной литературы и практик за последние 5 лет	Позволяет выявить современные тенденции, систематизировать опыт, выделить сильные и слабые стороны	Нет новых эмпирических данных
Компаративный	Сравнение практик и подходов	Дает возможность выявить лучшие практики и недостатки	Ограничен рамками анализируемых источников

которые человек испытывает по отношению к стране. Наконец, практический компонент выражен в различных видах деятельности, которые предпринимает гражданин на пользу людям, в том числе ближайшему окружению и незнакомцам [11].

Личностная, а также гражданская идентичность активно формируются в подростковом возрасте. В старших классах у учащихся становятся более активными процессы самоопределения, поиска социального места и жизненных ориентиров. При этом в данном возрастном периоде происходит активное развитие эстетических представлений, нравственных качеств, навыка анализа собственного поведения [10]. Кроме того, в этом возрасте школьники обладают достаточным уровнем самосознания для формирования подлинной гражданственности – во время завершения формирования внутреннего «Я» и поисков своего жизненного пути [2, 13]. Старшеклассники демонстрируют интерес к вопросам социальной справедливости, правам человека, активно примеряют различные роли. Они обладают более высоким, по сравнению с предыдущими ступенями, уровнем понимания общественных процессов [12]. Обеспечение свободы выбора, создание условий для самоопределения и включение в практическую деятельность в работе со старшеклассниками придают дополнительному образованию потенциал стать по-настоящему продуктивной средой для формирования гражданской идентичности.

Сегодня в России система дополнительного образования предлагает широкий спектр возможностей, которые могут быть направлены на формирование гражданской идентичности старшеклассников. Их эффективность обусловлена тем, что они реализуются в деятельностном формате, ориентированы на личный выбор подростка и обладают высоким смысловым потенциалом. Одним из показательных подходов современные исследователи называют музеи, которые позволяют освоить ценности через эмоциональное переживание историко-культурного материала, а также обеспечить формирование устойчивого практического компонента гражданской идентичности, который содержит активное включение школьников в изучение культурного наследия страны. По мнению И.В. Руденко и Д.Н. Казаковой, музейная среда способствует не просто знакомству с историей, но и ее осмыслению, что формирует основы гражданской идентичности. Разные формы работы в рамках дополнительных общеразвивающих программ демонстрируют высокую эффективность на всех этапах формирования гражданской идентичности [11]. Волонтерская деятельность также считается эффективной – она направлена на прямое взаимодействие с обществом, особенно с его наиболее незащищенными слоями, что помогает развивать эмпатию, чувство ответственности и понимание прав и обязанностей гражданина. Такой опыт позволяет не только усвоить нормы, но и принять, прожить их на личностном уровне, принять гу-

манистические ценности, которые присущи абсолютному большинству людей [12, 7].

Другим деятельностным методом является театрализация. Как отмечают Н.А. Панов и Г.В. Сорокоумова, театральная деятельность в условиях дополнительного образования способствует не только развитию коммуникативных и творческих способностей, но и формированию основ гражданской идентичности. Авторы подчеркивают, что такие занятия «...активизируют интеллектуальный, эмоциональный и творческий потенциалы личности, «оживляют историю», делают подростка участником исторических событий и др», тем самым активизируя механизмы социальной идентичности [8]. Проведенное исследователями эмпирическое исследование подтверждает эффективность театрализации как метода развития гражданской идентичности современных подростков в системе дополнительного образования. Через участие в инсценировках исторических событий, постановках, связанных с культурным наследием, подростки «проживают» ключевые для страны события, осваивают гражданские ценности, формируют чувство сопричастности к судьбе государства [8]. Кроме того, в процессе театрализации тех или иных событий, например ВОВ, возможно осознать поступки, мысли и переживания людей, которые формируют подлинную картину эпохи.

Немаловажной практикой формирования гражданской идентичности выступает развивающийся этнокультурный туризм. В рамках подобных программ учащиеся получают возможность познакомиться с культурным многообразием страны, традициями и историей различных народов, что способствует развитию осознания себя как части многонационального государства. Меняется уровень признания важности духовно-нравственных ценностей, свойственных человеческому обществу на современном этапе его развития. Через участие в этнографических экспедициях, экскурсиях, локальных исследованиях формируется эмоционально окрашенное отношение к Родине и ее культурному наследию [3].

Одним из наиболее распространенных на сегодняшний день подходов к формированию гражданской идентичности является реализация социальных проектов и патриотических акций. Такие мероприятия реализуются и в общеобразовательных школах, и в дополнительном образовании, и в процессе межшкольного взаимодействия. Так, по мнению Р.В. и Т.Р. Сулеймановых, участие старшеклассников в волонтерских, мемориальных и культурно-просветительских акциях позволяет закрепить гражданские модели поведения, воспитывает ответственность, развивает гражданскую активность и правосознание [13]. Примерами таких практик могут служить участие в «Бессмертном полке», помощь ветеранам, организация Дней единых действий в память о событиях истории России.

В отдельных образовательных программах акцент делается на формирование правового сознания подростков, которое есть важный компонент гражданской идентичности. Как показывает исследование Д.П. Мокшева и Н.В. Ронжиной, формирование уважения к нормам права и осознание школьниками личной ответственности возможно через моделирование кейсов, анализ художественных произведений с правовой точки зрения, разбор реальных жизненных ситуаций правового содержания с выражением отношения учащихся героям, проведение дискуссий по актуальным правовым вопросам и т.д. [7].

Анализ применяемых сегодня подходов к формированию гражданской идентичности предоставляет возможность выделить три наиболее распространенные методологические стратегии: личностно-ориентированную, деятельностную и социокультурную. Эти подходы применяются в педагогической практике и разработках, ориентированных на воспитание гражданственности у подростков. Результатом их реализации являются развитые духовно-смысловые ориентиры социальных ценностей гражданского и демократического общества.

- Личностно-ориентированный подход акцентирует внимание на уникальности подростка, его свободе выбора, внутренней мотивации и личной ответственности за принимаемые решения. Он служит основой для создания условий, в которых гражданская позиция формируется как результат осознанного самоопределения.
- Деятельностный подход делает акцент на освоении гражданских и патриотических ценностей через практическое участие в значимых видах деятельности: социальных проектах, волонтерстве, инициативах школьного и общественного уровня. Такой формат обеспечивает не только когнитивное усвоение, но и «проживание» ценностей [11, 6].
- Социокультурный подход трактует процесс формирования идентичности как включенность подростка в культуру и традиции общества. Гражданская идентичность личности выступает условием социальной коммуникации и развития общественных отношений. Через участие в этнокультурных и историко-патриотических практиках возможно формирование осознания собственной гражданской принадлежности и устойчивого чувства сопричастности [9].

Все три перечисленные подхода могут быть реализованы в системе дополнительного образования. Именно здесь подростки могут включаться в содержательную деятельность, осмысленную с точки зрения личных ценностей и общественной значимости. Разные виды деятельности предлагают старшеклассникам пространство, где они могут не просто прослушать очередную лекцию, но почувствовать себя ча-

стью общества, проявить инициативу и осознать свою гражданскую роль [2, 12].

Обобщая рассмотренные программы и подходы, можно сказать, что их объединяет включение подростка в смысловые события культурного, социального, правового и этнокультурного характера. Такие события не просто передают знания или нормы, но становятся пространством личного переживания и ценностного выбора. Через включение в них формируется не формальное, но устойчивое представление о себе как гражданине, осознающем свою ответственность перед обществом, историей и будущим страны.

Дополнительное образование, таким образом, представляет собой плодотворную среду для становления гражданских качеств личности. В такой среде успешно сочетаются обучение, практика и ценностное воспитание – разнообразие, необходимое для старшеклассников. Оно способствует формированию субъективной позиции подростка, его социальной зрелости и готовности к активному участию в жизни гражданского общества [8]. Подчеркнем, что наиболее продуктивными представляются те формы, которые позволяют старшекласснику включиться в социально значимую деятельность, сопряженную с личностным переживанием и осмыслением гражданских и патриотических смыслов.

Кроме того, анализ существующих практик формирования гражданской идентичности в системе дополнительного образования позволяет выявить как значительный потенциал этой сферы, так и ряд системных затруднений, ограничивающих ее воспитательные возможности. К числу сильных сторон действующих моделей можно отнести их деятельностный характер, предполагающий активное включение подростков в реальную социально-культурную практику. Участие в рассмотренных видах деятельности способствует формированию не только знаний и представлений, но и ценностного и эмоционального отношения к гражданским нормам и символам. Принцип добровольности, который лежит в основе дополнительного образования, также позволяет подкрепить весь процесс подлинной мотивацией обучающихся.

Однако при всей привлекательности этих подходов, в них наблюдаются и слабые стороны, которые препятствуют достижению устойчивых результатов в формировании гражданской идентичности. Так, сохраняется формальность многих воспитательных мероприятий. Проведение «праздничных» или «патриотических» акций зачастую не сопровождается глубокой рефлексией, осмыслением происходящего со стороны учащихся (а иногда и педагогов). Как следствие, активность подростков остается внешней, ролевой, не проникающей в их

личностные установки [1]. Кроме того, остается отсутствующим системный мониторинг уровня гражданской идентичности учащихся, что делает затруднительным оценку эффективности тех или иных воспитательных мероприятий. Несмотря на то, что некоторые предложения в этом ключе разрабатываются [4, 14], практически не ведется диагностика таких характеристик, как самоопределение в сфере гражданской принадлежности, внутренняя мотивация к общественной деятельности, уровень правосознания и др.

Для повышения эффективности работы в направлении формирования гражданской идентичности представляется целесообразной реализация следующих практических шагов, разработанных на основе анализа сильных и слабых сторон существующих практик:

- внедрение систем диагностики гражданской идентичности, включающих методы анкетирования, самооценки, педагогического наблюдения. В частности, представляется полезным отслеживание динамики развития мотивационно-ценностного компонента, способности к рефлексии и самопозиционирования в гражданском контексте – наблюдение за данными показателями позволит убедиться, что воспитание гражданственности отходит от формального характера и действительно действует на эмоциональном уровне;
- укрепление связей между системой дополнительного и основного образования. Взаимодействие между данными структурами позволит выстроить целостную воспитательную политику. Это может быть реализовано через интеграцию воспитательных программ, создание совместных проектных пространств, участие школьных педагогов в программах дополнительного образования и наоборот;
- ориентация на развитие субъектной позиции учащегося, что предполагает признание его полноценным участником образовательного и обще-

ственного взаимодействия. Именно субъектное участие формирует устойчивую идентичность, в отличие от адаптивного или формального поведения. Для этого необходимы форматы, в которых подросток может самостоятельно принимать решения, инициировать проекты, проявлять гражданскую позицию в конструктивной форме (волонтерство, самостоятельная организация мероприятий, моделирование ситуаций и т.д.).

Предложенные рекомендации в соответствии с выделенными недостатками существующих практик представлены в Таблице 2.

Данные представленной таблицы демонстрируют, что выявленные недостатки существующих практик могут быть устранены за счет конкретных адресных мер, которые должны быть направлены не только на содержание программ/мероприятий, но и на развитие субъектной позиции самих учащихся. Системное сочетание этих рекомендаций предоставляет возможность повышения эффективности формирования гражданской идентичности старшеклассников в условиях дополнительного образования и обеспечение устойчивого воспитательного результата.

Таким образом, можно сказать, что система дополнительного образования благодаря своей вариативности, гибкости и ценностной насыщенности обладает высоким потенциалом в деле формирования гражданской идентичности, но требует концептуального и организационного обновления, нацеленного на глубинные изменения в содержании и способах взаимодействия с подростками. Лишь в условиях скоординированной работы возможно успешное решение задачи воспитания поколения граждан, осознающих свою социальную роль и готовых к ответственному участию в жизни общества.

Таблица 2.

Рекомендации в формировании гражданской идентичности старшеклассников (составлено автором).

Выявленный недостаток	Содержание проблемы	Рекомендация по устранению
Формальность мероприятий	Патриотические акции и события носят ритуальный характер, не вызывают личностного отклика у подростков	Интегрированное использование форматов, предполагающих личностное переживание и рефлексию: театрализация, исследовательские проекты, включение школьников в организацию мероприятий
Отсутствие системного мониторинга	Нет диагностики уровня гражданской идентичности, что затрудняет оценку эффективности программ	Разработка и внедрение системы педагогической диагностики и мониторинга, отслеживание динамики ценностного и мотивационного компонентов
Ограниченность взаимодействия между дополнительным образованием и школой	Разрозненность воспитательных усилий, отсутствие единой стратегии формирования гражданственности	Усиление связей между системой дополнительного и основного образования, совместные проекты и инициативы
Пассивная позиция школьников	Обучающиеся часто выступают лишь объектами воспитания, а не субъектами	Развитие субъектной позиции: поддержка инициативности, вовлечение в волонтерские и социальные проекты, самостоятельная организация акций

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева С.А., Закарьяева С.З., Сулейманова Р.В. Условия формирования патриотического сознания старшеклассников во внеурочной деятельности / С.А. Алиева, С.З. Закарьяева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2023. Т. 17. №2. С. 5–11.
2. Антонова А.В., Нечаева А.А. Представления о гражданско-патриотических ценностях в сознании уральских школьников (на материалах эмпирического исследования) / А.В. Антонова, А.А. Нечаева // Педагогическое образование в России. 2025. №2. С. 84–97.
3. Асваров Н.А. Развитие системы гражданско-патриотических ценностей старшеклассников в пространстве современной школы / Н.А. Асваров // Мир науки, культуры, образования. 2024. №2 (105). С. 117–119.
4. Асваров Н.А. Формирование патриотического сознания старшеклассников средствами этнокультурного туризма на примере Республики Дагестан / Н.А. Асваров // Мир науки, культуры, образования. 2024. №2 (105). С. 119–122.
5. Зайнетдинов Ш.Р. Этапы формирования российской гражданской идентичности / Ш.Р. Зайнетдинов // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. №3. С. 102–114.
6. Милова И.А. Уроки мужества: педагог и ребенок в блокадном Ленинграде (1941–1944) / И.А. Милова // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10. №8. С. 1035–1041.
7. Мокшев Д.П., Ронжина Н.В. Формирование эмоционально-ценностного компонента ценностного отношения старшеклассников к правовым нормам / Д.П. Мокшев, Н.В. Ронжина // Проблемы современного педагогического образования. 2025. №86–2. С. 229–231.
8. Панов Н.А., Сорокоумова Г.В. Театрализация как эффективный метод развития гражданской идентичности современных подростков в системе дополнительного образования / Н.А. Панов, Г.В. Сорокоумова // Проблемы современного педагогического образования. 2024. №84–4. С. 129–133.
9. Петрова Е.И., Одинцова Е.А. Социальная и гражданская идентичность в парадигме гражданского общества / Е.И. Петрова, Е.А. Одинцова // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. №3 (43). С. 107–113.
10. Пономарева Л.И., Ган Н.Ю. Подготовка студентов педагогических вузов к гражданско-патриотическому воспитанию / Л.И. Пономарева, Н.Ю. Ган // Образовательный вестник «Сознание». 2022. №11 (24). С. 12–19.
11. Руденко И.В., Казакова Д.Н. Психолого-педагогические условия формирования гражданской идентичности обучающихся с ограниченными возможностями здоровья в пространстве школьного музея / И.В. Руденко, Д.Н. Казакова // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10. №8. С. 1059–1165.
12. Сулейманова Р.В., Мунгиева Н.З., Сулейманова Т.Р. Формирование гражданско-патриотических ценностей у обучающихся старших классов в современных социокультурных условиях / Р.В. Сулейманова, Н.З. Мунгиева, Т.Р. Сулейманова // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №79–4. С. 217–221.
13. Сулейманова Р.В., Сулейманова Т.Р. Современные подходы к организации гражданско-патриотического воспитания старшеклассников / Р.В. Сулейманова, Т.Р. Сулейманова // Мир науки, культуры, образования. 2023. №3 (100). С. 145–146.
14. Чухин С.Г., Чухина Е.В. Качество процесса формирования российской гражданской идентичности школьников / С.Г. Чухин, Е.В. Чухина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2024. Т. 16. №1. С. 26–37.

© Шмаков Егор Сергеевич (Werlidemon91@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭВФЕМИЗМЫ И ПРОЦЕСС ЭВФЕМИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЙ МЕДИАСРЕДЕ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ

Айвазян Оксана Оганесовна

кандидат педагогических наук, доцент, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, (г. Краснодар)
O.O.Ayvazyan@mail.ru

Гуляева Татьяна Юрьевна

кандидат педагогических наук, доцент, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, (г. Краснодар)
t-gulyaeva@yandex.ru

EUPHEMISMS AND THE PROCESS OF EUPHEMISATION IN THE MODERN INFORMATION AND COMMUNICATION MEDIA ENVIRONMENT AS A DETERMINANT OF THE FUNCTIONING OF YOUTH'S POSITIVE COMMUNICATION CULTURE

**O. Ayvazyan
T. Gulyaeva**

Summary: The article examines the principles of using euphemisms and the process of euphemization in the modern information and communication media space as key factors in the formation of a positive communicative culture among young people. The authors consider the concept of «euphemism», which describes a linguistic phenomenon that makes it possible to avoid direct statements on topics that are considered uncomfortable for discussion in society.

The paper presents an analysis of various domestic and modern scientific research on the problem of studying the phenomenon of euphemization. This article analyzes the research carried out in Russia in recent decades, which focuses on the study of the phenomenon of euphemization. This analysis examines the principles of the euphemization process, which allow for a deeper understanding of the mechanisms and functions of euphemistic strategies in the modern information and communication media environment. Special attention is paid to the dynamics of the development of euphemistic practices in the context of socio-cultural changes, as well as their role in the formation of communicative competence and culture of native speakers. The study demonstrates practical examples of the use of euphemisms in speech, with an emphasis on their role in mitigating negative connotations and creating a more acceptable communicative context.

In conclusion, that euphemism serve as a tool of politeness, political correctness, and diplomacy, which is especially valuable in the media space and public communications as a mechanism for the formation of a positive communicative culture among young people.

Keywords: euphemisms, information and communication space, media environment, communicative culture, youth.

Аннотация: В статье исследуются принципы использования эвфемизмов и процесс эвфемизации в современном информационно-коммуникативном медиапространстве как ключевые факторы формирования позитивной коммуникативной культуры у молодых людей. Авторы рассматривают понятие «эвфемизм», которое описывает лингвистическое явление, позволяющее избегать прямых высказываний на темы, считающиеся в обществе неудобными для обсуждения.

В работе представляется анализ различных отечественных и современных научных изысканий по проблеме изучения феномена эвфемизации. В данной статье проводится анализ исследований, осуществлённых в России в последние десятилетия, которые сосредоточены на изучении феномена эвфемизации. В рамках данного анализа рассматриваются принципы процесса эвфемизации, позволяющие глубже понять механизмы и функции эвфемистических стратегий в современной информационно-коммуникативной медиасреде. Особое внимание уделяется динамике развития эвфемистических практик в контексте социокультурных изменений, а также их роли в формировании коммуникативной компетентности и культуры носителей языка. В исследовании осуществляется демонстрация практических примеров использования эвфемизмов в речи с акцентом на их роль в смягчении негативных коннотаций и создании более приемлемого коммуникативного контекста.

В заключении делается вывод о том, что эвфемизмы служат инструментом вежливости, политкорректности и дипломатичности, что особенно ценно в медийном пространстве и публичных коммуникациях как механизм формирования позитивной коммуникативной культуры в молодёжной среде.

Ключевые слова: эвфемизмы, информационно-коммуникативное пространство, медиасреда, коммуникативная культура, молодежь.

Введение

В контексте глобализации и цифровизации современного общества информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) приобретают все более ве-

сочное значение, становясь неотъемлемым компонентом жизнедеятельности. Эти технологии, интегрированные в различные сферы социальной, экономической и культурной деятельности, оказывают существенное влияние на формирование информационного общества, харак-

теризующегося высокой степенью взаимосвязанности и взаимозависимости. В условиях динамично развивающегося информационно-коммуникативного медиапространства происходит значительная трансформация языковых норм и стилистических характеристик. Одним из наиболее заметных лингвистических феноменов является активное использование эвфемизмов – завуалированных и смягченных форм выражения, которые выступают в качестве альтернативы более прямолинейным, грубым или неприятным лексическим единицам. Этот лингвистический процесс отражает более широкие тенденции в эволюции современного медиаконтента, направленные на снижение коммуникативных барьеров, обеспечение более гармоничного взаимодействия между участниками информационного обмена, а также реализацию позитивной коммуникативной культуры в молодёжной среде.

Эвфемизация языка в медиапространстве является частью более глобального процесса адаптации коммуникативных стратегий к новым социальным и культурным реалиям. Данный феномен можно рассматривать как ответ на возрастающую потребность в создании более этичного и приемлемого дискурса, особенно в условиях, когда традиционные формы выражения могут быть восприняты как оскорбительные или неприемлемые. Таким образом, эвфемизмы выполняют важную функцию в регулировании коммуникативных практик, способствуя более деликатному и уважительному взаимодействию между участниками информационного обмена.

С точки зрения функциональной лингвистики, эвфемизация представляет собой стратегию, направленную на достижение определенных прагматических целей. В медиапространстве это может включать в себя стремление к созданию более позитивного и конструктивного образа событий, а также минимизацию негативных коннотаций, связанных с определенными темами. Это, в свою очередь, способствует более эффективному восприятию информации аудиторией и снижению уровня конфликтности в коммуникативных актах.

Кроме того, эвфемизация языка является важным элементом в процессе формирования и поддержания социальных норм и ценностей. Использование смягченных форм выражения способствует укреплению социального консенсуса и снижению уровня социальной напряженности. В этом контексте эвфемизмы можно рассматривать как инструмент социальной инженерии, направленный на создание более гармоничного и сбалансированного информационного поля.

Активное внедрение эвфемистических конструкций в информационно-коммуникативных медиапространствах является закономерным следствием эволюции языковых и коммуникативных практик в условиях со-

временного общества. Указанное выше обуславливает актуальность представленной темы исследования, которая заключается в том, что эвфемизмы являются важным лингвистическим инструментом, позволяющим избежать прямого упоминания табуированных тем, сгладить конфликтные ситуации и поддержать социальную гармонию. Вместе с тем чрезмерное использование эвфемизмов может приводить к размыванию смысла, искажению реальности и другим проблемам.

В современном информационно-коммуникативном пространстве эвфемизмы широко распространены как в повседневной, так и в официально-деловой, политической и медийной коммуникации. Их применение связано с общими тенденциями к политкорректности, вежливости и дипломатичности выражений. Однако наряду с очевидными преимуществами использование эвфемизмов также имеет ряд негативных аспектов, которые требуют тщательного анализа.

Целью исследования является всесторонний анализ феномена эвфемизмов и процесса эвфемизации в современной информационно-коммуникативной медиасреде.

Задачи исследования:

1. Определение и классификация эвфемизмов как лингвистического явления, а также их место в системе стилистических средств языка.
2. Анализ различных способов и механизмов формирования эвфемизмов.
3. Идентификация и систематизация основных проблем, возникающих при использовании эвфемизмов, таких как двусмысленность, манипулятивный потенциал и культурные различия в восприятии.
4. Демонстрация практических примеров использования эвфемизмов в устной и письменной речи с акцентом на их роль в смягчении негативных коннотаций и создании более приемлемого коммуникативного контекста.

Таким образом, данное исследование направлено на всестороннее изучение эвфемизмов и их функциональной значимости в современном языковом пространстве, что позволит расширить теоретические представления о данном феномене и углубить понимание его практической реализации в различных сферах коммуникации.

Обзор литературы

В последние годы в рамках филологических исследований наблюдается устойчивый рост интереса к изучению феномена эвфемизации, что подтверждается значительным количеством научных публикаций как в отечественной, так и в зарубежной академической среде. В российской лингвистической традиции данный феномен активно исследуется такими выдающимися учёными, как

А.М. Кацев, Е.П. Сенечкина, Г.Н. Мухамедьянова и др.

А.М. Кацев отмечал, что «эвфемия — это сложное и многогранное языковое явление, которое можно рассматривать с трёх разных сторон: социальной, психологической и собственно лингвистической» [6].

В своей работе Сенечкина Е.П. отмечает, что эвфемистические замены обладают определёнными семантическими характеристиками:

1. использование более приемлемого термина вместо нежелательного (например, «разногласие» вместо «конфликт»);
2. использование неопределённых выражений (например, «кто-то наверху» вместо «руководитель»);
3. изменение значения эвфемизма на более положительное (например, «оптимизация» вместо «увольнение» или «нездоровый» вместо «больной»);
4. формальное изменение, которое позволяет адресату понять суть высказывания (например, «в летах» вместо «старый» или «аппетитный» вместо «толстый») [9].

По мнению Мухамедьяновой Г.Н. «Эвфемизмы представляют собой сложный феномен, отражающий нравственные, духовные и идеологические установки как отдельной личности, так и целостного этнокультурного сообщества» [7, с. 3]. В этом контексте эвфемизмы выступают как когнитивные инструменты, позволяющие индивидам и сообществам формировать и транслировать свои ценностные ориентиры, мировоззренческие установки и культурные нормы. Их использование свидетельствует о высоком уровне лингвистической компетенции и способности к стратегическому речевому поведению в различных коммуникативных ситуациях.

Таким образом, обзор литературы, посвященной эвфемизмам, позволяет сделать вывод о многоаспектности и сложности данного феномена. Эвфемизмы являются важным инструментом в арсенале языковых средств, позволяющим манипулировать восприятием, формировать общественное мнение и поддерживать социальные нормы и ценности.

Эвфемизмы и процесс эвфемизации в современной информационно-коммуникативной медиасреде

Эвфемизмы как лингвистические стратегии смягчения и замены играют важную роль в различных коммуникативных контекстах, включая повседневную речь, литературные произведения, политические и медиадискурсы.

Эвфемизмы представляют собой сложное явление, включающее в себя как языковые, так и культурные аспекты. Они используются для достижения различных

коммуникативных целей, таких как смягчение неприятных или табуированных тем, создание определенного имиджа или поддержание социальной гармонии, а также формирования позитивной коммуникативной культуры, предполагающей «набор норм и ценностей, регулирующих коммуникативное взаимодействие в социуме» [1, с. 152]. Коммуникативная культура формируется посредством воспроизводства и передачи эталонной речи в процессе коммуникации [2, с. 97; 11].

В этой связи эвфемизмы рассматриваются как важный инструмент в арсенале языковых средств коммуникации, позволяющий манипулировать восприятием и формировать общественное мнение.

«Коммуникация как общение, в результате которого происходит обмен информацией, играет важную роль в любой сфере человеческой жизни» [10, с. 278]. При этом успех коммуникации, и соответственно формирование коммуникативной культуры зависит от: «... соблюдения норм и правил профессиональной (деловой) коммуникации» [4, с. 114].

Эвфемизмы представляют собой замену грубых, неприличных, табуированных или неудобных для произнесения слов и выражений более мягкими, нейтральными или благозвучными.

Сам термин «эвфемизм» происходит от древнегреческого «euphēmismos», что означает «благоприятное выражение». Эвфемизмы используются для того, чтобы обозначать нечто неприятное или неудобное более мягким и деликатным образом.

Эвфемизмы являются важным лингвистическим явлением, позволяющим избегать прямых формулировок, связанных с темами, которые в обществе считаются неприемлемыми для открытого обсуждения.

В классическом понимании эвфемизмы служат для смягчения речи, выражения позитивных эмоций, создания благоприятной атмосферы и достижения успеха в общении. Однако использование эвфемизмов может также привести к манипулированию собеседником и его троллингу [8, с. 179–180].

Эвфемизмы представляют собой многогранное явление, которое можно классифицировать по различным критериям.

В зависимости от степени замены эвфемизмы подразделяются на полные и частичные. Полные эвфемизмы предполагают полную замену исходного слова на альтернативное, в то время как частичные эвфемизмы используют описательные конструкции для смягчения или изменения смысла.

С точки зрения способа образования, эвфемизмы классифицируются на лексические, фразеологические, морфологические и синтаксические. Лексические эвфемизмы основаны на замене слова другим, фразеологизмы используют устойчивые выражения, морфологические эвфемизмы изменяют форму слова, а синтаксические эвфемизмы перестраивают синтаксическую структуру фразы.

По источнику происхождения, эвфемизмы делятся на общеязыковые и индивидуальные. Общеязыковые эвфемизмы являются частью языковой системы и широко распространены в речи, в то время как индивидуальные эвфемизмы создаются конкретным говорящим для достижения определенных коммуникативных целей.

В зависимости от сферы употребления эвфемизмы могут быть бытовыми, официально-деловыми, медицинскими, военными и другими, что отражает их адаптацию к различным социальным и профессиональным контекстам [3].

Способы реализации эвфемизмов в современной информационно-коммуникативной медиасреде разнообразны. Они могут принимать различные формы в зависимости от контекста и коммуникативных задач.

Одним из наиболее распространенных способов является использование абстрактных или нейтральных слов вместо более конкретных и прямых. Например, вместо «умер» говорят «ушел из жизни», вместо «беременна» – «находится в положении». Такая замена позволяет завуалировать неприятные или табуированные аспекты.

Также следует отметить, что другим распространенным способом является применение менее прямых оборотов речи. Вместо однозначных формулировок используются описательные конструкции. Например, вместо «инвалид» – «человек с ограниченными возможностями». Это позволяет сохранить объективность изложения и избежать негативного подтекста, связанного с данным термином.

Еще один распространенный прием – замена прямых названий метафорами или аналогиями. Например, «голубые воротнички» вместо «рабочие», «лица кавказской национальности» вместо «лица неславянской внешности».

Широко применяется также использование иностранных слов и выражений, которые звучат более благозвучно, чем русские аналоги. Например, «late» вместо «умерший», «relocation» вместо «увольнение». При этом ключевым навыком для носителей русского языка, в том числе в профессиональной деятельности, является способность корректно интерпретировать смысл иностранного слова, включая термины, и грамотно применять их в контексте предложения, сохраняя при этом навыки эффективной и грамотной коммуникации [5, с. 89].

Кроме того, эвфемизмы могут быть реализованы через морфологические изменения слова, например «недуг» вместо «болезнь»; «недалновидный» вместо «глупый». Или через синтаксические трансформации, как в случае с «летальный исход» вместо «смерть».

Таким образом, следует логическое умозаключение о том, что эвфемизмы могут принимать разнообразные формы – от простой замены слова на более нейтральное до сложных описательных оборотов и метафорических конструкций. Общим для всех этих способов является стремление смягчить, завуалировать или обойти прямое упоминание острых, неприятных или табуированных тем.

Выбор конкретного способа реализации эвфемизма зависит от множества факторов – сферы коммуникации, степени табуированности темы, стилистических предпочтений говорящего и ожидаемой реакции аудитории. Разнообразие эвфемистических приемов обеспечивает гибкость и адаптивность их использования в современной информационно-коммуникативной среде.

В современной информационно-коммуникативной медиасреде эвфемизмы играют особенно важную роль, позволяя избегать прямых формулировок в процессе коммуникации на деликатные темы и поддерживать социальную вежливость и политкорректность. Их активное использование связано как с общими тенденциями к смягчению языка, так и со спецификой медийной коммуникации, где требуется особая деликатность и дипломатичность выражений.

Но также следует заметить, что, несмотря на свою очевидную полезность, использование эвфемизмов в информационно-коммуникативной медиасреде также имеет ряд проблем, которые следует рассмотреть более подробно.

Во-первых, чрезмерное увлечение эвфемизмами может привести к размытию смысла и затруднению прямого и однозначного выражения мысли. Если постоянно заменять все грубые или неприятные слова смягченными вариантами, то смысл высказывания может исказиться или стать неясным для собеседника. Иногда для того, чтобы ясно осознать суть происходящего, необходимо использовать более конкретные выражения.

Например, выражение «летальный исход» вместо «смерть» нивелирует суть происходящего, затушевывая острые моменты. В результате смысл высказывания становится размытым, а восприятие реальности искаженным. Чрезмерное увлечение эвфемизмами также может привести к тому, что язык становится слишком завуалированным, утрачивая свою основную функцию ясного и точного выражения мысли.

Во-вторых, эвфемизмы могут использоваться для со-

крытия или искажения реальности, что вводит людей в заблуждение. Таким образом, эвфемизмы становятся инструментом манипуляции общественным сознанием. Например, выражения типа «оптимизация штата» вместо «увольнение» или «финансовая реструктуризация» вместо «банкротство» могут скрывать неприглядные факты и создавать ложное впечатление о происходящих событиях.

Особенно опасно использование эвфемизмов в политической и медийной коммуникации, когда завуалированные формулировки применяются для сокрытия острых социальных проблем, конфликтов или нарушений. Так, вместо прямых формулировок о терроризме, коррупции и других негативных явлениях, политики и пресс-службы склонны использовать более нейтральные либо смягченные выражения. Это не только искажает восприятие реальности, но и затрудняет адекватную реакцию общества на происходящее.

В-третьих, некоторые эвфемизмы со временем теряют свою «мягкость» и, в свою очередь, становятся грубыми или неприличными. Так, слово «толстый» изначально являлось эвфемизмом вместо «полный», но в современном языке воспринимается как оскорбительное. Аналогичным образом «дама» вместо «женщина» или «джентльмен» вместо «мужчина» сегодня может быть воспринято как проявление снисходительности.

Это иллюстрирует, что эвфемизмы подвержены динамике языковых изменений и со временем могут приобретать негативные коннотации. Из чего следует, что процесс эвфемизации часто бывает взаимообратимой.

Так, например, слово «инвалид» некогда было эвфемизмом вместо «калека», но со временем приобрело негативные коннотации, и на смену ему пришли более политкорректные выражения. Таким образом, определенные слова могут переходить из категории нейтральных в разряд эвфемизмов, а затем вновь становиться прямыми, грубыми или неприемлемыми в зависимости от изменения социальных установок и языковых норм.

По нашему мнению, использование эвфемизмов в информационно-коммуникативной медиасреде, при всей их очевидной полезности, сопряжено с рядом проблем. Чрезмерная эвфемизация может приводить к размыванию смысла, искажению реальности и потере адекватности выражения мысли. Кроме того, эвфемизмы подвержены динамике языковых изменений, что требует

постоянной рефлексии над их уместностью и эффективностью в конкретных коммуникативных ситуациях.

Заключение

В заключение следует отметить, что эвфемизмы являются неотъемлемой частью современной информационно-коммуникативной медиасреды и выполняют важную роль, позволяя избегать прямых формулировок на деликатные темы и поддерживать социальную гармонию. Их использование помогает сгладить острые углы, уйти от прямого упоминания табуированных или неприятных аспектов действительности. Эвфемизмы служат инструментом вежливости, политкорректности и дипломатичности, что особенно ценно в медийном пространстве и публичных коммуникациях.

Однако чрезмерное увлечение эвфемизмами также сопряжено с рядом проблем. Кроме того, сами эвфемизмы подвержены динамике языковых изменений и со временем могут утрачивать свою «мягкость», становясь грубыми или неприемлемыми. В некоторых случаях эвфемизмы могут использоваться намеренно для сокрытия неприглядных фактов или манипулирования общественным сознанием.

Итак, в использовании эвфемизмов в информационно-коммуникативной медиасреде важно соблюдать разумный баланс. С одной стороны, они необходимы для поддержания социальной гармонии и вежливости. Однако, с другой стороны, излишнее использование эвфемизмов может привести к нежелательным результатам. Наилучший подход, на наш взгляд, заключается в применении эвфемизмов там, где это действительно уместно и необходимо, но при этом сохраняя достаточную долю прямоты и открытости в выражении мысли. В контексте современных коммуникативных процессов эвфемизмы могут выступать в качестве действенного инструмента, способствующего эффективному взаимодействию между участниками коммуникации. Однако при их некорректном использовании они могут стать серьезным препятствием на пути к взаимопониманию и гармоничному обмену информацией. Таким образом, для достижения максимальной коммуникативной эффективности и формированию позитивной коммуникативной культуры молодежи необходимо тщательно анализировать и выбирать эвфемизмы, учитывая их семантические и прагматические особенности, а также контекстуальные факторы, влияющие на восприятие и интерпретацию сообщений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айвазян О.О., Кукушкина А.А., Остапец Д.И. Коммуникативный кодекс в средствах массовой информации как детерминанта становления коммуникативной культуры современного общества // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2025. – №02. – С. 152–158 DOI 10.37882/2223–2982.2025.02.01

2. Айвазян О.О., Кукушкина, А.А., Еремина, Е.А. Нарушение авторских прав в рекламе как фактор, дискредитирующий правовую и коммуникативную культуру в современном социально-правовом обществе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2024. – № 10. – С. 95–99. – DOI 10.37882/2223–2974.2024.10.01.
3. Гуляева Т.Ю. Русский язык и культура речи: учебно-методическое пособие. – Краснодар: КГУФКСТ, 2023. – 96 с.
4. Казарина С.Г., Гуляева Т.Ю., Бэк Кюн Хи Категория вежливости в деловой коммуникации // Физическая культура и спорт. Олимпийское образование. Материалы международной научно-практической конференции. Том 1. Часть 1. Редколлегия: А.И. Погребной [и др.]. – 2020. – С. 114–116.
5. Казарина С.Г., Гуляева Т.Ю., Казарина Н.Б. Речевой пуризм: лингво-исторические аспекты // Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. – 2024. – № 1. – С. 86–90.
6. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия: Учеб. пособие по спецкурсу. – Ленинград: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. – 77 с.
7. Мухамедьянова Г.Н. Эвфемия в общественно-политической лексике (на материале современного немецкого, русского и башкирского языков): автореф. дис. . . . канд. филол. наук: специальность 10.02.20 // Мухамедьянова Гульшат Насибулловна; [Башк. гос. ун-т]. – Уфа, 2005. – 27 с.
8. Полякова Е.В., Щитова Н.Г., Кравец О.В. Эвфемизация и дисфемизация в современной интернет-коммуникации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные Науки. – 2021. – №08. – С. 178–181. DOI 10.37882/2223–2982.2021.08.29
9. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка. – М.: Флинта, 2012. – 121 с.
10. Супрун С.В. Деловая коммуникация в вузах физкультурно-спортивной направленности // Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. Материалы конференции. – 2019. – Т. 1. – С. 278–280.
11. Ayvazyan O.O. Sociological Foundations of Legal Education and Legal Communication... as Mechanism for the Formation of Communicative-Legal Culture of a Person in a Modern Social and Cultural Society // Papers of the Institute for Scientific Research and Artistic Work in Bjelovar. 2021. № 15. С. 161–170.

© Айвазян Оксана Оганесовна (O.O.Ayvazyan@mail.ru), Гуляева Татьяна Юрьевна (t-gulyaeva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Буторова Ольга Михайловна

старший преподаватель, Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы
ombutorova@yandex.ru

ENGLISH BORROWINGS IN FRENCH POLITICAL DISCOURSE

O. Butorova

Summary: The article presents an analysis of English borrowings widely used in French political discourse. Using the methods of content analysis, lexico-semantic analysis, generalization and systematization, the features and linguistic characteristics of English borrowings are revealed. Classifications of borrowed units have been developed based on two principles – the degree of adaptation in French and thematic relevance. The results obtained have theoretical significance in terms of the development of the theory of borrowing and the study of institutional types of discourse. They can be used in the practice of translation, intercultural communication, and public speaking.

Keywords: English borrowings, borrowings, French political discourse, English language, classification, semantic adaptation.

Аннотация: В статье представлен анализ английских заимствований, широко используемых во французском политическом дискурсе. Используя методы контент-анализа, лексико-семантического анализа, обобщения и систематизации, выявлены особенности и лингвистические характеристики англицизмов. Разработаны классификации заимствованных единиц на основе двух принципов – степени адаптации во французском языке и тематической отнесенности. Полученные результаты обладают теоретической значимостью в аспекте развития теории заимствований и изучения институциональных типов дискурса. Они могут быть использованы в практике перевода, межкультурной коммуникации, публичной речи.

Ключевые слова: англицизмы, заимствования, французский политический дискурс, английский язык, классификация, семантическая адаптация.

Несмотря на уникальность каждой страны и ее культуры, люди всегда стремились взаимодействовать с представителями других этносов и носителями других языков, результатом чего становился обмен культурным опытом. В процессе осуществления экономических, политических и культурных контактов народы расширяли свои идеи и ценности в других странах, а также адаптировали социокультурные практики других народов, что привело к появлению иностранных слов практически в любом языке мира. Учитывая то влияние, которое английский язык оказывает сегодня на все сферы жизнедеятельности человека, вполне закономерным становится его проникновение в национальные языки.

Политический дискурс испытывает на себе наибольшее влияние английского языка, что обусловлено комплексом исторических, политических, экономических и социальных факторов. Во-первых, английский язык является «лингва франка» международной политики, дипломатии и международного права, науки, бизнеса и технологий [7; 13]. Во-вторых, английский язык – это язык современных медиа и социальных сетей. В-третьих, специфика самого политического дискурса такова, что он выходит за национальные рамки, поэтому, чтобы быть частью глобального сообщества, быть услышанными и эффективными в глобальном политическом контексте, политикам необходимо говорить на общепринятом языке, который сегодня, как показывает практика, все активнее проникает и на внутривнутриполитическую арену многих государств.

Во французском языке, несмотря на попытки защититься от иностранного, в первую очередь, английского влияния, даже на законодательном уровне (например, закон Тубона, принятый в 1994 г.), сегодня наблюдается широкое использование англицизмов, в особенности, в политическом дискурсе [14]. Это объясняется несколькими причинами, выходящими за рамки лингвистических исследований. Во-первых, длительное культурное доминирование США и Великобритании подталкивает французских политиков к использованию англицизмов как способа выражения современной политической повестки. Во-вторых, законодательные меры наподобие часто носят декларативный характер, соответственно ожидать каких-то серьезных результатов в данной сфере было бы неразумным, особенно в такой динамичной сфере, как политика.

С точки зрения лингвистики, языковые процессы заимствования способствуют расширению словарного состава любого языка, и французский язык в данном смысле не является исключением, особенно учитывая то, что в условиях стремительных социальных и технологических изменений многие англицизмы обозначают модные и актуальные понятия, придавая высказываниям политиков динамичность, актуальность [8], привлекая дополнительное внимание и способствуя созданию определенного имиджа.

Цель исследования заключается в выявлении специфики функционирования английских заимствований

во французском политическом дискурсе, рассмотреть их семантические характеристики, разработать их классификацию.

Достижение поставленной цели требует использования таких методов исследования, как контент-анализ, лексико-семантический анализ, методы обобщения и систематизации полученных данных.

Исследование дополняет теорию заимствований, вносит вклад в исследование институциональных типов дискурса. Результаты исследования могут представлять значимость для лингвистов, переводчиков, специалистов в сфере политической коммуникации и международных отношений. Их использование видится в практике перевода, публичных выступлений, межкультурной коммуникации.

Заимствованиями в лингвистике обозначают иноязычные лексические единицы, «перенесенные из одного языка в другой в результате языковых и культурных взаимосвязей, вошедшие в систему заимствующего языка или употребляемые в речи принимающего языка, для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся и обозначения ранее неизвестных предметов и явлений» [11, с. 147]. В контексте предлагаемого исследования наибольший интерес для нас представляют лексемы, обозначающие новые понятия, зачастую неологизмы, образованные в связи с появлением в социально-политической жизни мирового сообщества новых понятий, заимствованные из английского языка многими другими языками, в том числе и французским.

Не вызывает сомнений тот факт, что новые события, тенденции, процессы объективируются с помощью языка [10, с. 172]. В разные исторические периоды, вследствие стремительных изменений в той или иной сфере, развития новых технологий в языке неизбежно появлялись новые лексемы, призванные обозначить не существовавшие ранее явления [1; 5; 9; 12]. Чаще всего они появлялись сначала в английском языке, а затем, иногда вместе с самими процессами и технологиями, проникали в другие культуры и языки. Существенную роль в этом процессе сыграли средства массовой информации, активно транслирующие обновленную повестку дня [3; 5].

Анализ материала исследования, включающий тексты статей из газеты *Le Parisien* за период с января по октябрь 2025 года, показал, что лексемы, заимствованные из английского языка, используются достаточно часто во французском политическом дискурсе. Выявленные англицизмы могут быть классифицированы по нескольким основаниям.

Первым основанием для разработки классификации английских заимствований выступает степень их

адаптации во французском языке. Так, в частности, различают прямые заимствования, или англицизмы – слова, перенесенные из английского языка во французский без изменения произношения и написания или с минимальными изменениями (адаптацией). Примерами таких заимствованных единиц выступают: *briefing, comeback, leadership, mainstream, meeting, think tank, trading*.

Municipales 2026: «J'ai mal à ma ville»... À Lyon, Jean-Michel Aulas entre dans l'arène lors de son premier meeting [25]. – Муниципальные выборы 2026: «Мне больно за мой город» ... в Лионе Жан-Мишель Ола выходит на арену на своей первой встрече.

Еще одним видом англицизмов в обозначенной выше группе являются калькированные единицы, т.е. дословно переведенные с английского языка на французский. Среди них выделим следующие: *L'État profond (Deep State)* – глубинное государство, *Guerre froide (Cold war)* – холодная война.

«*On a connu la logique de blocs avec la Guerre froide et on voit bien que cette logique de blocs se déplace vers le Pacifique nord, dont nous Français sommes riverains avec nos territoires d'outre-mer*», a expliqué Sébastien Lecornu, le ministre français des Armées lors du Dialogue Shangri-La, le forum annuel sur la défense qui se tient jusqu'à dimanche à Singapour [22]. – «Мы испытали блоковую логику во время холодной войны, и мы хорошо видим, что эта блоковая логика распространяется на северную часть Тихого океана, с которой мы, французы, граничим нашими заморскими территориями», – пояснил Себастьян Лекорню, министр Вооруженных сил Франции во время диалога в Шангри-Ла, в ходе ежегодного форума по вопросам обороны, который проходит до воскресенья в Сингапуре.

Еще одним видом заимствований, классированных нами по степени адаптации, выступают семантические заимствования, т.е. те случаи, когда существующему во французском языке слову присваивается новое значение под влиянием широко используемой в этом значении англоязычной единицы. Примером таких единиц можно считать лексему *agenda*. Во французском языке она означает «календарь; ежедневник; расписание; записная книжка», однако в таком сочетании, как «*agenda politique*» эта лексема приобретает значение, характерное для английского языка – «повестка дня».

Accusations d'ingérence étrangère en France: visé par une enquête, le réseau X dénonce un «agenda politique» [15]. – Обвинения в иностранном вмешательстве во Францию: сеть X, ставшая объектом расследования, осуждает «политическую повестку дня».

В рамках тематической классификации предлагаем разделить выявленные в процессе анализа англицизмы на следующие группы:

— международные отношения – *hard power, soft power, mainstream, think tank*;

*Lorsqu'il est venu en France du 26 au 28 mai dernier, le président du puissant **think tank** trumpiste Heritage foundation a pu rencontrer discrètement tout un écosystème d'hommes d'affaires et de politiques de droite dure ...* [24]. – Находясь с визитом во Франции с 26 по 28 мая прошлого года, президент влиятельного тремпистского аналитического центра Фонд наследие смог встретиться с целой группой бизнесменов и политиков жесткого правого толка ...

— политические технологии и медиа – *big data, communication, fake news, lobby / lobbying, sextape, site, spin doctor, storytelling, tweet, web;*

Santé environnementale: le député Vincent Jeanbrun lance un think tank pour «dépasser les fake news» [27]. – Состояние окружающей среды: депутат Винсент Жанбрен запускает аналитический центр, чтобы «опередить фейковые новости».

— международная экономика / экономическая и социальная политика – *benchmarking, bitcoin, budget, COVID-19, downsizing, empowerment, migrant, trading, welfare;*

Un migrant a été découvert sans vie dans le Pas-de-Calais ce dimanche, sans que son âge ou sa nationalité ne soient à ce stade connus [26]. – Мигрант был обнаружен мертвым в Па-де-Кале в это воскресенье, его возраст и национальность на данный момент неизвестны.

— внутренняя политика / политическая борьба, выборы – *comeback, leader / leadership, meeting, outsider, score.*

*Alors qu'il n'avait remporté que 5 % des voix il y a un an dans la région de Rhénanie du Nord-Westphalie, le parti Alternative für Deutschland a obtenu un **score** historique de 16,4 % lors d'un nouveau scrutiny* [16]. – В то время как год назад партия «Альтернатива для Германии» набрала всего 5%

голосов в земле Северный Рейн-Вестфалия, на повторных выборах она набрала рекордные 16,4% голосов.

В результате проведенного исследования выявлены особенности использования английских заимствований во французском политическом дискурсе. Приведенные примеры ярко демонстрируют изменения, происходящие в международной политике, что неизбежно отражается в языке за счет пополнения новыми словами, а также подтверждают необходимость использования заимствований политиками в своей речи, чтобы услышанными на мировой политической арене.

На основании полученных результатов представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1. Англицизмы, отражая динамичность технологических и социальных процессов, стали неотъемлемой частью французского политического дискурса, выступая средством расширения словарного запаса французского языка.
2. Выявленные английские заимствования, функционирующие во французском политическом дискурсе, можно классифицировать по степени адаптации и тематической отнесенности.
3. По степени адаптации во французском языке различают прямые заимствования, калькированные единицы и семантические заимствования.
4. Тематически английские заимствования представляют следующие тематические блоки: международные отношения, политические технологии и медиа, международная экономика / экономическая и социальная политика, внутренняя политика / политическая борьба, выборы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адащик Д.Н. Системообразующие характеристики англоязычного политического пандемийного медиадискурса // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2024. – № 17–2. – С. 6–14.
2. Волкова М.Г., Козлова Д.О. Англицизмы в современном французском языке (на материале прессы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4–2 (34). – С. 73–76.
3. Желтухина М.Р. Современный медиадискурс и медиакультура воздействия // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 4. – С. 154–159.
4. Катермина В.В. Политическая неоминация в массмедийном дискурсе // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4 (58). – С. 27–33.
5. Катермина В.В., Яченко Е.А. COVID-19 как лингвистическое явление (на материале текстов англоязычных СМИ) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2020. – № 3 (108). – С. 51–58. – DOI: 10.37972/chgpr.2020.108.3.007.
6. Крышталева В.Е. Французские исследования политического дискурса: история и современность // Политическая лингвистика. – 2023. – № 4 (100). – С. 60–68.
7. Литвишко О.М., Гарамян А.В. Концепция лингвистического империализма в контексте формирования гражданской идентичности российского общества // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2018. – № 11. – С. 28–33.
8. Литвишко О.М., Гхашим М., Львова С.Н. Языковые маркеры лидерства в политическом дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 4. – С. 134146. – DOI: 10.29025/2079–6021-2021-4-134-146.
9. Литвишко О.М., Черноусова Ю.А., Карнаух Т.В. Феномен межъязыковой лакунарности в англоязычном юридическом дискурсе // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2022. – № 15. – С. 112–125.
10. Мисюра С.М. Cancel culture как неологизм в лингвистике и социуме // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2023. – № 16. – С. 171–177.
11. Орешкина М.В. Заимствование языковое // Социоллингвистика. – 2023. – № 3 (15). – С. 147–170.
12. Павлова Ю.В., Згонникова А.А. Об образовании новых слов в сфере маркетинга и рекламы // Университетские чтения – 2016: Материалы научно-методиче-

- ских чтений ПГЛУ, Пятигорск, 14-15 января 2016 года. Часть III. – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2016. – С. 60–64.
13. Черноусова Ю.А. Деловой английский как лингва франка современного бизнес-сообщества // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2013. – № 6. – С. 122–128.
 14. Шумакова А.Н. Англицизмы и американизмы в современном политическом языке (на материале французского журнала L'Obs) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2018. – № 17 (815). – С. 194-203.
 15. Accusations d'ingérence étrangère en France: visé par une enquête, le réseau X dénonce un «agenda politique». URL: <https://www.leparisien.fr/faits-divers/accusations-dingerence-etrangere-en-france-visé-par-une-enquete-le-reseau-x-denonce-un-agenda-politique-21-07-2025-3S6RC7PLVFAINLHY47AYDBYDHQ.php>
 16. Allemagne: le parti d'extrême droite AfD triple son score lors d'élections dans l'ouest du pays. URL: <https://www.leparisien.fr/international/allemande-le-parti-dextreme-droite-afd-triple-son-score-lors-delections-dans-louest-du-pays-15-09-2025-3ITA6J7I3NHSLGUDZ7JMVITV2I.php>
 17. Arnaques en ligne: des dizaines de victimes portent plainte contre de fausses plates-formes de trading. URL: <https://www.leparisien.fr/faits-divers/arnaques-en-ligne-des-dizaines-de-victimes-portent-plainte-contre-de-fausses-plates-formes-de-trading-18-04-2025-TSF4MW6WEBDP5PNFN74ZPRLJXM.php>
 18. «Ayez enfin la décence de vous retirer»: après le procès du maire pour chantage à la sextape, un conseil municipal houleux à Saint-Étienne. URL: <https://www.leparisien.fr/politique/ayez-enfin-la-decence-de-vous-retirer-apres-le-proces-du-maire-pour-chantage-a-la-sextape-un-conseil-municipal-houleux-a-saint-etienne-13-10-2025-X3KMS64LSRGMZDSO6R3FFPVYME.php>
 19. Budget 2026: voici les 13 principales mesures proposées par le gouvernement. URL: <https://www.leparisien.fr/economie/budget-2026-hauts-revenus-gel-des-pensions-de-retraite-les-premieres-mesures-du-projet-du-gouvernement-14-10-2025-4K7VSC6FXNHKVOI6MXEIAZOJRA.php>
 20. Covid-19: la Maison-Blanche défend la théorie de la «fuite de laboratoire à Wuhan» sur un nouveau site web. URL: <https://www.leparisien.fr/societe/sante/covid-19-la-maison-blanche-defend-la-theorie-de-la-fuite-de-laboratoire-a-wuhan-sur-un-nouveau-site-web-18-04-2025-PCM6KYVGTJD2ZKZRRRAVGVANF5U.php>
 21. Cryptomonnaies: le bitcoin atteint un nouveau record avant l'investiture de Donald Trump. URL: <https://www.leparisien.fr/high-tech/cryptomonnaies-le-bitcoin-atteint-un-nouveau-record-avant-linvestiture-de-donald-trump-20-01-2025-J6LWZCTFVF5HM25X5HGCT4BEA.php>
 22. Hollande relance le match avec Faure: «Il veut retrouver le leadership sur la famille socialiste». URL: <https://www.leparisien.fr/politique/hollande-relance-le-match-avec-faure-il-veut-retrouver-le-leadership-sur-la-famille-socialiste-20-01-2025-FREG4WDVXRE4HCSQ5DPTIJSWY.php>
 23. La logique des blocs, comme pendant la Guerre froide, «n'est pas inéluctable», estime Sébastien Lecornu. URL: <https://www.leparisien.fr/politique/la-logique-des-blocs-comme-pendant-la-guerre-froide-nest-pas-ineluctable-estime-sebastien-lecornu-01-06-2024-MLJTHSMN6BBLXISDFZIITPXXWI.php>
 24. L'Heritage foundation, ce think tank trumpiste qui veut peser sur la vie politique française. URL: <https://www.leparisien.fr/politique/lheritage-foundation-ce-think-tank-trumpiste-qui-veut-peser-sur-la-vie-politique-francaise-18-06-2025-CDARMTYJ5NGQHGUKJDZLNNUUSU.php>
 25. Municipales 2026: «J'ai mal à ma ville»... À Lyon, Jean-Michel Aulas entre dans l'arène lors de son premier meeting. URL: <https://www.leparisien.fr/elections/municipales/municipales-2026-jai-mal-a-ma-ville-a-lyon-jean-michel-aulas-entre-dans-larene-lors-de-son-premier-meeting-26-09-2025-KHJB55G7BG73FNUU3EPU5GA7E.php>
 26. Pas-de-Calais: un nouveau migrant retrouvé mort, une enquête ouverte. URL: <https://www.leparisien.fr/faits-divers/pas-de-calais-un-nouveau-migrant-retrouve-mort-une-enquete-ouverte-28-09-2025-SH5DD56TZNADDKMHA27733C2XQ.php>
 27. Santé environnementale: le député Vincent Jeanbrun lance un think tank pour «dépasser les fake news». URL: <https://www.leparisien.fr/val-de-marne-94/sante-environnementale-le-depute-vincent-jeanbrun-lance-un-think-tank-pour-depasser-les-fake-news-06-04-2025-DQKZH5PURBBAHNNUY3OJLB2XBI.php>

© Буторова Ольга Михайловна (ombutorova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ЖИЛЫХ ПОСТРОЕК ДЛЯ ПОСТОЯННОГО ПРОЖИВАНИЯ В ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ

Гальцова Дарья Николаевна

Преподаватель, ФГБОУ ВО Воронежский
государственный университет
darij98@yandex.ru

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF NAMES OF RESIDENTIAL BUILDINGS FOR PERMANENT RESIDENCE IN VORONEZH DIALECTS

D. Galtsova

Summary: This article examines the functioning of names of residential buildings for permanent residence. Using data from Voronezh dialects, the lexemes recorded are described, classified, and nuances of meaning are identified, with particular attention paid to their use in the speech of dialect speakers. Fieldwork and continuous sampling were used to collect the data. The collected lexical units were systematized using a descriptive method. A lexicographic method was used to study dialect words from the perspective of their representation in dictionaries. The territorial documentation of the material was carried out using the languageographic method. To analyze their semantic development, the lexemes under study are considered against a historical and ethnographic background, reconstructed from archival ethnographic materials and historical dictionaries. To obtain information on the distribution of lexemes and their meanings, an aerial characterization of the analyzed units is provided. Finally, a conclusion is drawn about the specific functioning of residential building names in Voronezh dialects, as well as the various types of semantic relations inherent in these words. Active changes in the semantics of the lexemes under study are noted under the influence of modern building types, while the preservation and productivity of this lexical layer is emphasized.

Keywords: Voronezh dialects, peasant buildings, residential premises, vocabulary, semantics.

Аннотация: Статья посвящена особенностям функционирования наименований жилых построек для постоянного проживания. На материале воронежских говоров описываются зафиксированные лексемы, проводится их классификация, выявляются оттенки значений, особое внимание уделяется употреблению в речи диалектоносителей. Для сбора материала применяются полевой метод и метод сплошной выборки. Систематизация собранных лексических единиц проводится посредством описательного метода. При изучении диалектных слов с точки зрения их репрезентации в словарях используется лексикографический метод. Территориальное документирование материала осуществляется с применением лингвогеографического метода. В целях анализа семантического развития исследуемые лексемы рассматриваются на историко-этнографическом фоне, восстановленном по архивным этнографическим материалам и историческим словарям. Для получения информации о распространении лексем и их значений дается ареальная характеристика анализируемых единиц. В заключение делается вывод об особенностях функционирования наименований жилых построек в воронежских говорах, а также о различных типах семантических отношений, свойственных данным словам. Отмечаются активные изменения в семантике исследуемых лексем под влиянием современного типа постройки, в то же время подчеркивается сохранность и продуктивность данного пласта лексики.

Ключевые слова: воронежские говоры, крестьянские постройки, жилые помещения, лексика, семантика.

Введение

В настоящее время большое внимание диалектологов уделяется лексике, отражающей материальную культуру народа. Значительный интерес к наименованиям культурно-бытовых объектов обусловлен задачами антропологической лингвистики – научного направления, идеи которого стали особенно актуальны в последние десятилетия. Важным оказывается воспроизведение языкового сознания народа, создание объемной и многогранной картины сельской жизни в ее речевом отражении, а также конструирование мировоззрения конкретного человека как представителя всего этноса. Т.И. Вендина отмечает, что «осмысление языка культуры начинается, как правило, с изучения его словаря, поскольку лексика яв-

ляется самым чувствительным индикатором культуры» [3, с. 128]. Несомненно, что при анализе диалектных лексем большую роль играет внеязыковая действительность. Исследование дает возможность рассмотреть семантическую структуру слова, его сочетаемость, внутреннюю форму, что всегда связано с жизнедеятельностью человека. В таком случае продуктивным является изучение лексики по тематическим граппам, формирующим языковую репрезентацию какого-либо раздела материальной культуры и дающим максимально полное представление о том или ином фрагменте окружающего мира, что становится необходимым, поскольку «говорить о значении слова без соотнесения этого слова с чем-то вне языка можно только в случае придания самому термину «значение» очень ограниченный смысл» [25, с. 130].

В связи с изложенным становится целесообразным обращение к наименованиям сельских жилых построек в воронежских говорах, рассмотрение особенностей функционирования данных лексем в живой диалектной речи и проведение лексико-семантического анализа выявленных слов в составе указанной тематической группы.

Сельские строения являются значимой частью материальной культуры русского народа, однако в настоящее время под влиянием городского строительства они утрачивают свои оригинальные черты, «такой исторически сложившийся тип жилища, как деревянная изба, практически находится на грани исчезновения» [2, с. 10], вследствие чего происходят динамичные изменения лингвистического и экстралингвистического характера, требующие фиксации, систематизации и анализа.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения тематической группы «Наименования жилых построек» на уровне макросистемы диалекта для установления языковых взаимосвязей, прогнозирования динамики развития говоров и национального языка в целом, а также для лингвистического воссоздания исторической и современной картин крестьянского жилищного комплекса.

Цель исследования заключается в описании особенностей функционирования наименований жилых построек в русских говорах Воронежской области.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые представлено комплексное описание лексем, структурирующих воронежское крестьянское жилище, а также впервые определены и описаны основные процессы, касающиеся функционирования исследуемых наименований.

Теоретическая значимость определяется тем, что исследована системная организация лексики жилых построек в русских говорах Воронежской области, результаты работы вносят определенный вклад в монографическое описание воронежских диалектов.

Материалы и методы

Источниками материала нашего исследования выступили:

1. картотека «Словаря воронежских говоров», содержащая материалы диалектологических экспедиций 1946–2024 гг.;
2. «Словарь воронежских говоров», вып. 1–3 (А-3), 2004, 2007, 2019 гг. [19];
3. персональная картотека автора (2015–2024 гг.).

Методами исследования стали: 1) метод сплошной выборки; 2) полевой метод, предполагающий непосредственное общение с диалектоносителями; 3) описатель-

ный метод; 4) лексикографический метод; 5) лингвогеографический метод.

Литературный обзор

Интерес к лексике крестьянских построек не ослабевает со второй половины XIX в. до настоящего времени. Изначально при изучении сельских строений описывались преимущественно этнографические и архитектурные особенности. Полноценное лингвистическое описание наименований жилых и хозяйственных построек в системе диалекта началось позднее. Существует большое количество научных работ, полностью или частично посвящённых изучению жилых построек в системах различных диалектов: рязанские говоры – В.Г. Руделев, 1958 [18], псковские говоры – В.К. Андреев, 1993 [1], говор одного села Старооскольского района Белгородской области – Н.Г. Шубина, 2004 [26], говоры Среднего Урала – О.С. Журавская, 2009 [9], говоры Забайкальского края – Е.И. Пляскина, 2009 [15], говоры Красноярского края – А.Г. Тимченко, 2019 [22], русские говоры Мордовии – В.П. Гришунина, Н.И. Ершова, 2020 [6], архангельские говоры – А.М.-Г. Кузьмина, 2023 [11]. Кроме того, определенное количество масштабных научных трудов, посвященных названиям построек, основывается на совокупном материале русских говоров – В.Е. Гольдин, 1967 [4]; О.Н. Морановская, 1980 [12]; Е.А. Забродкина, 2008 [10].

Именно на воронежской территории масштабных исследований в этом направлении не проводилось. Стоит отметить этнолингвистическое описание построек, вошедшее в работу Н.П. Гринковой «Воронежские диалекты» [5]. Несколько лексем, номинирующих жилые и хозяйственные постройки в современных говорах и воронежских памятниках деловой письменности, были рассмотрены в статье В.И. Дьяковой и В.И. Хитровой [8]. Далее были представлены исследования номинаций построек на материале какого-либо одного воронежского говора: Л.В. Недоступова [14], Р.Е. Тельпов [21].

Таким образом, при наличии существенного объема научных работ по интересующей нас теме не можем не отметить небольшое количество узкоаспектных исследований наименований жилых построек именно в воронежских говорах, что свидетельствует о необходимости восполнить данный пробел.

Результаты

В результате исследования было выявлено и проанализировано 436 лексических единиц, номинирующих жилые постройки и их части в воронежских говорах. В данной статье остановимся на общих наименованиях жилых построек, предназначенных для постоянного проживания.

Для общих названий жилых построек зафиксированы

лексемы *бильдю'га, биндю'га, биндю'жка, глуха'я изба', гли'нянка, гнилу'шка, гнилу'шечка, двойни'к, двойничо'к, дво'йня, девятери'к, десяти'к, дом, доми'на, домо'чек, домя'ка, домя'ра, завале'нка, земля'нка, земляну'ха, земляну'шка, изба', изба-куру'шка, избёнка, избу'шка, избу'шка-куру'шка, камени'ца, ка'менка, кильди'м, кирпи'чник, крестови'к, куру'шка, кутушо'к, лачу'га, ма'занка, мазану'точка, мазану'ха, мела'вка, мела'нка, нове'йка, полземля'нка, поро'жний дом, пятиясте'нник, пятиясте'нничек, пятиясте'нок (пятиясте'нка), развалю'шка, ранда'та' (рантата'), рубленый дом, рубленая ха'та, сама'нка, сама'нная ха'та, сама'ночка, связь, семери'к, семиричо'к, столбя'нка (стобля'нка), халу'па, халу'нка, ха'та, хатёнка, хатёночка, хати'нка, ха'тка, хату'нка, хоба'ра, хоба'рка, хоба'рня, хоро'мы, четвери'к, четырёхсте'нка, шестери'к, шестеричо'к.*

Самыми распространенными наименованиями жилых построек на воронежской территории являются *изба, хата* и *дом*, которые можно отнести к родовым понятиям по отношению к остальным лексемам данной группы.

Слово *изба* повсеместно на воронежской территории имеет традиционное значение 'деревянный (обычно крестьянский) дом': //жы'л'и мы в **изб'е**// ПСК. Повор., однако в некоторых говорах появляется дифференциация, связанная с количеством комнат: иногда *изба* в представлении диалектоносителей – это деревянный дом, состоящий из одной комнаты с печью: // **узбы** ра'н'шы бы'л'и, эт када' одна' ко'мн'тъ и п'еч' аб'аза'т'ьл'нь была', а ш'ас врод' то'ж'ь у'вар'ат' **изба'**, но ана' как дом бо'л'ш'ь, ко'мн'тъ мно'г'ь// Б.ВРК. Семил., в других случаях количество комнат не является основополагающим, также факультативным становится наличие русской печи: //ну што **изба'**? **Изба'** мо'жа быт' ра'зн'я'ь, и дв'е ко'мн'ты, и тр'и, вон как у Н'у'с'к'// АРТ. Аннин.; // **изба'** – э'т'ь дом, к'р'идо'р там, ко'мн'тк'и, п'еч' маула быт', а и б'ьс п'ич'у' **изба'** то'ж'ь// МДВЖ. Семил.

В поздних этнографических трудах и региональных художественных произведениях (вторая половина XIX века и далее), а также иногда в современных говорах *избой* могут называть и кирпичное строение, что свидетельствует об изменении материала постройки: «Одинокая **избушка** изъ необожженнаго кирпича стоит на отлетъ, краемъ къ крутому оврагу» [27, с. 23], //ш'ас жо' **к'ирп'и'шны'ь узбы** стро'ют'// КРС.ЛП. Реп. Кроме того, *изба* в говорах может обозначать любое жилое строение, становясь родовым наименованием, утрачивая подразумеваемое материала, из которого она строится, также вне зависимости от количества комнат и наличия русской печи: //Што **изба'**? Дом, ха'та, ма'занка, хоба'рка – фс'о адно' **изба'**// ХРН. Бобр.

Выделим зафиксированные нами значения слова

изба в качестве жилой постройки на воронежской территории: 1) любое деревянное жилое помещение | деревянное жилое помещение, состоящее из одной комнаты с русской печью | деревянное жилое помещение, состоящее из нескольких комнат, как правило, с русской печью; 2) любое жилое помещение (в том числе и кирпичное, и мазаное); 3) добротное деревянное жилое помещение (в отличие от *хаты*); 4) старое, разваливающееся жилое помещение «деревенского» вида (в отличие от «городского» дома).

Бытование лексемы *изба* тесно связано с функционированием слова *дом*. В современных воронежских говорах *домом* называют жилую постройку для постоянного проживания в наиболее общем понимании: //Ja жыву' в **до'м'и**, у на'с т'о'плъ, сы'тнъ, хърашо'// СДВ. Аннин. В большинстве говоров Воронежской области *изба* и *дом* не являются абсолютными синонимами. В современной народной речи *домом* часто называют жилое помещение, которое имеет «городской» вид и обязательно несколько комнат: //вро'д'и је'с'л'и п'ькул'тур'н'ици, то **до'мам** нъзыва'ицъ// ДВЦ. Остр.

Стоит отметить всевозможные варианты противопоставления слов *изба – дом* в воронежских говорах. Существует три оппозиции:

1. по количеству комнат: *изба* (одна комната) – *дом* (несколько комнат);
2. по материалу: *изба* (деревянная) – *дом* (кирпичный);
3. по внешнему виду: *изба* (старая, разваливающаяся) – *дом* (новый, добротный).

Распространение данных оппозиций не является повсеместным и строго регламентированным, так как в одних говорах они могут отсутствовать, а в других переключаться.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля значение слова *дом* тоже довольно размыто: «строение для житья; в городе, жилое строенье; хоромы; в деревне, изба со всеми ухажаями и хозяйством. Крестьянский дом, изба; южн. хата; княжеский и вообще большой, вельможеский, палаты, дворец; помещичий, в деревне, усадьба; маленький и плохонький, хижина, лачуга; врытый в землю, землянка» [7, т. I, с. 414–415]. В СРНГ присутствуют значения 'изба, крестьянский дом со всеми хозяйственными пристройками' (Волог., Новг., Пск., Сев.-Двин., Самар., Урал., Том., Новосибир., Вост.-Казак.) 'гроб' (Твер., Моск., Орл, Новг., Костром., Волог., Сев.-Двин., Арх., КАССР) [20, вып. 8, с. 116]. Отметим, что обозначение любой жилой постройки вообще не зафиксировано, что может быть связано с дифференциальным типом словаря, фиксирующим лишь собственно диалектные лексеммы.

Таким образом, выделим зафиксированные нами

значения слова *дом* в качестве жилой постройки на воронежской территории на современном этапе: 1) любое строение, жилище; 2) кирпичное жилое строение, состоящее из нескольких комнат, которое выглядит новым, добротным, основательным, «городским».

Интерес также представляет функционирование лексемы *хата* в современных воронежских говорах: // *ч'о' с'ид'е'т', х'ладно', пашл'у' ф х'а'ту*// КПН. Остр. Отметим, что для жителей воронежской территории слово *хата* не является исконным, его принесли на исследуемую местность переселившиеся украинцы [8, с. 24].

Стоит отметить, что *изба* и *хата* – это не только различные названия, но и разные способы постройки. В большинстве этнографических и исторических источников отмечается, что *хата* – это «сельское жилище в южной России, Белорусии, на Украине: саманное, глинобитное, мазанка, беленое, с камышовой или соломенной кровлей» [17, с. 482] в противовес *избе*, которая традиционно именно деревянная. Получается, что изначально *изба* и *хата* были совершенно различны как с этнографической точки зрения (способ построения), так и с лингвистической (наименование), но позже в связи с переселением украинского населения на воронежскую территорию начинается смешение и типов построения, и самих лексем.

Уже в XVII-XVIII вв. *хата* становится синонимом слова *изба*, например, в «Словаре воронежской деловой письменности» приводится следующее значение: «Хата, ж. Жилая постройка, крестьянский дом, изба» [24, т. 5, с. 540], никаких помет о типе постройки не дается, значит, дифференциации уже не было либо она была не всегда выражена.

Интересно проследить функционирование слов *изба* и *хата* в современных воронежских говорах. Детальный анализ показывает, что они могут быть полными синонимическими соответствиями в тех случаях, если обозначают:

1. деревянные жилые постройки;
2. любые жилые постройки (и деревянные, и кирпичные);
3. старые разваливающиеся постройки (тогда противопоставляются *дому*).

Не являются синонимическими соответствиями данные лексемы, если сохраняют традиционные значения (*изба* – деревянная постройка, *хата* – глинобитная, мазаная, беленая постройка). Однако в некоторых воронежских говорах значения данных слов расходятся и по другому основанию. Например, «в говоре села Старый Курлак Аннинского района *изба* обозначает добротную жилую постройку (но не кирпичную), а *хата* – разваленное, неухоженное жилище: // *изба́ – этъ у нас, харобшы́*

дом, а у Биза́jevых вон х'а'т'ъ// СТ.КРЛ. Аннин.

Таким образом, выделим зафиксированные нами значения слова *хата* в качестве жилой постройки на воронежской территории: 1) сельское жилище; мазанка: саманное, глинобитное, беленое, с камышовой или соломенной кровлей; 2) любое деревянное жилое помещение; 3) любое жилое помещение (в том числе и кирпичное); 4) старое, разваливающееся жилое помещение «деревенского» вида (в отличие от *избы* и *дома*).

ЛСГ «Общие наименования жилых построек» содержит довольно большой пласт лексических единиц, поэтому для воссоздания полной картины современных сельских строений целесообразно классифицировать лексемы на подгруппы в зависимости от отражения различных признаков денотата. Так, в общих наименованиях жилища выявлены номинации, характеризующие реалию по следующим признакам.

1. По степени новизны/ветхости жилища: *бильдю'га, биндю'га, биндю'жка, гнилу'шка, гнилу'шечка, завалёнка, изба-куру'шка, избу'шка-куру'шка, кильди'м, куру'шка, лачу'га, нове'йка, поро'жний дом, развалю'шка, халу'па, халу'пка, хоба'ра, хоба'рка, хоба'рня*.

Лексемы *бильдю'га, биндю'га, биндю'жка* представляют особый интерес. «Словарь воронежской деловой письменности XVII-XVIII вв.» фиксирует слово *бильдюга* в значении «небольшая изба из мелкого необтесанного леса»: «Дворъ на дворъ изба **бил(ь)дюга** жерд(ь)емъ огорожена» (ВПИ-3, №844, 7. 1631 г.) [24, т. 1, с. 84]. Вероятно, указанное значение является вторичным, развившимся на основе первоначального «жердь, дубина». Получается, что строение из жердей (так называемых *бильдюг*), получает наименование от названия строительного материала [23, с. 79]. Эту гипотезу подтверждает этимология слова: *бильдюга* – тюркское заимствование, «восходит к форме **beldik* ‘пояс’, ‘жердь, перекладина’, которая в татарском дала *bildik* или *bildik* ‘жердь’» [16, т. IV, с. 1616].

Отдельно стоит рассмотреть лексему *кильдим*: // *к'ил'д'и'м – х'а'т'ъ, изба' ма'л'ьн'к'ъ'я, плаха'я'*//ХРН. Бобр. В словаре В.И. Даля дается лексема *кильдима* в значении «церковная хижинка, избенка», а также *кильдим* «развратный дом» (с вопросом к значению) и «изба, где собираются посиделки» (с вопросом к значению) [7, т. II, с. 722]. В СРНГ также дается значение «публичный дом» (Самар., Пенз., Саратов., Вят., Перм.), «сборище, сброд» (Дон.), «изба, в которую молодежь собирается на посиделки» (Вят., Ульянов.), «небольшой домишко» (Уральск.), «о большой безалаберной семье» (Ульян.) [20, вып. 13, с. 210]. С.А. Мызников считает, что это слово тюркского происхождения, но в то же время, по его мнению, сближается со словом *келья*, бытующим в говорах с похожим значением, в связи с чем предполагает контаминацию тюркских и рус-

ских данных [13, с. 298-299].

2. По материалу, из которого строили жилище: *глинянка, землянка, землянуха, землянушка, каменица, каменка, кирпичник, мелавка, мелапка, самапка, самапная хата, самапочка, столбяпка (стобляпка).*

3. По способу построения: *двойнипка, двойничок, двоиня, крестовик, мапанка, мазануточка, мазануха, полземлянка, пятияпник, пятияпничек, пятияпнок (пятияпнка), рубленая хата, рубленый дом, связь, четверик, четырёхпепнка, шестерипк, шестеричок.*

В рамках подгруппы, характеризующей способ построения, можно выделить лексемы, отражающие зависимость названий построек от количества стен:

- а) постройка с одной внутренней стеной: *двойнипка, двойничок, двоиня, пятияпник, пятияпничек, пятияпнок (пятияпнка);*
- б) постройка с двумя перпендикулярными стенами внутри: *крестовипк, шестерипк, шестеричок;*
- в) постройка без внутренних стен: *четверипк, четырёхпепнка.*

Отдельно стоит отметить лексему *связь*, имеющую значения 'жилая постройка, состоящая из двух срубов, соединенных переходом; две избы, соединенные переходом', 'сени, разделяющие комнаты': //у на'с изба', а у сас'е'д'иж **св'ас'** была// В.ИКР. Бобр., //а **св'ас'** - э'т'ь там хат'ь и тут хат'ь и с'е'нцы прам'еш н'их// В.ТРВ. Н.-Дев. Данный вид жилища встречался чаще всего в больших семьях, когда взрослые дети с семьями оставались жить рядом с родителями. В таком случае либо разделяли комнаты сепями, либо соединяли две избы переходом, чтобы семьи могли жить вместе, но вести отдельное хозяйство. Слово *связь* известно современным диалектоносителям, но употребляется преимущественно в ситуации воспоминания, то есть при рассказе о том, как строили раньше. О настоящем времени говорят так: //с'ич'ас **св'а'з'и** н'и стр'о'йм'// ЛМВ. Рам. Вероятно, это связано с тем, что уклад жизни в деревне изменился, поэтому большие семьи, ведущие общее хозяйство, встречаются редко.

4. По размеру:

- а) конкретное указание на размер: *девятерипк, десятипк, семерипк, семирчочк.*
- б) обобщенная характеристика размера: *доми'на, домо'чек, домя'ка, домя'ра, дышну'шка, изб'енка, избу'шка, кутушо'к, хат'енка, хат'еночка, хати'нка, хат'ка, хату'нка, хоро'мы.*

Стоит отметить, что данные наименования не всегда отражают именно размерные характеристики, иногда

уменьшительно-ласкательные суффиксы свидетельствуют лишь об экспрессивности речи диалектоносителя. Окончательный вывод можно сделать только при опоре на развернутый контекст.

Обсуждение

В ходе научной работы был собран и систематизирован языковой материал в количестве 436 лексем, дан развернутый лексико-семантический анализ выявленных наименований.

В результате анализа языкового материала мы пришли к следующим выводам:

1. Наименования построек в русских говорах Воронежской области представляют многочисленную и разнообразную группу, формирование которой обусловлено сложностью этнографического, культурного и исторического развития.
2. Большое воздействие на состав анализируемых тематических групп оказало переселение жителей с украинских территорий, которое существенно повлияло как на тип постройки, так и на лингвистическое разнообразие лексики жилища (распространение лексем хата, мапанка и их дериватов на воронежской территории).
3. На территории Воронежской области наименования построек отражают материал, из которого они были возведены: могут представлять собой деревянные, саманные, глиняные или современные кирпичные сооружения. В зависимости от материала по-разному номинируется как сама постройка, так и её части.
4. Большое количество названий построек объясняется наличием акцентологических, фонетических и морфологических вариантов, а также высоким словообразовательным потенциалом выявленных лексем. Разнообразие наименований построек объясняется также существованием пар и рядов синонимических соответствий, которые подтверждают усиленную детализацию действительности диалектоносителями. Разветвленные семантические отношения обусловлены явлением полисемии, широко представленным в исследуемых тематических группах вследствие экстралингвистических и собственно лингвистических причин.

Заключение

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что лексика жилых построек отражает отношение человека к месту своего пребывания, осознание причастности к процессу постройки и понимание, как происходит строительство. При рассмотрении конкретных реалий в определенных коммуникативных ситуациях проявляются вопросы, связанные с полной или частичной сино-

нимией, выявляются оттенки значений, раскрываются словообразовательные возможности лексем, что формирует полную картину функционирования лексики жилых построек в речи диалектоносителей через призму их отношения к миру.

Список использованных сокращений

ПСК. Повор. – с. Пески Поворинского района; Б.ВРК. Семил. – с. Большая Верейка Семилукского района; АРТ.

Аннин. – с. Артюшкино Аннинского района; МДВЖ. Семил. – с. Медвежье Семилукского района; КРС.ЛП. Реп. – с. Краснолипые Репьевского района; ХРН. Бобр. – с. Хреновое Бобровского района; СДВ. Аннин. – с. Садовое Аннинского района; ДВЦ. Остр. – с. Девица Острогожского района; КПН. Остр. – с. Копанице Острогожского района; СТ.КРЛ. Аннин. – с. Старый Курлак Аннинского района; В.ИКР. Бобр. – с. Верхний Икорец Бобровского района; В.ТРВ. Н.-Дев. – с. Верхнее Турово Нижнедевицкого района; ЛМВ. Рам. – с. Ломово Рамонского района.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев В.К. Названия построек и их частей в псковских говорах (номинативный аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 1993. 17 с.
2. Анисимова И.И., Гурьянова А.Э. Традиционное русское жилище (в обмерах и рисунках). М.: КУРС, 2024. 144 с.
3. Вендина Т.И. Диалектное слово как «архетип» русской культуры // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. №1–2. С. 125–139.
4. Гольдин В.Е. К вопросу о структурно-семантических различиях в диалектной лексике: На материале названий построек и их частей в русских говорах): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1967. 20 с.
5. Гринкова Н.П. Воронежские диалекты: дисс. ... докт. филол. наук // Учёные записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Т. 55. Л., 1947. 300 с.
6. Гришунина В.П., Ершова Н.И. Структурно-семантические особенности названий построек и их частей в говорах Республики Мордовия // Финно-угорский мир. 2020. №4. С. 368–378.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1935.
8. Дьякова В.И., Хитрова В.И. Названия жилых и хозяйственных построек в старинных воронежских документах и современных говорах // Традиционная культура: научный альманах. М., 2009. № 2 (34). С. 21–27.
9. Журавская О.С. Лексика, репрезентирующая постройки и их части в говорах Среднего Урала: структурно-семантический, ономазиологический, лексико-графический и лингвогеографический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 24 с.
10. Забродкина Е.А. Семантическое поле «дом» в русских народных говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2008. 22 с.
11. Кузьмина А.М.-Г. Наименования построек и их частей в архангельских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2023. 22 с.
12. Мораховская О.Н. К формированию группы названий жилых построек в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас 1978: материалы и исследования. М.: Наука, 1980. С. 3–97.
13. Мызников С.А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 1076 с.
14. Недоступова Л.В. Названия крестьянских построек, помещений для скота и домашней птицы в Воронежской области / Л.В. Недоступова // Русская речь. М., 2017. № 6. С. 92–97.
15. Пляскина Е.И. Лексико-семантические группы наименований построек для животных и хозяйственных построек в говоре // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. 2009. №3. С. 249–252.
16. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Репринт. изд. 1893–1911. [М.]; СПб.: Издательство восточной литературы, 1963–1964.
17. Российский историко-бытовой словарь / авт.-сост. Л.В. Беловинский. М., 1999. 526 с.
18. Руделев В.Г. Лексика жилища и жилищно-хозяйственного строительства в некоторых южнорусских рязанских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Оренбург, 1958. 22 с.
19. Словарь воронежских говоров / Под ред. Г.Ф. Ковалева. Вып. 1–3. Воронеж, 2004 – по наст. вр.
20. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, С.А. Мызникова. М.; Л. (СПб.): Наука, 1965 - по наст. вр.
21. Тельпов Р.Е. Полевая структура лексической группы «Жилые и хозяйственные постройки» (на материале одного из однодворческих говоров Воронежской области) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2022. № 4. С. 1105–1112.
22. Тимченко А.Г. Семантическое поле «жилище» в русских говорах Красноярского края (лингвокультурологический аспект) // Сибирский филологический форум. 2019. №1 (5). С. 47–60.
23. Хитрова В.И. Местная лексика в языке воронежских рукописных памятников XVII – первой четверти XVIII вв.: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1972. 440 с.
24. Хитрова В.И. Словарь воронежской деловой письменности XVII-XVIII веков / Под общ. ред. И.Г. Добродомова. Т. I-V. М.: Прометей, 2022–2024.
25. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964. 186 с.
26. Шубина Н.Г. Наименования жилых и хозяйственных построек в говоре села городище Старооскольского района Белгородской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2004. 22 с.
27. Эртель А.И. Записки степняка. Т.1. СПб., 1883.

© Гальцова Дарья Николаевна (darij98@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ СЛОВ С КОРНЕМ -ТЕАТР- В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-БЫТОВОМ ДИСКУРСЕ АКТЁРА (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРОВ Ю.В. ЯКОВЛЕВА «МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ»)

Ермолова Карина Андреевна

Аспирант, Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
Государственный университет просвещения, (г. Москва)
shasharina_ka@mail.ru

LEXICAL COMPATIBILITY OF WORDS
WITH THE ROOT -THEATRE- IN THE
PROFESSIONAL AND EVERYDAY
DISCOURSE OF ACTOR (BASED ON
YU. V. YAKOVLEV'S MEMOIRS
"BETWEEN THE PAST AND THE FUTURE")

K. Ermolova

Summary: This article examines the perception of theater in the professional and everyday discourse of an actor, using the memoirs of Soviet theater and film actor Yu. V. Yakovlev, «Between the Past and the Future». The analysis is based on examining the lexical collocation of words with the root -theatre-, considering the structural and semantic features of the identified collocations. The aim of the study is to characterize the structural and semantic features of phrases containing lexemes with the root -theatre- used in the actor's professional and everyday discourse. A combination of general scientific research methods (analysis, classification method) and linguistic analysis (contextual analysis, structural analysis, and semantic analysis) was used. The results revealed that various lexemes are used in the construction of phrases with lexemes ending in -theatre- in the memoirs of actor Yu. V. Yakovlev, indicating the potential of this category of words for conveying information related to the perception of theatre in the actor's professional and everyday discourse. It was established that the identified phrases express various subjectively colored semantic aspects of the actor's perception of theatre. The study concluded that studying the structural and semantic aspects of lexical collocations allows for a deeper understanding of how the phenomenon being described is perceived by the author of the text, as it emphasizes the meanings expressed by phrases with lexemes ending in -theatre- in the professional and everyday discourse of actor Yu. V. Yakovlev in his memoirs.

Keywords: lexical compatibility, lexemes with the root -theatre-, professional and everyday discourse of an actor, professional picture of the world, structure of collocations, semantic features of collocations.

Аннотация: Статья посвящена изучению особенностям восприятия театра в профессионально-бытовом дискурсе актёра, используется текст мемуаров советского актёра театра и кино Ю.В. Яковлева «Между прошлым и будущим». В основу анализа положено рассмотрение особенностей лексической сочетаемости слов с корнем -театр- с учетом структурных и семантических особенностей выявленных словосочетаний. **Цель** исследования состоит в том, чтобы охарактеризовать структурные и семантические особенности используемых в профессионально-бытовом дискурсе актёра словосочетаний, компонентами которых являются лексемы с корнем -театр-. Для проведения исследования применялась совокупность **методов** общенаучного познания (анализ, классификационный метод) и лингвистического анализа (контекстуальный анализ, структурный анализ, семантический анализ). Полученные **результаты** показали, что в построении словосочетаний с лексемами с корнем -театр- в мемуарах актёра Ю.В. Яковлева применяются различные лексемы, и это указывает на потенциал этой категории слов в изложении информации, связанной с восприятием театра в профессионально-бытовом дискурсе актёра. Кроме того, было установлено, что выделенные словосочетания выражают различные субъективно-окрашенные семантические аспекты восприятия театра актёром. В ходе исследования были сделаны **выводы** о том, что изучение особенностей лексической сочетаемости слов в структурно-семантическом аспекте позволяет глубже понять, как именно воспринимается описываемый феномен автором текста, поскольку делается акцент на тех смыслах, которые выражаются словосочетаниями с лексемами с корнем -театр- в профессионально-бытовом дискурсе актёра Ю.В. Яковлева в его мемуарах.

Ключевые слова: лексическая сочетаемость, лексемы с корнем -театр-, профессионально-бытовой дискурс актёра, профессиональная картина мира, структура словосочетаний, семантические особенности словосочетаний.

Введение

Настоящее исследование характеризуется актуальностью, поскольку проблемы лексической сочетаемости в современном языкознании изучаются не только как отражение структуры языка и потенциала лексем формировать словосочетания, но и как инструмент выражения

индивидуально-авторского восприятия действительности в том или ином аспекте. Особый интерес представляет изучение семантико-структурных особенностей словосочетаний как средства вербализации авторской картины мира, проявляемой в том числе и в профессионально-бытовом дискурсе человека, интерпретирующего свою профессиональную деятельность, описывающего свой жизненный

и профессиональный опыт. В частности, рассмотрение особенностей лексической сочетаемости слов с корнем -театр- в актерских мемуарах позволяет исследователям, с одной стороны, изучить лексикографический аспект этой проблемы, с другой – выявить отличительные особенности профессиональной картины мира актера.

Цель исследования заключается в выявлении структурных и семантических особенностей словосочетаний в профессионально-бытовом дискурсе актера, компонентами которых являются лексемы с корнем -театр-. Поставленная цель требует решения следующих задач: 1) выявление лексем словообразовательного гнезда «театр» в тексте мемуаров Ю.В. Яковлева, 2) определение структурных особенностей в лексической сочетаемости выявленных компонентов словообразовательного гнезда «театр» на материале текста источника, 3) характеристика выявленных словосочетаний с семантической точки зрения как средства выражения профессионально-бытового дискурса актера.

Материалы и методы

В ходе исследования был использован дискурсивный и лингвистический методы научного анализа. Дискурсивный метод подразумевает интерпретацию информации, выражаемой словосочетаниями с компонентами из словообразовательного гнезда «театр», в контексте профессиональной деятельности и повседневной жизни автора рассматриваемых мемуаров. Лингвистический метод обеспечивает изучение структурных особенностей словосочетаний и лексическую сочетаемость лексем из словообразовательного гнезда «театр» на основании выбранного исследовательского материала.

Применяются также и методы общенаучного познания: анализ, метод классификации, метод количественного анализа. Они позволяют систематизировать полученные сведения и представить их в форме, обеспечивающей качественное восприятие информации и излагающей специфику профессионально-бытового дискурса актера через призму восприятия театра и связанных с ним феноменов.

Источником эмпирического материала является текст мемуаров советского актера театра и кино Ю.В. Яковлева «Между прошлым и будущим», опубликованный в 2003 году. Методом сплошной выборки было отобрано 384 контекста использования лексем, входящих в словообразовательное гнездо «театр», определены формируемые с ними словосочетания, с учетом структурных и семантических особенностей.

Литературный обзор

Лексическая сочетаемость отражает потенциал от-

дельных лексем к формированию словосочетаний, то есть, является выражением валентности отдельных слов, с учетом узуса языка, его грамматической структуры и особенностей лексической системы как таковой. В.В. Морковкин трактует этот феномен следующим образом: «валентность слова есть такое свойство его содержательной стороны (значения), которое позволяет ему иметь при себе определенный набор синтаксических позиций» [6, с. 66]. Схожей точки зрения придерживается М.С. Милованова, указывая на то, что синтаксис и лексическая сочетаемость находятся в отношениях соположенности и взаимосвязанности, что отражает взаимосвязь лексического и синтаксического пластов языковой системы [5, с. 58]. О.В. Шаталова при этом акцентирует внимание на том, что формирование словосочетаний на основании принципа лексической сочетаемости опирается как на синтаксические правила языка и словоупотребления в нем, так и на семантику лексем, чья сочетаемость рассматривается: в зависимости от ассоциативного потенциала и факта использования лексем в прямом или переносном значении лексическая сочетаемость слов может трансформироваться [10, с. 151]. Этот аспект отражает тот факт, что лексическая сочетаемость как характеристика лексемы характеризует свойственные языку синтагматические и парадигматические отношения и связи.

В этой связи, словосочетания, будучи единицами, образуемыми в соответствии с синтаксическими нормами языка и под влиянием лексической сочетаемости лексем, являются средствами изложения информации – объективной, субъективной, и их интерпретация ценна как с позиций структурных моделей их создания, так и в контексте семантического анализа текста. С точки зрения В.В. Леденевой, словосочетания часто являются средством выражения авторкой картины мира, его субъективного восприятия реальности [4, с. 112]. По этой причине, изучение особенностей лексической сочетаемости в контексте рассмотрения профессионально-бытового дискурса актера – перспективная и ценная с исследовательской точки зрения задача.

Примечательно, что потенциал изучения лексической сочетаемости словосочетаний и их семантических особенностей приобретает ценность и в силу того, что в авторском тексте распространено использование окказиональных единиц, подчеркивающих влияние автора и его опыта на содержательное наполнение текста. Н.В. Халикова подчеркивает, что словосочетания – продуктивное средство привнесения субъективности в текст [8, с. 126]. Схожей точки зрения придерживается Т.А. Алпатова: исследователь акцентирует внимание на том, что проведении семантического и компонентного состава словосочетаний как средства выражения авторской картины мира следует учитывать особенности личностной субъективной интерпретации реальности, ее оценок

через призму характера, опыта, взглядов человека [1, с. 5]. Тем самым, словосочетания – продуктивное средство выражения авторской картины мира.

Для понимания доминантных компонентов авторской картины мира и профессионально-бытового дискурса, выражаемых через словосочетания, важно проанализировать их с учетом тематической принадлежности компонентов. В настоящей работе рассматриваются особенности лексической сочетаемости и модели формирования словосочетаний с компонентами, входящими в лексико-семантическое поле и словообразовательное гнездо «театр». Лексико-семантическое поле является совокупностью лексем, объединенных одной общей семой при наличии дифференцирующих оттенков значения и коннотаций [2, с. 35]. В.В. Леденева акцентирует внимание на парадигматической природе лексико-семантического поля как структуры, обеспечивающей систематизацию лексики в языке, под влиянием общей семы, свойственной компонентам этой структуры [3, с. 58].

Т.М. Фадеева подробно рассматривает лексический феномен словообразовательного гнезда. На основании формально-семантического подхода, словообразовательное гнездо следует интерпретировать как единицу языка, имеющую тождественный корень, и включающую в себя единицы, которые соотносятся друг с другом на основании производности. При этом в состав словообразовательного гнезда входят словообразовательные парадигмы и цепи [7, с. 4]. Н.В. Халикова при этом акцентирует внимание на том, что наиболее полное понимание специфики словообразовательного гнезда возможно при применении лексикографического подхода: он обеспечивает изучение этого феномена через совокупное восприятие лексикографической и словообразовательной информации [9, с. 55]. Интегративный подход к словообразовательному гнезду, сформулированный О.М. Шаталовой, подразумевает обращение также и к сугубо грамматическим характеристикам, свойственным компонентам гнезда, а также конкретизирующим их взаимосвязи и деривационные отношения друг с другом [11, с. 39].

На основании вышеизложенного, следует обратиться к особенностям формирования лексической сочетаемости компонентов словообразовательного гнезда «Театр» в мемуарах Ю.В. Яковлева, что позволит определить как структурные особенности словосочетаний с лексемами этой групп, так и выявить семантические особенности словосочетаний, отражающих особенности профессионально-бытового дискурса актера.

Результаты

В ходе исследования было выявлено 384 контекста использования лексем словообразовательного гнезда «Театр» в тексте мемуаров Ю.В. Яковлева. В Таблице 1

представлено количественное соотношение лексем, выявленное при анализе текста источника.

Таблица 1.

Количественное соотношение случаев использования лексем, входящих в словообразовательное гнездо «Театр», в тексте мемуаров Ю.В. Яковлева «Между прошлым и будущим».

Лексема	Количество случаев использования
театр	327
театральный	35
театральная	17
театральность	2
театровед	1
театроведческий	2

Как показывает количественный анализ, наиболее часто в тексте мемуаров используется ядерная лексема словообразовательного гнезда «Театр», а именно – существительное «театр» (327 случаев). Оно употребляется в различных падежных формах, в зависимости от структуры словосочетаний и синтаксических норм русского языка.

Вторым по продуктивности использования является прилагательное «театральный / театральная» (52 случая). Оно является средством конкретизации указания на факт принадлежности описываемого феномена к театральной сфере, что повышает информативность мемуаров и подчеркивает их связь с миром театра, важным для автора текста.

Прочие выявленные компоненты словообразовательного гнезда «Театр» не получили значительного распространения в тексте мемуаров Ю.В. Яковлева: «театральность» (2 случая), «театровед» (1 случай), «театроведческий» (2 случая).

Рассмотрев особенности представленности компонентов словообразовательного гнезда «Театр» в тексте мемуаров, следует охарактеризовать модели формирования словосочетаний с основными выявленными лексическими единицами, что отражает особенности сочетаемости единиц рассматриваемой группы.

В Таблице 2 представлены модели формирования словосочетаний с существительным «театр». (Таб. 2.)

Проведенный анализ показал наличие ряда моделей формирования словосочетаний с существительным «театр» в тексте источника. Выявлены такие модели как: сочетание существительного «театр» с другим существительным, с предлогом или без него, предикативные словосочетания, в которых существительное «театр» выступает как подлежащее в структуре предложений,

сочетание глагола с существительным «театр» с предлогом, а также сочетание прилагательного, конкретизирующего значение существительного «театр» в конкретных употребляемых контекстах, и сочетание местоимения и существительного «театр». (Таб. 3.)

Таблица 2.

Модели формирования словосочетаний с существительным «театр» в мемуарах Ю.В. Яковлева «Между прошлым и будущим».

Модель словосочетания	Примеры
Существительное + «театр», без предлога	...зная изнутри жизнь театра ... [12, с. 7]; не взрывая изнутри саму плоть театра , не отрицая его существования [12, с. 388].
Существительное + «театр», с предлогом	... при первых шагах на пути к театру [12, с. 18]; эта любовь к театру была заложена и во мне, но дремала до поры? [12, с. 22]; требовало постоянного ухода, несмотря на мою занятость в театре и в кино [12, с. 82].
«Театр» + глагол (предикативное словосочетание)	Театр так и не захотел соединить меня с этим автором... [12, с. 37]; ведь наш театр славился замечательными капустниками [12, с. 55].
Глагол + «театр», с предлогом	Он играл в театре с 1923 года [12, с. 11]; Он приезжал в театр , звонил домой, обещал большой гонорар [12, с. 312].
Прилагательное + «театр»	И вспомнил размышления режиссера Питера Брука о живом и мертвом Театре [12, с. 355]; философски мыслящий человек, прекрасно знающий русский театр и русский язык [12, с. 161].
Местоимение + «театр»	... наш театр уж как-то особенно болезненно это воспринимает [12, с. 7].

В Таблице 3 представлены модели формирования словосочетаний с прилагательным «театральный».

Таблица 3.

Модели формирования словосочетаний с прилагательным «театральный» в мемуарах Ю.В. Яковлева «Между прошлым и будущим».

Модель словосочетания	Примеры
«театральный» + существительное	Наши актеры из театрального Дома отдыха были свидетелями того, как ... [12, с. 32]. ... вызвала большой интерес театральной общественности [12, с. 305].

Исследование показало, что при формировании сло-

восочетаний с прилагательным «театральный» (с учетом его формы в конкретных контекстах использования), ключевой является модель сочетания указанного прилагательного и существительного. В рамках этой модели лексема «театральный» используется в той форме, которая обеспечивает согласование в синтаксической структуре словосочетания по форме числа, рода, падежа, а со смысловой точки зрения лексема является средством конкретизации информации и уточнения принадлежности описываемого феномена к театральной среде.

Обсуждение

Проводимое исследование показывает, что словосочетания, сформированные в тексте мемуаров Ю.В. Яковлева, с использованием компонентов словообразовательного гнезда «Театр», являются продуктивным средством описания театральной жизни актера, его восприятия театра как феномена культуры, процессов, происходящих в театре. Ввиду того, что автором мемуаров является именитый актер театра и кино, чья жизнь была связана с театром, изучение семантических особенностей словосочетаний с компонентами из словообразовательного гнезда «Театр», позволяет детализировать информацию о профессионально-бытовом дискурсе актера, а также выявить, какое место театр занимает в его картине мира.

Необходимо рассмотреть некоторые примеры словосочетаний и контексты их использования в тексте мемуаров, соотнеся их с выражаемой ими семантикой, что важно для интерпретации субъективного отношения актера к театру.

В первую очередь, Ю.В. Яковлев воспринимает театр как особый мир, особое пространство.

*Начиная с культурных программ у себя на работе, он перезнакомился со всем **театральным Ленинградом**, прихватив частично и Москву, бросил работу и развил бурную деятельность, устраивая концерты, в которых участвовали лучшие актеры и певцы страны [12, с. 302].* Словосочетанием «театральный Ленинград» подчеркивается идея о том, что помимо привычного взгляда на город есть и особое его восприятие, которое свойственно театральной среде и проявляется в сфере искусства и культуры. Этот мир охватывает жителей города, которые так или иначе связаны с театральной сферой.

Для актера важно чувство принадлежности к театру, что также находит свое отражение в тексте мемуаров актера. *Конечно, какое-то вливание в **кровь нашего театра** необходимо было совершить, но делать это надо было очень осторожно, аккуратно, не взрывая изнутри саму **плоть театра**, не отрицая его существования [12, с. 388].* Употребление метафорических словосочетаний «кровь нашего театра», «плоть театра» подчеркива-

ет, что актер воспринимает театр как нечто цельное, как живой организм, а местоимением «наш» выражается неотделимость актера от театра, в котором он служит. *Ведь у всех нас тут же возникает известная театральным людям игра Николая Хмелева — жесткий человек, государственная машина* [12, с. 182]. При помощи словосочетания «театральные люди» также подчеркивается принадлежность человека к театру, его связи с театральным миром.

Ю.В. Яковлев воспринимает театр как плод работы множества людей, как некую коллективную ценность. *И вот недавно большая группа всех поколений театра поехала в Сургут на концерт для наших спонсоров* [12, с. 354]. За счет использования словосочетания «поколения театра» формируется понимание того факта, что в театре обеспечивается преемственность и цельность, так как опыт актеров и постановщиков передается из поколения в поколение.

Для актера театр – это и место его работы, сфера деятельности. *Я не хочу принизить его способности, просто в актерском характере есть некая бережливость проявления своих чувств в жизни, а он в дружбе, любви, служении театру был настоящий рыцарь, отдающий себя до конца* [12, с. 243]. Словосочетанием «служение театру» актер подчеркивает идею о том, что работа в театре наполнена самоотдачей и полнотой вовлечения в театральную жизнь, что следует из метафорически окрашенного существительного «служение», вследствие чего театр воспринимается как некая высшая сущность, требующая служения и поклонения.

Кроме того, театр рассматривается актером и как здание, как место, куда можно прийти на работу или насладиться работой других актеров. *Он приезжал в театр, звонил домой, обещал большой гонорар, удобное мне время, говорил, что Ф.Г. Раневская без меня отказывается сниматься, одним словом, доконал* [12, с. 312]. Словосочетанием «приезжать в театр» подчеркивается идея о том, что театр – это физический объект, здание в городе. *Играю два спектакля — «Без вины виноватые» на малой сцене театра и «Весельчаки» — на гастролях* [12, с. 390]. При помощи словосочетания «малая сцена театра» актер привносит в текст мемуаров фактическую информацию об устройстве театра.

Для профессиональной деятельности актера важно и то, что театр – это мир, обладающий своими традициями и правилами, и входя в театр, актеру необходимо им следовать. *Мне кажется, не надо все-таки забывать о сохранении русской театральной традиции — театре со своей труппой, корнями, историей* [12, с. 388]. Словосочетание «театральная традиция» указывает на существующие правила в функционировании театра. *Замечательно образованный, философски мыслящий человек, прекрасно знающий русский театр и русский язык* [12, с. 161]. Свой-

ственные театру традиции могут быть также связаны и с культурой и национальным менталитетом, что следует, например, из семантики словосочетания «русский театр»: подчеркивается наличие определенной театральной традиции, присущей именно русской культуре.

При этом актер воспринимает театр и как пространство, обеспечивающее яркое зрелище. *Считается, что мы сильны в яркой театральности, а тут чисто психологический материал — сплошные диалоги, минимум действия* [12, с. 98]. Словосочетание «яркая театральность» в тексте мемуаров позволяет акцентировать внимание на том, что театр – это пространство, в котором сама форма подачи информации формирует яркость, красоту, в котором на первый план выходит привлечение внимания аудитории. *Ведь малейший налет дурной театральности становится на радио вопиющим* [12, с. 329]. В то же время, для актера важно соблюдать уместность и грани допустимого при осуществлении своей театральной работы, чтобы не допустить безвкусицы. Этот аспект подчеркивает, что для Ю.В. Яковлева театр – особое средство выражения информации и общения с аудиторией, при использовании которого актер должен обладать необходимым вкусом.

Заключение

Проведенное исследование показало, что словосочетания, в состав которых входят компоненты словообразовательного гнезда «Театр», являются продуктивным способом выражения авторской картины мира и профессионально-бытового дискурса актера. Эти проблемы были рассмотрены на примере мемуаров актера Ю.В. Яковлева. И лексическая сочетаемость словосочетаний, и структурные модели их формирования, и их семантическое наполнение в совокупности отражают особенности авторского субъективного восприятия театра актером, а также являются инструментом вербализации его профессионального опыта, связанного с работой в театре. Тем самым, цель, поставленная в данной работе, была выполнена.

При решении первой задачи были определены компоненты словообразовательного гнезда «Театр» в тексте источника, установлено, что наибольшей степенью частотности обладает ядро – а именно, существительное «театр». Прилагательное «театральный» при этом является средством конкретизации информации о факте связей описываемого феномена с театральной жизнью.

При решении второй задачи были выявлены модели формирования словосочетаний с наиболее частотными компонентами словообразовательного гнезда «Театр» в тексте мемуаров Ю.В. Яковлева, то есть, установлены особенности их лексико-семантической сочетаемости. Анализ показал, что существительное «театр» формирует

словосочетания с существительными, прилагательными, глаголами, местоимениями, прилагательное «театральный» формирует словосочетания с существительными.

Изучение семантических особенностей словосочетаний, в компонентный состав которых входят лексемы с корнем -театр-, показало, что театр воспринимается Ю.В. Яковлевым полно и целостно, что театральная сфера и среда – неотъемлемые части жизни актера. Тем самым, доказано, что рассмотренные словосочетания являются продуктивными средствами вербальной репрезентации профессионально-бытового дискурса актера. Выявлены следующие семантические аспекты, выражаемые посредством словосочетаний с компонентами, связанны-

ми со словообразовательным гнездом «Театр»: «театр как особый мир», «чувство принадлежности актера к театру», «театр как результат усилия людей», «театр как место работы и осуществления профессиональной деятельности», «театр как здание и объект», «театр как пространство, наполненное традициями», «театр как среда, формирующая зрелищность».

Дальнейшие перспективы исследования могут быть связаны с изучением особенностей семантики и структуры словосочетаний с компонентами, входящими в лексико-семантическое поле «Театр», с определением роли метафорических образов в вербализации актерской картины мира и восприятия театра в ней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатова Т.А. Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования: автореферат дис. ... доктора филологических наук. М., 2012. 43 с.
2. Колесникова С.М. От смысла к тексту: лингвокогнитивное исследование. М.: Эксмо, 2023. 156 с.
3. Леденева В.В. Актуальные проблемы современной русистики. М.: Наука, 2025. 176 с.
4. Леденева В.В. Лексикография современного русского языка. М.: Высш. шк., 2021. 648 с.
5. Милованова М.С. Семантика противительности и средства ее выражения в русском языке: диссертация ... доктора филологических наук. М., 2011. 418 с.
6. Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 166 с.
7. Фадеева Т.М. Сложный эпитет – ядерная единица художественного пространства в русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: Московский государственный областной университет, 2014. 18 с.
8. Халикова Н.В. Окказиональная фразеология: диссертация ... кандидата филологических наук. М., 1997. 191 с.
9. Халикова Н.В. Формальная и семантическая структура словесного образа «Ветер дует» в текстах произведений И.А. Бунина // Отечественная филология. 2020. № 4. С. 51–59.
10. Шаталова О.В. Концепт бытие в русском языке: диссертация ... доктора филологических наук. М., 2009. 545 с.
11. Шаталова О.В. Лексема глаза как смыслообразующая единица в прозе Тэффи // Отечественная филология. № 1. 2022. С. 38–40.
12. Яковлев Ю.В. Между прошлым и будущим. М.: Астрель, 2003. 418 с.

© Ермолова Карина Андреевна (shasharina_ka@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОЯВЛЕНИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА В ПОВЕСТИ «ИУДА ИСКАРИОТ» Л.Н. АНДРЕЕВА В КОНТЕКСТЕ ПОЭТИКИ И ПРОБЛЕМАТИКИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Жэнь Цзичжао

*Аспирант, Государственный институт русского языка
имени А.С. Пушкина, (г. Москва)
1435284454@qq.com*

MANIFESTATION OF EXISTENTIALISM IN THE STORY "JUDAS ISCARIOT" BY L.N. ANDREEV IN THE CONTEXT OF THE POETICS AND PROBLEMS OF THE WORK

Ren Jizhao

Summary: The article is devoted to existential manifestations in the story "Judas Iscariot" by L.N. Andreev, in which the biblical plot is originally rethought. The results of the rethinking can be interpreted as a platform for expressing existential ideas. The image of Judas, traditionally perceived as the embodiment of evil and betrayal, in the hands of Andreev is transformed into a complex, tragic, and paradoxical figure. The writer questions the usual moral assessments, demonstrating the close interweaving of good and evil in the human soul. The paper provides a detailed analysis of key existential categories, such as freedom of choice, responsibility, alienation, and absurdity, which are reflected in the character and actions of the protagonist. Special attention is paid to the artistic means that contribute to the disclosure of the existential issues of the work, as well as to the specifics of the interpretation of the Gospel plot in the context of the philosophical quest of the early 20th century.

Keywords: Andreev, "Judas Iscariot", existentialism, gospel plot, existential hero.

Аннотация: Статья посвящена экзистенциальным проявлениям в повести «Иуда Искариот» Л.Н. Андреева, в которой оригинально переосмысливается библейский сюжет. Итоги переосмысления можно трактовать как платформу для выражения экзистенциальных идей. Образ Иуды, традиционно воспринимаемого как воплощение зла и предательства, в руках Андреева преобразуется в сложную, трагическую и парадоксальную фигуру. Писатель ставит под сомнение привычные моральные оценки, демонстрируя тесное переплетение добра и зла в человеческой душе. В работе детально анализируются ключевые экзистенциальные категории, такие как свобода выбора, ответственность, отчуждение и абсурд, которые находят свое отражение в характере и поступках главного героя. Особое внимание уделяется художественным средствам, которые способствуют раскрытию экзистенциальной проблематики произведения, а также специфике интерпретации евангельского сюжета в контексте философских исканий начала XX века.

Ключевые слова: Андреев, «Иуда Искариот», экзистенциализм, евангельский сюжет, экзистенциальный герой.

Введение

Евангельские темы и мотивы находили особенный отклик у русских писателей начала XX века в связи с коренными социальными переворотами, разрушением традиционной морально-нравственной основы общества. В первую очередь, речь идёт о революции 1905 года, само приближение которой сразу повлияло на ход развития русской литературы и культуры конца XIX – начала XX в. Неслучайно А.А. Блок увидел в этих событиях «невиданность» [3, с. 89]. Избежать их уже было невозможно, и многие представители русской культуры осознавали это. В связи с этим в литературе возникла и утвердилась тенденция к пророчествам, мрачным настроениям.

Особую остроту в этот период приобретает интерес к маргинальным и трагическим фигурам, чья судьба позволяет подвергнуть сомнению традиционные этические категории. В центре такого переосмысления оказывается евангельский сюжет о предательстве, а фигура

Иуды Искариота становится мощным инструментом для художественного исследования кризиса личности, стоящей перед экзистенциальным выбором в мире утраченных абсолютов. Повесть Л.Н. Андреева «Иуда Искариот» представляет собой не просто оригинальную интерпретацию библейского текста, но и становится одним из первых в русской литературе произведений, где с исключительной глубиной воплощены ключевые категории экзистенциальной философии: абсурд, отчуждение, свобода, ответственность и тотальное одиночество человека перед лицом несправедливого мира.

Результаты и обсуждение

Задумывая произведение о предательстве, замысел которого был продиктован собственными духовными запросами, Л.Н. Андреев одновременно получил мощный импульс от свершившихся в России революционных событий 1905 года, трагического исхода Кровавого воскресенья. Ситуация на грани, острое столкновение двух мощных сил подтолкнули писателя к переосмыслению

всего происходящего с точки зрения евангельских истин. Заметив наметившуюся в российском обществе тенденцию к отступничеству, Леонид Андреев нащупал основную мысль будущего произведения, которую определял примерно следующим образом: «*Нечто по психологии, этике и практике предательства*» [Цит. по: 4, с. 43].

Л.Н. Андреев своим произведением как бы вступал в полемику с той частью общества, которая выказывала неприятие в отношении искажения евангельского образа Иуды. Писатель полагал, что публика сама неверно трактует его поиски в данном направлении. Так, в одном из писем он писал: «*Или ты тоже думаешь, что я оправдываю Иуду, и сам я Иуда, и дети мои Азефы?*» [2, с. 327].

Из этого высказывания следует, что писатель не принимал предательства и обелить Иуду не являлось целью его произведения. Как замечал сам писатель, его «*тревожил разрыв между высокими идеалами и реальными человеческими поступками*» [2, с. 327]. Разрыв этот, по его мнению, особенно явственно оказывается заметным, «когда человек попадает в кризисную жизненную ситуацию, ситуацию “последнего” выбора...» [2, с. 238]. Перед таким последним выбором стоял и Иуда, и это совпадение заставило писателя обратиться к евангельскому образу. Л.Н. Андреев полагал, что духовная болезнь, поразившая общество, во многом вызвана слабостью человека – свойством «универсальным для всех» [2, с. 238]. Следовательно, и рассматривать эту болезнь следует в спектре общечеловеческом, и Евангелие здесь было наиболее подходящим вариантом. Однако писатель в качестве источника для повести выбрал не библейскую историю, а изыскания Э. Ренана (речь идёт о его книге «Жизнь Иисуса») и действительно «изнаночную» версию евангельской истории.\

Поэтика повести «Иуда Искариот» чрезвычайно сложна, однако без её изучения невозможно понять истинный смысл этого произведения Л.Н. Андреева. Вольно трактуя один из самых знаменитых эпизодов Евангелия, писатель, тем не менее, не оставляет в стороне первооснову. Повесть по своей сути интертекстуальна и находится в постоянном диалоге с Евангелием. Свидетельствует об этом и способ повествования, который тяготеет к притчевости, а также частые прямые отсылки к евангельскому тексту.

Однако история Иуды – это лишь основа. Трактую своё произведение как «совершенно сводную фантазию», автор сам определяет главную тему повести – «о предательстве, добре, зле, Христе и прочем» [Цит. по: 5, с. 12]. Таким образом, свой анализ людских пороков писатель производит в религиозно-философском ключе, а основным конфликтом произведения можно назвать столкновение между верностью (дружбе, взглядам, своему Учителю) и низменными чувствами, приводящими к

предательству, отступничеству. В какой момент душа человека начинает гнить, а его нравственные основы расшатываться – ответить на этот вопрос является одной из важнейших задач, которую ставил перед собой Л.Н. Андреев. Однако однозначных, точных ответов на поставленные вопросы в «Иуде Искариоте» не найдёшь.

А.М. Окунева очень точно замечает, что «ответы» автора повести «парадоксальны и зашифрованы, чем и определяется противоречивый, зачастую полярный характер отзывов о повести, и сам Андреев высказался об этом так, что он всегда только ставит вопросы, но ответы на них не даёт» [6, с. 56].

Красноречивым аспектом повести является критика христианства. Все апостолы лишены их канонических черт, и автор – вместо привычных образов Петра, Иоанна и других на страницах повести возникают иронические портреты, наполненные едким и злым чувством. Таким образом автор выражает своё неприятие христианства, считая его неверным.

Андреев обличает религиозное учение, полагая, что в основе его лежит зло. Он не видит в религии спасения для мира, более того, в какой-то мере обвиняет христианство в том, что происходит кругом. Он перемешивает привычные роли, придавая образам Иисуса Христа и Иуды черты, им не свойственные.

Раскрывая психологию предательства, писатель затрагивает такие общечеловеческие темы, как одиночество, любовь, зависть, гордыня. Автор подводит своих героев к крайней точке, к пределу, за которым может быть только смерть – своя или чужая. В итоге главный герой идёт на предательство (впрочем, в предательстве обвинены и остальные апостолы), но поступок его неоднозначен. Л.Н. Андреев намеренно усложняет все поступки Иуды, придавая им различные оттенки – парадоксальности, недосказанности, противоречивости.

Сложным является и вопрос любви в этом произведении. У Иуды любовь к Иисусу – это нетерпимая любовь, то есть страсть, но не настоящая любовь. В христианстве настоящая любовь – это духовная субстанция, желание отдать, как отдавал Иисус. Иуда же хочет взять, и это животная любовь, в которой нет ни самопожертвования, ни ценности.

Финал повести обращён ко всему человечеству: «*И в тот вечер уже все верующие узнали о страшной смерти Предателя, а на другой день узнал о ней весь Иерусалим. Узнала о ней каменистая Иудея, и зелёная Галилея узнала о ней, и до одного моря, и до другого, которое ещё дальше, долетела весть о смерти Предателя. Ни быстрее, ни тише, но вместе с временем шла она, и как нет конца во времени, так не будет конца рассказам о предатель-*

стве Иуды и страшной смерти его. *И все – добрые и злые – одинаково предадут проклятию позорную память его, и у всех народов, какие были, какие есть, останется он одиноким в жестокой участи своей – Иуда из Кариота, Предатель»* [1, с. 110].

В самом начале повести делается акцент на отрицательные качества Иуды: лицемерие, коварство, корыстолюбие, лживость. В целом, характеристика Иуды сводится к устойчивому выражению «дурная слава» [1, с. 111]. Все эти активные способы вербального влияния нацелены на убеждение одного человека – Иисуса Христа, Который, как это можно понять из контекста высказывания не верил в это или не хотел поверить. Здесь ключевыми словами, позволяющими понять смысл, является словосочетание «много раз предупреждали»: «Иисуса Христа много раз предупреждали, что Иуда из Кариота – человек очень дурной славы и его нужно остерегаться» [1, с. 112]. Таким образом, становится очевидным, что Иисус интересовался Иудой и не слушал дурных отзывов о нём, которые, действительно, являлись прямолинейными и не допускали какого-либо иного толкования. Дополнительной деталью, характеризующей личность Иуды, можно считать комментарий повествователя о том, что все рассказывающие о нём, плевались: «Он ссорит нас постоянно, – говорили они, отплёвываясь, – он думает что-то своё и в дом влезает тихо, как скорпион, а выходит из него с шумом. И у воров есть друзья, и у грабителей есть товарищи, и у лжецов есть жены, которым говорят они правду, а Иуда смеётся над ворами, как и над честными, хотя сам крадет искусно, и видом своим безобразнее всех жителей в Иудее» [1, с. 115].

С одной стороны, Иуда выделяется общественностью как самый плохой человек в Иудее, с другой – его личность обобщается, становится неким олицетворением всех «порочных людей» [1, с. 115], которых когда-либо знала Иудея. В короткой речи повествователя уместаются самые различные эпизоды жизни Иуды, красноречиво указывающие на его крайне отрицательные качества и на его тенденцию к предательству: оставление жены, которая осталась в бедственном положении; исчезновение из тех мест, где он своим воровством, безобразными выходками и ложью. В какой-то момент вся характеристика Иуды сводится к синекдохе – «воровской глаз», вполне логично переходящий в метафору «одноглазый бес».

Дальнейшие описания недвусмысленно дают понять: внешность героя соответствует его внутренним качествам. Эпитет «самый безобразный», употреблённый ранее, усиливается посредством других эпитетов: «рыжий и безобразный еврей» [1, с. 111]. Повествователем последовательно внушается: личность Иуды не может даже самому наивному человеку показаться симпатичной. Большинству людей Иуда кажется существом среднего рода, обладающего «бесовскими» способностями (на-

пример, его привычка исчезать и появляться незаметно). Также незаметно он оказался и в окружении Иисуса, и даже ученики не могли объяснить, каким образом это произошло. Однако случившееся преподносится как факт: «...но уж давно неотступно шёл он по ихнему пути, вмешивался в разговоры, оказывал маленькие услуги, кланялся, улыбался и заискивал» [1, с. 114]. Повадки и привычки Иуды подобны хамелеону: «И то совсем привычен он становился, обманывая утомленное зрение, то вдруг бросался в глаза и в уши, раздражая их, как нечто невиданно-безобразное, лживое и омерзительное. Тогда суровыми словами отгоняли его, и на короткое время он пропадал где-то у дороги, – а потом снова незаметно появлялся, услужливый, льстивый и хитрый, как одноглазый бес» [1, с. 115].

Художественные приёмы, используемые автором (эпитеты, обилие глаголов действия, воссоздание пластики и движений героя) свидетельствуют о том, он демонизирует этого персонажа, относя его, конечно, не к высшей демонической иерархии, а к разряду прислуживающих сатане «мелких бесов».

Попав в избранное общество апостолов, Иуда не меняет своего поведения. Он много общается и спорит с другими апостолами, которые, переступив через себя, терпят его рядом с собой. При этом Иуда никогда не общается с Иисусом напрямую; ни одного разговора не происходит между ними. Они – как два полюса добра и зла, красоты и безобразия, и единственной нитью, которая их связывает, оказывается искреннее расположение к Иуде Иисуса, которая неожиданно разрывается, когда имя Учителя оказывается замазанным ложью этого самого странного из всех двенадцати апостолов.

Негативная реакция Иисуса на поступок Иуды, когда он лжёт якобы во спасение Учителя (неприятие апостолов его, по всей вероятности, мало трогало) вызвала в нём глубокое разочарование и обиду, ведь он ожидал похвалы за свой поступок. Слова Фомы о том, что отцом Иуды действительно является дьявол, и он – Фома – в это верит, ещё более ранят героя и завершают переворот в его внутреннем мире. Эта перемена обозначается внезапной бледностью Иуды, странными его повадками, которые будто парализуют Фому и пугают его: «– Значит, дьявол научил меня? Так, так, Фома. А я спас Иисуса? Значит, дьявол любит Иисуса, значит, дьяволу нужен Иисус и правда? Так, так, Фома. Но ведь мой отец не дьявол, а козел. Может, и козлу нужен Иисус? Хе? А вам он не нужен, нет? И правда не нужна?» [1, с. 120].

Переворачивая всё с ног на голову, Иуда и сам начинает верить в то, что избранный, но никто не понимает этого. Его порывистый бег вниз, по обрыву, описанный в соответствии с поэтикой демонизма (нелепое вскидывание рук, как для полёта; скатывание «серым комком»

вниз, угрозы горе, с которой он скатился) свидетельствует не только о его смятом внутреннем состоянии, но и о том, что этот душевный взрыв закончится каким-либо судьбоносным решением.

Именно намёк на это решение и даёт завершение этой сцены. Иуда, следуя своей демонической природе, буквально каменеет, сливается с природой. Так выражается его глубокое отчуждение от мира (неслучайно единственным, кто выражает какое-то подобие дружелюбия к нему, является скорпион – также представитель демонических сил). Окаменелость Иуды – показатель его принадлежности к запредельности: *«И так час и два сидел он, не шевелясь и обманывая птиц, неподвижный и серый, как сам серый камень. И впереди его, и сзади, и со всех сторон поднимались стены оврага, острой линией обрезают края синего неба, и всюду, впиваясь в землю, высились огромные серые камни – словно прошел здесь когда-то каменный дождь и в бесконечной думе застыли его тяжёлые капли. И на опрокинутый, обрубленный череп похож был этот дико-пустынный овраг, и каждый камень в нем был как застывшая мысль, и их было много, и все они думали – тяжело, безгранично, упорно»* [1, с. 124].

Возвращение Иуды в апостольский круг демонстрирует новую сторону его личности. Он меняется по отношению ко всем апостолам, не принимает участие в их забавах (и подобные вольности допускает в своей повести Л.Н. Андреев). Если в первой части повести он вёл себя как шут и фигляр, как юродствующий бес, то во второй – он серьёзен и озлоблен и, похоже, буквально заставляет вернуться себя к прежней манере поведения. Примечательной здесь является следующая цитата: *«Иуда как-то боком взглянул на него, и тут Фома впервые смутно почувствовал, что у Иуды из Кариота – два лица»* [1, с. 126].

В свете характеристики поэтики произведения и образа Иуды можно говорить об экзистенциальных чертах этого героя. Напомним, что экзистенциализм – это литературное и философское движение XIX и XX веков, которое достигло своего полного расцвета во Франции, особенно в период оккупации и последующего освобождения, когда чувство абсурда и исторический контекст благоприятствовали появлению подобных произведений [7, с. 635]. Экзистенциализм в литературе акцентирует такие темы, как свобода, ответственность, тревога по поводу абсурдности человеческого существования и поиск смысла через индивидуальную деятельность. Он получил особое развитие после Второй мировой войны, когда такие известные авторы, как Жан-Поль Сартр и Альбер Камю, исследовали эти концепции в романах, пьесах и эссе, отражая философию, согласно которой «существование предшествует сущности» [8].

Обозначим некоторые основные характеристики эк-

зистенциализма в литературе. Так, центральным понятием этого философского направления является свобода. Литературные герои-экзистенциалисты сталкиваются с безграничной свободой выбора, которая одновременно пугает и освобождает. Они несут ответственность за свои решения и последствия, которые их сопровождают. Отсутствие predeterminedности и абсолютных ценностей заставляет героев искать смысл жизни в собственном опыте и действиях.

Экзистенциальная тревога – неизбежный спутник героев экзистенциалистской литературы. Сознание собственной бренности, конечности жизни и ответственности за свой выбор порождает чувство страха, беспокойства и неуверенности. Писатели часто изображают этот внутренний конфликт с помощью метафор, символов и других своеобразных средств выразительности.

Поиск аутентичности – важная тема в экзистенциалистской литературе. Герои стремятся жить своей жизнью, не подражая общественным нормам и ожиданиям. Они пытаются найти свой собственный путь, смысл и ценности, не полагаясь на внешние авторитеты. Герои-экзистенциалисты часто мучаются чувством тревоги, могут испытывать чувство пустоты и абсурдности мира и безграничности индивидуальной свободы.

Чувство отчуждения – ещё одна ключевая характеристика экзистенциализма. Герои часто испытывают одиночество, изоляцию от общества и непонимание окружающего мира. Они сталкиваются с абсурдностью существования и трудностью нахождения места в хаотичной реальности. Бесконечно одинок и Иуда. Мотив одиночества, сопровождающий линию поведения Иуды на протяжении всей повести, является одним из основных. Напомним, что его успех среди апостолов был недолгим, и в скором времени он опять оказывается в зоне отчуждения: *«Все хвалили Иуду, все признавали, что он победитель, все дружелюбно болтали с ним, но Иисус, – но Иисус и на этот раз не захотел похвалить Иуду. Молча шёл он впереди, покусывая сорванную травинку, и понемногу один за другим переставали смеяться ученики и переходили к Иисусу. И в скором времени опять вышло так, что все они тесною кучкою шли впереди, а Иуда – Иуда-победитель – Иуда сильный – один плёлся сзади, глотая пыль»* [1, с. 137].

При помощи глагола «плёлся» передаётся внутреннее состояние героя. Будучи глаголом движения, он, тем не менее, предполагает широкое семантическое толкование. Человек может передвигаться таким способом от усталости, разочарования, опустошённости, обиды. Иуда плетётся позади всех потому, что эти люди не принимают и не ценят его. О том, насколько велики его амбиции, показывает следующий эпизод, в котором Иуда вступает в поединок с Иисусом. И этот его дерзкий вызов

показывает, что он уверен в собственной вседозволенности и безграничной свободе для себя.

Демоническая сила этого нелепого на первый взгляд существа (а мысль о его нелепости и шутковстве внушалась автором в течение всего действия) преподносится как непреложная данность: *«Иуда забрал в железные пальцы всю душу и в необъятном мраке её, молча, начал строить что-то огромное. Медленно, в глубокой тьме, он поднимал какие-то громады, подобные горам, и плавно накладывал одна на другую, и снова поднимал, и снова накладывал, и что-то росло во мраке, ширилось беззвучно, раздвигало границы. Вот куполом почувствовал он голову свою, и в непроглядном мраке его продолжало расти огромное, и кто-то молча работал: поднимал громады, подобные горам, накладывал одну на другую и снова поднимал... И нежно звучали где-то далёкие и призрачные слова»* [1, с. 141].

Нежно звучащие слова – это проповедь Иисуса, которую Тот произносит в данный момент, и свои демонические действия Иуда совершает в момент её произнесения, стоя напротив Него (вновь возникает оппозиция двух полюсов). Ответ на вопрос, почему Иуда делает это, очевиден: он считает себя равным Иисусу, а может быть, и выше Него. Неземному и лучезарному свету, распространяющемуся от слов Христа, он противопоставляет свои мрачные и каменные громады, призванные, видимо, для воцарения тьмы на земле.

Вступив в противоборство с Сыном Божиим, он хочет доказать миру свою значимость, тем самым обнаруживая новые качества, которые за его паясничеством и ёрничеством были поначалу не видны. Качества эти – гордыня (сатанинский грех), обострённое самолюбие. На протяжении всей истории человечества именно эти качества являлись основными двигателями, толкавшими людей на предательство.

Иуда же одновременно хочет и быть равным Христу, и признанным Им. Поэтому следующим уровнем его мотивации становится окончание этого поединка во время проповеди Иисуса: *«Иуда вздрогнул и даже вскрикнул слегка от испуга, и все у него – глаза, руки и ноги – точно побежало в разные стороны, как у животного, которое внезапно увидело над собою глаза человека. Прямо к Иуде шел Иисус и слово какое-то нес на устах своих – и прошёл мимо Иуды в открытую и теперь свободную дверь»* [1, с. 153].

Зная теперь подлинные устремления Иуды (намёк на которые были сделаны и раньше, когда он несколько раз говорит сам о себе: *«Пусть один останется сильный, смелый, прекрасный Иуда!»* [1, с. 159]), его гипертрофированное тщеславие, можно себе представить, какой удар по самолюбию был нанесён ему Иисусом, поэтому и ре-

акция, последовавшая за этим, также будет нетипичной для него (сцена ночного плача Иуды).

Для тщеславия Иуды необходимо, чтобы Иисус любил его (ведь, похоже, его одного Он в мире и не любит). Возможно, если бы Иисус признал Иуду на равных, он не пошёл бы на предательство (речь идёт только лишь о поведении Л.Н. Андреева), но этого не происходит. В только что услышанной проповеди Иисуса он видит руководство для своих дальнейших действий: *«– Сухая смоковница, которую нужно порубить секирою, – ведь это я, это обо мне он сказал»* [1, с. 166].

Предречение смерти Иисусу говорит о том, что Иуда уже всё решил для себя, и решение это пришло к нему в момент поединка. Презрительное игнорирование Учителем стало завершающим этапом в эволюции его идеи о предательстве. В своём перевёрнутом демоническом сознании утверждается совсем иная картина мира, в которой все апостолы лживые глупцы, а он сам превосходит всех остальных.

Для Иуды идеальным миром является тот мир, где будет соблюдена полярность «он – Иисус», и роли, которые они будут играть в нём, окажутся равными. Когда же его мечты разбиваются о нелюбовь Иисуса, Иуда решает, что единственным выходом в данной ситуации будет смерть. Но и после неё Иуда отводит для себя особенное место: *«– Я! Я буду возле Иисуса!»* [1, с. 170]. Таковы его слова в споре с апостолами, благодаря которым раскрываются его истинные воззрения и главное качество – гипертрофированная гордыня.

Заключение

Таким образом, сама ситуация выбора в повести (предать или нет) экзистенциальна. Она является ключевым элементом для раскрытия психологических и нравственных глубин всех участников событий. Этот акт, наполненный драматизмом и трагизмом, становится катализатором для рефлексии над ценностями веры, любви, преданности и свободы воли.

Экзистенциальный аспект произведения реализуется и через подробное раскрытие внутреннего мира Иуды. Писатель показывает его как глубоко одинокого и непонятого, но в то же время страшного человека с демоническими. В нём кипят неразрешимые противоречия: жажда справедливости сталкивается с бессилием изменить систему, любовь к учителю переплетается с чувством отчуждения и непонимания. Иуда страдает от неспособности окружающих увидеть его истинные мотивы, уловить глубину его чувств, его раздирает двойственность.

Кроме того, в повести Андреева даётся своеобраз-

ный взгляд на извечную проблему добра и зла, на тему предательства, которые преломляются сквозь призму целого ряда тем – любви, проблемы взаимоотношений Учителя и ученика, зависти, гордыни, желания быть первым. Историю низкого предательства автор не рассма-

тривает в рамках прошлых времён, а преломляет её на ту историческую эпоху, в которой он жил и творил, переосмысляя проблему отступничества в метафорическом контексте – как один из основных признаков общественно-политических событий в России начала XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Л.Н. Иуда Искариот. Повести. Рассказы. М.: Издательство Э, 2015. 640 с.
2. Андреев Л.Н. Полное собрание сочинений и писем в 23 томах. Т. 3. М.: Наука, 2014. 792 с.
3. Блок А.А. Возмездие // Блок А.А. Избранное. М.: Художественная литература, 1997. 309 с.
4. Запорова Л.А. Источники текста и «тайны» рассказа-повести «Иуда Искариот» // Русская литература. 1997. № 3. С. 43–48.
5. Крючков В.П. Русская проза XX века: М. Булгаков, Л. Андреев, Б. Пильняк, Е. Замятин. Саратов: СГУ имени Н.Г. Чернышевского, 2017. 178 с.
6. Окунева А.М. Приёмы психологизма в воссоздании образа Иуды в повести Л. Андреева «Иуда Искариот» // Университетские чтения – 2017: Материалы научно-методических чтений ПГУ, Пенза, 12–13 января 2017 года. Том Часть VI. Пенза: Пензенский государственный университет, 2017. С. 56–59.
7. Руднев В.П. Экзистенциализм // Словарь культуры XX века. – М.: Издательство «Аграф», 1997. С. 635–636.
8. Lutigneaux R. L'existentialisme [Электронный ресурс] // URL: <https://www.revuedesdeuxmondes.fr/wp-content/uploads/2016/11/4367c71878cd3113c3a197e83b01aea2.pdf> (дата обращения 12.09.2025).

© Жэнь Цзичжао (1435284454@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГРАММАТИКА КОНСТРУКЦИЙ И ПРОБЛЕМА ОСМЫСЛЕННОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ (АНГЛИЙСКОМУ) ЯЗЫКУ

CONSTRUCTION GRAMMAR AND THE PROBLEM OF MEANINGFULNESS IN TEACHING A FOREIGN (ENGLISH) LANGUAGE

A. Ionova

Summary: The article offers an analysis of the semantic division of a foreign language text based on the Construction Grammar in the framework of teaching English to cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. A definition of the concept of «semantic competence» is proposed, and constructions reflecting the details of lexical semantics in relation to syntax are described.

Keywords: grammar of constructions, meaning, semantics, meaning, syntax, utterance, sentence.

Ионова Анастасия Александровна

старший преподаватель, Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, (г. Ростов-на-Дону)
anasta_2211@mail.ru

Аннотация: В статье предложен анализ смыслового членения иноязычного текста на основе грамматики конструкций в рамках обучения английскому языку курсантов образовательных организаций МВД России. Предложено определение понятия «семантическая компетентность», описаны конструкции, отражающие детали лексической семантики во взаимосвязи с синтаксисом.

Ключевые слова: грамматика конструкций, значение, семантика, смысл, синтаксис, высказывание, предложение.

Введение

В настоящее время одно из наиболее проблемных полей при преподавании иностранного языка заключается в различном осмыслении синтаксических структур, обусловленных, как отмечал В.М. Алпатов [1], разницей в специфике национального представления. В современном языкознании предложение предстает как совокупность «слов и синтаксических отношений между ними» [1] в базовой структуре «субъект-предикат-объект». Данные отношения различны для аналитических и синтетических языков. Так, в английском языке, в отличие от русского, в конструкции предложения нет необходимости в изменении словоформ – «сложном и неясном приеме»: англичане довольствуются совокупностью слов, объединенных строгим порядком. Поэтому при изучении иностранного языка на начальном этапе существует трудность при непрерывном смысловом членении текста, если с изменением места слова в предложении не учитываются его грамматические функции.

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть смысловое членения иноязычного текста на основе грамматики конструкций в рамках обучения английскому языку, а также представить определение понятия «семантическая компетентность».

Материалы и методы

В статье предложен анализ смыслового членения

иноязычного текста на основе грамматики конструкций, предложено определение понятия «семантическая компетентность», описаны конструкции, отражающие детали лексической семантики во взаимосвязи с синтаксисом.

Применены методы наблюдения, обобщения, интерпретации. Также были представлены некоторые лексические примеры, полученные путем использования метода сплошной выборки.

Результаты и обсуждения

Итак, как уже отмечалось ранее, отношения в базовой структуре «субъект-предикат-объект» различаются для аналитических и синтетических языков. Получается, что даже простые слова оказываются синтаксически сложными. Например, *сотрудник* в выражении *сотрудник правоохранительных органов* оказывается связанным непрерывной интерпретацией и требует определенных аспектов соответствия, таких как *law enforcement officer*. Но само по себе слово *сотрудник* не обладает теми семантическими свойствами, которые могут быть предсказаны словом *officer*, так как значение последнего ограничено государственной службой. Этот пример иллюстрирует несоответствие между синтаксисом и семантикой, так как значения слов связаны со значением структуры, в которой они появляются. Обучающимся такие несоответствия нужно просто выучить.

Однако в отношении английского языка оказывает

ся, что выучить нужно большое количество несоответствий, от отдельных слов до составных фраз. Поскольку у обучающихся нет возможности узнать, в какой части структуры «субъект-предикат-объект» находится несоответствие, то консервативная стратегия обучения заключается в том, чтобы связывать принципы семантической интерпретации с синтаксическими конфигурациями с помощью правил построения одной фразы. Иными словами, традиционно обучение ориентировано на описание фактов синтаксиса через «лексическую призму», поэтому основной акцент, как правило, делается на то, чтобы обучающийся, прежде всего, обладал знанием слов на иностранном языке, включая информацию о том, что это за слова, в какой среде они могут появляться и как они функционируют в словосочетаниях и предложениях языка.

Представить описательную семантику того или иного выражения – значить описать его смысл, присвоив ему какое-либо семантическое определение. Н.Г. Келеберда приводит классический пример такой идиомы, в частности выражение *to kick the bucket*, описанный русским эквивалентом *дать дуба, сыграть в ящик* и т.д. В более частном значении присвоение семантики атомарным частям идиомы, например, *пинать ведро* или *give the oak tree* никак не объясняет общий смысл *умереть*. [3] В официальном деловом стиле выражение *trade union* лексически дословно может быть понято как некое *торговое объединение*, а по смыслу оно означает *профсоюз*. Корректное применение подобных выражений в коммуникативном акте означает, что актер обладает достаточной «семантической компетентностью», позволяющей говорить на данном языке и совершать лингвистически связанные речевые действия.

Семантическая компетентность предполагает способность связывать семантические значения со смыслом, который реализуется в идентичности замысла говорящего и семантикой грамматической конструкции. Поэтому овладение грамматикой даже на элементарном уровне сопровождается одновременным усвоением основных принципов семантической интерпретации.

Однако не каждое употребление выражения равносильно говорению на языке, так как обладает свойствами независимо от его значения. Поэтому следующий этап заключается в том, чтобы обучающийся был бы способен распознавать ассоциации между семантически интерпретируемыми предложениями и конкретным типом ситуации. При этом буквальное значение выражения не включает в себя информацию о том, как это выражение будет использоваться.

Другими словами, при изучении иностранного языка важнейшим элементом должна быть категория «осмыс-

ленности». Осмысленность – это реализация обычных закономерностей при интерпретации того или иного выражения. Под лингвистическим выражением понимается «строка символов, которая обладает синтаксическими свойствами и одним или несколькими значениями...». [7] Если лексическое значение может быть постоянным или контекстно-вариативным, то значение выражения, как мы увидели выше, может быть и не связано с семантикой слова, а активироваться в соответствии с условиями. Например, предложение *Bertrand went to the bank*, где *bank* понимается носителем языка изначально в одном значении, а второе значение исключается сразу и без раздумий. Это фонологическое совпадение показывает, что есть различие между простым использованием значения выражения и интуитивным использованием значения с активированным смыслом, а так же то, что одной семантической компетентности недостаточно для полноты понимания.

«Сеть отображений формы и значения на различных уровнях схематичности, абстрактности» [6] реализуется в грамматике конструкций. Грамматика конструкций утверждает, что лексика, морфология и синтаксис образуют континуум, разделяемый произвольно на отдельные компоненты. [4] Лексика и грамматика описываются как символические структуры в единстве семантического и фонологического полюсов. Иными словами, грамматика не отделена от семантики, но включает семантику как один из своих полюсов. [2] Грамматическое описание опирается на символические структуры, каждая из которых сводится к сочетанию формы и значения. Следовательно, каждая такая конструкция имеет семантический полюс, то есть смысл.

В языкознании «смысл» используется как чисто технический термин, поскольку синтаксис никак не дает ответа на вопрос о том, какое значение должно иметь или имеет предложение. В философии языка смысл понимается как то, что «минимально сочетается с окружающим миром» [7], следовательно, смысл предложения являет нашу интуитивную интенцию на истину. Иными словами, в идеале человек высказывает только те утверждения, которые он считает истинными. Искренность в языке вызывает доверие – категорию коммуникации, условность которой создает барьеры общения. Доверие есть реакция на высказывания собеседников, правдивость которых не вызывает сомнения. Правдивость и доверие, таким образом, проявляются в регулярности произнесения осмысленных высказываний или предложений.

Чтобы выражение имело смысл в языке коммуникантов, должна существовать общепринятая закономерность его использования в конкретных ситуациях. Общепринятые закономерности не сводятся к правилам. Это некий социальный конструкт, соответствие которо-

му зависит от предпочтения актора. Правила же носят нормативный характер не в том смысле, что дают людям стандарты для соответствия, но в том, что устанавливают «запреты» и «разрешения».

В грамматике конструкций в качестве основных объектов грамматического описания так же используются не правила, которые совершенно различны по своей природе и связаны лишь косвенно, а конструкции (Ч. Дж. Филлмор и др), включающие закономерности различной степени обобщенности, [7] или паттерны, которые усваивают говорящие на языке. Они подразумевают различные виды отношений между конкретными высказываниями, предложениями, паттернами, моделями, которые структурируют данное выражение. Паттерны и модели являются шаблонами для выражений, представляющими абстрактную общность наборов выражений, параллельных в определенных отношениях. Модели являются прямыми аналогами выражений за исключением уровня их абстрактности. Конструкция определяется как выражение любого размера и любой сложности, либо модель, абстрагированная от выражения, чтобы отразить их общность на любом уровне специфичности. То есть выражения и конструкции одинаковы по своей природе, различаясь лишь степенью конкретности.

Уровень конкретности относится к числу наших способностей интерпретировать одни и ту же ситуацию альтернативными способами, зависящими от перспективы, принятой для ее рассмотрения, и степени значимости, придаваемой ее внутренними элементами. Под конкретностью подразумевается уровень точности и детализации ситуации: при соответствующих обстоятельствах один и тот же объект может быть обозначен любым из этих выражений: «вещь – объект – транспортное средство – грузовик – пикап – старый пикап» и т.д. Перспектива, побуждающая мысленно сканировать описание пикапа, многогранна и может быть выстроена в противоположных направлениях. Важно отметить, что выражение может описывать либо вещь, либо отношения, включающие основных участников. Выражения, описывающие отношения, имеют разные уровни значимости, в зависимости от участников (доминирующий\прецедентный\второстепенный). Грамматически такие классы как глаголы, прилагательные, наречия описывают различные виды отношений, например, глаголы обозначают отношения, за которыми следует эволюция во времени.

Каким образом семантические структуры отражают как детали лексической семантики, так и более широкие структуры, обусловленные синтаксисом, можно проследить на примере анализа глагола *to give* [5], который включает набор из четырех элементов: минимальное предикативное значение, фрейм, участники и аргументы. В простейшей конструкции «сказуемое-дополнение»,

например, фраза *gives her a gift* принимает два дополнения: дополнение-объект и дополнение-участник. Конструкция состоит из трех слов, связанных между собой простой цепочкой зависимостей. Каждое из этих слов является версией обычных слов, но в данной цепочке они оказываются ограниченными и выступают моделями для подобных формальных конструкций, типа *teach me skiing, send him a letter, make her a cake*.

Традиционно такую модель обучающимся предлагается просто запомнить. Однако в грамматике конструкций взаимосвязь значений становится явной за счет бесконечно расширяющейся возможности интерпретации. Так, *I gave her a gift on his behalf / in his name* легко «пассивируется» *She was given a gift in his name*, а прямой объект *her* спокойно может измениться в косвенный объект *to her* с изменением своего положения во фразе. Анализ показывает, что традиционные предикат-объектные отношения глагола *give* демонстрирует его не фактические, а потенциальные возможности, так как семантика глагола может и не предполагать получателя: *She always gives*. Следовательно, лексическая спецификация глагола определяется частично синтаксисом и семантикой конструкции как грамматического отношения *предикат-прямой объект / косвенный объект* и т.д. Семантика глагола *to give* выступает центральным паттерном, с которым дополнение может использоваться, если оно соответствует как предполагаемому значению *дарения, «давания» бесплатно*, так и остальной части синтаксиса с результатом *получения в собственность*.

Если глаголы *to make, to send* в какой-то степени могут иметь отношение к смыслу «*давания-обладания материальным объектом*», то употребление глагола *to teach* в такой же модели можно объяснить допущением, что учитель является «*владельцем мозгов*», который передает знания в пользование прямому объекту. То есть можно усмотреть частичное сходство значения *to teach* с дарением, хотя само по себе слово *teach* не несет такого смысла. Это лишь простые примеры анализа встраивания смысла в концептуальные рамки.

Выводы

В заключение отметим, что грамматика конструкций стремится расширить спектр языковых явлений и одновременно повысить формальную строгость их описания. В современных условиях такой подход оказывается наиболее удобным форматом при обучении иностранному языку. В отличие от сосюрговской концепции языка как системы знаков, идея постепенного конструирования высказывания путем перехода от одного лингвистического факта к другому при составлении предложения на иностранном языке, предложенная Чарльзом Дж. Филлмором, призвана способствовать более глубокому пониманию смысла иноязычного высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М О грамматике составляющих и грамматике зависимостей <https://inslav.ru/zalizniak80/congratulations/Alpatov.pdf>. 2014.
2. Дружинин А.С. Языковая сущность грамматической конструкции // Вестник МГИМО 2012, № 5 (26) <https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/1757>. 2012.
3. Келеберда Н.Г. К вопросу о понимании термина «катена» в языкознании // <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/314361/1/30-34.pdf>. 2024г.
4. Рябцева Н.К. «Конструкционная грамматика» и научная коммуникация: межъязыковой аспект / Н.К. Рябцева // Научный диалог. 2019. №6. С.50-71
5. Смакотина Н.А. Актуализация концептосферы глаголов take и give во фразеологических единицах, построенных на их основе (когнитивный аспект) // <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-kontseptosfery-glagolov-take-i-give-vo-frazeologicheskikh-edinitсах-postroennyh-na-ih-osnove-kognitivnyy-aspekt/viewer>. 2006.
6. Dunn J. Syntactic Variation from Individuals to Populations. Language as a Complex System. Elements in Construction Grammar <https://www.colorado.edu/linguistics/2025/02/28/dr-jonathan-dunn-language-complex-system-syntactic-variation-individuals-populations>. 2024.
7. Reiland Indrek Meaningfulness, Conventions, and Rules // <https://doi.org/10.1017/apa.2024.15> Published online by Cambridge University Press P. 433. 2024.

© Ионова Анастасия Александровна (anasta_2211@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТИПЫ ПОЛЕЙ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

TYPES OF FIELDS IN LINGUISTIC RESEARCH

V. Kopytko

Summary: The article is devoted to the consideration of the structure, specific features, research methods and the role of semantic, pragmatic, morphological, syntactic, and phonological fields in the linguistic picture of the world.

The fundamental thesis in this work is that language is an integral system that unites an ordered, structured set of interdependent and interacting elements.

The relevance of this article is beyond doubt, since understanding the rules for choosing elements of the language system in specific speech acts helps to develop communicative competence and develop a general plan for speech behavior.

It is noted that linguistic fields are a means of reflecting the cognitive, accumulative, and communicative aspects of language functioning.

Keywords: semantic fields, pragmatic fields, morphological fields, syntactic fields, phonological fields.

Копытко Виктория Николаевна

кандидат филологических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, (г. Москва)

vnkopytko@fa.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению структуры, специфических особенностей, методов исследования и роли в языковой картине мира семантических, прагматических, морфологических, синтаксических и фонологических полей.

Основополагающим в данной работе является тезис о том, что язык – это целостная система, объединяющая упорядоченное, структурированное множество взаимообусловленных и взаимодействующих между собой элементов.

Актуальность данной статьи не вызывает сомнения, так как осмысление правил выбора элементов языковой системы в конкретных актах речи помогает развитию коммуникативной компетенции и выработке общего плана речевого поведения.

Отмечено, что лингвистические поля являются средством отражения когнитивных, аккумулятивных и коммуникативных аспектов функционирования языка.

Ключевые слова: семантические поля, прагматические поля, морфологические поля, синтаксические поля, фонологические поля.

В лингвистике под понятием «поле» понимают набор языковых единиц, объединённых по семантическому и/или функциональному принципам и взаимодействующих между собой на определённом уровне. В структуре поля находятся ядро, единицы которого наиболее однозначно используются для выполнения функций поля, центр, являющийся максимальным средоточием специфических признаков, и периферия, содержащая языковые единицы, демонстрирующие меньшее число признаков конкретного поля.

Концепция поля позволяет рассматривать обширный диапазон аспектов языка: лексические и грамматические значения слов, внутренние связи и семантические отношения между ними, особенности реализации языковых явлений в коммуникативных актах и конкретных текстах.

Изучение различных типов полей в языке способствует более глубокому осмыслению их внутренней структуры, взаимосвязей между языковыми единицами, объединёнными общими значениями и структурными характеристиками, а также механизмов их функционирования в процессе коммуникации [3].

В последнее время наблюдается значительное увеличение интереса к полевым моделям в лингвистике, что объясняется необходимостью решения когнитивных и функциональных задач в таких разделах науки о языке,

как морфология, фонология, синтаксис, грамматика, текстология и т.д.

Актуальность применения полевого подхода в лингвистике объясняется возможностью изучения языка как объединения разноуровневых языковых средств, имеющих близкую семантику, осмысления правил выбора элементов языковой системы в конкретных актах речи, что помогает развитию коммуникативной компетенции и выработке общего плана речевого поведения [4].

В настоящей статье нами будет предпринята попытка проанализировать структуру, специфические особенности, некоторые методы эмпирического изучения, а также роль в языковой картине мира сразу нескольких полей: семантических, прагматических, морфологических, синтаксических и фонологических, в чём и заключается новизна данного исследования.

Как уже было упомянуто нами в ранее опубликованных работах схожей тематики, концепция поля в языковедении полисемична и происходит из представления о языке как о целостной системе, объединяющей упорядоченное, структурированное множество взаимообусловленных и взаимодействующих между собой элементов [7]. Категория поля, наряду с полисемией и омонимией, является одной из ключевых концепций лингвистической семантики и структурного анализа и полностью воспроизводит понятийную картину определённой язы-

ковой общности, выявляя её национально-культурную специфику [3].

Изначально объектом исследования учёных выступили именно семантические поля, а сам термин «семантическое поле» ввёл в 1924 году австрийский филолог Гюнтер Ипсен. Теория поля оказалась весьма плодотворной, так как позволила объединить лексику в лексико-семантическую систему, в которой каждая отдельно взятая лексема стала частью определённого структурно-единства [12].

В ядре любого семантического поля находится категория, объединяющая слова или выражения с общими функциональными, физическими, культурными или социальными признаками. Например, поле 'The English Renaissance Theatre' («английский театр эпохи Возрождения») включает лексико-семантические группы (ЛСГ) 'the English Renaissance public theatres' («общедоступные театры в Англии эпохи Возрождения»), 'the founders of the English Renaissance public theatres' («основатели общедоступных театров в Англии эпохи Возрождения»), 'the English Renaissance private theatres' («частные театры в Англии эпохи Возрождения»), имеющие два общих семантических компонента: принадлежность к миру театра и принадлежность к эпохе английского Возрождения [8].

Для входящих в семантическое поле лексических единиц (ЛЕ) характерны синтагматические (предикативные, непредикативные) и парадигматические (гипо-гиперонимия, синонимия, антонимия) отношения, семантическая общность, иерархия построения, размытость границ между объединяющими их ЛСГ, относящимися к ядру и периферии, и, соответственно, их взаимопроникновение внутри поля. Так, например, в упомянутом нами выше семантическом поле 'The English Renaissance Theatre' («английский театр эпохи Возрождения») дифференциальная сема «основание в период правления того или иного монарха» в ядерных ЛЕ ЛСГ 'the English Renaissance public theatres' («общедоступные театры в Англии эпохи Возрождения») и 'the English Renaissance private theatres' («частные театры в Англии эпохи Возрождения») в несколько изменённом виде – «игра в период правления того или иного монарха» - присутствует и в значениях периферийных элементов ЛСГ 'the English Renaissance theatre companies' («театральные труппы в Англии эпохи Возрождения») [8].

При формировании поля задействуются когнитивные механизмы мировосприятия – объединение признаков предметов или явлений осуществляется на основе их значимости для повседневного опыта человека, что находит своё отражение в соответствующих языковых единицах [6]. Следовательно, поле – это общность ментальных образов, предполагающая соотнесение языковых и мыслительных структур, позволяющая идентифициро-

вать отличительные культурные и когнитивные черты языка и его носителей [9].

Можно утверждать, что семантические поля способствуют обнаружению способов организации лексики и систематизации сведений о категориях, предметах и явлениях, позволяют отразить культурно-обусловленные представления человека о мире, лучше воспринимать и использовать информацию [2].

Со временем полевая модель системы языка получила применение и в других разделах языкознания, что было вызвано потребностью структурирования значений и функций лингвистических элементов на прагматическом, морфологическом, синтаксическом и фонологическом уровнях [18].

Прагматические или коммуникативно-прагматические поля, в отличие от семантических, сосредоточены на функционировании языка в контексте общения и формируются на основе сходного прагматического эффекта, достигаемого лексическо-грамматическими средствами, отдельными видами речевого общения (приветствия, клятвы, приказы, просьбы, объяснения, обвинения и т.д.), включая многообразие тактических и стратегических приёмов, применимых для достижения коммуникативных целей [16]. Данный термин подразумевает обусловленность языковых моделей высказываний, имеющих одинаковые иллокутивную цель (коммуникативное намерение спикера) и методы для эффективного межличностного взаимодействия [10].

Для прагматических / коммуникативно-прагматических полей также характерно наличие ядра и периферии. В ядре максимальным образом сконцентрированы специфические признаки, проявляющие высшую степень употребляемости, оно несёт наибольшую функциональную нагрузку. К периферии же относятся менее специфические признаки, функционально менее нагруженные и употребляемые [10]. Структура прагматических полей сложна и неоднородна: ей присущи фон (коммуникативная основа поля) и спецификатор (его коммуникативные свойства). Фон может содержать высказывания, относящиеся к таким разновидностям речевого действия, как директивы (побуждение к совершению какого-либо действия), ассертивы (утверждения о чём-либо), комиссивы (обязательства, обещания), спецификатор обозначает коммуникативные характеристики конкретного поля. Так, фон прагматического поля 'commandments' («предписания») составляют десять заповедей христианства ('I'm the lord thy God, thou shalt have no other Gods before me' («Я господь Бог твой, да не будет у тебя других богов перед лицом Моим»), 'Thou shalt not make unto thee any graven image' («Не сотвори себе кумира»), 'Thou shalt not take the name of the Lord the God in vain' («Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно»)), относящиеся к

директивным речевым актам, а иллокутивная цель предписания является спецификатором и отличает его от полей с похожим фоном.

Прагматические поля позволяют исследовать использование языковых средств в различных социальных ситуациях, их влияние на межличностное общение, мышление и поведение людей, отражение в языке культурных и этнокультурных аспектов, способствуют пониманию и анализу коммуникативных стратегий.

В морфологических полях морфемы или морфологические (грамматические) формы группируются вокруг стержневого слова, находящегося в ядре поля, на основе общего признака или функции. К ядру принадлежат языковые элементы с доминантными признаками, которые по мере приближения к периферии становятся факкультативными [21].

Примерами могут послужить поля однокоренных слов (*art* – искусство, *artist* – художник, *artistry* – артистичность, *artificial* – искусственный, *articulate* – чётко формулировать), слов с одинаковыми префиксами, имеющими значение избыточности, чрезмерности (*overestimate* – переоценивать, *overgrow* – перерастать, *overact* – заходить слишком далеко, *overcharge* – назначать завышенную цену, *overboard* – чересчур стараться), суффиксами, образующими прилагательные от существительных (*cheerful* – радостный, *doubtful* – сомнительный, *powerful* – могущественный, *fruitful* – плодотворный, *merciful* – милосердный), поля с формами словоизменения одного и того же слова, причём в английском языке они зависят от части речи (*teacher* – единственное число, *teachers* – множественное число, *teacher's*, *teachers'* – притяжательный падеж; *write* – инфинитив, *writes* – третье лицо единственного числа настоящего простого времени, *wrote* – прошедшее простое время, *written* – причастие прошедшего времени, *writing* – причастие настоящего времени).

Лингвистами также выделяются морфосемантические поля, единицы которых связывают не только наличие общей морфемы, но и семантическое родство, например: глаголы с корнем *-scribe-*, означающие фиксацию информации (*describe* – описывать, *transcribe* – транскрибировать, *subscribe* – подписываться, *inscribe* – надписывать, *prescribe* – прописывать).

Анализ морфологических полей важен для выявления закономерностей словообразования, установления этимологических связей, исторических сдвигов, иерархических отношений между словами, понимания группирования слов носителями языка, заимствований, разработки словарей, тезаурусов и т.д.

Полевой подход широко применяется также при опи-

сании синтаксических единиц языковой системы, их семантических и функциональных связей и зависимости от явлений объективной реальности. В синтаксическом поле слова и словосочетания объединяются в зависимости от их роли в предложении и грамматической сочетаемости.

Синтаксическое поле является разновидностью функционально-семантического поля, в основе которого лежит семантический инвариант, объединяющий и обуславливающий взаимодействие разнородных языковых средств. Для синтаксического поля, как и любого другого, характерны свойства, общие для всех конstituентов поля: наличие определённых взаимоотношений, членимость на центральную и периферийную зоны (отнесённость наиболее типичных элементов к ядру, менее частотных, либо контекстно-зависимых – к периферии, элементов, принадлежащих сразу нескольким полям – к переходной зоне), динамичность как следствие притяжения периферийных элементов к ядру поля, неравномерность [5].

В синтаксических полях отражается многообразие синтаксических конструкций, использующихся в определённом контексте или выражающих конкретное значение. Например, в поле отрицания могут находиться предложения с частицей *not* (*They did not attend lectures on language stylistics* – они не посещали лекции по стилистике языка), отрицательной конструкцией *there is no way* (*There is no way she said that* – она не могла этого сказать), отрицательными местоимениями *nobody*, *nothing*, *neither* (*Neither of them is going to the party* – никто из них не придёт на вечеринку), отрицательными наречиями *never*, *nowhere* (*I never saw her again* – я никогда её больше не видела), прилагательными с отрицательными префиксами *un-*, *in-*, *im-*, *il-*, *ir-*, *non-*, *mis-*, *dis-* (*The terms of the agreement were disadvantageous for the company* – условия соглашения были невыгодны для компании).

Анализ синтаксических полей важен для грамотного комбинирования элементов предложения, понимания системности грамматики языка, выявления скрытых закономерностей в её организации, установления взаимосвязей между разными уровнями языка, сравнения разных языковых систем, помогает проследить эволюцию грамматического строя языка, выявить тенденции его развития.

Наконец, перейдём к описанию фонологических полей, объединяющих звуковые единицы языка, подчиняющиеся определённым фонетическим и фонологическим правилам. Следует отметить, что согласно убеждениям представителей Пражской фонологической школы, В. Матезиуса, Р.О. Якобсона, Н.С. Трубецкого, фонетика и фонология – это принципиально разные понятия, поскольку фонетика изучает физиологическо-акустический аспект звукоизвлечения, а фонология – функциональную сторону звуковых явлений. Осново-

положником фонологии принято считать русского и польского лингвиста, И.А. Бодуэна де Куртенэ, который ввёл понятие «фонема», наименьшую единицу языка, характеризующуюся смысловозначительной функцией [17]. Причём фонема является основной единицей фонологического описания для фонемных языков, таких как индоевропейские, финно-угорские, тюрские и другие, для слоговых же языков - вьетнамского, китайского, бирманского – сигнификативной элементарной единицей служит силлабема (силлабоморфема). Фонемы в фонологическом поле объединены по акустическим и артикуляционным признакам и связаны системными отношениями. Например, для английских согласных поля могут формироваться по месту образования преграды (смычные взрывные: [p], [b], [t], [d], [k], [g]; щелевые фрикативные: [f], [v], [s], [z], [θ], [ð], [ʃ], [ʒ]), по работе активного органа речи и месту образования преграды (губно-губные: [p], [b], [m], [w]; губно-зубные: [f], [v]; переднеязычные апикально-альвеолярные: [t], [d], [n], [l]) и т.д. Как мы видим, некоторые фонемы принадлежат сразу нескольким полям, равным количеству их признаков, что указывает на нечёткость границ между полями.

Исследование фонологических полей необходимо для понимания организации фонетической системы, раскрытия закономерностей сочетания звуков, демонстрации иерархии фонемных оппозиций, помогает фиксировать вымирающие языки, изобретать письменность для младописьменных и бесписьменных языков.

Отметим, что лингвистами разрабатываются и широко применяются такие концепции, как фреймы (устойчивые семантические модели, имеющие иерархическое устройство, организующие и классифицирующие информацию о том или ином аспекте знания), семантические сети (визуализированные сети семантически близких, имеющих взаимное влияние друг на друга понятий, событий, процессов, свойств), когнитивные схемы (структуры знаний, используемые для систематизации человеческого опыта и отражаемые в организации языкового значения), которые имеют много общего с идеей поля.

Каковы же методологические подходы и инструментарию изучения лингвистических полей? Они весьма разнообразны, что объясняется многогранностью языкового корпуса, актуальностью исследования его функционального и структурного уровней, необходимостью понимания сущности лингвистических полей.

Рассмотрим некоторые из них

Цель компонентного анализа, основу которого заложили в 50-х годах XX столетия американские лингвисты Ф. Лаунсбери и У. Гуденаф, - определить в языковых единицах интегральные и дифференциальные категориально-грамматические (граммемы), лексико-грамма-

тические (лексограммемы) и лексические семы (минимальные смысловые составляющие) [19].

С помощью логико-семантического метода, введённого основателем Женевской лингвистической школы, Ш. Балли, определяют слово-идентификатор, выражающее смысл принадлежащих полю слов в наиболее нейтральном виде. Далее исследователь либо выделяет из корпуса словаря слова, объясняющие идентификатор, подвергает той же процедуре выделенные слова и повторяет данный алгоритм необходимое количество раз (метод цепочки словарных дефиниций), либо определяет идентификатор и конкретизаторы, постепенно вычленивая наиболее общие идентификаторы на каждой ступени (метод ступенчатой идентификации) [15].

Используя метод анализа словарных дефиниций и исследуя реализацию лексического значения в определённом контексте, лингвисты устанавливают соответственно языковой и контекстуальный прагматический заряд разноуровневых языковых единиц, выясняют специфику образования прагматически обусловленных составляющих смысловой структуры лексемы [1]. Сущность метода заключается в конкретизировании характеристик концепта в результате использования данных разных толковых словарей.

При контекстуальном анализе исследуются ситуативно обусловленная и независимая от лингвистического окружения специфика вербальных единиц в узком, широком, интертекстуальном (включение одного текста в другой) и экстралингвистическом (описание речевой ситуации) контекстах с учётом пресуппозиций (предположений), модальности (виды отношения реплики к действительности), имплицатуры (присутствие информации в скрытом виде) [13].

Корпусный метод подразумевает обработку больших массивов текстов с целью исследования частотности слов и коллокаций, поиска конкретных словоформ, выявления парадигматических и синтагматических отношений, анализа контекстов употребления с помощью специальных компьютерных программ, таких как AntConc, TermoStat, Araneum, SARA, SketchEngine, WordSmith [14].

Формальные и функциональные аспекты концепции лингвистического поля позволяют понять взаимодействие языковых единиц, механизмы формирования смысловых кластеров, что находит применение в лексикографической практике. Поля также используются при решении спорных вопросов, касающихся классификации частей речи, для текстологического анализа и машинного перевода в технологиях обработки естественного языка, для более эффективного ассоциативного усвоения учебного материала в практике преподавания иностранного языка [9].

Таким образом, категория поля выступает в качестве связующего звена между формальными характеристиками языка и его речемыслительными аспектами, что является основополагающим в исследовании языковых единиц в комплексе их содержательных и функциональных признаков [11].

Лингвистические поля – это средство отражения

когнитивных, аккумулятивных и коммуникативных аспектов функционирования языка [20]. В процессе полевого структурирования раскрываются диалектические связи между языковыми явлениями и неязыковой действительностью, механизм этой связи и её закономерности, выявляются особенности языкового сознания, раскрываются его национально-специфические черты.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьева О.М., Каневская Я.Е. Реализация прагматических свойств языковых единиц в медиатексте: подходы к изучению // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. - 2018. - №11(44) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-pragmaticheskikh-svoystv-yazykovykh-edinits-v-mediatekste-podhody-k-izucheniyu> (дата обращения: 14.08.2025).
- Бочарова М.А. Семантическое поле как способ системного описания лексики // Полилингвильность и транскультурные практики. - 2012. - №4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskoe-pole-kak-sposob-sistemnogo-opisaniya-leksiki> (дата обращения: 13.07.2025).
- Дьяков А.И. Понятие «Поле» в лингвистике, особенности полевой структуры сферы «Англицизмы в русском языке» // Сибирский филологический журнал. - 2012. - №1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-pole-v-lingvistike-osobennosti-polevoy-struktury-sfery-anglitsizmy-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 10.07.2025).
- Журавлёв А.П. Полевой подход как элемент инструментария когнитивной лингвистики // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. - 2019. - №67 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polevyy-podhod-kak-element-instrumentariya-kognitivnoy-lingvistiki> (дата обращения: 14.07.2025).
- Зиброва Н.В. К вопросу о синтаксическом поле сложноподчиненного предложения в русском языке // Вестник ТГУ. - 2007. - №10 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sintaksicheskome-pole-slozhnopodchinnenogo-predlozheniya-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 07.08.2025).
- Ивашкевич И.Н. Роль когнитивных механизмов в формировании непространственных смыслов в языке // Евразийский гуманитарный журнал. - 2019. - №4(1) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kognitivnyh-mehanizmov-v-formirovanii-neprostranstvennyh-smyslov-v-yazyke> (дата обращения: 14.07.2025).
- Копытко В.Н. Лексико-семантическое поле как проявление системности в лексике // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. - 2025. - № 2–2. - С. 142-145.
- Копытко В.Н. Лингвострановедческое описание лексико-семантического поля «Театр» (на материале театра «Глобус»): Дисс. на соиск. степени канд. филол. наук. - М.: МПУ, 1998. - 147 с.
- Корнакова Е.С. Системное изучение лексики методом семантического поля // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. - 2015. - №4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnoe-izuchenie-leksiki-metodom-semanticheskogo-polya> (дата обращения: 11.07.2025).
- Которова Е.Г. Коммуникативно-прагматическое поле как метод комплексного описания способов реализации речевых актов // ТЛЖА. - 2013. - №1(1) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativno-pragmaticheskoe-pole-kak-metod-kompleksnogo-opisaniya-sposobov-realizatsii-rechevyh-aktov> (дата обращения: 08.08.2025).
- Куренкова Т.Н. Лексико-семантическое поле и другие поля в современной лингвистике // Сибирский аэрокосмический журнал. - 2006. - №4(11) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-semanticheskoe-pole-i-dругие-polya-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 14.07.2025).
- Мясникова И.И. Семантическое поле: история и современность // Система ценностей современного общества. - 2008. - №4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskoe-pole-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 06.08.2025).
- Нефёдов С.Т., Чернявская В.Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. - 2020. - №63 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontekst-v-lingvisticheskom-analize-pragmaticheskaya-i-diskursivno-analiticheskaya-perspektiva> (дата обращения: 11.08.2025).
- Палийчук Д.А. Корпусные технологии в лингвистических исследованиях // Гуманитарные исследования. История и филология. - 2022. - №6 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korpusnye-tehnologii-v-lingvisticheskikh-issledovaniyah-1> (дата обращения: 15.08.2025).
- Потапова О.Е. Комплексный подход к выделению лексико-семантического поля «Море» // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. - 2012. - №2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnyy-podhod-k-vydeleniyu-leksiko-semanticheskogo-polya-more> (дата обращения: 13.08.2025).
- Путина О.Н., Балакин С.В. Речевая коммуникация: прагматический аспект // Евразийский гуманитарный журнал. - 2022. - №1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-kommunikatsiya-pragmaticheskii-aspekt> (дата обращения: 12.07.2025).
- Салимова Р.М. Фонологические подходы к изучению фонемы как многогранной единицы языка // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. - 2018. - №1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fonologicheskie-podhody-k-izucheniyu-fonemy-kak-mnogogrannoy-edinitsy-yazyka> (дата обращения: 11.07.2025).
- Сухомлина Т.А. Теория поля как метод представления языковых явлений (на примере категории будущего времени) // Поволжский педагогический вестник. - 2019. - №4(25) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-polya-kak-metod-predstavleniya-yazykovykh-yavleniy-na-primere-kategorii-buduschego-vremeni> (дата обращения: 11.07.2025).

19. Урманчеева И.С. Компонентный анализ и методика его проведения на занятиях по лексикологии в вузе // Человек. Культура. Образование. - 2023. - №4(50) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komponentnyy-analiz-i-metodika-ego-provedeniya-na-zanyatiyah-po-leksikologii-v-vuze> (дата обращения: 14.08.2025).
20. Херина А.А. Проблема определения семантического поля // Вестник науки и образования. - 2015. - №5(7) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-semanticheskogo-polya> (дата обращения: 15.07.2025).
21. Широкова А.В. Морфология слова как основа типологической характеристики языков // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. - 2010. - №1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/morfologiya-slova-kak-osnova-tipologicheskoy-harakteristiki-yazykov> (дата обращения: 10.07.2025).

© Копытко Виктория Николаевна (vncopytko@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Крапивник Людмила Федоровна

доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО
«Тихоокеанский государственный университет»,
(г. Хабаровск)

LINGUOCULTURAL APPROACH IN THE LINGUODIDACTICS: METHODOLOGICAL ASPECTS AND METHODICAL TOOLS

L. Kravivnik

Summary: The article highlights key features of linguo-cultural approach in the process of teaching Russian as a foreign language and its opportunities to training in foreign languages. The relevance of the studied problem is due to the need to choose effective ways of stimulating foreign students' interest in the learning Russian language and in the process the formation of linguoculturological competence key. The author of the article emphasize that linguo-cultural approach special attention is the culture of the country of the studied language and the formation of the pragmatically oriented linguocultural abilities and skills. and this is reflected in the content of the teaching Russian as a foreign language and in the applied methods of teaching. According to author, one of the major areas of linguodidactic today is linguo-cultural approach: the use of the linguo-cultural approach contributes of stimulating foreign students' interest in the learning and contributes of to a more effective formation of students' intercultural and communicative competence.

Keywords: linguodidactics, linguo-cultural approach, methodological aspects, methodical tools.

Аннотация: В статье рассматриваются ключевые особенности лингвокультурологического подхода к преподаванию русского языка как иностранного и его возможности в обучении иностранным языкам. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью выбора эффективных способов стимулирования интереса иностранных студентов к изучению русского языка и к процессу формирования у них лингвокультурологической компетенции. Автор статьи отмечает, что лингвокультурологический подход нацелен на усвоение культуры страны изучаемого языка и формирование коммуникативно-ориентированных лингвокультурологических умений и навыков, что находит свое отражение в содержании обучения русскому языку как иностранному и в применяемых методиках обучения. По мнению автора, в настоящее время лингвокультурологический подход является одним из важнейших направлений лингводидактики, т. к. использование лингвокультурологического подхода стимулирует интерес иностранных студентов к обучению и способствует более эффективному формированию у них межкультурной и коммуникативной компетенций.

Ключевые слова: лингводидактика, лингвокультурологический подход, методологические аспекты, методический инструментарий.

В Указе Президента Российской Федерации от 11.07.2025 № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» в качестве одного из направлений реализации государственной языковой политики в сфере обеспечения условий для продвижения русского языка в мире было названо «повышение интереса к русскому языку во всех странах мира и увеличение числа иностранных граждан, владеющих русским языком» [1, с. 10-11]. Соответственно, такие задачи педагогической деятельности, как формирование познавательного интереса иноязычной аудитории к изучению русского языка и сохранение в условиях сложного учебного процесса интеллектуальной готовности и внутренней мотивации учащихся, в настоящее время приобретают особую государственную значимость, расцениваются как приоритетные и важные.

Необходимо отметить, что в отечественной русистике факторы, благоприятно и негативно влияющие на побуждающие мотивы к учебной деятельности, всегда были в центре внимания, при этом общепризнанным

среди русистов стало мнение о том, что «среди факторов, влияющих на формирование мотивации, наибольшую роль играют способы организации учебной деятельности», в полной мере учитывающие особенности изучаемого объекта и субъектов образовательного процесса [2, с. 163].

Как известно, на необходимость учета специфики и отличительных особенностей процесса обучения иностранным языкам в самом начале становления отечественной лингводидактики обращал внимание педагогического сообщества Л.В. Щерба, говоря о том, что изучение любого языка представляет собой процесс «приобщения к некоторому социальному явлению» и «овладения некой деятельностью, являющейся функцией того или другого человеческого коллектива» [13, с. 11]. При этом, как подчеркивал в своих работах Л.В. Щерба, в связи с тем, что «язык теснейшим образом связан с мышлением, отражая систему понятий данного человеческого коллектива», в процессе изучения языка того или другого народа «мы изучаем исторически сло-

жившуюся у него систему понятий, сквозь которые он воспринимает действительность» [там же, с. 33]. Обозначенные Л.В. Щербой как методистом положения о социальной природе языка, его деятельностном характере и связи языка с концептосферой его носителей (достаточно новаторские для своего времени) в значительной степени определили многие направления поступательного развития отечественной лингводидактики, в частности, формирование ее научно-методических подходов и разработанных в их рамках стратегий обучения иностранному языку, а также способов преодоления трудностей аккультурации – усвоения «человеком, выросшим в одной национальной культуре, существенных фактов, норм и ценностей другой национальной культуры» [3, с. 10], которые, как правило, сопровождают формирование вторичной языковой личности [12, с. 69-76].

Кроме этого, Л.В. Щерба, имя которого напрямую не связывается с лингвокультурологическим подходом, говоря в начале XX в. об особенностях иностранного языка как объекта изучения, предвосхищает основополагающее положение лингвистики конца XX в. о том, что «язык не только связан с культурой: он растет из нее и выражает ее» [В.А. Маслова], а также ключевые постулаты возникшей в последние десятилетия XX в. лингвокультурологии, исследующей «проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [8, с. 28]. Как известно, основные теоретические положения лингвокультурологии и выводы, сделанные в результате изучения языка как средства познания национальной культуры, носителем и главной формой выражения которой он является, легли в основу лингвокультурологического подхода к изучению иностранных языков, ориентированного на использование в учебном процессе богатых возможностей языка в плане знакомства с концептосферой его носителей и целенаправленного формирования лингвокультурологической компетенции, в общем плане понимаемой как овладение инофонами совокупностью воплощенных в изучаемом языке знаний о национальной специфике культуры, к которой он принадлежит.

Необходимо отметить, что с точки зрения своих методологических основ и «инструментальной» специфики образовательной деятельности лингвокультурологический подход является своеобразным «преемником» сложившегося ранее в русистике лингвострановедческого подхода, также ориентированного на методическую реализацию «культуроносной и культуropriобщающей» (в терминологии В.Г. Костомарова, Е.М. Верещагина) функций русского языка [3, с. 5], потому что в значительной степени вобрал в себя ключевые особенности лингвострановедческого подхода – его концептуальные идеи и принципы обучения, терминологический аппарат, методы и приемы обучения с доказанной многолетней практикой использования результативностью и др. Так, при отборе учебного материала общими для

лингвострановедческого и лингвокультурологического подходов к изучению русского языка как иностранного являются критерии культурной насыщенности (наделенности национально-культурной семантикой) и «культурообразности» (В.В. Сафонова), т.е. ценностного смысла и ценностной значимости отбираемых материалов, а в качестве методического инструментария в настоящее время в русистике по-прежнему активно используются «введение страноведческих сведений через семантику фразеологии и языковой афористики; истолкование русских слов с национально-культурным компонентом в семантике; создание специальных страноведческих приложений; использование страноведческого плана иллюстраций; обращение к художественной литературе как к зеркалу действительности» [3, с. 22] и др. В равной мере актуальными для лингвострановедческого и лингвокультурологического подходов в русистике являются также учет сложности культурно-насыщенного учебного материала и его соответствие языковым возможностям иностранных студентов, «преподавание страноведческого материала с помощью филологической методики» (В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин), ориентированной на тесную взаимосвязь семантики и культурно-исторического фона, органическое единство системно-языковой и коммуникативно-речевой функций языка, совместное использование зрительного и вербального рядов для стимулирования образного мышления иностранных учащихся и воздействия на их эмоции и образно-художественную память и др.

Несомненным достоинством лингвострановедческого подхода, предопределившим «методическую судьбу» его лингводидактического наследия, как представляется, можно считать успешное применение в учебной практике русистики культурно-насыщенного языкового материала и в качестве важнейшего источника знаний, без которых, по выражению В.Г. Костомарова и Е.М. Верещагина, «коммуникация затруднена или даже невозможна», и в целях формирования позитивной установки к стране изучаемого языка, что «оказывается основным или еще одним мотивом в изучении русского языка» и, в итоге, является фактическим условием успеха при его изучении [3, с. 115]. Соответственно, с учетом ценности и методической значимости языкового материала, способствующего осмыслению национальной специфики культуры изучаемого языка и формированию познавательного интереса и внутренней готовности к учебной деятельности, основные традиции лингвострановедческого подхода были продолжены в рамках лингвокультурологического подхода к изучению русского языка, но на более высоком уровне – с использованием качественно новых знаний и педагогических технологий, демонстрирующих единство преемственности и поступательности в процессе развития отечественной лингводидактики.

Широкому распространению лингвокультурологиче-

ского подхода в отечественной и зарубежной практике русистики, несомненно, способствовали и способствуют тесная связь с активно развивающейся лингвокультурологией, которая позволяет лингвокультурологическому подходу совершенствовать свои методологические основы, оперативно корректировать цели и задачи обучения, а также своевременно и оперативно обновлять диапазон методов и приемов учебной деятельности, учебный материал, операционально значимую терминологию и др. В частности, как показывает анализ публикаций, посвященных описанию опыта использования лингвокультурологического подхода в современной лингводидактике, в настоящее время в опоре на лингвокультурологические исследования активно обсуждаются и уточняются содержательное наполнение лингвокультурологической компетенции и «репертуар» ее структурно-функциональных элементов, мотивационные послышки отбора того или иного языкового материала для использования в качестве репрезентанта национально-специфических особенностей определенной лингвокультуры, степень «культурной насыщенности» тех или иных языковых единиц, их знаковые функции, лингвокультурологическая ценность, степень доступности для понимания носителем иного языка и роль в обеспечении лингвокультурологической грамотности студентов, а также вопросы, непосредственно связанные с процессуально-деятельностным аспектом формирования лингвокультурологической компетенции и возникающими при знакомстве с «чужой» лингвокультурой» трудностями и методически целесообразными способами их преодоления, ориентированными на достижение конечного результата в процессе взаимосвязанного изучения иностранного языка и иноязычной культуры. При этом примечательной особенностью методических публикаций, посвященных изучению перечисленных выше вопросов, является широкое использование в теоретических рассуждениях и обоснованиях таких новых для лингводидактики терминологических единиц, как «когнитивная база», «базовый символ (эталон, стереотип)», «прецедентные феномены (имена, высказывания, тексты)», «язык (код, текст) культуры», «языковая (концептуальная, пословичная) картина мира», «ценностные ориентации (приоритеты)» и др., без которых уже трудно представить себе выполненные в рамках лингвокультурологического подхода научные исследования.

Отличительной особенностью лингвокультурологического подхода в плане формирования интереса иноязычной аудитории к изучению русского языка и русской культуры является расширение диапазона насыщенного культурной семантикой и культурно маркированного языкового материала, отражающего и культурно-историческое своеобразие русскоязычной лингвокультуры, и ее современные отличительные черты (мировоззренческие установки, ценностные смыслы, эмоционально-оценочные стереотипы и др.), а так-

же нацеленность на более глубокое и многостороннее изучение национальной специфики речевого поведения носителей изучаемого языка и определяющих эти особенности факторов. В процессе обучения русскому языку это позволяет совершенствовать лингвокультурологическую компетенцию иностранных студентов, приближая уровень их «культурно-языковой компетенции» (термин В.Н. Телия) к присущей носителям русского языка способности к «референции языковых знаков к концептам культуры» [7, с. 10], и целенаправленно готовить иностранных студентов к учебному, коммуникативно-познавательному или творческому взаимодействию с представителями русскоязычного социума, ориентированному «на культурный диалог между ними, диалог культур и цивилизаций, а не на противопоставление одной культуры другой» [10, с. 128].

Так, в современной русистике наряду со сказками, фразеологическими и паремиями единицами, прозаическими и поэтическими художественными произведениями и др., традиционно используемыми для знакомства иноязычной аудитории с русской культурой, в учебный процесс активно вводятся тексты массмедиа (новостные статьи и телерепортажи, рекламные объявления и слоганы, теле- и радиопередачи, мультфильмы и др.), представляющие собой, как показывает практика, «важный и наиболее современный источник получения информации об обществе и культуре изучаемого языка, который эффективно повышает языковую (лексическую, семантическую, грамматическую, орфографическую, орфоэпическую) и коммуникативную (лингвистическую, стратегическую, дискурсивную, социокультурную и речевую) компетенции иностранных студентов, а также является преобладающим мотивационным компонентом учебной деятельности инофонов» [6, с. 91]. Например, в русистике в настоящее время большое внимание уделяется лингвокультурологическому потенциалу рекламных текстов и новостных заголовков, которые отличаются активным влиянием на русскоязычную аудиторию (формирование ее мнений, взглядов, поведения и др.), а потому являются мощным информационным ресурсом для изучающих русский язык и русскую культуру иностранцев, которые не знакомы и с порождающим рекламные тексты и слоганы социокультурным контекстом, и с актуальными для современной русскоязычной лингвокультуры приемами языкового воздействия и творческого отношения к языковым ресурсам (словообразовательным, лексическим, грамматическим, стилистическим и др.). Как показывает практика, изучение в иноязычной аудитории активно вторгающихся в повседневную жизнь носителя русского языка рекламных слоганов («*Большой семье – большие скидки*», «*Твоя красота – наша забота*», «*Ваш успех – наша цель*» и др.) расширяет познавательные возможности учебного процесса, т.к. позволяет преподавателю-русисту на небольшом по объему, но значительном по концентрации лингво-

культурологических сведений языковом материале дать «представление не только о мире вещей, но и об актуальных оценках и отношениях», целом комплексе социокультурных проблем русскоязычного сообщества [4, с. 93]. А знакомство иностранных студентов с создающими игру слов фразеологическими трансформами в новостных заголовках («Нет дыма – нет огня»; «Чеснок вам в помощь» и т.п.) знакомит их с особенностями современных дискурсивных практик русскоязычной лингвокультуры, фоновыми знаниями носителей русского языка и позволяет иностранным студентам «сделать выводы о динамических процессах в пословичной картине мира и, соответственно, в системе ценностей носителя русской лингвокультуры» [11, с. 219]. В этом смысле можно говорить о том, что изучение современного русскоязычного массмедиа способствует формированию знаний о ценностно-ориентационном мировидении, образе и стиле жизни, моделях речевого и неречевого общения носителей русского языка, которыми, как указывает В.В. Сысоева, как правило, отличаются речевые партнеры в условиях межкультурного взаимодействия [10, с. 127].

Как показывают наблюдения и анализ научно-методических публикаций, русистами рассматриваются различные перспективные направления использования русскоязычных медиаресурсов для расширения объема лингвокультурологических знаний иностранных студентов и предлагаются виды учебной работы, очень полезные для иноязычной аудитории с точки зрения формирования речевых навыков и интеллектуальной готовности к изучению сложного для понимания инофона культурно насыщенного иноязычного материала [4; 9; 11 и др.]. При этом отмечается, что методическая интерпретация в иноязычной аудитории представленного в различных форматах русскоязычного мультимедийного пространства особенно «будет полезна будущим филологам, журналистам и специалистам по связям с общественностью в профессиональном плане при освоении конструирования рекламных слоганов, изучении способов построения медийного информационно-аналитиче-

ского текста и его заголовка» [9, с. 204], кроме того, она необходима всем изучающим русский язык инофонам, т. к. «способствует формированию общекультурной и психологической готовности к диалогу культур в рамках учебного процесса и в свободном общении» [4, с. 95]. Как представляется, формированию устойчивого познавательного интереса иноязычной аудитории к такого плана учебному материалу, насыщенному культурной информацией, способствует дальнейшее совершенствование методического инструментария лингвокультурологического подхода, а также использование наряду с традиционными формами учебной работы инновационных лингводидактических технологий – проблемных дискуссий, обучения в сотрудничестве, проектных технологий и др., которые предполагают «организацию продуктивной совместной деятельности иностранных учащихся, в результате которой происходит активизация их когнитивной и речевой деятельности» [5, с. 283].

Таким образом, как показывает анализ, использование в современной русистике лингвокультурологического подхода предоставляет значительные возможности в изучении богатства и своеобразия русскоязычной лингвокультуры, содействует расширению знаний об особенностях современного русскоязычного сообщества и осознанию национальной специфики фоновых знаний носителей русского языка и их менталитета, что, как показывают наблюдения, способствует эффективному формированию языковой, культурной и коммуникативной компетенций иностранных студентов, их готовности к межкультурному диалогу, а также развивает познавательный интерес к учебному процессу и является важным фактором повышения мотивации в изучении русского языка. При этом целесообразным представляется дальнейшее совершенствование лингвострановедческого подхода (как и любой другой лингводидактической стратегии) в том числе и посредством более активного применения инновационных лингводидактических технологий, направленных на повышение качества обучения и эффективное решение актуальных образовательных задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2025 № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507110017> (дата обращения: 22.08.2025).
2. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). – СПб: Златоуст, 1999. – 472 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1990. – 246 с.
4. Кравченко О.Н. Современная русскоязычная реклама как обучающая реальность // Мир русского слова. – 2011. – №3. – С. 88-96. URL: <file:///C:/Users/nk/Downloads/sovremennaya-russkoazychnaya-reklama-kak-obuchayuschaya-realnost.pdf> (дата обращения: 01.08.2025).
5. Крапивник Е.В. Инновационные лингводидактические технологии в обучении иностранных студентов // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». – 2024. – № 1 (66), – С.282-291.
6. Кулик А.Д. Синергия новостных контентов средств массовой информации в профессионально ориентированном обучении русскому языку как иностранному // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – 2019. – № 11–2. – С. 89-93. URL: <http://nauthejournal.ru/files/4ec0eda0-2f4b-45cd-828f-b3cf23769b0a> (дата обращения: 08.08.2025).

7. Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках: монография / редактор В.Н. Телия. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 344 с.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
9. Мурашова Наталья Валерьевна Русские пословицы и их современные трансформации в учебной репрезентации иноязычным студентам // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №1–1 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-poslovitsy-i-ih-sovremennye-transformatsii-v-uchebnoy-reprezentatsii-inoazychnym-studentam> (дата обращения: 22.08.2025).
10. Сафонова В.В. Изучение языков и культуры в странах третьего мира, тенденции развития современного языкового образования // Язык и культура. 2014. №1 (25). – С. 123–141. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soizuchenie-yazykov-i-kultur-v-zerkale-mirovyh-tendentsiy-razvitiya-sovremennogo-yazykovogo-obrazovaniya> (дата обращения: 22.07.2025).
11. Федорова Н.Н. Общественно-политические ценности в традиционных русских пословицах и современных пословичных трансформах // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2014. – №5. – С. 218–221. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvenno-politicheskie-tsennosti-v-traditsionnyh-russkih-poslovitsah-i-sovremennyh-poslovichnyh-transformah> (дата обращения: 20.07.2025).
12. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). – М.: Высшая школа, 1989. – 238 с.
13. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе: Общие вопросы методики / акад. Л.В. Щерба; Акад. пед. наук РСФСР, Ин-т методов обучения. – М.; Л.: изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1947. – 95 с.

© Крапивник Людмила Федоровна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯВЛЕНИЕ КОГЕЗИИ (КОГЕРЕНТНОСТИ) В РАССКАЗЕ НАГИБА МАХФУЗА «СУМЕРКИ» (شفق - ЩАФАК, АРАБ. ЯЗ.)

Попенков Олег Николаевич

кандидат исторических наук, доцент,
Военный университет имени князя Александра Невского,
г. Москва
fnagrada@list.ru

THE PHENOMENON OF COHESION (COHERENCE) IN NAGUIB MAHFOUZ'S SHORT STORY "TWILIGHT" (SCHAFAK, ARABIC)

O. Popenkov

Summary: In the article, the author explores the problem of linguistic understanding of the essence of the Arabic text using the example of a story by the Egyptian author Naguib Mahfouz, analyzing such text-forming features as coherence in Arabic fiction. Referring to the literary text of the Arabic language, cohesion is interpreted as the central category of the text. It is concluded that the cohesion in this text is carried out in the form of repetition-picking, realizing the logical and semantic integrity of the entire message, ensuring coherence (integrity of the text).

Keywords: text, cohesion, logical-semantic coherence, coherence, integrity.

Аннотация: В статье автор исследует проблему лингвистического понимания сущности арабского текста на примере рассказа египетского автора Нагиба Махфуза, анализируя такие текстообразующие признаки, как когезия и когерентность в арабской художественной прозе. Ссылаясь на художественный текст арабского языка когезия интерпретируется как центральная категория текста. Делается вывод о том, что когезия в данном тексте осуществляется в виде повторения-подхвата, осуществляя логико-семантическую целостность всего сообщения, обеспечивая когерентность (цельность текста).

Ключевые слова: текст, когезия, логико-семантическая связность, когерентность, целостность.

Явление когезии относится к дроблению текста на части, которые сохраняют своё единство и обеспечивают «последовательность (континуум) излагаемых событий, фактов и действий» [1, с.73].

Целый текст, как и его части сохраняют некое единство и цельность хотя дробление текста, в зависимости от его размера, может быть значительным.

Для обозначения таких форм внутренней связи отдельных частей текста применяют термин когезия («сцепление» - Англ. язык).

Явление когезии было глубоко исследовано в труде англоязычных лингвистов М.А.К. Халлидея и Р. Хассан, которые выявили ряд механизмов когезии в текстах английского языка ("Cohesion in English", 1976г.) [2]. Учёные утверждали, что когезия является единственным источником целостности (когерентности) текста. Они предлагали говорить о когезии как «свойстве элементов текста, не меньших, чем предложение; о видах связи между элементами текста» [2]

Средства связи когезии в текстах арабской художественной прозы многообразны и недостаточно изучены.

В них наблюдаем переплетение видов когезии: психологических, логических, структурных, ассоциативных и проч.

Рассмотрим, как виды когезии реализованы в произведении египетского классика художественной прозы Нагиба Махфуза рассказе «Сумерки».

Для того, чтобы выявить разнообразие средств когезии в этом рассказе следует разделить текст рассказа на части. Возьмём за основную единицу текста сверхфразовое единство (СФЕ), которое находится в произведении в логическом единстве с содержанием первого и последующих абзацев.

Первое СФЕ состоит из нескольких предложений, и оно экзистенциональное, т.к. характеризует некую данность – психическое заболевание главного героя, которое проявилось в его ранней юности:

«С ранней юности на меня нападали приступы тяжёлой депрессии. Я сторонился членов семьи, запирался в комнате и отказывался от пищи. И даже плакал иногда без всякой на то причины. Меня показывали многим врачам. Я принимал массу лекарств и всё без толку.»

كانت تعتريني في صباي فترات كآبة ثقيلة. أعزف عن الأهل ،
أعترزل في حجرة، أكره الطعام ،
وأحيانا أبكي، بلا سبب واضح علي الاطلاق. عرضت
علي أكثر من طبيب، جربت عقاقير كثيرة بلا نتيجة

Второе СФЕ начинается со слов:

«... я вступил в спортивный клуб, где начал тренировки в плавании и играх с мячом, и мое здоровье улучшилось. Укрепились мышцы, в соревнованиях и криках радости окреп мой моральный дух...»:

واشتركت في النادي و رحت أتدرب علي الكرة و السباحة .
تحسنت صحتي البدنية. و اشتدت
عضلاتي و ارتفعت روحي المعنوية في المباريات المحلية
ثمل رأسي بالهتاف و الاعجاب.

Когезия здесь реализуется в рамках противопоставления болезни. Фокус читателя переключается от состояния отчаяния главного героя в фокус движения и радости от успехов в спорте, которые укрепили его здоровье.

Третье СФЕ переключает внимание читателя на то, как укрепившееся здоровье главного героя влечёт за собой его успех в бизнесе и приводит к созданию семьи и рождению детей. А начавшаяся первая мировая война приносит ему баснословные прибыли от торговли и делает миллионером:

«...итак я двигал своё торговое дело и семейную жизнь, соединив их в один год. Я полюбил работу, как и семейную жизнь, добиваясь как всегда успеха на обоих поприщах...»

خضت تجربتي مع السوق و الزواج في عام واحد، و الحق
لقد أحببت العمل
كما أحببت الزواج، و أصررت كعادتي علي النجاح

«Разразилась великая война и передо мной открылись двери баснословных прибылей. Я отстроил громадный магазин по продаже шерсти в Каире, куда и переехал со своей семьёй. Там построил дворец и направил стопы в мир богатства и роскоши...»

واندلعت نيران الحرب العظمي فانفتحت أمامي أبواب جديدة
للأرباح الأسطورية
أنشأت متجرا ضخما للصوف في القاهرة، و اتقلت أنا و
اسرتي الي العاصمة، ثم شيدت قصرا و رسخت قادمي في
دنيا الثراء

Четвёртое СФЕ носит психологическую окраску, и

оно ассоциативно, т.к. сквозь текст и успехи главного героя угадывается, что болезнь находится где-то рядом от него, не отпуская. Несмотря на успехи в бизнесе и семейной жизни он внутренне напряжён и боится, что когда-нибудь болезнь вновь вернётся к нему. Тревожные мысли главного героя относительно его психического состояния повторяются вновь и вновь на протяжении всего повествования в разных вариантах - повторениях:

«...я всегда опасался оставаться наедине с собой и вспоминать о прошлом...»

و حذرت نفسي دائما من الفراغ و من تذكر الماضي..

«В эти спокойные часы отдыха налетало на меня чувство о близости моего старого врага (болезни), и я вновь ощущал беспокойство...»

و في تلك الاوقات المريحة عاودني شعوري القديم
بالعدو الرابض فطاردني التوجس من جديد

«Мне показалось на миг, что мой старый враг (болезнь) притаился где-то неподалёку»

خيّل اليّ لحظة عابرة أن عدوي القديم رابض غير بعيد.

Пятое СФЕ вновь экзистенциальное – психическое заболевание главного героя в итоге овладевает им и приводит к распаду его семьи и краху торгового бизнеса:

«...итак бесславно закончилась моя жизнь, наполненная борьбой. Я уединился в своей комнате, порвал связи с семьёй и, проводя время в глубокой депрессии, плакал как ребёнок...»

. هكذا انتهت حياة النضال و الكفاح و المجد
و اعتزلت في حجرتي، مقطع الأواصر بأسرتي، أمضغ
الكآبة و أبكي كالاطفال

Если внимательно поглядеть на когезию всего текста рассказа, то заметим, что все СФЕ связаны дистантным повтором, который реализуется болезненным состоянием главного героя, с которым он борется всю свою жизнь. Это изложение переходит в основную пропозицию сообщения, обеспечивая взаимосвязь и взаимозависимость всех составляющих текст сверхфразовых единиц.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что когезия текста рассказа осуществляется средством повтора – подхвата и является эксплицитной по содержанию, охватывая во временном параметре изменения в психологическом состоянии главного героя и осуществляет

логико-семантическую целостность всего сообщения – когерентность. От, казалось бы, полной победы над своим недугом, процветанием и благосостоянием в делах, до полного краха в психологическом состоянии, приведшим к распаду личности.

Все изложение постепенно раскрывает потаённое развитие личной трагедии главного героя. Сама итоговая информация рассказа заключена в его названии, – «Сумерки» (сознания, психики, итога жизни), обеспечивая логическое единство заголовка и изложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. И.Р. Гальперин. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: ЛЕНАНД, 2024. - 144с. (Лингвистическое наследие XX века.), с.73
2. Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. London, 1976.

© Попенков Олег Николаевич (fnagrada@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЮЖЕТ О ЗОЛУШКЕ КАК ПОВЕСТВОВАНИЕ О ДЕМИФОЛОГИЗИРОВАННОМ И РЕМИФОЛОГИЗИРОВАННОМ ГЕРОЕ

Поспелова Ольга Сергеевна

*аспирант, Российский государственный гуманитарный
университет, (г. Москва)
olenka0799@mail.ru*

THE STORY OF CINDERELLA AS A STORY ABOUT A DEMYTHOLOGIZED AND REMYTHOLOGIZED HERO

O. Pospelova

Summary: This article is devoted to the modification of the Cinderella plot in modern fiction. Using selected works as an example, the vectors of transformation of the familiar fairy-tale plot and the image of the oppressed stepdaughter are examined in the context of demythologization and remythologization of the analyzed story of Cinderella. The research methods are based on a comparative historical approach to the analysis of the mythological and folklore plot proposed by Eleazar Moiseevich Meletinsky. The aim of the work is to study changes in the perception of the plot about Cinderella during the transition of the fairy-tale image from a demythologized hero to a remythologized one: how the image of Cinderella changes and what such changes are related to.

Keywords: Cinderella story, plot transformation, Cinderella image, modifications of the fairytale image, demythologized hero, remythologized hero, fantasy.

Аннотация: Данная статья посвящена модификации сюжета о Золушке в современной художественной литературе. На примере избранных произведений рассматриваются векторы трансформации привычного сказочного сюжета и образа притесняемой падчерицы в контексте демифологизации и ремифологизации анализируемой истории о Золушке. Методы исследования основаны на сравнительно-историческом подходе к анализу мифологического и фольклорного сюжета, предложенного Елеазаром Моисеевичем Мелетинским. Целью работы является исследование изменений восприятия сюжета о Золушке при переходе сказочного образа из демифологизированного героя в ремифологизированного: как изменяется образ Золушки и с чем связаны такие перемены.

Ключевые слова: сюжет о Золушке, трансформация сюжета, образ Золушки, модификации сказочного образа, демифологизированный герой, ремифологизированный герой, фэнтези.

Сюжет сказки о Золушке является одним из самых древних в истории мирового фольклора. Из солярного мифа и образа богини зари сюжет о Золушке модифицировался в инициационную сказку, а позже, с изменениями в социуме, история бедной и несчастной падчерицы стала все чаще восприниматься не в качестве рассказа об инициации героини, а как социально-бытовая сказка, повествующая о несправедливом гонении мачехой неродной дочери, и торжество Золушки в конце сказки.

Как отмечает Елеазар Моисеевич Мелетинский, демифологизация литературы происходила в XVIII–XIX веках, а ее ремифологизация началась с конца XIX века [8, с. 171]. Такие же трансформации происходили и с восприятием того или иного сказочного сюжета: так «демифологизация героя в сказке дополняется часто нарочитым выдвижением в качестве героя социально обездоленного, гонимого и униженного представителя семьи, рода, селения» [3, с. 266]. Восприятие сюжета о Золушке действительно прошло через демифологизацию, когда история перешла из мифа и фольклорной сказки в литературную: так, если изначально в структуре сюжета сохранялась идея инициации как трансформации и приобретение

тех сверхъестественных сил, которыми «по самой своей природе обладает герой мифический» [3, с. 266], то со временем концепция сюжета стала претерпевать существенные изменения и модификации, происходящие с героиней в сказке, стали восприниматься не в качестве духовных преобразований, а как социально-бытовые.

Так Патрисия Хэннон в статье о героях и героинях сказок Шарля Перро предлагает следующую трактовку сюжета о Золушке: мачеха и ее дочери являются нуворишами, в то время как отец Золушки – обедневший аристократ [12, р. 947]. Унижение Золушки, в связи с такой интерпретацией сюжета, носит чисто социально-бытовой характер: богатая вдова из неизвестного рода через брак с обедневшим потомственным аристократом получает возможность повысить свой социальный статус в глазах общества, а унижение падчерицы для мачехи и ее дочерей в таком случае является ничем иным, как желанием показать свое превосходительство над потомственной дворянкой.

Если в архаичных сказках плохое отношение могло характеризоваться самыми разными факторами, то в XVII веке оно приобретает именно значение различия в

социальных классах между Золушкой и ее новой семьей. Какое-то время такая интерпретация сюжета превалирует, однако позже, в XIX веке в его структуру вплетаются новые темы: борьба за эмансипацию женщин, обсуждается женский вопрос и возможности для женщин развития в избранной ей карьере, а также поднимается проблема расового и классового неравенства. В связи с этими изменениями сюжет о Золушке должен был претерпеть значительные трансформации, чтобы главная героиня смогла своим образом и характером иллюстрировать ту идею, в которую в нее вложил автор, и передать тревожащие социум проблемы.

Поэтому в современном фэнтези присутствует тенденция к ремифологизации Золушки. Многие писатели XXI века стремятся показать своих Золушек такими, каким был мифический герой. Так, современные Золушки в фэнтезийных романах обретают сверхъестественные способности или волшебную помощь в тот жизненный период и тот критический момент, который может быть расценен как осовремененное инициационное испытание для героини, и обретение этих магических сил знаменует удачное прохождение героиней данных ей испытаний. Например, в романе Т. Одетт «Сердце принца-ворона» (2023) Эмбер обретает способность перевоплощаться в поток воздуха, когда узнает ложь мачехи о смерти своего отца и понимает, что она никогда действительно не была виной его гибели. В романе Л. Дж. Эндрюса «Ночь масок и ножей» (2024) Малин в ходе развития событий и вплоть до самого бала понемногу раскрывает возможности своего мощного месмера аномальщицы, являющегося редким даром; считая, что у нее странный и опасный дар, она старалась скрывать и подавлять его, минимально им пользоваться, но на балу она узнает, что ее дар – это наследие предков королевской крови и сверхъестественные силы маркируют ее избранность. Так инициация в этом случае тесно связана с психологией: только когда героини осознают прошлое как уже прошедшее и принимают идею, что нужно двигаться дальше, их возможности растут, как и их магические силы.

Также в некоторых вариантах магические способности пробуждаются в главной героине для того, чтобы завершить благое дело – цель Золушки, обязанная обеспечить преобразования в лучшую сторону во всем королевстве. Например, в цикле Р. Миллер «Рассекреченное королевство» (2018–2020) Софи изначально

предстает как швея-чародейка, шьющая наряды на заказ в собственном ателье и накладывающая на них разные чары, в зависимости от пожеланий клиентов. По мере развития сюжета, колдовские способности Софи расширяются и к моменту развязки она уже не чародейка-любительница, а полноценная колдунья, способности к колдовству которой поражают даже сильных магов, занимающихся ворожбой не одно десятилетие.

Современные Золушки редко позволяют волшебным силам действовать вместо них и такое новаторство навеяно не архаичными мотивами, а современными идеями: начавшись в конце XIX века и продолжив развитие в XX веке, феминистское движение оказало большое влияние не только на социум, но и на художественные тексты, не обойдя вниманием как сказочные сюжеты, так и образы героинь из сказок. Если в архаичных сказках Золушка не могла в полной мере считаться колдуньей, то в современных фэнтезийных романах зачастую можно встретить не только героиню со сверхъестественными способностями с рождения (как Эмбер у Т. Одетт и Малин у Л. Дж. Эндрюса), но и Золушку-колдунью (как Софи у Р. Миллер).

Сюжет о Золушке технически возвращается к своим истокам, так как героиня современных романов, использующих в своей структуре историю о притесняемой падчерице, зачастую самостоятельно обретает нужные ей способности, и сама борется со всеми невзгодами, возникающими на ее пути к трансформации. Однако фактически исследуемый нами сказочный сюжет вновь претерпевает концептуальные изменения и, являясь изначально повествованием о прохождении обряда инициации, а позже имея социально-бытовой контекст, в XXI веке он уже повествует не о социальной обездоленности в материальном плане, а о притеснениях в гендерном смысле: невозможности самостоятельного выбора, финансовой зависимости женщины от мужчины, проблеме неравного отношения к мужчинам и женщинам и так далее. Обретение главной героиней способностей в современном сюжете о Золушке как отмечает момент инициации персонажа, так и символизирует ее свободу от нависшего над ней ига: благодаря своим способностям героиня оказывается непобедимой, становится медиатором не только между желаниями простого люда и возможностями королевской семьи, но также она является глашатаем проблем, с которыми сталкиваются не только девушки ее возраста, но и люди ее сословия, а женщины – в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. Российский государственный гуманитарный университет. М., 1994. 136 с.
2. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. 2-е изд., испр. / Е.М. Мелетинский. М.: РГГУ, 2019. 170 с.
3. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. 3-е изд., репринтное / Е.М. Мелетинский. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с.
4. Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Проблемы структурного описания волшебной сказки / Структура волшебной сказки. М.: Рос-

- сийск. гос. С 87 гуманитар. ун-т, 2001. С. 11–122.
5. Миллер Р. Рассекреченное королевство. Книга первая. Швее-чародейка / Р. Миллер; пер. с англ. Р. Лобия. М.: Эксмо, 2020. 448 с.
 6. Миллер Р. Рассекреченное королевство. Книга вторая. Испытание / Р. Миллер; пер. с англ. С. Трофимова. М.: Эксмо, 2020. 448 с.
 7. Миллер Р. Рассекреченное королевство. Книга третья. Власть / Р. Миллер; пер. с англ. Е. Николенко. М.: Эксмо, 2021. 352 с.
 8. Назиров Р.Г. Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа: ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат», 2014. 292 с.
 9. Одетт Т. Сердце принца-ворона / Т. Одетт; пер. с англ. Е.В. Каштановой. М.: Эксмо, 2023. 512 с.
 10. Эндрюс Л. Дж. Ночь масок и ножей / Л. Дж. Эндрюс; пер. с англ. Е. Кузьменко. М.: Эксмо, 2024. 448 с.
 11. Cox M.R. Cinderella. Three hundred and forty-five variants. Cinderella, Catskin, and Cap O'Rushes, abstracted and tabulated, with a discussion of mediæval analogues, and notes. London: published for the folk-lore society by David Nutt, 1893. 535 p.
 12. Hannon P. Corps cadavres: Heroes and Heroines in the Tales of Perrault. The Great Fairy Tale Tradition: From Straparola and Basile to The Brothers Grimm. Giambattista Basile. New York, London: Norton&Company, 2001. P. 933-957.
-

© Поспелова Ольга Сергеевна (olenka0799@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РОМАНЕ ЛУС ГАБАС “PALMERAS EN LA NIEVE”

SEMANTIC PARAMETERS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN LUZ GABÁS'S NOVEL “PALM TREES IN THE SNOW”

S. Pupyreva

Summary: This article analyzes phraseological units functioning in the novel by the modern Spanish writer Luz Gabas “Palmeras en la nieve” (“Palm trees in the snow”). The study focuses on identifying and systematizing the semantic parameters of phraseological units that play a key role in creating historical and cultural context, as well as in the psychological portrayal of characters. The methodological basis of the work is semantic and contextual analysis, which allows us to determine the meaning of phraseological units and their pragmatic function in a fiction text. As a result of the study, key semantic groups of phraseological units were identified.

Keywords: Spanish language, phraseology, semantics, phraseological units, semantic parameters.

Пупырева Светлана Олеговна

Кандидат филологических наук, доцент, Казанский федеральный университет
svopupyreva@kpfu.ru

Аннотация: В данной статье проводится анализ фразеологических единиц, функционирующих в романе современной испанской писательницы Лус Габас “Palmeras en la nieve” («Пальмы на снегу»). Исследование фокусируется на выявлении и систематизации семантических параметров ФЕ, которые играют ключевую роль в создании исторического и культурного контекста, а также в психологическом портретировании персонажей. Методологическую основу работы составляют семантический и контекстуальный анализ, позволяющий определить значение ФЕ и их прагматическую функцию в художественном тексте. В результате исследования выделены ключевые семантические группы ФЕ.

Ключевые слова: испанский язык, фразеология, семантика, фразеологизмы, семантические параметры.

Роман Лус Габас «Palmeras en la nieve» занял прочное место в современной испаноязычной литературе, получив признание как критиков, так и широкой читательской аудитории. Произведение повествует о судьбе испанских колонистов на плантациях острова Фернандо-По (ныне Биоко) в Экваториальной Гвинее в середине XX века. Одной из отличительных черт романа является его лингвистическое богатство, где особую роль играет живая, образная речь персонажей, изобилующая фразеологическими оборотами.

Определением сущности фразеологизма занимались многие ученые. В нашем исследовании мы придерживались толкования, данного А.В. Куниным: «ФЕ представляют собой раздельнооформленные единицы языка с переосмысленными значениями» [4, С. 93]. Фразеологические единицы, будучи неотъемлемой частью языковой картины мира, являются мощным средством создания художественной образности, достоверности и психологической глубины. Как отмечает А.Д. Егорова фразеологизмы служат для выражения состояния радости и печали, отражают специфические черты национального менталитета и раскрывают различия в мировосприятии носителей разных языков [2].

Изучение ФЕ в конкретном художественном произведении позволяет не только проанализировать идиостиль автора, но и выявить культурно-обусловленные

смыслы, закрепленные в языке. Целью исследования является выявление фразеологических единиц в романе “Palmeras en la nieve” для определения их роли в реализации авторского замысла. Источником для исследования послужил текст романа “Palmeras en la nieve” на языке оригинала [6]. В работе применялись методы семантического, контекстуального анализа и метод сплошной выборки, который дал возможность собрать корпус из 150 фразеологических единиц.

Проведенный анализ позволил выделить несколько ключевых семантических групп фразеологизмов, которые структурируют языковое пространство романа.

1. Действия и поведение. Эта группа объединяет фразеологизмы, связанные с действиями, манерами поведения и типичными ситуациями, в которых человек проявляет определенную активность. Рассмотрим следующие примеры.

Ir (directo) al grano – буквальный перевод «идти (прямо) к зерну». Данная ФЕ означает приступить к сути дела, главной теме разговора, избегая длинных вступлений и отступлений. Она основана на метафоре, в которой *grano* («зерно») символизирует самую суть, ядро, главную мысль. Этот фразеологизм наглядно реализуется в примерах из романа. “*Kilian fue directo al grano*” («Килиан сразу перешел к делу») – фразеологизм характеризует коммуникативный стиль персонажа, подчеркивая его решительность.

Meter la pata – буквальный перевод «сунуть ногу/лапу». Фразеологизм означает сделать ошибку, оплошность, часто по незнанию, неосторожности или бестактности, сказав или сделав что-то неуместное. Семантика ошибки здесь метафорически связана с неуклюжим движением, когда человек нечаянно задевает что-то или куда-то наступает. ФЕ наглядно реализуется в примерах из романа. Например, персонаж Грегорио признается: «...he metido la pata» («... я влез не в свое дело»). Здесь фразеологизм передает значение совершенной ошибки, осознание собственной бестактности и последующее раскаяние.

В другом примере «*¡Está claro que hoy no hago más que meter la pata!*» («Ясно, что сегодня я только и делаю, что попадаю впросак!») употребление конструкции *no hacer más que...* (не делать ничего кроме, только и делать что) подчеркивает не единичный промах, а череду непрекращающихся ошибок и неудачных вмешательств, что усиливает чувство разочарования и досады персонажа от собственной неправоты.

Se te ha comido la lengua el gato? – буквальный перевод «а не съела ли у тебя кошка язык?». Фразеологизм означает «Почему ты молчишь?», «Что ты притих?», «Ты что, язык проглотил?». Он используется, чтобы спросить человека, который неожиданно замолкает, стесняется говорить или отказывается отвечать на вопрос.

2. ФЕ, описывающие эмоционально-психологическое состояние персонажей и передающие глубокие переживания героев: страх, любовь, отчаяние, растерянность. Рассмотрим следующие примеры.

Echar de menos – скучать, тосковать. ФЕ означает испытывать чувство тоски по кому-то, ощущать чье-то отсутствие. Фразеологизм *echar de menos* является одним из ключевых вербализаторов концепта «тоска» / «нехватка» в испанском языке. Выражает чувство ностальгии, грусти, сожаления или эмоциональной пустоты, вызванное отсутствием человека, объекта или ситуации. Приведем примеры, найденные в романе. «*Eché de menos a*

Daniela, porque apenas había gente de su edad, y eso que la última conversación con ella había sido de lo más inquietante» («Кларенс скучала по Даниэле, несмотря на то что их последний разговор был напряженным»), – в данном случае фразеологизм выражает социально-эмоциональную нехватку. Персонаж осознает отсутствие Даниэлы не только как личности, но и как репрезентатива своей возрастной группы («*apenas había gente de su edad*»). «*De repente, echó terriblemente de menos a su marido...*» («Вдруг она ужасно затосковала по своему мужу»), – наречие *terriblemente* выступает как интенсификатор, максимально усиливая эмоциональный компонент значения. Чувство тоски представлено как внезапное и непреодолимое.

Dar miedo – внушать страх, пугать. Фразеологизм означает вызывать у кого-либо чувство страха, беспокойства или тревоги. Данная ФЕ является одной из базовых для вербализации концепта «страх» в испанском языке. Приведем примеры, найденные в романе. «*¡Sí! He de reconocer que me diste un poco de miedo.*» («Да! Признаю, ты меня слегка испугала») – фразеологизм используется в прямом диалоге для выражения признания в испытанном страхе. «*¿Te crees que me dan miedo esos dos?*» («Ты думаешь, я боюсь этих двоих?») – в данном контексте фразеологизм используется в форме риторического вопроса, что кардинально меняет его семантику с констатации страха на его полное отрицание. Это не вопрос, а форма вызова и пренебрежения. Указательное местоимение *esos dos* (те двое) демонстрируют, что объект потенциального страха воспринимается субъектом как недостойный этой эмоции, а сама идея страха – как оскорбительная.

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что в романе доминирует семантическая группа фразеологизмов, репрезентирующая сферу «действия и поведение». Данная лингвистическая особенность детерминирована общей тематикой и сюжетной организацией произведения. Повествование, сконцентрированное на судьбах персонажей, их миграции в африканскую колонию и обратно, жизни на плантации, объективно требует постоянного описания действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габас Л. Пальмы в снегу: перевод на русский язык Каштанова Ю.С. / Л. Габас. – М.: ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021. – 448 с.
2. Егорова А.Д. Сопоставительный анализ фразеологизмов английского и немецкого языков семантического поля «эмоциональные состояния»: корпусное исследование / А.Д. Егорова, Г.К. Гизатова // Terra Linguae: сб. науч. ст. Вып. 10. – Казань: Издательство Казанского университета, 2022. – С. 34–40.
3. Испанско-русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1985. – 1080 с.
4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1996. – 200 с.
5. Diccionario de la lengua española. – URL: <https://dle.rae.es/> (accessed: 20.08.2025).
6. Luz Gabás. Palmeras en la nieve / L. Gabás. – Madrid: Temas de hoy, 2012. – 598 p.

© Пупырева Светлана Олеговна (svopupyreva@kpfu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕДИАОБРАЗ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ США В ВОЕННОЙ РЕКЛАМЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЕРБОВОЧНЫХ РОЛИКОВ СВ И ВМС)

Субачев Юрий Петрович

Военный университет им. князя А. Невского МО РФ
addaid@mail.ru

THE US ARMED FORCES MEDIA IMAGE THROUGH MILITARY COMMERCIALS (AS EXEMPLIFIED IN ARMY AND NAVY RECRUITMENT ADVERTISING)

Yu. Subachev

Summary: This article dwells on the US Armed Forces media image conveyed through the DoD's recruiting commercials. The object of this study is the advertising discourse. The subject area of our research embraces the US Army and Navy commercials aired from 2018 to 2025. The purpose of the study is to substantiate the thesis about the uniqueness of media message of specific branches of the American Armed Forces.

Keywords: advertising discourse, US Armed Forces, Army, Navy; media image, military ethos, values.

Аннотация: Настоящая статья посвящена медиаобразу вооруженных сил США, запечатленному в рекламных вербовочных материалах оборонного ведомства. Объектом настоящего исследования избран рекламный дискурс. Предметную область исследования составили вербовочные видеоролики Сухопутных войск и Военно-морских сил, созданные в период с 2018–2025 гг. Целью исследования ставится обоснование тезиса об уникальности медийных репрезентаций видовых компонентов оргштатной структуры американской армии.

Ключевые слова: рекламный дискурс, вооруженные силы США, Сухопутные войска, Военно-морские силы, медиаобраз, воинский этос, ценности.

Армия США имеет всепроникающее рекламное присутствие на различных медиа-платформах: от телевидения до социальных сетей. Для современного исследователя рекламный дискурс оборонного ведомства США представляет живой интерес по ряду причин. С одной стороны, в рекламных материалах, направленных на продвижение медийного образа вооруженных сил, отражены культура военного социума, образ жизни, ценности и идеалы воинского этоса. При этом каждый из видов подчеркивает уникальность своего бренда. С другой стороны, креолизованные (поликодовые) тексты военной рекламы обладают мощным манипулятивным потенциалом. Последний реализован через визуальный, аудиальный и, не в последнюю очередь, вербальный каналы коммуникации. В прагматике рекламного сообщения важную роль играют речевые средства выразительности. Эмпирической основой нашего исследования послужили вербовочные рекламные ролики крупнейших видов вооруженных сил армии США: Сухопутных войск (СВ) и Военно-морских сил (ВМС). В рамках настоящего исследования проведен качественный контент-анализ 25 рекламных текстов СВ и 25 рекламных текстов ВМС. Несмотря на схожесть сюжетов видеорядов, стимулов (материальных, патриотических, мировоззренческих) и манипулятивных приемов в продвижении объектов рекламного позиционирования, каждый из видовых компонентов имеет свою специфику, свое уникальное послание для целевой аудитории.

Военно-рекламный дискурс, заключают Э.Н. Мишуров и А.А. Немов, представляет собой «особый профессионально ориентированный вид институционального общения». Феномен военной рекламы включает социально-политический, научно-технический, финансово-коммерческий и культурный аспекты [2, с. 26–28]. Интерпретация рекламных текстов предполагает анализ менталитета населения, его истории, нравов и обычаев, социального и бытового поведения.

В США военная реклама как совокупность технологий (интернет, телевидение, печатные издания, видеоигры, социальные сети) имеет своей главной целью сформировать положительное поле смыслов об армии, включающей пять видов вооруженных сил: U.S. Army – Сухопутные войска, U.S. Navy – Военно-морские силы, U.S. Marine Corps – Корпус морской пехоты, U.S. Air Force – Военно-воздушные силы и, наконец, U.S. Space Force – Космические силы. Отметим, что Coast Guard – Береговая охрана переходит в подчинение ВМС в условиях военного времени. В мирное время названный вид подчиняется министерству внутренней безопасности. Каждый из участников конкурентной борьбы за человеческий ресурс подчеркивает преимущества службы: образовательные возможности, здравоохранение, гарантии занятости и пенсионные планы. Эти преимущества, включает Дж. МакКлауд, служат убедительными стимулами для потенциальных новобранцев, особенно из неблагополучных семей [12].

Наряду с повышением престижа воинской службы, завоеванием доверия и поддержки американской общественности, спонсируемая министерством обороны реклама отвечает потребностям непрерывного пополнения кадрового резерва, доукомплектования контрактной армии. Военная реклама, заключает А.С. Романов, интересна не только с позиций прагматического воздействия на целевую аудиторию и функционально-стилистического своеобразия рекламного текстотипа. В рекламном дискурсе отражены социальные автостереотипы и аксиологические маркеры военного социума. «Под воздействием рекламной продукции Пентагона в обыденном коллективном сознании целевой аудитории складывается психологический портрет идеального гражданина, воплощающего качества истинного патриота» [5, с. 295–296]. В некотором смысле военная реклама реализует воспитательную функцию. Процесс «культурного перекодирования» вчерашнего цивилиста-новобранца предполагает освоение новых правил, норм, традиций и языкового кода профессиональной среды. «Армейский идиом как иноформа бытования национального языка выступает важнейшей предпосылкой успеха вторичной социализации» [4, с. 189].

Исторически набор в армию в значительной степени зависел от военно-патриотической работы с населением. Опосредованная СМИ реклама обрела подлинную силу в ходе Первой и Второй мировых войн, когда целью была мобилизация всей нации. Появление телевидения изменило не только широту охвата целевой аудитории, но и эффективность воздействия за счет визуальных спецэффектов, батальных сцен, музыки. Всплеск популярности интернета и социальных сетей снова произвел революцию в военной рекламе. В наши дни армия использует различные цифровые платформы для систематического информирования потенциальных новобранцев: веб-сайты, мессенджеры, каналы социальных сетей, онлайн-игры. Цифровая реклама обеспечивает непрерывность вещания, гибкость внедрения рекламных продуктов и адресный подход к потенциальным новобранцам [12].

Решение о том, какие сюжетные линии, образительно-выразительные средства и коммуникативные тактики применять в рекламном дискурсе, зависит от политического контекста, ценностей общества и престижа вооруженных сил. Социально-политический фактор, по А.В. Кириловой, формирует новые дискурсивные практики. «Политический, социальный заказ акцентирует общественное внимание на тех или иных сторонах жизни и поведения человека, усиливая или подавляя их, в том числе через создание и внедрение новых метафор, новых категоризаций, новых видеорядов, новых дискурсов и т.д.» [1, с. 112].

В современной рекламе оборонного ведомства США

обращают на себя внимание следующие смысловые акценты в различной комбинаторике: (а) аутентичность рекламного сообщения; (б) опровержение негативных стереотипов, связанных с военной службой; (в) апелляция к высоким ценностям воинского этоса; (г) ретуширование рисков и романтизация военной службы; (д) материальное стимулирование (карьерные перспективы, стабильность, финансирование высшего образования, возможность увидеть мир); (е) противопоставление цивилизованному миру; (ж) преемственность поколений; (з) присвоение социальной идентичности; (и) инклюзивность; (к) гендерный фактор и др. Представленный перечень приемов воздействия, безусловно, не претендует на полноту и может быть продолжен. Рассмотрим некоторые из перечисленных аспектов.

Аутентичность

В современной военной рекламе США практически повсеместно фигурируют действующие военнослужащие. Этот прием позволяет установить психологическую связь с адресатом, подчеркнуть подлинность рекламного сообщения. Ср.:

- *“My name is Private George Woods III, and I’m from Indianapolis, Indiana.”* – «Меня зовут рядовой Джордж Вудс III, и я из Индианаполиса, штат Индиана» [10].
- *“My name is Jameson Ware, and I am an aviation rescue swimmer in the United States Navy.”* – «Меня зовут Джеймсон Уэр, я пловец-спасатель морской авиации США» [11].

Опровержение негативных стереотипов

Одним из магистральных векторов армейского рекламного дискурса выступает борьба с негативными стереотипами о военной службе. Обратимся к иллюстративному материалу:

- *“My fear was a loss of freedom. That was my perception of the Army. I had to do as someone else said, and I had to do it no matter what.”* – «Я боялась потерять свободу. Таким было мое восприятие армии, – делать то, что мне говорят, желаю я этого или нет» [8].
- *“It’s looking at others, not in a caste system, not as an inferior superiority or any kind of stereotype.”* – «Речь идет о восприятии других людей не в рамках кастовой системы, не с позиции ролей начальника и подчиненного или каких-либо других стереотипов» [11].

Противопоставление цивилизованному миру

Рассматриваемый аспект институционального рекламного дискурса имеет прямое отношение к воинскому этосу и отражает глубинные противоречия феномена социального отчуждения между гражданским обществом и военными. В американской литературе названный феномен известен как *military-civilian gap*. Од-

нако в контексте военной рекламы служба представлена как достойная альтернатива трудоустройства.

- *"The Army will make you mentally fit much more than a civilian life because it teaches you the most true and greatest form of discipline, and that's discipline under stress and chaos."* – «Армия подготовит вас морально гораздо лучше, чем гражданская жизнь, потому что она учит вас подлинной и величайшей форме дисциплины, а именно – дисциплине в условиях стресса и хаоса» [9].
- *"I wanted to have a life of adventure. I needed to be outside to experience the world instead of withering under some fluorescent lights."* – «Я хотела, чтобы моя жизнь была исполнена приключений. Мне нужно было вырваться на свободу, чтобы познавать мир, а не чахнуть под люминесцентными лампами» [16].

Воинский этос

Аксиосфера представителя военного социума эксплицитно выражена в ценностных доминантах во многом чуждых обществу потребления. Индивидуальные потребности, интересы и свободы личности уступают место потребностям, целям и задачам института вооруженных сил. В военной рекламе находят отражение концепты профессионального этоса. Ср.:

- *"I'm a warrior and member of a team. I serve the people of the United States and live Army values. I will always place the mission first. I will never accept defeat."* – «Я воин и член воинского коллектива. Я служу народу Соединенных Штатов и живу в соответствии с армейскими ценностями. Боевая задача для меня всегда на первом месте. Я никогда не смирюсь с поражением» [15].

В военной рекламе отчетливо прослеживается героический образ поборника американского образа жизни. Ср.:

- *"For all those chasing the American dream, there are SEALs stamping out nightmares. Freedom for all Americans is only possible so long as there are a select few who keep our nation strong, safe, and secure."* – «Для всех, кто стремится к американской мечте, есть морские котики, которые избавят вас от кошмаров. Каждый американец свободен, потому что есть избранные, обеспечивающие мощь и безопасность американского народа» [7].

Вооруженные силы стремятся привлечь рекрутов, используя различные эмоции, идеи и семантические акценты: от героической идеализации солдат в лучших традициях голливудского кино до минималистичного нарратива, в котором военная служба ничем не отличается от любой другой профессии. Важным аспектом рекламного дискурса, по мысли О.В. Соколовой, выступает создание «антифонового эффекта» (выделение в конкурентной среде), «формирование лояльности адресата к

тексту и объекту позиционирования» [6, с. 30-31].

Со временем реклама Сухопутных войск претерпела изменения, во многом связанные с проблемой угасающего доверия к общественным институтам и конкуренцией с частным сектором [15]. Если вербовочная кампания 2023 г. под лозунгом «*Be All You Can Be*» («Стань тем, кем ты можешь стать») имела ярко выраженный акцент на военную составляющую и боевые действия, то кампания 2024 г. «*Find Your Next Level*» («Открой свой следующий уровень») была преимущественно ориентирована на гражданских специалистов в сфере высоких технологий. Мотивация гражданских экспертов подогревалась упразднением военных сборов, отменой курса начальной боевой подготовки, наличием особого статуса. В армии, обещал рекламодатель, их ждала привычная работа: исследования в области физики, программирование, обеспечение кибербезопасности, машиностроение и проектирование.

Рекламные видеоматериалы ВМС США отличаются акцентом на морской тематике, командной работе и профессионализме. Адресату предложен широкий спектр технических военно-учетных специальностей. Морская стихия при этом используется как центральная метафора. В качестве иллюстрации приведем слоган «*Forged by the Sea*» – «Закалённые морем». В нем подчеркивается тема преобразования, личностного роста, становления профессионала новой формации. Все это достигается через погружение в уникальную среду, испытания военно-морских походов и операций [18].

Способы персуазивного и суггестивного воздействия военной рекламы СВ и ВМС во многом схожи. Однако формирование уникального медиамиджа опирается на различные концепты. В вербовочных видеороликах Сухопутных войск одним из лейтмотивов выступает идея формирования лидерских, командирских качеств – *leadership*. Не последнюю роль играет формирование компетенций и навыков, востребованных в гражданской жизни. Анализ иллюстративного материала показывает, что ВМС уделяют особое внимание формированию новой идентичности, расширению границ познания мира, профессионализму, гендерному паритету и инклюзивности. Названные семы вербализованы в номинативных единицах *challenge* – ‘вызов, испытание, сложная задача’, *personal and professional growth* – ‘личностный и профессиональный рост’, *journey / adventure* – ‘путешествие / приключение’, *team effort* – ‘командная работа’. Образ воинского коллектива как «второй семьи» характерен как для СВ, так и ВМС.

Подведем итоги. Рекламные тексты служат богатым источником идеологических установок военного социума. Несмотря на известную социальную обособленность военного социума, его культура может быть объективирована

на через самобытные концепты, вербализованные, в том числе, в рекламном дискурсе. Социально маркированные феномены военного подъязыка – своего рода ключи к пониманию институциональной культуры [3, с. 1379].

По мнению критиков военной рекламы, она способствует милитаризации общества. Представляя военную службу в позитивном ключе, институциональный рекламный дискурс возводит легализованное насилие в ранг нормы. Насилие в интересах правящих элит подается как необходимая мера, отвечающая гума-

нитарным потребностям всего общества. Неизменно подчеркивается манипулятивный характер рекламных сообщений, способствующий обострению существующих социальных противоречий. К числу действенных приемов психологического воздействия, в частности, относят романтизацию военного образа жизни, преднамеренное замалчивание угроз и рисков военной службы, материальные стимулы. Кроме того, в США вербовочные ролики нередко адресованы социально неблагополучным слоям населения, молодежи, представителям этнических меньшинств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирилина А.В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия / А. В. Кирилина // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3(49). С. 109–147.
2. Мишуров Э.Н., А.А. Немов. Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 3. С. 26–41.
3. Романов А.С., Клименко М.Б., Прохоров С.С. Профессиональный образ мира GI в зеркале креолизованного текста (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2024. Том 17. №5. С. 1378–1384.
4. Романов А.С. Профессиональный образ мира GI в клишированных речевых формулах социолекта (на материале английского языка) // В сборнике: Актуальные вопросы современной науки. Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. В 2 ч-х. Пенза, 2023. С. 187–189.
5. Романов А.С. Стереотипизация субкультурных констант в аксиологии социально-группового диалекта (на материале ценностей и реалий военной службы в языковой культуре США): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2020. 436 с.
6. Соколова О.В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М.: Гнозис, 2014. 2-е изд. 304 с.
7. A Nation of Support, 2022 (2:15) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=f-LHcD8fvI> (дата обращения: 15.08.2025).
8. Army ROTC A Lifetime of Opportunities, 2020 (1:53) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=jFbk3sqEhx0> (дата обращения: 20.08.2025).
9. Becoming a Soldier, 2020 (1:57) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=1X_OniKabJY (дата обращения: 20.08.2025).
10. How to Have Strong Army Mentality, 2020. (0:59) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=FFPOWKSQWYI> (дата обращения: 20.08.2025).
11. Life Preserver: Jamison Ware, 2018 (5: 28) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=gRloEp7Oyzc> (дата обращения: 20.08.2025).
12. McCloud G. Why is there so much US military advertising? April 8, 2024/ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://thegunzone.com/why-is-there-so-much-us-military-advertising> (дата обращения: 03.12.2025).
13. Medal of Honor Recipient Message to Cadets, 2020 (2:27) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=W2itCgZkRuM> (дата обращения: 15.08.2025).
14. Nieberg P. Army debuts new recruiting ads aimed at high-tech civilians rather than soldiers. May 9, 2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://taskandpurpose.com/authors/patty-nieberg/> (дата обращения: 20.08.2025).
15. Ready to Be a Soldier, 2020 (0:40) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=ZJKnHodKxUg> (дата обращения: 17.08.2025).
16. Stuntwoman: Brie Coger, 2019 (07:35) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=TPVm_8wr45Q (дата обращения: 17.08.2025).
17. The Lens: Kathleen Gorby, 2021, (7:35). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=TV-uw7MyXX0> (дата обращения: 10.08.2025).
18. White M. The Navy's new recruiting commercial puts the 'dirt wars' in the past. Jun 3, 2025 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://taskandpurpose.com/news/navys-recruiting-spotlight-special-ops/> (дата обращения: 11.08.2025).

© Субачев Юрий Петрович (addaid@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ИТ ИНДУСТРИИ

PROFESSIONAL DISCOURSE
IN IT INDUSTRY

M. Tolkunova

Summary: The article examines trends in professional discourse in IT communications related to changes in the market, in particular, the departure of foreign vendors from the Russian market. Based on a series of in-depth interviews with IT specialists and business representatives with experience in Russian and foreign companies, changes in professional self-presentation and professionally marked strategies of communicative behavior are analyzed. There are significant changes in the use of Anglicisms while maintaining technically determined areas of use of foreign terminology and intra-group slang.

Keywords: communication; communicative strategy; IT-communication; linguistic norm; sphere of communication, professional slang.

В данной статье были использованы материалы закрытых профессиональных чатов сотрудников крупной зарубежной компании-производителя ИТ-оборудования и программного обеспечения. Также для расшифровки понятий и понимания контекста были организованы консультации с ведущим экспертом крупнейшей российской ИТ-компании, имеющего двадцатилетний опыт работы в зарубежной компании-вендоре мирового значения (на условиях анонимности).

Проблема бизнес-сленга, как неотъемлемой инкорпорированной части языка не нова, и не теряет актуальности. В самом общем определении слэнг — это часть словаря из нестандартных слов и фраз в данном конкретном языке (Mattiello, 2008, 1–320, Shnurr, 2013) [1]

При этом бизнес-сленг, имеющий корни в английском языке, как языке международного бизнеса де факто, вызывает особенный интерес, т.к. напрямую связан с успешностью коммуникаций как на глобальном, так и на локальном уровне. Для сферы ИТ-бизнеса ситуация тем более актуальна, что, с одной стороны, эта сфера деятельности глубоко “технологична” и значительный пул словаря является напрямую заимствованной технической терминологией, с другой стороны, часть словаря отражает бизнес-модели и *modus operandi*, привнесенный в Россию зарубежными компаниями (Е. Ильченко, 2019) [2]

Профессиональный дискурс области ИТ коммуникаций, понимаемый как общение ИТ-профессионалов между собой и внешними группами и сообществами,

Толкунова Мария Сергеевна

старший преподаватель, Государственный Университет
Управления, (г. Москва)
termar2@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются тренды профессионального дискурса в ИТ-коммуникациях, связанные с изменениями на рынке, в частности, уходом зарубежных вендоров с российского рынка. На основе ряда глубинных интервью с ИТ-специалистами и представителями бизнеса с опытом работы в российских и зарубежных компаниях, а также текстов профессиональных чатов в различных коммуникационных каналах, анализируются изменения в профессиональной самопрезентации и профессионально маркированных стратегиях коммуникативного поведения. Отмечаются существенные сдвиги в области употребления англицизмов при сохранении технически обусловленных ареалов использования иностранной терминологии и внутригруппового сленга.

Ключевые слова: коммуникации, коммуникативные стратегии, ИТ-коммуникации, лингвистические нормы, сфера коммуникаций, профессиональный слэнг.

например, клиентами, партнерами по бизнесу, специалистами в отдельных областях ИТ-технологий (Kenneth Kong, 2014) претерпел ряд заметных изменений в связи с кардинальными изменениями политической и технологической ситуации в России. Уход с ИТ-рынка практически всех зарубежных вендоров (производителей продукции и решений в области ИТ) привел к переходу большого количества ИТ-специалистов, управленцев, и других представителей ИТ-бизнеса с многолетним опытом работы в зарубежных компаниях в российские компании. К 2022 году покинули Россию около 6% ИТ-специалистов, и 25% планировали уехать, однако к середине 2022 “... в середине года произошло парадоксальное снижение дефицита кадров на российском рынке, связанное с появлением на рынке труда оставшихся в России специалистов из центров разработки зарубежных корпораций.” (Деловой центр, сайт, 2022) [3]

Таким образом, произошло смешение двух кардинально различных ИТ-культур (и этот процесс продолжается), где количество представителей ИТ-бизнеса с российским опытом и зарубежным опытом сравнимо между собой.

“По данным Минцифры, две трети уехавших в 2022 году специалистов вернулись. За прошлый год мы не наблюдаем оттока айтишников. По данным Росстата, количество ИТ-специалистов в отрасли за прошлый год увеличилось на 13% и составило 857 тыс. человек.” (Министерство Цифрового Развития: официальный сайт, 2024) [4]

Анализ профессиональных чатов подтверждает это

явление:

“...В какой-то момент на ЦИПре (Конференция «Цифровая индустрия промышленной России» - прим. автора) поймал себя на мысли о том, что это IBMовское мероприятие, просто добавилось ещё некоторое число новых сотрудников, помимо наших, и лого IBM нет. Куда голову ни поверни везде IBMер знакомый. Стрип, ночные, рестики - везде наши ...”

При этом общая ситуация еще более сложная: необходимо учитывать, что возрастные сотрудники с опытом работы в зарубежных компаниях (поколение 1960-70х годов рождения) еще помнят “советскую” терминологию, а также часть сотрудников имеет опыт работы и в российских компаниях, то есть с точки зрения ИТ-терминологии являются как бы “билингвами”, то есть могут переключаться на язык современного ИТ-бизнеса и на язык, специфический для российских компаний. Кроме того, часть российских компаний активно сотрудничала с зарубежными в период 2000–2020 годов, и ее представители также обладают знаниями “зарубежной” терминологии.

Понятно, что термин “билингвы” здесь употребляется отчасти в иллюстративном смысле, поскольку ИТ-сообщество, конечно, не категоризируется как одно из билингвальных сообществ в строгом смысле этого слова (Беженарь О.А., 2015) [5]

Вот, как это описывает один из респондентов в интервью (мужчина, 62 года, опыт работы в российских компаниях более 10 лет и зарубежных компаниях более 20 лет):

“...Докладчик на этой конференции назвал программное обеспечение “математическим обеспечением”, и с ним сразу все стало ясно. Человек работал в советское время, обучался наверняка на каких-нибудь БЭСМ, помнит, что такое перфокарты... Я подошел в перерыве, поговорил с ним - так оно и есть...”

Таким образом, в настоящий момент в области ИТ-коммуникаций в России происходит достаточно интересный процесс кристаллизации терминологии на базе двух крупных языковых пулов: “зарубежного” или англоязычного, принятого в мировой ИТ-практике и “российского”, связанного с историческими особенностями развития ИТ-бизнеса в нашей стране.

При этом при анализе данного тренда необходимо учитывать ряд важных моментов:

- наличие особого “внутреннего слэнга” в крупных зарубежных корпорациях (например, слэнг ИБМ). С уходом крупных корпораций этот слэнг теряет свое практическое значение, однако, используется для самопрезентации бывшими представителями этих компаний как свидетельство их компетенций, либо для установления разорванных связей (свой-чужой)

- наличие стека технологического слэнга, связанного с продуктами и сервисами, не имеющими для обозначения российских аналогов - сохраняется, особенно в связи с “параллельным импортом” и сохранением групп специалистов по обслуживанию зарубежной техники. Поскольку для значимого пула языковых терминов не существует российских аналогов, необходимость поддержки, еще сохраняющейся зарубежной компьютерной техники и программного обеспечения, делает этот стек актуальным на практике.

Профессиональный дискурс в области ИТ-коммуникаций является актуальной проблематикой еще и в связи с усиливающейся дифференциацией и специализацией в этой сфере, а также ее взрывным развитием. При этом становится все более понятным важное значение эффективных коммуникаций между организациями, персоналиями, производителями, клиентами, партнерами и т.д. Язык ИТ коммуникаций становится важнейшим инструментом практически для всех профессий и областей бизнеса, т.к. ИТ-технологии сейчас используются практически во всех сферах жизни. Важно, что в ИТ-сфере за счет резкого технологического прорыва последний десятилетий возникло множество новых форм коммуникаций, к которым соответственно адаптируется язык, принимая зачастую неожиданные форматы. (K.Subrabanian, 2018)

При этом надо учитывать, вслед за Гюннарссон (Gunnarsson, 2009) [6], различные уровни профессионального дискурса, в частности:

- когнитивный уровень (отражающий степень глубины погружения в профессиональную проблематику, включая понимание ИТ-терминологии, паттернов, и т.д.),
- социальный уровень (отражающий степень включения в профессиональный ИТ-социум, разделение его норм, взглядов, традиций и т.д.),
- макроскопический или социетальный уровень, отражающий взаимодействие ИТ-социума, как группы, с внешним миром и другими группами.

Анализ коммуникаций представителей ИТ-сообщества выявляет все перечисленные характеристики профессионального дискурса (см. ниже). направленные на демонстрацию целого ряда качеств респондентов, как представителей ИТ-сообщества, и в том числе:

- обладание профессиональной спецификой,
- целеполагающий, т.е. ориентированные на достижение определенных целей,
- конвенционализированный, т.е. отражающий устоявшиеся форматы и правила в данном сообществе,
- наконец, может включать идентификацию конкретной группы внутри всего ИТ-сообщества (на-

пример, разработчики, “сейлы”, вендоры, системные администраторы и т.д.)

Таким образом, на профессиональный дискурс в ИТ-коммуникациях влияет целый ряд факторов, определяющих его конкретную реализацию в каждый момент времени (Gunnarsson, 2009) [6], а именно:

- зависимость от социально-политических факторов (в нашем случае уход зарубежных вендоров и смена политического вектора)
- зависимость от развития технического и технологического инструментария в данной области (ИТ-индустрия)
- социокультурные факторы, определяющие стиль, способы применения терминологии, влияние контекста и т.д.
- лингвистический фреймворк, определяющий общую структуру профессионального дискурса

Приведем примеры коммуникаций из анализа профессионального чата бывших сотрудников крупной зарубежной компании и проведенных интервью (здесь и далее в текстах слэнговые выражения и термины выделены автором статьи):

“...Ребята, знакомые ищут. **Ритейлер** с русской суперкомандой в Дубае. Всем привет! Открыли вакансию **Global CFO**”.

Здесь используются русифицированные варианты зарубежных терминов (“ритейлер” - человек или компания, занимающаяся розничными продажами), а также прямые зарубежные термины (Global CFO - “Global Chief Financial Officer”.

“...Опыт в **Ecommerce, ритейл**. В связи с тем, что бизнес и команду ведем в нескольких странах - приветствуем человека со знанием стандартов отчетности и в РФ и международных, с уверенным знанием английского языка...”

Используются как прямой термин “ecommerce” (в русском варианте существует ряд аналогов - “электронная торговля”, “электронная коммерция”, “онлайн-торговля” и т.д., или продажа продуктов и сервисов через интернет), так и русифицированный термин “ритейл” (торговля в розницу или мелкими партиями компанией, совершающей оптовые закупки и зарабатывающая на разнице в цене опта и розницы).

“...это **софтверный протокол** - на **айпистек** садится - **эмулирует** локальное **скази-подключение**... у **фибры** вообще всё своё...Только обычно там было три разъема, в контроллер, и два в **драйвы** - **master/slave**, на **девайсах** надо было **джампер** выставлять, **мастер** он или **слейв**. Позже из-за BLM-повестки терминологию **master/slave** практически полностью искоренили в ИТ...”

Примечательно, что в данном отрывке при описании

технологий текст просто перегружен слэнгом. При этом часть терминов транслируется напрямую, часть практически транскрибируется, и часть дается в русифицированном искаженном варианте, а также присутствуют как англоязычные термины, так и их русифицированные аналоги и сокращения.

Так, “драйв” - русифицированное сокращение от ‘driver’, программа «управление прибором» “мастер” здесь означает “управляющий прибор”, “управляющий компьютер”, а не “мастер в классическом значении слова. “Джампер” - микропереключатель, “девайс” - “прибор” (от ‘device’), “скази” - сленговый термин от английской аббревиатуры ‘SCSI’, обозначающей протокол взаимодействия компьютерных устройств и систем хранения данных (‘Small Computer System Interface’).

При этом знаменательно, что в связи с политической ситуацией (движение афроамериканцев “Black Lives Matter” были изменены технические термины “master/slave”, которые возникли в конце прошлого века и обозначают отношения управляющего и подчиненного серверов, но буквально переводятся как “мастер/раб”. Это яркий пример изменения технических терминов под влиянием внешних, не имеющих отношения к ИТ-бизнесу факторов. Так, в программном языке “Python” термины “master/slave” заменены на child/worker («ребенок»/ «работник») и parent/main/server («родитель»/ «главный»/ «исполнитель»).

Как показал анализ текстов, при отсутствии презентационной функции, когда речь идет на техническую тематику, перегруженность технологическими терминами, аббревиатурами и слэнгом существенно возрастает. Кроме того, присутствуют узкоспециализированные термины, которые резко сужают круг адресатов коммуникации, фокусируя, таким образом, коммуникацию на “избранных”.

“...Привет, есть ли здесь **AIX guru**, который конфигурировал родные **Ipar**? Один из клиентов просит помочь за плату”

В данном отрывке “AIX guru” - специалист по операционной системе UNIX-серверов компании IBM с серьезным опытом; Ipar - ‘logical partitioning’ - технология виртуализации процессоров на логические разделы. Лишь специалисты по узкому направлению UNIX-серверов, работавшие в ограниченном числе компаний, производивших такое оборудование (ИБМ, Оракл, Сан Микросистемз, Фуджитсу, Хьюлетт-Паккард), понимают значение аббревиатуры ‘Ipar’ и стоящую за ней историю острой технологической конкуренции, длящейся более десятилетия с начала 2000-х и закончившейся крахом ряда компаний.

Таким образом, понимание аббревиатур возможно

исключительно адресатами, которые знакомы с совершенно конкретной областью ИТ-бизнеса и ее историей. В настоящее время термин “виртуальный процессор” полностью вытеснил термин “Ipar” - соответственно, текст адресуется узкой группе специалистов, и включение данного термина ее достаточно четко обрисовывает, сразу “отсекая” сторонних адресатов. Выявленная нами способность технического сленга фокусировать канал коммуникации на определенной части аудитории является важным аспектом профессионального дискурса и требует дополнительных исследований.

Некоторые тексты демонстрируют изменение технического сленга в связи с быстрыми изменениями в ИТ-индустрии и появлениями новых технологических инструментов и, соответственно, специалистов, например:

“...Это правда. Такой должности как **data scientist** уже практически не встретишь. Она распалась на множество специализаций. **ML Engineer, Data engineer, data management, data pipeline specialist, bi uix developer, dev ops, ai product owner, ai prompt engineer**, и т.д. Реально **дата сайнтист** делал все эти вещи, но один в поле не воин...”

Здесь респондент иллюстрирует уход из коммуникативного поля термина “data scientist”, популярного в начале-середине 2000-х, и замену этого термина на целый ряд других, связанных с появлением специализаций в этой области ИТ-знаний.

Таким образом, происходят значимые и динамичные изменения в словаре ИТ-сообщества с точки зрения технических терминов и респонденты, принадлежащие к этому сообществу, должны постоянно поддерживать актуальные знания в области коммуникаций.

Ряд текстов демонстрирует яркий презентационный уровень, где употребление специализированных терминов является кодировкой для подтверждения своего статуса, “нахождения в теме”:

“...Коллеги, привет! Ищем **биздева** со свободным англ для продаж **saas** сервиса на зарубежку с очень быстрым ростом до **РОП**”.

В данном случае термин “биздев” является сокращением от транскрибированного англицизма “бизнес девелопер” (business developer), специалист по развитию бизнеса; saas сервис - формат обслуживания ИТ-инфраструктуры за счет хранения данных компании в облаке; РОП - руководитель отдела продаж. Умышленное

“сжатие” термина до “биздев” должно показать, что разместивший текст употребляет его настолько часто, что пользуется сокращенным вариантом. То же самое можно сказать про “РОП”, но при этом термин “SaaS” (Software as a Service), обозначающий формат предоставления сервиса в облаке (наряду с другими форматами, такими, как PaaS - Platform as a Service, IaaS - Infrastructure as a Service и т.д.) - дает и временной отрезок активной работы в зарубежных компаниях. Развитие моделей сервисов этого типа, начиная с SaaS, активно происходило в начале 2000-х годов, но в России активное продвижение этих моделей пришлось на середину 2000-х. Соответственно, понятно, что адресаты должны иметь опыт работы как минимум того периода, чтобы быть действительно “гуру” в этой теме.

Вопрос влияния политической ситуации на профессиональный дискурс был также подтвержден анализом текстов чата и дополнительными интервью с рядом участников:

“...при внедрении иностранного документооборота, очень яростно везде «бизнес-процессы» называли «деловыми процессами», мотивируя это тем, что «какой такой бизнес может быть в гос. организации» ...” (Мужчина, 48 лет, опыт работы в зарубежной компании более 10 лет)

“...В ИБМ были **топ перформеры**, а у нас **хай перформеры** (пояснения от респондента - раньше эти люди назывались “передовики производства”), женщина, 42 года, опыт работы в заруб. компании 15 лет.

“...Ну в принципе согласен, что иноработники принесли в сленг «словечки», хотя и просто опыт работы всех дистрибуторов с буржуями привнес: **коминтмент, ревью, форекаст, ревью, ревьюреверсал**. - мужчина, 53 года, опыт работы в зарубежной компании 17 лет. [7]

Из приведенных выше примеров понятно, что профессиональный дискурс в ИТ-коммуникациях находится в динамике, отражая влияние двух главных на сегодняшний момент факторов: политической ситуации и развития ИТ-технологий. При этом часть терминов уходит из активного использования, но часть продолжает использоваться, в том числе как средство самопрезентации, идентификации партнеров (“свой-чужой”), а также для технических описаний. Таким образом, динамика прослеживается на всех трех уровнях, когнитивном, социальном и социетальном. При этом изменения будут обусловлены при этом как политическими, так и технологическими факторами, а также с учетом динамики различных сообществ в ИТ-индустрии. Поэтому данная тематика требует дальнейшего регулярного мониторинга для адекватного представления ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mattiello E. (2008). An introduction to English slang: A description of its morphology, semantics and sociology, Polymeric-International Scientific Publisher, Vol. 2, pp. 1-320.

2. Е. Ильченко, 2019. 12 прорывных бизнес-моделей, которые изменили рынок - Текст: электронный - URL: <https://vc.ru/marketing/55296-12-prognyvnyh-biznes-modelei-kotorye-izmenili-rynok>, (дата обращения: 05.05.2024).
3. Деловой Центр: [сайт] "Изменение структуры IT рынка по итогам 2022 года: льготы, развитие, импортозамещение, рынок IT-специалистов, 01 марта 2023 - URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/izmenenie-struktury-it-rynka-po-itogam-2022-goda-lgoty-razvitie-importozameshchenie-rynok-it-spetsia/> Текст: электронный (дата обращения: 04.03.2024)
4. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: официальный сайт, 5 апреля 2024, URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/50230/:~:text=По%20данным%20Росстата,%20количество%20ИТ,отрасли%20демонстрируют%20двузначные%20темпы%20роста.> (дата обращения 12.05.2024) - Текст: электронный.
5. Беженарь О.А., 2015, Некоторые проблемы становления детского билингвизма / О.А. Беженарь // Вестник РУДН. серия Вопросы образования: языки и специальность. — № 5. — С. 199–207.
6. Gunnarsson (2014), Professional discourse, Bloomsbury Publishing, 2009
7. Kalpathy R.S. (2018) Technology and Transformation in Communication, May 2018, Journal of Advance Research in Electrical & Electronics Engineering Volume 5, Thinketh Labs, Chennai, India, URL: https://www.researchgate.net/publication/327366697_Technology_and_Transformation_in_Communication - Текст - электронный (дата обращения 03.04.2024).

© Толкунова Мария Сергеевна (termar2@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МУЛЬТИПЛИКАЦИИ КАК СРЕДСТВА МЕДИАКОММУНИКАЦИИ В РОССИЙСКОМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ И МЕХАНИЗМА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

MODERN POSSIBILITIES OF ANIMATION
AS A MEANS OF MEDIA COMMUNICATION
IN THE RUSSIAN ELECTORAL PROCESS
AND THE MECHANISM OF FORMATION OF
A POSITIVE COMMUNICATIVE AND LEGAL
CULTURE OF SOCIETY (ON THE EXAMPLE
OF THE KRASNODAR TERRITORY)

**I. Shakalov
O. Ayvazyan**

Summary: The article examines the role of animation as a means of media communication and a tool of political communication in the Russian electoral process. Using the example of Ilya Shakalov, deputy of the Krasnoarmeysky district of the Krasnodar Territory, Kubanmultifilm Animation Studio and the United Russia Party, the cases of using animation to increase electoral engagement, popularize political initiatives and create a positive image of candidates are analyzed. The study is based on a series of exclusive animated videos created specifically as part of the election campaign in the Krasnodar Territory in 2025, based on comments from political experts, media materials, social networks, and official publications.

The paper also presents the results of an analysis aimed at determining the significance of animation as a means of media communication, a tool of political communication in the Russian electoral process, and a mechanism for shaping a positive communicative and legal culture in modern society. In conclusion of the study is made.

Keywords: political animation, electoral technologies, media communications, youth policy, Ilya Shakalov, Kubanmultifilm, United Russia, communicative and legal culture.

Шакалов Илья Игоревич

кандидат социологических наук, доцент, Кубанский
государственный университет физической культуры,
спорта и туризма, (г. Краснодар)
Депутат, Красноармейский район Краснодарского края;
Генеральный директор, Фонд развития Краснодарского
края, (г. Краснодар)
shakalov_ilya1@mail.ru

Айвазян Оксана Оганесовна

кандидат педагогических наук, доцент, Кубанский
государственный университет физической культуры,
спорта и туризма, (г. Краснодар)
O.O.Ayvazyan@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается роль мультипликации как средства медиакоммуникации и инструмента политической коммуникации в российском избирательном процессе. На примере, деятельности депутата Красноармейского района Краснодарского края Ильи Шакалова, Анимационной студии «КубаньМультфильм» и партии «Единая Россия» анализируются кейсы применения анимации для повышения электоральной вовлеченности, популяризации политических инициатив и формирования положительного имиджа кандидатов. Исследование основано на серии эксклюзивных анимационных роликов, созданных специально в рамках избирательной кампании в Краснодарском крае в 2025 году, на комментариях политических экспертов, материалах СМИ, социальных сетей и официальных публикаций. Также в работе представляются результаты анализа, направленного на определение значимости мультипликации как средства медиакоммуникации, инструмента политической коммуникации в российском избирательном процессе и механизма формирования позитивной коммуникативной и правовой культуры современного общества. В заключении делается вывод исследования.

Ключевые слова: политическая анимация, избирательные технологии, медиакоммуникации, молодежная политика, Илья Шакалов, «КубаньМультфильм», «Единая Россия», коммуникативная и правовая культура.

Введение

Современные избирательные кампании активно используют мультипликацию как эффективный способ коммуникации с электоратом и механизм формирования позитивной коммуникативной и правовой культуры современного общества. Анимационные ролики позволяют упрощать сложные политические тезисы, эмоционально вовлекать аудиторию и адаптировать

контент под разные возрастные и гендерные группы, осуществляя коммуникативный диалог с аудиторией на «одном» языке. Особый упор делается на внимание молодых людей, активно использующих социальные сети, мессенджеры и интернет видео площадки.

Депутат Красноармейского района Краснодарского края Илья Шакалов и Анимационная студия «КубаньМультфильм» Фонда развития Краснодарского края ста-

ли яркими примерами интеграции мультипликации в политическую агитацию в электоральном сезоне 2025 года на Кубани. Их сотрудничество с партией «Единая Россия» демонстрирует, как современная анимация может использоваться для продвижения партийных инициатив, формирования доверия избирателей и функционирования позитивной коммуникативной и правовой культуры современного общества.

Цель исследования – проанализировать влияние мультипликационных технологий на эффективность политической коммуникации в российском избирательном процессе и формирование позитивной коммуникативной и правовой культуры современного общества.

Задачи:

- изучить кейсы применения анимации в избирательных кампаниях;
- проанализировать ролики, созданные при участии Ильи Шакалова и Анимационной студии «КубаньМультфильм»;
- оценить реакцию аудитории на анимационные видеоролики студии «КубаньМультфильм» в СМИ.

Мультипликация как инструмент политической коммуникации и механизм формирования позитивной коммуникативной и правовой культуры современного общества. В условиях глобализации и цифровизации анимация трансформировалась из традиционного средства визуализации информации в мультифункциональный инструмент, обладающий значительным потенциалом воздействия на общественное сознание. «Приход в коммуникационный процесс совершенно новых средств накопления и передачи информации, таких как мультипликация, создает качественно новую информационную среду» [13, с. 140]. «В результате формируется единое глобальное коммуникативное пространство» [11, с. 52]. Современные анимационные произведения, подобно кинематографическим, способны индуцировать у аудитории сложные эмоциональные реакции, включая чувства справедливости, героизма и моральной правоты. Это делает анимацию эффективным средством для формирования ценностных ориентиров и идеологических установок.

Анимационные медиа предоставляют уникальную возможность для анализа динамики социальных процессов и выявления ключевых проблем, актуальных для современного общества. С их помощью можно не только визуализировать сложные концепции, но и транслировать скрытые или табуированные темы, способствуя более глубокому осмыслению социальных реалий. Кроме того, анимация может служить мощным инструментом коммуникативной, правовой и политической пропаганды, позволяя конструировать образы оппонентов и формировать позитивное и (или) негативное восприятие

определённых групп или идей.

Итак, мультипликация, обладая высокой степенью манипулятивного потенциала, становится важным элементом в системе современных медиакоммуникаций, способствуя формированию общественного мнения, политических стратегий, а также позитивной коммуникативной и правовой культуры «посредством правомерной трансляции достоверной информации, отвечающей основополагающим коммуникативным требованиям и нормам» [1, с. 96].

Мультипликация как форма визуальной коммуникации представляет собой уникальный инструмент в арсенале политических акторов, позволяющий эффективно транслировать идеологические послания и формировать общественное мнение.

Мультипликация, как синтетическое искусство, объединяет элементы анимации, графики и визуального нарратива, что придаёт ей высокую степень манипулятивности и гибкости. В политическом контексте анимация используется для создания эмоционально насыщенных образов, способных вызывать у зрителей определённые реакции и установки. Политическая анимация может служить инструментом для легитимизации власти, формирования национальной идентичности и мобилизации электората.

Мультипликация в политике выполняет несколько основополагающих функций:

1. Упрощение информации – сложные законы и федеральные, региональные и муниципальные программы подаются в доступной и понятной визуальной форме.
2. Эмоциональное воздействие – анимация вызывает доверие и симпатию, побуждая зрителей выражать реакцию, тем самым вовлекаясь в контент.
3. Вирусный потенциал – яркие ролики распространяются в соцсетях, пересылаются в мессенджерах и на интернет видео площадках.

Исследователи отмечают, что анимация особенно эффективна для молодежной аудитории, которая традиционно менее вовлечена в политику [2].

Однако следует отметить, что использование мультипликации в политике не всегда носит позитивный характер. В некоторых случаях анимация может служить инструментом пропаганды и манипуляции, искажая факты и создавая ложные представления о политической реальности. Так, «в процессе передачи информации через различные медийные форматы (тексты, видео, аудио) возможно неадекватное использование языка, что может привести к недопониманию и недостоверной передаче информации» [12]. Поэтому важно критически оценивать использование анимационных технологий в

политическом дискурсе и осознавать их потенциал для формирования общественного мнения.

Опыт применения политической анимации зарубежных стран

В рамках анализа использования анимационных медиа в политической коммуникации, следует рассмотреть несколько кейсов, в которых зарубежные политические лидеры и их избирательные кампании прибегали к анимации для достижения стратегических целей. В частности, можно выделить следующие примеры:

1. Барак Обама (США, 2008 и 2012):
 - «Will.i.am – Yes We Can» (2008) – Музыкальный клип с анимационными элементами, созданный в поддержку Обамы.
 - «The Road We've Traveled» (2012) – Документальный анимационный ролик о достижениях Обамы.
2. Джастин Трюдо (Канада, 2015):
 - «Real Change» (2015) – Короткий анимационный ролик, объясняющий программу Либеральной партии.
3. Эммануэль Макрон (Франция, 2017):
 - «La Révolution Macron» (2017) – Стилизованный анимационный ролик, представляющий его программу.
4. Джереми Корбин (Великобритания, 2017):
 - «Daddy, why do you hate billionaires?» (2017) – Сатирический мультфильм от левых активистов в поддержку Корбина.
5. Берни Сандерс (США, 2016 и 2020):
 - «Bernie Sanders vs. The Machine» (2016) – Фан-анимация, высмеивающая истеблишмент.
 - «Not Me. Us.» (2020) – Короткий анимационный ролик о коллективной борьбе.
6. Александрия Окасио-Кортес (АОС) (США, 2018):
 - «The Courage to Change» (2018) – Анимационный ролик о её политической борьбе.

Представленные примеры иллюстрируют многогранность анимации как инструмента в коммуникативных стратегиях, демонстрируя её способность не только визуализировать абстрактные концепции, но и формировать эмоциональный отклик у целевой аудитории. Анимация также выступает в качестве эффективного механизма привлечения внимания молодежной аудитории, независимо от её этнической принадлежности, расовых характеристик или религиозных убеждений.

Следует отметить, что анимация, как форма мультимедийного контента, обладает уникальной способностью интегрировать когнитивные и эмоциональные аспекты восприятия информации. Она позволяет создавать сложные нарративы, которые могут быть легко усвоены и интерпретированы различными демографи-

ческими группами. Это делает её мощным инструментом в контексте межкультурной коммуникации и формирования общественного мнения.

Кроме того, анимация обладает высоким уровнем адаптивности, что позволяет ей эффективно функционировать в различных медиаформатах и платформах, включая цифровые и традиционные каналы. Её интерактивные возможности открывают новые горизонты для интерактивного взаимодействия с аудиторией, способствуя созданию более глубоких и устойчивых связей между коммуникатором и реципиентом.

Таким образом, анимация представляет собой не просто визуальный элемент, а сложный коммуникативный инструмент, обладающий широким спектром функциональных возможностей и потенциалом для применения в различных областях. Её многофункциональность и способность вызывать эмоциональный отклик делают её незаменимым элементом современных коммуникативных стратегий.

Анализ применения политической анимации в Российской Федерации

В России анимационные ролики и политические мультфильмы используются в избирательных кампаниях как инструмент упрощения сложных политических сообщений, эмоционального воздействия и вовлечения молодежи в политико-правовую сферу. Политическая анимация, как инновационный инструмент политического дискурса, представляет собой динамичное и многослойное явление, которое в последние десятилетия активно внедряется в российскую политическую практику. Ниже приведены конкретные примеры и анализ их эффективности.

Примеры анимационных роликов в российских избирательных кампаниях:

1. «Единая Россия» – «Выбирай сердцем» (2021, выборы в Госдуму)

Ролик: «Как работает Госдума» (стилизованная анимация, объясняющая работу парламента).

Формат: Упрощенная инфографика с мультяшными персонажами, напоминающая образовательные ролики.

Цель: Донести до избирателей, что Госдума принимает «важные законы» в их интересах.

2. КПРФ – сатирические мультфильмы против власти.

Ролик: «Сказка о потерянном времени» (анимационная критика пенсионной реформы).

Формат: Гротескная анимация в стиле советских мультфильмов.

Цель: Эмоционально заряженная критика правительства, апелляция к ностальгии старшего поколения.

3. ЛДПР – провокационные мультфильмы Жириновского.

Ролик: «Жириновский vs коррупция» (мультипликационная история о борьбе с чиновниками).

Формат: Яркая, гиперболизированная анимация с элементами абсурда.

Цель: Подчеркнуть эпатажный имидж лидера партии.

4. «Справедливая Россия» – социальные мультфильмы.

Ролик: «Честные выборы» (анимация о важности голосования).

Формат: Доброжелательная 2D-анимация с акцентом на моральные ценности.

Цель: Создать образ «партии справедливости».

5. Президентские кампании (2018, 2024) – анимационные объясняющие ролики.

Ролик: «Почему важны выборы» (официальный мультфильм для молодежи).

Формат: Политпросвет в стиле инфографики.

Цель: Повышение явки через упрощение информации.

Анализ феномена политической анимации в контексте российской политической коммуникации выявляет несколько ключевых аспектов, требующих детального анализа

Во-первых, анимационные материалы играют важную роль в упрощении сложных политических идей. Визуализация информации позволяет сделать её доступной для широкой аудитории, не обладающей специальными знаниями. Примером может служить инфографика, созданная партией «Единая Россия» для объяснения законодательных инициатив.

Во-вторых, анимация обладает значительным потенциалом эмоционального воздействия на зрителей. Мультфильмы и анимационные ролики способны вызывать у аудитории определённые эмоциональные реакции, такие как ностальгия, смех или даже гнев. Это, в свою очередь, способствует более глубокому запоминанию информации. Сатирические и гротескные элементы в анимации часто оказываются более эффективными в политическом дискурсе, чем традиционные лозунги и призывы.

В-третьих, политическая анимация может служить инструментом обхода цензуры и санкций, особенно в условиях авторитарных режимов. Оппозиционные силы активно используют анимационные форматы для критики власти, избегая прямого запрета на распространение информации. Это позволяет им донести свои идеи до широкой аудитории, несмотря на существующие ограничения.

Кроме того, анимация является эффективным средством работы с молодёжной аудиторией. Яркие и дина-

мичные анимационные материалы привлекают внимание молодых избирателей, которые могут быть менее восприимчивы к традиционным формам политической пропаганды. Это особенно актуально в условиях растущей политизации молодёжи и их активного участия в общественной жизни.

Однако применение анимационных технологий в политическом контексте сопряжено с определёнными рисками. Чрезмерное упрощение анимационных материалов может привести к редуцированию сложных концептуальных структур до уровня поверхностных и легкомысленных образов. В результате существует риск их восприятия аудиторией как объекта насмешек и критики, что может подорвать доверие к политическим сообщениям.

Таким образом, политическая анимация в России используется как инструмент пропаганды, агитации и критики. Правящая партия делает ставку на инфографику и упрощение, оппозиция – на сатиру и провокацию. Наиболее эффективны те ролики, которые сочетают простоту, эмоции и четкий месседж.

Анализ кейсов использования мультипликации в деятельности Ильи Шакалова и анимационной студии «КубаньМультфильм»

Проект «МультПолит». В 2025 году, при активной поддержке депутата Ильи Шакалова, а также при финансовой и организационной помощи Фонда развития Краснодарского края, была учреждена Анимационная студия «КубаньМультфильм». Основная миссия данного проекта заключалась в разработке и реализации серии анимационных видеороликов, направленных на популяризацию и разъяснение новейших социально-политических инициатив и проектов, реализуемых на территории Краснодарского края.

Создание студии «КубаньМультфильм» стало важным этапом в развитии коммуникационных стратегий региона, направленных на повышение уровня информированности и вовлеченности населения в общественно-политическую жизнь. Анимационные ролики, созданные в рамках данного проекта, представляют собой инновационный инструмент визуальной коммуникации, позволяющий эффективно доносить сложные и многогранные идеи до широкой аудитории.

Особое внимание в деятельности студии уделяется использованию современных технологий анимации и графического дизайна, что позволяет создавать высокоэстетичные и запоминающиеся визуальные материалы. Эти ролики не только информируют, но и формируют позитивное общественное мнение о реализуемых проектах, способствуя их успешной реализации и поддержке со стороны населения.

Таким образом, Анимационная студия «КубаньМультфильм» играет ключевую роль в формировании информационного пространства региона, способствуя повышению уровня коммуникативной, правовой и политической культуры, а также гражданской активности населения Краснодарского края [10].

Примеры роликов:

1. «О работе депутата Краснодарского района Ильи Шакалова» – мультфильм о текущей деятельности российского муниципального депутата, его помощи населению и работе с молодежью. Ролик значительно расширил возможности для активизации электоральной базы и повышения вовлеченности населения в социальные и политические инициативы, реализуемые депутатом [4].
2. «Ретро-фестиваль» – анимационный ролик освещает проблематику функционирования институтов молодежной политики в контексте реализации творческих инициатив в городской среде Краснодара. Особое внимание уделяется роли молодежи как активного субъекта социокультурного развития, а также механизмам и формам их вовлечения в процессы организации и проведения культурно-массовых мероприятий [8].
3. «Видео ролик о парке Краснодар и его создателе Сергее Галицком» – герой анимационного фильма, известный в России меценат и филантроп Сергей Галицкий, который живет в Краснодаре и является непоколебимым авторитетом для жителей и гостей Кубани. Благодаря его инновационному пространству, построенному на частное финансирование собирает множество талантливой молодежи для проведения сотен спортивных и творческих событий [9].

Информация о роликах Анимационной студии «КубаньМультфильм» представлена на различных медиаплатформах, включая традиционные средства массовой информации и специализированные сайты.

1. Публикации на официальном сайте Фонда развития Краснодарского края о создании анимационного ролика о Сергее Галицком и парке «Краснодар» [7].
2. Публикация в официальной группе Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (КГУФКСТ) в российской социальной сети «ВКонтакте» о создании анимационной студии «КубаньМультфильм» при содействии депутата, директора Фонда развития Краснодарского края, кандидата социологических наук, доцента Ильи Шакалова и кафедры общественных коммуникаций (заведующая кафедрой, доцент Оксана Айвазян) социально-гуманитарного факультета КГУФКСТ (декан Елена Еремина) [5].
3. Публикация о работе Анимационной студии «Кубаньмультфильм» в ведущем издании Краснодар-

ского края «Кубанские новости» [3].

4. Обсуждения в различных мессенджерах.

Анимация в социальных сетях представляет собой сложный и многогранный феномен, который активно исследуется в рамках современной медиакультуры и коммуникативных, правовых и политических исследований. В условиях цифровизации и глобализации социальных медиа, анимация становится ключевым инструментом для создания визуального контента, который привлекает внимание пользователей и формирует их восприятие информации. Так, депутат Ильи Шакалов активно использует мультипликационный контент в своих соцсетях и проявляет глубокое понимание современных тенденций в сфере цифровых медиа, демонстрируя виртуозное владение анимационными форматами контента в социальной медиастратегии.

В частности, на платформе Telegram эффективно использует короткие анимационные видео для визуализации и упрощения восприятия сложных законодательных инициатив и проектов. Данный подход позволяет ему успешно транслировать информацию широкому кругу пользователей, обеспечивая её доступность и наглядность посредством визуальных и динамических элементов.

В социальной сети ВКонтакте Илья Шакалов внедряет более интерактивные форматы взаимодействия с аудиторией, включая размещение анимационных мультфильмов и интерактивных сторис, интегрированных с механизмами голосования и опросов. Эти элементы активно стимулируют вовлеченность пользователей, повышая их интерес к обсуждаемым темам и способствуя более глубокому осмыслению и усвоению представленной информации.

Результаты исследования и их обсуждение

В рамках настоящего исследования был проведен тщательный анализ информационных потоков, представленных в средствах массовой информации и специализированных интернет-ресурсах. В процессе анализа были выявлены ключевые тенденции и закономерности, характеризующие текущее состояние информационного поля. Следует отметить, что данные источники предоставляют широкий спектр информации, охватывающий различные аспекты исследуемой проблематики.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что медийная кампания, интегрирующая анимационный видеоролик, посвященный деятельности депутата Ильи Шакалова, оказала значительное влияние на уровень участия в предварительном внутрипартийном голосовании в Красноармейском районе от политической партии «Единая Россия». Синергетический эффект от использования анимационных материалов в различных цифровых медиа, традиционных средствах массовой информа-

ции и мессенджерах способствовал увеличению числа участников на 22% [6].

Анализ полученных данных подтверждает высокую эффективность мультимедийных стратегий в контексте мобилизационных кампаний политических партий. Внедрение анимационных элементов в информационно-коммуникационные каналы стимулирует электоральную активность и повышает уровень политической осведомлённости избирателей, и в результате позитивной коммуникативной и правовой культуры общества. Таким образом, результаты исследования демонстрируют, что современные мультимедийные технологии играют ключевую роль в формировании электорального поведения и активизации политического участия граждан.

Заключение

Мультипликация становится важным элементом избирательных технологий. Успешный опыт депутата Ильи Шакалова и анимационной студии «КубаньМуль-

фильм» с партией «Единая Россия» показывает, что анимация способна существенно повышать вовлечённость избирателей, особенно среди молодежи. Однако важно соблюдать баланс между доступностью и глубиной подачи информации, а также использовать «живые» примеры деятельности лидеров общественного мнения и органично встраивать их в видеоконтент для нативного считывания важности присоединения жителей территорий к общей работе и социальным инициативам во благо своего муниципалитета, региона или страны в целом.

Таким образом, в заключение можно сказать, что мультипликация является важным элементом современного политического процесса, способным оказывать значительное влияние на общественное сознание. Её использование в политике требует глубокого понимания механизмов воздействия визуальных образов на аудиторию и осознания возможных рисков и последствий. Только в этом случае анимация может стать эффективным инструментом для достижения политических целей и укрепления демократических институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айвазян О.О., Кукушкина А.А., Ерёмкина Е.А. Нарушение авторских прав в рекламе как фактор, дискредитирующий правовую и коммуникативную культуру в современном социально-правовом обществе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ЭКОНОМИКА И ПРАВО. – 2024. – №10. – С. 95–99.
2. Иванов А.В. Политическая коммуникация в цифровую эпоху. – Москва: Изд-во МГУ, 2021.
3. Издание «Кубанские новости» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://kubnews.ru/obshchestvo/2025/01/13/eksperimentalnaya-animatsionnaya-studiya-kubanmultifilm-sozdana-v-krasnodare/> (дата обращения: 14.06.2025).
4. Общественно-политическое издание «Ясно ньюс» [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://yasonews.ru/news/politika/92244_deputat_iz_krasnoarmeyskogo_rayona_/ (дата обращения: 14.06.2025).
5. Официальная группа Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (КГУФКСТ) в российской социальной сети «ВКонтакте» [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://vk.com/wall-222692403_2240 (дата обращения: 04.08.2025).
6. Сайт телекомпании «Кубань 24» и видео хостинг Рутьюб [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://kuban24.tv/item/studiya-kubanmultifilm-sozdala-informatsionnyj-rolik-o-deyatelnosti-deputata> и https://rutube.ru/video/5bbe5ba657348fd7f245741a12d3a440/?utm_source=embed&utm_medium=referral&utm_campaign=logo&utm_content=5bbe5ba657348fd7f245741a12d3a440&utm_term=kuban24.tv&t=1 (дата обращения: 14.06.2025).
7. Сайт Фонда развития Краснодарского края [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://frkuban.ru/novosti-fonda/animatsionnaya-studiya-kubanmultifilm-prezentovala-korotkometrazhnyj-multifilm-o-parke-krasnodar-i-sergee-galitskom> (дата обращения: 14.06.2025).
8. Телеграм-канал Анимационной студии «КубаньМультифильм» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://t.me/multkuban/64> (дата обращения: 14.06.2025).
9. Телеграм-канал Анимационной студии «КубаньМультифильм» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://t.me/multkuban/58> (дата обращения: 14.06.2025).
10. Телерадиокомпания «Кубань 24» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://kuban24.tv/item/animatsionnyu-studiyu-kubanmultifilm-sozdali-v-krasnodare> (дата обращения: 14.06.2025).
11. Шакалов И.И. Влияние социологии на развитие теории и практики PR-деятельности // Теория и практика общественного развития. – Выпуск № 5. – Том 2. – 2006. – С. 50–56.
12. Шакалов И.И. Ключевые параметры модели стратегической коммуникации // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2021. – Т. 10. – № 4. – С. 30–38.
13. Шакалов И.И., Айвазян О.О. Особенности работы по связям с общественностью как фактора развития коммуникативной культуры в современном социокультурном пространстве // Образовательные науки и психология. – 2018. – № 1 (47). – С. 139–146.

© Шакалов Илья Игоревич (shakalov_ilya1@mail.ru), Айвазян Оксана Оганесовна (О.О.Айвазян@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УРОВНИ ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ АНТОНИМИИ)

LANGUAGE LEVELS (BASED ON ANTONYMY)

L. Shakiryarov

Summary: This article explores the ways in which antonymy is realized at various linguistic levels, described as consisting of several elements. The concept of antonymy, which arose in linguistics with the goal of semantically opposite and contrasting words, has ultimately established itself as a comprehensive linguistic and speech phenomenon, encompassing all layers of linguistics (morphemes, parts of speech, concepts, metaphorical words, syntactic constructions, nominations, combinations of form and meaning, and language levels). The study revealed that existing classifications of antonyms significantly facilitate the level-by-level analysis of antonymy; however, certain features of the hierarchical structure of language become clear only with a more detailed examination of all levels, as well as related areas.

Keywords: morphemes, parts of speech, concepts, metaphorical words, syntactic constructions, nominations, combinations of form and meaning, language levels.

Шакирьянов Лев Морисович

кандидат филологических наук, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», (г. Уфа)
levshakiryarov@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена исследованию способов реализации антонимии на различных языковых уровнях, описывающихся как состоящие из нескольких элементов. Идея антонимии, возникнув в языкознании с целью семантически противоположных и противопоставленных слов, в итоге зарекомендовала себя всеобъемлющим языковым и речевым явлением, охватывающим все слои лингвистики (морфемы, слова-части речи, слова-концепты, слова-метафоры, синтаксические конструкции номинации, комбинации формы и значения, уровни языка). В ходе исследования выявлено, что существующие классификации антонимов значительно облегчают уровеньный анализ антонимии; вместе с тем, некоторые особенности иерархического устройства языка проявляются лишь при более детальном рассмотрении всех уровней, а также смежных областей.

Ключевые слова: морфемы, части речи, концепты, метафоры, синтаксические конструкции, номинации, комбинации формы и значения, уровни языка.

Антонимам отводится значительное место в лексикологии, так как считается, что они придают особую значительность предметам и понятиям, способствуют раскрытию противоречивой сущности предметов и явлений, помогают показать полноту охвата явлений, а также используются как яркое выразительное средство в художественной речи.

Исследования антонимии опираются на следующие разделы знаний, без которых не обходится ни одно значимое исследование антонимии, а учёные, работавшие и работающие в данных областях, продолжают считаться незыблемыми авторитетами:

- философия и теория познания (Аристотель, Г. Гадамер, Г. Гегель, И. Кант, А.Ф. Лосев, Платон, И.Г. Фихте, Ф. Шеллинг);
- теория значения и словообразования (Г.Б. Антрушина, Ю.Д. Апресян, О.С. Ахманова, И.М. Кобозева, О.Д. Мешков, Ю.В. Федосов и др.);
- теория антонимии (И.В. Арнольд, О.С. Ахманова, В.А. Иванова, В.Н. Комиссаров, М.Р. Львов, Е.Н. Миллер, Л.А. Новиков, С.Г. Шафикиев, N. Webster, J. Richards, J. Platt, H. Weber и др.).

Из наиболее значимых определений антонимов можно привести следующие:

- «слова противоположного значения» [Комиссаров 1964];

- «слова разного звучания, которые выражают противоположные, но соотносительные друг с другом понятия» [Шанский 1964: 72];
- «слова, противоположные по сигнификативному значению» [Степанов 1975: 28–29];
- «слова одной части речи с противоположным значением, которые, в зависимости от выражаемого ими типа оппозиции, разделяются на соответствующие семантические классы» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990];
- «слова разного звучания, выражающие противоположные, но соотносительные друг с другом понятия» [Прохорова 1961: 122–123];
- «слова, противопоставленные по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку, причём эти слова должны находиться на крайних точках соответствующей лексико-семантической парадигмы» [Шмелев 1964: 145];
- «лингвистически сопряжённые пары слов» [Соколова 1977].

Антонимы возникают в языкознании с целью упорядочения семантически противоположных или противопоставленных слов (контраст, как принято считать, объединяет эти два понятия), в итоге зарекомендовав себя всеобъемлющим языковым и речевым явлением, охватывающим все слои лингвистики, а именно словообразование, частеречные особенности слов, синтаксический потенциал языковых единиц, их лексико-семан-

тические характеристики [Шакирьянов 2023: 554].

Вместе с тем некоторые особенности иерархического устройства языка проясняются лишь при более детальном рассмотрении всех уровней, а также смежных областей.

В ходе исследования установлено, что при формировании уровней анализа, особую роль играет деление элементов языка на словообразовательные и словоизменительные (формообразующие), в результате чего словообразование рассматривается за рамками морфологии, которая, в свою очередь, представляет собой науку о формообразовании. В этой связи словообразование можно рассматривать как самостоятельную лингвистическую дисциплину [Фортунатов 1956; Виноградов 1975; Зубова 2014: 23–24]. Так, в понимании Ф.Ф. Фортунатова, «отдельные полные слова представляют собой в их отношениях к предметам мысли отдельные знаки этих предметов, а в их отношении к данной мысли, к данному суждению отдельные полные слова являются частями предложений или, в известных случаях, целыми предложениями» [Фортунатов 1956: 155]. В понимании ученого, соответственно с этим и в формах отдельных полных слов различаются формы слов: 1) как отдельных знаков предметов мысли, 2) формы слов в предложении. Таким образом, последние обозначают различия в отношениях тех предметов мысли, которые обозначаются данными словами, к другим предметам мысли в предложениях, а первые обозначают различия в отношениях данных предметов мысли, обозначаемых словами.

В этой связи, основополагающим принципом становится то, что формы отдельных полных слов, обозначающие различия в отношениях данных предметов мысли к другим предметам мысли в предложениях, называются формами *словоизменения* или формами *флексии слов* (ср. флексия слов и флексия основ). Другие формы отдельных полных слов, не формы словоизменения, называются формами *словообразования* в широком смысле этого термина, т.е. по отношению не только к словам простым, но и сложным. Как отмечается, следовательно, «формами словоизменения самые слова, имеющие эти формы, обозначаются как различного рода части в предложениях, а формами словообразования самые слова обозначаются как различного рода отдельные знаки предметов мысли» [Фортунатов 1956: 155].

В рамках общей теории это позволяет разграничить морфемы, которые позволяют сопоставить слова на уровне аффиксов, а также те, по которым можно выделить различные части речи.

Так, «отдельные знаки предметов мысли» (словообразовательные морфемы) фиксируются в следующем виде:

1. приставка неполноты *half* (*finished goods* «готовые изделия»/ *half-finished goods* «полуфабрикаты; полуобработанные изделия»);
2. приставка отрицания *un* (*conditional* «условный»/ *unconditional* «безусловный, безоговорочный, неограниченный условием»);
3. приставка средней величины *mid* (*range* «стат. размах (варьирования); разность между наибольшим и наименьшим значениями; широта распределения»/ *midrange* «стат. полусумма крайних значений (в выборке)»);
4. приставка противопоставления *anti* (*Malthusianism* «мальтузианство»/ *anti-Malthusianism* «антимальтузианство»);
5. приставка пересечения *cross* (*haul* «перевозка; транспортировка»/ *crosshaul* «пересекающаяся транспортировка»);
6. приставка преувеличения *hyper* (*inflation* «инфляция, обесценение денег»/ *hyperinflation* «гиперинфляция, стремительно развивающаяся (галолирующая, безудержная) инфляция»; *employment* «занятость»/ *hyperemployment* «сверхзанятость, чрезмерная занятость»);
7. приставка сочетания *iso* (*cost curve* «кривая зависимости изменения издержек от объема производства»/ *isocost curve* «кривая равновеликих издержек (характеризующая комбинации двух факторов производства, оплата которых требует одинаковых затрат)»);
8. приставка новой информации *neo* (*natal* «относящийся к рождению»/ *neonatal* «относящийся к новорожденному»);
9. приставка мнимости *pseudo* (*shadow price* «скрытая, неявная, цена»/ *pseudoshadow price* «псевдоусловная оценка»);
10. приставка предшествования *ante* (*to date* «датировать»/ *to antedate* «помечать задним числом (например, вексель)»);
11. приставки отрицания *il* (*literate* «грамотный»/ *illiterate* «неграмотный»), *in* (*active* «активный»/ *inactive* «бездеятельный») и *dis* (*economy* «экономика, (народное) хозяйство»/ *diseconomy* «отрицательный экономический эффект; неэкономичность; ущерб»);
12. приставка совместного действия *co* (*habitation* «проживание»/ *cohabitation* «совместительство»), *counter* (*plan* «план»/ *counterplan* «встречный план»);
13. приставка обратного процесса *de* (*to concentrate* «концентрировать»/ *to deconcentrate* «деконцентрировать»);
14. приставка избыточности *extra* (*budgetary funds* «бюджетные средства»/ *extra-budgetary funds* «суммы, поступившие из внебюджетных источников»);
15. приставка множественности *multi* (*plant development* «освоение производственных мощностей»);

ностей»/ *multiplant development* «превращение в концерн (фирмы, владеющей несколькими промышленными предприятиями);

16. приставка снижения размера *mini* (*recession* «спад, рецессия»/ *minirecession* «минирецессия, миниспад»);
17. приставка контрадикторности *non* (*priority mail* «авиапочта; срочная почта»/ *nonpriority mail* «несрочная почта; почта, перевозимая наземным транспортом»);
18. приставка предшествования *pre* (*marriage certificate* «свидетельство о браке»/ *premarriage certificate* «врачебное свидетельство перед вступлением в брак»; *condition* «условие; оговорка; кондиция»/ *precondition* «предварительное условие; предпосылка»);
19. приставка видимости *quasi* (*unemployment* «безработица»/ *quasi-unemployment* «квазибезработица»);
20. приставка повтора *re* (*survey* «обзор; обследование; исследование»/ *resurvey* «повторное обследование»);
21. приставка частичности *semi* (*self-service* «самообслуживание»/ *semiself-service* «частичное самообслуживание»);
22. приставка подчинения *sub* (*office* «контора; учреждение; бюро»/ *suboffice* «субконтора»);
23. приставка превосходства *super* (*normal* «нормальный, стандартный»/ *supernormal* «чрезмерный, избыточный»).

Вместе с тем, «различного рода части в предложениях» (словоизменительные морфемы) позволяют выделить различные части речи:

1. субстантивы (*contest between master and labore*);
2. вербы (*order to buy or to sell at best*);
3. адвербы (*jointly and severally*);
4. адъективы (*bad money drives out good*);
5. местоимения (*many-vs-many duel*);
6. предлоги (*at or better*).

Иерархически упорядоченные единицы функционируют в языке не только как неделимые элементы в отношении к себе подобным, но и как составные части высших единиц и как совокупности низших единиц. В этой связи слово – это и неделимое целое, и целое, состоящее из морфем, т.е. комплекс морфем [Крушевский 1998; Зубкова 2006: 73-74].

Слова-концепты можно наблюдать в следующем виде:

1. иерархия фиксируются при помощи атрибутов *assistant, chief, deputy, vice* (*chief engineer* «главный конструктор (одновременно может выполнять функции главного технолога)»/ *deputy chief engineer* «заместитель главного конструктора»);
2. изменение количества оформляется благодаря атрибутам *single, double, first, second, multiple, high, low, upper, above, below* (*above the line* «над чертой

(доходы и расходы в английском бюджете; текущие операции в платежном балансе)»/ *below the line* «под чертой (операции временного характера в английском бюджете; капитальные операции в платежном балансе)», вербам *to increase, to decrease, to skyrocket, to plunge, to move up, to move down*;

3. время задается посредством предлогов *of/ under* (*to be of age* «быть совершеннолетним»/ *to be under age* «быть несовершеннолетним»), атрибутов *young, new, old* (*construction activity* «строительство»/ *new construction activity* «строительство новых объектов»), *ex ante/ ex post* (*ex ante analysis* «анализ, основанный на использовании ожидаемых (предполагаемых) величин»/ *ex post analysis* «анализ, основанный на использовании фактических величин»), *prior/ posterior* (*prior distribution* «априорное распределение»/ *posterior distribution* «апостериорное распределение»), *a priori/ a posteriori* (*a priori method* «априорный метод»/ *a posteriori method* «апостериорный метод»);
4. наличие актуализируется предлогами *cum/ ex* (*cum interest* «включая проценты, с процентами, с прибавлением процента»/ *ex interest* «исключая проценты, без процента»);
5. истина устанавливается атрибутами *de facto/ de jure* (*de facto address* «фактический адрес»/ *de jure address* «юридический адрес»).

Само иерархическое устройство языка служит его связыванию в единое гармоническое целое, а гармоническая целостность системы языка, при всей ее сложности и противоречивости, отражается и в целостности языковых знаков. Это выражается в выделении других уровней языка.

Так, в рамках рассматриваемой тематики можно выделить метафоры *bulls/ bears* «быки»/ «медведи», *hawks/ doves* «ястребы»/ «голуби», *wolves/ sheep* «волки»/ «овцы», *blue chips/ red chips* «голубые фишки»/ «красные фишки», *pigs/ chicken* «свиньи, или кабаны»/ «цыплята», *sharks/ lemmings* «акулы»/ «лемминги».

Синтаксический потенциал антонимии способствует её реализации в рамках одного словосочетания (*asked and bid*). Также противоположные единицы актуализируются в словах с дефисным написанием (*birth-and-death data*) и в одном слове словосочетания (*breakeven order*). Реализация противопоставления в рамках одного словосочетания предполагает реализацию антонимии с помощью вспомогательных средств (*bargain and sale*) и реализацию без вспомогательных средств. При реализации антонимии с помощью вспомогательных средств возможна её актуализация с помощью союзов (соединительных и разделительных) (*balance of income and expenditures, berth or no berth*), с помощью предлогов (рас-

смаатриваются особенности противопоставления согласно классификации предлогов и состава) (*displacement of human labor by machinery*), с помощью частиц (*ratio of reserves to liabilities*), а также одновременная реализация антонимии как при помощи союзов, так и при помощи предлогов (*contest between master and laborer*).

Понятие номинации в лингвистике имеет отношение к познавательной деятельности человека, в силу чего может сочетать в себе различные аспекты своей реализации. Совокупность понятий номинации, которые проявляются в своём взаимодействии, позволяет сделать вывод о том, что номинацию следует трактовать как «обозначение всего отражаемого и познаваемого человеческим сознанием, всего сущего или мыслимого: предметов, лиц, действий, качеств, отношений и событий» [Гак 1977].

В рамках одной номинации можно наблюдать совместное проявление антонимических отношений объектов друг к другу (*demand outdistances supply* «спрос опережает предложение», *ratio between gold and silver* «соотношение стоимости золота и серебра»); в рамках двух номинаций происходит их дифференциация (*to save* «сберечь; экономить»/ *to dissave* «расходовать, тратить сбережения»); в рамках трех номинаций осуществляется уточнение значения (*senior* «старший бухгалтер-ревизор»/ *semi-senior* «бухгалтер-ревизор»; помощник старшего бухгалтера-ревизора»/ *junior* «младший бухгалтер-ревизор; счётный работник ревизорской службы»).

Существенным для описания уровней языка представляется то, что отдельные более частные специальные вопросы, связанные с задачей определения слова как единицы языка, лежат в области одной из следующих двух проблем: 1) проблемы отдельности слова; 2) проблемы тождества слова. В самом общем виде эти проблемы могут быть сформулированы так: 1) что такое отдельное слово в каждом данном случае его употребления в связной речи; 2) что такое одно и то же самое слово в различных случаях его употребления. Проблема отдельности слова расчленяется на два основных вопроса: 1) вопрос выделяемости слова, представляющий собой вместе с тем вопрос о различии между словом и частью слова (компонентом сложного слова, основой, суффиксом и пр.); 2) вопрос цельности слова, являющийся вместе с тем вопросом о различии между словом и словосочетанием [Смирницкий 1998]. Таким образом, одним из главных показателей самостоятельности слова как единицы языка является вопрос соотношения слова и его части. В этой связи необходимо, чтобы слово отличалось как некото-

рое целое, от той или иной осмысленной части слова.

В связи с последним тезисом можно выделить следующие комбинации формы и значения:

1. нахождение: *external audit* «внешняя ревизия (обычно выполняемая частнопрактикующим бухгалтером-ревизором или коммерческой бухгалтерской фирмой)/ *internal audit* «внутренняя ревизия»;
2. перемещение: *inborn* «рожденный в данной стране» / *outborn* «рождённый в другой стране»;
3. положение: *downswing* «падение, резкое снижение»/ *upswing* «подъём, повышение (цен)»;
4. разнообразие: *monogamy* «моногамия, единобрачие»/ *polygamy* «полигамия, многобрачие»;
5. актуализация: *on-peak service* «отпуск электроэнергии в период пика нагрузки»/ *off-peak service* «отпуск электроэнергии в период провалов нагрузки»;
6. пространство: *overloading* «перегрузка (транспортного средства)»/ *underloading* «неполная нагрузка, недогрузка»;
7. распространение: *intergenerational* «связывающий два поколения»/ *intragenerational* «происходящий в пределах одного поколения»;
8. наружность: *endogenous* «эндогенный, внутренний (напр. о факторе)»/ *exogenous* «экзогенный; внешний (о факторах, определяющих динамику макроэкономических величин)»;
9. идентичность: *homogeneity* «однородность, гомогенность (напр. о продукции)»/ *heterogeneity* «гетерогенность, разнородность, неоднородность (напр. продукции)»;
10. величина: *macrodemography* «макродемография»/ *microdemography* «микродемография».

Для систематизации отношений языка (полной системы) целесообразным также является рассмотрение полной совокупности всех уровней языка, которая продемонстрирует его строй. В итоге система языка представлена в следующем виде: морфемы, слова-части речи, слова-концепты, слова-метафоры, синтаксические конструкции, номинации, комбинация формы и значения, уровни языка.

Таким образом, идея антонимии, возникнув в языкознании с целью семантически противоположных и противопоставленных слов, в итоге зарекомендовала себя всеобъемлющим языковым и речевым явлением, охватывающим все слои лингвистики (морфемы, слова-части речи, слова-концепты, слова-метафоры, синтаксические конструкции номинации, комбинации формы и значения, уровни языка).

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии / В.В. Виноградов. – М., 1975. – 559 с.

2. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы / отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977.
3. Зубкова Л.Г. Целостность языка и его детерминанта в трактовке И.А. Бодуэна де Куртенэ и Н.В. Крушевского / Л.Г. Зубкова // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2006. – кн. 3. – Т. 148. – С. 73–82
4. Зубова Л.В, Меньшикова Ю.В. Морфемика и словообразование современного русского языка: Учебник / Л.В. Зубова, Ю.В. Меньшикова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. 256 с.
5. Комиссаров В.Н. Словарь антонимов современного английского языка / В.Н. Комиссаров. – М.: Междунар. отношения, 1964. – 289 с.
6. Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию / Н.В. Крушевский. – М.: Наследие, 1998. – 293 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 686 с.
8. Прохорова В.Н. О словах с противоположными значениями в русских говорах / В.Н. Прохорова // Филологические науки. – 1961. – № 1. – С. 122–127.
9. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Омен: МГУ, 1998. – 259 с.
10. Соколова Н.Л. К проблеме определения и классификации антонимов и их стилистического использования / Н.Л. Соколова // Филологические науки. – 1977. – № 6. – С. 60–69.
11. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания / Ю.С. Степанов. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.
12. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение. Общий курс / Ф.Ф. Фортунатов // Избранные труды. – Т. I. – М., 1956. – 450 с.
13. Шакирьянов Л.М. Логико-семантический анализ контраста (на материале англоязычных экономических терминов) / Л.М. Шакирьянов // Неофилология. – 2023. – Т. 9. – № 3. – С. 553–560.
14. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 1964. – 316 с.
15. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д.Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1964. – 244 с.

© Шакирьянов Лев Морисович (levshakiryaynov@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО «УДИВЛЕНИЕ» В РОЛИ СУБЪЕКТА (НА МАТЕРИАЛЕ НКРЯ)

Шашкова Виктория Юрьевна

Преподаватель, Северный государственный медицинский
университет, (г. Архангельск)
salvemagistra@yandex.ru

SEMANTIC AND SYNTACTIC PROPERTIES OF THE NOUN "УДИВЛЕНИЕ" AS A SUBJECT (BASED ON THE RNC)

V. Shashkova

Summary: This article provides a comprehensive analysis of the semantic and syntactic properties of the noun "surprise" as a subject. The study was conducted using the RNC, which ensures representativeness of the data and allows us to identify current trends in the functioning of this lexeme in modern Russian.

The paper examines the types of predicates that accompany the noun "surprise" as a grammatical subject. The main semantic groups of verbs are identified: verbs of appearance/disappearance ("arose," "appeared," "passed"), verbs of emotional impact ("seized," "took possession," "struck"), verbs of visual manifestation ("reflected," "flashed," "was read") and others.

The metaphorical nature of the collocation of the abstract noun "surprise" with predicates typical of animate subjects or physical objects is analyzed. Syntactic models of sentences with the subject "surprise" along with their structural and semantic variants, are described.

Particular attention is given to the quantitative aspect of the study: data on the frequency of various constructions is provided, allowing us to identify core and peripheral modes of representing the emotion of surprise in the subject position.

The obtained results contribute to the study of emotive vocabulary in the Russian language and can find application in lexicography, linguodidactics, and cognitive linguistics.

Keywords: emotive vocabulary, subject, predicate-argument structure, semantic compatibility, corpus analysis, RNC, metaphorization of emotions.

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу семантических и синтаксических свойств существительного «удивление» в субъектной позиции. Исследование выполнено на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ), что обеспечивает репрезентативность данных и позволяет выявить актуальные тенденции функционирования данной лексики в современном русском языке.

В работе рассматриваются типы предикатов, с которыми сочетается существительное «удивление» в роли грамматического субъекта. Выделяются основные семантические группы глаголов: глаголы появления/исчезновения («возникло», «появилось», «прошло»), глаголы эмоционального воздействия («охватило», «овладело», «поразило»), глаголы визуального проявления («отразилось», «промелькнуло», «читалось») и др.

Анализируется метафорическая природа сочетаемости абстрактного существительного «удивление» с предикатами, типичными для одушевленных субъектов или физических объектов. Описываются синтаксические модели предложений с субъектом «удивление», их структурные и семантические варианты.

Особое внимание уделяется количественному аспекту исследования: приводятся данные о частотности различных конструкций, что позволяет определить ядерные и периферийные способы репрезентации эмоции удивления в субъектной позиции.

Полученные результаты вносят вклад в изучение эмотивной лексики русского языка и могут найти применение в лексикографии, лингводидактике и когнитивной лингвистике.

Ключевые слова: эмотивная лексика, субъект, предикатно-аргументная структура, семантическая сочетаемость, корпусный анализ, НКРЯ, метафоризация эмоций.

Анализ функционирования лексики «удивление» в современном русском языке на материале Национального корпуса русского языка демонстрирует выраженную асимметрию в её синтаксической дистрибуции. Подавляющее большинство контекстов употребления данной лексики характеризуется её позицией в роли объекта действия, что проявляется в типичных конструкциях с переходными глаголами: «вызвать удивление», «выразить удивление», «скрыть удивление», «испытать удивление» [2]. Такая синтаксическая специализация обусловлена семантической природой абстрактного существительного, обозначающего эмоциональное состояние, которое концептуализируется в языковом сознании преимущественно как результат внешнего воздействия

или как объект, подвергающийся различным манипуляциям со стороны экспериенсера [4].

Субъектная позиция лексики «удивление» реализуется значительно реже и ограничена узким кругом предикатов, допускающих метафорическую персонификацию эмоционального состояния. В конструкциях типа «удивление охватило», «удивление отразилось на лице», «удивление сменилось недоумением» происходит метафорический перенос, при котором эмоция наделяется способностью к самостоятельному действию. Однако статистический анализ корпусных данных свидетельствует о периферийном характере подобных употреблений, что подтверждает общую закономерность: в рус-

ской языковой картине мира эмоциональные состояния концептуализируются преимущественно как пассивные сущности, испытываемые или каузируемые человеком, а не как активные деятели [3].

В ходе исследования было проанализировано 4118 контекстов из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), содержащих лексему «удивление» [1]. Из анализа были исключены все контексты с устойчивыми выражениями «на удивление» и «на удивление кого-то», поскольку в данных конструкциях лексема функционирует иначе, чем в качестве самостоятельного субъекта.

В результате обработки материала был составлен корпус контекстов, в которых слово «удивление» выступает в роли субъекта предложения. Анализ показал, что данная лексема демонстрирует широкую сочетаемость с предикатами различной семантики.

Выявленные глаголы-предикаты можно условно сгруппировать по семантическим признакам:

1. Глаголы существования и состояния: *быть, существовать, иметься, годиться, стоять, относиться*

Годится и удивление по поводу Татьяны. [Н.Л. Траурберг. Сама жизнь (2008) (24499:6056:2)].

2. Глаголы появления и возникновения: *появляться, проявиться, обозначиться, проступить, проступать, возникать, рождать, зажигаться, вспыхнуть, наступить, начинаться, пробиться*

На лице ведьмы медленно проступило удивление [Сергей Лукьяненко. Ночной дозор (1998) (23291:9967:5)].

И словно бы жалостливое удивление пробилось в его голосе. [Ю.М. Нагибин. Учитель словесности (1977) (23447:345:4)]

3. Глаголы исчезновения и прекращения: *исчезать, пропадать, меркнуть, потухать, погаснуть, кончаться, прекратиться, переставать, отсутствовать*

Но как в душе его уже давным-давно не осталось ни даже горчичного семени каких-либо так называемых мистических чувств, то сейчас же и померкло его удивление: шутя сказал он об этом странном совпадении сна и действительности жене и дочери, проходя по коридору отеля. [И.А. Бунин. Господин из Сан-Франциско (1915) (2062:73:24)].

4. Глаголы изменения и превращения: *делаться, становиться, превратиться, превращать, смениться, сменяться, переходить, перерастать, измениться*

Все игры удавались, хотя Яков Иванович упорно умалчивал о своих тузах: удивление его сменилось недоверием к внезапной перемене счастья, и он еще раз повторил неизменное решение — не играть больше четырех. [Л.Н. Андреев. Большой шлем (1899) (62769:108:12)]

Нет ничего бесполезнее и опаснее, как обратить внимание молодой женщины на чувство, которое неизбежно должно оскорбить ее и которое чистота и бла-

городство души не позволяют заметить, но удивление превращает его в замешательство, которое можно дурно истолковать. [Е.С. Шумигорский. Записки Н.В. Головиной [перевод с французского] (1900) (64388:977:27)].

5. Глаголы движения: *проходить, идти, сходить, скользить, пронизать, пронизывать, проскользнуть, передвигаться, пробежать, прошить*

Порой впереди всего идет удивление. [Игорь Харичев. Сад Карла Миллеса // «Знание - сила», 2008 (41178:2:4)].

Минут через десять удивление проходит, и начинается критика [Н.А. Тэффи. Аэродром (1911) (128473:36:3)]

6. Глаголы восприятия: *казаться, выглядеть, чиниться, чувствоваться, ощущаться, видаться*

Новым казалось только удивление от кислого пробуждения в кресле, в путаных складках вязаного пледа. [Дарья Симонова. Сладкий запах вторых рук (1997) (24240:85:3)].

7. Глаголы звучания: *звучать, звенеть, слышаться, раздаваться*

При моем настрое его удивление прозвучало как оклик по имени. [Виктор Слипечук. Зинзивер (2001) (53354:5578:4)]

8. Глаголы эмоционального воздействия: *вызывать, трогать, огорчать, ободрять, пугать, испугать, опьянить, льстить, надоедать, утомлять*

Внезапное удивление... испугало, обожгло, укололо, потом возликовало во мне, возбудило нетерпеливое желание куда-то бежать, чтобы немедленно обнаружить еще что-нибудь». [К.И. Чуковский. Иракий Андроников (1968) (73655:71:1)].

9. Глаголы охвата и захвата: *охватить, охватывать, объять, захватить, владеть, овладевать, взять*

Удивление и даже отчасти ужас охватили вернувшихся, когда они обнаружили, что тушка лисы, оставленная у подножия молельного дерева, куда-то исчезла. [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 1) (1989) (22928:3327:0)].

10. Глаголы усиления и увеличения: *усиливаться, усиливаться, усугубляться, возрасти, увеличиться, расширять, расширять*

Но наше удивление увеличилось, когда мы увидели, что в комнату вошла г-жа Висконти, удивительная красавица шестидесяти лет, сохранившая лицо не поблекшим и без морщин, любовница Бертье. [Е.С. Шумигорский. Записки Н.В. Головиной [перевод с французского] (1900) (64388:4459:2)]

11. Глаголы уменьшения и ослабления: *уменьшиться, притупиться, охладиться*

Потом удивление продавца уменьшилось [Ю.К. Олеша. Три толстяка (1924) (126537:766:1)].

12. Глаголы остановки и неподвижности: *застыть,*

замереть, повиснуть, остаться

Я чувствовал, что в зале **повисло удивление**. [Александр Яковлев. Омут памяти. Т.2 (2001) (53874:827:6)]

13. Глаголы света: светиться, искриться, мелькать

Он менялся с каждым днем, и так интересно было наблюдать, как он постепенно начинает различать меня, и Розалию Наумовну, и няню; как в бессмысленных, еще младенческих глазах вдруг **мелькают удивление, внимание**. [Вениамин Каверин. Два капитана (1938–1944) (76319:12445:29)].

14. Глаголы смешения и соединения: смешаться, сплетаться, примешиваться, примешаться, сочетаться, присоединяться, присоединиться, объединять

В этой ситуации выход книги делается событием интересным вдвойне: к радости, за поэта **примешивается удивление** — что нового скажут его стихи, многие из которых читатель по отдельности уже мог видеть? [Андрей Пермяков. Музыка на воде // «Волга», 2012 (61886:7:14)].

15. Глаголы памяти и фиксации: запоминаться, запечатлеться, засесть

Лицо у него было совсем молодое и вовсе не зверское, напротив, какое-то простодушное **удивление запечатлелось** на нем. [И.А. Новиков. Жертва (1921) (77606:1023:13)]

16. Глаголы действия (общие): делать, сделать, производить, создать, действовать, исполнять

Целомудренное **удивление сделало** ее еще прекраснее. [Д.С. Мережковский. Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи (1901) (77250:2034:1)]

17. Глаголы выражения: выражаться, высказываться, изобразиться, отобразиться, отражаться

Он был высок, очень красив, с выразительными карирами глазами, в которых **отражалось** все сразу: **восхищение, удивление, восторг** и любовь. [Лидия Иванова. Искренне ваша грешница (2000) (52922:2881:15)]

18. Глаголы борьбы и преодоления: бороться, одолеть, превзойти, перевешивать

Потом ему послышался стон, кашель, мычание, и, когда увидел ее изуродованное страданием лицо, на котором **удивление** и боль еще **боролись** со страхом смерти, когда увидел ее искривленные брови, не признающие глаза, алую струйку крови, выползавшую в уголках рта, он, точно затравленный, загнанный судьбой, заметался вокруг нее, ощутив рядом ледяной запах гибели. [Юрий Бондарев. Берег (1975) (22287:3759:15)].

19. Глаголы помощи и содействия: помогать, способствовать

[lagushka] А когда агрессия проявляется без очевидной причины, я думаю, лучше всего **помогает удивление**

(чтобы безопасно для ребенка показать вашу реакцию на его поведение другим) и перевод этой ситуации в шутку. [Форум: Как поступать, когда ребенок дразнит и замахивается на чужих взрослых? (2012.11) (24809:96:12)].

20. Глаголы препятствия: мешать, прерывать, убивать

Полностью согласиться с ним **мешает** одно лишь бесповоротное **удивление** Августина перед способом, которым души соединяются с телами и становятся живыми, говорящими, всматривающимися, «а между тем это и есть человек», который некий определенный факт, двусмысленный как собственный и образный смыслы, понял как свой — новый — мир [С.С. Неретина, А.П. Огурцов. Пути к универсалиям. Раздел V. Универсалии как кванторы: от номинализма к концептуализму (2006) (42332:1179:8)].

21. Глаголы сохранения: сохраняться, храниться

[AtomInfo.Ru] Поэтому у меня **удивление сохраняется**. [Форум: АЭС Фукусима. Технические условия на проведение стресс-тестов (2011) (24846:192:3)].

22. Глаголы физического воздействия: обжечь, уколоть, подвинтить

Внезапное **удивление**... испугало, **обожгло, укололо**, потом возликовало во мне, возбудило нетерпеливое желание куда-то бежать, чтобы немедленно обнаружить еще что-нибудь». [К.И. Чуковский. Ираклий Андроников (1968) (73655:71:1)]

23. Прочие глаголы: написать, выделять, касаться, наслаждаться, испытывать, обнаруживать, уравновесить, достигать, встречать, произойти, поселиться, успокоить, доставить, явиться, приподнять, принять, принимать, мочь, уступать, уступить, последовать, вытесняться, скрываться, наваливаться, проглядывать, получиться, заплясать, посеять, затаиться, хлынуть, припасть, вернуться, прибавлять, гнездиться, вздрагивать, брать, подсказать, копошиться, шевелиться.

От Замараева Полуянов отправился прямо в малыгинский дом, и здесь его **удивление достигло** последних границ. [Д.Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895) (65605:9294:11)].

Удивление горбуна при виде миниатюры красавицы, матери графа Свенторжецкого, **относилось** совсем не к красоте нарисованной женщины, а к сходству, которое вызвало в его уме целый рой воспоминаний далекого прошлого. [Н.Э. Гейнце. Коронованный рыцарь (1898) (64300:7623:0)].

Такое разнообразие предикатной сочетаемости свидетельствует о концептуализации удивления в русском языке как динамичного явления, способного возникать, развиваться, воздействовать на человека и исчезать. Полученные данные могут быть использованы для дальнейшего семантического анализа концепта «удивление» в русской языковой картине мира.

В процессе концептуального анализа было обнаружено большое количество примеров с устойчивым выражением «Каково (велико) же было (чьё-то) удивление». Это выражение представляет собой риторический приём, характерный для художественной литературы XIX — начала XX века. Оно использовалось для создания драматического эффекта и подчёркивания неожиданности происходящего для персонажа.

Типичные контексты употребления:

Но каково было мое удивление, когда, не дотащив невод сажень на 10 от берега, японцы оставили его в воде, потому что эти 10 сажень невод до того был наполнен сельдями, что, несмотря на все усилия 60 работников, они не могли более притянуть невод к берегу... [А.П. Чехов. Остров Сахалин (1893–1895) (63366:4208:4)].

Каково же было удивление Плетнева, когда вместо этого ему принесли тоненькую тетрадь «Выбранных мест из переписки с друзьями» и письмо Гоголя, в котором он просит печатать это произведение втайне, в малоизвестной типографии, и не говорить о нем никому из знакомых. [А.Н. Анненская. Гоголь. Его жизнь и литературная деятельность (1895) (62801:857:3)].

Велико было удивление доктора, когда, едва разыскав свою шинель, он увидел перед собой мальчика и Надежду Николаевну в теплой тальме и шляпке. [В.П. Желиховская. Подруги (1878–1896) (69990:646:2)].

Конструкция часто встречается в произведениях русских классиков, а также в переводной литературе того периода. В современном языке это выражение воспринимается как архаичное и используется преимущественно в стилизациях под старину или с ироническим оттенком.

Проведённое исследование синтаксического поведения лексемы «удивление» раскрывает фундаментальные механизмы концептуализации эмоциональных состояний в русском языковом сознании. Доминирование объектной позиции этой лексемы не просто грамматическая особенность — это отражение глубинной культурно-специфической модели восприятия эмоций как

внешних сил, овладевающих человеком.

Примечательно, что русский язык последовательно представляет удивление через призму пассивности: мы не столько «удивляемся», сколько «испытываем удивление» или позволяем чему-то «вызвать у нас удивление». Эта языковая стратегия формирует особое мировосприятие, где человек предстаёт не автономным генератором эмоций, а скорее их реципиентом — своеобразным сосудом, в который эмоции вливаются извне.

Однако обнаруженное в корпусе многообразия предикатов при субъектном употреблении «удивления» свидетельствует о латентной амбивалентности этого концепта. Когда удивление всё же занимает позицию подлежащего, оно обретает почти антропоморфные черты: может «охватывать», «пронизывать», «вспыхивать», «бороться». Эта метафорическая персонификация указывает на то, что в русской языковой картине мира эмоции осмысляются как квази-одушевлённые сущности с собственной агентивностью.

Особенно интересна выявленная связь удивления с семантикой света и движения. Удивление «вспыхивает», «озаряет», «пробегаёт» — эти метафоры подчёркивают мгновенность и интенсивность данной эмоции, её способность радикально трансформировать перцептивное пространство субъекта. Здесь прослеживается архаичское представление об эмоции как о внезапном изменении состояния сознания, сродни религиозному откровению или поэтическому озарению.

Таким образом, синтаксическая асимметрия лексемы «удивление» отражает двойственную природу эмоционального опыта в русской культуре: с одной стороны, подчёркивается пассивность человека перед лицом эмоций, с другой — признаётся их трансформирующая, почти мистическая сила. Это противоречие открывает перспективы для исследования того, как грамматические структуры формируют и одновременно ограничивают наше понимание внутреннего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru/>
2. Савченко А.А. Некоторые структуры вопросительных адмиративных реплик (на материале переводов с французского языка на русский) // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-struktury-voprositelnyh-admirativnyh-replik-na-materiale-perevodov-s-frantsuzskogo-yazyka-na-russkiy> (дата обращения: 17.08.2025).
3. Хоссейни А.А., Кахнамуеи Т.Х. Адмиративная категория с оценкой возможности и побуждения в русских и персидских вопросительных предложениях // Вестник Кемеровского государственного университета, 2021, № 23(4), с. 1096–1103. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-4-1096-1103.
4. Хоссейни А.А., Кахнамуеи Т.Х. Многофункциональные слова со значениями инференциальности и адмиративности в русском и персидском языках // Вестник Кемеровского государственного университета, 2021, № 23(2), с. 591–598. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-2-591-598.

© Шашкова Виктория Юрьевна (salvemagistra@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ К СОВРЕМЕННОМУ РЕЛИГИОЗНОМУ ПРАЗДНИКУ (НА МАТЕРИАЛЕ МУСУЛЬМАНСКИХ ПРАЗДНИКОВ КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ)¹

Шогенова Марина Чашифовна

кандидат филологических наук, доцент,
Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова, (г. Нальчик)
shog-marina@yandex.ru

FEATURES OF CONGRATULATION TEXTS FOR A MODERN RELIGIOUS HOLIDAY (BASED ON KABARDIAN AND BALKAR MUSLIM HOLIDAYS)

M. Shogenova

Summary: The purpose of the study is to consider the features of the congratulatory text for modern religious holidays celebrated in modern Kabardino-Balkaria. In the article, the genre of congratulatory text is considered as an element of the religious culture of Kabardians and Balkars; thematic content and compositional features of congratulatory texts are determined; its functions in the religious communication of modern Kabardians and Balkars are revealed. The scientific novelty lies in the fact that for the first time a unique empirical material is introduced into scientific circulation, based on the analysis of congratulatory texts for the religious holidays of Eid al-Adha (festival of conversation) and Eid al-Adha (festival of sacrifice), celebrated in Kabardino-Balkaria. The research material helps to expand the understanding of the role of religious congratulatory communication as a relevant mechanism for constructing and expressing ethnic identity in modern multicultural and polyconfessional society.

Keywords: congratulatory text; religious culture of Kabardians and Balkars; a modern religious holiday.

Аннотация: Цель исследования – рассмотреть особенности поздравительного текста к современным религиозным праздникам, отмечаемым в современной Кабардино-Балкарии. В статье жанр поздравительного текста рассматривается как элемент религиозной культуры кабардинцев и балкарцев; определяется тематическое содержание и композиционные особенности поздравительных текстов; выявляются его функции в религиозной коммуникации современных кабардинцев и балкарцев. Научная новизна заключается в том, что впервые в научный оборот вводится уникальный эмпирический материал, основанный на анализе поздравительных текстов к религиозным праздникам, Ураза-байрам (праздник разговения) и Курбан-байрам (праздник жертвоприношения), отмечаемым в Кабардино-Балкарии. Материал исследования помогает расширить понимание роли религиозной поздравительной коммуникации как актуального механизма конструирования и выражения этнической идентичности в современном поликультурном и поликонфессиональном обществе.

Ключевые слова: поздравительный текст, религиозная культура кабардинцев и балкарцев, современный религиозный праздник.

Введение

Праздник издавна отождествляется с духовной потребностью человека в сохранении памяти о чем-то значимом, важном, что когда-то было в истории государства, республики, народа или жизни человека, что детерминирует осознание им важности традиций и опыта поколений как духовной ценности. Праздник формирует, укрепляет определенные нормы, нравственные ценности и идеалы, особо значимые для человека жизненные взгляды и доминирующие в обществе идеи. Праздник всегда эмоционально насыщен и наполняет жизнь человека определенным смыслом. Очевидно, что и в современной жизни праздник представляется неотъемлемой частью социокультурной реальности, играет значимую роль в функционировании общества, воплощает и отра-

жает идеалы прошлого через призму настоящего, в котором по-новому осмысливаются человеческие ценности, возрождаются и сохраняются национальные идеи, составляются позиции в координате «свой-чужой» и т.п. М. Бахтин справедливо утверждал, что «празднество – это очень важная первичная форма человеческой культуры. Оно всегда имело существенное и глубокое смысловое, миросозерцательное содержание...» [1, с. 5]. Праздник укрепляет чувства принадлежности к определенной культуре, способствует социальной сплоченности и передаче опыта и традиций. В современной культуре праздник как важный фактор интеграции и идентичности, как средство сохранения истории, этнических традиций и опыта не теряет своей актуальности. Таким является и религиозный праздник, границы которого в последние десятилетия заметно расширяются. Религия –

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (договор № 43) в рамках программы «Приоритет 2030»

особое духовное явление, которое всегда выражало «... определенное мировоззрение и мироощущение..., поведение индивида и определенные культовые действия, основанные на вере существования высшей силы – Бога...» [2, с. 162)]. Современный религиозный праздник занимает значимое место в системе духовно-нравственных ценностей людей, способствует формированию и укреплению этнической и культурной идентичности. В современных условиях религия - духовная атрибутивная составляющая сущности человека - стала восприниматься как фактор, входящий в комплекс социокультурных маркеров и вместе с тем относительно самостоятельный и хорошо объективируемый феномен социокультурной действительности [3, р. 9]. Праздник в современной религиозной культуре – это особый транслятор духовных ценностей, фактор формирования коллективной идентичности и переживания сакрального, что детерминруется прежде всего в поздравительном тексте, которые претерпевают существенные трансформации, адаптируясь к новым реалиям и потребностям верующих. Современный религиозный поздравительный текст – это сообщение или выражение, которое содержит пожелания, благословения, основанные на религиозных принципах и традициях. Такие тексты часто произносятся в устной форме, в онлайн-коммуникации или представляются в письменном виде. Подобный способ поздравления для многих стал доминирующим, активным, оперативным, удобным, доступным, несложным, а потому востребованным в современном обществе. В частности, это может быть небольшое речевое произведение, включающее стандартные формулы, краткие поздравления с элементами креативности, открытки-поздравления с символикой праздника и небольшим текстом-пожеланием адресату, открытки с праздничной атрибутикой, видео с музыкальным сопровождением и текстом-поздравлением, смайлики в виде улыбок, сердечек, цветов и т.п. Поздравления в социальных сетях и мессенджерах публикуются при помощи контента, который рассчитан на коммуникацию, вовлечение подписчиков в разговор на общую тему, побуждение к общению, высказыванию своего мнения, выражению отзывов и т.п. Праздничная коммуникация отражает идейное содержание мероприятия, утверждает этнокультурную идентичность, реализует целевую установку общения между социальными и языковыми группами. Подобные тексты весьма разнообразны и уникальны: жанр публикации определить однозначно сложно, происходит смешение признаков эпистолярного жанра и повседневной речи; цель пишущего, или поздравителя, направлена преимущественно на передачу эмоций и духовных потребностей выразить свое отношение к мероприятию. Праздничное поздравление направлено на демонстрацию, пропаганду, репрезентацию значимой для конкретного народа религиозную идею, через которую транслируются традиционные базовые концепты, нравственные ценности и эстетические предпочтения этноса. В этой связи стано-

вится актуальным определение природы религиозного поздравительного текста, значимость его смыслового и функционального содержания в системе ценностей современного общества.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

1. рассмотреть поздравительный текст как элемент религиозной культуры кабардинцев и балкарцев;
2. определить целевую направленность поздравительных текстов к религиозным праздникам в Кабардино-Балкарской Республике;
3. выявить и описать функции современного поздравительного текста в религиозной коммуникации современных кабардинцев и балкарцев;
4. рассмотреть композиционные особенности поздравительных текстов к мусульманским праздникам, отмечаемым в Кабардино-Балкарии.

Материал исследования

Материал исследования – тексты поздравлений к религиозным праздникам, которые отмечаются в современной Кабардино-Балкарии: 1) Ураза-байрам (праздник разговения) и 2) Курбан-байрам (праздник жертвоприношения). Основу исследования составили результаты анализа зафиксированных автором статьи текстов поздравлений, которые были реализованы в религиозном дискурсе устно, тексты поздравлений, опубликованных в социальных сетях как актуального и эффективного средства в современной коммуникации. Используемые в исследовании тексты поздравлений носят открытый характер на канал-платформах, были опубликованы на личных страницах в виде поста, сториса и т.п., материал которых доступен для подписчиков (например, см. сайты <https://iz.ru/1860131/2025-03-29/s-musulmanskim-prazdnikom-uraza-bairam-krasivye-otkrytki-i-pozdravlenia>; <https://xn-7sbablInmsiu1dzd9c.xn--p1ai/tag/uraza-bajram> и др.).

Для достижения цели и решения поставленных задач были зафиксированы и исследованы 66 текстов, из которых 30 поздравлений к праздникам «Ураза-байрам» и «Курбан-байрам» (2024-2025гг); 36 текстов - из социальных сетей (<https://iz.ru/1860131/2025-03-29/s-musulmanskim-prazdnikom-uraza-bairam-krasivye-otkrytki-i-pozdravlenia>; <https://xn-7sbablInmsiu1dzd9c.xn--p1ai/tag/uraza-bajram> и др.).

Основные **критерии отбора** текстов: 1) связь с тематикой праздника; 2) открытый доступ (для цифровых текстов).

Методы исследования

1) метод сплошной выборки текстов; 2) метод включенного наблюдения; 3) метод теоретического анализа.

Кабардино-Балкария – уникальная многонациональная и поликонфессиональная республика, в которой проживают представители более ста национальностей со своей самобытной культурой и историей, всегда отличалась этнической и религиозной толерантностью. Доминирующая мусульманская религия в республике имеет глубокие исторические корни, однако актуализировались ее тенденции в последние десятилетия. Так, по данным января 2017 г. зарегистрированы 192 религиозные организации, в том числе 138 мусульманских... // <https://docs.cntd.ru/document/445070711/titles/G385HT>. По словам исследователя С.И. Аккиевой, с начала 90-х годов XX века доступность религиозной литературы привела к росту числа людей, соблюдающих религиозные обряды. Наблюдается рост числа людей, знающих исламские традиции и соблюдающие их. Совершение пятикратной молитвы (намаз) и пост (ураза) получают широкое распространение среди людей среднего и молодого возраста... [4, с. 51]. Особое место в духовной жизни верующих занимают два главных исламских праздника – 1) Ураза-байрам (праздник разговения) и 2) Курбан-байрам (праздник жертвоприношения), даты которых устанавливаются по лунному календарю и объявляются в республике праздничными днями.

Ураза-байрам и Курбан-байрам являются важными праздниками в регионе, которые отмечаются мусульманами по всему миру. Праздник Ураза-байрам связан с окончанием месяца Рамадан - периода поста, молитвы и духовного очищения, символизирует радость и благодарность за завершение поста, отражает ценности ислама, утверждают братство, милосердие и заботу о ближнем, а праздник Курбан-байрам, или Праздник жертвоприношения, связанный с символической готовностью пророка Ибрахима (Авраама) принести в жертву своего сына Исмаила во исполнение воли Аллаха, отмечается всеми мусульманами, которые совершают ритуальное жертвоприношение. В эти священные дни мусульмане обмениваются поздравлениями, которые служат не только средством общения, но и способом передачи традиционных ценностей и норм, пожелания здоровья, мира, благополучия, справедливости и милосердия.

Все эти чувства и эмоции отражаются в поздравительном тексте (слове) как определенном жанре современной коммуникации. Тексты поздравлений – это не только способ передачи информации, но и средство взаимодействия, способствующее укреплению межличностных связей и созданию позитивного эмоционального социального фона, а в эпоху цифровой коммуникации и появлением новых коммуникационных платформ поздравительные тексты стали более доступными, разнообразными, востребованными, что расширяет возможности для их функционирования. Интересным является факт, представленный экспертами оператора «Мегафон»

на сайте «СМИ КБР», который подтверждает актуальность поздравлений к религиозным праздникам в республике: «В период Курбан-байрам абоненты МегаФон в Кабардино-Балкарии активно поздравляли близких в мессенджерах и социальных сетях – рост интернет-трафика в один из дней праздника составил 7,6 %, а в среднем за период с 19 по 22 июля – 5,1 %... Это на 11 % больше новогоднего всплеска активности в сети (<https://www.smikbr.ru/node/2544>).

Жанр поздравительного текста в работе понимается как особая форма письменной или устной коммуникации, актуализированная в связи с возрастающей духовной потребностью современных людей в общении и выражении положительных эмоций, пожеланий и поздравлений по поводу значимых событий в жизни человека.

Анализ поздравительных текстов к религиозным праздникам, отмечаемым в Кабардино-Балкарии, показал, что идейно-тематическое содержание поздравлений направлено на посыл и утверждение актуальных для современного человека нравственных ценностей:

- **духовное очищение и благословение от Аллаха** («...праздник знаменует собой окончание обязательного поста, который для каждого мусульманина является прекрасной возможностью физического и духовного очищения...» // <https://www.kbrdum.ru/novosti/5243-pozdravlenie-muftiya-kabardino-balkarii-s-prazdnikom-id-al-fitr-uraza-bajram-2>; «...От всего сердца желаю, чтобы Аллах услышал все ваши молитвы и благословил вас, ваших родных и друзей...» // <https://www.pozdravok.com/pozdravleniya/prazdniki/kurban-bayram/proza.htm>; Пусть Всевышний примет ваш пост, молитвы и благие деяния! // <https://nalchik.bezformata.com/listnews/kabardino-balkarskoy/144287469/>
- **согласие и единство в семье** («...В этот важный для всех мусульман праздник хочу пожелать крепкого семейного счастья, домашнего уюта и изобилия. Пусть ваши близкие будут здоровы и соберутся все сегодня за большим столом. Благословенного праздника!» // <https://iz.ru/1860131/2025-03-29/musulmanskim-prazdnikom-uraza-bairam-krasivye-otkrytki-i-pozdravlenia>;
- **ответственность человека за свои слова и поступки** («...Рамадан – это испытание нашей зрелости, подтверждение осмысленной ответственности за поступки...» // <https://www.kbrdum.ru/novosti/5629-pozdravlenie-muftiya-kabardino-balkarii-khazratelij-khadzhi-dzasezheva>;
- **ценность в сохранении культурного наследия** («...Через традиции милосердия и взаимопомощи Ураза-байрам возвращает людей к духовным истокам, укрепляет связь поколений ...» // Поздравление Председателя Парламента Кабарди-

но-Балкарской Республики Т.Б. Егоровой с праздником Ураза-байрам // <https://nalchik.bezformata.com/listnews/uraza-bayram/144282115>.

Таким образом, очевидно, что поздравительные тексты к религиозным праздникам Кабардино-Балкарии основаны на глубокой вере в силу Всевышнего и направлены на общие цели – выразить свою веру в религию, веру в силу Всевышнего, получить благословение и поддержку от Аллаха, утвердить свою причастность к общей группе верующих людей. В поздравительных текстах преобладают такие ключевые концепты, как *молитва, пост, вера, духовное очищение, благословение, милосердие, традиции*.

Современные религиозные поздравительные тексты играют важную роль в жизни общества, способствуют укреплению социальных связей, передаче культурных традиций и формированию моральных норм. В условиях глобализации и культурного разнообразия поздравительное слово становится особенно актуальным, так как подчеркивает необходимость уважения и понимания различных религиозных традиций, призванных выполнять множество функций, среди которых нами выделены следующие: коммуникативная, образовательная, морально-нравственная, культурная и психологическая.

Коммуникативная функция

Коммуникативная функция как фактор утверждения значимости священного праздничного дня для людей, имеющих общие взгляды и мировосприятие и испытывающих потребность в общении с ними:

- «Поздравляю с завершением священного месяца Рамадан и праздником Ураза-байрам! // <https://iz.ru/1860131/2025-03-29/s-musulmanskim-prazdnikom-uraza-bairam-krasivye-otkrytki-i-pozdravlenia>;
- «С праздником Ураза! От всей души поздравляю вас с этим светлым днем! // <https://iz.ru/1860131/2025-03-29/s-musulmanskim-prazdnikom-uraza-bairam-krasivye-otkrytki-i-pozdravlenia>;
- «Поздравляю вас с одним из главных мусульманских праздников – Курбан-байрам! // www.pozdravok.com/pozdravleniya/prazdniki/kurban-bayram/proza.htm;
- «От всего сердца поздравляю мусульман Кабардино-Балкарии с праздником Ураза-байрам! Этот светлый день знаменует окончание священного месяца Рамадан... // <https://xn----7sbablInnmsiu1dzd9c.xn--p1ai/tag/uraza-bajram/>;
- «Искренне поздравляю мусульман Кабардино-Балкарии со священным праздником Ураза-Байрам!» (glava.kbr.ru/pryamaya-rech/pozdravlenie-glavy-kaba00rdino-balkarskoy-respubliki-kokova-k-v-s-prazdnikom-uraza-bayram.html).

Культурная функция

Религиозные поздравительные тексты являются важным элементом культурной идентичности. Они отражают традиции, обычаи и историческую память народа. Поздравления, произносимые в рамках религиозных праздников, помогают сохранить культурное наследие и передать его следующим поколениям. Например:

- «...Мусульмане Кабардино-Балкарской Республики активно... вносят важный вклад в укрепление взаимопонимания и взаимоуважения между людьми, межнационального и межконфессионального согласия, единства и сплоченности нашего народа. Большого уважения и благодарности заслуживает деятельность мусульманских организаций, направленная на упрочение института семьи, патриотическое воспитание подрастающего поколения // К. Коков, Глава Кабардино-Балкарской Республики [https://nalchik.bezformata.com/listnews/kurban-bayram/147047273/\\$](https://nalchik.bezformata.com/listnews/kurban-bayram/147047273/$)
- Мусульмане Кабардино-Балкарии бережно хранят эти культурные традиции, свято берегут общие для народов республики и страны духовно-нравственные ценности, которые всегда были и остаются прочной основой единства и силы нашего Отечества // <https://nalchik.bezformata.com/listnews/kabardino-balkarskoy/144287469>.

Образовательно-воспитательная функция

Образовательно-воспитательная функция как средство воспитания подрастающего поколения в духе религиозной культуры, служат напоминанием взрослым о значимости традиций и норм – все эти характеристики позволяют утверждать, что современные поздравительные тексты к религиозным праздникам выполняют и образовательную функцию. Религиозные тексты часто содержат элементы обучения и передачи знаний о религиозных традициях, обряде и духовных ценностях. В поздравительном слове звучит назидание и утверждение определенных принципов воспитания. Например:

- «...Особо хочется отметить важность вклада мусульман Кабардино-Балкарии в патриотическое воспитание подрастающего поколения, благотворительную, волонтерскую и просветительскую деятельность // <https://xn----7sbablInnmsiu1dzd9c.xn--p1ai/2024/04/11/pozdravlenie-glavy-kabardino-balkarskoj-respubliki-k-v-kokova-s-prazdnikom-uraza-bajram/>;
- «...Мусульмане Кабардино-Балкарии бережно хранят эти традиции, свято берегут общие для народов республики и страны духовно-нравственные ценности, которые всегда были и остаются прочной основой единства и силы нашего Отечества...» // <https://nalchik.bezformata.com/listnews/kabardino-balkarskoy/144287469/>;

- «...Мусульмане республики вместе с представителями других конфессий, религиозных и общественных организаций всемерно содействуют сохранению наших традиционных духовно-нравственных и культурных устоев, формированию в Кабардино-Балкарии гражданского общества, укреплению единства, дружбы, мира и согласия. // <https://xn----7sbablnnmsiu1dzd9c.xn--p1ai/2024/04/11/pozdravlenie-glavy-kabardino-balkarskoj-respubliki-k-v-kokova-s-prazdnikom-uraza-bajram>.

Морально-нравственная функция

Религиозные поздравления содержат элементы морального наставления, побуждают людей к добрым поступкам и соблюдению этических норм. Они могут вдохновлять на благотворительность, заботу о ближнем, проявление милосердия, сострадания. Поздравительные тексты способствуют формированию нравственно-го образа личности и укреплению нравственных устоев общества. Например:

- «...Этот месяц олицетворения самых гуманных человеческих чувств, которые выражаются в проявлении заботы и сострадания к нуждающимся, оказании им помощи и поддержки...Священный месяц Рамадан, являющийся вершиной всех месяцев, это еще и время подведения итогов. Он позволяет окинуть взглядом пройденный год, увидеть наши промахи и недочеты, а то и грехи, и дает возможность просить Милостивого и Милосердного о прощении и наставлении ...» // <https://www.kbrdum.ru/novosti/5629-pozdravlenie-muftiya-kabardino-balkarii-khazratelij-khadzhi-dzasezheva>;
- «...Этот праздник, наполненный светлыми и радостными чувствами, олицетворяет высокие моральные устои ислама, основанные на идеалах добра, справедливости и милосердия, побуждает человека совершать благие дела, проявлять заботу о ближнем...» // <https://mintrans.kbr.ru/news-pozdravlyayu-musulman-kabardino-balkarii-s-prazdnikom-kurban-bayram.html>;
- «...В этот день мы подводим некий итог своему поведению, своей покорности, своему милосердию, которые старались продемонстрировать целый месяц, обращаемся к своему Господу с мольбой о том, чтобы Он принял наш пост и все благие намерения, и деяния, совершённые нами в Рамадан, и надеемся, что Всевышний Аллах по Своей милости примет наше богослужение. Ид аль-Фитр является логическим завершением Рамадана, но с праздником не заканчивается поклонение, не заканчивается совершение благих деяний, напротив, с ещё большим рвением мы должны стремиться к довольству нашего Создателя...» //

муфтий Х.Дзасежев, <https://kbrria.ru/obshchestvo/MuftiyKBRpozdravilmusulman>.

Психологическая функция

Религиозные поздравительные тексты способны оказывать положительное влияние на психологическое состояние человека. Они поднимают настроение и вдохновляют на позитивные изменения. Психологическая направленность поздравлений служит для поздравителя и адресанта источником духовной поддержки и укрепления веры:

- «...Пусть радостный праздник Курбан Байрам принесет в твой дом счастье, подарит твоему сердцу надежду, озарит твой путь благодатью. От души поздравляю и желаю мира над головой, здоровья и достатка в семье, искренних молитв и добрых дел в жизни! Поздравляю со светлым, долгожданным и добрым праздником — Курбан-байрам!» // <https://nalchik.bezformata.com/listnews/kurban-bayram/147047797/>;
- От всей души желаю всем жителям Кабардино-Балкарской Республики крепкого здоровья, счастья и благополучия, исполнения добрых надежд. // <https://glava.kbr.ru/pryamaya-rech/pozdravlenie-glavy-kaba00rdino-balkarskoj-respubliki-kokova-kv-s-prazdnikom-uraza-bayram.html>;
- С праздником Курбан Байрам! Пусть Аллах примет жертву во имя счастья, здоровья вашей семьи, всех близких и родных. Пусть в такой почитаемый день, праздник Курбан Байрам отмечается с особенным настроением и все люди будут добры друг к другу! Желаю в священный праздник Курбан Байрам только приятных известий, пусть святые мощи помогут в любых начинаниях, а радость побед будет долгой! <https://nalchik.bezformata.com/listnews/kurban-bayram/147047797/>;
- «Пусть ваши помыслы будут чисты, а жизненный путь светлым. Пусть каждый новый день приносит много радости и счастья, а Аллах хранит вас и оберегает...» // <https://www.pozdravok.com/pozdravleniya/prazdniki/kurban-bayram/korotkie-proza.htm>

Очевидно, что функции поздравительного текста многообразны, однако они все подчинены формированию и утверждению ценностного идеала, стремление к которому составляет основной путь в религии. Функции поздравительного религиозного текста ориентированы прежде всего на личностный потенциал человека: 1) функции, определяющие базовые, универсальные принципы толерантного сосуществования людей в обществе (коммуникативный аспект и культурный аспект), 2) функции, направленные на гармоничное развитие личности, образование, формирование нравственных качеств и поддержание психологического здоровья человека (об-

разовательный, воспитательный, нравственный и психологический аспекты).

Анализ поздравительных текстов дает возможность рассмотреть и их композиционные особенности. Тексты поздравлений создаются относительно произвольно в зависимости от формата и целевой направленности (официальное-неофициальное поздравление, письменное-устное, пост, сторис и т.п.). Однако структура поздравлений подчиняется определенной логике, которая направлена на реализацию коммуникативных целей. Так, условно возможно выделить базовые композиционные элементы:

1. **начало поздравления**, в котором реализуется контактная функция: обращение к адресату, ссылка на праздничное мероприятие и указание на значимость и ценность праздника («Дорогие братья и сестры!», «Уважаемые мусульмане Кабардино-Балкарии!», «Поздравляю с праздником Ураза-байрам!», «Священный праздник Курбан-байрам», «...В этот светлый день», «...В этот священный праздник»;
2. **основная (содержательная) часть поздравления** направлена на раскрытие идейно-тематического содержания текста: это может быть а) объяснение сути и принципов праздника, значимость религии в жизни человека, утверждение важности праздника («...этот праздник...знаменует окончание священного месяца Рамадан», «символизирует готовность пророка Ибрахима принести жертву Аллаху» и т.п.); б) актуализация ценностей, утверждение нравственных ориентиров, связанных с праздником, усиление значимости духовного очищения, милосердия, единства в семье, забота о ближнем, формирование ответственности и т.п. («...Этот праздник, наполненный светлыми и радостными чувствами, олицетворяет высокие моральные устои ислама, основанные на идеалах добра, справедливости и милосердия, побуждает человека совершать благие дела, проявлять заботу о ближнем...»; «...Желаю, чтобы в вашем доме всегда царил атмосфера счастья и блага, чтобы вы не знали печалей и горя, а сердце с радостью встречало каждый новый день»); в) пожелания, наставления духовно-нравственного характера, назидания воспитательного плана («Желаю совершать благие дела и проявлять милосердие»; «...Пусть ваши сердца будут открыты для доброты...»; «...Этот светлый праздник учит нас вере, терпению, состраданию и щедрости души...»);
3. **заключительная часть поздравления** основывается чаще на благопожелании, формульной молитве с просьбой и верой, обращенной к Всевышнему: «Пусть Всевышний ниспошлет вашим семьям мир, согласие и благополучие», «Да примет Аллах ваши жертвоприношения», «Пусть

Аллах примет ваш пост и молитвы», «...Пусть Всевышний примет ваш пост, молитвы и благие деяния...», «...Пусть Аллах услышит ваши молитвы и исполнит все ваши сокровенные желания...». Иногда в заключительной части еще раз закрепляется поздравление словами «С праздником!».

Некоторые особенности присущи текстам официального формата – например, в поздравлениях представителей власти или муфтията. Обращения-поздравления официальных лиц подчинены более строгой структуре и основной части выступления усиливаются вопросы, отражающие культурную, воспитательную, образовательную функции праздника, акцентируется значимость мусульманского духовенства в развитии общества и т.п. («...Мусульмане Кабардино-Балкарской Республики активно содействуют сохранению...непреходящих традиционных духовно-нравственных ценностей, вносят важный вклад в укрепление взаимопонимания и взаимоуважения между людьми, межнационального и межконфессионального согласия, единства и сплоченности нашего народа...»//<https://nalchik.bezformata.com/listnews/prazdnikom/147048810/>). Неофициальные поздравления частного характера более лаконичны, но подчеркнута эмоциональность и часто визуализируются открытками с мечетью, полумесяцем или дополняются эмодзи (смайлики, сердечки), но ключевой посыл сохраняется при помощи концептов «священный праздник», «пусть будут приняты пост и молитвы», «благословение», «благие и добрые дела» и т.п. сохраняются.

Таким образом, композиция поздравительного текста позволяет его автору не только выразить свое эмоциональное состояние, подчеркивающее причастность к общему празднику, но и транслировать непреходящие духовные ценности, в которых закреплена традиционность и сакральность.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- поздравительный текст, используемый в религиозной культуре кабардинцев и балкарцев, представляет собой сложное многожанровое явление, синтезирующее канонические религиозные формулы, этнокультурные традиции и современные коммуникативные практики; выступает ключевым инструментом актуализации религиозной идентичности в поликонфессиональной среде Кабардино-Балкарии, связывая личную веру с коллективным празднованием;
- целевая направленность поздравительных текстов является многоуровневой: на поверхностном уровне передаются эмоциональные чувства, вызванные праздничным мероприятием, и уста-

навливают контактную функцию; на глубинном уровне реализуются консолидирующая цель с едиными принципами формирования и воспитания личности в религиозной вере, в духовном наставлении, трансляции системы общечеловеческих ценностей (милосердия, ответственности, готовности совершать благие и праведные дела, помогать ближнему, нуждающемуся и т.д.);

- функции современного поздравительного текста в религиозной коммуникации кабардинцев и балкарцев разнообразны и направлены на установление и поддержание связи между верующими, создание общего эмоционального и смыслового поля (коммуникативная функция); сохранение культурной идентичности, интеграция религиозных традиций в единый культурный код народов республики (этнокультурная функция); образование и воспитание подрастающего поколения и укрепление чувств верующих, актуализацию сущности религиозных праздников в контексте современных вызовов (образовательно-воспи-

тательная функция); побуждение к совершению благих дел, заботе о ближнем и духовному самосовершенствованию (нравственная функция); создание позитивного эмоционального настроения, оказание духовной поддержки, укрепление надежды и веры (психологическая функция)

- композиционные особенности поздравительных текстов демонстрируют их жанровую оформленность, которая, несмотря на гибкую структуру, тяготеет к трехчастной модели (начало, основная часть и заключение), тем самым обеспечивает как преемственность традиции, так и ее адаптацию к условиям цифровой коммуникации.

Таким образом, поздравительные тексты к религиозным праздникам Ураза-байрам и Курбан-байрам в Кабардино-Балкарии являются динамичным и значимым социокультурным феноменом, который не только обслуживает речевую практику верующих, но и активно формирует современное общественное нравственное сознание, укрепляет культурную толерантность в республике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. Бахтин. – Москва: Эксмо, 2015. 640 с. – ISBN 978-5-699-74021-5.
2. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности и жанры (на материале православного вероучения) // Знание. Понимание. Умение. Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский гуманитарный университет» научное издательство. 2008. №1. С.162-167.
3. Cohen A.B. Religion and culture // Online Readings in Psychology and Culture. – 2011. – Vol. 4, №. 4. – P. 8–11.
4. Аккиева С.И. Ислам в Кабардино-Балкарии // «Ислам в Кабардино-Балкарской Республике», М., 2009 г. С. 44 -54.

© Шогенова Марина Чашифовна (shog-marina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКОНОМИКА ЯЗЫКА КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ГУМАНИТАРНОГО ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ РОССИИ

Юдина Наталья Владимировна

доктор филологических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, (г. Москва)
nvyudina@fa.ru

Камашев Иван Ильич

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, (г. Москва)
tugezakam@gmail.com

THE ECONOMICS OF LANGUAGE AS A TOOL FOR ASSESSING THE HUMANITARIAN INNOVATION POTENTIAL OF RUSSIAN REGIONS

**N. Yudina
I. Kamashev**

Summary: The article examines the economics of language as an interdisciplinary approach that integrates linguistic and economic analysis within the framework of humanitarian policy. The relevance of the topic is substantiated through the influence of linguistic factors on social and cultural development, including the formation of the innovative potential of regions. A review of foreign studies is presented, emphasizing the relationship between language competence and economic activity, multilingualism policies, and the preservation of minority languages. The main directions of Russian research are also analyzed, covering issues of language policy, income, marketing, and regional discourses. Particular attention is given to the integration of language economics parameters into the system for assessing the humanitarian innovation potential of the constituent entities of the Russian Federation. The article identifies key indicators reflecting the institutional, educational, cultural, and media dimensions of the linguistic environment. It concludes that the economics of language serves as an effective analytical tool for developing regional strategies aimed at strengthening sociocultural sustainability and humanitarian development. The materials of the article can be used in the creation of monitoring systems and in evaluating the effectiveness of language policy in multinational regions.

Keywords: economics of language, language policy, innovation potential, multilingualism, sociolinguistics, cultural identity.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению экономики языка как междисциплинарного подхода, объединяющего лингвистический и экономический анализ в контексте гуманитарной политики. Обосновывается актуальность темы через влияние языковых факторов на социальное и культурное развитие, в том числе на формирование инновационного потенциала регионов. Проведён анализ зарубежных исследований, где акцент сделан на взаимосвязи языковой компетентности и экономической активности, политике многоязычия, а также сохранении малых языков. Рассматриваются основные направления отечественных исследований, включая вопросы языковой политики, доходов, маркетинга и региональных дискурсов. Отдельное внимание уделяется возможности интеграции параметров экономики языка в систему оценки гуманитарного инновационного потенциала субъектов Российской Федерации. В статье выделены ключевые индикаторы, отражающие институциональные, образовательные, культурные и медийные аспекты языковой среды. Сделан вывод о значимости экономики языка как аналитического инструмента для разработки региональных стратегий, направленных на укрепление социокультурной устойчивости и гуманитарного развития. Материалы статьи могут быть использованы при создании систем мониторинга и оценки эффективности языковой политики в многонациональных регионах.

Ключевые слова: экономика языка, языковая политика, инновационный потенциал, многоязычие, социолингвистика, культурная идентичность.

Введение

Современный процесс глобализации и интеграции экономики со всеми сферами жизни общества оказывает огромное влияние на состояние языков мира. Экономика языка (англ. economics of language (Carlile, 1909)), представляет собой совокупность гуманитарных и экономических подходов к анализу языковых процессов, применимых в том числе к российскому социокультурному контексту. В зарубежной науке термин утвердился в середине XX века и с тех пор активно развивается, охватывая всё более широкий спектр проблематики. В отечественной научной литературе данная область представлена в ограниченном объёме, что об-

условлено недостаточной междисциплинарной разработанностью темы.

Анализ экономики языка позволяет интегрировать лингвистические и экономические подходы к оценке факторов социального и культурного развития. В условиях современной гуманитарной политики особое значение приобретает задача выявления языковых и культурных факторов, влияющих на инновационную динамику регионов. Данная статья закладывает основы для рассмотрения экономики языка как одного из элементов методики оценки гуманитарного инновационного потенциала субъектов Российской Федерации – категории, которая становится ключевой в исследова-

тельских стратегиях, ориентированных на развитие креативных индустрий, цифровой медиасреды и языковой идентичности.

Роль экономики языка в зарубежных исследованиях

Барри Чисуик в своём исследовании представляет экономику языка как «науку, изучающую детерминанты и роль языковой компетентности с помощью специальных методологий и инструментариев экономики» (Chiswick, 2008) (перевод наш). Язык экономики формируется на стыке самой экономики, социолингвистики и социологии, исследуя совокупность факторов, влияющих на социальную среду через языковые механизмы. Западная ветвь исследователей занимается изучением влияния владения конкретного языка на уровень развития государства, на уровень заработной платы и на успешность конкретной организации или системы. В исследованиях прослеживается параллель с изучением разных типов культур, их особенностей и языка, с целью выяснить, какая установлена между ними взаимосвязь. Следует отметить, что такие исследования опираются на положения теории лингвистической относительности Сепира-Уорфа, которые предполагали зависимость общества от их языка и культурных особенностей, от формируемой языком картины мира.

Основной точкой опоры экономики языка является человеческий капитал, включающего как физические, так и когнитивно-языковые ресурсы индивида. Именно языковой потенциал, языковая компетентность человека способствует его развитию в сфере труда, самосовершенствования и образования, а также мотивирует мигрировать в более благоприятные условия, что обеспечивает материал для социологических исследований в данном направлении. Это позволяет интерпретировать экономику языка на уровне микроэкономических взаимодействий, рассматривая поведенческие и когнитивные характеристики носителей языка. Под языковой компетентностью в рамках экономики языка понимается способность индивида осваивать и использовать иностранный язык в условиях межкультурного взаимодействия. Изучая миграцию как сферу экономики языка, Чисуик выделил основные факторы языковой компетентности, которые влияют на развитие личности в экономическом пространстве:

- **Контакт** – опыт взаимодействия с конкретным иностранным языком.
- **Эффективность** – способность к изучению языка. Так, молодые люди более легко осваивают новый язык в процессе интеграции, чем взрослые или пожилые.
- **Экономические стимулы** как цель овладения иностранным языком. Мигрант должен осознавать выгоду изучения того или иного языка, чтобы

эффективно налаживать контакты с окружающими его людьми (Chiswick, 2008).

Под методологией изучения данного круга проблем понимаются научные методы, такие как моделирование и прогнозирование, однако, как и сама экономика, они не могут дать точного ответа на конкретную проблему или ситуацию, а лишь занимаются описанием уже произошедших явлений (Chiswick, 2008).

Согласно изученному материалу, главную роль в экономике языка в большей мере играет не сама экономика, а именно язык, так как он определяет основные направления деятельности человека и общества, создаёт понятийный аппарат для круга изучаемых явлений и процессов.

Важно определить круг задач, которыми занимается экономика языка. Франсуа Грин (Grin, 1994) в своей статье рассмотрел основные категории, на которые делятся исследования в сфере экономики языка:

- **сравнение языка и трудового дохода**, куда входят:
 - разница в доходах в зависимости от страны или региона, а также в зависимости от городской или сельской местности;
 - разработка методологий сравнения разного уровня зарплат у людей, имеющих сравнительно одинаковые навыки и опыт;
- **усвоение второго языка**, где проводятся:
 - исследования отношения усвоения языка в зависимости от уровня образования, возраста при миграции, времени миграции, существования миноритарного языка на конкретной территории;
 - изучение важности факторов владения второго языка.
- **язык и развитие национализма**, что включает:
 - изучение языковой политики;
 - изучение вопросов военной, политической и дипломатической межгосударственной политики;
 - изучение взаимосвязи культуры и языковой политики.
- **изучение миноритарных языков**, куда входят:
 - изучение особенностей миноритарных языков;
 - поиск методов поддержки и сохранения таких языков;
 - исследования их изменений.
- **связь языка и теории рационального выбора;**
- **иные, изолированные направления исследований** (11).

Большое внимание в экономике языка уделяется проблеме сохранения языков малых групп: по мнению исследователей, если к концу XXI века 90% языков исчезнет и останутся лишь самые используемые из них, может радикально измениться экономическая ситуация. Ценность родного языка в экономике под угрозой, и

если тенденция глобализации в лингвистике продолжится, сама экономика, как и многие другие науки, окажутся под ударом, обусловленным стиранием культурных обычаев и особенностей психологического восприятия реальности каждым отдельным обществом и народом. Ценность языка измеряется исследователями по тому, насколько эффективно и просто может быть достигнута цель коммуникации, и состоит она из двух компонентов, выведенных Т. Лалитасири Гунаруван и Сасини Т.К. Кулатунга (Gunaruwan, Sasini, 2012): **ценность использования** (Use Value) и **собственная**, присущая внутренней структуре языка, **ценность** (Intrinsic Value). Из этих двух компонентов складывается **общая ценность** (Total Value), благодаря получению которой можно разработать ряд превентивных мер, способствующих выживанию языка.

Поле изучаемых проблем экономики языка в Российской Федерации

Рассмотрев работы иностранных учёных, необходимо теперь выявить особенности рассматриваемых проблем сферы экономики языка в России. На данный момент, статей в этой сфере не так много, однако исследования сопряжённых или входящих в неё тем проходят в большом количестве. За последние годы увеличилось количество статей по теме языковой политики государства и по сохранению языков малых народностей, что соответственно входит в рамки экономики языка, однако прямо не называется. Сам термин используется в двух статьях, связанных с **субъектом**, и рассматривает проблемы, связанные с национальными языками и уровнем доходов. Так, статья Э.В. Хилхановой исследует влияние владения миноритарным языком на доход граждан Татарстана. Э.В. Хилханова предлагает такую классификацию тематической дифференциации экономики языка:

- **язык и доход;**
- **языковая дискриминация в экономическом ракурсе;**
- **экономика и иностранные языки;**
- **владение языками мигрантами и доход** (Хилханова, 2022).

Как видно из списка проблем, классификация похожа на канадский вариант. Стоит отметить: именно в Канаде стали впервые говорить о взаимосвязи языка и дохода, что и сформировало экономику языка как отдельную научную сферу, что связано с двуязычием Канады и национальным вопросом.

Изучая взаимосвязь знания татарского языка и размера заработной платы, Хилханова пришла к некоторым основополагающим выводам касательно **языковой политики** РФ. Российское законодательство на всех уровнях, за некоторыми исключениями, **не содержит механизмов поощрения сохранения и изучения языков**

народностей; кроме общего заключения о том, что языки необходимо сохранять, нет никаких упоминаний о финансовой поддержке таких действий, что существенно ограничивает потенциал функционирования миноритарных языков и способствует их языковой эрозии. Ни экономические, ни политические акты не пишутся на миноритарных языках, все деловые проекты выполняются на русском языке, из-за чего русский язык, будучи единственным государственным языком Российской Федерации, обретает авторитарный характер, тем самым «выдавливая» другие языки республик. Так, согласно проведённому исследованию, закон, позволяющий добровольно изучать национальные языки республик, сказался на зарплате учителей татарского языка и других татароязычных сотрудников различных организаций. Поэтому в России, согласно выводам Хилхановой, сохраняется пессимистичный прогноз на дальнейшее существование и использование миноритарных языков в деловом спектре (Хилханова, 2022).

Так как к основным направлениям экономики языка относится и языковая политика, изучаемая большим количеством российских исследователей, необходимо более подробно рассмотреть её особенности в глобальном, общероссийском плане. Этим вопросом занимается Д.В. Кадочников (Кадочников, 2019), который выражает обеспокоенность настоящей языковой ситуацией нашей страны. Анализ позволяет выделить основные тезисы, включённые в его статью. В первую очередь законы и нормативные акты, регулирующие экономическую политику РФ, имеют конечную цель, которая редко заключается в реализации благосостояния граждан и возможности удовлетворения потребностей, довольствия материальными и нематериальными благами. Однако основная цель этих актов – сохранение и развитие русского языка и языков народов РФ, что, по мнению Д.В. Кадочникова, является ошибочным, так как в языке необходимо видеть «инструмент, ценность которого определяется тем, как и для чего он используется» (Кадочников, 2019). Проблема заключается в том, что под «развитием и сохранением» подразумевается не применение языков народов в новых сферах, а их привычное использование в ранее сложившихся обстоятельствах, при этом в политическом и экономическом плане их существование вообще никак не определяется, что соответственно наводит на мысль о незаконности и неэффективности правовых актов, обеспечивающих функционирование языковой политики. Процессы сокращения функциональных сфер применения языков продолжают оставаться нерешённой проблемой. Выводится положение о том, что формулировки в законодательных актах отражают очень широкие и упрощённые представления о функциях, задачах и целях языковой политики Российской Федерации, что не даёт в полной мере развиваться данному направлению как на политическом, так и на научном уровне.

Касательно вопроса развития языковой политики в РФ, стоит рассмотреть некоторые аспекты, приведённые в статье А.Н. Биткеевой (Биткеева, 2021). Данное направление законотворческой деятельности имеет несколько моделей, рассмотренных исследователем:

- **однокомпонентная модель** – языковая политика с разными формами существования русского языка;
- **двухкомпонентная модель** – русский язык + республиканский государственный язык;
- **трехкомпонентная модель** – русский язык + два республиканских государственных языка;
- **многокомпонентная модель** – русский язык + три и более языков;
- **дифференциальная модель** – языковая политика в области функционирования языков малых народов, а также мигрантов.

Данная классификация подводит нас к нескольким сценариям развития языковой политики, их также рассмотрела А.Н. Биткеева (Биткеева, 2021).

Сценарий политики языковой гегемонии, в котором устанавливается непоколебимый авторитет одного языка над другими (в данном случае, русского), и, таким образом, осуществляется давление на национальные группы.

Сценарий полилингвальной языковой политики – благоприятный сценарий для сохранения соотношения языков малых народностей, в котором в первую очередь выделяется роль образования как фактора развития языков.

Сценарий экологичной, либеральной языковой политики, который гарантирует равноправие языков во всех сферах и представляется наиболее благоприятным, но, по мнению Биткеевой, утопичным.

Если рассматривать такие сценарии с точки зрения статьи Д.В. Кадочникова (Кадочников, 2019), можно констатировать факт, что на данный момент вектор развития языковой политики приближается к сценарию **языковой монополии**, так как законы не обеспечивают должного функционирования языков малых народов на территории республик, при этом поддерживая гегемонию русского языка.

Помимо языковой политики, российские учёные приписывают экономике языка и маркетинговый дискурс. Маркетинг в современных технологических информационных реалиях представляется одним из важнейших источников формирования общественного мнения и потребительского спроса, а маркетинговое языкознание нацелено на составление, использование и анализ рекламного текста. Анализируя Алтайский край с точки зрения экономики языка, Н.В. Халина (Халина, 2016) выделяет человеческий капитал как движущую силу маркетинга, так как он согласуется с парадигмой выживания Линна, где индивид ведёт себя в социуме подобно маркетинговой модели самого себя.

Язык в маркетинговом контексте рассматривается как семиотический ресурс, обладающий коммерческой ценностью, отсюда складывается ещё один процесс, исследуемый в экономике языка – коммерциализация языка, которая происходит в сферах образования (онлайн-курсы по изучению иностранных языков, высшее образование, кружки), в самом маркетинге (названия брендов, конкретных продуктов, использование букв в логотипах и др.). В этой связи маркетинг представляется ещё одним вектором изучения экономики языка. А.И. Едличко (Удличко, 2017) подчёркивает в данном направлении гегемонию английского языка, выделяя при этом факторы исторические, политико-экономические, информационные и лингвистические. Экономический фактор заключается в финансовой поддержке языка политическими организациями. Такой подход создаёт также базу для создания многоязычной среды в Евросоюзе, что является для них ценностью. Здесь снова встаёт вопрос о поддержке многоязычия в Российской Федерации и отсутствие подобной практики. Отмечая ранее рассмотренного Грина (Грена), **плюрилингвизм** Европы является основополагающим фактором взаимодействия стран Евросоюза. Прикладывая данный опыт к России, можно создать устойчивую маркетинговую систему, основанную на лингвистических изысканиях с экономическим уклоном.

Связь экономики языка с гуманитарной инновационной политикой: международные подходы и российская перспектива

Современная гуманитарная политика в области языка и культуры тесно связана с концептом инновационного развития, которое трактуется всё шире – не только как технологический прогресс, но и как способность общества вырабатывать новые культурные и языковые практики, адаптируясь к вызовам глобализации, цифровизации и миграционной динамики. В этом контексте экономика языка становится не только предметом лингвистического или социоэкономического анализа, но и элементом более широкой системы оценки гуманитарного инновационного потенциала региона.

В мировой практике устойчиво используется ряд индексов, позволяющих косвенно или прямо учитывать языковую и культурную составляющую в инновационных стратегиях. В Global Innovation Index, как отмечают Е.А. Васюта и Т.В. Подольская (Васюта, Подольская, 2023), языковая среда, образование, цифровой контент и креативная активность населения формируют два блока оценки, такие как «Человеческий капитал и исследования» и «Развитие творческой деятельности». Они включают показатели НИОКР, нематериальные активы, креативность товаров и услуг, онлайн-креативность, образования – сфер, зависимых от языковой политики государства и региона.

Аналогично, в European Innovation Scoreboard и его региональном варианте Regional Innovation Scoreboard выделяются блоки, включающие такие гуманитарно значимые аспекты, как уровень образования, доступ к цифровым сервисам и использование ИКТ. Несмотря на отсутствие языковых индикаторов в этих индексах, они создают пространство для интеграции параметров, связанных с многоязычием, медиаграмотностью, уровнем коммуникационной доступности и культурной вовлечённости населения.

В системе Индекса человеческого развития (HDI) и его производных – IHDI, GII, MPI – языковая политика также может быть опосредованно включена через индикаторы образования и культурной среды. Согласно исследованию О.Н. Горбуновой и М.А. Гегамян, эти методики создают аналитический фундамент для гуманитарной оценки потенциала общества, в том числе в контексте социального равенства, культурного доступа и устойчивого развития (Горбунова, Гегамян, 2013).

Российская перспектива требует адаптации этих подходов с учётом социокультурного и языкового разнообразия регионов. Развитие экономики языка в контексте региональной политики может быть представлено через такие макроуровни, как:

- институциональная поддержка языковой политики;
- образовательная и научная инфраструктура, поддерживающая многоязычие;
- культурно-медийное присутствие родных языков;
- уровень медиаграмотности и цифровой доступности гуманитарного контента (Королёв, 2025).

Включение параметра экономики языка и его производных в систему региональной оценки позволяет расширить классические экономические и инновационные модели за счёт гуманитарных индикаторов, в том числе – языковых. Инновационный потенциал региона зависит как от экономических, так и от языковых, культурных, социальных факторов, в связи с чем комплексная оценка ситуации в регионах представляется необходимостью.

Заключение

Результаты исследования показывают, что экономика языка является необходимым компонентом современ-

ной языковой и экономической ситуации Российской Федерации, так как затрагивает многие аспекты социально-экономической сферы нашей страны. Несмотря на скептицизм, проявляемый к этой научно-прикладной сфере, изученные статьи продемонстрировали направления её применения. Можно выделить следующие:

- законодательство в сфере языковой политики РФ;
- функционирование и состояние языков малых народностей и русского языка;
- трудовая деятельность;
- обеспечение социальных отношений в зависимости от языка общения;
- создание эффективных моделей соотношения государственных и национальных языков;
- функционирование экономики в полиязычном пространстве;
- лингвомаркетология (Королёв, 2025).

Для эффективности и оправданности изучения экономики языка в вышеперечисленных вопросах, необходимо не только повысить видимость сферы среди учёных и политиков, но и **создать конкретный орган власти, организацию, которая будет заниматься лингвистической экспертизой в различных субъектах РФ.**

Учитывая тенденции интеграции гуманитарных и инновационных подходов к оценке развития регионов, необходимо рассматривать экономику языка как одно из направлений гуманитарного анализа, способного предложить конкретные метрики, применимые в статистике и региональном планировании. Потенциал этой дисциплины может быть реализован в рамках методики оценки гуманитарного инновационного потенциала субъектов РФ, в частности – при анализе языковой политики, культурной активности, образовательных стратегий регионов и медиаприсутствия национальных языков.

Таким образом, институционализация дискурса экономики языка в научной и управленческой практике может способствовать более комплексному подходу к анализу языковых процессов в контексте регионального развития. Применение методов экономики языка в оценке инновационного потенциала регионов Российской Федерации позволит решить многие экономические и социокультурные проблемы России, консолидируя и направляя усилия исследователей и учёных из разных научных сфер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биткеева А.Н., Языковая политика // Социолингвистика. 2021. №2 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-1>
2. Васюта Е.А., Подольская Т.В., Тренды инновационного развития экономик стран мира и приоритетные направления для России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trendy-innovatsionnogo-razvitiya-ekonomik-stran-mira-i-prioritetnye-napravleniya-dlya-rossii>
3. Горбунова О.Н., Гегамян М.А., ИЧР: методологии расчета, показатели и индикаторы // Социально-экономические явления и процессы. 2013. №3 (049). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ichr-metodologii-rascheta-pokazateli-i-indikatory>

4. Едличко А.И., Коммерциализация языка в аспекте языковой политики государства // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommertsializatsiya-yazyka-v-aspekte-yazykovoy-politiki-gosudarstva>
5. Кадочников Д.В., Цели и задачи языковой политики и проблемы социально-экономического развития России // Пространство экономики. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tseli-i-zadachi-yazykovoy-politiki-i-problemy-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii>
6. Королев А.И., Концептуальные основы формирования современной региональной инновационной политики в России // Инновации и инвестиции. 2025. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-formirovaniya-sovremennoy-regionalnoy-innovatsionnoy-politiki-v-rossii>
7. Халина Н.В., Экономика языка Алтайского края как способ определения когнитивной жизнеспособности территории // Евразийский Союз Ученых. 2016. №4-4 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-yazyka-altayskogo-kрая-kak-sposob-opredeleniya-kognitivnoy-zhiznesposobnosti-territorii>
8. Хилханова Э.В., Экономика языка и многоязычие: опыт исследования в Татарстане // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-yazyka-i-mnogoyazychie-opyt-issledovaniya-v-tatarstane>
9. Carlile W.W., "The Language of Economics." *Journal of Political Economy*, vol. 17, no. 7, 1909, pp. 434–47. JSTOR, <http://www.jstor.org/stable/1820883>.
10. Chiswick B.R. The Economics of Language: An Introduction and Overview // Discussion Paper. – University of Illinois at Chicago and IZA – No. 3568. June. – 2008
11. Grin F., "The Economics of Language: Match or Mismatch?" *International Political Science Review / Revue Internationale de Science Politique*, vol. 15, no. 1, 1994, pp. 25–42. JSTOR, <http://www.jstor.org/stable/1601229>.
12. Gunaruwan T.L., Sasini T.K. Kulatunga, "Economics of Language Usage and the Impact of Value Origination." *Journal of the Royal Asiatic Society of Sri Lanka*, vol. 57, no. 2, 2012, pp. 185–97. JSTOR, <http://www.jstor.org/stable/43855212>.

© Юдина Наталья Владимировна (nvyudina@fa.ru), Камашев Иван Ильич (tugezakam@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

- Abdullina L.** – Applicant, Orenburg State University
- Antipov O.** – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, K.I. Skryabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine, and Biotechnology
- Ayvazyan O.** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism, Krasnodar
- Barangov A.** – associate of adjunct, and doctoral studies, Military Research Center, Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint Petersburg
- Belenkaya E.** – Senior Lecturer, Melitopol State University, Melitopol
- Butorova O.** – senior lecturer, Peoples' Friendship University of Russia
- Demchenko N.** – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Nevinnomysk State Institute of Humanities and Technology
- Efimenko A.** – graduate student, Ufa University of Science and Technology
- Ermolova K.** – Postgraduate Student, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education State University of Education, Moscow
- Fayzullin S.** – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, M. Khasanov Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan
- Fedoseeva T.** – Senior lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
- Gabdullin R.** – The applicant, Department of Pedagogy, Ural State University of Physical Education, Chelyabinsk
- Galtsova D.** – Lecturer at the Voronezh State University
- Gezha R.** – Senior Lecturer, K.I. Skryabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine, and Biotechnology
- Gulyaeva T.** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism, Krasnodar
- Ionova A.** – Senior Lecturer, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don
- Kamashev I.** – Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Our authors

- Karmova M.** – Candidate of Philological Sciences, Senior lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
- Khilchenko M.** – applicant, teacher, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
- Kopytko V.** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
- Kozlov V.** – Candidate of Pedagogical Sciences, Federal State Treasury Military Educational Institution of Higher Education Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation
- Krapivnik L.** – Doctor of Philology, Professor, Pacific National University, Khabarovsk
- Kravtsova E.** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kursk State Medical University
- Kudina Ya.** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Nevinnomysk State Institute of Humanities and Technology
- Kulikova M.** – Lecturer, K.I. Skryabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine, and Biotechnology
- Kurenkova E.** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Educational Institution of Higher Education
- Kuzmin A.** – Doctor of Pedagogics, Ural State University of Physical Education, Chelyabinsk
- Lebedev S.** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev
- Levchenko E.** – Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kursk State Medical University
- Limanova A.** – Nevinnomysk State Institute of Humanities and Technology
- Logina M.** – senior lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
- Loov A.** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, V.M. Kokov Kabardino-Balkarian State Agrarian University, Nalchik
- Lutsyuk V.** – Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor, K.I. Skryabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine, and Biotechnology

Matsakova V. – Candidate of Historical Sciences, Military University named Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

Mikloshevich K. – Head of Postgraduate Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Nain A. – Doctor of Pedagogics, Professor, Ural State University of Physical Education, Chelyabinsk

Nevolina V. – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Orenburg State University

Nyurksne L. – Senior Lecturer, K.I. Skryabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine, and Biotechnology

Parniuk N. – Teacher, Melitopol State University

Pershin Y. – Senior Lecturer, K.I. Skryabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine, and Biotechnology

Plekhanov A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ryazan State agrotechnology university named after P.A. Kostychev

Popenkov O. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Prince Alexander Nevsky Military University, Moscow

Pospelova O. – Postgraduate Student, Russian State University for the Humanities (Moscow)

Pupyreva S. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kazan Federal University

Ren Jizhao – Postgraduate student, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow

Ruban E. – Senior lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Melitopol State University"

Safonov K. – Doctor of Science (Sociology), professor, Tula State University

Shakalov I. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism, Krasnodar; Deputy, Krasnoarmeysky District of the Krasnodar Territory; General Director, Krasnodar Territory Development Fund, Krasnodar

Shakiryaynov L. – Candidate of Philological Sciences, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa

Shashkova V. – Lecturer, Northern State Medical University, Arkhangelsk

Shmakov E. – teacher-organizer, Children's School of Arts No. 1 named after M.P. Mussorgsky, Tver

Shogenova M. – Kabardino-Balkarian State University, Nalchik

Shtukin N. – Senior Lecturer, K.I. Skryabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine, and Biotechnology

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University, Barnaul

Stepanov V. – Rector, Candidate of Pedagogical Sciences, Altai Economics and Law Institute

Stepanova N. – Candidate of Technical Sciences, Senior Researcher, JSC NPF Information and Network Technologies

Subachev Yu. – Prince A. Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Sukhanova E. – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, K.I. Skryabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine, and Biotechnology

Surkov A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, K.I. Skryabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine, and Biotechnology

Teterkina O. – Senior Teacher, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Timerbulatov T. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Bashkiria Institute of Social Technologies (branch), Educational Institution of Trade Unions of Higher Education Academy of Labor and Social Relations

Tolkunova M. – Senior lecturer, The State University of Management, Moscow

Tolochko A. – Candidate of Historical Sciences, Lecturer, A.F. Mozhaysky Military Space Academy

Tyurin A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

Valeeva A. – Postgraduate student, Ufa University of Science and Technology

Valiullin I. – candidate of historical sciences, senior researcher, Institute of tatar encyclopedia and regional studies named after M.Khasanov of the Academy of sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan)

Varvarikov D. – Assistant, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk

Yudina N. – Doctor of Philology, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Yusupov R. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ufa University of Science and Technology

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauuteh.ru).